Ф. Фредерикс

189⁶/₇..

КРАТКІЕ ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

КУРСЪ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

СОСТАВИЛЪ

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

ИЗДАНІЕ ТРИДЦАТОЕ.

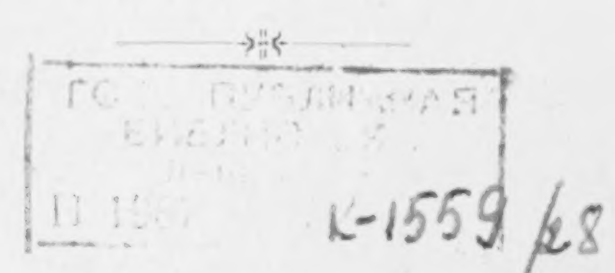

МОСКВА.
Типо-лит. Высоч. утв. Тва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1895.

Въ послѣднихъ изданіяхъ своихъ историческихъ руководствъ авторъ, во-первыхъ, оттѣняетъ курсивомъ наиболѣе существенныя мѣста, долженствующія быть закрѣпленными въ памяти учащихся. Во-вторыхъ, въ концѣ книги онъ присоединяетъ образцы вопросовъ, которые предлагаетъ на усмотрѣніе учащихъ при повтореніи предмета.

Авторъ вновь напоминаетъ, что въ его руководствахъ подробности, отмѣченныя особымъ шрифтомъ или необязательныя по программѣ, предоставляются также усмотрѣнію преподавателей или любознательности учениковъ. Программы могутъ видоизмѣняться, смотря по требованіямъ и обстоятельствамъ; тогда какъ *руководство*, особенно назначенное для старшаго возраста учащихся, *должно представлять возможную при его объемѣ полноту и округленность сообщаемыхъ свѣдѣній*, а также извѣстное соотвѣтствіе своихъ частей, основанное на ихъ относительномъ научномъ значеніи *).

*) Для примѣра укажу на параграфъ, заключающій русскую «исторіографію въ XVIII и XIX вв.» (V глава Третьяго отдѣленія). Понятно что длинный рядъ приводимыхъ здѣсь ученыхъ и литературныхъ трудовъ назначается не для заучиванія наизусть, а для справокъ и полноты свѣдѣній.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

РУСЬ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАЯ

или

ДРУЖИННО-КНЯЖЕСКАЯ.

1. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И НАЧАЛО РУСИ.

865—957—972—988—1015—1054.

Характеръ страны. Восточная половина Европы имѣетъ видъ сплошной однообразной равнины, предѣлы которой ограничиваются четырьмя морями (Бѣлое, Балт., Черное и Касп.) и тремя горными хребтами (Уралъ, Кавказъ и Карпаты). Такая форма поверхности, не представляющая внутреннихъ естественныхъ преградъ, не мало способствовала образованію на ней одного обширнаго государства. Только въ средней полосѣ этой равнины почва поднимается, и поверхность получаетъ холмистое очертаніе (Алаунская возвышенность). Здѣсь берутъ начало главныя рѣки, которыя въ сопровожденіи безчисленныхъ притоковъ направляются къ четыремъ упомянутымъ морямъ. Обиліе рѣчныхъ водъ имѣло весьма важное вліяніе на исторію страны: по теченію рѣкъ селились племена и распространялась гражданственность; рѣки служили главнымъ средствомъ сообщенія. Тысячу лѣтъ тому назадъ вся сѣверная половина Россіи, отличавшаяся климатомъ холоднымъ и суровымъ, была покрыта дремучими лѣсами, многочисленными озерами и болотами; а въ южной половинѣ залегали обширныя степи, мѣстами поросшія высокою травой, мѣстами песчаныя и солонцеватыя. На востокѣ, между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ, русскія степи сливаются съ великою равниной Средней Азіи, откуда безпрепятственно всегда приходили кочевые азіатскіе народы.

Возвышенная средняя полоса Русской равнины, извѣстная подъ общимъ названіемъ Алаунскаго пространства, приблизительно можетъ быть обозначена слѣдующими предѣлами. Сѣверозападный уголъ ея составляетъ Валдайское плоскогорье. Это область источниковъ; тутъ между холмовъ залегаютъ небольшія озера, изъ которыхъ берутъ свое начало три главныя рѣки Европейской Россіи: Волга, Днѣпръ и Западная Двина. Отъ Валдайскихъ горъ граница Алаунской плоскости направляется къ югу по теченію Днѣпра. Въ окрестностяхъ Кіева и далѣе Алаунская плоскость примыкаетъ къ отрогамъ Карпатъ (Авратынскія горы) и простирается до знаменитыхъ Днѣпровскихъ пороговъ. На западъ отъ средняго теченія Днѣпра раскинулось низменное пространство, извѣстное своимъ обиліемъ водъ и лѣсовъ; это бассейнъ рѣки Припети (знаменитыя Пинскія болота и огромныя пущи). На юго-востокѣ Алаунская плоскость ограничивается среднимъ теченіемъ Волги, гдѣ (преимущественно около Саратова) соединяется съ отраслями Уральскихъ горъ (Общій Сыртъ). А на сѣверо-востокѣ она заканчивается низкими хребтами или «увалами», которые служатъ водораздѣломъ Волжскаго бассейна отъ рѣкъ, текущихъ въ Сѣверный океанъ, и постепенно сливаются съ Уральскимъ хребтомъ.

Пространство, заключенное между означенными предѣлами, до временъ Петра служило главнымъ поприщемъ Русской исторіи. Исторія сія возникла сначала въ Кіевѣ. Потомъ центръ Русской жизни удалился на сѣверо-востокъ, въ землю Владиміро-Суздальскую, гдѣ окончательно сосредоточился вокругъ Москвы. Эта земля, расположенная между Окою и верхнимъ теченіемъ Волги, сдѣлалась родиною Великорусскаго племени. Довольно теплый климатъ и богатые пласты чернозема, отличающіе южную часть Алаунскаго пространства, способствовали развитію преимущественно земледѣльческаго быта въ населеніи Южнорусскомъ или Малорусскомъ; близкое сосѣдство степей и хищныхъ ордъ не благопріятствовало тамъ утвержденію прочнаго государственнаго порядка и успѣхамъ гражданственности. Между тѣмъ, Великорусское племя, занявшее страну съ климатомъ довольно суровымъ, съ почвою, требующею большого труда для своей обработки, но за то богатою судоходными рѣками, выработало предпріимчивый, энергическій характеръ и способность къ разносторонней дѣятельности. *Здѣсь выросъ и окрѣпъ нашъ государственный порядокъ.*

Древнѣйшая исторія нашей равнины начинается на югѣ. Еще задолго до Рождества Христова берега Чернаго и Азовскаго морей были заселены цвѣтущими греческими колоніями. Самыя замѣчательныя изъ нихъ: Ольвія—при устьѣ Буга, Пантикапея, столица Боспорскаго царства—на мѣстѣ Керчи, Херсонесъ Таврическій (Корсунь) — подлѣ Севастополя и Танаисъ — на устьяхъ Дона. Въ сосѣднихъ степяхъ господствовалъ многочисленный кочевой народъ Скиѳы. Памятникомъ этого народа считаются

курганы, которыми усѣяна вся южная полоса Россіи; многіе изъ нихъ разрыты; тамъ найдены человѣческіе остовы и разныя металлическія вещи; это такъ называемыя скиѳскія могилы. (На многихъ курганахъ встрѣчались грубо изваянныя человѣческія статуи; сіи загадочные истуканы извѣстны у насъ подъ именемъ каменныхъ бабъ; повидимому они не скиѳскаго происхожденія). Къ сѣверу отъ Скиѳовъ и такъ называемыхъ Сарматъ, по темнымъ извѣстіямъ древнихъ писателей, жили: Невры, Андрофаги или Людоѣды, Меланхлены или Черные плащи, Гелоны, Будины и др. Но о нихъ ходили только баснословные разсказы между Греками и Римлянами. Говорили, напримѣръ, что на самомъ далекомъ сѣверѣ, гдѣ-то у полюса, обитаетъ блаженный народъ Гиперборей, которые питаются сокомъ цвѣтовъ и росою, живутъ по нѣскольку вѣковъ и наконецъ сами прекращаютъ свою жизнь, повергаясь въ морскія волны [1]).

После Рождества Христова между Балтійскимъ и Чернымъ морями нѣкоторое время господствовало германское племя Готы. Потомъ въ странѣ Скиѳовъ появляются новые кочевые народы, пришедшіе изъ-за Дона и Волги; они впрочемъ не долго остаются здѣсь и уходятъ далѣе на западъ; таковы Гунны, Авары и Угры.

При началѣ Русской исторіи, т.-е. въ IX в. по Р. X., Восточную Европу населяли слѣдующіе народы:

1. Славяне. Они составляютъ восточную отрасль великаго Славянскаго племени, которое съ незапамятныхъ временъ разселилось на огромномъ пространствѣ отъ верхней Волги до Адріатическаго моря. Русскіе Славяне занимали широкую полосу земли отъ озеръ Ильменя и Чудского до низовьевъ Днѣпра и Днѣстра. Они разселились отдѣльными группами или племенами, изъ которыхъ наиболѣе значительныя, по словамъ лѣтописца, были: Поляне или собственно *Русь*—по среднему теченію Днѣпра; сосѣди ихъ Древляне по южнымъ притокамъ р. Припети, и Кривичи—самое обширное племя, обитавшее по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины, Волги и около озера Ильменя. На востокѣ отъ Днѣпра жили: Сѣверяне, Радимичи и Вятичи. Восточ-

---

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ народовъ по всей вѣроятности были финскія племена, которыя мы тамъ встрѣчаемъ позднѣе, но подъ иными названіями. Напримѣръ, въ Андрофагахъ думаютъ видѣть Самоѣдовъ, а въ Меланхленахъ финское племя Эстовъ, у котораго до сихъ поръ черный цвѣтъ преобладаетъ въ одеждѣ. Подъ именемъ Скиѳовъ и Сарматъ надобно разумѣть народы Арійской семьи (а не Монгольской, какъ думали прежде). Часть Скиѳовъ вѣроятно принадлежала къ Германскому племени (т.-е. восточной или Готской его вѣтви), а Сарматы главнымъ образомъ къ Славяно-Литовскому.

ные Славяне имѣли у себя многіе города. Такъ, въ странѣ Кривичей мы находимъ: Смоленскъ, Полоцкъ и знаменитый Новгородъ при истокахъ р. Волхова; въ странѣ Сѣверянъ, Черниговъ; а у Полянъ былъ городъ Кіевъ, расположенный на высокомъ правомъ берегу Днѣпра. (Баснословное преданіе приписывало основаніе Кіева тремъ братьямъ: Кію, Щеку и Хориву).

Поселенія Славянъ были разсѣяны на обширныхъ пространствахъ, преимущественно по берегамъ озеръ и рѣкъ. Ихъ племена распадались на отдѣльные роды, во главѣ которыхъ стояли родоначальники или старѣйшины. Эти старѣйшины сходились вмѣстѣ и составляли вѣче, на которомъ они разсуждали о дѣлахъ, касающихся всего округа или города. Но кромѣ вѣча у Славянъ издревле встрѣчается и княжеское достоинство. Князь былъ верховнымъ судьей и предводителемъ на войнѣ. Городами назывались тѣ селенія, которыя были огорожены землянымъ валомъ и рвомъ для защиты отъ непріятелей.

Славяне отличались высокимъ ростомъ, русымъ цвѣтомъ волосъ, румянымъ лицомъ и сѣрыми глазами. По своему суровому образу жизни они съ ранней молодости привыкали легко переносить холодъ, жаръ и недостатокъ въ пищѣ. Характеръ ихъ представлялъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ: съ одной стороны они были храбры, добродушны и гостепріимны (позволялось даже украсть у сосѣда, чтобы угостить странника); съ другой — неопрятны и склонны къ раздорамъ между собою. Вооруженіе ихъ состояло изъ деревяннаго щита, короткихъ копій и стрѣлъ, намазанныхъ иногда ядомъ; они любили сражаться не дружною толпою, а въ разсыпную [2]). Женщины у Славянъ занимали такое же подчиненное положеніе, какъ и у другихъ необразованныхъ народовъ. Невѣсту обыкновенно похищали и потомъ платили за нее родителямъ вѣно. Существовалъ также обычай многоженства, и послѣ смерти мужа одна изъ его женъ должна была слѣдовать за нимъ въ могилу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

[2]) Изъ иностранныхъ писателей, у которыхъ встрѣчаются извѣстія о бытѣ Славянъ, наиболѣе замѣчательны: Іорнандъ, готскій историкъ, и Прокопій византійскій; оба жили въ VI вѣкѣ. Русскіе Славяне у нихъ по большей части называются Анты.

мертвеца сожигали на кострѣ: пепелъ его собирали въ сосудъ и насыпали надъ нимъ курганъ, или ставили на столбѣ, гдѣ сходилось нѣсколько дорогъ. Погребеніе сопровождалось тризною (поминки), которая состояла въ пиршествахъ и разныхъ воинственныхъ играхъ. Для огражденія личной безопасности существовалъ свойственный необразованнымъ народамъ обычай кровавой мести, т.-е. родственники убитаго должны были мстить смертію убійцѣ. Главнымъ средствомъ пропитанія служили скотоводство и охота; рѣки и озера изобиловали рыбою, а лѣса дикими животными; но и земледѣліе въ IX столѣтіи уже было распространено между Славянами. Кіевскіе Славяне, т.-е. Поляне, были образованнѣе другихъ соплеменниковъ и находились въ то время уже въ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними народами.

2. Литва. Къ западу отъ Кривичей въ области Западной Двины, Нѣмана и нижней Вислы жило племя Литовское. Языкъ этого племени свидѣтельствуетъ, что оно было родственно Славянамъ.

3. Финны. Весь сѣверъ Россіи отъ Балтійскаго моря до Уральскихъ горъ занимало Финское или Чудское поколѣніе. Нѣкогда Финны обитали гораздо южнѣе, но Славянскими и другими народами они были отодвинуты далѣе на сѣверъ. Главныя финскія племена: Чудь, около Финскаго залива; далѣе по верхнему и среднему теченію Волги Весь, Меря, Мурома и Мордва. По верховьямъ Сѣверной Двины и Камы лежала область народа Пермь (Біармія — въ скандинавскихъ сагахъ; Пермское племя иначе называется Зырянами). Языкъ Финновъ указываетъ на ихъ общее происхожденіе съ народами Тюркскаго племени, родиной котораго почитаются Алтайскія горы. Разсѣянные небольшими группами, въ странахъ холодныхъ, лѣсистыхъ и чрезвычайно болотистыхъ, они съ трудомъ доставали себѣ средства пропитанія, употребляя въ пищу даже древесную кору и мясо нечистыхъ животныхъ.

Языческая религія Финновъ представляетъ простое обожаніе предметовъ видимой природы. Наибольшимъ почитаніемъ пользуется у нихъ Юмала или Укко—божество неба, грома и молніи. Уже въ отдаленныя времена у Финновъ встрѣчаются идолы, сдѣланные изъ

дерева или камня и имѣвшіе грубое подобіе человѣка. Посредниками между людьми и богами у Финновъ почитались шаманы, имѣвшіе характеръ чародѣевъ или заклинателей—родъ жреческаго сословія, находящагося на первыхъ ступеняхъ развитія (въ русскихъ лѣтописяхъ они извѣстны подъ общимъ именемъ «волхвовъ»). Финны представляются вообще племенемъ очень бѣднымъ, скудно одареннымъ физическими и духовными силами; они такъ же некрасивы и угрюмы, какъ ихъ сѣверная природа. Пѣсни финскія (или руны) обнаруживаютъ довольно богатую, хотя и безпорядочную, фантазію и наклонность этого племени къ мирной, домашней жизни. Замѣчательно, что главные герои этихъ эпическихъ сказаній являются по большей части колдунами, пѣвцами или искусными кузнецами. (Таковы три героя финскаго эпоса, извѣстнаго подъ именемъ Калевалы: старый мудрецъ Вейнемейненъ, кузнецъ Ильмариненъ и пѣвецъ Леминкейненъ). Дѣйствительно, кузнечное ремесло было распространено между Финнами.

4. **Турецко-татарскіе народы**. Юговостокъ Россіи занимали народы частію Тюркскаго племени, частію другихъ племенъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны Козары и Болгары. Послѣдніе, получившіе названіе отъ рѣки Волги, составляли смѣсь Славянъ съ финскими и отчасти тюркскими народами. Они приняли магометанскую религію, вошли въ торговыя сношенія съ азіатскими государствами и достигли нѣкоторой степени гражданственности; въ ихъ землѣ было нѣсколько промышленныхъ городовъ; особенно славились Великіе Болгары, на лѣвомъ берегу Волги, пониже Камскаго устья. Болѣе обширное и могущественное государство составили Козары, также смѣшанный народъ, но подчиненные одному верховному повелителю или кагану, который вмѣстѣ съ своей семьей исповѣдывалъ іудейскую религію. Козары отчасти вели кочевой образъ жизни и располагались въ кибиткахъ, отчасти жили въ городахъ. Главнымъ городомъ у Козаръ былъ Итиль, лежавшій на нижней Волгѣ, сюда изъ отдаленныхъ странъ Европы и Азіи стекались купцы со своими товарами. Козары притѣсняли нѣкоторыя сосѣднія племена Славянъ и брали съ нихъ дань.

Кромѣ того въ степяхъ Приуральскихъ и Прикаспійскихъ обитали турецкія кочевыя орды, которыя тѣснили другъ друга и впослѣдствіи переселялись въ Южную Россію или подвигались далѣе на западъ; таковы Печенѣги, Торки, Половцы и другіе.

Происхожденіе Русскаго государства. Въ 865 году, въ царствованіе византійскаго императора Михаила III, Константинополь подвергся внезапному нападенію языческаго народа, пришедшаго изъ Скиѳіи, т.-е. отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Этотъ скиѳскій народъ назывался *Рось* или *Русь*. На 200 ладьяхъ Русь проникла въ Босноръ Ѳракійскій, обступила Царьградъ и начала разорять его окрестности. Императоръ Михаилъ въ то время съ византійскими легіонами находился въ Азіи, гдѣ онъ воевалъ противъ Арабовъ. Получивъ извѣстіе о нападеніи Руси, онъ спѣшилъ въ столицу. Патріархъ Фотій взялъ изъ Влахерискаго храма чудотворную ризу Богородицы и совершилъ съ нею крестный ходъ вокругъ стѣнъ. Непріятельскій флотъ удалился. Вслѣдъ затѣмъ къ этому языческому народу отправлены были греческіе миссіонеры, которымъ и удалось окрестить многихъ Руссовъ.

Со времени нападенія на Константинополь имя Рось пріобрѣло извѣстность, и объ этомъ народѣ заговорили византійскія хроники. Изъ нихъ и наши лѣтописи почерпнули сіе извѣстіе, и отсюда начали вести свое повѣствованіе о Руси.

Чтобы объяснить происхожденіе Русскаго государства и появленіе Руси подъ Царьградомъ въ 865 году, лѣтописцы наши приводили слѣдующіе баснословные разсказы:

Въ то время, какъ южные Славяне платили дань Козарамъ, сѣверные или Новгородскіе Славяне терпѣли отъ нападенія *Варяговъ*. (Такъ назывались у насъ Норманны, т. е. народы Сѣверной Европы, преимущественно Скандинавы). Нѣкоторое время Варяги брали дань на Славянахъ Новгородскихъ и сосѣднихъ съ ними Финнахъ; потомъ покоренныя племена общими силами прогнали чужеземцевъ. Но у Славянъ произошли сильные внутренніе раздоры; родъ возсталъ на родъ. Тогда, для устройства порядка и безопасности, они рѣшились призвать князей изъ чужой земли. (Есть еще сказаніе, что такое рѣшеніе было принято по совѣту новгородскаго старѣйшины Гостомысла). Въ 862 году послы славянскіе отправились за море къ варяжскому племени Русь и сказали: «Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами». Три брата приняли это предложеніе и явились со своими дружинами. Старшій изъ нихъ, Рюрикъ, поселился въ Новгородѣ, второй, Синеусъ, на Бѣлоозерѣ, третій, Труворъ, въ Изборскѣ. Отъ нихъ будто бы и земля наша стала называться Русью. Спустя два года, братья Рюрика умерли; онъ одинъ началъ владѣть Новгородскою областью и роздалъ важнѣйшіе

города въ управленіе своимъ мужамъ. Но у него были еще два мужа, Аскольдъ и Диръ, которые со своею дружиной отпросились въ Царьградъ и пошли туда по Греческому водному пути [3]). Дорогою они заняли Кіевъ, освободили Полянъ отъ козарской дани и начали господствовать въ ихъ землѣ. Эти два витязя снарядили 200 лодокъ и сдѣлали (упомянутый выше) набѣгъ на Византію въ 865 году; но буря разсѣяла ихъ флотъ и они безъ успѣха воротились въ Кіевъ. Впослѣдствіи Кіевское княженіе было отнято у нихъ Олегомъ. Этотъ Олегъ былъ родственникъ Рюрика, и послѣ его смерти (879 г.) сдѣлался его преемникомъ по малолѣтству его сына Игоря. Изъ Новгорода онъ двинулся на югъ; покорилъ встрѣчавшіяся ему племена (Кривичей); взялъ Кіевъ и въ послѣднемъ утвердилъ свою столицу, назвавъ его «матерью русскихъ городовъ» [4]). Осюда онъ предпринималъ походы на Славянъ, жившихъ къ востоку и западу отъ Днѣпра (Сѣверянъ, Радимичей и Древлянъ), и наложилъ на нихъ дань.

Эти лѣтописные разсказы долгое время принимались за историческія событія. Различнымъ образомъ рѣшали вопросъ: кто были Руссы и откуда призваны князья? Большинство ученыхъ выводили князей и всю Русь изъ Скандинавіи (вслѣдъ за петербургскими академиками прошлаго столѣтія Байеромъ и Шлецеромъ). Иные ученые выводили Русь изъ другихъ мѣстъ, и преимущественно отъ Балтійскихъ Славянъ изъ Померании. Но въ настоящее время болѣе тщательныя изслѣдованія показываютъ, что упомянутые разсказы должны быть отнесены къ области баснословія. *Лѣтописное преданіе первоначально говорило только о призывѣ Русью и другими племенами князей изъ Варягъ*, *а потомъ* подвергалось искаженію отъ переписчиковъ, такъ что *смѣшало пришлыхъ Варяговъ или Норманновъ съ туземнымъ народомъ Русь.* Варяги только въ X вѣкѣ появляются на Руси какъ наемное войско, и только въ слѣдующемъ XI вѣкѣ они, въ качествѣ наемниковъ, встрѣчаются и въ службѣ византійскихъ импе-

---

[3]) Греческій или Великій водный путь шелъ изъ Финскаго залива на Черное море р. Невою, Ладожскимъ оз., р. Волховомъ, оз. Ильменемъ и р. Ловатью; отсюда волокомъ (т.-е. сухопутьемъ) ѣхали до верхняго Днѣпра. Другая дорога изъ Балтики на Днѣпръ шла по Западной Двинѣ. Днѣпромъ выходили въ Черное море, а потомъ держались около морского берега, и такимъ образомъ достигали Византіи.

[4]) Лѣтописная легенда разсказываетъ при этомъ, что Олегъ овладѣлъ Кіевомъ посредствомъ слѣдующей хитрости. Оставивъ позади главную рать, онъ съ небольшою дружиною, скрытою въ лодкахъ, подошелъ къ городу и послалъ звать Аскольда и Дира на свиданіе съ варяжскими купцами, которые отправляются въ Грецію. Когда тѣ явились, то были тотчасъ окружены непріятелями. „Вы не князья и не княжескаго рода—сказалъ имъ Олегъ,—но я князь“, и, указавъ на маленькаго Игоря, прибавилъ: „а вотъ сынъ Рюрика“. Аскольдъ и Диръ были убиты. (Въ древнемъ Кіевѣ существовали два урочища: Аскольдова могила и Дирова могила, которыя и подали поводъ къ этой легендѣ).

раторовъ подъ именемъ Варанговъ. Никакіе иноземные писатели IX, X и XI вѣковъ, сообщающіе извѣстія о Руси, ничего не знаютъ о призваніи князей и говорятъ о Руссахъ, какъ о великомъ туземномъ народѣ [5]). Русь является племенемъ не только туземнымъ, но и Славянскимъ, на что ясно указываютъ ея поклоненіе Перуну и другимъ славянскимъ божествамъ, а также ея славянскій языкъ, памятникомъ котораго служатъ дошедшіе до насъ договоры съ Греками.

Русь издревле обитала въ странѣ между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ; она упоминается у греческихъ и латинскихъ писателей до VI вѣка включительно подъ именемъ сарматскаго народа *Роксоланъ* или *Россоланъ*. Въ слѣдующіе затѣмъ вѣка (весьма скудные по отношенію къ историческимъ извѣстіямъ) россоланскіе или русскіе князья и ихъ храбрыя дружины, по всей вѣроятности, были заняты упорною борьбой съ сосѣдними народами, какъ славянскими, такъ и иноплеменными (особенно съ Уграми и Аварами). *Мало-по-малу Русь подчинила себѣ нѣкоторыя славянскія племена и образовала сильное государство, центромъ котораго сдѣлался Кіевъ.* Иностранныя свидѣтельства (именно арабскія) говорятъ, что Руссы были высокаго роста, статны, свѣтлорусы, носили короткіе плащи, сѣкиры и широкіе обоюдуострые мечи съ волнообразнымъ лезвіемъ. Исполненные отваги и энергіи, они являются не только воинственнымъ, но и торговымъ народомъ; уже въ IX вѣкѣ мы встрѣчаемъ русскихъ торговцевъ или гостей не только въ Константинополѣ и въ Козарскомъ Итилѣ, но даже въ дунайскомъ Регенсбургѣ и въ Багдадѣ (въ послѣднихъ въ первой половинѣ IX вѣка, слѣдовательно еще до такъ наз. призванія Варяговъ). Они были смѣлые мореходы, и на своихъ лодкахъ-однодеревкахъ предпринимали дальнія плаванія по теченію рѣкъ и вдоль морскихъ береговъ. Уже въ первой половинѣ IX вѣка они дѣлаютъ набѣги на черноморскіе берега Анатоліи и Тавриды; а въ 865 году подступаютъ къ самому Константинополю; потомъ Дономъ и Волгою проникаютъ въ Каспійское море и подвергаютъ разграбленію его прибрежные мусульманскіе города. Съ тѣхъ поръ русское имя сдѣлалось громкимъ въ Европѣ и въ Азіи.

Въ X вѣкѣ мы видимъ, что владѣнія Руси распространялись на сѣверѣ до береговъ Ладожскаго озера, а на югѣ до Тамани (или Тмутаракани). Всѣ эти земли были объединены подъ властію того княжескаго рода, который си-

---

[5]) Для русской исторіи особенно важны: изъ византійскихъ писателей патріархъ Фотій, Константинъ Багрянородный и Левъ Діаконъ; изъ западныхъ или латинскихъ хронистовъ Ліутирандъ, епископъ Кремонскій, и Дитмаръ, епископъ Мерзебургскій; изъ арабскихъ Ибнъ Фадланъ; изъ скандинавскихъ сагъ Эймундова сага. (Вопросъ о мнимыхъ Варягоруссахъ разсмотрѣнъ въ моей книгѣ *Розысканія о началѣ Руси*).

дѣлъ въ странѣ Полянъ, т.-е. въ Кіевѣ. *Такое объединеніе, конечно, совершилось не вдругъ, а постепенно, цѣлымъ рядомъ энергическихъ, предпріимчивыхъ князей, имена которыхъ большею частію до насъ не дошли.* Первые, несомнѣнно историческіе князья, сидѣвшіе въ Кіевѣ, были Олегъ и Игорь.

Олегъ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ героевъ народныхъ преданій. Не довольствуясь скудною данью славянскихъ народовъ, онъ, по словамъ лѣтописца, будто бы совершилъ морской походъ на Византію; осадилъ самый Царьградъ, и отступилъ только тогда, когда византійскій императоръ (Левъ VI Философъ) заплатилъ ему большой окупъ. Онъ воротился въ Кіевъ съ богатою добычей, которая состояла изъ золота, паволокъ (шелковыя ткани), греческихъ винъ и прочихъ товаровъ. За его необыкновенную удачу народъ прозвалъ его *вѣщимъ*, т.-е. чародѣемъ. Самая смерть его была украшена особымъ преданіемъ: Олегъ будто бы погибъ отъ своего коня, о чемъ заранѣе предсказалъ ему одинъ кудесникъ. Византійскіе историки совсѣмъ не упоминаютъ о его походѣ; но о его сношеніяхъ съ Византіей подтверждаетъ дошедшій до насъ договоръ съ императоромъ Львомъ VI. Этотъ договоръ весьма выгоденъ для русскихъ гостей, торговавшихъ въ Греціи: напримѣръ, они могли покупать въ Константинополѣ товары, не платя за нихъ пошлины.

Игорь. Преемникомъ вѣщаго Олега былъ его родственникъ Игорь (912—940) [6]. Около того времени Угры удалились изъ степей Южной Россіи далѣе на западъ; ихъ вытѣснили хищныя орды Печенѣговъ, которые перекочевали изъ Уральскихъ степей. Печенѣги отличались чрезвычайною дикостью и свирѣпостью. Вооруженные копьями и стрѣлами, ихъ наѣздники стремительно бросались на непріятеля, поднимая страшный крикъ; а въ случаѣ неудачи они тотчасъ показывали ему тылъ и на своихъ быстрыхъ коняхъ легко спасались отъ преслѣдованія. Не только южные предѣлы Руси, но и самый Кіевъ съ тѣхъ поръ находился въ опас-

---

[6]) Хронологическія цифры начальной Русской лѣтописи до временъ Владиміра Великаго могутъ быть приняты только приблизительно.

ности отъ этого хищнаго народа. Торговыя сношенія съ Греками сдѣлались гораздо затруднительнѣе, потому что печенѣжскія шайки около Днѣпровскихъ пороговъ поджидали обыкновенно купеческія суда.

Игорь предпринималъ походъ на Византію; но онъ не имѣлъ успѣха. (Неудачу свою Русскіе приписали т. наз. греческому огню, т.-е. зажигательнымъ снарядамъ, которыми Греки сожгли большую часть Игорева флота). Новый договоръ, заключенный съ Греками, былъ не такъ выгоденъ, какъ прежній: Русскіе послы и гости должны были подвергаться въ Константинополѣ нѣкоторымъ стѣсненіямъ.

Цари Греческіе, подтвердивъ клятвою этотъ договоръ, отправили пословъ въ Кіевъ, чтобы привести къ такой же клятвѣ Игоря и его воиновъ. Дружина княжеская состояла въ то время изъ язычниковъ и христіанъ. Первые вмѣстѣ съ Игоремъ пошли на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ главнаго ихъ бога Перуна. Сложивъ на землю свои щиты, золотые обручи, обнаженные мечи и остальное оружіе, они, въ присутствіи пословъ, произнесли слѣдующую клятву: «Пусть мы не будемъ имѣть помощи отъ Перуна и не укроютъ насъ щиты наши, если задумаемъ разрушить миръ съ Греками; пусть будемъ тогда изрублены своими мечами, погибнемъ отъ собственныхъ стрѣлъ или отъ другого оружія и да будемъ рабами въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ». Между тѣмъ, крещеная Русь присягала именемъ христіанскаго Бога въ соборномъ храмѣ Иліи. Дружба и любовь съ Греками, по словамъ договорной грамоты, должны были сохраняться до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце и стоитъ міръ.

Зависимость покоренныхъ племенъ отъ Кіевскаго князя выражалась преимущественно тѣмъ, что они платили ему ежегодную дань. Для сбора этой дани князья посылали воеводъ или ходили сами съ своею дружиной. Во время одного изъ такихъ походовъ въ Древлянскую землю жители ея возмутились и убили Игоря.

Ольга. Послѣ Игоря княжествомъ управляла его супруга Ольга, потому что сынъ Святославъ былъ еще малолѣтенъ. Совершивъ кровавую месть надъ убійцами своего мужа, она усмирила непокорныхъ Древлянъ и сожгла ихъ главный городъ Коростенъ [7]). Потомъ, подобно своимъ предшествен-

[7]) Вотъ что разсказываетъ лѣтопись о ея кровавой мести. Древляне прислали просить Ольгу, чтобы она вышла замужъ за ихъ князя Мала. Пер-

никамъ, она объѣзжала съ дружиною подчиненныя племена, творила между ними судъ и болѣе точнымъ образомъ опредѣляла количество ихъ дани. Вообще дѣятельность Ольги украшена баснословными преданіями, въ которыхъ она изображается женщиною необыкновенно хитрою, съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ. Но особенно Ольга прославилась принятіемъ христіанства. Она совершила путешествіе въ Византію (957), гдѣ, по словамъ лѣтописи, и былъ исполненъ надъ нею обрядъ крещенія, а воспріемникомъ ея былъ императоръ Константинъ Багрянородный. (Послѣдній описалъ пребываніе Ольги въ Царьградѣ, но ни слова не говоритъ о ея крещеніи; можно предположить, что она уже послѣ своего крещенія посѣтила Константинополь, чтобы поклониться святынямъ и принять благословеніе отъ патріарха).

Святославъ. На всѣ увѣщанія матери принять новую религію Святославъ отвѣчалъ упорнымъ отказомъ; христіанская вѣра не нравилась воинственному и суровому князю. Получивъ власть въ свои руки, онъ вполнѣ предался страсти къ походамъ и завоеваніямъ. Лѣтописецъ изображаетъ его характеръ и привычки слѣдующими словами: „Онъ ходилъ на непріятеля съ быстротою барса; въ походахъ не возилъ съ собою ни возовъ, ни котловъ и не варилъ мяса; но, мелко нарѣзавъ конину, говядину или звѣрину, пекъ на угольяхъ и ѣлъ; спалъ безъ шатра, подостлавъ подъ себя конскій потникъ и положивъ въ изголовье сѣдло. Таковы были и всѣ его воины. Когда онъ отправлялся на враговъ, то посылалъ сказать: „Иду на васъ". На востокѣ отъ Днѣпра только одно славянское племя еще не было подвластно русскому князю, именно Вятичи, платившіе дань Козарамъ; Святославъ побѣдилъ Козаръ и подчинилъ себѣ Вятичей. Затѣмъ, по приглашенію византійскаго императора Никифора Фоки, онъ обратилъ свое оружіе противъ Дунайскихъ Болгаръ и завоевалъ ихъ землю.

выхъ пословъ Ольга велѣла бросить въ глубокую яму вмѣстѣ съ лодкою, на которой они приплыли; другихъ пословъ она сожгла въ банѣ; третьихъ велѣла избить на могилѣ мужа въ то время, какъ они вмѣстѣ съ нею совершали тризну. А Коростенъ она осадила, и сожгла посредствомъ воробьевъ и голубей; набравъ ихъ съ каждаго дома вмѣсто дани, она велѣла привязать къ нимъ горючія вещества и пустить опять въ городъ.

Но между тѣмъ Печенѣги напали на Кіевъ и едва имъ не овладѣли (по словамъ преданія, смѣлость одного воина, умѣвшаго говорить по-печенѣжски, спасаетъ городъ): вѣсть о томъ заставила князя воротиться назадъ. Однако онъ не долго оставался въ Кіевѣ и вслѣдъ за кончиною Ольги опять поспѣшилъ въ Болгарію. Страна эта такъ понравилась Святославу, что онъ хотѣлъ перенести свою столицу на берега Дуная въ городъ Переяславецъ. „Туда (говорилъ онъ матери) сходится все хорошее: изъ Греціи золото, наволоки, вина и разные плоды; изъ Чехіи и Венгріи серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и невольники" Но вторичное завоеваніе Болгаріи повлекло за собою борьбу съ Греками. На византійскомъ престолѣ мѣсто Никифора Фоки занялъ его убійца Іоаннъ Цимисхій (т.-е. Малорослый), бывшій весьма храбрымъ и искуснымъ полководцемъ. Онъ потребовалъ, чтобы Русскій князь удалился изъ Болгаріи, и, получивъ отказъ, самъ повелъ на него многочисленныя войска. Послѣ упорной обороны въ придунайской крѣпости Доростолѣ (Силистріи), Святославъ принужденъ былъ уступить и заключить миръ.

Заключивъ миръ, Святославъ пожелалъ имѣть свиданіе съ императоромъ и получилъ согласіе. Одинъ изъ византійскихъ историковъ (Левъ Діаконъ) такъ описываетъ это свиданіе: «Іоаннъ въ блестящихъ латахъ на конѣ подъѣхалъ къ берегу Дуная; его окружалъ многочисленный отрядъ всадниковъ, у которыхъ доспѣхи были покрыты золотомъ. Между тѣмъ, Святославъ приближался въ лодкѣ, дѣйствуя весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ казался средняго роста и весьма строенъ; имѣлъ широкую грудь, плоскій носъ, голубые глаза и длинные косматые усы. Волосы на его головѣ были выстрижены, за исключеніемъ одного локона — знакъ благороднаго происхожденія; въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная рубиномъ и двумя жемчужинами. Вся наружность князя представляла что-то мрачное и суровое. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ другихъ Русскихъ. Не выходя изъ лодки, Святославъ поговорилъ немного съ императоромъ и отправился назадъ».

Возвращаясь въ Кіевъ съ остатками своей дружины, Русскій князь погибъ въ битвѣ съ Печенѣгами, которые дожидались его у Днѣпровскихъ пороговъ (972).

Владиміръ Великій. Отправляясь въ Болгарію, Святославъ роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ: старшему Яро-

полку онъ предоставилъ Кіевскую область, Олегу — Древлянскую и младшему Владиміру — Новгородскую. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ раздѣленія были междоусобныя войны. Олегъ погибъ въ борьбѣ съ Ярополкомъ, и Древлянскій удѣлъ перешелъ въ руки старшаго брата, который также хотѣлъ захватить и Новгородскій. Тогда юный Владиміръ бѣжалъ со своимъ дядею Добрыней за море къ Варягамъ и привелъ оттуда наемное войско. Сначала онъ пошелъ на полоцкаго князя Рогволода, завоевалъ его княжество, убилъ его самого вмѣстѣ съ сыновьями и насильно взялъ себѣ въ жены его гордую дочь Рогнѣду (которая прежде отказала въ своей рукѣ Владиміру, потому что онъ былъ рожденъ отъ рабыни). Потомъ онъ овладѣлъ Кіевомъ и, заманивъ къ себѣ Ярополка, приказалъ его умертвить (980 г.). Когда такимъ образомъ единодержавіе было возстановлено, Владиміръ снова покорилъ нѣкоторыя отложившіяся племена и совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ на сосѣдей: Поляковъ, Ятвяговъ и Болгаръ. Но этотъ воинственный и жестокій князь *сдѣлался знаменитъ въ исторіи не столько своими побѣдами, сколько принятіемъ христіанской религіи и распространеніемъ ея между восточными Славянами.*

Подобно всѣмъ языческимъ народамъ, Славяне смотрѣли на окружающую природу какъ на существо живое, и отдѣльныя стихіи представлялись ихъ воображенію въ видѣ различныхъ божествъ. Между ними главныя мѣста у восточныхъ Славянъ занимали: Перунъ божество грозное и воинственное, олицетворявшее собою вообще огонь и преимущественно громъ и молнію; Волосъ, покровитель стадъ; Стрибогъ, повелѣвавшій вѣтрами; солнцу же поклонялись подъ именами Дажбога и Хорса. Впрочемъ, эти боги не вездѣ имѣли одинаковое значеніе. За ними слѣдуетъ многочисленный сонмъ низшихъ духовъ, которыми воображеніе народа населяло весь видимый міръ. Такъ, въ глубинѣ каждаго озера или рѣки, по его понятію, жилъ водяной дѣдушка, а въ чащѣ темнаго лѣса обиталъ лѣсной духъ (лѣшій). Славяне вѣрили въ загробную жизнь и почитали тѣни своихъ предковъ, которыя будто бы оставались въ домѣ потомковъ и охраняли его отъ разныхъ бѣдъ (Щуръ, домовой); души умершихъ дѣтей и утонувшихъ женщинъ представлялись имъ

въ образѣ русалокъ. Вообще религія восточныхъ Славянъ не достигла значительной степени развитія: мы встрѣчаемъ только неясныя указанія на храмы и общественное богослуженіе. Обыкновенно въ каждомъ семействѣ старики сами приносили жертвы богамъ. Однако существовали люди, о которыхъ думали, что они находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ богами, получаютъ сверхъестественныя силы, могутъ предсказывать будущее, творить заклинанія и пр.; такіе люди назывались „волхвами". Въ лѣтописяхъ и въ иноземныхъ извѣстіяхъ упоминаются у русскихъ Славянъ и человѣкообразные кумиры главныхъ боговъ.

Въ началѣ своего княженія Владиміръ отличался жестокостію, наклонностію къ многоженству и особенною ревностію къ языческой религіи: онъ приказывалъ ставить идоловъ и приносить имъ кровавыя жертвы. Въ Кіевѣ поставили при немъ деревянный истуканъ Перуна съ серебряною головой и золотыми усами; подобный истуканъ былъ воздвигнутъ и въ Новгородѣ на берегу Волхова. Въ Ростовѣ стоялъ идолъ Волоса „скотьяго бога". Народъ, въ угоду князю, приносилъ идоламъ на закланіе своихъ дѣтей, избираемыхъ по жребію. Лѣтописное преданіе разсказываетъ, что разъ послѣ удачнаго похода на Ятвяговъ, въ Кіевѣ упалъ жребій на одного христіанскаго мальчика; отецъ не хотѣлъ выдать сына кіевскимъ старѣйшинамъ, и оба они были убиты разсвирѣпѣвшею толпой язычниковъ.

Введеніе христіанства. Но языческая религія не могла долѣе выдерживать борьбу съ христіанскою проповѣдью. Уже въ IX вѣкѣ греческая вѣра проникла въ Россію (особенно при помощи греческихъ колоній въ Тавридѣ); при Игорѣ мы видимъ въ Кіевѣ соборный храмъ св. Иліи, и часть княжеской дружины состояла изъ христіанъ; при Ольгѣ число ихъ увеличилось еще болѣе. Убѣжденія христіанскихъ проповѣдниковъ поколебали, наконецъ, самого Владиміра, и онъ, посовѣтовавшись со своими боярами и кіевскими старѣйшинами, задумалъ принять новую вѣру. (По словамъ преданія, посольство, отправленное въ разныя земли для испытанія различныхъ религій, поражено красотою византійскаго богослуже-

нія). Въ то время случилась война съ Греками на Таврическомъ полуостровѣ: такъ какъ русскіе князья владѣли восточною частью этого полуострова, откуда они изгнали Козаръ. Владиміръ осадилъ Корсунь; граждане защищались мужественно, и князь далъ обѣтъ креститься, если возьметъ городъ. Когда же корсунцы сдались, онъ послалъ просить у греческихъ императоровъ Василія и Константина руку ихъ сестры Анны и объявилъ о своемъ намѣреніи креститься. Обрадованные цари поспѣшили прислать сестру и священниковъ, которые немедленно окрестили Русскаго князя, его сыновей и дружину (988 или 989 г.).

Въ Кіевѣ Владиміръ приказалъ истреблять языческіе жертвенники (требища) и сокрушать идоловъ. Перунъ, по его повелѣнію, былъ привязанъ къ конскому хвосту и, осыпаемый палочными ударами, свезенъ въ Днѣпръ; народъ плакалъ, смотря на такое поруганіе. Священники между тѣмъ ходили по городу и проповѣдывали христіанство. Такъ какъ многіе граждане медлили принять новую религію, то князь поступилъ рѣшительно; онъ велѣлъ Кіевлянамъ собраться на берегъ Днѣпра, и здѣсь торжественно былъ совершенъ надъ ними обрядъ крещенія. Послѣ того Владиміръ посылалъ проповѣдниковъ по другимъ русскимъ городамъ и строилъ вездѣ христіанскіе храмы; желая образовать собственное русское духовенство, онъ приказалъ набирать мальчиковъ и отдавать ихъ для книжнаго обученія священникамъ, пріѣхавшимъ изъ Греціи и Болгаріи. Матери этихъ мальчиковъ, по замѣчанію лѣтописца, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, „потому что еще не утвердились въ новой вѣрѣ". Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрой въ Россію перешли и богослужебныя книги, написанныя на славянскомъ языкѣ (именно на древнеболгарскомъ [8]). Христіанство распространилось сначала по Великому водному пути отъ Кіева до Новгорода и вообще по главнымъ городамъ; въ другихъ же мѣстахъ долго еще господствовало язычество. Особенно упорное сопротивленіе новая религія встрѣтила на сѣверѣ по сосѣдству съ Фин-

[8]) Письмена Славянскія устроены, т.-е. приведены въ настоящій порядокъ, въ IX в. свв. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ для Моравовъ. (Есть извѣстіе, что эти братья приходили также въ землю южнорусскихъ Славянъ, именно въ Тавриду, гдѣ обитала тогда часть Болгаръ, и здѣсь, въ Корсуни, нашли Евангеліе и Псалтирь, написанныя *русскими* письменами).

нами. Въ Новгородѣ язычники подняли мятежъ и были усмирены только силою оружія; послѣ чего, также какъ Кіевлянъ, ихъ собрали на рѣку Волховъ и окрестили. Идолъ Перуна съ такимъ же поруганіемъ, какъ въ Кіевѣ, брошенъ въ Волховъ [9]).

Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ не стремился болѣе къ расширенію русскихъ предѣловъ, а заботился о томъ, чтобы обезопасить ихъ отъ внѣшнихъ непріятелей, особенно со стороны Печенѣговъ. Съ этой цѣлью князь строилъ по Днѣпру и его притокамъ новые города и населялъ ихъ военными людьми изъ сѣверныхъ областей. Кромѣ того онъ нерѣдко выходилъ въ поле со своею храброю дружиной, чтобы отражать набѣги степныхъ варваровъ, или посылалъ воеводъ усмирять мятежи и разбои язычниковъ, которые изъ городовъ бѣжали въ лѣса и степи и тамъ собирались въ многочисленныя шайки. Лѣтописецъ изображаетъ Владиміра-христіанина княземъ набожнымъ и ласковымъ. Онъ созидалъ храмы (наприм. Десятинная церковь Богородицы въ Кіевѣ), щедро надѣлялъ духовенство доходами и привилегіями, устроивалъ частые пиры на княжескомъ дворѣ для народа, раздавалъ большую милостыню нищимъ, а для больныхъ и слабыхъ приказывалъ развозить по городу медъ и съѣстные припасы. *Особенно князь любилъ свою дружину и не жалѣлъ для нея имѣнія. Съ дружиною онъ совѣтовался о всѣхъ предпріятіяхъ, о военныхъ дѣлахъ и земскихъ уставахъ.* Его щедрость и слава собрали около него лучшихъ витязей того времени. (Изъ нихъ лѣтопись упоминаетъ Яна Усмовича, Рогдая богатыря и др.). Народныя русскія пѣсни до позднѣйшихъ временъ сохранили воспоминаніе о Владимірѣ „Красное Солнышко“ и его могучихъ богатыряхъ. X

Сыновья Владиміра. Будучи отцомъ многочисленнаго семейства, Владиміръ, по обычаю того времени, почти всѣ свои области роздалъ въ управленіе сыновьямъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: Изяславъ (отъ Рогнѣды), получившій въ удѣлъ Полоцкое княжество, какъ наслѣдіе своего

---

[9]) Посадникъ Добрыня, дядя Владиміра, и тысяцкій Путята, усмиряя мятежъ, сожгли часть города. Отсюда сохранилась у Новгородцевъ поговорка: „Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ“.

дѣда Рогволода; потомъ Святополкъ Туровскій, Ярославъ Новгородскій, Борисъ Ростовскій и Мстиславъ Тмутараканскій. Самою нѣжною отцовскою любовью пользовался Борисъ Ростовскій, кроткій, благочестивый юноша. Владиміръ отправилъ его съ кіевскою дружиною на Печенѣговъ, а самъ вскорѣ заболѣлъ и скончался въ своемъ любимомъ селѣ Берестовѣ (1015 г.). Тѣло его положено въ мраморную гробницу и погребено въ Десятинномъ Кіевскомъ храмѣ. Святополкъ Туровскій немедленно прискакалъ въ Кіевъ и объявилъ себя старшимъ, т.-е. великимъ княземъ Кіевскимъ. Опасаясь соперничества со стороны Ростовскаго князя, онъ послалъ къ нему убійцъ. Между тѣмъ Борисъ, отпустивъ домой отцовскую дружину, остался съ немногими отроками или воинами въ шатрахъ на берегу рѣки Альты (впадающей въ Трубежъ, близъ южнаго Переяславля). Здѣсь нашли его клевреты Святополка и умертвили. Увлеченный успѣхомъ перваго злодѣянія, Туровскій князь замыслилъ истребить всѣхъ братьевъ, чтобы одному владѣть Русскою землею. Ему удалось убить еще двоихъ (Глѣба Муромскаго и Святослава Древлянскаго); но Ярославъ Новгородскій положилъ конецъ такому злодѣйству.

Ярославъ въ то время находился въ ссорѣ съ Новгородцами. Причиною ссоры была наемная варяжская дружина, позволявшая себѣ обижать гражданъ и ихъ женъ. Новгородцы возстали противъ иноземцевъ и избили большую часть Варяговъ. Раздраженный Ярославъ измѣннически умертвилъ главныхъ зачинщиковъ. Вдругъ изъ Кіева отъ сестры Предиславы пришло къ нему извѣстіе объ избіеніи братьевъ и о замыслахъ Святополка. Ярославъ поспѣшилъ помириться съ Новгородцами и, присоединивъ къ нимъ Варяговъ, пошелъ на Кіевъ. Навстрѣчу ему вышелъ Святополкъ съ своею дружиною и наемными толпами Печенѣговъ. Сѣверное и южное ополченіе сошлись на берегахъ Днѣпра подлѣ Любеча, и долго ни одно изъ нихъ не рѣшалось перейти рѣку. Воевода Святополковъ, по прозванію Волчій Хвостъ, по обычаю того времени, началъ осыпать противниковъ насмѣшками и бранью. «Эй вы, плотники, — кричалъ онъ Новгородцамъ чрезъ рѣку, — зачѣмъ пришли сюда съ вашимъ хромымъ княземъ? Вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы». Новгородцы жестоко оскорбились: они въ ту же ночь переѣхали рѣку и оттолкнули лодки отъ берега. Ярославъ велѣлъ имъ перевязать головы платками, чтобы въ сѣчѣ различать своихъ. Между тѣмъ Святополкъ, не ожидая нападенія, всю ночь пилъ съ своею дружиной. Печенѣги, стоявшіе за озе-

ромъ, не могли помочь ему вовремя, и дружина его потерпѣла полное пораженіе.

Побѣжденный Святополкъ нашелъ убѣжище у своего тестя польскаго короля Болеслава Храбраго, и при его помощи снова занялъ Кіевъ. Но когда Болеславъ разссорился съ нимъ и ушелъ къ себѣ въ Польшу, Ярославъ съ Новгородцами и Варягами опять напалъ на Святополка и поразилъ его на берегу Альты, тамъ, гдѣ былъ умерщвленъ Борисъ. Святополкъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти; народъ далъ ему прозваніе окаяннаго (подобный Каину). А Борисъ и Глѣбъ пріобрѣли въ народѣ славу свв. мучениковъ.

Ярославъ Мудрый. Окончивъ трудную борьбу съ свирѣпымъ братоубійцею, Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ и, по выраженію лѣтописи, „утеръ потъ со своею дружиною". Онъ хотѣлъ завладѣть всѣми землями умершихъ братьевъ; но нашелъ опаснаго соперника въ Мстиславѣ Тмутраканскомъ, который уже успѣлъ прославить себя разными подвигами въ странахъ Прикавказскихъ [10]). Послѣдній побѣдилъ старшаго брата, и заставилъ его раздѣлить земли пополамъ. Только по смерти Мстислава удалось Ярославу соединить въ своихъ рукахъ всю Русь, за исключеніемъ Полоцкаго удѣла. Онъ возвратилъ Червенскіе города (Галицію), завоеванные Владиміромъ Вел., но отнятые потомъ Болеславомъ Храбрымъ; а Печенѣгамъ нанесъ однажды такое сильное пораженіе, что они съ тѣхъ поръ почти прекратили свои набѣги. При немъ былъ послѣдній морской походъ на Византію; за неисполненіе договоровъ великій князь послалъ на Грековъ войско подъ начальствомъ одного изъ своихъ сыновей (Владиміра); но русскій флотъ потерпѣлъ неудачу.

Подобно своему отцу, Ярославъ старался заселять пустынныя мѣста и укрѣплять границы построеніемъ новыхъ горо-

---

[10]) Городъ Тмутракань лежалъ на берегу Керченскаго пролива, на островѣ Тамани. Восточными сосѣдями Тмутраканскаго княжества были Касоги (Черкесы). Лѣтопись разсказываетъ, что Мстиславъ однажды сошелся на битву съ касожскимъ княземъ и богатыремъ Редедею. Они условились рѣшить войну собственнымъ поединкомъ. Противники схватились. Мстиславъ одолѣлъ Редедю и взялъ его имѣніе, жену и дѣтей. Подобные поединки были въ обычаѣ того времени. Такъ, при Владимірѣ Св. однажды война съ Печенѣгами была рѣшена единоборствомъ русскаго юноши Яна Усмовича съ печенѣжскимъ богатыремъ, котораго онъ задушилъ въ своихъ объятіяхъ и бросилъ на землю.

довъ. Изъ городовъ, основанныхъ имъ на сѣверѣ, замѣчательны: Юрьевъ въ землѣ Эстонской Чуди и Ярославль на берегу Волги; первый названъ христіанскимъ именемъ великаго князя, а второй языческимъ. Ярославъ занимался также устроеніемъ христіанской церкви, любилъ духовенство, особенно монаховъ; прилежно читалъ священныя книги, собиралъ писцовъ и заставлялъ переписывать рукописи или переводить книги съ греческаго на славянскій языкъ. Онъ любилъ строить и украшать храмы (замѣчательны построенные при немъ храмы св. Софіи въ Кіевѣ и Новгородѣ). Какъ и Владиміръ Вел., онъ приказывалъ набирать мальчиковъ и отдавать ихъ въ ученье къ церковно-служителямъ. *Вообще Ярославъ много заботился объ утвержденіи христіанства между подчиненными племенами* и сильно преслѣдовалъ языческихъ волхвовъ, которые возбуждали народъ противъ новой религіи.

Ярославъ пользуется славою перваго русскаго законодателя; ему приписываютъ собраніе постановленій, извѣстное подъ именемъ „Русской Правды". Этотъ князь занималъ почетное мѣсто въ ряду современныхъ ему европейскихъ государей и со многими изъ нихъ находился въ родственныхъ связяхъ [11]). Онъ умеръ въ 1054 году, раздѣливъ области между сыновьями. (Мраморная гробница его, украшенная изваяніями, уцѣлѣла до нашего времени въ Кіево-Софійскомъ соборѣ).

Въ тѣ времена еще не было понятія о Русской землѣ, какъ о единомъ, нераздѣльномъ государствѣ; князья считали ее своею собственностью и наравнѣ съ прочимъ имуществомъ дѣлили между сыновьями и другими родственниками. У Ярослава оставалось въ живыхъ пять сыновей и, по словамъ лѣтописца, онъ распорядился о наслѣдствѣ слѣдующимъ образомъ: «Кіевъ и Новгородъ я поручаю старшему сыну моему Изяславу, котораго вы почитайте такъ же, какъ меня, потому что онъ будетъ вамъ вмѣсто отца; Святославу даю волость Черниговскую, Всеволоду Переяславскую, Игорю Владиміро-Волынскую, а Вячеславу Смоленскую». «Если будете жить въ любви и мирѣ,—замѣтилъ отецъ,—то Богъ будетъ за васъ и покоритъ

[11]) А именно: съ королями Французскимъ, Венгрскимъ, Шведскимъ, Норвежскимъ, Польскимъ и съ императоромъ Греческимъ. Бракъ Ярославовой дочери Елизаветы съ Норвежскимъ принцемъ Гаральдомъ Смѣлымъ украшенъ въ сѣверныхъ сагахъ поэтическими подробностями.

вамъ враговъ вашихъ. Если же возненавидите другъ друга и начнете жить между собою въ браняхъ и распряхъ, то сами погибнете и погубите землю своихъ отцовъ и дѣдовъ, которую они стяжали великими трудами». Потомъ, запретивъ имъ отнимать волости у братьевъ или изгонять ихъ, онъ обратился къ Изяславу и прибавилъ: «Если же кто вздумаетъ обидѣть своего брата, то ты помогай обиженному».

II. РАЗВИТІЕ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОЙ СИСТЕМЫ

1113—1125—1175—1212.

Сыновья и внуки Ярослава I. Владиміръ Мономахъ. Нѣсколько лѣтъ Ярославичи жили въ мирѣ и общими силами боролись противъ внѣшнихъ враговъ. Въ то время на югѣ Россіи появился новый кочевой народъ, Половцы. Отчасти истребивъ Печенѣговъ, отчасти смѣшавшись съ ними, они заняли южныя степи и открыли безпрерывные набѣги на русскія области. Изяславъ съ братьями попытался отразить враговъ, но потерпѣлъ на первый разъ сильное пораженіе.

Наконецъ и сами Ярославичи, позабывъ отцовское завѣщаніе, разссорились между собою: Святославъ и Всеволодъ вооружились на старшаго брата, и онъ принужденъ былъ удалиться въ Германію, а на Кіевскомъ столѣ сѣлъ Святославъ Черниговскій. Только послѣ смерти соперника Изяславъ помирился со Всеволодомъ и опять занялъ Кіевъ.

На великокняжескомъ престолѣ, по понятіямъ того времени, долженъ былъ сидѣть старшій въ цѣломъ княжескомъ родѣ, и такъ какъ дяди считались старше своихъ племянниковъ, то Кіевъ по смерти Изяслава I (1078) перешелъ не къ сыну его, а къ брату Всеволоду. Россія страдала при немъ отъ междоусобій, половецкихъ набѣговъ, отъ голода, мора и корыстолюбія княжескихъ тіуновъ (судей). Только благодаря побѣдамъ своего знаменитаго сына Владиміра Мономаха, Всеволодъ крѣпко держался на престолѣ до самой своей смерти (1093 г.). Изъ сыновей Ярослава I никого уже не было въ живыхъ; поэтому внукъ его Святополкъ Изяславичъ остался теперь старшимъ въ родѣ. Святополкъ II, подобно двумъ своимъ предшественникамъ, не имѣлъ достаточно ни ума, ни твердости характера, чтобы держать въ

страхѣ внѣшнихъ враговъ и устранять междоусобія. Княженіе его ознаменовалось смутами и бѣдствіями; особенно сильны были междоусобія за Черниговъ и за Волынь.

Изяславъ I и Всеволодъ лишили своихъ племянниковъ Святославичей Черниговской волости, т.-е. лучшей части ихъ наслѣдственнаго удѣла, предоставивъ имъ отдаленную Тмутракань и бѣдныя Муромо-Рязанскія земли. Та же несправедливость продолжалась и во время Святополка II. Но Святославичи ни за что не хотѣли отказаться отъ Чернигова и съ помощью наемныхъ половецкихъ дружинъ нѣсколько разъ пытались возвратить себѣ отцовскій городъ. Они первые распространили пагубный обычай князей: во время междоусобій призывать на помощь дикихъ Половцевъ, которые жгли, грабили русскія земли и уводили множество плѣнныхъ въ свои станы или вежи. Между Святославичами болѣе всѣхъ прославился смѣлымъ безпокойнымъ характеромъ Олегъ, прозванный въ народѣ „Гориславичемъ“ Наконецъ внуки Ярослава собрались на общій совѣтъ въ Любечѣ, и тутъ положили, чтобы каждый изъ нихъ владѣлъ отцовскимъ достояніемъ. Черниговская область поэтому была возвращена Святославичамъ. Договоръ свой князья по обычаю скрѣпили крестнымъ цѣлованіемъ и разъѣхались (1097 г.).

Но въ то время, какъ на востокѣ Россіи прекратилась борьба за Черниговъ, на западѣ началось сильное междоусобіе за волости Владиміро-Волынскія. На Любецкомъ съѣздѣ они были раздѣлены между Давидомъ Игоревичемъ и его двоюродными племянниками Ростиславичами. Недовольный тѣмъ, что лучшая часть Волыни досталась на долю Василька и Володаря Ростиславичей, и опасаясь имѣть въ сосѣдствѣ этихъ воинственныхъ князей, Давидъ Игоревичъ рѣшился на злодѣйскій поступокъ и первый нарушилъ крестное цѣлованіе съ братьями. Онъ обвинилъ передъ великимъ княземъ Василька въ разныхъ честолюбивыхъ замыслахъ и такъ напугалъ легковѣрнаго Святополка, что тотъ заманилъ къ себѣ несчастнаго Ростиславича и выдалъ Давиду, а послѣдній приказалъ его ослѣпить и посадить въ темницу.

Владиміръ Мономахъ и другіе князья пришли въ сильное негодованіе, когда узнали о вѣроломномъ ослѣпленіи Василька. По требованію ихъ, Святополкъ долженъ былъ наказать

ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ ИЛИ ВЕЛИКІЙ.

- Изяславъ.
  От него Полоцкіе князья.
  - Брячиславъ.
    - Всеславъ.
- Святополкъ.
- Ярославъ Мудрый.
  - Владиміръ.
    - Ростиславъ.
      - Василько.
      - Володарь. Галицкіе.
        - Владимірко.
          - Ярославъ Осм.
  - Изяславъ I.
    - Святополкъ II.
  - Святославъ.
    - Олегъ. Черниговo-Сѣв.
    - Ярославъ. Муромо-Рязан.
  - Всеволодъ I.
    - Владиміръ-Мономахъ.
      - Мстиславъ.
        - Изяславъ II. Волынскіе.
          - Мстиславъ II.
            - Романъ.
              - Даніилъ. Король Галицкій.
        - Ростиславъ. Смоленскіе.
          - Мстиславъ Храбрый.
            - Мстиславъ Удалой.
      - Юрій Долгорукій. Суздальскіе.
        - Андрей Богол.
        - Всеволодъ III.
          - Юрій II.
          - Ярославъ.
            - Александръ Нев.
              - Даніилъ. Московскіе.
                - Иванъ I Калита.
                  - Симеонъ Гордый.
                  - Иванъ II.
                    - Дмитрій Донской.
                      - Василій I.
                        - Василій II Темн.
                          - Иванъ III.
                            - Василій III.
                              - Иванъ IV Грозный.
                                - Θеодоръ.
                      - Юрій.
                        - Дмитрій Шемяка.
            - Ярославъ. Тверскіе.
              - Михаилъ.
  - Игорь.
    - Давидъ.
- Борисъ.
- Глѣбъ.
- Мстиславъ.

Давида за клевету. Произошла междоусобная война, которая окончилась новымъ съѣздомъ князей въ Витичевѣ, близъ Кіева. На этомъ сеймѣ Давидъ былъ наказанъ тѣмъ, что у него отняли Владиміръ Волынскій.

Послѣ Витичевскаго съѣзда князья соединенными силами обратились на Половцевъ и совершили нѣсколько славныхъ походовъ въ глубь половецкихъ степей. Главнымъ героемъ этихъ походовъ явился Владиміръ Мономахъ.

По смерти Святополка II (1113 г.) Кіевъ по порядку старшинства долженъ былъ перейти къ одному изъ Святославичей; но такъ какъ отецъ ихъ захватилъ великокняжескій столъ силою и скончался прежде старшаго брата, то не всѣ родичи признавали за ними право старшинства. Къ тому же кіевское вѣче объявило рѣшительно, что оно никого не хочетъ имѣть своимъ княземъ, кромѣ Владиміра Мономаха. Послѣдній дѣйствительно занялъ великое княженіе, и Святославичи на этотъ разъ молчаніемъ подтвердили его избраніе. Не даромъ Кіевляне питали такую любовь къ Мономаху: личными качествами и заслугами онъ рѣзко выдѣлялся изъ толпы своихъ родичей. Лѣтопись изображаетъ его идеаломъ русскаго князя; онъ миритъ враждующихъ, свято соблюдаетъ крестное цѣлованіе; подаетъ примѣръ набожности, правосудія, гостепріимства и превосходитъ всѣхъ воинскими доблестями. Послѣ Ярослава это былъ первый изъ его преемниковъ, который на самомъ дѣлѣ осуществилъ понятіе о великокняжеской власти: младшіе родичи повиновались ему какъ отцу, а безпокойныхъ князей онъ наказывалъ отнятіемъ удѣловъ. Внѣшніе враги присмирѣли, и тишина водворилась при немъ въ Русской землѣ. Мономахъ, впрочемъ, не упускалъ изъ виду собственныхъ выгодъ, и умѣлъ искусно воспользоваться обстоятельствами для того, чтобы большую часть Руси соединить подъ властію своего дома. Въ назиданіе сыновьямъ Владиміръ Мономахъ написалъ „Поученіе“, въ которомъ изобразилъ свою неутомимую дѣятельность [1].

---

[1]) По словамъ этого поученія, большую часть жизни онъ провелъ внѣ дома, большую часть ночей спалъ на сырой землѣ; дома и въ дорогѣ все дѣлалъ самъ и за всѣмъ присматривалъ; до свѣта поднимался съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей, ѣздилъ на охоту и т. д. „Всѣхъ походовъ моихъ было 83, другихъ ма-

Мономаховичи. Униженіе Кіева и возвышеніе Владиміра Залѣсскаго. Владиміру наслѣдовалъ старшій сынъ его Мстиславъ I (1125 г.); умомъ и твердостью характера онъ походилъ на отца, и, подобно ему, умѣлъ держать въ повиновеніи младшихъ князей. Когда полоцкіе князья не хотѣли признать его верховной власти и не послушали его призыва идти на Половцевъ, онъ изгналъ ихъ изъ наслѣдственныхъ удѣловъ. Послѣ смерти Мстислава I, въ самой семьѣ Мономаха произошли раздоры, которыми воспользовались сыновья Олега Святославича; они завладѣли великимъ Кіевскимъ княженіемъ, но не могли долго удерживать его за собою. Кіевляне не любили Ольговичей и отличались особенною приверженностію къ роду Мономаха. Однажды они призвали къ себѣ на престолъ его внука Изяслава Мстиславича (1146 г.). Но, исполнивъ желаніе Кіевлянъ, послѣдній нарушилъ права родныхъ дядей. Одинъ изъ нихъ, Юрій Суздальскій, прозванный „Долгорукимъ", предъявилъ свои права на старшій столъ; Изяславъ II не хотѣлъ уступить. Тогда между дядей и племянникомъ завязалась упорная борьба, замѣчательная какъ по личности соперниковъ, почти не уступавшихъ другъ другу въ талантахъ и энергіи, такъ и по своимъ размѣрамъ: едва ли не всѣ русскія княжества были увлечены въ эту борьбу; одни стояли за дядю, другія за племянника; въ ней принимали участіе Венгры и Половцы. Храбрый Изяславъ

ловажныхъ не упомню. На охотѣ въ лѣсахъ я вязалъ дикихъ коней вдругъ по нѣскольку, два раза буйволъ металъ меня на своихъ рогахъ, одна лось бодала, а другая топтала ногами, вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь прокусилъ сѣдло, лютый звѣрь повалилъ коня подо мною; но Богъ сохранилъ меня невредимымъ". Убѣждая дѣтей жить въ мирѣ и согласіи, онъ даетъ между прочимъ слѣдующія наставленія: „Больше всего имѣйте страхъ Божій, не поддавайтесь лѣни; на войнѣ не полагайтесь на воеводъ, а за всѣмъ смотрите сами; женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти; стараго человѣка почитайте какъ отца, а молодого какъ брата; строго соблюдайте правосудіе и крестное цѣлованіе; гостей и пословъ чтите, если не дарами, то питіемъ и брашномъ; ибо они распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую, и худую славу".

Говорятъ, византійскій императоръ Алексѣй Комненъ прислалъ Владиміру въ числѣ другихъ даровъ драгоцѣнный вѣнецъ и золотыя бармы (оплечье), принадлежавшія прежде императору Константину Мономаху (послѣдній считается дѣдомъ Владиміра по матери; вѣроятно, по немъ и Владиміръ получилъ названіе Мономаха). Регаліи, извѣстныя подъ именемъ Мономаховыхъ стали возлагать потомъ на русскихъ государей при ихъ короновaніи; онѣ хранятся теперь въ Московской Оружейной палатѣ.

былъ два раза изгнанъ изъ Кіева; однако при помощи зятя своего, венгерскаго короля, онъ взялъ наконецъ верхъ и умеръ великимъ княземъ (1154 г.).

Послѣ смерти Изяслава II, Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Когда же онъ достался сыну Изяслава (Мстиславу II), въ потомствѣ Мономаха опять произошла борьба между дядею и племянникомъ; только исходъ ея на этотъ разъ былъ другой. Андрей Боголюбскій (сынъ Долгорукаго) въ свою очередь предъявилъ права на старшинство, и суздальскія войска подступили къ Кіеву. Граждане рѣшили защищать своего князя; но городъ былъ взятъ приступомъ и преданъ на разграбленіе, чего, по замѣчанію лѣтописца, еще никогда не случалось съ „матерью русскихъ городовъ" (1169 г.). Этимъ, однако, униженіе не кончилось; завладѣвъ Кіевомъ, Андрей посадилъ тамъ одного изъ младшихъ братьевъ; самъ же, принявъ титулъ великаго князя, остался во Владимірѣ на Клязьмѣ. *Съ тѣхъ поръ Кіевъ долженъ былъ раздѣлять свое прежнее значеніе первопрестольнаго города съ едва извѣстнымъ дотолѣ Владиміромъ Залѣсскимъ.* Между тѣмъ какъ послѣдній сталъ все болѣе и болѣе возвышаться и сдѣлался главою Сѣверовосточной Руси, первый продолжалъ еще служить яблокомъ раздора для южно-русскихъ князей и переходилъ во власть то Мономаховичей, то Ольговичей, пока татарскимъ разореніемъ не былъ нанесенъ ему окончательный ударъ [2]).

Около половины XII столѣтія, съ размноженіемъ Игорева потомства, Русь распадается на нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ княжествъ или „земель"; въ каждомъ изъ нихъ господствуетъ исключительно одна вѣтвь Игоревичей; въ каждомъ есть свой старшій или великій князь и младшіе или удѣльные. По большей части здѣсь происходятъ тѣ же междоусобія за старшинство и за удѣлы, которыя мы видѣли въ исторіи сыновей и внуковъ Ярослава I. Въ бытѣ и характерѣ различныхъ земель вырабатываются областныя особенности, въ связи съ разнообразнымъ составомъ насе-

---

[2]) Въ Кіевскомъ княжествѣ послѣ главнаго города заслуживаютъ вниманія слѣдующіе удѣльные: Переяславль Русскій на р. Трубежѣ, Бѣлгородъ, Вышгородъ, Васильевъ, Овручъ, Туровъ и др. Переяславль сдѣлался средоточіемъ особаго удѣльнаго княжества.

ленія и съ географическимъ положеніемъ. Кромѣ Кіевской и Переяславской, земли эти слѣдующія:

а) **Суздальская.** Она занимала обширныя пространства по верхнему теченію Волги и по ея притокамъ. Отличаясь суровымъ климатомъ, населенная бѣдными финскими племенами (Весь и Меря), она считалась самымъ послѣднимъ удѣломъ между волостями Мономаха, и потому досталась младшему его сыну, Юрію Долгорукому. Благодаря хозяйственной дѣятельности Юрія, этотъ глухой край вскорѣ оживился. Главною заботою князя было построеніе новыхъ городовъ, которые онъ старался наполнять переселенцами изъ южной Руси. Такимъ образомъ славянская народность вмѣстѣ съ христіанствомъ распространялась на финскомъ Поволожьѣ. Кромѣ старинныхъ городовъ Ростова и Суздаля, здѣсь особенно замѣчательны Ярославль на Волгѣ, Владиміръ на Клязьмѣ, Переяславль на Переяславскомъ озерѣ и Юрьевъ Польскій (на Колокшѣ, впадающей въ Клязьму). Юрій Долгорукій, положившій основаніе сильному Суздальскому княжеству, однако предпочиталъ ему Приднѣпровье и постоянно стремился въ Кіевъ. Послѣ смерти своего соперника Изяслава II онъ наконецъ достигъ своей цѣли и умеръ на югѣ (1157).

Андрей Боголюбскій не подражалъ своему отцу въ стремленіи къ югу: извѣстно, что, получивъ старшинство въ родѣ Мономаховичей, онъ не поѣхалъ въ Кіевъ и продолжалъ жить на сѣверѣ. Сѣверъ представлялъ болѣе тишины и безопасности отъ русскихъ междоусобій и половецкихъ набѣговъ, а также и болѣе простора для княжеской власти, чѣмъ города Приднѣпровья. И на сѣверѣ старымъ вѣчевымъ городамъ, Ростову и Суздалю, великій князь предпочелъ молодой Владиміръ Залѣсскій. Онъ сдѣлалъ этотъ городъ столицею Суздальской области и украсилъ его богатыми храмами (между ними знаменитъ соборъ въ честь Успенія Богородицы).

Андрей былъ первый изъ русскихъ князей, который рѣшился начать борьбу съ удѣльною системою: такъ, въ собственной землѣ онъ не раздавалъ удѣловъ ни братьямъ, ни племянникамъ, ни сыновьямъ, и княжилъ въ ней единодержавно; кромѣ того онъ явно стремился подчинить себѣ и другія русскія области. Когда былъ завоеванъ Кіевъ, Бого-

любскій вступилъ въ борьбу съ Новгородцами: походъ его войска на Новгородъ окончился неудачею; но великій князь прекратилъ подвозы хлѣба изъ волжскихъ городовъ, и Новгородцы смирились. (Подъ конецъ своей жизни онъ однако утратилъ господство на югѣ: племянники его, смоленскіе Ростиславичи, оскорбленные повелительнымъ тономъ Андрея, не хотѣли болѣе ему повиноваться, и одинъ изъ нихъ, Мстиславъ, по прозванію „Храбрый", разбилъ многочисленную суздальскую рать, пришедшую усмирять южныхъ князей). Стремясь возстановить на Руси единодержавіе Владиміра Вел. или Ярослава I, Андрей въ то же время хотѣлъ быть самодержавнымъ властителемъ въ своемъ собственномъ княжествѣ; онъ не терпѣлъ противорѣчій, гордо и сурово обращался съ своими дружинниками. Негодуя на его чрезмѣрную строгость, бояре, наконецъ, составили заговоръ и убили великаго князя въ его любимомъ городкѣ Боголюбовѣ (1175 г.).

Въ Суздальской землѣ произошли смуты и междоусобія; племянники Боголюбскаго поспорили за старшинство съ его братьями. Племянниковъ поддерживало вѣче старинныхъ городовъ, Ростова и Суздаля, которые завидовали возвышенію Владиміра, потому что онъ изъ младшаго или „пригорода" сдѣлался „стольнымъ княжескимъ городомъ". „Владимірцы наши холопы и каменщики — говорили Ростовцы; — пожжемъ ихъ городъ и опять поставимъ тамъ своего посадника". Но Владимірцы мужественно защищали братьевъ Андрея, и послѣдніе взяли верхъ. Одинъ изъ нихъ, Всеволодъ III, по прозванію Большое Гнѣздо (т.-е. отецъ многочисленнаго семейства), успокоилъ Суздальскую область и расширилъ ея предѣлы. Онъ предпринималъ удачные походы на Мордву и Камскихъ Болгаръ, подчинилъ себѣ Рязань, имѣлъ вліяніе на Новгородъ и на событія въ южной Руси. Вообще онъ можетъ служить образцомъ сѣверно-русскихъ князей, у которыхъ отличительными свойствами были осторожность, бережливость и постоянство въ достиженіи своихъ цѣлей. Послѣ смерти Всеволода (1212), Суздальское княженіе раздробилось и частію утратило свое вліяніе на остальную Русь [3].

---

[3]) Всеволодъ III, недовольный своимъ старшимъ сыномъ Константиномъ Ростовскимъ, отдалъ великокняжескій стольный городъ Владиміръ второму сыну, Юрію. Вслѣдствіе этого, по смерти отца, братья начали междоусобіе,

Ближайшимъ сосѣдомъ Суздальцевъ на востокѣ было многочисленное финское племя Мордва. Это дикое и довольно воинственное племя управлялось собственными князьями, и долго сохраняло независимость подъ защитою своихъ дремучихъ лѣсовъ. Оно занималось отчасти земледѣліемъ и пчеловодствомъ; главнымъ же его занятіемъ была охота, и потому Мордвины мѣтко стрѣляли изъ лука. При своихъ походахъ на Мордву русскіе князья обыкновенно старались пользоваться ея внутренними междоусобіями. За Мордвою далѣе на востокъ лежала земля торговаго и богатаго народа Камскихъ Болгаръ. Но мирныя сношенія русскихъ городовъ съ Болгарами нерѣдко нарушались русскими повольниками, которые грабили болгарскихъ купцовъ. Болгары мстили нападеніями на пограничныя области, а владимірскіе великіе князья, собравъ удѣльныхъ князей, предпринимали походы и осаждали болгарскіе города. Походы на Мордву и Болгаръ совершались обыкновенно по Окѣ и Волгѣ: пѣшая рать плыла на судахъ, а конница ходила берегомъ. Таковы походы Андрея Боголюбскаго, Всеволода III и сына его Юрія II. Этотъ послѣдній для защиты сѣверовосточныхъ границъ отъ Мордвы и Болгаръ построилъ крѣпость Нижній-Новгородъ, при впаденіи Оки въ Волгу.

b) **Черниговская и Сѣверская** обнимали почти всю рѣчную область Десны съ Семью и верхнее теченіе Оки (земли Сѣверянъ, Вятичей и отчасти Радимичей); онѣ принадле-

---

въ которомъ принялъ участіе и Новгородъ Великій. Около этого времени Новгородцы призвали къ себѣ на княженіе третьяго сына Всеволодова, Ярослава, удѣльнаго князя Переяславля-Залѣсскаго. Этотъ суровый князь, поссорившись съ гражданами, уѣхалъ въ ихъ пригородъ Торжокъ, захватилъ многихъ новгородскихъ бояръ и купцовъ и остановилъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ волжскихъ областей. Новгородцы начали терпѣть голодъ. Тогда на помощь къ нимъ явился одинъ изъ смоленскихъ князей, Мстиславъ Удалой. „Не быть Торжку выше Новгорода!—сказалъ онъ—или отыщу мужей и волости, или голову свою положу за Новгородъ“. Онъ заключилъ союзъ съ Константиномъ Ростовскимъ; а Ярославъ соединился съ братомъ Юріемъ. *Оба ополченія сошлись въ Суздальской землѣ на берегахъ рѣчки Липицы* (близъ Юрьева Польскаго). Мстиславъ и Константинъ предлагали миръ на выгодныхъ условіяхъ. Юрій и Ярославъ, надѣясь на численное превосходство своей рати, отвѣчали гордымъ отказомъ и велѣли никого не щадить въ битвѣ, убивать даже и тѣхъ, на комъ будетъ шитое золотомъ оплечье (т.-е. знатныхъ людей). Новгородцы сошли съ коней, сняли съ себя верхнюю одежду, сапоги, и пѣшіе ударили на суздальскій лагерь, расположенный на холмѣ за дебрями и плетнями. Мстиславъ съ сѣкирой въ рукѣ сражался во главѣ конной дружины. Суздальцы были разбиты. Во время бѣгства Юрій сбросилъ съ себя доспѣхи, загналъ трехъ коней и на четвертомъ въ одной рубашкѣ прискакалъ во Владиміръ. Видя вдали скачущихъ всадниковъ, горожане подумали, что это гонцы отъ князя съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и съ удивленіемъ узнали между ними самого князя. Онъ уступилъ старшему брату Владимірскій столъ (1216 г.). Спустя три года послѣ Липецкой битвы, Константинъ умеръ, и Владимірское великое княженіе опять перешло къ Юрію II.

жали поколѣнію Ольговичей. Въ первой землѣ замѣчательны города: Черниговъ, Стародубъ и Любечъ; а во второй: Новгородъ Сѣверскій, Путивль и Курскъ. Защищенные густыми лѣсами, Вятичи долго оставались дикимъ языческимъ племенемъ и управлялись собственными князьями. Только въ XII вѣкѣ они начали принимать христіанство, потеряли окончательно свою самостоятельность и вошли въ составъ черниговo-сѣверскихъ княжествъ. Между тѣмъ какъ Ольговичи Черниговскіе враждовали за Кіевъ съ потомками Мономаха, Сѣверскіе должны были вести почти постоянную борьбу съ своими южными сосѣдями Половцами.

Половцы заняли почти всѣ южнорусскія степи и отрѣзали отъ Руси Тмутраканское княжество. Они дѣлились на орды, находившіяся подъ властью различныхъ хановъ; отличались хищнымъ, жестокимъ характеромъ, и, какъ всѣ кочевники, были хорошими наѣздниками. Пользуясь междоусобіями князей, они частыми набѣгами причиняли много разоренія русскимъ областямъ. Впрочемъ, русскіе князья нерѣдко сами дружились съ половецкими ханами, вступали съ ними въ родство; а въ случаѣ неудачъ искали у нихъ убѣжища. Но иногда собирались нѣсколько князей, и общими силами предпринимали походы противъ варваровъ. (Одинъ изъ походовъ сѣверскихъ князей воспѣтъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»).

c) **Муромская и Рязанская** занимали среднее теченіе Оки и верховья Дона, т.-е. земли финскихъ племенъ Муромы и Мещеры. Также какъ въ Суздальской землѣ, славянскій элементъ проникалъ сюда вмѣстѣ съ городами, которые строили русскіе князья. Главные изъ нихъ были: Муромъ, Рязань и Переяславль Рязанскій — всѣ три на берегахъ Оки, Коломна при впаденіи Москвы въ Оку и Пронскъ на р. Пронѣ. Эта область считалась самою бѣдною въ удѣлѣ Святослава Ярославича, и пришлась на долю его младшаго сына. Рязанскій край, разоряемый Половцами, ослабляемый внутренними междоусобіями, не могъ успѣшно бороться за свою самостоятельность съ великими князьями Владиміро-Суздальскими и почти постоянно находился отъ нихъ въ зависимости. Несмотря на плодородіе почвы и богатство естественныхъ произведеній, населеніе этого края было бѣдно въ сравненіи съ другими русскими областями. Характеръ и нравы Рязанцевъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и борьбы со степ-

ными сосѣдями, отличались особенною воинственностію и грубостію.

d) **Полоцкая** или собственно Кривская лежала въ области Западной Двины, Березины и верхняго Нѣмана. Главнымъ или стольнымъ городомъ былъ Полоцкъ; а изъ удѣльныхъ замѣчательны: Минскъ, Витебскъ и Друцкъ. Здѣсь господствовали потомки Рогнѣды. Между ними болѣе всѣхъ извѣстенъ Всеславъ (въ XI в.), князь безпокойнаго, властолюбиваго характера и весьма хитрый, такъ что въ народныхъ преданіяхъ онъ является какимъ-то чародѣемъ [1]). Потомки Всеслава, изгнанные изъ своихъ удѣловъ великимъ княземъ кіевскимъ Мстиславомъ I, во время междоусобія его преемниковъ, успѣли снова овладѣть своею наслѣдственною землей. Этотъ родъ болѣе другихъ отдѣлился отъ племени Владиміра Великаго и мало принималъ участія въ событіяхъ остальной Руси. Будучи раздроблены на мелкіе удѣлы, часто враждебные другъ другу, кривскія княжества не могли воспрепятствовать Ливонскому Ордену утвердиться на берегахъ Двины въ началѣ XIII вѣка; а спустя нѣсколько времени, они сами подвергаются Литовскому владычеству.

e) **Смоленская** находилась въ центрѣ всѣхъ русскихъ областей, занимая верховья Днѣпра и Западной Двины (т.-е. восточную часть Кривичей). Земля эта, пользуясь выгоднымъ положеніемъ, имѣла довольно густое и зажиточное населеніе: города ея отличались торговымъ, промышленнымъ духомъ; а жители менѣе другихъ страдали отъ внутреннихъ усобицъ и отъ внѣшнихъ враговъ. Послѣ Смоленска наиболѣе извѣстны: Торопецъ, Можайскъ и Вязьма. Область Смоленская принадлежала дому Мономахова внука Ростислава. Изъ его потомковъ особенно прославились: Мстиславъ Храбрый (поразившій рать Андрея Боголюбскаго) и сынъ его Мстиславъ Удалой, князь Торопецкій. Послѣдній считается образцомъ южно-русскаго князя по своему безпокойному,

[1]) Слово о полку Игоревѣ характеризуетъ его слѣдующими словами: „Всеславъ днемъ правилъ судъ народу, назначалъ князьямъ города; а ночью рыскалъ волкомъ; изъ Кіева до пѣтуховъ перескакивалъ въ Тмутракань; волкомъ перебѣгалъ путь великому Хорсу (солнцу). Ему въ Полоцкѣ рано звонили заутреню у Св. Софіи въ колокола, а онъ слышалъ звонъ въ Кіевѣ“.

воинственному характеру, по своимъ блестящимъ, но почти безплоднымъ подвигамъ.

f) **Волынь и Галиція**. Волынская область занимала систему р. Припети (Древляне и Бужане). Города: Владиміръ Волынскій, Луцкъ, Дорогобужъ, и др. На западѣ крайними пунктами Волынской земли были Берестье (Брестъ) и Люблинъ. Здѣсь княжила старшая линія Мономаховичей, т.-е. потомство Изяслава II. Въ XII стол. самымъ замѣчательнымъ княземъ этой линіи былъ внукъ Изяслава Романъ, который соединилъ подъ властію своего дома Волынь и Галицію.

Галиція или Червонная Русь лежитъ на сѣверовосточныхъ склонахъ Карпатскихъ горъ, по верхнему теченію Днѣстра и Прута (страна Хорватовъ). Она на Любецкомъ сеймѣ была отдана въ удѣлъ Васильку и Володарю Ростиславичамъ. Здѣсь находились города: Перемышль, Теребовль и Звенигородъ.

Основателемъ собственно Галицкаго княжества считается Владимірко, сынъ Володаря. Онъ построилъ на Днѣстрѣ городъ Галичъ и соединилъ подъ своею властію всю Червонную Русь. Онъ питалъ властолюбивые замыслы на сосѣднюю Волынь, и потому былъ усерднымъ союзникомъ Юрія Долгорукаго въ его борьбѣ съ Изяславомъ II. (Владимірко въ особенности извѣстенъ своею хитростію и коварствомъ).

Еще сильнѣе сдѣлалась Галиція при сынѣ Владиміра Ярославѣ Осмомыслѣ [*]. Онъ прославился не столько военными дѣлами, сколько внутреннимъ устройствомъ княжества, заботами объ умноженіи населенія, объ успѣхахъ торговли и промышленности. Однако, смотря на свое могущество, онъ не могъ укротить своеволіе галицкихъ бояръ. При тѣсномъ сосѣдствѣ съ Венгріей и Польшей (въ которыхъ господствовало сословіе магнатовъ) боярская аристократія усилилась въ Галичѣ болѣе, нежели въ другихъ частяхъ древней Руси; бояре имѣли вліяніе не только на внѣшнюю политику и внутреннее управленіе, но вмѣшивались и въ семейныя дѣла князя. (Будучи недовольны вліяніемъ княжеской любимицы Анастасіи, бояре сожгли ее живую, избили ея приверженцевъ, и

*) Въ Словѣ о Полку Игоревѣ поэтъ такими словами изображаетъ могущество Галицкаго князя и его господство на всемъ юго-западѣ Руси: „Ярославъ Осмомыслъ Галицкій! ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ и желѣзными полками своими подпираешь горы Карпатскія, затворяешь ворота Дуная, заступаешь пути королю Венгерскому, отворяешь по волѣ ворота Кіеву и далеко мечешь своими стрѣлами".

взяли съ Ярослава клятву въ томъ, что онъ будетъ хорошо жить со своею женой). Потомство Володаря Ростиславича въ скоромъ времени прекратилось (1198), и тогда Галиція перешла во владѣніе Романа Волынскаго.

Романъ, князь воинственнаго, энергическаго характера, прославился своими побѣдами надъ Половцами и Литвою. Первые были такъ запуганы, что именемъ его стращали дѣтей; а литовскихъ плѣнниковъ, по словамъ преданія, онъ приказывалъ запрягать въ плуги и заставлялъ ихъ расчищать лѣсистую почву для пашни, откуда и произошла поговорка: „Романе, худымъ живеши, Литвою ореши“ Завладѣвъ Галичемъ, князь началъ борьбу съ боярами и безпощадно казнилъ непокорныхъ. (Любимая его поговорка была: „Не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть“). Но онъ не успѣлъ окончить этой борьбы и погибъ во время одного изъ своихъ походовъ на Польшу. Въ Галиціи и Волыни начались смуты: въ ихъ дѣла вмѣшивались почти всѣ сосѣди (Венгры, Поляки и Русскіе князья). Переходя изъ рукъ въ руки, Галичъ на нѣкоторое время достался Мстиславу Удалому, а послѣ его смерти (1228 г.) здѣсь утвердился сынъ Романа, Даніилъ. Онъ возобновилъ борьбу съ непокорными боярами, но не былъ такъ жестокъ, какъ его отецъ; съ умомъ и мужествомъ Даніилъ Романовичъ соединялъ замѣчательное благородство характера.

g) **Новгородская община**. Ей принадлежала великая озерная область, которая ограничивалась съ одной стороны Финскимъ заливомъ, Чудскимъ озеромъ и верховьями Волги, съ другой Бѣлымъ моремъ и Сѣверною Двиной. Область эта раздѣлялась впослѣдствіи на пять частей, называвшихся пятинами. Населеніе отчасти состояло изъ сѣверной отрасли Кривичей, а главную массу составляли Финны (Чудь, Ижора, Весь). Почва мѣстами песчаная, мѣстами топкая и очень лѣсистая, неудобна для земледѣлія, и край этотъ нерѣдко былъ посѣщаемъ голодными годами; но обиліе водныхъ путей и торговый предпріимчивый духъ жителей съ избыткомъ вознаграждали бѣдность почвы. Столица области, Новгородъ лежалъ на обоихъ берегахъ р. Волхова; одна сторона его называлась Софійскою (отъ соборнаго храма св. Софіи), другая Торговою; кромѣ того, онъ раздѣлялся на пять

главныхъ частей или **концовъ** [6]). Замѣчательнѣйшіе пригороды были: Ладога, Руса, Великія Луки, Торжокъ и Псковъ.

Сначала Новгородъ находился въ полной зависимости отъ великихъ князей кіевскихъ; но, упорно стремясь къ самостоятельности, онъ мало-по-малу пріобрѣлъ выборное общинное управленіе. Ярославъ I за услуги, оказанныя ему Новгородцами въ борьбѣ съ Святополкомъ, даровалъ имъ разныя льготы; дальнѣйшему развитію ихъ общиннаго быта помогли соперничество разныхъ линій княжескаго дома и богатства, пріобрѣтенныя торговлею. Община стала называть себя: „Господинъ Великій Новгородъ!“ Верховная власть сосредоточилась въ рукахъ **вѣча**, т.-е. народнаго собранія. Оно собиралось по звону вѣчевого колокола на такъ называемомъ „дворѣ Ярослава“ и рѣшало самые важные вопросы, а именно: опредѣляло миръ или войну, избирало и смѣняло высшихъ сановниковъ, судило важнѣйшія преступленія и т. д. На вѣче сходились всѣ новгородскіе граждане, и дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, когда же меньшинство не хотѣло согласиться, его принуждали къ тому силою. Такое неопредѣленное устройство вѣча часто подавало поводъ къ безпорядкамъ, и нерѣдко доходило дѣло до драки. Иногда собиралось два вѣча: одно на Торговой (на дворѣ Ярослава), другое на Софійской сторонѣ (у собора св. Софіи), и распрю свою они кончали обыкновенно общимъ рукопашнымъ боемъ на Волховскомъ мосту, если архіепископъ съ духовенствомъ вовремя не успѣвалъ прекратить междоусобіе.

Рядомъ съ вѣчемъ въ Новгородѣ продолжала существовать и княжеская власть; но она должна была уступить вѣчу первое мѣсто и даже находилась отъ него въ зависимости. Граждане принимали князя на условіяхъ, а потомъ, въ случаѣ неудовольствія, „показывали ему путь“ изъ Новгорода, говоря: „мы не хотимъ тебя, ступай, куда хочешь“, и призывали другого. Впрочемъ, недовольные князья иногда сами покидали городъ, въ которомъ принуждены были играть второстепенную роль. (Такъ, въ теченіе одного XII столѣтія

[6]) Имена пятинъ: Бѣжецкая, Вотская, Деревская, Шелонская и Обонежская. Имена концовъ: Словенскій, Неревскій, Людинъ, Плотницкій и Загородскій. На Софійской сторонѣ былъ еще дѣтинецъ или кремль, окруженный каменною стѣной: здѣсь находился соборный храмъ св. Софіи и подлѣ него домъ архіепископа.

ихъ перемѣнилось здѣсь до 30). Главную обязанность князя составляла защита отъ внѣшнихъ враговъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему принадлежалъ верховный судъ надъ гражданами. Вторымъ сановникомъ послѣ него былъ посадникъ, избиравшійся изъ богатыхъ, вліятельныхъ фамилій; онъ судилъ вмѣстѣ съ княземъ и замѣнялъ его, въ случаѣ отсутствія, въ городѣ и на войнѣ. Находящійся въ должности посадникъ назывался „степеннымъ", въ отличіе отъ прежнихъ или „старыхъ" Между княземъ и посадникомъ нерѣдко происходили споры, которые рѣшало вѣче [7]).

Далѣе слѣдовали: тысяцкій, старосты концовъ; сотскіе и другія выборныя власти. Кромѣ того, съ раннихъ временъ въ Новгородѣ начали выдѣляться знатные или боярскіе роды, которые возвысились надъ простыми гражданами (смердами) преимущественно своимъ богатствомъ и сосредоточили въ своихъ рукахъ главные торговые обороты или большія поземельныя владѣнія. Духовная власть принадлежала владыкѣ или архіепископу, который принималъ важное участіе въ гражданскихъ дѣлахъ и особенно старался о примиреніи враждебныхъ партій. Во время войны онъ выставлялъ особый полкъ со своихъ земель Владыка былъ избираемъ по жребію и ѣздилъ на поставленіе къ русскому митрополиту. Сначала къ жребію прибѣгали въ случаѣ разногласія; потомъ онъ обратился въ обычай. Обыкновенно

---

[7]) Послѣ Липецкой битвы Мстиславъ Удалой княжилъ въ Новгородѣ около двухъ лѣтъ (отецъ его также былъ здѣсь княземъ и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ). Не въ его характерѣ было оставаться долго на одномъ мѣстѣ. Въ 1218 году онъ объявилъ народу на вѣчѣ: „Кланяюсь Св. Софьѣ, гробу отца моего и вамъ; иду добывать Галичъ (отъ Венгровъ), а васъ не забуду". Несмотря на просьбы гражданъ, Мстиславъ уѣхалъ. Новгородцы призвали къ себѣ родственника его Святослава, одного изъ смоленскихъ князей. Но послѣдній завелъ распрю съ посадникомъ Твердиславомъ. Начались смуты: одна часть гражданъ возстала на посадника, другая вооружилась для его защиты. Цѣлую недѣлю въ городѣ происходили драки и бурныя вѣча. Наконецъ обѣ стороны помирились и цѣловали крестъ. Но тутъ Святославъ прислалъ на вѣче своего тысяцкаго сказать, что не хочетъ быть вмѣстѣ съ Твердиславомъ и отнимаетъ у него посадничество. „Въ чемъ онъ виноватъ?"— спросили Новгородцы. „Безъ вины", отвѣчалъ тысяцкій. „Радуюсь, что на мнѣ нѣтъ никакой вины, замѣтилъ Твердиславъ; а вы, братья, вольны и въ князьяхъ, и въ посадникахъ". Тогда народъ велѣлъ сказать князю: „Ты цѣловалъ намъ крестъ безъ вины мужа не лишать власти, и потому мы тебѣ кланяемся (то-есть, можешь уходить, если хочешь), посадникъ нашъ, и по твоему не сдѣлаемъ". Князь долженъ былъ помириться съ посадникомъ.

вѣче назначало трехъ кандидатовъ. Записки съ ихъ именами клали на трапезу въ Софійскомъ соборѣ и посылали туда мальчика или слѣпца (впослѣдствіи священника); онъ бралъ два жребія: чей оставался на трапезѣ, тотъ считался избраннымъ св. Софіей и становился архіепископомъ.

Около половины XIII столѣтія, когда Новгородъ принялъ дѣятельное участіе въ ганзейской торговлѣ, и Ганза учредила въ немъ одну изъ главныхъ торговыхъ конторъ, онъ достигаетъ полнаго развитія своихъ силъ. Господство его простиралось почти на весь сѣверъ Европейской Россіи; отдаленныя финскія племена (Пермь, Печора, Югра) платили ему дань дорогими мѣхами и серебромъ. Новгородскія дружины не ограничивались однимъ взиманіемъ дани съ инородцевъ; въ ихъ землѣ они нерѣдко строили новые города, и такимъ образомъ распространяли славянскую колонизацію на дальнемъ сѣверовостокѣ Россіи. Такъ произошли „земли": Двинская или З а в о л о ч ь е, Вологодская, Поморская и др. Утвержденію русскаго господства въ тѣхъ странахъ помогали особенно походы отважной новгородской молодежи, извѣстной подъ именемъ повольниковъ или „ушкуйниковъ" (ушкуй—лодка). Отряды повольниковъ спускались на лодкахъ внизъ по Волгѣ, или поднимались вверхъ по ея притокамъ; грабили прибрежныхъ жителей; а иногда покоряли новыя племена или полагали основаніе новымъ самостоятельнымъ общинамъ. Такую самостоятельную общину образовала земля В я т с к а я.

Въ 1174 г. дружина новгородскихъ повольниковъ изъ Волги поднялась вверхъ по Камѣ, потомъ вошла въ рѣку Вятку, и тутъ на высокомъ берегу увидала селеніе, укрѣпленное рвомъ и валомъ. Мѣсто понравилось Новгородцамъ, и они рѣшили имъ овладѣть. Нѣсколько дней они говѣли, молились, потомъ сдѣлали приступъ и взяли городокъ. Усиленные новыми выходцами, колонисты покорили часть окрестныхъ Вотяковъ и Черемисовъ и построили городъ Хлыновъ, при впаденіи Хлыновицы въ Вятку. Они составили особую общину, которая имѣла новгородское устройство и управлялась собственнымъ вѣчемъ. Самостоятельность Вятской общины продолжалась около 300 лѣтъ.

Послѣ главнаго города второе мѣсто по богатству и значенію въ Новгородской области занялъ Псковъ (близъ впаденія р. Великой въ Псковское озеро). Сначала, какъ и всѣ

пригороды, онъ управлялся посадникомъ, котораго назначало новгородское вѣче; но съ XII столѣтія Псковитяне обнаружили стремленіе завести у себя самостоятельное общинное управленіе и имѣть особаго князя. Впослѣдствіи они достигли своей цѣли, и, подобно Новгородцамъ, приняли участіе въ ганзейской торговлѣ [8]). Въ то же время Псковъ является главнымъ оплотомъ русскихъ предѣловъ со стороны Ливонскихъ рыцарей.

Ливонскій орденъ. Прибалтійскій край, заключавшійся между Западною Двиною и Финскимъ заливомъ, былъ населенъ въ сѣверной части Чудскимъ племенемъ (Эсты), а въ южной смѣсью Литвы и Чуди (Латыши и Ливы): въ первой мало-по-малу распространили свое господство Новгородцы, а во второй Полоцкіе князья. Въ землѣ Чуди находился крѣпкій русскій городъ Юрьевъ; а въ области Латышей полоцкимъ князьямъ принадлежали два городка на Двинѣ: Кукейносъ и Герсике. Когда германскіе купцы завели на Двинѣ торговлю съ туземцами, Бременскій архіепископъ во второй половинѣ XII вѣка прислалъ сюда монаха Мейнгарда въ качествѣ миссіонера. Мейнгардъ началъ крестить Ливовъ, строить церкви и былъ поставленъ первымъ епископомъ Ливоніи. Замѣтивъ, наконецъ, властолюбивые замыслы пришельцевъ, туземные обитатели возстали противъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, и принявшіе христіанство опять возвращались къ язычеству; многіе изъ нихъ погружались въ Двину, думая смыть съ себя крещеніе и отослать его обратно въ Германію [9]). Тогда римскій папа велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Ливонцевъ. Епископъ Альбертъ Буксгевденъ прибылъ съ крестоноснымъ ополченіемъ на берега Двины, построилъ городъ Ригу (1200 г.), и съ разрѣшенія папы основалъ духовный рыцарскій орденъ подъ именемъ „Братства креста Господня“ или „Ордена Меченосцевъ“. Съ тѣхъ поръ туземцы, несмотря на упорную борьбу, мало-по-малу покорились Нѣмцамъ, и силою оружія обращены были въ христіанскую вѣру. Слабые полоцкіе князья тщетно

[8]) Замѣчательна поговорка, указывающая на тѣсныя связи древнихъ Новгородцевъ и Псковитянъ: „Душа на Волховѣ, сердце на Великой“.

[9]) Такъ разсказываетъ „Древняя Ливонская Хроника“ Генриха Латыша, жившаго въ XIII в.

старались остановить успѣхи рыцарей; а Новгородцы, занятые внутренними дѣлами, въ началѣ не обратили на нихъ должнаго вниманія. Получая постоянныя подкрѣпленія изъ Западной Европы, рыцари взяли города Юрьевъ (Дерптъ), Медвѣжью голову (по-чудски Оденпе) и др.; впослѣдствіи купили у Датчанъ Эстонію съ городомъ Колывань (Ревель), и такимъ образомъ овладѣли всѣмъ пространствомъ, извѣстнымъ теперь подъ именемъ Балтійскаго или Остзейскаго края. Они усѣяли страну крѣпкими замками (Венденъ, Феллинъ, Вейсенштейнъ и др.), которые держали въ страхѣ туземцевъ и надолго утвердили здѣсь суровое владычество Ордена. Туземное литовское и финское населеніе обращено было въ крѣпостное состояніе. Дальнѣйшему распространенію нѣмецкаго владычества на сосѣднія области много мѣшали внутренніе раздоры. Магистръ или начальникъ Ордена скоро сдѣлался сильнѣе Рижскаго архіепископа, и не только не считалъ себя его вассаломъ, а, напротивъ, хотѣлъ и его подчинить своему вліянію: отсюда возникла между ними долгая и подчасъ ожесточенная вражда.

III. МОНГОЛЬСКОЕ ИГО.

1224—1237—1240—1263—1340.

Пораженіе на Калкѣ. На обширныхъ равнинахъ Средней Азіи съ незапамятныхъ временъ кочевали монгольскія и татарскія орды, которыя управлялись своими князьями и ханами и постоянно вели между собою мелкія войны. Во второй половинѣ XII вѣка явился человѣкъ, который соединилъ многочисленныя орды кочевниковъ и двинулъ ихъ на сосѣдніе народы. Это былъ Темучинъ, прозванный Чингизъ-Ханомъ, сынъ одного монгольскаго князя Дезукая, котораго орда кочевала при истокахъ Амура. Сосѣднія государства подверглись страшному опустошенію и должны были признать надъ собою власть дикихъ завоевателей. Своею свирѣпостью и непобѣдимостью Монголы навели такой ужасъ, что азіатскіе народы смотрѣли на нихъ, какъ на неизбѣжную кару, посланную самимъ небомъ; жители селеній и городовъ иногда добровольно подставляли подъ удары свою

нею, убѣжденные въ томъ, что всякое сопротивленіе безполезно.

Около 1224 года полководцы Чингизъ-Хана, побѣдивъ кавказскіе народы, двинулись далѣе на сѣверъ и начали громить Половцевъ [1]). Половецкіе ханы обратились съ просьбою о помощи къ русскимъ князьямъ, говоря: „сегодня отняли нашу землю, а завтра возьмутъ вашу, если намъ не поможете“ Мстиславъ Удалой, владѣвшій тогда Галичемъ, собралъ княжескій сеймъ въ Кіевѣ и склонилъ своихъ родичей идти вмѣстѣ на невѣдомыхъ пришельцевъ, не дожидаясь, пока они войдутъ въ Русскую землю и начнутъ ее разорять. Составилось большое и блестящее ополченіе подъ начальствомъ трехъ главныхъ князей южной Руси, трехъ Мстиславовъ (Галицкаго, Кіевскаго и Черниговскаго). Русскіе перешли за Днѣпръ, разсѣяли передовые татарскіе отряды и отважно углубились въ степи. На берегу рѣчки Калки, впадающей въ Азовское море, они встрѣтили главныя силы Татаръ. Къ несчастію, ***между предводителями было мало единодушія, и много самоувѣренности и презрѣнія къ непріятелямъ.*** Мстиславъ Удалой, не предупредивъ союзниковъ, началъ битву. Несмотря на храбрость Русскихъ, особенно Даніила Романовича Волынскаго, они были разбиты на голову, и немногіе успѣли достигнуть Днѣпра; большая часть князей съ дружинами осталась на мѣстѣ [2]). Такого страшнаго пораженія Русскіе дотолѣ никогда не испытывали. На этотъ разъ Татары однако ограничились одною побѣдою и ушли назадъ въ Азію.

Прошло 13 лѣтъ. Русскіе князья стали забывать о свирѣпыхъ пришельцахъ и возвратились къ своимъ безконечнымъ распрямъ. Россію въ это время посѣтили разныя физическія

[1]) Лѣтописцы русскіе замѣчаютъ о нихъ слѣдующее: „По грѣхамъ нашимъ пришли народы невѣдомые, которыхъ никто хорошо не знаетъ, кто они и откуда пришли, какого племени и какой вѣры? А зовутъ Татарами, иные называютъ Таурменами, другіе Печенѣгами: одинъ Богъ о нихъ вѣдаетъ, да развѣ еще мудрые люди, которые въ книгахъ начитаны“.

[2]) Мстиславъ Кіевскій, видя бѣгство Половцевъ и Галичанъ, укрѣпился со своею дружиной на одномъ холмѣ и три дня защищался отъ непріятелей. Когда Татары предложили ему свободное отступленіе, онъ заключилъ съ ними миръ. Но едва Кіевляне двинулись, какъ были вѣроломно избиты. Князей русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, Татары подложили подъ доски и сѣли на нихъ обѣдать.

бѣдствія, волновавшія умы народа, какъ-то: неурожаи, породившіе голодъ, сильные лѣсные пожары, густые туманы и моровое повѣтріе; а появленіе блестящей кометы съ длиннымъ хвостомъ, по обычаю, принято было за грозное предзнаменованіе новыхъ несчастій.

Нашествіе Батыя. Когда умеръ Темучинъ, его огромная имперія раздѣлилась между сыновьями, и старшій изъ нихъ Угедей сдѣлался верховнымъ ханомъ надъ всѣми ордами. Страны къ востоку отъ Урала и Каспійскаго моря пришлись на долю его племянника Батыя (сынъ Джучи): страны эти надобно было еще завоевать. Батый перешелъ на правый берегъ Урала съ нѣсколькими сотнями тысячъ степного народа. Это не было войско, подобное тому, которое сражалось на Калкѣ; за Батыемъ шла цѣлая кочевая орда, медленно подвигавшаяся впередъ со своими семействами, кибитками и стадами; ей предшествовали многочисленные отряды татарскихъ наѣздниковъ, которые разоряли всѣ населенныя мѣста, встрѣчавшіяся на пути, истребляя или уводя въ плѣнъ жителей. Опустошивъ землю Камскихъ Болгаръ, Татары зимою 1237 года вступили въ предѣлы Рязанскаго княжества. Тщетно Рязанскіе князья просили помощи у князей Черниговскихъ и Юрія Владимірскаго: Черниговскіе отказали за то, что Рязанцы не были съ ними на Калкѣ, а Владимірскій великій князь находился во враждѣ съ Рязанскими. Предоставленные однѣмъ собственнымъ силамъ, Рязанцы первые подали примѣръ храброй, но безполезной обороны. („Сказаніе о нашествіи Батыя“ описываетъ при этомъ подвиги рязанскаго богатыря Евпатія Коловрата и трогательную кончину княгини Евраксіи, которая, узнавъ о смерти мужа, съ высокаго своего терема бросилась на землю). Разгромивъ Рязанскую область, Татары двинулись въ Суздальскую и подступили къ Владиміру. Юрій II удалился на сѣверо-западъ собирать войска. Владимірцы подъ начальствомъ его сыновей мужественно оборонялись; но городъ былъ взятъ приступомъ и сожженъ; семейство великаго князя вмѣстѣ съ епископомъ и многими гражданами заперлось въ соборной церкви Богородицы на палатяхъ или хорахъ, гдѣ и погибло посреди пламени. Татары разсѣялись по Суздальской землѣ и разорили въ ней 14 городовъ. Между тѣмъ великій князь

встрѣтилъ Батыя на берегахъ рѣчки Сити (впадающей въ Мологу); былъ побѣжденъ и палъ въ битвѣ. Татары пошли къ Новгороду; но ихъ остановили дремучіе лѣса и непроходимыя болота; въ то время приближалась весна и наступило разлитіе водъ. Батый повернулъ отсюда къ юго-востоку въ Приволожскія степи. На этомъ пути прославился геройскою защитой городъ Козельскъ, который нѣсколько недѣль выдерживалъ приступы варваровъ, пока не былъ взятъ и разоренъ.

Когда Татары скрылись въ Половецкихъ степяхъ, Русскіе думали, что они опять уйдутъ въ Азію; но эта надежда ихъ обманула. Покоривъ землю Половцевъ, Батый напалъ на Южную Русь и опустошилъ княжества: Черниговское, Кіевское, Волынь и Галицію. Здѣсь также, какъ и въ Сѣверной, князья не соединились вмѣстѣ для дружнаго отпора, и каждый городъ защищался отдѣльно.

Когда одинъ изъ монгольскихъ воеводъ посланъ былъ впередъ, чтобы осмотрѣть Кіевъ, онъ долго любовался красотою и величіемъ города. Кіевъ живописно возвышался передъ нимъ на другомъ холмистомъ берегу Днѣпра посреди зеленыхъ рощъ, блистая на солнцѣ частыми главами церквей и опоясанный бѣлою каменною стѣной съ высокими башнями, которыя были украшены византійскими художниками. Кіевляне умертвили татарскихъ пословъ, предлагавшихъ сдаться безъ боя, и рѣшили защищаться до послѣдней крайности. Городъ въ то время находился во власти Даніила Романовича Галицкаго, который поручилъ его защиту мужественному боярину Димитрію. Вскорѣ несмѣтная сила Батыя облегла его съ разныхъ сторонъ. Лѣтописецъ говоритъ, что граждане не могли слышать другъ друга отъ скрипа безчисленныхъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія коней въ непріятельскомъ лагерѣ. Татары сдѣлали приступъ и начали бревнами («пороками») разбивать ворота; несмотря на храбрую оборону, къ вечеру они вломились въ городъ. Кіевляне ночью укрѣпились около Десятинной церкви (построенной еще св. Владиміромъ); на слѣдующій день былъ уничтоженъ и этотъ послѣдній оплотъ. Жители большею частію истреблены, и величественный городъ превратился въ груду развалинъ (1240).

Потомъ Татары перешли въ Венгрію и Польшу; но въ Моравіи они въ первый разъ потерпѣли неудачу; въ то же время великій ханъ Угедей умеръ, и Батый воротился назадъ.

Золотая орда. Татары Батыя заняли своими кочевьями

всѣ южныя и восточныя степи Россіи, обращенныя ими по большей части въ пустыню; они образовали новое царство, извѣстное подъ именемъ Золотой или Кипчакской Орды и простиравшееся отъ Урала до низовьевъ Дуная. Главныя силы его сосредоточивались на берегахъ Волги. На волжскомъ рукавѣ Ахтубѣ Батый построилъ городъ Сарай; здѣсь стали жить кипчакскіе ханы, окруженные пышнымъ дворомъ и многочисленнымъ войскомъ. Въ прочихъ степяхъ Татары разсѣялись малыми ордами и кочевали вмѣстѣ съ остатками Половцевъ, Печенѣговъ и другихъ своихъ предшественниковъ; надъ этими ордами начальствовали темники или воеводы, которые должны были оберегать предѣлы Кипчака и держать въ повиновеніи покоренные народы [3]).

Батый приказалъ всѣмъ русскимъ князьямъ пріѣхать въ Орду для изъявленія покорности; ослушникамъ грозила потеря волостей. Немногіе отказались исполнить ханскую волю. Вслѣдъ за Суздальскими князьями явились Рязанскіе, Черниговскіе, Сѣверскіе, и съ разными унизительными обрядами представились хану. Такъ, они должны были проходить между священными огнями, разложенными подлѣ ханской ставки, кланяться языческимъ кумирамъ, становиться на колѣни, пить кумысъ и пр. Набожный Михаилъ Черниговскій не хотѣлъ поклониться языческимъ идоламъ и былъ замученъ вмѣстѣ со своимъ бояриномъ Ѳеодоромъ.

Зависимость Россіи отъ Татаръ главнымъ образомъ состояла въ дани. Она отдавалась сначала на откупъ восточнымъ купцамъ, которые собирали ее съ большою жестокостью подъ покровительствомъ ханскихъ чиновниковъ (баскаковъ) и многочисленныхъ татарскихъ отрядовъ. Такъ было въ первый и самый тяжкій вѣкъ монгольскаго владычества. Но въ XIV

[3]) Одинъ итальянскій монахъ (Плано Карпини), бывшій посломъ отъ папы, говоритъ слѣдующее:

„Когда надлежало идти ко двору Батыя, то намъ объявили, что надобно пройти между двухъ огней, на что мы никакъ не соглашались; но они сказали: „ступайте смѣло; это нужно только для того, что ежели вы имѣете какой злой умыселъ противъ нашего государя или носите при себѣ ядъ, то огонь истребитъ всякое зло“. „Если такъ, то мы готовы идти“—отвѣчали мы, чтобы не оставаться въ подозрѣніи. По врученіи подарковъ, ввели насъ въ ханскую ставку, заставивъ прежде поклониться и выслушать опять предостереженіе не наступать на порогъ. Вошедъ въ ставку, говорили мы нашу рѣчь, стоя на колѣняхъ, а потомъ подали грамоту“.

столѣтіи великіе князья сами стали собирать русскую дань и отвозить въ Орду. Кромѣ дани князья обязаны были по первому требованію соединить свои дружины съ войсками хана и идти на его враговъ. Татары не нарушили существовавшаго въ Россіи политическаго порядка; она попрежнему управлялась русскими князьями. Послѣдніе однако утверждались въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ ханскими грамотами (ярлыками), за которыми обыкновенно путешествовали въ Орду, гдѣ должны были раздавать многочисленные подарки ханскимъ любимцамъ и женамъ. Греческая религія осталась неприкосновенною, и ханы даже исключили русское духовенство изъ поголовной дани. Татары вообще отличались вѣротерпимостью; въ то время они были еще идолопоклонниками; но вскорѣ между ними распространилась религія Магомета.

Династія Джучи господствовала въ Золотой Ордѣ до конца XIV вѣка. Въ началѣ она зависѣла отъ великаго хана, жившаго въ Средней Азіи; но огромная имперія Чингиза распалась на отдѣльныя государства, и Кипчакскій ханъ сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ монгольскихъ властителей. Послѣ смерти Батыя (1255 г.) недолго существовало согласіе и въ самой семьѣ Джучидовъ; произошли обычные споры за престолъ, которые впослѣдствіи повели за собой раздробленіе и упадокъ Кипчакскаго царства. Первый примѣръ отпаденія и междоусобной войны подалъ Ногай, который начальствовалъ западными улусами въ концѣ XIII вѣка. По послѣ его смерти Ногайскіе Татары опять соединились съ Сарайскими, и въ царствованіе Узбека (1313—1340) Золотая Орда достигла высшей степени своего блеска и могущества.

Съ паденіемъ Кіева политическая связь между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ Россіи почти прекращается. Исторія каждой части идетъ послѣ того особымъ путемъ.

Русь Сѣверовосточная и Александръ Невскій. Юрію II наслѣдовалъ во Владимірѣ его младшій братъ Ярославъ Всеволодовичъ, князь дѣятельный и бережливый. Онъ нашелъ сѣверныя области въ самомъ печальномъ состояніи: многіе города и села лежали въ развалинахъ, значительная часть населенія скрывалась въ лѣсахъ и дебряхъ. Великій князь вы-

звалъ жителей изъ лѣсовъ и усердно началъ возобновлять города. Онъ смирился передъ ханомъ и первый подалъ примѣръ покорности, за что и былъ утвержденъ въ своемъ старшинствѣ между русскими князьями. По требованію Батыя, онъ предпринялъ потомъ путешествіе въ глубину монгольскихъ степей къ истокамъ Амура, чтобы поклониться великому хану Гаюку, и во время этого труднаго путешествія скончался (1246 г.). Спустя шесть лѣтъ, послѣ нѣкоторыхъ споровъ между родичами, Владимірскій столъ перешелъ въ руки Александра Ярославича.

Александръ Невскій княжилъ въ Новгородѣ въ то время, когда Батый опустошалъ сѣверную Русь. Это былъ самый замѣчательный изъ всѣхъ современныхъ князей; съ блестящею храбростію онъ умѣлъ соединить осторожность и холодную разсчетливость. Первый подвигъ, доставившій ему славу, былъ совершенъ на берегахъ Невы. Распространяя свое господство на сѣверъ отъ Финскаго залива, Новгородцы пришли въ столкновеніе со Шведами, которые старались утвердиться въ тѣхъ мѣстахъ и насильно вводили тамъ католическую религію. Подстрекаемые Новгородцами, новообращенные туземцы не разъ возставали противъ своихъ утѣснителей и возвращались къ язычеству. Римскій папа велѣлъ тогда проповѣдывать въ Швеціи крестовый походъ противъ Русскихъ и Финновъ. Сильное крестоносное ополченіе подъ начальствомъ Биргера высадилось на южномъ берегу Невы. Александръ Ярославичъ немедленно собралъ новгородскую дружину, съ необыкновенною быстротой напалъ на Шведовъ и поразилъ ихъ на-голову (1240 г.). Любимый гражданами, онъ однако не могъ ужиться съ ними въ мирѣ и скоро оставилъ Новгородъ. Но опасность со стороны Ливонскаго ордена заставила ихъ опять призвать Александра, и рыцари потерпѣли отъ него сильное пораженіе на льду Чудскаго озера („Ледовое побоище" 1242 г.). Также удачны были походы его противъ Литовцевъ, которые около того времени начинаютъ сильно тѣснить русскіе предѣлы на западѣ.

Храбро сражаясь съ западными врагами, Александръ совсѣмъ иначе велъ себя относительно восточныхъ варваровъ. Онъ понималъ, что раздробленная Русь не въ состояніи на-

чать новую борьбу съ монгольскими ордами, и безусловную покорность считать единственнымъ средствомъ спасти ее отъ конечнаго разоренія. Неоднократными путешествіями въ Орду съ богатыми дарами онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе Батыя и его преемниковъ; сдѣлавшись великимъ княземъ, Александръ особенно старался внушать русскому народу терпѣніе и покорность въ отношеніи къ завоевателямъ. Однако это ему не всегда удавалось. Первый примѣръ неповиновенія подали Новгородцы: они не хотѣли дозволить у себя татарскимъ баскакамъ поголовную перепись, которую ханъ Беркаи велѣлъ произвести въ Россіи для того, чтобы опредѣлить количество дани. Когда же Александръ и бояре новгородскіе начали уговаривать гражданъ, чернь подняла мятежъ, убила своего посадника и укоряла великаго князя въ томъ, что онъ продаетъ новгородскую вольность, и свободныхъ людей хочетъ сдѣлать рабами. Только слухи о приближеніи сильнаго татарскаго войска и угрозы Александра покинуть городъ на жертву ханскому гнѣву заставили Новгородцевъ смириться. Вслѣдъ затѣмъ начались волненія въ другихъ мѣстахъ. Восточные или бесерменскіе купцы, взявшіе русскую дань на откупъ, собирали ее съ большою жестокостію и жадностію; тѣхъ, которые не могли заплатить, они уводили въ рабство, а богатыхъ людей принуждали выкупать свою свободу. Угнетенный народъ въ нѣкоторыхъ городахъ (Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ) собрался на вѣче и возсталъ противъ сборщиковъ дани; одни изъ бесерменовъ были убиты, другіе прогнаны. Послѣ того надобно было ожидать новаго нашествія: но Александръ поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ умилостивить Беркая. Это былъ его послѣдній подвигъ; на возвратномъ пути онъ скончался (1263 г.). Когда вѣсть о его кончинѣ пришла во Владиміръ, митрополитъ, совершавшій въ то время богослуженіе, обратился къ народу со словами: „Чада моя милая! Знайте, что закатилось солнце земли Русской!" Народъ отвѣчалъ плачемъ и рыданіями. Александръ хотя на короткое время умѣлъ доставить Сѣверной Руси отдыхъ отъ татарскихъ погромовъ и внутреннихъ междоусобій; поэтому народъ оплакивалъ его смерть непритворными слезами. (Онъ былъ погребенъ во Владимірскомъ храмѣ Рожде-

ства Богородицы, откуда останки его Петромъ Великимъ перенесены на берега Невы).

По старинному обычаю престолонаслѣдія, Владимірское великое княженіе послѣ Невскаго одинъ за другимъ занимали его младшіе братья (Ярославъ Тверской и Василій Костромской). Потомъ два его сына (Дмитрій Переяславскій и Андрей Городецкій) долго спорили за великокняжескій престолъ, и каждый изъ нихъ призывалъ на помощь татарскіе отряды, грабежи которыхъ увеличивали бѣдствія междоусобной войны.

Между тѣмъ на сѣверо-западѣ Россіи Новгородцы и Псковитяне продолжали борьбу съ Ливонскими рыцарями. Героемъ этой борьбы послѣ Невскаго является одинъ литовскій выходецъ, по имени Довмонтъ, родственникъ знаменитаго литовскаго князя Миндовга. Онъ крестился во Псковѣ и пріобрѣлъ такую любовь гражданъ, что они провозгласили его своимъ княземъ; послѣ того цѣлыя тридцать пять лѣтъ Довмонтъ (въ крещеніи Тимоѳей) мужественно защищалъ Псковъ отъ своихъ единоземцевъ и Ливонскихъ рыцарей. Онъ участвовалъ въ знаменитой Раковорской битвѣ, въ которой ополченіе Ливонскаго Ордена было разбито соединенными силами русскихъ князей (1268 г. Раковоръ названъ у Нѣмцевъ Везенбергъ).

Даніилъ Романовичъ и судьба Южной Руси. Положеніе южныхъ областей послѣ татарскаго нашествія было самое плачевное; особенно сильно пострадало Приднѣпровье. Кіевъ сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, а окрестности его представляли печальную пустыню. Населеніе, уцѣлѣвшее отъ Татаръ, большею частію разсѣялось по другимъ русскимъ областямъ: одни бѣжали на сѣверъ, другіе на западъ въ Галицію. Жители, оставшіеся на мѣстѣ, терпѣли сильное угнетеніе отъ татарскихъ баскаковъ. Въ такомъ же угнетеніи находилась Черниговo-Сѣверская область, которая послѣ князя Михаила, замученнаго въ Ордѣ, раздробилась между его потомками на мелкіе удѣлы (Брянскій, Карачевскій, Тарусскій, Курскій и др.). Гораздо счастливѣе Приднѣпровья была Галиція: она успѣла оправиться отъ татарскаго погрома и пріобрѣсти даже нѣкоторый блескъ, благодаря уму и дѣятельности своего князя Даніила Романовича.

Во время Батыева нашествія Даніилъ спасся въ Венгрію; а по уходѣ Татаръ воротился въ свое княжество, и началъ возобновлять разрушенные города, собирая разбѣжавшихся жителей. По примѣру польскихъ королей, онъ призывалъ въ

свои земли Нѣмцевъ, Евреевъ, Армянъ, и давалъ имъ нѣкоторыя льготы, такъ что въ галицкихъ городахъ скоро стали развиваться промышленность и торговля. Но это пестрое населеніе чуждалось Русской народности и слабо поддерживало князя въ борьбѣ съ внѣшними врагами.

Даніилъ долго не хотѣлъ ѣхать въ Орду и послѣднимъ изъ русскихъ князей представился хану. „Хорошо, что пришелъ наконецъ, сказалъ ему ханъ; а пьешь ли наше питье кумысъ?“ „До сихъ поръ не пилъ, отвѣчалъ Даніилъ: а теперь, если велишь, выпью“. Тяжко однако показалось ему унижаться передъ варваромъ; онъ началъ хлопотать о сверженіи ига и завелъ сношенія съ папою, подавая ему надежду на соединеніе своего народа съ католическою церковью, если получитъ помощь противъ Татаръ. Обрадованный папа прислалъ ему королевскій вѣнецъ и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ на Золотую Орду. Но папскія буллы не произвели никакого дѣйствія, и крестовый походъ не состоялся. Тогда Даніилъ прервалъ свои сношенія съ Римомъ: впрочемъ королевскій титулъ удержалъ за собою. Онъ попытался было одиѣми собственными силами свергнуть иго: но эта попытка окончилась неудачею, и Татары принудили Галицкаго короля разорять укрѣпленія собственныхъ городовъ. Зато борьба его съ другими сосѣдями, напримѣръ съ Ятвягами и Литовцами, была очень успѣшна и доставила ему большую славу между современниками.

По смерти Даніила (1264 г.), Галицкое королевство раздѣлилось между его тремя сыновьями. Они жили довольно согласно, общими силами оборонялись отъ Литовцевъ и Поляковъ, и менѣе другихъ князей раболѣпствовали передъ ханомъ. Внукъ Даніила Юрій успѣлъ даже по наслѣдству соединить подъ своею властію Галицію и Волынь; но вскорѣ потомъ родъ его пресѣкся. Неустройствами югозападной Руси воспользовался польскій король Казиміръ III; онъ нечаяннымъ нападеніемъ захватилъ городъ Львовъ (1340 г.) и потомъ завладѣлъ почти всей Галиціей. А Волынь (Володомірія) досталась на долю великимъ князьямъ Литовскимъ.

IV. ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ДРУЖИННО-КНЯЖЕСКОЙ РУСИ.

Если исключить отчасти Новгородъ, то главныя черты гражданскаго устройства были одинаковы во всѣхъ русскихъ княжествахъ.

Князь и дружина. Верховная власть принадлежала князю. Онъ устраивалъ порядокъ въ своей волости, производилъ судъ и расправу, велъ войну и обыкновенно самъ начальствовалъ надъ войскомъ. Доходы его состояли, во-первыхъ, изъ дани; сначала князья сами съ дружиною объѣзжали свои волости, чтобы собирать дань съ подвластныхъ племенъ и творить между ними судъ; такой обычай назывался полюдьемъ. Но потомъ они стали поручать судъ и сборъ дани въ областяхъ своимъ намѣстникамъ и слугамъ. Эта дань платилась преимущественно естественными произведеніями; одни давали хлѣбъ, другіе мѣха; только нѣкоторые богатые города, напримѣръ Новгородъ, платили серебромъ. Кромѣ даней въ княжескую казну собирались пошлины, торговыя—съ провозимыхъ товаровъ и судныя—съ преступниковъ и тяжущихся. Князья получали еще доходы съ деревень, населенныхъ княжескою челядью; тутъ устраивались ихъ загородные дворы и складывалось всякое добро: скирды хлѣба, стоги сѣна, запасы меду, вина и пр.; тутъ же паслись стада рогатаго скота и многочисленные табуны лошадей. Когда не было войны, самымъ любимымъ занятіемъ князей была охота. (Съ какими трудами и опасностями соединялась она, видно изъ поученія Мономаха). Въ дѣлахъ, касавшихся внутреннихъ междоусобій или внѣшней защиты, добрые князья имѣли обычай собирать родичей для общаго совѣта [1]).

[1]) Примѣръ перваго рода съѣздовъ мы видѣли въ Любечѣ. Возьмемъ изъ лѣтописи примѣръ съѣзда по поводу внѣшней защиты. Въ 1103 году Владиміръ Мономахъ пригласилъ Святополка II выступить весною въ походъ на Половцевъ; но дружина Святополка отсовѣтовала походъ на томъ основаніи, что не время было отрывать земледѣльцевъ отъ поля. Князья уговорились съѣхаться недалеко отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра. Братья сѣли въ одномъ шатрѣ, каждый со своею дружиной. Владиміръ первый прервалъ молчаніе: „Братъ! ты старшій, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю?“ Святополкъ отвѣчалъ: „Братъ! лучше ты начни“. „Какъ же мнѣ говорить!—возразилъ Владиміръ—противъ меня и твоя и моя дружина; скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ и пашни. Но вотъ что для меня удивительно: какъ вы ихъ жалѣете, а того не подумаете, что станетъ весною смердъ пахать

Населеніе княжествъ распадалось главнымъ образомъ на три части: княжескую дружину, смердовъ и людей несвободныхъ.

Самое слово *дружина* указываетъ на ея отношенія къ князю. Онъ жилъ съ нею по-дружески, по-братски, и не скрывалъ отъ нея своихъ намѣреній. Князь почти все время проводилъ съ дружиною: съ нею онъ совѣтовался, пировалъ, судилъ народъ, ходилъ на войну, на охоту, и вообще дорожилъ ея расположеніемъ, потому что она была главною опорою его власти и силы; при томъ же въ случаѣ неудовольствія дружинники, какъ люди вольные, оставляли одного князя и переходили на службу къ другому. *Удѣльная система много способствовала такому переходу и долго мѣшала военнымъ людямъ пріобрѣсти осѣдлость.* Дружина дѣлилась на старшую или бояръ (т.-е. большихъ) и младшую. Вторая извѣстна подъ именами: отроковъ, дѣтскихъ, гридей и пр.; впослѣдствіи она получаетъ общее названіе боярскихъ дѣтей. Бояре были по преимуществу совѣтниками (думцами) князя; изъ нихъ назначались воеводы во время войны и посадники или намѣстники княжескіе по городамъ; послѣдніе пользовались частью доходовъ отъ судопроизводства и разныхъ даней. Кромѣ того за свою службу бояре получали обширныя помѣстья; съ XII вѣка, когда нѣкоторыя вѣтви Игорева дома основались въ отдѣльныхъ княжествахъ, бояре начали пріобрѣтать осѣдлость: они становятся богатыми землевладѣльцами. Образуются знатныя боярскія фамиліи, которыя полагаютъ въ Россіи начало родовой аристократіи. Младшая дружина также съ теченіемъ времени получаетъ осѣдлость: вмѣсто жалованья за службу, князья начинаютъ раздавать ей участки земли, и боярскія дѣти составили классъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Изъ княжескихъ слугъ, отправлявшихъ при дворѣ разныя должности, впослѣдствіи большое значеніе получаютъ дьяки, занимавшіеся письмоводствомъ.

на своей лошади, а пріѣдетъ вдругъ Половчинъ, убьетъ смерда стрѣлою; лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ, да и гумно зажжетъ. Почему же объ этомъ то вы не подумаете?“ Дружина единодушно признала справедливость его словъ. „Я готовъ идти съ тобою“, сказалъ Святополкъ.— „Великое, братъ, добро сдѣлаешь Русской землѣ“, замѣтилъ Владиміръ. Князья встали, поцѣловались и послали звать съ собою въ походъ Святославичей.

Смерды и холопы. Главная масса населенія состояла изъ городскихъ и сельскихъ жителей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ смердовъ; отъ нихъ современемъ отдѣляются наиболѣе зажиточные, уважаемые граждане, которые получаютъ названіе лучшихъ людей. (Въ Новгородѣ они назывались „житьми люди"). Всѣ они обязаны были платить князю дани или оброки, отправлять разныя повинности и по его требованію выставлять военное ополченіе. Сообразно дѣленію на волости и уѣзды, жители распадались на отдѣльныя общины; имѣли свои земскія власти, какъ-то: тысяцкихъ, старостъ, сотскихъ и десятскихъ (которыхъ отчасти выбирали сами); а для рѣшенія общихъ дѣлъ собирались на вѣче или сходку. Князья нерѣдко сами созывали на вѣче лучшихъ гражданъ и совѣтовались съ ними въ затруднительныхъ случаяхъ. Во времена княжескихъ усобицъ и частыхъ перемѣщеній съ одного стола на другой вѣче главныхъ городовъ пріобрѣло большую силу, такъ что иногда само выбирало себѣ князя, и ихъ вѣчевому рѣшенію должно было подчиниться населеніе младшихъ городовъ или пригородовъ. Лѣтописецъ говоритъ, что „Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и Полочане какъ на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ" Но дальнѣйшее развитіе этого вѣчевого порядка замедлялось по мѣрѣ того, какъ возрастала осѣдлость князей и дружины; городскія и сельскія общины мало-по-малу переходятъ въ непосредственное завѣдываніе княжескихъ чиновниковъ, т.-е. посадниковъ, волостелей, тіуновъ и т. п.

Между тѣмъ, какъ въ селахъ жители по преимуществу обработывали землю, въ городахъ стала сосредоточиваться дѣятельность промышленная и торговая. Но въ древнѣйшую эпоху различіе между ними заключалось только во внѣшнемъ видѣ. Городъ обыкновенно строился на высокомъ холмистомъ берегу рѣки и представлялъ группу бревенчатыхъ домиковъ, огороженную деревянными стѣнами, землянымъ валомъ и рвомъ. Внутри большихъ городовъ встрѣчается еще особая крѣпость или замокъ (дѣтинецъ, кремль), но вообще размѣры крѣпостей были очень невелики. До нашествія Монголовъ насчитываютъ въ Россіи по лѣтописямъ около трехъ сотъ городовъ.

Князья, по праву завоевателей, считали всю Русскую землю своею собственностью или „отчиною“. По мѣрѣ того, какъ они раздавали земельные участки своимъ дружинникамъ и духовенству, сельское или крестьянское населеніе все болѣе и болѣе теряло право на владѣніе землею; оно обязывалось платить разнаго рода оброки и отправлять повинности землевладѣльцу. Но сохраняя пока личную свободу, крестьяне могли покидать одинъ участокъ и переселяться на другой; отсюда развились крестьянскіе переходы, которые совершались безъ большого затрудненія, потому что въ тѣ времена даже и внутри Россіи оставалось еще много пустыхъ, незаселенныхъ земель.

Рядомъ съ свободнымъ населеніемъ, въ городахъ и селахъ жили несвободные люди, носившіе названіе холоповъ, челяди и рабовъ. Они употреблялись или для домашней прислуги, или для сельскихъ работъ. Главнымъ источникомъ рабства у насъ, какъ и вездѣ, служила война; плѣнниковъ обращали въ рабовъ и продавали какъ вещь или домашнее животное; иногда впрочемъ князья заселяли плѣнниками пустыя земли. Несостоятельные должники по большей части также обращались въ рабство. Далѣе, въ тѣ грубые вѣка случалось, что во время голода мужья продавали въ неволю своихъ женъ, отцы—дѣтей. По Русской Правдѣ полнымъ или обѣльнымъ холопомъ становился тотъ, кто купленъ при свидѣтеляхъ, кто женится на рабѣ безъ договора (съ ея господиномъ) и кто пойдетъ безъ договора въ „тіуны“ или „ключники“ (т.-е. въ слуги). Потомство рабовъ оставалось въ томъ же несвободномъ состояніи. Кромѣ полныхъ холоповъ, которые совершенно зависѣли отъ воли своего господина и не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ, существовало еще сословіе полу-свободное—наймиты или закупни: это были работники, нанимавшіеся на извѣстный срокъ. Если работникъ, взявъ деньги впередъ, убѣгалъ отъ господина, тогда онъ обращался въ полнаго или обѣльнаго холопа.

Судопроизводство. Торговля. Мѣстомъ для суда служилъ обыкновенно дворъ князя или его намѣстника; судомъ завѣдывали княжескіе слуги, называвшіеся „тіунами“. Древнѣйшее собраніе письменныхъ законовъ у насъ извѣстно подъ

именемъ Русской Правды. Русская Правда сложилась постепенно; первое ея изданіе приписывается Ярославу; потомъ она дополнялась его преемниками и полный свой составъ получила не ранѣе XIII вѣка. Она заключаетъ въ себѣ статьи о наказаніяхъ за разныя преступленія противъ личности и собственности. О тѣлесныхъ наказаніяхъ въ „Правдѣ“ не упоминается; виновный платилъ за все виру, т.-е. денежный штрафъ. За убійство только близкимъ родственникамъ убитаго позволялось совершать кровавую месть; но уже сыновья Ярослава уничтожили это право и замѣнили кровомщеніе также вирою [2]). Если не было представлено свидѣтелей или ясныхъ доказательствъ преступленія, то употреблялось испытаніе желѣзомъ и водою, т.-е. обвиняемый долженъ былъ брать въ руки раскаленное желѣзо или опускать руку въ кипятокъ, и если могъ сдѣлать это безъ вреда себѣ, то признавался невиннымъ. Кромѣ того было въ обычаѣ поле, т.-е. судебные поединки.

Торговыя сношенія значительнѣйшихъ городовъ древней Руси между собою и съ иноземными народами происходили по рѣчнымъ путямъ. Самое важное торговое движеніе совершалось по Великому или Греческому водному пути: съ юга приходили товары изъ Византійской имперіи, съ сѣвера изъ Германіи и Скандинавіи. Кіевъ былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ въ южной Россіи; сюда привозили изъ Греціи разныя ткани, вина, плоды, церковную утварь и дорогое оружіе. По торговлѣ съ Греками много мѣшали кочевыя орды, сначала Печенѣговъ, а потомъ Половцевъ [3]).

[2]) За смерть свободнаго человѣка взыскивалось 40 гривенъ (за боярина вдвое болѣе, а за женщину вдвое менѣе, нежели за мущину), за ударъ палкой 12 гривенъ, за отсѣченіе руки 20 и т. д. Если убійца скроется, то виру платила вервь (община), въ которой найденъ убитый; такая вира называлась „дикая“.

[3]) Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный (въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіи“) описываетъ ежегодное путешествіе русскихъ каравановъ въ Грецію слѣдующимъ образомъ. Зимою приднѣпровскіе Славяне рубили лѣсъ и строили лодки-однодеревки. Въ началѣ весны они пригоняли эти лодки въ Кіевъ; здѣсь купцы, съѣхавшіеся изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и другихъ городовъ, покупали лодки и снаряжали ихъ для морского плаванія. Въ апрѣлѣ собирался весь русскій флотъ у Витичева и отсюда шелъ къ Днѣпровскимъ порогамъ. Лодки съ трудомъ проводились сквозь пороги. Достигнувъ четвертаго порога, купцы выгружали товаръ, и на разстояніи 600 шаговъ слѣдовали берегомъ, ведя за собою скованныхъ невольниковъ. Въ одномъ узкомъ мѣстѣ обыкновенно ихъ дожидались Печенѣги; но Рус-

Въ XII вѣкѣ кіевскіе князья въ извѣстное время года обыкновенно высылали военныя отряды къ низовьямъ Днѣпра навстрѣчу судамъ, приходившимъ изъ Греціи. Когда же появились въ тѣхъ мѣстахъ Монголы, непосредственныя торговыя сношенія съ Византіею почти прекратились. Посредниками въ торговлѣ Русскихъ съ Южною Европою сдѣлались Генуэзцы, которые завели колоніи въ Крыму и при устьяхъ Дона; ханы татарскіе ради собственныхъ выгодъ оказывали имъ покровительство. Въ Сѣверной Россіи главнымъ торговымъ пунктомъ былъ Новгородъ. Суда новгородскія плавали по Балтійскому морю; въ Новгородѣ постоянно жили нѣмецкіе купцы или **гости**; они имѣли тамъ свои дворы, лавки, храмы и судились по своимъ законамъ. Нѣмцы привозили въ Россію оружіе, вина, сукна, полотна, соль, сельдей и въ случаѣ неурожаевъ—хлѣбъ. Кромѣ Новгорода дѣятельное участіе въ этой торговлѣ принимали Псковъ, Полоцкъ и Смоленскъ.

Второе мѣсто послѣ Греческаго занималъ водный путь Поволжскій. Волгою производились торговыя сношенія съ Камскою Болгаріей и Хазаріей, а потомъ съ Казанью и Золотою Ордою. Болгарскіе купцы были посредниками въ торговлѣ Россіи съ Востокомъ; они привозили къ намъ металлическія издѣлія, жемчугъ, шелковыя и бумажныя ткани, серебряную монету и иногда хлѣбъ. У сосѣднихъ кочевыхъ народовъ Русскіе вымѣнивали коней, овецъ, воловъ. Князья наши вообще покровительствовали внѣшней торговлѣ, потому что она доставляла имъ разные предметы роскоши; тогда какъ ихъ собственныя земли были богаты только сырыми произведеніями: мѣхами, медомъ, воскомъ, кожами, пенькой и т. п.[1].

скіе вступали съ ними въ битву и отражали разбойниковъ. Миновавъ это опасное мѣсто, купцы приставали къ одному острову и тутъ подъ огромнымъ дубомъ совершали благодарственное жертвоприношеніе своимъ богамъ. Достигнувъ Днѣпровскаго устья, они отдыхали нѣсколько дней на другомъ островѣ; а потомъ продолжали путь вдоль сѣверо-западныхъ береговъ Чернаго моря.

[1]) Торговля была вообще мѣновая. Собственной монеты Русскіе имѣли очень мало. Вмѣсто монеты служили отчасти мѣха; изъ нихъ произошли куны—первоначально шкуры куницъ, соболей и другихъ пушныхъ животныхъ; впослѣдствіи кунами называли вообще разнаго рода деньги. Собственно русскою монетой являются потомъ куски серебра, подъ названіемъ **гривны**, **рубля**, **полтины** и т. п.

Искусство. Водвореніе искусствъ въ Россіи начинается вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. *Первая художественная дѣятельность была обращена на построеніе и украшеніе храмовъ.* Учителями Русскихъ въ строительномъ искусствѣ и иконной живописи были Греки; но въ Сѣверной Россіи преобладали потомъ нѣмецкіе художники. Изъ древнѣйшихъ памятниковъ строительнаго искусства, наиболѣе уцѣлѣвшихъ до нашего времени, главное мѣсто занимаютъ: во-первыхъ, два Софійскіе собора, одинъ въ Кіевѣ, другой въ Новгородѣ, основанные въ XI вѣкѣ, по примѣру св. Софіи Константинопольской; во-вторыхъ, два соборные храма во Владимірѣ, одинъ во имя Успенія Богородицы, построенный Андреемъ Боголюбскимъ, другой во имя св. Димитрія, построенный Всеволодомъ III. (Владимірскіе соборы построены изъ бѣлаго камня, который привозился водою изъ Камской Болгаріи; на наружной стѣнѣ Дмитріевскаго собора замѣчателенъ красивый поясъ, составленный изъ маленькихъ полуколонокъ, и вообще этотъ соборъ отличается затѣйливостію наружныхъ украшеній). Изъ памятниковъ литейнаго искусства заслуживаютъ вниманія бронзовыя (нѣмецкой работы) Корсунскія ворота Новгородскаго Софійскаго собора. Въ Кіевской Софіи сохранились еще замѣчательныя мозаичныя и фресковыя изображенія (работы греческой). Съ XII вѣка лѣтописи начинаютъ упоминать о русскихъ зодчихъ и живописцахъ. Такъ, описывая обновленіе Суздальскаго храма (1194 г.), лѣтописецъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, какъ о событіи необыкновенномъ, что обновленіе совершено только русскими мастерами безъ помощи Нѣмцевъ.

Что же касается до жилищъ Русскаго народа, то они отличались вообще простотою постройки, малымъ объемомъ и бѣдностью внутреннихъ украшеній. Это были бревенчатые дома или хоромы, раздѣленные на двѣ половины: теплая зимняя изба (собственно «истопка») и холодный лѣтній покой или клѣть; обѣ половины соединялись между собою стѣнами, къ которымъ придѣлывалось крыльцо на столбахъ. (Такая постройка и теперь сохраняется въ нашемъ сельскомъ быту). Этой простотѣ жилищъ соотвѣтствовала и вся прочая обстановка: деревянная и глиняная посуда, столы и лавки грубой работы, закопченный потолокъ съ полатями, соломенная или тростниковая кровля и пр. Хоромы или терема князей, бояръ, высшаго духовенства, и зажиточныхъ горожанъ отли-

чались отъ другихъ большимъ просторомъ, внутренними украшеніями и большею опрятностію. Не только зданія, но и стѣны городскія дѣлались изъ дерева, такъ какъ лѣса въ изобиліи покрывали Россію, а камня было мало. Города подвергались частымъ и опустошительнымъ пожарамъ. Отъ того-то мы имѣемъ такъ мало остатковъ древняго русскаго зодчества. Въ одеждѣ народной господствовала такая же простота, какъ и въ жилищахъ. Но въ высшемъ классѣ замѣтна наклонность къ роскоши и украшеніямъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Одинъ изъ лѣтописцевъ, недовольный современными нравами, приводитъ въ примѣръ первыхъ русскихъ князей. «Тѣ князья—замѣчаетъ онъ—не собирали много имѣнія, не утѣсняли народъ пенями, и дружинники ихъ не говорили: мало мнѣ, князь, двѣсти гривенъ; не надѣвали на своихъ женъ золотыхъ обручей, но ходили ихъ жены въ серебрѣ».

Православная церковь и монашество. Послѣ Владиміра Св. и Ярослава I христіанство довольно медленно распространялось между племенами, вошедшими въ составъ Руси: въ особенности были слабы его успѣхи вдали отъ главныхъ городовъ. Позднѣе другихъ Славянъ обратились къ христіанству Вятичи: только въ XII столѣтіи часть ихъ приняла крещеніе, благодаря усиліямъ св. Кукши, который проповѣдь свою запечатлѣлъ смертью мученика. А въ XIV столѣтіи замѣчательны апостольскіе труды св. Стефана Пермскаго, который водворилъ христіанство между Пермяками или Зырянами (и даже изобрѣлъ для нихъ особую азбуку, чтобы переводить священныя книги на Зырянскій языкъ). Самую упорную борьбу съ язычествомъ должны были выдерживать проповѣдники новой религіи на сѣверѣ; здѣсь финскіе волхвы возмущали противъ нихъ народъ, и жители обращались иногда опять къ язычеству. Такъ было въ Муромской области, въ Ростовской (гдѣ епископъ Леонтій претерпѣлъ мученія отъ язычниковъ), и въ самомъ Новгородѣ. Христіанскому духовенству въ этой борьбѣ усердно помогала свѣтская или княжеская власть; князья нерѣдко силою оружія уничтожали противодѣйствіе волхвовъ и мятежи язычниковъ [5]).

[5]) Однажды въ Новгородѣ явился волхвъ, который началъ смущать народъ мнимыми чудесами и хулою на христіанскую вѣру (1071 г.). Въ городѣ произошелъ мятежъ; народъ хотѣлъ убить епископа. Епископъ облекся въ ризы, взялъ крестъ, вышелъ къ народу и сказалъ: „Кто вѣруетъ волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто почитаетъ крестъ—слѣдуетъ за мною“. Князь Глѣбъ Святославичъ съ дружиною сталъ подлѣ епископа; но около волхва собралась толпа гражданъ. Глѣбъ спряталъ подъ одеждой топоръ,

Вообще народная масса на Руси, также какъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, по своей необразованности, по своимъ наивнымъ, еще дѣтскимъ понятіямъ принимала христіанство болѣе внѣшнимъ образомъ, чѣмъ внутреннимъ, т. е. болѣе обряды новой религіи, нежели ея духовную сторону. Въ народѣ рядомъ съ христіанскими вѣрованіями живутъ еще прежнія языческія преданія, приносятся жертвы языческимъ богамъ и въ честь ихъ совершаются разныя празднества (к у п а л а, к о л я д а, с е м и к ъ и др.). Впрочемъ, подъ вліяніемъ новаго ученія, эти языческія, стихійныя божества мало-по-малу измѣняютъ свой прежній характеръ въ понятіяхъ народныхъ; то причисляются они къ разряду демоновъ или злыхъ духовъ, то смѣшиваются съ ангелами и нѣкоторыми лицами святыхъ изъ Ветхаго и Новаго завѣта. (Напримѣръ, представленіе объ Ильѣ пророкѣ, какъ виновникѣ грома и молніи, напоминаетъ грознаго языческаго Перуна). Высшее духовенство въ своихъ проповѣдяхъ сильно ратуетъ противъ старинныхъ языческихъ обычаевъ и преслѣдуетъ грубыя народныя игрища; нѣкоторые епископы наказываютъ священникамъ отлучать отъ церкви непослушныхъ; запрещаютъ погребать людей, убитыхъ на кулачномъ бою, и т. п. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ христіанской церкви начинается въ Россіи постепенное смягченіе прежнихъ грубыхъ нравовъ.

Кромѣ язычества, укорененнаго въ народной массѣ, Русская церковь уже въ тѣ времена должна была бороться съ новыми ученіями или ересями, возникавшими иногда въ средѣ самаго духовенства. Такова была ересь С т р и г о л ь н и к о в ъ, которая во второй половинѣ XIV вѣка появилась въ области Новгородской [6]).

Церковная іерархія въ Россіи устроилась по образцу греческой. Главнымъ духовнымъ лицомъ былъ митрополитъ, который въ первые вѣка нашего христіанства избирался обыкновенно между Греками и ѣздилъ на поставленіе къ Константинопольскому патріарху. *Изъ Русскихъ первый достигъ митрополичьяго престола Иларіонъ, современникъ Яросла-*

подошелъ къ волхву и спросилъ: „Знаешь ли, что будетъ завтра?“ „Знаю“, отвѣтилъ онъ. „А знаешь ли, что будетъ сегодня?“ „Я сотворю великія чудеса“. Тогда Глѣбъ ударилъ волхва топоромъ, и тотъ упалъ мертвый. Мятежъ послѣ того утихъ, и толпа разошлась по домамъ.

[6]) Проповѣдникомъ этой ереси былъ нѣкто дьяконъ, растрига Карпъ, ремесломъ стригольникъ (м. б. занимавшійся стрижкою волосъ). Нападая на корыстолюбіе священниковъ и епископовъ, на ихъ поставленіе за деньги, онъ началъ отрицать свою духовную іерархію и таинства. Ученіе его нашло себѣ послѣдователей въ Новгородѣ и Псковѣ. Духовенство усердно вооружилось противъ еретиковъ. Карпъ съ двумя главными товарищами былъ брошенъ народомъ въ Волховъ (1375 г.). Но ересь и послѣ того не прекращалась.

ва I. Послѣ татарскаго нашествія митрополитъ оставилъ разоренный Кіевъ и переѣхалъ во Владиміръ на Клязьмѣ, а оттуда его престолъ въ XIV вѣкѣ перенесенъ въ Москву. Вся Русь въ церковномъ отношеніи была раздѣлена на епископіи, границы которыхъ большею частію совпадали съ границами отдѣльныхъ княжествъ. Епископскія каѳедры также долгое время были занимаемы по преимуществу Греками, которые избирались съ согласія князя и ѣздили на поставленіе къ русскому митрополиту. По церковнымъ уставамъ Владиміра Вел. и Ярослава I, духовному суду предоставлены были семейныя тяжбы и преступленія противъ нравственности, каковы: нарушеніе брака, оскорбленіе родителей, оскорбленіе женской чести, ссоры между близкими родственниками и пр.; доходы съ этого суда или виры шли въ пользу самихъ судей. Кромѣ того на содержаніе храмовъ и духовенства назначались разныя недвижимыя имущества, а нѣкоторые князья отдѣляли церкви десятину, т.-е. десятую часть извѣстныхъ доходовъ.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ появилось въ Россіи монашество, устроенное также по образцу греческому. Люди, отличавшіеся особенною ревностью къ новой религіи, отрекались отъ міра, уходили въ лѣса и начинали вести уединенную жизнь, посвящая ее посту и молитвѣ. Около такихъ подвижниковъ собирались ученики и составляли монашескую братію: они строили небольшую церковь, нѣсколько келій; обносили ихъ деревянною стѣной и вводили у себя монастырскій уставъ. Благочестивые князья покровительствовали монастырямъ, дарили ихъ разнымъ имуществомъ, угодьями (рыбными, бортными и др.) и уже съ XI вѣка начали давать имъ населенныя земли, т.-е. деревни и села. Примѣру князей слѣдовали ихъ бояре и другіе зажиточные люди, которые дѣлали вклады на молитву о своемъ здравіи при жизни и на поминъ души послѣ смерти. Монастыри стали богатѣть, украшаться каменными зданіями и дорогою церковною утварью. Число ихъ особенно увеличилось во время Монгольскаго ига—время частыхъ бѣдствій и разореній, когда монастыри представляли болѣе спокойствія и безопасности, нежели города. Самые знаменитые монастыри древней Руси были: Кіево-Печерская лавра, основанная въ XI в., Троицкая лавра

и Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь—въ XIV, и Соловецкая обитель—въ XV в.

Вотъ какимъ образомъ положено было основаніе Кіево-Печерской лавры:

Одинъ гражданинъ города Любеча, Антоній, ходилъ паломникомъ (странникомъ) въ Грецію на Аѳонскую гору, и постригся тамъ въ монахи. Воротясь въ Россію, онъ поселился недалеко отъ Кіева, въ пещерѣ на берегу Днѣпра. Слава о святости Антонія привлекла къ нему нѣсколько послѣдователей; онъ образовалъ изъ нихъ монастырскую общину, поставилъ имъ игумена, а самъ затворился въ пещерѣ и не выходилъ изъ нея въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Монахи сначала жили также въ ископанныхъ ими пещерахъ (откуда и названіе монастыря «Печерскій»). Великій князь Изяславъ I отдалъ имъ всю сосѣднюю гору. Тогда братія построила тамъ монастырскія зданія. Настоящимъ устроителемъ этого монастыря явился второй его игуменъ Ѳеодосій. Имѣя съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ матери; приходилъ въ разные монастыри, но тамъ, видя простоту и худыя одежды юноши, не приняли его въ число братіи. Наконецъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Ѳеодосій былъ человѣкъ твердой воли, дѣятельнаго, энергическаго характера. Сдѣлавшись игуменомъ, онъ подавалъ братіи примѣръ непрерывныхъ трудовъ, поста и изнуренія плоти: самъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи, ходилъ въ ветхой одеждѣ. Отъ братіи онъ требовалъ безусловнаго послушанія и ввелъ принесенный изъ Константинополя общежительный уставъ Студійскаго монастыря, который предписывалъ очень строгія правила и ежедневные труды. Изъ Печерской лавры этотъ уставъ распространился потомъ и въ другихъ русскихъ обителяхъ. Трудясь для монастыря, Ѳеодосій не былъ чуждъ и мірскимъ дѣламъ; своими совѣтами и поученіями онъ дѣйствовалъ на князей и бояръ. Изъ Кіевопечерской лавры вышли многіе знаменитые проповѣдники и епископы древней Руси. Здѣсь были написаны многія житія святыхъ, монаховъ того же монастыря (Сборникъ этихъ житій названъ «Патерикъ Печерскій»). Основательницами и игуменьями женскихъ обителей нерѣдко являлись благочестивыя княгини и княжны. (Напримѣръ св. Ефросинія Полоцкая, въ XII в.).

Духовенство въ Россіи, кромѣ религіознаго, имѣло и политическое значеніе. Князья въ важныхъ случаяхъ совѣтуются не съ одними боярами и лучшими людьми, но и съ духовенствомъ. Во время княжескихъ междоусобій оно не разъ являлось посредникомъ и примирителемъ враждующихъ сторонъ. Находя опору въ княжеской власти, оно въ свою очередь помогало укрѣпленію этой власти и давало ей ре-

лигіозное освященіе въ глазахъ народа. Православная церковь со своей стороны не мало способствовала сліянію разрозненныхъ дотолѣ племенъ въ одну Русскую народность. Вообще русское православіе уже съ самыхъ первыхъ вѣковъ своего существованія обнаружило двѣ главныя черты, отличающія его отъ западнаго католицизма: *оно чуждо властолюбивыхъ стремленій папства, и не слѣдовало примѣру Латинской церкви, которая силою меча обращала язычниковъ въ христіанство* (и создала такое учрежденіе какъ инквизиція).

Просвѣщеніе. *Начало христіанства на Руси было и началомъ русскаго просвѣщенія*. Вмѣстѣ съ нимъ, какъ извѣстно, Русскіе получили славянскую грамоту или письменность. Притомъ религія, принятая отъ Грековъ, облегчила путь въ Россію византійскому образованію, которое весьма замѣтно отразилось въ искусствахъ, въ гражданскихъ уставахъ и въ литературѣ. Въ то же время, при помощи торговли и частыхъ политическихъ сношеній, въ древнюю Русь проникло вліяніе западно-европейской образованности; а съ востока могли приходить и нѣкоторыя начала арабской цивилизаціи. Но въ XIII вѣкѣ съ двухъ сторонъ Россію облегла дикая Татарская орда, наложила на нее иго и надолго задержала развитіе русскаго просвѣщенія. Въ слѣдующемъ столѣтіи возникло сильное Литовское государство, которое вмѣстѣ съ Ливонскимъ орденомъ загородило Россію отъ Западной Европы, и, благодаря только новгородской торговлѣ, не были совершенно прекращены ихъ сношенія.

Духовенство въ Древней Руси было почти единственное грамотное сословіе; литературная дѣятельность развилась подъ вліяніемъ церковно-византійской письменности (помощію болгарскихъ и отчасти сербскихъ переводовъ), и сосредоточивалась болѣе всего въ тиши монастырскихъ келій. Памятниками словесности того времени служатъ объясненія разныхъ вопросовъ, относящихся къ вѣрѣ, нравственнымъ правиламъ и религіознымъ обрядамъ, напримѣръ: „сочиненія митрополита Иларіона“, „проповѣди Кирилла, епископа Туровскаго“ (въ XII в.), „вопросы Кирика, обращенные къ новгородскому епископу Нифонту“, и др. Далѣе до насъ дошли многочисленныя житія святыхъ (напримѣръ: „Житіе Ѳеодо-

сія, игумена Печерскаго", написанное Несторомъ), поученія къ дѣтямъ (Владиміра Мон.), описанія путешествія къ святымъ мѣстамъ („Хожденіе Даніила паломника въ Іерусалимъ"), загадочное „Слово о Даніилѣ Заточникѣ" [7]) и пр.

Наиболѣе видное мѣсто между произведеніями древнерусской словесности занимаютъ лѣтописи, т.-е. погодныя записки о событіяхъ. Отцомъ нашихъ лѣтописцевъ не совсѣмъ вѣрно считался Несторъ, монахъ Кіево-Печерской лавры, жившій во второй половинѣ XI вѣка [8]). ***Извѣстная подъ именемъ Несторовой, но принадлежащая его современнику Сильвестру, игумену Выдубецкому, лѣтопись составлена по образцу византійскихъ лѣтописцевъ*** и описываетъ событія Русской исторіи почти до княженія Мономахова. Народныя преданія служили ей главнымъ источникомъ для исторіи первыхъ русскихъ князей; потому она отличается иногда характеромъ баснословнымъ; но чѣмъ болѣе событія приближаются ко времени самого лѣтописца, тѣмъ описаніе ихъ становится полнѣе и достовѣрнѣе. Нашлись люди, которые продолжали лѣтописное дѣло и записывали событія въ разныхъ концахъ Россіи; такимъ образомъ явилось нѣсколько мѣстныхъ лѣтописей, именно: Кіевская, Новгородская, Суздальская, Волынская и др. Сюда заносились часто отрывки изъ житій святыхъ и украшенныя цвѣтами краснорѣчія сказа-

---

7) Какой-то Даніилъ попалъ въ немилость, заточенъ на озеро Лаче, и пишетъ отсюда „Слово" къ князю (по мнѣнію нѣкоторыхъ, къ Ярославу, сидѣвшему въ Новгородѣ въ концѣ XII вѣка). Онъ превозноситъ мудрость и богатство князя, выражаетъ свои страданія и скорбитъ о княжеской немилости; вооружается противъ глупыхъ людей (повидимому, виновниковъ его несчастія), противъ монаховъ, принявшихъ духовный санъ не по внутреннему призванію, и особенно противъ злыхъ женъ. „Слово" обнаруживаетъ большую начитанность въ сочинителѣ. Оно изобилуетъ притчами и пословицами; напримѣръ: „лучше лихорадкой болѣть, чѣмъ со злою женою жить", „глупаго учить—въ худой мѣхъ воду лить", „княжаго тіуна бойся какъ огня, а служителей его какъ искръ" и т. п. Слово Заточника, какъ голосъ страждущаго противъ мірскихъ неправдъ, пользовалось большимъ сочувствіемъ въ древней Руси. Этимъ сочувствіемъ объясняется слѣдующая прибавка (сочиненная позднѣйшими переписчиками): „Посланіе свое Заточникъ запечаталъ въ воскъ и бросилъ въ озеро; рыба проглотила свитокъ; рыбакъ поймалъ рыбу, принесъ свитокъ князю, князь прочелъ и велѣлъ освободить Даніила изъ горькаго заточенія".

8) „Когда мнѣ было 17 лѣтъ,—говоритъ лѣтописецъ,—я, недостойный, пришелъ къ Ѳеодосію, и онъ принялъ меня въ монастырь". Но это не могъ сказать Несторъ. Онъ написалъ житіе Ѳеодосія Печерскаго, гдѣ ясно говоритъ, что уже не засталъ Ѳеодосія въ живыхъ и писалъ о немъ по разсказамъ другихъ монаховъ.

нія о какомъ-либо знаменитомъ князѣ, или о важномъ событіи, напр., объ Александрѣ Невскомъ, о нашествіи Батыя на Рязанскую землю, о „Мамаевомъ побоищѣ“ и пр.

При нѣкоторыхъ княжескихъ дворахъ развивалась историческая поэзія, предметомъ которой служили подвиги князей и дружины. Образецъ такой поэзіи представляетъ намъ „Слово о полку Игоревѣ“ [9]).

Самую богатую эпоху въ отношеніи къ произведеніямъ словесности составляетъ XII вѣкъ и первая половина XIII. Эпоха, послѣдующая за нашествіемъ Татаръ, напротивъ, очень бѣдна замѣчательными памятниками литературы, что ясно указываетъ на упадокъ просвѣщенія.

Вообще раздробленіе Руси на отдѣльныя княжества не мало способствовало распространенію гражданственности. Князья со своими дружинами размѣстились по всѣмъ угламъ Россіи; они старались населять свои удѣлы, строили города, украшали ихъ храмы, покровительствовали торговлѣ и ремесламъ, разбирали тяжбы, заставляли переписывать книги и пр. Въ княжеской дружинѣ находились многіе опытные люди, которые побывали въ различныхъ краяхъ, видѣли много земель. Около князей собиралось грамотное духовенство. *Но съ другой стороны раздробленіе Руси помогло дикимъ варварамъ поработить ее своему игу.*

Съ XIV вѣка удѣльно-вѣчевой порядокъ начинаетъ мало-по-малу уступать мѣсто другому порядку, единодержавному:

---

[9]) Содержаніе его слѣдующее:

Игорь Святославичъ, князь Сѣверскій, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Всеволодомъ Трубчевскимъ отправляется на Половцевъ. Сначала походъ удаченъ, враги разбиты, князья идутъ далѣе. На берегахъ Каялы, впадающей въ Донъ, ихъ встрѣчаютъ ханы Гзакъ и Кончакъ съ многочисленными толпами Половцевъ. Происходитъ упорная битва; русская дружина истреблена, князья взяты въ плѣнъ. Печаль разливается по всей Русской землѣ. Супруга Игоря плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ и обращается съ жалобами на свое горе къ вѣтрамъ, къ солнцу и Днѣпру. Въ заключеніе князь съ помощью половчина Овлура убѣгаетъ изъ плѣна и благополучно возвращается домой.

Разсказъ поэта почти во всемъ сходенъ съ извѣстіемъ лѣтописца о томъ же походѣ (подъ 1185 г.). „Слово“ написано на древнемъ южно-русскомъ нарѣчіи, и дошло до насъ въ искаженномъ видѣ. Оно изобилуетъ поэтическими красотами. Авторъ искусно воспользовался миѳологическими вѣрованіями древней Руси и изобразилъ всю природу существомъ живымъ, которое скорбитъ о несчастіи князя и радуется его удачѣ. Онъ также искусно воспользовался пораженіемъ своего героя, чтобы указать на главный источникъ торжества враговъ—на княжескія междоусобія.

между тѣмъ какъ Югозападная Русь, собранная великими князьями Литовскими, соединяется съ Польшею въ одно государство, Москва притягиваетъ къ себѣ удѣлы сѣверо-восточные.

V. ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ ПОДПАДАЕТЪ ВЛАДЫЧЕСТВУ ЛИТОВСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

1315—1340—1377—1386—1430.

Литва распадалась на слѣдующія главныя племена: собственная Литва и Жмудь поселились въ области Нѣмана; къ западу отъ нихъ, между Нѣманомъ и Вислой, обитали Пруссы; а къ сѣверу Корсь, Зимгола и Летгола (Латыши) [1]). Между тѣмъ какъ на нижнемъ теченіи Двины основался Ливонскій Орденъ Меченосцевъ, на нижнемъ теченіи Вислы около половины XIII вѣка утвердился другой рыцарскій орденъ — Тевтоновъ, которыхъ призвалъ одинъ польскій князь на помощь противъ Пруссовъ. Послѣ отчаянной борьбы Пруссы, Корсь, Зимгола и Латыши были завоеваны, и силою оружія обращены въ христіанскую вѣру; но дальнѣйшимъ успѣхамъ Меченосцевъ и Тевтоновъ положили предѣлъ Литовцы, обитавшіе по Нѣману и его притокамъ.

Живя въ странѣ бѣдной и глухой, покрытой дремучими лѣсами и болотами, Литовское племя долго оставалось недоступно чужеземному вліянію. Оно успѣло болѣе развить свою языческую религію, нежели сосѣдніе соплеменные ему Славяне. Такъ мы находимъ здѣсь жреческое сословіе весьма важное по своему значенію: жрецы назывались вайделотами; высшіе изъ нихъ, извѣстные подъ именемъ кривитовъ, избирали главнаго жреца или Криве-Кривейто, который былъ вмѣстѣ и верховный судія. Главнымъ божествомъ почитался Перкунъ, богъ молніи; передъ его идоломъ постоянно пылалъ священный огонь (Зничъ); ему иногда приносились въ жертву знатнѣйшіе плѣнники. Князья же за-

---

[1]) На югѣ къ собственной Литвѣ и Пруссамъ примыкали Голядь и Ятвяги (въ нынѣшней Гродненск. губ.), по всей вѣроятности племена также литовскія. Въ XIII вѣкѣ они были почти истреблены своими сосѣдями, Поляками и Русскими.

нимались преимущественно военными дѣлами; когда умножились войны съ сосѣдями, то и власть княжеская стала усиливаться. Отъ набѣговъ безпокойной Литвы много страдали сосѣднія русскія княжества, особенно Полоцкое и Волынское. Трубя въ свои длинныя трубы, на крѣпкихъ лѣсныхъ коняхъ Литовцы совершали быстрые набѣги, жгли селенія и уводили жителей въ плѣнъ. Пока это племя было раздроблено на мелкія владѣнія, Русскіе съ успѣхомъ отражали его набѣги; а иногда платили ему взаимными опустошеніями и налагали на него дань. (Литовцы были въ то время весьма бѣднымъ народомъ: по сказанію польскихъ лѣтописцевъ, они платили русскимъ князьямъ дань вѣниками и лыками).

Въ XIII вѣкѣ въ Литвѣ начало развиваться единодержавіе.

Хитрый Миндовгъ, одинъ изъ литовскихъ князей (или кунигасовъ), отчасти силою, отчасти коварствомъ успѣлъ подчинить своей верховной власти почти всю Литву и захватить нѣкоторыя русскія области, ослабленныя нашествіемъ Монголовъ, напримѣръ, землю Городенскую или Гродненскую. (Часть земли Кривской или Полоцкой еще прежде Миндовга сдѣлалась добычею новыхъ завоевателей). Только побѣды Александра Невскаго и Даніила Романовича остановили на время успѣхи Литовцевъ. Угрожаемый въ то же время со стороны Ливонскихъ рыцарей, Миндовгъ притворно принялъ католическую вѣру [2]).

Смутный періодъ, наступившій въ Литвѣ послѣ Миндовга (и его сына Войшелга), ознаменованъ по преимуществу борь-

[2]) Въ Новгородокъ, столицу Миндовга, прибыли папскій легатъ и магистръ Нѣмецкаго ордена съ знатнѣйшими рыцарями. На сосѣдней равнинѣ, при огромномъ стеченіи народа, Миндовгъ вмѣстѣ съ супругою былъ окрещенъ и торжественно помазанъ въ короли. Въ тотъ же день крестилось нѣсколько сотъ Литвиновъ. Но потомъ рыцари все-таки заставили своего новаго союзника уступить имъ часть Жмуди, что возбудило неудовольствіе между языческими подданными Миндовга. Тогда онъ отрекся отъ христіанства и возстановилъ при своемъ дворѣ языческіе обряды. Жена Миндовга, сохранившая вѣрность христіанству, вскорѣ умерла. На погребеніе къ ней пріѣхала ея сестра, бывшая въ замужествѣ за однимъ удѣльнымъ литовскимъ княземъ, Довмонтомъ. Миндовгъ задержалъ ее, и женился на ней. Оскорбленный мужъ подстерегъ Миндовга на дорогѣ и убилъ его (1263).

бою великихъ князей Литовскихъ съ удѣльными за единодержавіе. Конецъ этому смутному періоду и начало новому быстрому возвышенію Литвы положилъ знаменитый Гедиминъ.

Гедиминъ (1315—1340). Есть преданіе, будто онъ былъ конюшимъ литовскаго князя Витена, умертвилъ своего господина и захватилъ себѣ верховную власть; но по другимъ, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, онъ былъ просто братъ и законный преемникъ Витена. Необыкновенно умный и предпріимчивый, Гедиминъ искусно воспользовался слабостію и неустройствами юго-западной Руси для того, чтобы отчасти подчинить ее Литовскому владычеству, отчасти подготовить это подчиненіе. Такъ съ помощью родственныхъ связей и договоровъ онъ присоединилъ область Витебскую и приготовилъ соединеніе земли Волынской съ великимъ княжествомъ Литовскимъ.

Жители русскихъ областей охотно признавали надъ собою владычество Литвы, потому что оно было для нихъ освобожденіемъ отъ тяжелаго татарскаго ига; притомъ Гединъ не нарушалъ ихъ внутренняго, гражданскаго устройства, и оставилъ древнія права православному духовенству. Многіе русскіе города сдались ему добровольно. Гедиминъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго и Русскаго и утвердилъ свою столицу въ городѣ Вильнѣ, который былъ построенъ имъ на холмистыхъ берегахъ Виліи. Онъ много заботился о распространеніи образованности между полудикими Литовцами, даровалъ ганзейскимъ купцамъ право безпошлинной торговли въ своихъ владѣніяхъ и вызывалъ изъ сосѣднихъ земель ремесленниковъ, а завоеванными областями управлялъ довольно кротко. Гедиминъ старался родственными союзами связать свой домъ съ потомствомъ Владиміра Великаго, дозволяя даже своимъ сыновьямъ принимать крещеніе по греческому обряду и строить христіанскіе храмы въ Вильнѣ и Новгородкѣ. Самъ же онъ оставался вѣренъ религіи предковъ и умеръ язычникомъ, смертельно раненый пулею при осадѣ одного рыцарскаго замка. Тѣло князя по древнему литовскому обычаю было сожжено

на кострѣ вмѣстѣ съ его боевымъ конемъ и любимымъ оруженосцемъ [3]).

Ольгердъ (1345—1377). Слѣдуя тому же удѣльному порядку, который господствовалъ въ древней Руси и Польшѣ, Гедиминъ роздалъ волости своимъ семи сыновьямъ, но при этомъ стольный городъ Вильну назначилъ младшему сыну (Явнуту). Самый умный изъ братьевъ Ольгердъ, соединился съ самымъ храбрымъ, Кейстутомъ, завладѣлъ Вильною и присвоилъ себѣ верховную власть надъ всѣмъ Литовскимъ княжествомъ. Кейстуту онъ отдѣлилъ Жмудь и сѣверную часть Литвы (княжество Трокское), а себѣ взялъ восточную половину (княжество Виленское). Правленіе его ознаменовано необыкновенною воинственною дѣятельностью. Со всѣхъ сторонъ окруженный врагами, Ольгердъ почти все время провелъ въ борьбѣ съ сосѣдями, и большею частію оставался побѣдителемъ. Онъ докончилъ подчиненіе Южной Руси, отнявъ у Татаръ земли Кіевскую, Черниговскую, Сѣверскую и Подолію; далеко отодвинулъ въ степи татарскія орды и первый началъ тѣснить Сѣверовосточную Русь. Но борьба на западѣ съ Поляками и двумя рыцарскими орденами (Ливонскимъ и Тевтонскимъ) задержала его стремленіе на востокъ. По замѣчанію русскихъ лѣтописцевъ, Ольгердъ отличался отъ своихъ единовѣрцевъ большою воздержностью, такъ что не пилъ ни вина, ни меда, и при томъ былъ очень скрытенъ; отправляясь на войну, онъ не говорилъ заранѣе, куда намѣренъ идти, и потому нерѣдко заставалъ непріятелей врасплохъ.

Ягайло (1377—1434) **и введеніе католичества**. Подобно отцу, Ольгердъ раздѣлилъ свое княжество, и старшій столъ

---

[3]) ГЕДИМИНЪ.

Ольгердъ. — Кейстутъ. — Явнутъ.

Ягело (или Владиславъ II). — Витовтъ. Сигизмундъ.

Владиславъ III. Казиміръ IV.

Янъ-Альбрехтъ. Александръ. Сигизмундъ I.

Сигизмундъ II Августъ. Екатерина (супруга Іоанна Вазы Шведскаго).

Сигизмундъ III.

Владиславъ IV. Янъ-Казиміръ.

отдалъ среднему сыну Ягеллу или Ягайлу (рожденному отъ тверской княжны Юліаніи). Послѣдній захватилъ коварнымъ образомъ въ плѣнъ своего престарѣлаго дядю Кейстута, и велѣлъ его умертвить [4]). Стремясь возстановить единодержавіе, онъ началъ преслѣдовать родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, которые большею частію спасались въ сосѣднія земли.

Вскорѣ потомъ *Ягайло крестилъ Литовскій народъ по католическому обряду и положилъ начало соединенію Литвы съ Польшею,—что имѣло весьма важное вліяніе на дальнѣйшія судьбы Восточной Европы.*

Въ Литвѣ уже давно дѣйствовала христіанская проповѣдь съ двухъ сторонъ: изъ католической Польши и Православной Руси. Князья литовскіе, вступая въ родственныя связи съ польскими и русскими князьями, допускали въ свою страну проповѣдниковъ католическихъ и православныхъ. Ожесточенная и безпрерывная борьба съ Тевтонскимъ орденомъ, вводившимъ христіанство силою меча, отвращала Литвиновъ отъ католичества и возбуждала въ нихъ языческій фанатизмъ [5]). Гораздо успѣшнѣе распространялось между ними православіе, такъ какъ большая часть великаго княжества Литовскаго состояла изъ русскихъ областей. Вообще завоеватели Западной Руси подверглись сильному вліянію русской образованности (въ отношеніи языка, обычаевъ и религіи). Русскій языкъ сдѣлался господствующимъ при дворѣ великихъ князей литовскихъ и языкомъ государственныхъ актовъ. Въ Вильнѣ было уже нѣсколько православныхъ церквей и много русскихъ жителей (часть города называлась «Русскимъ концомъ»). Династія Гедимина посредствомъ браковъ тѣснымъ образомъ была связана съ домомъ Владиміра Вел.; многіе изъ его потомковъ и бояръ литовскихъ

---

[4]) Близъ мѣстечка Полангена (Курлянд. губ. на границѣ съ Пруссіей), на песчаномъ берегу Балтійскаго моря есть гора, носящая имя Бируты, супруги Кейстута и матери Витовта. Преданіе разсказываетъ, что Бирута въ молодости была вайделоткой или жрицей богини Прауримы, въ честь которой на той самой горѣ пылалъ огонь, постоянно поддерживаемый жрицами. Однажды князь Кейстутъ, возвращаясь изъ похода на Тевтонскихъ рыцарей, увидалъ Бируту, плѣнился ея красотою и насильно увезъ ее съ собою. Когда онъ погибъ, престарѣлая Бирута, говорятъ, была утоплена его врагами; но по другимъ извѣстіямъ, она удалилась на свою родину, въ Жмудь, и погребена потомъ на той же горѣ, которая получила ея имя.

[5]) Католическіе проповѣдники неоднократно дѣлались жертвою этого фанатизма. Напримѣръ, при Ольгердѣ въ Вильнѣ были избиты 14 францисканскихъ монаховъ, которымъ покровительствовалъ любимецъ Ольгерда Гаштольдъ. Около того же времени въ Вильнѣ подверглись мученической смерти три православные Литвина изъ придворныхъ в. князя: на мѣстѣ ихъ кончины великая княгиня построила церковь Св. Троицы. Имена ихъ Антоній, Іоаннъ и Евстафій. (Другихъ мучениковъ парвославія въ Литвѣ въ эту эпоху мы не встрѣчаемъ).

уже исповѣдывали христіанство по восточному обряду. Есть достовѣрное извѣстіе, что самъ Ольгердъ умеръ православнымъ, благодаря стараніямъ своей супруги Юліаніи Тверской, и что сынъ ея Ягайло былъ воспитанъ ею въ православіи (подъ именемъ Якова). Такимъ образомъ приготовлялось постепенное и мирное сліяніе Литвы съ Русью въ одну Русскую народность; но бракъ Ягайла съ Ядвигою открылъ путь иному направленію въ исторіи Литвы и Западной Руси.

На польскомъ престолѣ во второй половинѣ XIV вѣка прекратилась династія Пястовъ; корона перешла въ руки венгерскаго короля Людовика, а потомъ досталась его дочери Ядвигѣ. Желая обратить опасныхъ сосѣдей въ вѣрныхъ союзниковъ и соединиться съ ними для общей борьбы противъ Нѣмцевъ, польскіе вельможи задумали устроить бракъ своей королевы съ великимъ княземъ Литовскимъ. Юная Ядвига, неравнодушная къ австрійскому герцогу, съ которымъ была уже обручена, долго не соглашалась отдать свою руку Ягайлу. Но такъ какъ послѣдній обѣщалъ принять католическую вѣру со всѣмъ своимъ народомъ, то духовенство убѣдило наконецъ королеву согласиться на этотъ бракъ. Въ 1386 г. Ягайло прибылъ въ Краковъ, принялъ католичество и, вмѣстѣ съ рукою Ядвиги, получилъ королевскую корону. Вслѣдъ затѣмъ по повелѣнію короля окрещена по католическому обряду и большая часть Литовскаго народа. Древній огонь Перкуна въ Виленскомъ замкѣ погасили; башни, съ которыхъ вайделоты возвѣщали народу прорицанія, разрушены; священные змѣи перебиты и заповѣдныя рощи истреблены. Литовцы пришли въ ужасъ; но видя, что униженные боги безмолвствуютъ, они усумнились въ ихъ могуществѣ; многіе приходили креститься по нѣскольку разъ, привлекаемые новою одеждою изъ бѣлаго сукна, которую давали обращеннымъ. Такимъ образомъ христіанство было принято въ Литвѣ только внѣшнимъ образомъ; а въ сущности суевѣрное простонародье осталось языческимъ и продолжало чтить своихъ прежнихъ боговъ. Попытка новаго короля распространить католичество въ своихъ русскихъ областяхъ произвела здѣсь сильное неудовольствіе. Литовцы также не были довольны королемъ, который поселился въ Краковѣ и окружилъ себя польскою аристократіей; а на соединеніе съ Поль-

нею они начали смотрѣть какъ на потерю своей самостоятельности.

Неудовольствіемъ Литовцевъ воспользовался умный и чрезвычайно дѣятельный Витовтъ, сынъ Кейстута Онъ вступилъ въ союзъ съ Тевтонскими рыцарями и получилъ отъ нихъ помощь. Ягайло, утомленный борьбою, согласился уступить Витовту Литву съ титуломъ великаго князя (1392 г.).

Витовтъ продолжалъ наступательное движеніе Ольгерда на Сѣверовосточную Русь и захватилъ Смоленское княжество. Его постигла впрочемъ важная неудача на востокѣ: походъ противъ Золотой Орды, предпринятый съ большимъ отборнымъ войскомъ, окончился страшнымъ пораженіемъ на берегахъ Ворсклы (1399). Зато на западѣ борьба съ Тевтонскимъ орденомъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; Литовскій князь соединился съ Польскимъ королемъ, и общими силами они сокрушили навсегда могущество рыцарей битвою при Грюнвальдѣ или Танненбергѣ (1410 г.). Въ ней участвовали полки всѣхъ западнорусскихъ княжествъ и особенно отличался Смоленскій полкъ. Этою побѣдою Жмудь была освобождена отъ крестоносцевъ. Спустя три года послѣ того, Ягайло съ польскими панами и Витовтъ съ знатнѣйшими Литвинами съѣхались на сеймъ въ Городлѣ (на р. Бугѣ). Здѣсь Литвины-католики получили права и привилегіи польской шляхты, и положено представителямъ обоихъ народовъ съѣзжаться впередъ на общіе сеймы для выбора королей польскихъ и для другихъ важнѣйшихъ дѣлъ. Сѣверная часть Литвы, т.-е. Жмудь или Самогитія, упорнѣе другихъ стоявшая за старую религію и за Литовскую народность, взбунтовалась и прогнала католическихъ монаховъ. Но Витовтъ усмирилъ Жмудиновъ и силою заставилъ ихъ принять католическое духовенство.

Витовтъ усердно старался утвердить самобытность государства Литовскаго (собственно Западнорусскаго). Его русскія области въ церковномъ отношеніи зависѣли отъ московскаго митрополита. Витовтъ просилъ константинопольскаго патріарха назначить особаго митрополита для Западной Россіи; а когда встрѣтилъ отказъ, то обошелся безъ патріаршаго разрѣшенія и велѣлъ собору западнорусскихъ

епископовъ поставить на Кіевскую митрополію ученаго болгарина Григорія Цамблака (1415 г.). По старанія Витовта обезопасить свое княжество отъ подчиненія Польшѣ находили постоянное противодѣйствіе со стороны Ягайла и католическаго духовенства. Великій князь Литовскій между прочимъ задумалъ принять королевскій титулъ изъ рукъ германскаго императора Сигизмунда; но Поляки перехватили императорскихъ пословъ, ѣхавшихъ къ нему съ знаками королевскаго достоинства. Осьмидесятилѣтній Витовтъ, уже созвавшій многихъ сосѣднихъ владѣтелей праздновать свое коронованіе, былъ очень огорченъ этою неудачею и вскорѣ умеръ (1430 г.).

Послѣ того великое княжество Литовское иногда существовало отдѣльно, но чаще соединялось съ Польшею подъ властью одного короля [6]).

VI. СѢВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ СОБИРАЕТСЯ ОКОЛО МОСКВЫ.

1147—1328—1340—1363—1380—1389—1425—1462.

Во второй половинѣ XII вѣка и въ началѣ XIII на сѣверовостокѣ Россіи появляются три главныя княжества, въ которыхъ утвердилось потомство Всеволода III, и которыя долго спорили между собою за первенство. А именно:

а) **Тверское,** составленное изъ волостей, лежавшихъ по верхнему теченію Волги и частію отнятыхъ великими князьями Суздальскими у Новгородцевъ. Небольшое по своему объему, оно было довольно густо населено и, занимая вы-

[6]) Послѣ Витовта въ Литвѣ княжили его двоюродный братъ Свидригайло и родной братъ Сигизмундъ. За ними слѣдовалъ Казиміръ сынъ Ягайла и братъ польскаго короля Владислава III. А когда Владиславъ III погибъ въ битвѣ съ Турками при Варнѣ, Казиміръ былъ избранъ и королемъ польскимъ. По смерти Казиміра IV (1492) Польша и Литва еще разъ имѣли отдѣльныхъ государей: одинъ сынъ Казимира, Іоаннъ Альбрехтъ, былъ выбранъ на польскій престолъ, а другой, Александръ, наслѣдовалъ Литву; Альбрехтъ скоро умеръ, и Поляки выбрали своимъ королемъ Александра (1501). Съ тѣхъ поръ Польша и Литва имѣли всегда одного государя. За Александромъ послѣдовалъ его младшій братъ Сигизмундъ I (1506—1548). Но имѣя общаго государя, обѣ страны, т. е. королевство Польское и великое княжество Литовское, представляли пока отдѣльныя государства. Многіе потомки Гедимина и русскихъ удѣльныхъ князей сдѣлались родоначальниками аристократическихъ фамилій Польско-Литовскаго государства (каковы: Острожскіе, Вишневецкіе, Чарторыйскіе, Сангушки и др.).

годное положеніе между Новгородомъ и Восточною Россіею, изобиловало промышленными городами и селами. Замѣчательные города послѣ Твери: Кашинъ, Ржевъ, Зубцовъ и проч.

b) **Суздальское** (въ тѣсномъ смыслѣ) или **Нижегородское**, занимавшее среднее теченіе Волги и низовья Оки. Оно обнимало обширное пространство, но съ населеніемъ довольно рѣдкимъ. Важнѣйшіе города здѣсь были Нижній-Новгородъ и Суздаль. Владиміръ на Клязьмѣ продолжалъ считаться стольнымъ великокняжескимъ городомъ въ потомствѣ Всеволода III.

c) **Московское.**

Городъ Москва въ первый разъ упоминается лѣтописцемъ во-время борьбы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ Изяславомъ II; а именно, въ 1147 г. Юрій угощалъ здѣсь своего союзника, одного изъ князей сѣверскихъ (Святослава Ольговича). Баснословное преданіе говоритъ, что тутъ находилось прежде помѣстье боярина Степана Кучка, что Юрій казнилъ боярина за какую-то вину и присвоилъ себѣ помѣстье; ему понравилось это мѣсто, и онъ велѣлъ построить городокъ на холмѣ Боровицкомъ, при впаденіи рѣчки Неглинной въ Москву рѣку (т.-е. тамъ, гдѣ находится Кремль. На самомъ возвышенномъ пунктѣ этого холма красуется царскій дворецъ. Подлѣ него стоитъ небольшой храмъ Спаса на Бору, который своимъ именемъ напоминаетъ, что это мѣсто нѣкогда было покрыто густымъ лѣсомъ). Послѣ Юрія Москва долго оставалась довольно незначительнымъ городомъ Суздальской области и большею частью управлялась княжескими намѣстниками.

Основателемъ Московскаго княжества былъ младшій сынъ Александра Невскаго Даніилъ, который получилъ себѣ въ удѣлъ Москву съ нѣсколькими селами и деревнями. Этотъ умный, дѣятельный князь изъ небольшого удѣла умѣлъ составить довольно сильное владѣніе. Его возвышенію много способствовалъ племянникъ (Іоаннъ Дмитріевичъ), который, умирая бездѣтнымъ, отказалъ Даніилу Переяславль Залѣсскій, одинъ изъ старинныхъ и самыхъ значительныхъ городовъ Сѣверной Россіи. Потомъ онъ отнялъ у сосѣдей Рязанцевъ Коломну; а сынъ его Юрій захватилъ у Смольнянъ Можайскъ. (Коломна лежитъ при устьѣ Москвы, а Можайскъ— около ея верховьевъ; слѣдовательно, все теченіе этой рѣки находилось теперь въ рукахъ Московскихъ князей). Юрій

былъ уже такъ силенъ, что вступилъ въ борьбу съ Тверскимъ княземъ за старшій Владимірскій столъ.

Эта первая борьба Москвы съ Тверью, ознаменованная большою жестокостію, продолжалась 24 года (1304—1328) и была окончена въ пользу Москвы уже братомъ Юрія—Іоанномъ Калитою.

Первая борьба между Москвою и Тверью. Великокняжескій Владимірскій столъ по смерти сыновей Александра Невскаго, по праву старшинства, долженъ былъ перейти къ его племяннику Михаилу Ярославичу Тверскому; но внукъ Александра, Юрій Даниловичъ Московскій, не обращая вниманія на права дяди, явился ему соперникомъ. Сначала Михаилъ одержалъ верхъ. Однако Юрій упорно преслѣдовалъ свою цѣль; онъ нѣсколько лѣтъ хлопоталъ въ Ордѣ, женился между прочимъ на Кончакѣ, сестрѣ хана Узбека; а потомъ, при помощи подкупленныхъ ханскихъ вельможъ, заставилъ вызвать Михаила въ Орду, обвинивъ его въ отравленіи Кончаки, которая умерла въ плѣну у тверского князя. Михаилъ былъ осужденъ на смерть и звѣрски замученъ почти на глазахъ своего жестокаго племянника. Юрій получилъ великокняжескій титулъ, но недолго торжествовалъ свою побѣду: онъ погибъ въ Золотой Ордѣ отъ руки сына Михаилова Димитрія, по прозванью Грозныя Очи. Послѣдній за такое самоуправство былъ казненъ по повелѣнію Узбека.

Смертью соперниковъ вражда не прекратилась. Борьбу продолжали ихъ преемники: съ одной стороны братъ Димитрія Александръ, а съ другой—братъ Юрія, Іоаннъ Даниловичъ Калита (т.-е. мѣшокъ съ деньгами). Александръ получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе; но вскорѣ навлекъ на себя его гнѣвъ по слѣдующему случаю. Въ Тверь пріѣхалъ изъ Орды посолъ Чолханъ (или Щелканъ, какъ его называлъ Русскій народъ). Татары, составлявшіе его многочисленную свиту, по обыкновенію позволяли себѣ дѣлать гражданамъ разныя обиды и насилія. Тверитяне, выведенные изъ терпѣнія, подняли мятежъ, напали на посольскую свиту, зажгли домъ въ которомъ она оборонялась, и Татары погибли въ пламени. Калита ловко воспользовался гнѣвомъ Узбека, чтобы унизить своего соперника; ханъ далъ ему большое войско и поручилъ наказать мятежниковъ. Тверское княжество подверглось сильному опустошенію. Александръ удалился во Псковъ; великокняжескій титулъ перешелъ къ Іоанну Московскому. (Впослѣдствіи Александръ погибъ въ Ордѣ, подобно своему отцу и брату).

Іоаннъ I Калита (1328—1340) представляетъ собою образецъ первыхъ князей-собирателей Руси; необыкновенно разсчетливый и осторожный, онъ пользовался всѣми

средствами къ достиженію главной цѣли, т.-е. возвышенію Москвы на счетъ ея сосѣдей. Особенно замѣчательна его политика въ отношеніи къ Татарамъ. Калита оказывалъ всегда полную покорность Узбеку: часто ѣздилъ въ Орду съ дарами и раболѣпно кланялся хану; онъ получалъ отъ хана помощь въ борьбѣ съ соперниками, и такимъ образомъ самихъ Татаръ сдѣлалъ орудіемъ для усиленія Москвы. Присвоивъ себѣ право собирать дань съ удѣльныхъ князей и доставлять ее въ Орду, Калита искусно пользовался этимъ правомъ, чтобы увеличить свою собственную казну. Во владѣніяхъ Московскаго князя водворилась тишина, и народъ началъ отдыхать послѣ продолжительныхъ смутъ и разореній; а безопасность привлекла сюда много жителей изъ сосѣднихъ областей. Княжество свое Іоаннъ увеличилъ новыми пріобрѣтеніями, которыя совершилъ не силою оружія, а путемъ мирнымъ, преимущественно деньгами: онъ покупалъ у бѣдныхъ князей деревни, села и даже города.

Важнымъ событіемъ этого княженія было перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву. Іоаннъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе митрополита Петра, такъ что Петръ жилъ большею частію въ Москвѣ; а преемникъ его Ѳеогностъ поселился здѣсь окончательно, и Москва сдѣлалась столицею Россіи въ церковномъ отношеніи. Митрополиты, съ своей стороны, всѣми силами помогали возвышенію Москвы и употребляли иногда противъ враговъ Московскаго князя духовное оружіе, т.-е. церковное запрещеніе. (Напримѣръ, когда Калита потребовалъ, чтобы Александръ Тверской изъ Пскова ѣхалъ въ Орду на судъ къ хану, а Псковитяне хотѣли его защищать, митрополитъ Ѳеогностъ, по желанію Калиты, послалъ отлученіе отъ церкви Александру и всему Псковy. Тогда Александръ самъ оставилъ Псковъ).

Сыновья Калиты (1340 — 1359). Калитѣ наслѣдовали одинъ за другимъ его сыновья Симеонъ Гордый и Іоаннъ II. Князья Тверской и Суздальскій напрасно пытались оспаривать у нихъ титулъ великаго князя Владимірскаго: ханы каждый разъ рѣшали споръ въ пользу Москвы. (Князья ея были богаче другихъ и покупали ярлыкъ). Симеонъ отличался характеромъ твердымъ и гордо обращался

съ удѣльными князьями, за что и получилъ свое прозваніе. Онъ умеръ отъ моровой язвы, извѣстной въ лѣтописяхъ подъ именемъ Черной смерти, которая изъ Азіи перешла въ западную Европу, а оттуда на ганзейскихъ корабляхъ занесена въ Россію и истребила здѣсь множество народа (1353 г.). Іоаннъ II характеромъ не походилъ на своихъ предшественниковъ, потому что былъ кротокъ и миролюбивъ. Ему помогали въ управленіи старые отцовскіе бояре, въ особенности митрополитъ Алексѣй (родомъ изъ Черниговскихъ бояръ), который неоднократно ѣздилъ въ Орду и умѣлъ заслужить ханское благоволеніе [1]).

Димитрій Донской (1363—1389). Тѣ же старые бояре и митрополитъ Алексѣй поддерживали сына Іоанна II, юнаго Димитрія, когда его малолѣтствомъ хотѣлъ воспользоваться князь суздальскій Димитрій Константиновичъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неудачной борьбы съ Москвою, Суздальскій князь отказался отъ притязанія на Владимірскій столъ, и потомъ выдалъ собственную дочь Евдокію за своего бывшаго соперника. Молодой Димитрій скоро далъ почувствовать свою силу и другимъ сосѣдямъ. Такъ, напримѣръ, когда тотъ же Суздальскій князь поспорилъ съ роднымъ братомъ Борисомъ за Нижній-Новгородъ, Димитрій принялъ сторону своего будущаго тестя и призвалъ на помощь духовное оружіе: св. Сергій, игуменъ и основатель Троицкой Лавры, по порученію митрополита Алексѣя, отправился въ Нижній-Новгородъ, заперъ тамъ храмы и прекратилъ богослуженіе. Борисъ принужденъ былъ смириться.

Все княженіе Димитрія наполнено непрерывнымъ рядомъ войнъ: онъ удачно воспользовался тѣми силами, которыя

[1]) Митрополитъ Алексѣй, по словамъ преданія, пріобрѣлъ благоволеніе въ Ордѣ слѣдующимъ образомъ. Тайдула, жена хана Чанибека, была больна глазами. „Мы слышали,—писалъ ханъ къ великому князю,—что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвамъ главнаго священника вашего: да испроситъ онъ здравіе моей супругѣ“. Алексѣй отправился въ Орду и излѣчилъ ханшу. Вскорѣ потомъ свирѣпый Бердибекъ, умертвивъ отца и братьевъ, воцарился въ Ордѣ, и началъ грозить нашествіемъ русскимъ землямъ. По просьбѣ Іоанна II, митрополитъ Алексѣй опять отправился въ Орду и, при помощи своей покровительницы Тайдулы, матери Бердибека, укротилъ злобу хана. Алексѣй, подобно своимъ предшественникамъ, выхлопоталъ отъ хана ярлыкъ, которымъ подтверждались льготы русскаго духовенства, т.-е. освобожденіе его имѣній отъ татарскихъ даней и поборовъ.

тихо и постепенно были приготовлены его предшественниками. Внукъ Калиты не былъ также разсчетливъ и остороженъ, какъ первые Московскіе князья, и, отличаясь болѣе отважнымъ, болѣе открытымъ характеромъ, смѣло вступилъ въ борьбу съ Тверью, Рязанью, Литвою и Ордою.

Тверь и Рязань, самые значительные удѣлы въ то время, съ опасеніемъ смотрѣли на постоянно возраставшую силу Москвы, и, боясь потерять свою самостоятельность, старались помѣшать этому усиленію. Случилось такъ, что въ обоихъ княжествахъ современниками Димитрію Московскому явились лица, отличавшіяся дѣятельнымъ, мужественнымъ характеромъ и умѣньемъ пріобрѣсти народную любовь; то были: Михаилъ Александровичъ Тверской и Олегъ Ивановичъ Рязанскій. Первый началъ войну съ помощью зятя своего Ольгерда Литовскаго; три раза выступалъ Ольгердъ въ походъ и разорялъ московскія волости; однако рѣшительныхъ битвъ не послѣдовало. Когда же Литовцы прекратили войну, Михаилъ, оставшись одинъ, былъ побѣжденъ; онъ отказался отъ притязаній на старшинство и даже призналъ себя въ нѣкоторой зависимости отъ Москвы (1375 г.) [2]. Не такъ рѣшительна была побѣда надъ Рязанскимъ княземъ. Долговременная вражда съ нимъ прекратилась только при помощи духовенства. Тотъ же св. Сергій отправился въ Рязань посломъ отъ великаго князя Московскаго, и, по словамъ лѣтописи, тихими, кроткими рѣчами такъ подѣйствовалъ на суроваго Олега, что послѣдній забылъ свою вражду и заключилъ съ Москвою вѣчный миръ (1386 г.).

Куликовская битва. Между тѣмъ какъ Московское княжество со временъ Калиты постоянно усиливалось, Золотая Орда послѣ Узбека начала ослабѣвать вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и кровавыхъ распрей за ханскій престолъ; а во второй половинѣ XIV вѣка она даже раздѣлилась между нѣсколькими ханами. Димитрій Іоанновичъ думалъ, что пришла наконецъ пора свергнуть ненавистное иго. Онъ не отказался отъ своего замысла даже въ то время, когда вся Орда снова соединилась подъ властію Мамая, и открылъ враждебныя дѣйствія противъ Татаръ. Чтобы смирить Московскаго князя, Мамай послалъ на него большое войско; но Димитрій встрѣтилъ войско въ Рязанской области на

[2]) Сынъ послѣдняго московскаго тысяцкаго Вельяминова, Иванъ, по смерти отца перешелъ на службу къ Тверскому князю и хлопоталъ за него въ Ордѣ передъ ханомъ. На возвратномъ пути изъ Орды онъ былъ схваченъ и торжественно казненъ въ Москвѣ. Эта публичная казнь знатнаго боярина произвела на народъ сильное впечатлѣніе.

берегахъ Вожи и разбилъ его на голову (1378 г.). Мамай пришелъ въ ярость; онъ сталъ собирать огромныя силы, чтобы напомнить Россіи времена Батыева нашествія. Ягайло Литовскій обѣщалъ соединиться съ нимъ и вмѣстѣ идти на Москву. Но Димитрій вооружилъ сильную рать и призвалъ на помощь подручныхъ ему мелкихъ князей Сѣверной Россіи (ростовскихъ, бѣлозерскихъ, ярославскихъ, муромскихъ и др.).

Передъ походомъ Димитрій съ князьями и воеводами отправился въ Троицкую лавру принять благословеніе отъ Сергія. По сказанію лѣтописцевъ, св. игуменъ предсказывалъ в. князю побѣду, но соединенную съ ужаснымъ кровопролитіемъ, и, по просьбѣ его, отпустилъ съ нимъ въ походъ двухъ своихъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, которые были прежде боярами и отличались воинскимъ мужествомъ. 20 августа русское ополченіе выступило изъ Москвы, блистая свѣтлыми доспѣхами, напутствуемое благословеніями духовенства и окропляемое св. водою. Великій князь съ боярами молился въ соборѣ Успенскомъ, кланялся мощамъ св. Петра митрополита, обошелъ гробы своихъ предковъ въ соборѣ Архангельскомъ; потомъ сѣлъ на коня и выѣхалъ изъ кремлевскихъ воротъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ. Великая княгиня Евдокія и супруга Владиміра съ другими княгинями и боярынями провожали своихъ мужей со слезами и рыданіями. Погода стояла ясная и теплая. Подъ Коломною Димитрій сдѣлалъ смотръ ополченію; сочли воиновъ и насчитали болѣе 150,000. Въ числѣ подручныхъ князей къ русскому войску присоединились съ своими дружинами два сына Ольгерда, Андрей Полоцкій и Димитрій Брянскій. Войска переправились чрезъ Оку и пошли по Рязанской землѣ. Князь рязанскій Олегъ, боясь татарскаго погрома, прикинулся вѣрнымъ подручникомъ Мамая и обѣщался соединиться съ нимъ противъ Димитрія. (Однако онъ уклонился отъ участія въ борьбѣ и не соединился ни съ той, ни съ другой стороною). Когда ополченіе приблизилось къ Дону, Димитрій собралъ на совѣтъ князей и бояръ и разсуждалъ съ ними: переходить ли рѣку или ждать Татаръ на этой сторонѣ? Мнѣнія были несогласны: нѣкоторые совѣтовали ждать; но другіе, особенно Ольгердовичи, уговаривали смѣло идти впередъ и предупредить соединеніе Мамая съ Ягайломъ, который уже шелъ на помощь Татарамъ. Около того же времени великій князь получилъ грамоту отъ игумена Сергія, который снова благословлялъ его на битву и совѣтовалъ не терять времени («а поможетъ ти Богъ и Святая Богородица» — писалъ Сергій). Сторожевые отряды дали знать, что Татары уже наступаютъ. Димитрій велѣлъ искать броду для конницы, наводить мосты для пѣхоты, и къ вечеру 7 сентября войско начало переправляться черезъ Донъ.

На полѣ Куликовомъ (при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ) 8 сентября 1380 года произошла знаменитая битва съ Татарами. Подобной битвы никогда прежде не бывало на Руси: на пространствѣ десяти верстъ кровь лилась рѣкою; груды труповъ мѣшали движеніямъ конницы; ратники задыхались отъ тѣсноты. Великій князь заранѣе отрядилъ въ засаду часть войска подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича Храбраго и опытнаго воеводы Волынскаго—Боброка. Спрятавшись въ сосѣднемъ лѣсу, они наблюдали битву. Пѣшая русская рать уже полегла костьми, и Татары начали одолѣвать; тогда князь Владиміръ и воевода Волынскій съ свѣжимъ засаднымъ полкомъ ударили на непріятеля. Разбитыя татарскія полчища обратились въ бѣгство: Русскіе ихъ преслѣдовали и овладѣли ихъ богатымъ станомъ. Димитрій сражался какъ простой воинъ и отъ сильнаго утомленія лишился чувствъ; въ такомъ состояніи его нашли лежащимъ подъ деревомъ.

Какъ ни блистательна была Куликовская побѣда, она не избавила Россію отъ ига. Орда все еще была сильна и многочисленна, наполняясь время отъ времени приливомъ степныхъ варваровъ изъ Средней Азіи. Въ Сараѣ, на мѣстѣ низверженнаго Мамая, воцарился новый ханъ Тохтамышъ, который потребовалъ отъ русскихъ князей прежней дани и покорности. Когда же они не исполнили его требованія, ханъ,
1382 г. спустя два года послѣ Куликовской битвы, внезапно явился въ предѣлахъ Московскаго княжества, жители котораго уже отвыкли отъ татарскихъ погромовъ. Димитрій не имѣлъ на готовѣ войска, потому что народное ополченіе послѣ похода обыкновенно распускалось по домамъ и возвращалось къ мирнымъ занятіямъ; онъ удалился на сѣверъ собирать ратниковъ. Но въ его отсутствіе Тохтамышъ коварнымъ образомъ захватилъ столицу, предалъ ее грабежу и пламени; тогда Московскій князь снова призналъ себя татарскимъ данникомъ.

Куликовская битва однако имѣла важное историческое значеніе: она возвысила упавшій духъ Русскаго народа, пробудила въ немъ сознаніе своего національнаго единства и надежду на близкое освобожденіе отъ иноземнаго ига; *она упрочила уваженіе къ династіи великихъ князей Московскихъ.*

гордости и самоувѣренности завоевателей нанесенъ ударъ: ханы поняли, что только быстрымъ, неожиданнымъ нападеніемъ можно принудить Москву къ уплатѣ дани.

Димитрій въ своемъ духовномъ завѣщаніи благословилъ старшаго сына Василія не только Москвою, но и великимъ княженіемъ Владимірскимъ, называя послѣднее уже своею отчиною. (Онъ умеръ еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, именно 39. О наружности Димитрія лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ былъ „крѣпокъ и мужественъ, тѣломъ великъ и тяжекъ зѣло, бородою и волосами черенъ, взоромъ же дивенъ зѣло“).

Василій I (1389—1425). Подобно Калитѣ, онъ старался не упускать удобнаго случая тамъ, гдѣ представлялась возможность увеличить свою наслѣдственную область. Онъ купилъ у хана Тохтамыша ярлыкъ на княжество Нижегородское и Муромскій удѣлъ. Когда московскіе и татарскіе послы прибыли въ Нижній-Новгородъ, главный бояринъ нижегородскій Василій Румянецъ (подкупленный Москвою) уговорилъ своего князя Бориса впустить пословъ въ городъ; а потомъ вмѣстѣ съ товарищами своими выдалъ князя Москвитянамъ. Такимъ образомъ значительная область безъ всякаго кровопролитія была присоединена къ Москвѣ. Вообще многіе бояре удѣльныхъ князей охотно переходили въ службу болѣе богатаго и сильнаго князя Московскаго.

При Василіи Дмитріевичѣ Восточная Россія испытала два татарскія нашествія. Первое было сдѣлано Тамерланомъ, новымъ Монгольскимъ завоевателемъ, вышедшимъ изъ глубины Средней Азіи: преслѣдуя разбитаго имъ Тохтамыша, Тамерланъ опустошилъ берега Дона; но отъ Ельца воротился назадъ. Другое, болѣе чувствительное для насъ, нашествіе произошло по слѣдующему поводу. Во вторую половину своего княженія Василій поддался вліянію молодыхъ бояръ и попытался оставить прежнюю, осторожную политику; онъ думалъ воспользоваться смутами въ Золотой Ордѣ и перестать платить дань. Но старый мурза Эдигей (побѣдитель Витовта на берегахъ Ворсклы), бывшій полновластнымъ лицомъ въ Ордѣ, подобно Тохтамышу внезапно явился въ Московской области, разорилъ ее и взялъ большой выкупъ со

столицы (1408 г.). Великій князь долженъ былъ смириться. Кромѣ того, большой опасности подвергалась восточная Русь во время Василія I со стороны грознаго Витовта. Онъ покорилъ Смоленскій удѣлъ, а потомъ обнаружилъ стремленіе подчинить и самую Москву, хотя Василій былъ женатъ на его дочери. Три раза великій князь выступалъ съ войскомъ противъ тестя; впрочемъ до рѣшительной битвы дѣло не дошло, и соперники заключили миръ, по которому рѣка Угра назначена границею между Литовскою и Московскою Русью [3]).

Василій II Темный (1425—1462). Первая половина его княженія ознаменована междоусобіемъ (почти единственнымъ въ потомствѣ Калиты). Дядя Василія Васильевича Юрій Галицкій не хотѣлъ уступить великокняжескій престолъ племяннику, основываясь на древнемъ обычаѣ старшинства и на завѣщаніи отца своего Димитрія Донского. Соперники отправились въ Орду и представили дѣло на судъ Улу-Махмета, который рѣшилъ его въ пользу племянника.

У Василія Московскаго былъ бояринъ Иванъ Всеволожскій, который подкупилъ ордынскихъ вельможъ и очень искусно склонилъ приговоръ хана въ пользу своего князя. Между тѣмъ какъ Юрій доказывалъ свои права древними обычаями и ссылался на отцовское завѣщаніе, бояринъ говорилъ, что Василій ищетъ великаго княженія не по завѣщанію, а по милости хана, который воленъ отдать его, кому захочетъ. Василій обѣщалъ Всеволожскому жениться на

[3]) Послѣ своего нашествія на Москву, Эдигей прислалъ великому князю грамоту, въ которой такъ исчислилъ его вины: „Прежде ваша земля была вѣрнымъ улусомъ хана; а ты совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Орду; пословъ и гостей ордынскихъ у васъ въ Москвѣ перестали чествовать. Добрый былъ у тебя бояринъ Ѳедоръ Кошка, онъ напоминалъ объ ордынскихъ дѣлахъ; а теперь у тебя любимцемъ сынъ его Иванъ, и ты сталъ слушать молодыхъ людей. Когда какая обида отъ русскихъ князей, или отъ Литвы, ты шлешь къ намъ просить помощи; а про выходъ (дань) говоришь, что нечѣмъ платить“.

Послѣдній Смоленскій князь былъ Юрій Святославичъ, нелюбимый подданными за свою жестокость. Потерявъ княжество, онъ не измѣнилъ своего буйнаго нрава, и въ особенности запятналъ себя слѣдующимъ злодѣйскимъ поступкомъ. Василій Московскій сдѣлалъ его намѣстникомъ въ Торжкѣ; здѣсь вмѣстѣ съ Юріемъ поселился другъ его, одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей, Симеонъ Вяземскій, который имѣлъ супругу Юліанію, отличавшуюся красотой и добродѣтелью. Юрій прельстился ею; но, встрѣтивъ мужественное сопротивленіе, пришелъ въ ярость, велѣлъ изрубить ее и бросить въ рѣку, а также убить и ея супруга. Послѣ того онъ уѣхалъ въ Орду, скитался нѣкоторое время по южнымъ степямъ и кончилъ жизнь въ одномъ изъ рязанскихъ монастырей.

его дочери, но по волѣ матери своей, гордой Софьи Витовтовны, женился на княжнѣ Боровской. Всеволожскій отъѣхалъ тогда на службу къ Юрію и постарался усилить его вражду съ Василіемъ. Сюда же присоединилось оскорбленіе, нанесенное сыновьямъ Юрія, Василію Косому и Димитрію Шемякѣ, на свадебномъ пиру у молодого Московскаго князя. Здѣсь одинъ изъ старыхъ бояръ узналъ на Косомъ поясъ, украшенный золотомъ и драгоцѣнными каменьями, который нѣкогда былъ отданъ въ приданое за женою Димитрія Донского, но украденъ во время свадьбы тысяцкимъ Вельяминовымъ и подмѣненъ другимъ поясомъ; переходя изъ рукъ въ руки, то по наслѣдству, то вмѣстѣ съ приданымъ невѣсты, онъ достался наконецъ Василію Юрьевичу. Бояринъ, признавшій поясъ, сказалъ о немъ Софьѣ Витовтовнѣ; а та приказала тотчасъ снять его съ Косого. Братья уѣхали съ пира, поклявшись отмстить за такое оскорбленіе.

Побуждаемый своими безпокойными сыновьями, Юрій вооружился, изгналъ Василія изъ Москвы и умеръ здѣсь великимъ княземъ. Сыновья его продолжали борьбу. Захвативъ въ плѣнъ Косого, Василій Васильевичъ приказалъ его ослѣпить; но, въ свою очередь, онъ самъ попался въ руки Димитрію Шемякѣ и тоже былъ ослѣпленъ [1]).

Василій, прозванный Темнымъ, вышелъ побѣдителемъ

[1]) Василій Васильевичъ однажды былъ взятъ въ плѣнъ Казанскими Татарами, но вскорѣ освободился посредствомъ выкупа. Онъ отправился въ Троицкую Лавру, чтобы тамъ принести благодареніе Богу за свое освобожденіе. Въ это время Шемяка, соединясь съ двоюроднымъ братомъ своимъ Иваномъ Можайскимъ, внезапно ночью явился подъ Москвою и нѣсколько измѣнниковъ московскихъ отворили ему городскія ворота. Отсюда онъ отрядилъ Ивана Можайскаго въ монастырь, чтобы захватить Василія. Извѣщенный объ опасности, Василій послалъ сторожевой отрядъ занять сосѣднюю гору. Иванъ Можайскій скрылъ часть своей дружины въ саняхъ подъ рогожами, обманулъ стражу и занялъ монастырь. Тщетно Василій искалъ убѣжища въ церкви, у гроба св. Сергія. Его взяли силою, привезли въ Москву, ослѣпили и сослали въ Угличъ (1446 г.). Убѣжденный просьбами митрополита Іоны, Шемяка потомъ освободилъ Василія и далъ ему въ удѣлъ Вологду. Между тѣмъ, московскіе бояре, оставшіеся вѣрными Василію (особенно князья Ряполовскіе, Стрига Оболенскій и Ѳедоръ Басенокъ), и многіе дѣти боярскіе собрались въ Литвѣ и пошли на помощь къ своему князю; съ ними соединились два преданныхъ ему татарскихъ царевича (Касимъ съ братомъ своимъ). Шемяка выступилъ противъ непріятелей. Но во время его отсутствія отрядъ Васильевыхъ приверженцевъ, ночью на Рождество Христово, вошелъ въ московскія ворота, которыя были отворены для одной княгини, ѣхавшей къ заутрени. Граждане съ радостію присягнули опять Василію. Шемяка удалился въ свой наслѣдственный Галичъ, но не хотѣлъ оставить притязаній на великое княженіе. Наконецъ, разбитый Москвитянами и Татарами въ рѣшительной битвѣ подъ Галичемъ (1450 г.), Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ и тамъ спустя три года, умеръ вслѣдствіе отравы. Извѣстіе о его смерти привезъ въ Москву одинъ подьячій, который и былъ награжденъ званіемъ дьяка.

изъ этой борьбы, продолжавшейся цѣлыя 20 лѣтъ. Ему усердно помогали духовенство, бояре и самые Татары. На его сторонѣ было и московское населеніе, которому болѣе нравилось наслѣдованіе по прямой линіи, т.-е. отъ отца къ сыну, потому что новый порядокъ доставлялъ болѣе спокойствія, нежели прежнія понятія о старшинствѣ, подававшія поводъ къ частымъ распрямъ.

Изъ событій церковныхъ, въ княженіе Василія Темнаго, замѣчательно слѣдующее. Когда во Флоренціи собрался духовный соборъ для соединенія церквей, Западной и Восточной, то московскій митрополитъ Исидоръ, родомъ Грекъ, отправился на этотъ соборъ и тамъ принялъ такъ назыв. Флорентійскую унію. По возвращеніи въ Москву онъ началъ поминать папу вмѣсто восточныхъ патріарховъ. Василій Темный велѣлъ посадить его подъ стражу и судить (1440 г.). Исидоръ спасся бѣгствомъ и умеръ въ Римѣ кардиналомъ. Онъ былъ послѣдній русскій митрополитъ изъ Грековъ. Преемникъ его рязанскій епископъ Іона поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ архіереевъ. Василій II почти уничтожилъ раздробленіе Московскаго княжества между потомками Калиты; но передъ смертію, по старому обычаю, надѣлилъ волостями своихъ младшихъ сыновей. Впрочемъ, ихъ удѣлы могутъ считаться весьма незначительными въ сравненіи съ тою частію, которую получилъ старшій сынъ Іоаннъ, бывшій въ послѣдніе годы соправителемъ отца. Городъ Владиміръ назначенъ ему въ отцовскомъ завѣщаніи уже безъ всякаго различія съ прочими московскими городами.

Итакъ, обстоятельства, способствовавшія возвышенію Москвы, были слѣдующія:

1. Выгодное географическое положеніе—вдали отъ сильныхъ внѣшнихъ враговъ,

2. Великорусская народность, отличающаяся смышленымъ, предпріимчивымъ и упругимъ характеромъ.

3. Усердное содѣйствіе духовной власти и боярскаго сословія.

4. Цѣлый рядъ даровитыхъ личностей на Московскомъ столѣ; ихъ искусная настойчивая политика и разсчетливая хозяйственная дѣятельность.

5. Покровительство и помощь Золотой Орды.

6. Малочисленность княжеской фамиліи (сравнительно съ другими отраслями Игоревичей) и отсутствіе внутреннихъ междоусобій до временъ Василія Темнаго.

7. Утвержденіе новаго порядка престолонаслѣдія отъ отца къ сыну (или старшинство племянника надъ дядею) и сочувствіе населенія этому новому порядку.

8. Раздробленіе и слабость сосѣднихъ княжествъ, неустройства и разъединеніе вѣчевыхъ общинъ Сѣверной Руси.

Вѣчевыя общины. Почти всѣ московскіе князья со времени Ивана Калиты предпринимали походы на Новгородъ, заставляли его платить большія суммы за подтвержденіе старинныхъ вольностей и обязывали ежегодною данью съ новгородскихъ волостей (извѣстную подъ именемъ „чернаго бора"). Для борьбы съ Москвою Новгородцы начали искать союзника въ Литвѣ, которая была наслѣдницею Югозападной Руси и естественною соперницею Москвы. Со времени Гедимина Новгородцы нерѣдко призывали къ себѣ князей изъ Литвы и давали имъ города „въ кормленіе" (т.-е. доходы отъ суда и управленія). Но великіе князья Литовскіе при случаѣ опустошали новгородскія земли, брали съ Новгорода большіе окупы и стремились наложить на него свое господство (особенно много терпѣлъ онъ отъ Витовта).

Богатства Новгорода служили приманкою для его сильныхъ сосѣдей. Главнымъ источникомъ его благосостоянія была обширная торговля. Торговыя сношенія съ Западной Европой имѣли благодѣтельное вліяніе на развитіе новгородской образованности. Новгородцы ѣздили съ товарами въ Ливонію, Германію и во всѣ русскія области, а въ Новгородѣ постоянно жили нѣмецкіе купцы и мастера. Въ лѣтописяхъ мы часто встрѣчаемъ извѣстія о физическихъ бѣдствіяхъ, посѣщавшихъ Новгородскій край: страшные пожары опустошали Новгородъ; весенній ледъ, шедшій изъ Ильменя въ Волховъ, нерѣдко срывалъ мосты, и городъ терпѣлъ отъ наводненій; морозъ побивалъ въ полѣ хлѣбъ и происходилъ голодъ, отъ котораго гибли тысячи людей; довольно частое моровое повѣтріе (называвшееся „железою") губило ихъ еще болѣе. А, между тѣмъ, благодаря своему дѣятельному, промышленному характеру, городъ богатѣлъ и украшался каменными храмами съ искусною стѣнною живописью. (Своими постройками особенно извѣстенъ архіепископъ Евфимій въ XV в.). *Но общинное устройство Новгорода не выработало твердой правительственной власти и оставляло*

обширное поле для внутреннихъ смутъ. Это обстоятельство было главною причиной слабости въ то время, когда Новгородцамъ приходилось отстаивать свою самобытность.

Въ Новгородѣ, какъ и во всѣхъ государствахъ съ народнымъ правленіемъ, существовала неизбѣжная вражда между двумя частями населенія: бояре старались захватить общественныя дѣла исключительно въ свои руки; а простой народъ съ завистью смотрѣлъ на богатство и значеніе бояръ, и во время волненій или дороговизны хлѣба мстилъ имъ грабежомъ ихъ домовъ и житницъ. Поводы къ народнымъ волненіямъ большею частію подавало взаимное соперничество знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій, которыя спорили между собою за общественныя должности, преимущественно за высокій санъ посадника. Каждому богатому честолюбивому боярину легко было набрать себѣ толпу кліентовъ изъ бѣднѣйшихъ гражданъ, которые поддерживали его своими голосами на вѣчѣ. Отсюда частыя смѣны посадниковъ и шумныя вѣча, кончающіяся иногда открытымъ междоусобіемъ. Неустройства вѣча, подкупы голосовъ и борьба за личные интересы не могли не оказать вреднаго вліянія на народную нравственность. Въ XV вѣкѣ слышатся жалобы лѣтописцевъ на недостатокъ праваго суда въ Новгородѣ, на взятки, частые поборы и притѣсненія сельскимъ жителямъ.

Безпокойная новгородская молодежь не любила сидѣть дома; время отъ времени собирались вольныя дружины и отправлялись въ дальнія страны за добычей. Хотя эти походы распространяли далеко на сѣверо-востокъ владычество Новгорода и его колоніи, но они нерѣдко вредили новгородской торговлѣ и навлекали месть со стороны сосѣдей. При Димитріи Донскомъ новгородскіе повольники ходили на Волгу, разграбили Кострому и Нижній-Новгородъ; тогда великій князь съ сильнымъ ополченіемъ явился подъ стѣнами Великаго Новгорода и заставилъ его заплатить 8.000 руб. за разбои вольницы (1386 г.).

Послѣ внутреннихъ смутъ второю причиной политической слабости было соперничество и раздоръ между различными общинами Сѣверной Руси. Особенно важны были несогласія съ богатымъ Псковомъ. Въ половинѣ XIV вѣка Псковитяне достигли цѣли своихъ стремленій: Новгородцы назвали Псковъ своимъ „младшимъ братомъ“, и признали его самостоятельность, т.-е. отказались отъ права давать ему посадниковъ и требовать его духовенство въ Новгородъ на судъ архіепископскій (1348 г.). Но и послѣ того эти двѣ общины рѣдко находились въ согласіи; а иногда даже воевали другъ съ другомъ. Въ XV вѣкѣ Псковитяне все болѣе и болѣе подчиняются московскому вліянію и обращаются въ Москву

за помощью противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ (потому что Новгородцы не помогали). Изъ болѣе значительныхъ колоній новгородскихъ Вятка также не хотѣла признавать зависимости отъ Новгорода и находилась съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ. А Двинская земля, гдѣ новгородскіе бояре владѣли обширными помѣстьями, обнаруживала попытки сдѣлаться самостоятельною [5]).

Когда восточная и западная Русь собрались въ два единодержавныя государства, Новгородъ, не имѣя твердой правительственной власти, очевидно не могъ долѣе отстаивать самобытность. Ему осталось выбирать между Москвою и Литвою. На сторонѣ Москвы былъ могущественный союзникъ—греческая вѣра, а вмѣстѣ съ нею и церковная зависимость отъ Московскаго митрополита. На сторонѣ великихъ князей московскихъ была также твердая національная политика; тогда какъ династія Гедимина, принявъ католическую вѣру и занявъ польскій престолъ, колебалась между интересами великаго княжества Литовскаго (т.-е. Западной Руси) и собственно Польши.

Казань и Крымъ. При Василіи Темномъ произошло окончательное распаденіе Кипчакской монархіи; отъ Золотой Орды отдѣлились два большія владѣнія: Казань и Крымъ.

Основателемъ Казанскаго царства былъ тотъ самый Улу-Махметъ, который присудилъ великое княженіе Василію; но, когда онъ былъ изгнанъ изъ Сарая и искалъ убѣжища въ московскихъ предѣлахъ, великій князь послалъ противъ него войско. Ханъ удалился въ древнюю Болгарію; тамъ онъ (а по другимъ извѣстіямъ сынъ его Махмутекъ) возобновилъ на берегахъ Волги разрушенный Русскими городокъ Казань, собралъ вокругъ себя толпы Татаръ и началъ господствовать надъ окрестными племенами Мордвы, Черемисъ, Камскихъ Болгаръ и др. (1440 г.). При помощи торговли и выгоднаго положенія, Казань вскорѣ сдѣлалась многолюднымъ, богатымъ городомъ; а Татары Казанскіе набѣгами своими часто тревожили сосѣднія русскія области. Во время одного изъ такихъ набѣговъ они захватили въ плѣнъ Василія, вышедшаго противъ нихъ съ

[5]) Новгородское вѣче воспользовалось Московскимъ междоусобіемъ при Василіи Темномъ и присвоило себѣ новыя льготы, напримѣръ, право выдавать грамоты безъ князя. Впослѣдствіи Василій Темный отправилъ противъ нихъ воеводъ Стригу Оболенскаго и Өедора Басенка; они разбили конное ополченіе Новгородцевъ и заставили ихъ смириться (1456 г.). Новгородъ заплатилъ 8500 рублей, обязался снова платить черный боръ и отмѣнилъ вѣчевыя грамоты.

малымъ отрядомъ, и только за большую сумму денегъ ханъ Улу-Махметъ возвратилъ свободу великому князю.

Еще сильнѣе Казани была Крымская Орда, которая составилась изъ татарскихъ улусовъ въ Крыму и на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Здѣсь утвердилась династія Гиреевъ; первый ханъ этой династіи, Азы Гирей, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, происходилъ отъ Тохтамыша. Крымскіе Татары въ продолженіе трехъ столѣтій терзали Россію внезапными опустошительными набѣгами.

Кромѣ того изъ Золотой Орды въ XIV и XV вв. нерѣдко выходили знатные мурзы и царевичи: они со своими дружинами поступали на службу къ русскимъ князьямъ, отъ которыхъ получали большія помѣстья и цѣлые города на свое содержаніе (или «кормленіе»), съ обязанностію защищать предѣлы и по первому призыву являться на помощь. Поселяя эти дружины на юго-восточныхъ границахъ, московское правительство такимъ образомъ самихъ же Татаръ старалось противопоставить набѣгамъ ихъ соплеменниковъ. На берегахъ Оки, напримѣръ, явилось особое ханство Касимовское, которое получило свое названіе отъ Касима, одного изъ татарскихъ служебныхъ царевичей, и находилось въ ленной зависимости отъ великаго князя Московскаго.

Казаки. Во время Василія Темнаго лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о казакахъ (именно Рязанскихъ, подъ 1444 г.). Такъ назывались легко вооруженные ратники, которые служили въ южныхъ украинскихъ городахъ и употреблялись для пограничной стражи, т.-е. для наблюденія въ степи за движеніями Татаръ. Это собственно «казаки городовые». Рядомъ съ ними, далѣе въ степяхъ образовался другой родъ казаковъ изъ русскихъ людей, искавшихъ свободнаго образа жизни и простора своему молодечеству. Въ степь убѣгали преимущественно тѣ, которымъ тяжела казалась жизнь на родинѣ, напримѣръ, холопы. Мало-по-малу они составили независимыя военныя общины, которыя рѣшали свои дѣла вѣчемъ или кругомъ, и сами выбирали себѣ предводителей (атамановъ) [6]. Степные или вольные казаки обыкновенно селились на берегахъ рѣкъ, изобилующихъ рыбою; очень часто они должны были вступать въ отчаянную борьбу съ сосѣдними кочевниками; а иногда вмѣстѣ съ ними дѣлали набѣги на московскія и польскія владѣнія, и вообще не упускали случая пограбить караваны, шедшіе съ товарами въ Россію или изъ Россіи. По мѣрѣ того какъ татарскія орды слабѣли и отодвигались отъ русскихъ границъ, усиливалось и размножалось казачество. Въ XVI столѣтіи оно уже занимало южныя украинскія степи и распадалось на двѣ главныя вѣтви: на Донскую и Днѣпровскую (или Малороссійскую); первая образовалась преимущественно изъ выходцевъ восточной, т.-е. Московской Руси, а вторая—югозападной или Литовской.

[6]) Названіе „казаки“ перешло къ намъ отъ Татаръ: въ Ордѣ казаками называлися низшій классъ войска; а высшее сословіе составляли уланы, мурзы и беки.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РУСЬ МОСКОВСКАЯ и ЛИТОВСКАЯ [1].

1462—1478—1480—1505—1510—1533—1547—1552—1582—1584.

УНИЧТОЖЕНІЕ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОГО ПОРЯДКА ВЪ СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ И УСПѢХИ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ІОАННЪ III 1462—1505.

Іоаннъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ умѣлъ пользоваться благопріятными обстоятельствами, и хотя медленнымъ, но твердымъ и неуклоннымъ шагомъ онъ почти всегда достигалъ своихъ цѣлей. Его княженіе ознаменовано многими важными событіями внѣшней и внутренней политики. Первое мѣсто между ними занимаетъ присоединеніе къ Москвѣ самыхъ значительныхъ удѣловъ Сѣверовосточной Россіи.

Паденіе Великаго Новгорода. Послѣ смерти Василія Темнаго Новгородцы начали нарушать нѣкоторыя условія договора съ Москвою; раздоры боярскихъ партій между тѣмъ усилились. Однажды вѣче оскорбило московскихъ намѣстниковъ; великій князь потребовалъ удовлетворенія. Въ то время одною изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ фамилій въ Новгородѣ были Борецкіе; во главѣ этой фамиліи находилась умная, честолюбивая Марѳа, вдова посадника Исаака Борецкаго, которая съ помощью подкупа составила себѣ многочис-

[1]) Собственно: Сѣверовосточная и Югозападная. Названія „Москва" и „Литва" въ тѣ времена означали: первое—государство Московское, второе—все великое княжество Литовское (*хотя, за исключеніемъ небольшой части, послѣднее состояло изъ чисто русскихъ областей*).

ленную партію приверженцевъ между бѣднѣйшими гражданами, и посредствомъ ихъ пріобрѣла вліяніе на рѣшенія вѣча. Побуждаемое партіей Борецкихъ, вѣче положило отдаться подъ покровительство польскаго короля Казиміра IV, и заключило съ нимъ договоръ на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ. Іоаннъ медлилъ рѣшительными дѣйствіями, а между тѣмъ искусно поддерживалъ несогласія въ самомъ Новгородѣ, гдѣ многіе граждане съ неудовольствіемъ смотрѣли на подданство королю-католику. Наконецъ, дождавшись удобнаго времени, великій князь съ большимъ торжествомъ выступилъ въ походъ. Онъ раздавалъ щедрыя милостыни церквамъ и нищимъ, приказывалъ совершать молебствія и вообще придавалъ своему походу характеръ религіозный (объявляя Новгородцевъ измѣнниками православію).

Походъ сопровождался опустошеніемъ новгородскихъ областей. Вмѣстѣ съ Москвитянами шли татарскіе отряды, тверская дружина, и даже Псковъ по приказу великаго князя послалъ войско на своего старшаго брата. Новгородцы бодро вышли навстрѣчу; но на берегахъ Шелони потерпѣли пораженіе отъ передовой московской рати, которою начальствовалъ князь Даніилъ Холмскій (въ іюлѣ 1471 г.). При встрѣчѣ съ Москвитянами конный архіепископскій полкъ отказался отъ битвы, по тайному наказу архіепископа Ѳеофила. Вообще разбогатѣвшіе новгородскіе граждане не отличались уже ратнымъ духомъ, и не могли устоять въ открытомъ полѣ противъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ московскихъ и татарскихъ отрядовъ. Въ числѣ шелонскихъ плѣнниковъ находился одинъ изъ сыновей Марѳы Борецкой, котораго Іоаннъ велѣлъ казнить вмѣстѣ съ тремя другими боярами. Между тѣмъ, Казиміръ IV не присылалъ никакой помощи; въ самомъ Новгородѣ поднялась партія московскихъ приверженцевъ и стала одолѣвать на вѣчѣ враждебную ей сторону Борецкихъ. Когда же отъ прекращенія подвозовъ вздорожалъ хлѣбъ, граждане упали духомъ и послали къ Іоанну бить челомъ о мирѣ; великій князь согласился на миръ съ условіемъ, чтобы Новгородцы заплатили ему 15.000 рублей [2]).

---

[2]) Въ этой войнѣ обстоятельства очевидно покровительствовали Московскому князю. Обыкновенно походы на Новгородъ совершались въ зимнее время, потому что лѣтомъ многочисленныя болота, рѣки и лѣса составляли самую надежную защиту для Новгорода. Лѣтомъ же 1471 года случилась сильная засуха, и московское войско безъ труда прошло къ Ильменю. А Новгородцамъ во всемъ была неудача: войско, посланное для защиты Двинской земли, разбито; многіе жители города Русы, послѣ осады возвращавшіеся изъ Новгорода въ лодкахъ по Ильменю, застигнуты бурею и потонули; въ Новгородѣ начались потомъ сильные пожары. Лѣтописцы разсказываютъ, что паденіе Новгорода предвѣщалось разными

На этотъ разъ онъ не учтожилъ ихъ вѣчевого устройства и укрѣпилъ за собою только право верховнаго суда. Но пока Новгородъ сохранялъ свою самостоятельность, его мирныя отношенія къ Москвѣ не могли быть продолжительны. Спустя шесть лѣтъ, Іоаннъ рассорился опять съ Новгородцами.

Въ 1477 году новгородскіе послы пріѣхали въ Москву и назвали Іоанна «государемъ», тогда какъ прежде Новгородцы называли его «господиномъ». Послы поступили такъ безъ вѣдома вѣча (по порученію архіепископа и бояръ, приверженныхъ къ Москвѣ). Іоаннъ послалъ спросить Новгородцевъ: «какого хотятъ они государства?» Новгородцы подняли страшное волненіе, схватили одного боярина, обвиненнаго въ измѣнѣ, изрубили его на вѣчѣ топорами; убили еще двухъ бояръ; а нѣкоторые приверженцы Москвы спаслись бѣгствомъ. Великому князю отвѣчали, что зовутъ его попрежнему господиномъ, а не государемъ, и били ему челомъ не нарушать старины. Но Іоаннъ воспользовался этимъ поводомъ, чтобы покончить съ новгородскимъ вѣчемъ.

Зимою 1478 года великій князь предпринялъ другой походъ на Новгородъ съ такимъ же многочисленнымъ войскомъ. На этотъ разъ онъ осадилъ городъ безъ битвы. Московская партія, главою которой былъ владыка Ѳеофилъ, опять взяла верхъ, и граждане снова просили мира. Но теперь Іоаннъ не хотѣлъ мириться на прежнихъ условіяхъ „Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ", сказалъ великій князь: „въ немъ не должно быть ни вѣча, ни посадника, а будетъ только моя государева воля". Послѣ многихъ переговоровъ Новгородцы согласились и присягнули Іоанну какъ своему полновластному государю. Вѣчевой колоколъ и престарѣлая Марѳа посадница были отправлены въ Москву. Однако волненіе въ Новгородѣ послѣ того долго не прекращалось; потому что граждане не могли скоро забыть о своей прежней вольности. Іоаннъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры: онъ казнилъ зачинщиковъ смутъ, перевелъ нѣсколько тысячъ новгородскихъ семей въ восточные города, а на мѣсто ихъ переселилъ купцовъ и дѣтей боярскихъ изъ Московской области; чѣмъ ослабилъ сторону, враждебную

знаменіями и чудесами (буря сломала крестъ у св. Софіи, колокола звонили сами собой, въ Хутынскомъ монастырѣ слезы текли изъ очей отъ иконы Богородицы и т. п.).

Москвѣ, и усилить партію ея приверженцевъ. Кромѣ того, по поводу ссоры съ г. Ревелемъ, великій князь велѣлъ захватить въ своихъ владѣніяхъ до 50 ганзейскихъ купцовъ и бросить ихъ въ тюрьму, а товары ихъ отобрать въ казну; торговля съ Ганзою почти прекратилась, что нанесло окончательный ударъ благосостоянію Новгорода.

Присоединеніе Твери и другихъ областей. Послѣднимъ Тверскимъ княземъ былъ Михаилъ Борисовичъ, родственникъ Іоанна (по женѣ) и нѣкоторое время его союзникъ. Но когда Новгородъ былъ покоренъ, Тверской князь, видя себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ московскими владѣніями, началъ опасаться за свою самостоятельность и думалъ обезпечить ее союзомъ съ Казиміромъ IV. Узнавъ о сношеніяхъ Твери съ Литвою, Іоаннъ объявилъ войну Михаилу Борисовичу; обманутый надеждою на литовскую помощь, послѣдній не рѣшился оружіемъ защищать свои права и убѣжалъ въ Литву (1485). Такимъ образомъ Тверь безъ всякаго кровопролитія была присоединена къ Москвѣ; а князья мелкихъ тверскихъ удѣловъ и бояре тверскіе поступили на службу къ Іоанну III. Далѣе, Іоаннъ присоединилъ удѣлъ Верейскій, наслѣдовалъ волости двухъ братьевъ своихъ, умершихъ бездѣтными, и отнялъ удѣлъ у третьяго (Андрея Большого), котораго за непокорность велѣлъ заключить въ темницу, гдѣ онъ и умеръ. Часть Рязанской области также перешла въ руки Іоанна. Такимъ образомъ въ Сѣверовосточной Россіи остались неприсоединенными только Псковъ и другая часть Рязани, которые безусловною покорностью великому князю сохранили еще на нѣкоторое время тѣнь своей самостоятельности. Вообще въ княженіе Іоанна Московскіе предѣлы далеко распространились на сѣверъ и востокъ: такъ, окончательно была покорена Вятская община, завоеваны земли Пермская, Печорская и Югорская; московскіе отряды переправлялись за Уральскій хребетъ и на лыжахъ доходили до береговъ Оби.

Уничтоженіе Татарскаго ига. Зависимость отъ Золотой Орды существовала уже болѣе по имени, нежели въ дѣйствительности: она состояла въ томъ, что великій князь посылалъ иногда хану небольшую дань и честилъ его по-

словъ. Но Іоаннъ задумалъ уничтожить и самую тѣнь постыднаго ига. Онъ воспользовался взаимною ненавистью хановъ Крымской и Золотой Орды и заключилъ тѣсный союзъ съ Менгли-Гиреемъ; потомъ прогналъ изъ Москвы пословъ сарайскаго хана Ахмата и навсегда отказалъ ему въ дани. Ахматъ выступилъ въ походъ, условившись съ Казиміромъ IV вмѣстѣ напасть на Московское княжество. Но союзникъ Іоанна Менгли-Гирей сдѣлалъ набѣгъ на Литву и отвлекъ Казиміра. Самъ великій князь съ многочисленными силами встрѣтилъ Татаръ на берегахъ Угры; ни то, ни другое войско однако не хотѣло перейти рѣку; Іоаннъ въ этомъ случаѣ осторожность свою довелъ до крайности. Тщетно народъ изъявлялъ негодованіе. Ростовскій архіепископъ Вассіанъ, духовникъ Іоанна, въ особомъ посланіи къ великому князю, уговаривалъ его не внимать совѣтамъ нѣкоторыхъ малодушныхъ бояръ и приводилъ примѣръ предка его Димитрія Донского. (А малодушные бояре напоминали плѣненіе отца его Василія Казанцами). Іоаннъ не рѣшился первый начать битву, и, когда рѣка стала покрываться льдомъ, велѣлъ отступать (1480 г.). Ахматъ не преслѣдовалъ Русскихъ и воротился назадъ; онъ вскорѣ былъ убитъ однимъ изъ татарскихъ князей. Сыновья его однако не оставляли своихъ притязаній на московскую дань, пока вѣрный союзникъ Іоанна Менгли-Гирей, послѣ кровопролитной борьбы, не разрушилъ окончательно Кипчакскаго царства (1502).

Такимъ образомъ *Монгольское иго прекратилось; но вредные слѣды его долго еще жили въ Русскомъ народѣ.* Оно способствовало огрубѣнію нравовъ, порчѣ народнаго характера, угнетенію низшихъ классовъ и распространенію въ Россіи многихъ обычаевъ, свойственныхъ деспотическимъ, азіатскимъ государствамъ.

Борьба съ Литвою. Поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ между Москвою и Литвою подали мелкіе пограничные князья Черниговско-Сѣверской области, которыхъ Іоаннъ умѣлъ привлечь на свою сторону: они стали отдѣляться отъ католической Литвы и переходить со своими городами въ подданство единовѣрнаго князя Московскаго. Тщетно Казиміръ требовалъ, чтобы ему воротили назадъ города; онъ

умеръ, приготовляясь къ войнѣ съ Москвою. Старшій сынъ его сдѣлался Польскимъ королемъ, а младшій Александръ великимъ княземъ Литовскимъ. Въ надеждѣ отклонить Іоанна III отъ враждебныхъ замысловъ, Александръ женился на его дочери Еленѣ, и уступилъ ему часть Сѣверскихъ удѣловъ (Новосильскій, Бѣлевскій, Одоевскій, Воротынскій и др.). Неудовольствія однако не прекратились; возобновился и переходъ удѣльныхъ князей къ единовѣрной Москвѣ. Іоаннъ первый объявилъ войну, и воевода его Даніилъ Щеня нанесъ непріятелямъ сильное пораженіе близъ Дорогобужа (1500 г.); начальникъ літовскаго войска, гетманъ Константинъ Острожскій, попался въ плѣнъ со всею артиллеріей. Въ слѣдующемъ году союзникъ Александра, магистръ Ливонскаго ордена Плеттенбергъ, который сумѣлъ на короткое время воскресить древнюю славу рыцарей, разбилъ псковское ополченіе при Изборскѣ; но пришли московскія войска и разорили Ливонскую землю. Наконецъ Александръ, по смерти старшаго брата снова соединившій подъ одною короною Литву и Польшу, заключилъ съ Іоанномъ шестилѣтнее перемиріе; Сѣверская область осталась въ рукахъ Москвитянъ (1503 г.).

Бракъ съ Софьей Палеологъ и его слѣдствіе. Послѣ завоеванія Византіи Турками племянница послѣдняго греческаго императора (дочь морейскаго деспота Ѳомы), царевна Софья, съ отцомъ и братьями нашла убѣжище въ Римѣ. Папа предложилъ руку Софьи овдовѣвшему Іоанну, надѣясь при ея помощи войти въ дружескія сношенія съ Москвою и подчинить себѣ Русскую церковь. Предложеніе было принято; царевна прибыла въ Москву и вступила въ бракъ съ великимъ княземъ (1472 г.); но папа обманулся въ своихъ видахъ на подчиненіе Русской церкви. Софьѣ приписываютъ важное вліяніе на дальнѣйшую московскую политику. Говорятъ, по ея настоянію, Іоаннъ отказался платить дань Золотой Ордѣ и окончательно уничтожилъ иго; кромѣ того гордой Византійской принцессѣ не нравилась простота, которая господствовала въ образѣ жизни Московскихъ князей, и она побудила супруга окружить себя большимъ блескомъ и величіемъ.

Старые бояре, привыкшіе запросто обходиться съ великимъ княземъ, скоро замѣтили, что онъ началъ держать ихъ въ почтительномъ отдаленіи, сдѣлался строгъ и взыскателенъ; приписавъ такую перемѣну Софьѣ, они стали питать къ ней сильное нерасположеніе, которое обнаружили особенно по поводу вопроса о престолонаслѣдіи. Отъ первой супруги великаго князя, Маріи Тверской, у него былъ сынъ Іоаннъ Молодой, который считался наслѣдникомъ Московскаго престола и принималъ уже дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія; но вдругъ онъ занемогъ и скончался, къ великому огорченію отца и народа (1490 г.). Отъ его брака съ Еленою, дочерью Молдавскаго господаря, остался сынъ Димитрій. Тогда былъ поднятъ вопросъ о томъ, кому наслѣдовать престолъ, Димитрію или Василію (старшему сыну Софьи Фоминишны). Бояре, враждебные греческой царевнѣ, приняли сторону перваго; они обвиняли Василія съ матерью въ непріязненныхъ замыслахъ противъ великаго князя, и такъ успѣли настроить Іоанна, что онъ велѣлъ заключить подъ стражу сына, удалилъ отъ себя Софью и торжественно вѣнчалъ внука Димитрія на великое княженіе (1498 г.). Но спустя нѣсколько времени, обнаружились происки бояръ, что навлекло на нихъ гнѣвъ великаго князя; особенно пострадали при этомъ случаѣ двѣ знатныя фамиліи, князья Патрикѣевы и Ряполовскіе: первыхъ постригли въ монахи, а одному изъ Ряполовскихъ отрубили голову. Іоаннъ помирился съ Софьею, объявилъ наслѣдникомъ Василія, а внука посадилъ подъ стражу.

Въ связи съ этими семейными раздорами и придворными партіями появилась въ Москвѣ такъ называемая «Жидовская ересь», отвергавшая ученіе о Святой Троицѣ, почитаніе иконъ, святыхъ и т. п. Эта ересь сначала обнаружилась въ Новгородѣ (и по нѣкоторымъ извѣстіямъ, будто бы была привезена съ юга, изъ Кіева, жидомъ Захаріей; но въ Новгородѣ и прежде существовала подобная же ересь стригольниковъ). Изъ Новгорода вмѣстѣ съ нѣкоторыми духовными лицами ересь перешла въ Москву. Тутъ въ числѣ ея тайныхъ послѣдователей были: архимандритъ Симонова монастыря Зосима, который пользовался благосклонностію Іоанна III и даже былъ возведенъ въ санъ митрополита, потомъ Елена, невѣстка великаго князя, и его любимый дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. Архіепископъ Новгородскій Геннадій первый открылъ гоненіе на ересь: съ нимъ соединился основатель Волоколамскаго монастыря, краснорѣчивый Іосифъ Санинъ,

который написалъ противъ еретиковъ многія обличительныя проповѣди. (Собраніе ихъ извѣстно подъ именемъ «Просвѣтителя»). Между тѣмъ какъ партію еретическую поддерживала при дворѣ Елена, жена Іоанна Молодого, православная партія нашла опору въ Софьѣ. Долго великій князь не принималъ рѣшительныхъ мѣръ противъ ереси, и только въ 1504 г., уже по смерти Софьи, созвалъ духовный соборъ, послѣ котораго одни изъ уличенныхъ въ ереси были всенародно сожжены въ клѣткѣ, другимъ отрѣзали языки, многихъ заключили въ тюрьму или разослали по монастырямъ. Ересь однако не уничтожилась [3]).

Бракъ съ Софьею способствовалъ возобновленію сношеній между Россіею и Западною Европой, прекратившихся (за исключеніемъ Новгорода) во время Монгольскаго владычества. Іоаннъ началъ заботиться объ украшеніи своей столицы каменными зданіями и съ этою цѣлью выписывалъ изъ Италіи разнаго рода художниковъ и мастеровъ; самымъ извѣстнымъ между ними сдѣлался архитекторъ Аристотель Фіоравенти, строитель московскаго Успенскаго Собора. Въ то же время были построены каменные соборы, Архангельскій и Благовѣщенскій, каменный великокняжескій дворецъ, Грановитая палата (служившая для торжественныхъ придворныхъ церемоній), новыя стѣны съ красивыми башнями около Московскаго кремля и каменныя крѣпости въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Кромѣ того иностранные мастера лили пушки, открыли серебряную руду въ Печорскомъ краѣ, чеканили монету и пр. [4]). Начались и дипломатическія пересылки

---

[3]) Первый обличитель этой ереси архіепископъ Геннадій сильно настаивалъ на казни еретиковъ; въ посланіи своемъ къ митрополиту Зосимѣ онъ приводитъ въ примѣръ испанскаго короля Фердинанда Католика, и сообщаетъ разсказы нѣмецкаго посла о томъ, какъ Фердинандъ очистилъ свои земли отъ еретиковъ (посредствомъ ауто-да-фе или сожженія). Геннадій однако не участвовалъ въ соборномъ приговорѣ 1504 года. Въ предыдущемъ году на другомъ духовномъ соборѣ запрещено вдовымъ попамъ и дьяконамъ отправлять богослуженіе, монахамъ и монахинямъ жить въ одномъ монастырѣ, и кромѣ того запрещено епископамъ брать отъ священниковъ мзду (деньги) за ставленіе. Лѣтопись говоритъ, будто вслѣдъ за тѣмъ Геннадій былъ лишенъ сана за это мздоимство. Онъ заслуживаетъ еще вниманія потому, что поднималъ вопросъ о заведеніи училищъ для духовенства и вооружался противъ поставленія простыхъ безграмотныхъ людей.

[4]) Изъ иностранныхъ мастеровъ, вызванныхъ Московскимъ правительствомъ, лѣкарямъ на первое время въ Россіи не посчастливилось.

Когда Іоаннъ Молодой заболѣлъ, его ввѣрили попеченіямъ одного нѣмецкаго доктора Леона; докторъ ручался головою, что вылѣчитъ больного. Но больной умеръ, и великій князь по истеченіи шести недѣль велѣлъ всенародно казнить несчастнаго Леона. За нѣсколько лѣтъ передъ

Московскаго правительства съ европейскими дворами. Такъ Іоаннъ мѣнялся посольствами съ Венгерскимъ королемъ и Германскимъ императоромъ, которые искали союза Москвы противъ Польши и Турціи; съ Даніей завязались сношенія вслѣдствіе общей вражды противъ Швеціи; съ Венеціей и Турецкимъ султаномъ великій князь сносился ради торговыхъ интересовъ. На печатяхъ великокняжескихъ при Іоаннѣ появляется двуглавый орелъ — гербъ византійскихъ царей. (А прежде встрѣчается по преимуществу изображеніе Георгія Побѣдоносца).

Судебникъ. Изъ памятниковъ правительственной дѣятельности Іоанна III замѣчательно изданіе Судебника (1497 г.), который былъ составленъ дьякомъ Гусевымъ на основаніи Русской Правды, судныхъ грамотъ и обычаевъ московскаго судопроизводства. По этому судебнику въ областяхъ судъ производятъ намѣстники и волостели (изъ бояръ или дѣтей боярскихъ) въ присутствіи „дворскаго" (княжескій чиновникъ), мѣстнаго старосты и выборныхъ изъ лучшихъ людей. За „лихія дѣла" (т.-е. уголовныя преступленія) назначена смертная казнь; за простое воровство и другія, менѣе важныя преступленія, опредѣляется „торговая казнь", т.-е. публичное наказаніе кнутомъ на торгу. Судьямъ выдается отъ каждаго дѣла извѣстная пошлина съ подсудимыхъ; а давать имъ посулы (взятки) запрещено, о чемъ велѣно „проклинать" по торгамъ во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской земли. Въ тяжбахъ дозволяется рѣшать дѣла полемъ или поединкомъ [5]). Изданіе Судебника находилось въ связи съ уничтоженіемъ удѣловъ; присоединяя русскія области, великій князь Московскій мало-по-малу отмѣняетъ областныя отличія и вводитъ вездѣ московское судопроизводство

тѣмъ такой же участи подвергся другой нѣмецкій докторъ, Антонъ: онъ лѣчилъ одного татарскаго царевича; когда же послѣдній умеръ, Антонъ былъ выданъ его родственникамъ и публично зарѣзанъ Татарами. Такая расправа очень напугала иностранцевъ: многіе изъ нихъ хотѣли уѣхать на родину, между прочими и художникъ Аристотель; но великій князь не пустилъ его изъ Москвы.

[5]) Судебные поединки не должны быть смертельны: бойцы надѣвали доспѣхъ (броню) и сражались обыкновенно ослопомъ или дубиной. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволялось подсудимому (женщинѣ, старику, малолѣтнему, увѣчному, монаху) вмѣсто себя выставлять „наймита", т. е. наемнаго бойца.

и управленіе. На Судебникѣ отразилось вліяніе татарскихъ нравовъ; сюда относятся: пытка, кнутъ и вообще тѣлесныя наказанія, которыя въ Русской Правдѣ не встрѣчаются. Далѣе великій князь много заботился объ умноженіи военныхъ силъ, принималъ въ свою службу Нѣмцевъ и Литвиновъ, знающихъ военное ремесло, и первый завелъ въ Россіи значительную артиллерію.

Іоаннъ III однако не рѣшился совсѣмъ отмѣнить древній обычай наслѣдованія въ своей семьѣ и отдѣлилъ младшимъ сыновьямъ особыя волости; но они не имѣли права чеканить монету или входить въ сношенія съ иноземными государями, и по слабости своихъ удѣловъ не могли быть опасными единодержавію, которое все болѣе и болѣе утверждалось въ Московской землѣ.

ВАСИЛІЙ III. 1505—1533.

Послѣдніе удѣлы. Уступая талантами своему отцу, Василій тѣмъ не менѣе съ успѣхомъ продолжалъ его политику въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ, къ сосѣднимъ государствамъ и собственнымъ подданнымъ. Онъ окончилъ начатое его предшественниками собираніе Сѣверовосточной Руси, присоединивъ къ Москвѣ остальные удѣлы, сохранившіе еще тѣнь своей самостоятельности, т.-е. Псковъ, Рязань и Сѣверское княжество.

Во Псковѣ, такъ же какъ въ Новгородѣ, происходили частыя смуты вслѣдствіе вражды лучшихъ людей съ простыми гражданами, что подавало поводъ великому князю вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла. Сюда со временъ Іоанна III присоединились распри вѣча съ московскими намѣстниками и жалобы великому князю на притѣсненія его чиновниковъ. Василій III воспользовался одною изъ такихъ распрей и уничтожилъ Псковское вѣче (1510).

Великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ и здѣсь началъ разбирать дѣло своего намѣстника князя Рѣпни-Оболенскаго съ псковскими гражданами; обѣ стороны жаловались другъ на друга. Василій велѣлъ призваннымъ изъ Пскова посадникамъ и лучшимъ людямъ собраться на княжемъ дворѣ для суда съ намѣстникомъ; но тутъ они вдругъ были схвачены и заключены подъ стражу. Одинъ псковскій

купецъ въ то время ѣхалъ въ Новгородъ; узнавъ дорогой объ участи посадниковъ, онъ бросилъ товаръ и поскакалъ назадъ извѣстить своихъ согражданъ. Страхъ и тоска овладѣли Псковитянами, когда они поняли, что насталъ конецъ ихъ вольности. Собралось вѣче, и долго разсуждало о томъ, какія мѣры должно принять въ такихъ обстоятельствахъ. Порѣшили однако, что сопротивленіе силою безполезно, и послали гонца къ Василію бить челомъ, чтобы онъ смиловался надъ своею отчиною. Въ отвѣтъ на это челобитье пріѣхалъ дьякъ Далматовъ, и объявилъ гражданамъ отъ имени великаго князя два требованія: первое, чтобы вѣча впередъ не было, и второе, чтобы во всѣхъ псковскихъ городахъ были московскіе намѣстники. Сказавъ свою рѣчь, дьякъ сѣлъ на вѣчевой ступени, и дожидался отвѣта. Псковитяне такъ были поражены горемъ, что отъ слезъ едва могли говорить. Они попросили сроку на размышленіе до слѣдующаго утра; но весь остальной день и всю ночь провели только въ слезахъ, и съ рыданіемъ обнимали другъ друга. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня въ послѣдній разъ граждане собрались на вѣче; они объявили послу, что не хотятъ принимать на себя грѣхъ кровопролитія и во всемъ покоряются государю своему великому князю. Тогда сняли вѣчевой колоколъ у соборной церкви св. Троицы, и Далматовъ повезъ его въ Новгородъ къ Василію.

Послѣ того триста семействъ лучшихъ псковскихъ гражданъ отправлены въ другіе московскіе города; а на ихъ мѣсто прислано столько же купеческихъ семействъ изъ восточныхъ городовъ. Одною изъ первыхъ мѣръ московскаго правительства было введеніе во Псковѣ внутреннихъ пошлинъ (прежде здѣсь была торговля безпошлинная) [6]).

Точно также безъ борьбы присоединены были и другіе удѣлы.

Молодой рязанскій князь Иванъ Ивановичъ задумалъ уничтожить свою зависимость отъ Москвы; онъ вступилъ въ тайныя сношенія съ Крымскимъ ханомъ и съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ I, надѣясь получить отъ нихъ помощь. Узнавъ о его замыслахъ, ве-

[6]) Разсказавъ паденіе Пскова, лѣтопись Псковская поэтически изображаетъ его горе: „О, славнѣйшій городъ Псковъ великій! о чемъ ты сѣтуешь и плачешь? Отвѣчаетъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать и не плакать! Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, крылья его исполнены львиныхъ когтей; взялъ онъ у меня три кедра ливанскіе: красоту мою, богатство и чада мои похитилъ. Земля наша опустошена, градъ разоренъ, торжища раскопаны; братьевъ нашихъ увели туда, гдѣ не бывали отцы наши, ни дѣды, ни прадѣды“. При этомъ лѣтописецъ справедливо указываетъ на главныя причины Псковского паденія, т.-е. внутренніе раздоры. „Всю эту бѣду послалъ на насъ Господь за наше самоволье и непокореніе другъ другу, за злыя клеветы и лихія дѣла, за неразумное кричаніе на вѣчахъ, когда голова не знаетъ, что языкъ говоритъ“.

ликій князь подкупилъ главныхъ совѣтниковъ Іоанна и пригласилъ его на свиданіе къ себѣ въ столицу. Лишь только Рязанскій князь явился въ Москву, какъ его отдали подъ стражу, а въ рязанскіе города посланы московскіе намѣстники (1520 г.). Въ слѣдующемъ году, при нашествіи Крымцевъ, Ивану удалось убѣжать къ Сигизмунду въ Литву, куда обыкновенно спасались удѣльные князья, не хотѣвшіе подчиниться Москвѣ, и недовольные московскіе бояре. Съ Рязанскою областью было поступлено такъ же, какъ съ Новгородомъ и Псковомъ: многія семьи помѣщиковъ переведены изъ Рязани въ Москву, а ихъ помѣстья розданы московскимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ. Послѣднимъ княземъ Новгорода Сѣверскаго былъ Василій Шемякинъ (внукъ Шемяки); когда, обвиненный въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою, онъ пріѣхалъ въ столицу для оправданія, его заключили подъ стражу, а Сѣверское княжество присоединили къ Москвѣ (1523 г.) 7).

Война съ Литвою и Татарами. Главнымъ виновникомъ войны съ Сигизмундомъ I былъ знатный западнорусскій вельможа Михаилъ Глинскій, который передался на сторону Василія и побудилъ его начать враждебныя дѣйствія (1507 г.). Война, прекратившаяся спустя нѣсколько мѣсяцевъ, возобновилась чрезъ четыре года съ большею силою. Самыя замѣчательныя событія ея были: въ-первыхъ, взятіе Смоленска Москвитянами подъ личнымъ начальствомъ великаго князя (1514 г.); во-вторыхъ, сильное пораженіе, которое московскіе воеводы въ томъ же году потерпѣли близъ города Орши. Начальникомъ непріятелей въ этой битвѣ былъ Константинъ Острожскій, успѣвшій спастись бѣгствомъ изъ московскаго плѣна. Наконецъ въ 1522 году заключено перемиріе, и Смоленскъ, болѣе ста лѣтъ находившійся подъ владычествомъ Литвы, остался за Москвою.

Со временъ Василія начинаются опустошительные набѣги на Россію Крымскихъ Татаръ, которыхъ при Иванѣ III удерживалъ его союзникъ Менгли-Гирей. Сынъ и наслѣдникъ Менгли-Гирея Махметъ, подкупленный польскимъ золотомъ, сдѣлался заклятымъ врагомъ Москвы. Его вражда еще болѣе усилилась по поводу казанскихъ дѣлъ. Воеводы Ивана III привели Казань въ зависимость отъ Москвы; но зависимость эта была весьма непрочная: при удобномъ случаѣ Казанцы

7) Разсказываютъ, будто бы одинъ юродивый около того времени ходилъ по улицамъ Москвы съ метлою и кричалъ: „пора очистить государство отъ послѣдняго сора“ (т.-е. отмѣнить послѣдняго удѣльнаго князя).

отъ нея отказывались, нападали на русскія области, грабили и убивали пріѣзжавшихъ къ нимъ русскихъ купцовъ. Когда прекратилась въ Казани династія Улу-Махмета, Василій назначилъ туда ханомъ одного изъ служебныхъ татарскихъ царевичей (Шигъ-Алея Касимовскаго). Но казанскіе вельможи снеслись съ Махметъ-Гиреемъ и призвали къ себѣ на престолъ его брата. Вслѣдъ затѣмъ Махметъ-Гирей съ своими полчищами бросился на Россію, опрокинулъ сторожевыхъ воеводъ, стоявшихъ на Окѣ, и подступилъ къ столицѣ; съ нимъ соединились Казанцы, Ногаи и Днѣпровскіе казаки (подъ начальствомъ атамана Дашковича). Застигнутый врасплохъ, великій князь удалился въ Волоколамскъ собирать войско: Махметъ-Гирей однако недолго простоялъ подъ Москвой и воротился въ Крымъ, уводя съ собою множество плѣнниковъ (1521 г.).

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Крымскій ханъ только тогда согласился отступить отъ столицы, когда московскіе воеводы выдали ему грамоту, въ которой именемъ великаго князя обязались платить ежегодную дань. На возвратномъ пути Махметъ-Гирей остановился у Переяславля Рязанскаго, гдѣ въ то время начальствовалъ мужественный воевода Хабаръ. Ханъ хотѣлъ захватить городъ хитростью и, завязавъ переговоры, велѣлъ показать Хабару московскую грамоту; но тотъ, получивъ грамоту, вдругъ приказалъ открыть пальбу, и рязанскій пушкарь Іорданъ, родомъ нѣмецъ, удачнымъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ множество Татаръ. Ханъ поспѣшилъ уйти отъ города, а постыдная грамота осталась въ рукахъ Хабара. Послѣдній былъ награжденъ саномъ боярина, и подвигъ его приказано записать въ государственную лѣтопись.

Махметъ вскорѣ былъ убитъ ногайскими мурзами; а Василій, оправившись отъ нашествія, изгналъ Гиреевъ изъ Казани и посадилъ тамъ другого татарскаго царевича, который обязался быть присяжникомъ (т. е. вассаломъ) Московскаго государя. Въ то же время великій князь запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить на Казанскую ярмарку и положилъ начало знаменитой Макарьевской (теперь Нижегородской) ярмаркѣ.

Внутренняя политика. Неудовольствія бояръ (на перемѣну въ обхожденіи великаго князя), начавшіяся при Иванѣ III, еще болѣе усилились при Василіи, который не терпѣлъ противорѣчій и только для виду отдавалъ дѣла на обсужденіе боярскаго совѣта или думы. Знатныя лица, слишкомъ явно выражавшія свое неудовольствіе, подвергались строгому

наказанію. Такъ, князь Василій Холмскій, женатый на сестрѣ государя, отправленъ въ заточеніе. Нѣкто Берсень-Беклемишевъ вздумалъ громко жаловаться на то, что великій князь слѣдуетъ новымъ обычаямъ, привезеннымъ его матерью Софьею, и что онъ рѣшаетъ всѣ дѣла, „запершись самъ-третей у постели". Берсеню за такія рѣчи отрубили голову. (Два лица, съ которыми Василій самъ-третей рѣшалъ государственныя дѣла, были: любимый его дворецкій Шигона Поджогинъ и одинъ изъ приближенныхъ дьяковъ.) Митрополитъ Варлаамъ, не одобрявшій поступковъ Василія, лишился своего сана и заточенъ въ монастырь. Баронъ Горберштейнъ, бывшій въ Москвѣ посломъ отъ Германскаго императора, говоритъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ о Россіи, *что Василій властію надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ*. Пышность великокняжескаго двора, заведенная Иваномъ III, при Василіи увеличилась.

Въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ при пріемѣ пословъ, онъ являлся на возвышенномъ тронѣ, въ платьѣ, усыпанномъ драгоцѣнными камнями, и въ золотой Мономаховой шапкѣ. У трона его стояли рынды или оруженосцы, выбранные изъ молодыхъ, красивыхъ бояръ, одѣтые въ бѣлые атласные кафтаны и вооруженные серебряными топориками; кругомъ на скамьяхъ сидѣли бояре въ дорогихъ одеждахъ и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Супруга великаго князя Соломонія (изъ рода Сабуровыхъ) была бездѣтна; а между тѣмъ Василій не хотѣлъ, чтобы престолъ послѣ его смерти перешелъ къ кому либо изъ братьевъ, которыхъ онъ считалъ людьми неспособными, и сильно желалъ имѣть собственное потомство. Поэтому великій князь заключилъ Соломонію въ монастырь и съ разрѣшенія митрополита Даніила женился на Еленѣ, племянницѣ литовскаго выходца князя Михаила Глинскаго (1526 г.). Многіе бояре и духовныя лица были недовольны такимъ поступкомъ; особенно вооружался противъ развода старецъ Вассіанъ Косой (одинъ изъ князей Патрикѣевыхъ, постриженныхъ въ монахи); его поддерживалъ другой монахъ, знаменитый своею ученостью, Максимъ Грекъ, который былъ призванъ въ Москву съ Аѳонской горы для перевода церковныхъ книгъ съ греческаго языка. Вассіана и Максима обвинили въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ церкви и заточили въ дальніе монастыри.

ІОАННЪ IV ГРОЗНЫЙ. 1533—1584.

Елена и времена боярскаго самовластія. Послѣ Василія остались два малолѣтніе сына, Іоаннъ и Юрій. Народъ при-

сягнулъ Іоанну; правительницей была объявлена мать его Елена, женщина съ умомъ и рѣшительнымъ характеромъ. Наибольшею ея довѣренностью пользовался молодой князь Телепневъ-Оболенскій. Разнаго рода интриги и крамолы не замедлили обнаружиться при Московскомъ дворѣ; жертвою этихъ интригъ, между прочимъ, сдѣлались братья покойнаго государя Юрій и Андрей Старицкій; ихъ обвинили въ честолюбивыхъ замыслахъ и заключили въ темницу, гдѣ они окончили свою жизнь. Та же участь постигла дядю Елены, Михаила Глинскаго, который хотѣлъ играть первую роль при дворѣ и не могъ ужиться въ мирѣ съ Оболенскимъ. Правленіе Елены, не отмѣченное никакими особенно важными событіями внутренней или внѣшней политики, продолжалось пять лѣтъ; говорятъ, ее отравили бояре (1538 г.); Телепнева-Оболенскаго они послѣ того немедленно бросили въ темницу и тамъ уморили голодомъ.

Наступило десятилѣтнее самовластіе бояръ, ознаменованное взаимною борьбою правителей и угнетеніемъ, которое причиняли народу ихъ клевреты. Первое мѣсто между боярами заняла фамилія князей Шуйскихъ (потомки удѣльныхъ Суздальскихъ), и во главѣ боярской думы сталъ Василій Шуйскій, человѣкъ способный, но жестокій [8]).

Впрочемъ, Василій Шуйскій скоро умеръ; а послѣ него власть перешла въ руки князя Ивана Бѣльскаго (изъ потомковъ Гедимина), который управлялъ государствомъ довольно кротко и искусно, но, къ сожалѣнію, недолго. Шуйскіе, имѣвшіе на своей сторонѣ многочисленную партію, свергли его и опять завладѣли правленіемъ. Они мало заботились о внѣшней безопасности Россіи и расхищали государственную казну; а родственникамъ своимъ и приверженцамъ раздавали глав-

---

[8]) Слѣдующій поступокъ даетъ ясное понятіе о его характерѣ. Василій III, овладѣвъ Смоленскомъ, поставилъ здѣсь намѣстникомъ князя Шуйскаго. Послѣ пораженія русскаго войска при Оршѣ, многіе граждане въ Смоленскѣ завели сношенія съ Литовцами и приглашали ихъ взять назадъ городъ, обѣщая съ своей стороны дѣятельную помощь. Василій Шуйскій, узнавъ о томъ, схватилъ главныхъ заговорщиковъ, и когда Литовцы явились передъ городомъ, онъ велѣлъ повѣсить арестованныхъ Смольнянъ на городской стѣнѣ съ тѣми самыми подарками, которые они недавно получили отъ великаго князя Московскаго: одни, напримѣръ, висѣли въ дорогихъ собольихъ шубахъ, у другихъ на шеѣ были привязаны серебряные ковши и пр. Тогда измѣнниковъ въ городѣ не оказалось, и литовскій отрядъ долженъ былъ отступить.

ныя правительственныя должности, позволяли имъ грабить и притѣснять народъ.

Между тѣмъ подросталъ молодой государь. Іоаннъ имѣлъ отъ природы необыкновенно живыя способности и пылкій, впечатлительный характеръ; къ несчастію, никто не позаботился дать ему хорошее воспитаніе. Бояре обходились съ нимъ грубо, дѣлали его свидѣтелемъ позорныхъ сценъ, часто оскорбляли самолюбіе дитяти и тѣмъ ожесточали его сердце. Съ раннихъ лѣтъ уже Іоаннъ началъ обнаруживать большую жестокость, которая проявлялась и въ самыхъ дѣтскихъ его забавахъ: такъ, онъ находилъ удовольствіе мучить животныхъ или, разъѣзжая иногда съ толпою сверстниковъ по улицамъ Москвы, со смѣхомъ давилъ конями встрѣчавшихся людей и т. п. Бояре нисколько не старались исправлять дурныя наклонности Іоанна, напротивъ, поощряли его къ подобнымъ забавамъ, лишь бы отклонить отъ вмѣшательства въ ихъ управленіе; такимъ образомъ они сами себѣ приготовили грозу. Въ первый разъ Іоаннъ показалъ себя самодержавнымъ государемъ, когда ему было тринадцать лѣтъ: онъ вдругъ велѣлъ схватить гордаго князя-правителя Андрея Шуйскаго и отдалъ его на растерзаніе своимъ псарямъ. Господство Шуйскихъ кончилось; но ихъ мѣсто заступили дяди государя по матери, князья Глинскіе, и нѣсколько лѣтъ еще продолжались безпорядки боярскаго управленія.

Правительственная дѣятельность Іоанна IV. 1547 годъ былъ замѣчательнымъ годомъ Іоаннова царствованія. Въ январѣ государь торжественно короновался и принялъ титулъ царя, имѣвшій, по понятіямъ того времени, высшее значеніе, нежели титулъ великокняжескій. Вслѣдъ затѣмъ молодой царь вступилъ въ бракъ, и выборъ его палъ на Анастасію Романовну, дочь боярина Романа Юрьевича Захарьина. Умная Анастасія умѣла пріобрѣсти благодѣтельное вліяніе на своего супруга, который ее горячо любилъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ Москвѣ произошелъ большой пожаръ. Подобное бѣдствіе не считалось рѣдкостью въ столицѣ при тѣсной, безпорядочной постройкѣ ея деревянныхъ жилищъ, и обыкновенно скоро забывалось по изобилію въ лѣсѣ и по легкости, съ которой опять воздвигались

изъ пепла погорѣвшія улицы. Но пожаръ 1547 года въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ особенно силенъ; сгорѣла большая часть города, причемъ погибло много народу. Царь съ семействомъ уѣхалъ въ ближнее село Воробьево. А между тѣмъ московская чернь подняла мятежъ, обвиняя въ поджогѣ родственниковъ царя—Глинскихъ. Слухъ этотъ вѣроятно былъ распущенъ враждебными имъ боярами. Одинъ изъ братьевъ Глинскихъ думалъ спастись отъ народной ярости въ Успенскомъ храмѣ; но толпа нашла его тамъ и умертвила; слуги его были также перебиты, а домъ разграбленъ. Мятежники явились въ самомъ Воробьевѣ и требовали остальныхъ Глинскихъ. Іоаннъ велѣлъ схватить зачинщиковъ и казнить. Тогда мятежъ утихъ.

Событіе это произвело сильное впечатлѣніе на молодого государя. Онъ оставилъ праздный образъ жизни, посвященный забавамъ, и обратилъ свое вниманіе на дѣятельность правительственную. Съ тѣхъ поръ главное мѣсто въ совѣтѣ заняли два достойные мужа: протопопъ придворнаго Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и одинъ изъ царскихъ спальниковъ, Алексѣй Адашевъ, возведенный потомъ въ санъ окольничаго.

Для разсужденія о лучшемъ устройствѣ гражданскихъ дѣлъ Іоаннъ созвалъ въ Москву выборныхъ людей отъ разныхъ сословій государства (З е м с к і й С о б о р ъ). Передъ началомъ совѣщанія, однажды въ воскресный день, царь, сопровождаемый духовенствомъ, вышелъ на Красную площадь, покрытую народомъ, и съ Л о б н а г о м ѣ с т а произнесъ рѣчь, въ которой описалъ безпорядки и бѣдствія, происшедшіе во время его малолѣтства отъ самовластія бояръ; въ заключеніе онъ просилъ народъ забыть все прошлое, обѣщая ему впередъ правосудіе и защиту отъ притѣснителей. Тогда же былъ составленъ новый судебникъ, болѣе полный и опредѣленный, нежели судебникъ Ивана III (1550 г.). Въ слѣдующемъ году царь созвалъ духовный соборъ и поручилъ ему обсудить мѣры къ улучшенію духовнаго сословія и къ исправленію народной нравственности. (Статьи, которыя обсуждались на этомъ соборѣ, раздѣлены на сто главъ, а потому онъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ С т о г л а в а г о.)

Далѣе, Іоаннъ хотѣлъ ограничить злоупотребленія област-

ныхъ правителей (намѣстниковъ и волостелей). На содержаніе ихъ обыкновенно назначались поборы съ самихъ жителей деньгами или разными припасами и доходы съ подсудимыхъ, что называлось вообще кормленіемъ; но корыстолюбивые правители часто переступали предѣлы законныхъ поборовъ и притѣсняли народъ своимъ неправосудіемъ, слѣдствіемъ чего были безпрестанныя жалобы. Московское правительство поэтому установило, чтобы городскія и сельскія общины сами выбирали себѣ судей и правителей; новыя выборныя власти получили названія: губныхъ (или окружныхъ) старостъ, излюбленныхъ головъ, земскихъ судей и пр.; выборнымъ людямъ отъ самихъ общинъ поручены были раскладка и сборъ податей, поимка и казнь воровъ и разбойниковъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Іоаннъ даже совсѣмъ отмѣнилъ великокняжескихъ намѣстниковъ и волостелей. Кромѣ того, онъ старался ограничить власть вельможъ какъ въ областяхъ, такъ и въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ (т.-е. московскихъ приказахъ), тѣмъ, что поручалъ завѣдываніе гражданскими дѣлами преимущественно дьякамъ.

Потомъ царь сдѣлалъ попытку болѣе точнымъ образомъ опредѣлить, въ какихъ случаяхъ можетъ быть допускаемо мѣстничество. Такъ назывался укоренившійся тогда въ Московскомъ государствѣ обычай считаться знатностію рода при занятіи мѣста въ войскѣ, въ областномъ управленіи, въ придворныхъ церемоніяхъ, за царскимъ столомъ и пр.; подобный обычай подавалъ поводъ къ безпрестаннымъ спорамъ и особенно вредилъ военному дѣлу, потому что приходилось назначать главными воеводами людей не самыхъ способныхъ, а самыхъ знатныхъ. Этотъ обычай получилъ начало съ того времени, какъ удѣльные князья стали вступать на службу великихъ князей Московскихъ. Княжескіе роды старались занимать мѣста выше боярскихъ, а боярскіе старые роды выше молодыхъ.

Взятіе Казани. Въ Казани со временъ Василія III боролись двѣ партіи: Московская и Крымская, вслѣдствіе чего происходила частая перемѣна хановъ. Въ правленіе Елены тамъ утвердился ханъ изъ крымской династіи (Сафа Гирей).

Когда онъ умеръ, Казанцы снова признали свою зависимость отъ Москвы, но имъ не понравилось жестокое правленіе московскаго присяжника Шигъ-Алея; партія, враждебная Русскимъ, взяла верхъ и призвала на престолъ ногайскаго царевича Едигера. Тогда Іоаннъ рѣшилъ покончить съ Казанью.

Въ 1552 году онъ предпринялъ походъ и окружилъ городъ 150.000-ми воиновъ, въ числѣ которыхъ находились стрѣльцы (постоянная пѣхота, впервые появившаяся около того времени въ московскомъ войскѣ). Казанцы, подкрѣпленные многими мусульманскими витязями изъ Крыма, Астрахани, даже изъ отдаленной Турціи и Персіи, защищались съ удивительнымъ мужествомъ, и осада продлилась на шесть недѣль. Изъ московскихъ воеводъ въ этой осадѣ наиболѣе отличились князья Воротынскій, Курбскій и Горбатый Шуйскій. Наконецъ 2 октября, послѣ отчаянной обороны, городъ былъ взятъ приступомъ.

Князь Андрей Курбскій, одинъ изъ героевъ осады, въ своихъ запискахъ такъ разсказываетъ о штурмѣ Казани:

Предъ самымъ солнечнымъ восходомъ взорвало большой подкопъ (въ 48 бочекъ пороху), и обрушилась часть городской стѣны. Русское войско, заранѣе приготовленное, со всѣхъ сторонъ ударило на городъ. Татары встрѣтили Русскихъ выстрѣлами изъ пищалей и тучею стрѣлъ; лили на нихъ кипящую воду и скатывали бревна. Однако осаждающіе влѣзли на стѣны и ворвались въ городъ. Но тутъ многіе изъ нихъ, увлеченные корыстью, оставили битву и принялись грабить дома и лавки. Замѣтивъ это, Казанцы удвоили усилія и потѣснили осаждающихъ назадъ изъ города. Корыстолюбцы обратились въ бѣгство съ крикомъ «сѣкутъ! сѣкутъ!» Но храбрѣйшая часть войска устояла на мѣстѣ. Между тѣмъ, опытные мужи, окружавшіе Іоанна, взявъ его коня за узду, поставили его близъ главныхъ городскихъ воротъ и подняли надъ нимъ большую хоругвь, а половинѣ отборнаго царскаго полка велѣли сойти съ коней и подкрѣпить сражавшихся. Побѣжденные Казанцы отступили на царскій дворъ и еще нѣсколько времени отчаянно оборонялись. Наконецъ они вывели Едигера на башню и сказали русскимъ воеводамъ: «Пока наше царство стояло, мы бились на смерть за царя и отечество; теперь отдаемъ вамъ царя живымъ, а сами идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». Они спустились со стѣнъ, перешли въ бродъ рѣчку Казанку и устремились черезъ поле въ сосѣдній лѣсъ; ихъ оставалось еще тысячъ пять и самыхъ храбрѣйшихъ; тутъ они почти всѣ истреблены послѣ мужественнаго сопротивленія.

3 октября Казань была очищена отъ труповъ. На слѣдующій день Іоаннъ торжественно вступилъ въ нее съ духовенствомъ, боярами и войскомъ; вокругъ города совершенъ былъ крестный ходъ; священники окропили улицы и стѣны святой водою. Царь назначилъ мѣста для христіанскихъ храмовъ и заложилъ соборную церковь Благовѣщенія. (Въ слѣдующемъ году игуменъ Селижарова монастыря, Гурій, назначенъ былъ первымъ архіепископомъ Казанской епархіи.)

Государь воротился въ Москву, и народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ это первое завоеваніе ненавистнаго бусурманскаго царства. Впрочемъ нѣсколько лѣтъ еще на обѣихъ сторонахъ Волги (нагорной и луговой) продолжалась борьба съ племенами, входившими въ составъ Казанской области (т.-е. съ Черемисами, Мордвой, Чувашами, Вотяками и Башкирами), которыхъ поддерживали Татары [9]).

Спустя четыре года послѣ завоеванія Казани, безъ труда было присоединено и слабое Астраханское царство, возникшее на развалинахъ Золотой Орды. *Такимъ образомъ все среднее и нижнее теченіе Волги до береговъ Каспійскаго моря вошло въ составъ Московскаго государства, и обширныя мало обитаемыя пространства открылись для русской колонизаціи.*

Отношенія къ Крымцамъ были постоянно враждебныя. Будучи не въ состояніи помѣшать завоеванію Казани и Астрахани, Крымскій ханъ мстилъ Россіи набѣгами на московскія украйны: жегъ, грабилъ города и села и тысячами уводилъ жителей въ неволю. Московское правительство уже давно принимало разныя мѣры, чтобъ обезопасить свои земли отъ этихъ внезапныхъ набѣговъ: оно строило крѣпости; дѣлало засѣки; для чего на открытыхъ мѣстахъ сыпали валы, въ лѣсахъ валили деревья, а въ рѣкахъ на бродахъ вбивали колья. Кромѣ того на курганахъ и высокихъ деревьяхъ помѣщались сторожевые люди, которые о всякой опасности давали знать въ Москву. Іоаннъ съ своей стороны умно-

---

[9]) Въ память завоеванія Казани Іоаннъ соорудилъ въ Москвѣ на Красной площади соборъ Покрова Пресв. Богородицы, извѣстный въ народѣ болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго; онъ отличается своею затѣйливою архитектурою и пестротою красокъ. Красная площадь лежитъ между Кремлемъ и Китай городомъ. Подлѣ храма Василія Блаженнаго, на верху спуска къ Москвѣ рѣкѣ, находится возвышенный помостъ, который назывался Лобнымъ мѣстомъ.

жалъ на югѣ число крѣпостей и усилилъ сторожевые разъѣзды, наблюдавшіе въ степи за движеніемъ Татаръ. Кромѣ того царь иногда высылалъ на югъ легкіе московскіе отряды, которые, соединившись съ казаками, спускались внизъ по Дону или по Днѣпру и нападали на Крымцевъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Особенно былъ удаченъ походъ подъ начальствомъ Данила Адашева (братъ Алексѣя), который проникъ въ самый Крымъ, разорилъ нѣсколько улусовъ и освободилъ значительное число русскихъ плѣнниковъ (1559 г.). Приближенные люди совѣтовали Іоанну воспользоваться ослабленіемъ Крымскаго ханства и разгромить его окончательно. Царь не рѣшился на это предпріятіе, такъ какъ Крымъ былъ тогда отдѣленъ отъ Россіи обширными степями, а ханъ считался вассаломъ Турецкаго султана. (Притомъ уже началась долгая Ливонская война.) Крымская орда потомъ успѣла оправиться, и ханъ возобновилъ свои притязанія на Казань и Астрахань. Однажды Девлетъ-Гирей напалъ на Россію врасплохъ и сжегъ самую Москву, причемъ погибло огромное количество народу; 100.000 человѣкъ были отведены въ неволю (1571 г.). Ханъ повторилъ набѣгъ и въ слѣдующемъ году, но его отразилъ воевода князь Воротынскій на берегахъ Лопасни.

Покореніе Сибири. Въ послѣдніе годы Іоаннова царствованія русскіе предѣлы на востокѣ увеличились новымъ пріобрѣтеніемъ: Волжскіе казаки подъ начальствомъ Ермака завоевали Сибирское царство.

Донскіе и Волжскіе казаки хотя и признавали надъ собою власть Московскаго царя, однако, нападая на Татаръ, не щадили и Русскихъ: грабили на Волгѣ царскія суда, разбивали персидскіе и бухарскіе караваны, приходившіе съ товарами въ Россію. Царь не разъ посылалъ своихъ воеводъ, которые ловили и казнили разбойниковъ. Одна казацкая шайка, спасаясь отъ преслѣдованія Москвитянъ, бѣжала съ атаманомъ Ермакомъ вверхъ по Волгѣ и явилась на Камѣ.

Въ Пермскомъ краю между русскими поселенцами находились въ то время богатые промышленники Строгановы. Получивъ отъ царя грамоту на пустыя земли между рѣками Камой и Чусовой съ тѣмъ, чтобы заселить эти земли, они завели здѣсь соляныя варницы; а для защиты края отъ сосѣднихъ народцевъ получили право строить крѣпости, имѣть свои пушки и содержать на свой счетъ

военные отряды. Послѣдніе составлялись изъ разнаго сброда: изъ Русскихъ и Татаръ, изъ плѣнныхъ Нѣмцевъ и Литовцевъ; но ихъ было недостаточно для того, чтобы перенести войну за Уральскій хребетъ. Тамъ существовало особое татарское владѣніе, столицею котораго былъ городъ Сибирь, на берегу Иртыша. Сибирскіе ханы брали дань съ туземныхъ финскихъ племенъ (Вогуловъ и Остяковъ), и хотя признали свою зависимость отъ Московскаго царя (1555 г.), однако не переставали нападать на русскіе восточные предѣлы. Строгановы предложили Ермаку съ товарищами вступить къ нимъ въ службу, и тѣ охотно согласились.

Подкрѣпленный ратными людьми Строгановыхъ, съ отрядомъ въ 840 человѣкъ Ермакъ пошелъ за Каменный поясъ (т.-е. за Уральскій хребетъ) и, плывя по рѣкамъ, углубился въ Сибирскую землю. Много трудностей должны были преодолѣвать казаки на этомъ долгомъ пути, въ борьбѣ съ естественными препятствіями и туземными племенами. Но, благодаря своему необычайному мужеству и огнестрѣльному оружію, неизвѣстному у туземцевъ, они счастливо окончили свое предпріятіе. Ханъ Кучумъ оставилъ имъ свою столицу и бѣжалъ въ степи, а храбрый его родственникъ, татарскій богатырь Маметкулъ, попался въ плѣнъ (1582 г.). Товарищъ Ермака, атаманъ Кольцо съ нѣсколькими казаками явился въ Москву и ударилъ челомъ Іоанну всѣмъ Сибирскимъ царствомъ; онъ привезъ и образцы туземныхъ произведеній: драгоцѣнныхъ соболей, черныхъ лисицъ и бобровъ. Царь принялъ его весьма милостиво, послалъ казакамъ подарки и жалованье, а для занятія Сибирской земли отправилъ отрядъ московскаго войска.

Борьба за Ливонію. Подобно своему дѣду, Іоаннъ IV старался завязать торговлю съ западными державами и привлекать въ Россію разнаго рода европейскихъ мастеровъ и ремесленниковъ. Но непосредственныя сношенія съ Западною Европою были въ то время затруднительны: сухимъ путемъ—мѣшала постоянно враждебная Польша, а водою—единственно свободный путь представляли Бѣлое море и Сѣверный Ледовитый океанъ. Этимъ отдаленнымъ путемъ Московское государство не замедлило вступить въ торговыя связи съ Англичанами.

Торговля эта началась почти случайно. Три корабля отправились изъ Англіи на сѣверо-востокъ съ тою цѣлью, чтобы мимо береговъ Ледовитаго океана отыскать новый путь въ Китай и Индію. Буря разлучила корабли, и два изъ нихъ у Мурманскаго берега замерзли со всѣмъ экипажемъ и съ начальникомъ экспедиціи Виллоби. Лапландскіе рыбаки нашли мертваго Виллоби сидящимъ въ палаткѣ за своимъ журналомъ. Между тѣмъ третій корабль,

состоявшій подъ начальствомъ капитана Ченслера, вошелъ въ Бѣлое море и присталъ къ устью Сѣверной Двины (гдѣ былъ потомъ основанъ Архангельскъ). Холмогорскій воевода далъ знать Іоанну о прибытіи Англичанъ (1553 г.). Царь пригласилъ Ченслера въ Москву, обласкалъ его и отпустилъ въ отечество, изъявивъ желаніе завести торговлю съ его единоземцами. Въ Англіи немедленно составилось общество купцовъ для посылки товаровъ въ Россію, а Іоаннъ даровалъ имъ грамоту на свободную, безпошлинную торговлю въ своемъ государствѣ; въ то же время между Московскимъ и Англійскимъ дворомъ начались частыя дружественныя пересылки.

На Балтійскомъ морѣ Русскіе хотя и владѣли еще частью береговъ Финскаго залива, но не имѣли значительныхъ гаваней. Къ тому же ихъ *сношеніямъ съ Германіей препятствовали Ливонскіе рыцари, которые поняли опасность, грозившую имъ со стороны могущественнаго сосѣда въ томъ случаѣ, когда онъ воспользуется плодами европейскаго образованія.* Орденъ старался не пропускать въ Москву иноземныхъ мастеровъ, а въ особенности военные снаряды и тѣхъ людей, которые могли научить Москвитянъ военному искусству [10].

Іоаннъ ждалъ удобнаго случая отомстить Ливонцамъ за ихъ явное недоброжелательство и сильно желалъ возвратить Россіи принадлежавшіе ей нѣкогда берега Балтійскаго моря. Поэтому едва окончилась борьба съ Татарами на Волгѣ, какъ царь напомнилъ рыцарямъ о дани, которую они обязались платить по старымъ договорамъ съ русскими великими князьями; когда же требованіе его не было исполнено, онъ началъ войну (1558 г.). Ливонскій Орденъ находился въ то время уже въ упадкѣ; толпы крестоносцевъ изъ Западной Европы давно перестали подкрѣплять его, и онъ остался одинъ безъ всякой поддержки посреди своихъ сильныхъ сосѣдей. Къ тому же внутри его происходили раздоры:

[10]) Ливонскій Орденъ очень рѣзко обнаружилъ свою непріязнь къ Москвѣ по слѣдующему поводу. Іоаннъ отправилъ въ Германію Саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать въ русскую службу людей, знающихъ разныя искусства и ремесла. Шлитте набралъ болѣе 100 человѣкъ (между ними были медики, аптекаря, цирюльники, архитекторы, каменьщики, литейщики, плотники, часовщики, слесаря, толмачи, рудокопы, повара, каретники, типографщикъ, портвои и пр.). Но въ Любекѣ, гдѣ они хотѣли сѣсть на корабль, начальство города задержало ихъ по проискамъ Ливонцевъ; самого Шлитте посадили въ тюрьму, а спутники его разбѣжались. (1547 г.)

лютеране враждовали съ католиками, магистры Ордена съ Рижскимъ архіепископомъ. Русскія войска не встрѣтили большого сопротивленія, взяли нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Нарву, Дерптъ, крѣпкій замокъ Феллинъ, и жестоко опустошили непріятельскія земли. Молодой магистръ Кетлеръ, видя невозможность защищаться одними собственными силами, уступилъ Ливонію польскому королю Сигизмунду II, а себѣ взялъ Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога, и призналъ свое герцогство въ ленной зависимости отъ Польши (1561 г.). Около того же времени Эстонія поддалась Швеціи, а островъ Эзель заняли Датчане; такимъ образомъ Орденскія владѣнія распались. Іоаннъ вступилъ въ войну съ Поляками и лично отнялъ у нихъ древній русскій городъ Полоцкъ. Въ 1566 году въ Москвѣ собрался Земскій Соборъ: царь спрашивалъ у него совѣта, продолжать ли войну или заключить миръ. Рѣшено было добывать Ливонію оружіемъ.

Между тѣмъ, со смертію Сигизмунда II въ Польшѣ прекратилась династія Ягеллоновъ (1572), и престолъ сдѣлался избирательнымъ. Послѣ нѣсколькихъ смутъ и колебаній, Поляки избрали своимъ королемъ трансильванскаго воеводу Стефана Баторія. Стефанъ, бывшій весьма искуснымъ полководцемъ, рѣшился энергически продолжать войну съ Русскими и лично повелъ на нихъ свои закаленныя въ битвахъ войска, которыя состояли изъ наемной венгерской и нѣмецкой пѣхоты, польской конницы и многочисленной артиллеріи. Нестройныя московскія ополченія, предводимыя неискусными воеводами, начали терпѣть вездѣ неудачи; перевѣсъ склонился на сторону Поляковъ. Въ то же время Шведы открыли военныя дѣйствія; полководецъ ихъ Делагарди оттѣснилъ русскихъ отъ береговъ Финскаго залива. Баторій отнялъ назадъ Полоцкъ, взялъ нѣсколько русскихъ городовъ и осадилъ Псковъ. Но, сильно укрѣпленный и обороняемый мужественнымъ воеводою (кн. Ив. Петр. Шуйскимъ), Псковъ оказалъ неодолимое сопротивленіе и отбилъ всѣ непріятельскіе приступы. Его геройская оборона много способствовала прекращенію войны. Іоаннъ обратился къ посредничеству римскаго папы, который по этому случаю прислалъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина. Переговоры

съ Поляками, производившіеся у Запольскаго яма (Порхов. уѣзда), окончились десятилѣтнимъ перемиріемъ (1583 г.): Ливонія и Полоцкъ остались за Польшею. А въ слѣдующемъ году заключено перемиріе со Шведами, которымъ уступлены были русскіе города, лежащіе около Финскаго залива (Ямъ, Ивангородъ и Копорье). Такимъ образомъ попытка Іоанна IV утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря окончилась полною неудачей.

Эпоха казней. Въ то время, какъ извнѣ Россія вела долгую и трудную Ливонскую войну, внутри ея господствовала мрачная эпоха опалъ и казней. Согласіе между царемъ и его ближайшими совѣтниками, т.-е. Сильвестромъ и Адашевымъ, продолжалось недолго: *пылкій, властолюбивый Іоаннъ скоро началъ тяготиться вліяніемъ своихъ совѣтниковъ.* Сюда же присоединилось соперничество ихъ съ Захарьиными, родственниками царицы, и нерасположеніе къ нимъ самой Анастасіи.

Начало этого нерасположенія и охлажденія Іоанна къ своимъ совѣтникамъ относятъ къ 1553 г. Вскорѣ послѣ Казанскаго похода царь впалъ въ тяжкую болѣзнь: написалъ духовную, назначилъ наслѣдникомъ своего сына, младенца Димитрія, и требовалъ, чтобы бояре ему присягнули. Тогда во дворцѣ произошли шумъ и брань: одни дали присягу, другіе отказывались на томъ основаніи, что Димитрій еще малъ, и вмѣсто него будутъ управлять Захарьины, что лучше быть государемъ человѣку взрослому; при этомъ они указывали на царскаго двоюроднаго брата Владиміра (сынъ Андрея Старицкаго), послѣдній также не хотѣлъ присягать Димитрію. Сильвестръ и отецъ Адашева держали сторону непослушныхъ бояръ. Только послѣ настойчивыхъ убѣжденій царя и вѣрныхъ ему вельможъ противная сторона уступила. Іоаннъ выздоровѣлъ; хотя онъ не показывалъ на первое время явныхъ знаковъ неудовольствія, однако не могъ забыть этого случая, и подозрительно началъ смотрѣть на людей, его окружавшихъ. Царица также считала себя оскорбленною. (Маленькій Димитрій вскорѣ умеръ.)

Въ 1560 г. Анастасія скончалась. Около того же времени Адашевъ и Сильвестръ были удалены отъ двора: первый отправленъ воеводою въ Ливонію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ, а второй сосланъ въ Соловецкій монастырь; ихъ родственники и друзья подверглись опаламъ и казнямъ. Не стѣсняемый болѣе присутствіемъ строгихъ совѣтниковъ и любимой

супруги, Іоаннъ началъ находить развлеченіе въ шумныхъ пирахъ, порочныхъ забавахъ и давать полную волю своему крутому, необузданному характеру. *Съ особенною жестокостію сталъ онъ преслѣдовать боярское сословіе, потому что бояре продолжали отстаивать свои древнія права, которыя могли ограничить его самодержавіе.* Въ этомъ отношеніи царь продолжалъ политику своего отца и дѣда, доведя ее до крайней степени. Еще Иванъ III не хотѣлъ признать за боярами ихъ старинное право отъѣзда, и тѣхъ, которые переходили въ Литву (т.-е. въ Западную Русь), объявлялъ государственными измѣнниками. Съ того времени при Московскомъ дворѣ вошло въ обычай брать съ ненадежныхъ бояръ крестоцѣловальныя записи въ томъ, что они не измѣнятъ и не отъѣдутъ въ другое государство; подобная запись иногда сопровождалась денежнымъ поручительствомъ со стороны родственниковъ и друзей.

Одинъ изъ лучшихъ московскихъ воеводъ, князь Курбскій, опасаясь царской немилости, бѣжалъ изъ Ливоніи во время войны въ Литву; онъ получилъ отъ Сигизмунда помѣстья и въ рядахъ непріятельскаго войска началъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ. Между царемъ и Курбскимъ завязалась знаменитая переписка; въ этой перепискѣ Іоаннъ, отличавшійся большою начитанностью и краснорѣчіемъ, излагалъ свои понятія о неограниченной царской власти, а Курбскій старался защитить старинныя боярскія права [11]). Послѣ того въ Іоаннѣ еще сильнѣе развилась подозрительность: его воображенію всюду представлялись тайныя козни измѣнниковъ и предателей. Въ такомъ настроеніи духа царь неожиданно покинулъ Москву и уѣхалъ съ семействомъ и близкими людьми въ Александровскую Слободу (1564 г.); отсюда онъ написалъ къ митрополиту и народу о своемъ намѣреніи оставить престолъ, потому что не хочетъ болѣе сносить предательства вельможъ, за которыхъ притомъ заступается духовенство. Встревоженный народъ

---

11) Съ первымъ письмомъ Курбскій послалъ вѣрнаго слугу Шибанова. Разсказываютъ, будто онъ подалъ письмо царю на Красномъ крыльцѣ; будто Іоаннъ ударилъ его въ ногу желѣзнымъ костылемъ своимъ и, опершись на костыль, слушалъ чтеніе письма; Шибановъ остался неподвижнымъ, а потомъ во время жестокой пытки смѣло говорилъ въ оправданіе своего господина.

умолялъ его не покидать царство. Іоаннъ согласился, но съ условіемъ, чтобы ему не мѣшали казнить измѣнниковъ, и учредилъ опричнину. Такъ назывался новый дворъ царя, составленный изъ людей, вполнѣ ему преданныхъ и большею частію незнатныхъ (преимущественно изъ сословія боярскихъ дѣтей). На содержаніе этого двора онъ отдѣлилъ часть Москвы и доходы съ 20 городовъ. Все остальное государство получило названіе земщины, управленіе которою поручено временно старымъ земскимъ боярамъ. (Впослѣдствіи царь временно поставилъ надъ ними главою крещенаго касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича съ титуломъ великаго князя всея Руси). Толпа новыхъ тѣлохранителей сдѣлалась грознымъ и слѣпымъ орудіемъ царской воли; опричники безнаказанно буйствовали, обижали мирныхъ гражданъ, почему они скоро навлекли на себя народную ненависть. Изъ нихъ самые приближенные къ Іоанну были Малюта Скуратовъ, Басмановы, отецъ съ сыномъ, и князь Вяземскій.

Съ той поры Іоаннъ жилъ большею частью въ укрѣпленной Александровской Слободѣ, и все остальное время его царствованія не прекращались казни людей, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ. Соловецкій игуменъ Филиппъ (изъ рода бояръ Колычовыхъ), по желанію Іоанна занявшій престолъ митрополита, не хотѣлъ отказаться отъ священнаго обычая ходатайствовать (печаловаться) за опальныхъ; твердый духомъ, онъ смѣло обличалъ недостойное поведеніе царя и буйство его опричниковъ [12]). Филиппъ былъ отрѣшенъ отъ своего сана и заточенъ въ тверской Отрочь монастырь, гдѣ его потомъ задушилъ Малюта Скуратовъ (1569 г.). Тогда же погибъ и двоюродный братъ царя Владиміръ Андреевичъ.

---

[12]) Іоаннъ избѣгалъ свиданія съ митрополитомъ, опасаясь печалованій, но нерѣдко долженъ былъ встрѣчаться съ нимъ въ церкви, и здѣсь-то происходили между ними сцены, подобныя слѣдующей:

„Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святой—говорилъ царь, едва сдерживая свой сильный гнѣвъ; молчи, и благослови насъ!"

„Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ"—отвѣчалъ Филиппъ.

„Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла, какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?"

„Я—пастырь стада Христова!"

„Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой, или лучше оставь митрополію".

„Я не просилъ, не искалъ чрезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана, зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни? и т. д.

Разгромъ Новгорода. Въ слѣдующемъ году цѣлый Новгородъ сдѣлался жертвою Іоанновой подозрительности. Новгородцы все еще не могли забыть своего прежняго вѣчевого устройства, и по всей вѣроятности явно тяготились суровымъ московскимъ владычествомъ: какъ бы то ни было ихъ обвинили въ намѣреніи поддаться польскому королю. Іоаннъ, сопровождаемый опричниками и стрѣльцами, явился въ Новгородѣ, и тутъ въ теченіе шести недѣль производилъ свою кровавую расправу.

Пришедши въ Новгородъ, передовой царскій отрядъ устроилъ кругомъ крѣпкія заставы и заперъ окрестные монастыри. Схватили игуменовъ, монаховъ, священниковъ и поставили на правежъ (т.-е. били палками по ногамъ каждый день, взыскивая съ нихъ деньги); купцовъ и приказныхъ людей заключили подъ стражу. Пріѣхалъ самъ Іоаннъ, велѣлъ игуменовъ и монаховъ, стоявшихъ на правежѣ, побить до смерти. Когда онъ отправился къ обѣднѣ въ Софійскій соборъ, на Волховскомъ мосту встрѣтилъ его архіепископъ Пименъ и хотѣлъ осѣнить крестомъ; Іоаннъ не пошелъ ко кресту и назвалъ Пимена измѣнникомъ. Послѣ обѣдни обѣдалъ у архіепископа и тутъ вдругъ велѣлъ его схватить, а казну и весь дворъ его ограбить. Начались казни Новгородцевъ, содержавшихся подъ стражей. Ихъ пытали огнемъ; а потомъ бросали въ Волховъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; чтобы никто не могъ спастись, ратные люди ѣздили въ лодкахъ и кололи тѣхъ, которые всплывали наверхъ. Такъ продолжалось пять недѣль. Наконецъ, утомясь казнями, онъ велѣлъ изъ уцѣлѣвшихъ гражданъ привести къ себѣ съ каждой улицы по одному человѣку. Они явились блѣдные какъ мертвецы, дрожа отъ страха въ ожиданіи смерти. Іоаннъ объявилъ, чтобы они ничего не боялись и молились Богу о царскомъ благоденствіи, а пролитая кровь взыщется на измѣнникахъ Пименѣ и его помощникахъ. Изъ Новгорода Іоаннъ отправился въ Псковъ. Псковитяне встрѣтили царя каждый передъ своимъ домомъ съ женами и дѣтьми, стоя на колѣнияхъ съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ. Эти знаки покорности смягчили царя. (Преданіе говоритъ, что Іоаннъ посѣтилъ здѣсь юродиваго Николу Салоса, и тотъ, несмотря на время Великаго поста, будто предложилъ ему кусокъ сырого мяса, обличая его такимъ образомъ въ кровожадности). По возвращеніи въ Москву началось слѣдствіе о новгородской измѣнѣ. Многіе московскіе бояре и дворяне были обвинены въ соучастіи и казнены. Въ числѣ ихъ погибли прежніе царскіе любимцы, Басмановы и князь Вяземскій.

Такими жестокими мѣрами Іоаннъ IV уничтожилъ всякое сопротивленіе своей власти и сдѣлалъ ее вполнѣ неограни-

ченною, но по справедливости заслужилъ въ исторіи славу тирана [13]).

Іоаннъ умеръ въ 1584 году. Изъ дѣтей Анастасіи достигли совершеннолѣтняго возраста Іоаннъ и Өеодоръ; во время войны съ Баторіемъ царь разсердился однажды на старшаго сына за противорѣчіе, и такъ неосторожно ударилъ его своимъ желѣзнымъ костылемъ, что царевичъ черезъ нѣсколько дней скончался. Въ живыхъ послѣ того остались только Өеодоръ и малолѣтній Димитрій (рожденный отъ пятой или шестой жены Іоанна — Маріи Нагой). Престолъ долженъ былъ перейти къ Өеодору.

I. ПРЕКРАЩЕНІЕ ДИНАСТІИ ВЛАДИМІРА ВЕЛИКАГО И СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

1589—1598—1605—1610—1613.

ӨЕОДОРЪ ІОАННОВИЧЪ. 1584—1598.

Годуновъ-правитель. Өеодоръ былъ человѣкъ кроткій, слабый здоровьемъ и характеромъ, болѣе склонный къ иноческой жизни, нежели къ занятіямъ государственными дѣлами. Время свое онъ проводилъ преимущественно въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, а заботы правленія возложилъ на членовъ верховной боярской думы. Ближе всѣхъ къ царю сталъ хитрый Борисъ Годуновъ, братъ супруги Өеодоровой Ирины; онъ происходилъ отъ одного татарскаго мурзы, вступившаго въ московскую службу (въ XIV в.).

У Бориса были соперники, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ боярскимъ фамиліямъ, которые старались помѣшать его возвышенію. Душой враждебной партіи сдѣлались князья Шуйскіе. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ они отъ лица всего народа соста-

[13]) Народныя пѣсни и сказанія однако относятся съ почтеніемъ къ Іоанну IV и называютъ его только Грознымъ (это прозваніе дано было и дѣду его Іоанну III); во время вражды его съ боярствомъ народъ очевидно былъ на сторонѣ царя. Только къ одному изъ бояръ Ивана IV пѣсни народныя относятся съ большимъ сочувствіемъ, именно къ Никитѣ Романовичу, брату Анастасіи Романовны. По историческимъ извѣстіямъ, онъ является также единственнымъ лицомъ, которому Грозный до конца своей жизни оказывалъ неизмѣнное уваженіе. Никита Романовичъ Юрьевъ-Захаринъ умеръ въ 1585 году. Сыновья его стали называться просто Романовы.

вили челобитную грамоту къ царю о томъ, чтобъ онъ развелся со своею бездѣтною супругой и женился на другой. Годуновъ поспѣшилъ предупредить опасность: онъ уговорилъ Діонисія не подавать челобитной; потомъ устроилъ такъ, что Шуйскіе были обвинены въ измѣнѣ и вмѣстѣ со своими друзьями отправлены въ дальніе города на заточеніе. Митрополитъ Діонисій вскорѣ низверженъ, а на мѣсто его поставленъ преданный Годунову ростовскій архіепископъ Іовъ. Такимъ образомъ Борисъ удалилъ всѣхъ соперниковъ и, величаясь саномъ «ближняго великаго боярина», одинъ остался правителемъ государства.

Царствованіе Ѳеодора отличается вообще мирнымъ характеромъ. Осторожный правитель, не имѣя самъ талантовъ полководца, избѣгалъ большихъ войнъ и заботился только о цѣлости русскихъ предѣловъ. При немъ была незначительная война со Шведами, которая окончилась возвращеніемъ отнятыхъ ими городовъ (Яма, Копорья, Ивангорода). Крымскій ханъ Казы-Гирей пытался однажды напасть на Москву врасплохъ, но встрѣтилъ подъ ея стѣнами сильное войско, и послѣ неудачной битвы ушелъ назадъ (1591 г.). На южныхъ украйнахъ Борисъ усилилъ оборонительную линію рядомъ новыхъ засѣкъ и крѣпостей (напр. Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки). За Ураломъ въ первый годъ Ѳеодорова царствованія Ермакъ погибъ при нечаянномъ нападеніи Кучума; покоренныя племена возстали, а казаки ушли назадъ въ Россію; но тутъ они соединились съ царскими воеводами и воротились въ Сибирь. Русскіе потомъ утвердили свое господство въ Сибири построеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей (Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ и др.). Борисъ старался также поддерживать и распространять сношенія съ европейскими народами, особенно покровительствовалъ торговлѣ съ Англичанами, и для иностранныхъ купеческихъ кораблей заложилъ на Бѣломъ морѣ Архангельскую пристань.

Прикрѣпленіе крестьянъ. Изъ правительственныхъ распоряженій Годунова самою важною мѣрою почитается прикрѣпленіе къ землѣ крестьянскаго сословія. Мы знаемъ, что во время удѣльно-вѣчевой Россіи крестьяне не сдѣлались поземельными собственниками; по крайней мѣрѣ они оставались сословіемъ вольныхъ земледѣльцевъ, т.-е. имѣли право переходить съ одного мѣста на другое и селиться тамъ, гдѣ

находили для себя болѣе выгоды. Уничтоженіе удѣловъ благопріятствовало переходу, потому что границы княжествъ служили для него главнымъ препятствіемъ. Но правительство мало-по-малу начало стѣснять подобные переходы: во-первыхъ, они были ограничены извѣстнымъ срокомъ въ году: именно, по Судебнику для этого назначается время около Юрьева осенняго дня (т.-е. послѣ уборки хлѣба); во-вторыхъ, монастыри получали иногда право не отпускать крестьянъ изъ нѣкоторыхъ селъ. Богатые помѣщики и монастыри обыкновенно разными льготами переманивали къ себѣ крестьянъ отъ мелкихъ владѣльцевъ, а мелкіе помѣщики (дѣти боярскіе), составлявшіе главную военную силу государства и обязанные по первому требованію выступать въ походъ на конѣ съ нѣкоторымъ числомъ вооруженныхъ слугъ, часто жаловались, что не могутъ исправно нести военную службу, потому что земли ихъ остаются безъ крестьянъ. Подати государственныя, которыя раскладывались не по числу душъ, а по количеству земли, принадлежащей волости, также не могли исправно собираться по причинѣ неосѣдлости крестьянскаго населенія. Московское правительство, чтобы уничтожить эту неосѣдлость, продолжало стѣснять переходы сельскихъ жителей, и наконецъ рядомъ указовъ, запрещавшихъ эти переходы, прикрѣпило крестьянъ къ тѣмъ землямъ, на которыхъ они находились. Первый изъ такихъ указовъ, дошедшихъ до насъ, относится 1597 году.

Въ царствованіе Θеодора глава нашего духовенства перемѣнилъ санъ митрополита на высшій санъ патріарха. Съ тѣхъ поръ какъ Византія была завоевана Турками и сношенія съ греческою церковью сдѣлались весьма затруднительны, зависимость русскаго духовенства отъ Константинопольскаго патріарха прекратилась. Когда патріархъ Іеремія случайно пріѣхалъ въ Москву, ему предложили остаться въ Россіи, быть патріархомъ всероссійскимъ и жить во Владимірѣ. Іеремія отказался и, по желанію Годунова, посвятилъ въ этотъ санъ московскаго митрополита Іова (1589 г.).

Между тѣмъ царевичъ Димитрій былъ удаленъ въ Угличъ, который былъ назначенъ ему въ удѣлъ отцомъ. Тутъ онъ воспитывался подъ надзоромъ своей матери Маріи Нагой и народъ уже привыкъ смотрѣть на него какъ на преемника

бездѣтному Θеодору. Но вдругъ разнеслась вѣсть, что девятилѣтній царевичъ погибъ отъ руки убійцъ (Битяговскаго, Качалова и Волохова), которые немедленно были растерзаны народомъ, сбѣжавшимся по звону набатнаго колокола (1591 г.). Для изслѣдованія этого дѣла царь, или собственно Годуновъ, послалъ въ Угличъ крутицкаго митрополита Геласія, князя Василія Ивановича Шуйскаго и окольничаго Клешнина. Слѣдователи воротились и донесли царю, что Димитрій въ припадкѣ падучей болѣзни самъ закололъ себя ножомъ. Тогда жителей Углича жестоко наказали за самоуправство: нѣкоторыхъ казнили и многихъ сослали въ Сибирь, а царицу Марью постригли въ монахини. Немногіе однако повѣрили донесенію слѣдователей, и молва народная приписала смерть царевича Годунову, который по всей вѣроятности сильно желалъ устранить Димитрія отъ престола.

Въ январѣ 1598 года скончался послѣдній царь изъ династіи Владиміра Великаго. Разсказываютъ, что на вопросъ патріарха и бояръ, кому онъ поручаетъ царство, умирающій Θеодоръ отвѣчалъ: „предоставляю все на волю Божію".

Борисъ Годуновъ — царь. По кончинѣ Θеодора, Москва немедленно присягнула его супругѣ Иринѣ, но она уѣхала въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась въ монахини. Когда же думный дьякъ Щелкаловъ вышелъ къ народу и предложилъ присягнуть на имя боярской думы, народъ не хотѣлъ и слышать о боярскомъ правленіи. Годуновъ вслѣдъ за сестрою также удалился въ Новодѣвичій монастырь, а между тѣмъ многочисленные приверженцы и клевреты усердно дѣйствовали въ его пользу. Патріархъ Іовъ, оставшись тогда главнымъ лицомъ въ государствѣ, прямо указалъ народу на Бориса, какъ мужа самаго достойнаго занять престолъ; вмѣстѣ съ духовенствомъ, боярами и московскими гражданами онъ отправился къ Годунову и предложилъ ему корону. Но дальновидный Борисъ отказался: онъ ожидалъ выборныхъ людей изъ другихъ городовъ, которые должны были съѣхаться въ столицу для избранія царя. Земскій Соборъ подтвердилъ избраніе патріарха. Послѣ торжественныхъ, неоднократныхъ просьбъ духовенства и народа правитель наконецъ согласился возложить на свою голову вѣнецъ Мономаха.

Когда Годуновъ во второй разъ отказался отъ престола, патріархъ отправился опять въ монастырь уже съ крестнымъ ходомъ въ сопровожденіи большой толпы народа. Іовъ, высшее духовенство и бояре вошли въ келью царицы-инокини и долго со слезами и земными поклонами умоляли ее благословить на царство брата; а между тѣмъ толпа, стоявшая около монастыря, плакала, вопила и безпрестанно кланялась въ землю. Впрочемъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, чиновники — клевреты Годунова большею частію насильно пригнали народъ къ монастырю, грозя взыскать штрафъ съ того, кто не пойдетъ [1]).

Не безъ умысла также преувеличены были слухи объ угрожавшемъ нашествіи крымскаго хана. Послѣ своего избранія Борисъ немедленно вооружилъ многочисленное войско и выступилъ къ южнымъ границамъ государства, но вмѣсто татарскихъ полчищъ его встрѣтили послы отъ хана съ мирными предложеніями. Угостивъ войско великолѣпными пирами, новый царь воротился въ Москву, и тогда только совершилъ обрядъ коронованія. Во время этой церемоніи онъ умилился душею и, обратясь къ патріарху, воскликнулъ: «Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ нищаго или сираго; послѣднюю рубашку раздѣлю съ народомъ».

Первые годы Борисова царствованія характеромъ своимъ почти не отличались отъ времени Θеодора, потому что правитель былъ тотъ же самый. Въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ онъ выказывалъ большую осторожность и даже нерѣшительность: такъ, напримѣръ, не воспользовался раздорами между Швеціею и Польшею, чтобы пріобрѣсти часть Ливоніи и стать твердою ногою на берегахъ Балтійскаго моря. Въ Сибири, гдѣ Русскіе окончательно утвердились послѣ смерти Кучума, московское правительство продолжало строить города, переводить туда ратныхъ людей и земледѣльцевъ, а разныя льготы, объявленныя переселенцамъ, привлекли въ Сибирь купцовъ, ремесленниковъ и другихъ свободныхъ людей. Къ иностранцамъ Борисъ питалъ особое расположеніе; онъ учредилъ при своемъ дворѣ наемный нѣмецкій отрядъ тѣло-

[1]) Есть извѣстіе, что бояре хотѣли взять съ Годунова запись, ограничивающую его власть; потому-то Годуновъ поджидалъ, пока соберутся въ Москву земскіе люди. Онъ надѣялся, что земскіе люди выберутъ его безъ записи, и не ошибся. Возможно большая торжественность при избраніи нужна была Годунову и потому, что по знатности рода многіе бояре болѣе его имѣли право на престолъ, какъ прямые потомки Игоревичей или Гедиминовичей, каковы: князья Мстиславскіе, Шуйскіе, Голицыны и др. А по близкому родству съ послѣдними царями Игорева дома и по любви народной болѣе всѣхъ выдвигалась фамилія Романовыхъ.

хранителей, которымъ давалъ богатое содержаніе; вызывалъ въ Россію художниковъ и ремесленниковъ; думалъ даже вызвать ученыхъ людей и завести школы для обученія иностраннымъ языкамъ, но духовенство не одобрило этого плана. Тогда царь отправилъ для образованія за границу 18 молодыхъ людей, которые однако не воротились послѣ въ отечество (по причинѣ смутнаго времени). Годуновъ сдѣлалъ попытку породниться съ однимъ изъ европейскихъ дворовъ: онъ пригласилъ въ Москву датскаго принца Іоанна и помолвилъ за него дочь свою Ксенію, но принцъ вскорѣ послѣ пріѣзда скончался.

Несмотря на свои неусыпныя правительственныя заботы, Борисъ все болѣе и болѣе терялъ народное расположеніе; главною причиною того были его мелочность и подозрительность. Жертвою его подозрительности сдѣлался Богданъ Бѣльскій, нѣкогда воспитатель царевича Димитрія; его обвинили въ злыхъ умыслахъ противъ царя и сослали. Недостойные любимцы и слуги поспѣшили воспользоваться этою слабостью Бориса, и наступило время доносовъ; хотя явныхъ казней не было, зато свирѣпствовали тайныя убійства, пытки и заточенія. Повсюду распространилось уныніе. Въ числѣ знатныхъ фамилій, подвергшихся преслѣдованію Бориса, находились братья Романовы (сыновья Никиты Романовича Юрьева-Захарьина, т.-е. племянники царицы Анастасіи): ихъ обвинили въ намѣреніи отравить царя, и заточили по дальнимъ мѣстамъ; при чемъ старшаго изъ пяти братьевъ Ѳедора Никитича неволею постригли въ монахи, подъ именемъ Филарета.

Ѳедоръ Никитичъ болѣе всѣхъ братьевъ отличался своимъ умомъ, начитанностью, привѣтливымъ обхожденіемъ и красивою наружностью. Онъ былъ сосланъ на отдаленный сѣверъ въ Сійскій Антоніевъ монастырь (Холмогор. округа) и содержался здѣсь подъ строгимъ присмотромъ. Впослѣдствіи заключеніе было смягчено, и онъ поставленъ въ архимандриты.

Лжедимитрій I возвратилъ фамиліи Романовыхъ ея прежнее значеніе. Но трое братьевъ умерли въ заточеніи; остались въ живыхъ Филаретъ и бояринъ Иванъ Никитичъ. Архимандритъ Филаретъ былъ посвященъ въ санъ Ростовскаго митрополита. Его супруга Ксенія, постриженная въ монахини подъ именемъ Марѳы, вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ Михаиломъ проживала иногда въ костромскомъ

Ипатьевскомъ монастырѣ, который принадлежалъ Ростовской епархіи [2].

Между тѣмъ Россію въ продолженіе трехъ лѣтъ терзалъ страшный голодъ, который въ соединеніи съ моровымъ повѣтріемъ истребилъ огромное количество народа. Въ это печальное время Борисъ всѣми силами старался облегчить народныя страданія и затѣвалъ каменныя постройки, чтобы доставить работу бѣднымъ людямъ (около того времени сооружена колокольня Ивана Великаго въ Кремлѣ). Онъ также щедро раздавалъ милостыню; но подобная раздача способствовала только умноженію нищихъ и бродягъ. Кромѣ того, государство страдало отъ многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ, которыя составлялись изъ бѣглыхъ холопей и крестьянъ, недовольныхъ прикрѣпленіемъ къ землѣ. Всѣ эти бѣдствія были только началомъ смутной эпохи. Въ народѣ стала ходить молва о томъ, что царевичъ Димитрій живъ и скоро потребуетъ отъ Бориса отцовское наслѣдіе.

Лжедимитрій I. Человѣкъ принявшій на себя имя царевича Димитрія, по словамъ его нѣкоторыхъ современниковъ, будто былъ Григорій Отрепьевъ, бѣдный сирота, родомъ изъ галицкихъ служилыхъ людей. Но это мнѣніе недостовѣрно.

Вотъ что извѣстно собственно объ Отрепьевѣ.

Съ дѣтства онъ велъ скитальческую жизнь, сдѣлался монахомъ, побывалъ въ разныхъ монастыряхъ и нашелъ наконецъ пріютъ въ московской Чудовской обители. Своею грамотностію онъ понравился патріарху Іову; но, будучи наклоненъ къ пьянству, нескромными рѣчами навлекъ на себя опасность со стороны Бориса. Уже отданъ былъ царскій приказъ заточить его въ Бѣлозерскій монастырь; но Отрепьевъ спасся бѣгствомъ въ Литовскую Русь. Тутъ онъ, повидимому, помогалъ въ приготовленіи самозванца. Сей послѣдній, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, но даровитый и очень смѣлый, находился въ службѣ у знатнаго западнорусскаго пана князя

2) Родословныя книги говорятъ, будто предки Захарьиныхъ-Романовыхъ происходили изъ Пруссіи, откуда въ XIII вѣкѣ выѣхали въ Россію, и здѣсь крестились. Но въ тѣ времена между боярскими семьями было распространено желаніе выводить свой родъ отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ; *весьма возможно, что Романовы были кореннаго русскаго происхожденія.*

Адама Вишневецкаго, и однажды (вѣроятно по условленному съ нимъ плану) открылъ князю, будто слуга его не кто иной какъ сынъ Ивана Грознаго, спасшійся отъ клевретовъ Годунова, которые вмѣсто Димитрія убили другого ребенка. Вишневецкій, его родственники и друзья поспѣшили принять участіе въ судьбѣ мнимаго царевича. Самую дѣятельную помощь оказалъ ему воевода сендомірскій Юрій Мнишекъ, который обѣщалъ выдать свою дочь, Марину, за будущаго царя Московскаго; этимъ бракомъ старый воевода надѣялся поправить свое разстроенное состояніе. Іезуиты также начали содѣйствовать самозванцу, надѣясь съ его помощью потомъ подчинить папѣ Русскую церковь; самозванецъ тайнымъ образомъ принялъ отъ нихъ католицизмъ. Папскій нунцій Рангони доставилъ ему свиданье съ королемъ Сигизмундомъ III. Король призналъ Лжедимитрія истиннымъ царевичемъ, но не хотѣлъ вступить за него въ открытую войну съ Борисомъ, а назначилъ денежное вспоможеніе, и позволилъ ему набирать армію изъ праздной, воинственной шляхты, чтобъ отнять московскій престолъ у похитителя [3]).

Подъ знаменами Самозванца собралось до 1600 польскихъ и западнорусскихъ шляхтичей, жадныхъ искателей приключеній и золота; къ нимъ присоединилось нѣсколько тысячъ казаковъ, которые также разсчитывали на богатую добычу. Въ октябрѣ 1604 года, Лжедимитрій перешелъ за Днѣпръ и вступилъ въ русскіе предѣлы. Украинскіе города одинъ за другимъ отворяли ему ворота; сопротивленіе оказалъ только Новгородъ-Сѣверскій, въ которомъ начальствовалъ мужественный воевода Петръ Басмановъ. Вслѣдъ затѣмъ самозванецъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ Сѣвскомъ: но московскіе воеводы не воспользовались своею побѣдою, и дали ему время опять усилиться. Вдругъ распространилась вѣсть, что царь Борисъ внезапно скончался (13 апрѣля 1605 г.). Народъ присягнулъ юному сыну его Θеодору; главнымъ начальникомъ войска Θеодоръ назначилъ Басманова. Видя кругомъ себя колебаніе и неохоту сражаться противъ Лжедимитрія, Басмановъ измѣнилъ молодому Годунову и перешелъ на сторону его соперника; примѣру вождя послѣдовало и войско. Нѣсколько измѣнниковъ отправились

---

[3]) Нѣкоторые предполагали, будто мысль объявить себя царевичемъ родилась у Самозванца не сама собою, и будто бояре употребили его какъ орудіе для низверженія ненавистнаго Годунова; другіе считали его лицомъ, подготовленнымъ іезуитами. По вѣроятнѣе всего онъ былъ выставленъ нѣкоторыми польско-литовскими панами, именно Мнишками, Вишневецкими и Сапѣгами, съ согласія короля.

въ столицу, возмутили ея жителей, и Годуновы были низвержены. Нашлись злодѣи, которые потомъ задушили Ѳеодора Борисовича вмѣстѣ съ матерью. Самозванецъ съ торжествомъ вступилъ въ Москву; мать царевича Димитрія, монахиня Марѳа, послѣ тайныхъ переговоровъ съ клевретами Самозванца, признала его своимъ сыномъ, а на мѣсто низверженнаго патріарха Іова былъ поставленъ грекъ Игнатій, угодникъ Лжедимитрія.

Новый царь ознаменовалъ милостями начало своего правленія и возвратилъ изъ заточенія большую часть бояръ, сосланныхъ Годуновымъ. Онъ усердно принялся за государственныя дѣла, при чемъ во многихъ случаяхъ обнаружилъ свою находчивость и добродушіе. Со свойственною ему живостью самозванецъ составлялъ обширные планы, задумывалъ разныя преобразованія; но его погубила легкомысленная самоувѣренность, презрѣніе къ старымъ русскимъ обычаямъ, дружба съ Поляками и іезуитами. Къ великому неудовольствію народа и духовенства, царь вступилъ въ бракъ съ католичкою Мариною Мнишекъ, которая пріѣхала въ Москву въ сопровожденіи многочисленной и отлично вооруженной польской свиты; гордые, неосторожные шляхтичи своимъ буйнымъ поведеніемъ не замедлили возбудить противъ себя сильную ненависть въ московскихъ жителяхъ. Бояре между тѣмъ втайнѣ начали распускать слухи о самозванствѣ царя. Противъ него составился обширный заговоръ, во главѣ котораго сталъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, незадолго передъ тѣмъ осужденный на смерть и получившій прощеніе уже на мѣстѣ казни.

Царствованіе перваго Лжедимитрія продолжалось не болѣе одиннадцати мѣсяцевъ. 17 мая 1606 года рано утромъ въ Москвѣ зазвонили набатъ, и Шуйскій съ боярами, предводительствуя большою толпою народа, вступилъ въ Кремль. Первою жертвою заговорщиковъ палъ любимецъ царя Петръ Басмановъ; вслѣдъ затѣмъ иностранные тѣлохранители были обезоружены; а самъ Лжедимитрій, спасаясь отъ своихъ преслѣдователей, прыгнулъ изъ окна и сломалъ себѣ ногу. Караульные стрѣльцы окружили его и хотѣли защищать; но когда бояре пригрозили имъ разорить Стрѣлецкую слободу, они оробѣли; въ то же время одинъ изъ бояръ принесъ из-

вѣстіе, что инокиня Марѳа отрекается отъ самозванца и сознается въ обманѣ. Тогда стрѣльцы разступились; Лжедимитрій немедленно былъ застрѣленъ, и трупъ его подвергся поруганію. Между тѣмъ неразумная чернь бросилась на квартиры Поляковъ, и, какъ говорятъ, истребила ихъ въ тотъ день болѣе тысячи человѣкъ. Царемъ объявленъ Шуйскій; а мѣсто патріарха занялъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, ревностный защитникъ православія и мужъ непреклоннаго, твердаго характера.

Василій Шуйскій и Лжедимитрій II. Возведенный на престолъ толпою своихъ приверженцевъ, а не великою земскою думой, Шуйскій сдѣлалъ многія уступки боярамъ и далъ клятву не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта; это обязательство ограничило его самодержавную власть и произвело въ народѣ неблагопріятное впечатлѣніе. Скупой, нерѣшительный и неискусный въ управленіи государствомъ, онъ скоро заслужилъ общее нерасположеніе. Уже въ слѣдующемъ году распространился слухъ, будто бы Лжедимитрій спасся отъ смерти и опять нашелъ убѣжище въ Литвѣ. Василій велѣлъ торжественно перенести изъ Углича въ Москву мощи убитаго царевича; но эта мѣра мало подѣйствовала. Народъ, всегда склонный вѣрить всему чудесному, началъ волноваться и обнаружилъ сильное недовѣріе къ Шуйскому, который уже не разъ кривилъ душою по поводу смерти маленькаго Димитрія.

Первое возстаніе въ пользу мнимо-спасеннаго царевича произошло опять въ Сѣверской украйнѣ, которую на этотъ разъ возмутилъ путивльскій воевода князь Шаховской. Однимъ изъ начальниковъ возстанія явился Иванъ Болотниковъ, человѣкъ отважный и даровитый, бывшій прежде холопомъ, а въ то время только что воротившійся изъ татарскаго плѣна. Онъ набралъ войско изъ казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холопей, разбилъ царскихъ воеводъ и подступилъ къ Москвѣ. Съ нимъ соединились рязанскіе мятежники подъ начальствомъ дворянъ Прокопія Ляпунова и Сунбулова. Но Ляпуновъ и Сунбуловъ скоро помирились съ царемъ и получили награды; а Болотниковъ, побѣжденный царскимъ племянникомъ Михаиломъ Скопинымъ, заперся въ Тулѣ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и однимъ казацкимъ самозванцемъ, который назвалъ себя сыномъ Ѳеодора Іоанновича, Петромъ. Шуйскій собралъ многочисленное войско и лично осадилъ Тулу. Осажденные защищались от-

чаянно. Царь, по совѣту одного боярскаго сына, велѣлъ запрудить р. Упу; вода затопила окрестности Тулы и проникла въ самый городъ. Угрожаемые голодною смертію, мятежники сдались. Болотниковъ явился въ царскій станъ, положилъ саблю на шею и сказалъ, что царь, если хочетъ, пусть велитъ отсѣчь ему голову; но что, если онъ получитъ пощаду, то будетъ царю самымъ вѣрнымъ слугою. Болотниковъ и Лжепетръ подверглись казни; а главный зачинщикъ Сѣверскаго возстанія Шаховской, какъ бояринъ, былъ только сосланъ. Царь послѣ того воротился въ Москву торжествовать свою побѣду. Событія показали, что это торжество было слишкомъ поспѣшное.

Въ Стародубѣ Сѣверскомъ явился человѣкъ, который принялъ на себя имя убитаго Лжедмитрія. Происхожденіе его до сихъ поръ остается довольно загадочнымъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ, родомъ изъ Бѣлоруссіи крещеный Еврей, по имени Богданко, бывшій письмоводителемъ у перваго Лжедимитрія). Подъ его знаменами скоро собрались сѣверскіе мятежники; многіе польскіе и западнорусскіе паны явились къ нему на помощь съ своими дружинами; не замедлили придти и казаки. Гетманомъ своимъ, т.-е. главнымъ начальникомъ войска, Поляки выбрали пана Рожинскаго. Лжедимитрій II двинулся къ столицѣ, и въ 12 верстахъ отъ нея расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ, откуда и получилъ прозваніе „Тушинскаго вора". Несчастная Марина Мнишекъ, возвращаясь въ Польшу изъ московскаго плѣна, была перехвачена на дорогѣ и признала Тушинскаго вора своимъ мужемъ. Между тѣмъ какъ самозванецъ и Рожинскій старались овладѣть Москвою, самые знаменитые изъ литовскихъ наѣздниковъ, Янъ Сапѣга и Лисовскій, занялись осадою Троицкой лавры въ надеждѣ воспользоваться ея прославленными богатствами; но монахи съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ цѣлые 16 мѣсяцевъ оборонялись отъ непріятелей и успѣли отстоять крѣпкую Лавру. Въ то же время отряды Тушинцевъ разсѣялись по московскимъ областямъ, жгли, грабили ихъ, и города одинъ за другимъ переходили на сторону самозванца.

Тушинскій лагерь скоро превратился въ цѣлый городъ; сюда пріѣхали многіе купцы съ товарами изъ городовъ, признавшихъ Лжедимитрія; потянулись къ Тушину обозы, и Поляки во всемъ имѣли изобиліе. Между тѣмъ въ самой Москвѣ нельзя было положиться на вѣрность ратныхъ людей: здѣсь нашлось даже много та-

кихъ, которые ради жалованья или высшаго титула переходили на службу въ Тушинскій лагерь, а потомъ возвращались къ царю Василію съ изъявленіемъ мнимаго раскаянія, и не стыдились по нѣскольку разъ повторять эту измѣну (они получили названіе «перелетовъ»).

Когда въ осажденной Москвѣ обнаружился недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, многіе недовольные изъ служилыхъ людей пытались свергнуть Шуйскаго. Они собрались въ Кремль, вывели изъ Успенскаго собора патріарха Гермогена и начали кричать, что Шуйскій избранъ незаконно, потому что его избрала одна Москва безъ вѣдома другихъ городовъ. Патріархъ увѣщевалъ ихъ и сказалъ между прочимъ: *Дотолѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ, и ни какіе города Москвѣ не указывали; а указывала Москва всѣмъ городамъ.* Заговорщики бросились во дворецъ. Но царь, видя, что бояре и московскіе жители остаются спокойны, съ твердостью сказалъ мятежникамъ, что они могутъ его убить, но свести съ престола безъ согласія бояръ и всей земли не могутъ. Тогда заговорщики ушли въ Тушино.

Въ такомъ критическомъ положеніи Шуйскій рѣшился искать иноземной помощи, и послалъ своего племянника Скопина въ Новгородъ для переговоровъ со Шведами. Король Шведскій Карлъ IX былъ врагомъ Поляковъ и опасался ихъ владычества въ Россіи; поэтому онъ охотно подалъ помощь Шуйскому. Наемный Шведскій отрядъ, въ 5,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Делагарди соединился съ Скопинымъ, который повелъ изъ Новгорода ополченіе, набранное въ сѣверо-западныхъ русскихъ областяхъ. Вскорѣ дѣла приняли оборотъ благопріятный для Шуйскаго; отпавшіе города начали признавать его царемъ; а попытки Тушинцевъ остановить движеніе къ Москвѣ сѣверо-западной рати окончились неудачею; особенно замѣчательно пораженіе, которое Скопинъ нанесъ Сапѣгѣ подъ Колязинымъ монастыремъ. Столица оживилась надеждою на близкое освобожденіе отъ осады; этому освобожденію помогъ самъ Польскій король.

Узнавъ о союзѣ Шуйскаго съ Карломъ IX, Сигизмундъ III вторгнулся въ московскіе предѣлы и осадилъ Смоленскъ. Въ Тушино пріѣхали послы отъ Сигизмунда: они пригласили Поляковъ оставить самозванца и соединиться съ королевскимъ войскомъ. Въ лагерѣ произошло волненіе. Тушинскій воръ, не считая себя безопаснымъ посреди буйныхъ,

презрительно обращавшихся съ нимъ шляхтечей, въ крестьянскомъ платьѣ убѣжалъ изъ лагеря и нашелъ радушный пріемъ въ Калугѣ; вслѣдъ за нимъ ускакала и Марина, переодѣтая гусаромъ. Тогда Рожинскій зажегъ лагерь и удалился съ Поляками на западъ; а казаки и часть русскихъ измѣнниковъ опять пристали къ самозванцу. Михаилъ Скопинъ-Шуйскій теперь безпрепятственно вступилъ въ столицу, и Москвитяне съ восторгомъ привѣтствовали его какъ своего освободителя.

Въ эту печальную эпоху юноша Скопинъ обнаружилъ многія прекрасныя качества и пріобрѣлъ любовь народа, который не скрывалъ своей надежды видѣть его на престолѣ по смерти бездѣтнаго Василія. Еще во время похода къ Москвѣ пылкій Ляпуновъ со своими Рязанцами предложилъ корону Михаилу; но послѣдній съ негодованіемъ отвергъ такое предложеніе. Недоброжелатели его поспѣшили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и дядя началъ подозрительно смотрѣть на племянника. Къ тому же родной братъ царя, Димитрій Шуйскій, возненавидѣлъ Скопина, какъ своего счастливаго соперника, потому что самъ питалъ надежду послѣ Василія наслѣдовать московскій престолъ. Скопинъ началъ готовиться къ новому походу противъ Поляковъ подъ Смоленскъ; другъ его Делагарди совѣтовалъ спѣшить, потому что слышалъ о козняхъ бояръ, враждебныхъ Михаилу. Но приготовленія замедлились, и однажды на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго Скопинъ занемогъ кровотеченіемъ изъ носа, а спустя нѣсколько дней онъ уже скончался: народъ приписалъ внезапную смерть своего любимца отравленной чашѣ, которую будто бы поднесла ему жена Димитрія Шуйскаго. Царское войско, отправленное къ Смоленску подъ начальствомъ неискуснаго Димитрія, потерпѣло рѣшительное пораженіе отъ гетмана Жолкѣвскаго, при деревнѣ Клушино. Тогда Захарій Ляпуновъ (братъ Прокопія) возмутилъ Москвитянъ противъ Василія: его низвергли съ престола и насильно постригли въ монахи (1610 г.).

Междуцарствіе. Управленіе государствомъ перешло въ руки верховной думы, состоявшей изъ семи знатнѣйшихъ бояръ (с е м и б о я р щ и н а), между которыми первое мѣсто

занималъ князь Мстиславскій. Немедленно поднялся вопросъ объ избраніи царя: но тутъ обнаружилось сильное разногласіе: многіе еще держались Тушинскаго вора; патріархъ Гермогенъ требовалъ, чтобы царь былъ выбранъ изъ русскихъ вельможъ; а бояре, составлявшіе думу, пожелали возвести на престолъ Сигизмундова сына Владислава. Когда гетманъ Жолкѣвскій подошелъ къ Москвѣ, партія польскаго принца одержала верхъ; бояре вступили съ гетманомъ въ переговоры и согласились присягнуть Владиславу, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ принялъ православіе, а царская власть была бы ограничена боярскою думой и вліяніемъ высшаго духовенства. Для окончательныхъ переговоровъ отправилось къ Сигизмунду торжественное посольство, во главѣ котораго находились князь Василій Васильевичъ Голицынъ и митрополитъ Ростовскій Филаретъ (бывшій бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ). Вслѣдъ затѣмъ, по приглашенію самихъ бояръ, Жолкѣвскій ввелъ въ столицу польское войско. Онъ былъ человѣкъ умный, ловкій, устранялъ враждебныя столкновенія Поляковъ съ Москвитянами и даже умѣлъ заслужить довѣренность Гермогена. Но когда гетманъ узналъ, что король не соглашается отпустить сына и желаетъ московской короны для себя, поспѣшилъ уѣхать подъ Смоленскъ, поручивъ начальство надъ польскимъ гарнизономъ въ Москвѣ пану Гонсѣвскому.

Между тѣмъ въ королевскомъ лагерѣ русское посольство вело безполезные переговоры съ польскими панами; послѣдніе прежде всего требовали сдачи Смоленска; но послы отказывались и вообще твердо стояли на своихъ условіяхъ. Наскучивъ непреклонностью пословъ, Сигизмундъ отправилъ ихъ плѣнниками въ Польшу; туда же отвезли и бывшаго царя Василія Шуйскаго съ братьями. Тушинскій Лжедимитрій около того времени палъ отъ руки одного изъ своихъ приближенныхъ (крещенаго татарина Урусова). Смерть его развязала руки тѣмъ противникамъ польской партіи, которые только изъ страха къ самозванцу соглашались признать царемъ Владислава; къ тому же вѣсть о замыслахъ Сигизмунда, извѣстнаго своею приверженностію къ католицизму, возбуждала въ Москвѣ общій ропотъ. Гермогенъ

началъ разсылать по городамъ грамоты, призывая народъ вооружиться на защиту православія. Тогда въ областяхъ поднялись служилые люди, и дружины 25 городовъ двинулись къ Москвѣ подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова; съ нимъ соединились бывшіе прежде въ службѣ у Тушинскаго вора казацкіе отряды, предводимые Трубецкимъ, Заруцкимъ, Просовецкимъ и другими атаманами.

Прежде нежели подоспѣло это ополченіе, Москвитяне уже завязали битву и начали тѣснить Поляковъ. Непріятели спаслись тѣмъ, что зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ и пожаръ обратилъ въ пепелъ почти всю Москву; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, въ которыхъ крѣпко засѣлъ польскій гарнизонъ и мужественно выдерживалъ осаду русскаго ополченія, подступившаго въ числѣ 100.000 человѣкъ. Начальство надъ русскимъ войскомъ и управленіе государственными дѣлами по общему приговору вручено было тремъ вождямъ: князю Димитрію Трубецкому, Ивану Заруцкому и думному дворянину Прокопію Ляпунову. Но между предводителями скоро обнаружилась сильная ненависть и распря. Ляпуновъ, человѣкъ весьма даровитый и энергичный, возбудилъ противъ себя неудовольствіе своею гордостію и неуступчивостію; особенно ненавистенъ онъ сдѣлался казакамъ, которыхъ преслѣдовалъ за буйство и грабежи. Этою ненавистью воспользовался Гонсѣвскій и переслалъ въ казацкій станъ подложную грамоту, написанную отъ имени Ляпунова и заключавшую въ себѣ приказъ истреблять казаковъ. По своему обычаю казаки собрались въ кругъ, призвали Ляпунова и, когда онъ въ суровыхъ выраженіяхъ сталъ отрекаться отъ грамоты, изрубили его саблями.

Со смертію главнаго вождя ополченіе разстроилось, многіе дворяне разъѣхались по домамъ, а казаки, хотя и продолжали осаду, но занялись преимущественно грабежомъ сосѣднихъ областей. Между тѣмъ Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ, нѣкоторыя области признали царемъ сына Марины Мнишекъ; во Псковѣ явился третій Лжедимитрій (какой-то дьяконъ Исидоръ), а Новгородъ захваченъ Шведами [1]).

[1]) Одинъ измѣнникъ ночью отворилъ Шведамъ новгородскія ворота, и они вошли на Софійскую сторону. Сопротивленіе было оказано очень

Въ смутную эпоху проявилась разрозненность областей, изъ которыхъ составилось Московское государство. Когда Москва занята была Поляками, унижена и обезсилена, въ областяхъ — еще помнившихъ о прежней самостоятельности и предоставленныхъ теперь самимъ себѣ — пробудилась сильная политическая дѣятельность. Снова обнаружили себя древнія вѣчевыя общины и удѣльныя княжества: Владиміръ, Новгородъ, Псковъ, Рязань, Вятка и др. По всѣмъ главнымъ городамъ открылись шумныя вѣча; горожане и сосѣдніе крестьяне собираются на площадяхъ для земскихъ совѣтовъ; города посылаютъ другъ къ другу гонцовъ съ грамотами, которыя читають всенародно. Въ этихъ грамотахъ они приглашаютъ другъ друга въ случаѣ опасности дѣйствовать единодушно, просятъ о присылкѣ ратныхъ людей и денегъ. Но единодушія было мало. Тогда вспомнилась старая взаимная вражда нѣкоторыхъ областей и непріязнь простыхъ людей къ высшимъ богатымъ классамъ, особенно къ московскому боярству. Еще съ большей силою нелюбовь къ Москвѣ выразилась въ восточныхъ областяхъ, составлявшихъ нѣкогда Казанское и Сибирское царства. Восточные инородцы (Татары, Черемисы, Мордва) во многихъ мѣстахъ открыто возставали, убивали въ своемъ краю русскихъ поселенцевъ, и грабили сосѣднія русскія земли.

Мининъ и Пожарскій. Избраніе Михаила. Но когда движеніе рязанскихъ и сѣверскихъ городовъ подъ начальствомъ Ляпунова окончилось неудачею, опасность чужеземнаго, польскаго ига, преданность православію и нелюбовь къ латинской вѣрѣ (угрожавшей вмѣстѣ съ польскимъ игомъ) пробудили въ народѣ потребность болѣе единодушнаго дѣйствія и недопустили до окончательнаго разъединенія. *Православное духовенство и важнѣйшіе монастыри* (которые въ то же время были и крѣпости) *явились сильною опорою для поддержанія единства и для спасенія Московскаго государства.* Въ особенности Троицкая лавра обнаружила въ это бѣдственное время необыкновенную дѣятельность. Архимандритъ Лавры Діонисій съ троицкой братіей всѣми силами старался поддержать упавшій духъ народа и неутомимо разсылалъ увѣщательныя грамоты по областямъ,

слабое. Въ одномъ мѣстѣ стрѣлецкій голова Гагаринъ, дьякъ Голенищевъ и казачій атаманъ Шаровъ съ казаками защищались, пока не были всѣ изрублены; въ другомъ софійскій протопопъ Аммосъ заперся въ своемъ дворѣ и долго отбивался отъ Шведовъ, пока не сожгли его вмѣстѣ съ дворомъ. Между тѣмъ воевода Бутурлинъ, стоявшій съ ратными людьми на Торговой сторонѣ, пограбилъ жителей и ушелъ изъ города.

призывая ратныхъ людей на защиту православной вѣры и отечества. Грамоты эти передавались изъ города въ городъ и возбуждали въ народѣ сильное воодушевленіе, особенно въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Россіи, которыя менѣе другихъ пострадали отъ польскихъ и казацкихъ шаекъ. По голосу нижегородскаго гражданина Козьмы Минина тамъ собралось новое ополченіе; начальство надъ нимъ принялъ князь Пожарскій.

Въ октябрѣ 1611 года одна изъ троицкихъ грамотъ явилась въ Нижнемъ-Новгородѣ. Протопопъ прочелъ ее въ соборной церкви передъ всѣмъ народомъ; слушая ее, народъ пришелъ въ умиленіе. Тогда земскій староста Козьма Мининъ Сухорукій (промышлявшій мясною торговлею) началъ уговаривать согражданъ вступиться за православную вѣру и помочь Московскому государству. «Не пожалѣемъ ничего — говорилъ онъ: продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей и соберемъ казну на жалованье ратнымъ людямъ». Рѣчи его понравились Нижегородцамъ, и они начали готовить ополченіе. Но прежде всего надобно было найти искуснаго воеводу; Мининъ указалъ на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который въ то время жилъ въ своемъ помѣстьѣ Суздальскаго уѣзда и лѣчился тамъ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвахъ съ Поляками. Пожарскій согласился на просьбу Нижегородцевъ; но потребовалъ, чтобы они выбрали достойнаго человѣка завѣдывать общественною казною, и въ свою очередь указалъ на Минина, который и былъ дѣйствительно выбранъ.

Какъ скоро раздалась вѣсть о движеніи въ Нижнемъ-Новгородѣ, со всѣхъ сторонъ стали сходиться служилые люди, т.-е. дворяне и дѣти боярскіе; многіе города присылали и ратниковъ и деньги; составилось многочисленное ополченіе, которое наконецъ двинулось на освобожденіе столицы. Походъ Пожарскаго встревожилъ находившихся въ Москвѣ Поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. Послѣдніе потребовали отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ уговорилъ нижегородское ополченіе воротиться назадъ. Гермогенъ отвѣчалъ благословеніемъ русской рати и проклятіемъ измѣнниковъ. Тогда оскорбленные враги, какъ говорятъ, уморили старца голодомъ. Казаки, оставшіеся подъ Москвою и успѣвшіе уже присягнуть псковскому Лжедимитрію, сдѣлали нѣсколько попытокъ открытою силой помѣшать походу восточнаго ополченія. Когда же эти попытки не удались, Заруцкій подослалъ убійцъ, и въ Ярославлѣ, гдѣ Пожарскій нѣкоторое время промедлилъ съ главнымъ войскомъ, одинъ казакъ хотѣлъ ударить князя ножомъ, но промахнулся и ранилъ другого. Заруцкій послѣ того удалился со своими шайками на юго востокъ.

Подъ стѣнами Москвы Пожарскій вступилъ въ битву съ гетманомъ Ходкѣвичемъ, который привелъ значительныя подкрѣпленія польскому гарнизону. Цѣлые три дня возобновлялось упорное сраженіе. Казаки Трубецкого отказались соединиться съ Нижегородскимъ ополченіемъ; но въ рѣшительную минуту троицкій келарь Авраамій Палицынъ уговорилъ ихъ помочь Русскимъ; тогда Ходкѣвичъ былъ отбитъ и ушелъ отъ Москвы. Затѣмъ послѣдовала осада польскаго гарнизона, который заперся въ Кремлѣ подъ начальствомъ полковника Струся. Страшный голодъ заставилъ наконецъ Поляковъ сдаться. Король Сигизмундъ, шедшій къ нимъ на помощь, дорогою узналъ объ этой сдачѣ и воротился назадъ.

Такъ религіознымъ одушевленіемъ Русскаго народа и усиліями сѣверо-восточнаго населенія государство было спасено отъ внѣшнихъ враговъ. Оставалось теперь избраніемъ царя положить конецъ тягостному для всѣхъ безначалію. Для этого въ Москву собрались выборные люди отъ разныхъ сословій со всего государства на Великую земскую думу. Послѣ трехдневнаго поста и молебствій приступили къ совѣщаніямъ. Вначалѣ обнаружились разногласіе и происки партій. Наконецъ всѣ партіи примирились на одномъ имени: 21 февраля 1613 года единодушный выборъ народа палъ на шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова. Во время пребыванія Поляковъ въ Москвѣ онъ находился въ ихъ рукахъ, и переносилъ съ ними всѣ бѣдствія осады отъ Нижегородскаго ополченія. Послѣ своего освобожденія Михаилъ опять поселился съ своею матерью, инокинею Мароою, въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ; между тѣмъ какъ отецъ его, митрополитъ Филаретъ, томился въ плѣну у Поляковъ. Въ Кострому прибыли послы изъ столицы и объявили Мароѣ рѣшеніе Земскаго собора. Мать сначала не соглашалась отпустить сына въ Москву, ссылаясь на его молодость, крайне разстроенное состояніе государства и на измѣны русскихъ людей своимъ послѣднимъ государямъ. Но послы и духовенство упросили наконецъ Мароу благословить Михаила на царство. (*Историческое преданіе о несомнѣнномъ подвигѣ Ивана Сусанина, пожертвовавшаго своею жизнію для спасенія Михаила отъ искавшей его польской шайки*).

III. ЗАПАДНАЯ РУСЬ ВЪ XVI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

1569—1572—1596.

Русскія земли, вошедшія въ составъ Польско-Литовскаго государства, распадались на слѣдующія области:

На сѣверѣ, въ бассейнѣ верхняго Днѣпра, верхняго Нѣмана и Западной Двины, лежала Бѣлая Русь (древнія княжества: Полоцкое, Минское и часть Смоленскаго); южная половина Приднѣпровья получила названіе Украйны или Малой Руси (княжества: Кіевское, Черниговское и часть Сѣверскаго). Потомъ слѣдуютъ: Полѣсье — вдоль р. Припети, Волынь, Подолія—по верхнему Бугу, а далѣе къ западу Червонная Русь или Галиція. Восточные уѣзды настоящей Гродненской губерніи и сосѣдніе Минской носили названіе Черной Руси; а западная часть Гродненской называлась Подляхіей (страна древнихъ Ятвяговъ) [1].

Польское вліяніе. Когда Западная Русь была завоевана Литвою, завоеватели начали перенимать у покореннаго народа его образованность; русскій языкъ и православіе уже сдѣлались господствующими при дворѣ великихъ князей литовскихъ. Но послѣ соединенія съ Польшею и Литва, и Русь подверглись вліянію польской гражданственности. Дворянство юго-западной Руси, какъ и Польши, дѣлилось на высшее сословіе или магнатовъ, владѣвшихъ обширными помѣстьями, и на мелкопомѣстныхъ дворянъ или шляхту. Сюда начали проникать польскіе нравы и обычаи, возникли дворянскіе сеймы и сеймики. Вліяніе польское проникло прежде всего конечно при посредствѣ двора. Ягайло еще не говорилъ иначе какъ по-русски, а сыновья его употребляли уже польскій языкъ. Впрочемъ въ судебныхъ и административныхъ

---

[1]) Въ административномъ отношеніи Западная Русь во времена соединенія съ Польшею дѣлилась на слѣдующія воеводства: Витебское, Полоцкое, Инфлянтское, Мстиславское, Минское, Новгородское, Подляшское, Бресть-Литовское, Кіевское, Волынское, Бельзское, Люблинское, Браславское, Подольское, Русское (т.-е. Червонорусское) и Черниговское. Собственно Литовскія земли составляли воеводства: Виленское, Трокское и княжество Жмудское.

актахъ русскій языкъ господствуетъ въ XVI и даже въ XVII вѣкѣ [2]).

Древнія русскія княжества были раздѣлены на воеводства и повѣты: прежнихъ княжескихъ намѣстниковъ, городничихъ и тіуновъ замѣнили королевскіе воеводы, каштеляны и старосты. Многіе русскіе города получили распространенное въ Польшѣ нѣмецкое городовое устройство, извѣстное подъ именемъ Магдебургскаго права или Магдебругскихъ привилегій.

Сущность этихъ привилегій заключалась въ томъ, что граждане («мѣщане») освобождались отъ подсудности королевскимъ воеводамъ, старостамъ, судьямъ и посудкамъ. Они получали своего войта, который былъ назначаемъ королемъ изъ дворянскаго сословія; войтъ производилъ судъ вмѣстѣ съ бурмистрами и райцами (т.-е. ратманами), выбранными изъ самихъ жителей. Городу давался особый гербъ, печать, знамя (хоругвь); каждый ремесленный цехъ также получалъ свое знамя. Ремесленники освобождались отъ нѣкоторыхъ повинностей, напримѣръ, отъ обязанностей починивать королевскія замки и давать подводы королевскимъ чиновникамъ. Чужіе купцы могли торговать въ такомъ городѣ только оптомъ, а не въ розницу.

Въ судопроизводство Западной Россіи вошли нѣкоторыя статьи изъ польскаго права; вмѣстѣ со старыми мѣстными законами онѣ были собраны въ одинъ сводъ подъ именемъ Литовскаго статута.

Первое собраніе этихъ законовъ было сдѣлано по порученію Сигизмунда I. Но послѣ Люблинской уніи явилась потребность въ дополненіяхъ и въ соглашеніи его съ польскимъ законодательствомъ. По порученію Стефана Баторія, это дѣло было исполнено по преимуществу трудами литовскаго канцлера Льва Сапѣги; въ такомъ видѣ Статутъ получилъ окончательное утвержденіе при Сигизмундѣ III, въ 1588 г. Послѣ того онъ былъ напечатанъ, именно на русскомъ языкѣ. Здѣсь главнымъ образомъ опредѣляются права и привилегіи шляхты и порядокъ судопроизводства. Сельское населеніе по большей части утверждается статутомъ въ крѣпостномъ

[2]) „Польша процвѣтаетъ латынью, а Литва рущизною“ — замѣтилъ одинъ писатель перв. полов. XVII вѣка. Съ теченіемъ времени много польскихъ словъ вошло въ письменный и разговорный языкъ Западной Россіи, распадающійся на два нарѣчія: бѣлорусское и малорусское. Но отъ этого языкъ не перестаетъ быть русскимъ: такъ, къ нему не привились польскіе носовые звуки, польское удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, сохранились формы русскихъ склоненій и спряженій и проч.

состоянія. Судъ установленъ обвинительный, т.-е. открытый, гласный. Въ уголовномъ процессѣ встрѣчаются еще средневѣковыя суевѣрія — напримѣръ, наказанія за чародѣйство. Убійцу предписано для уличенія подводить къ трупу убитаго, на основаніи стариннаго повѣрья, что у послѣдняго въ такомъ случаѣ должна выступить кровь, и т. п. [3]).

Люблинская унія. Окончательное соединеніе Польши съ Литвою и Югозападною Русью было утверждено въ царствованіе Сигизмунда II Августа, послѣдняго короля изъ династіи Ягайло. На Люблинскомъ сеймѣ 1569 года Литва и Польша соединились на равныхъ правахъ и составили одну Рѣчь Посполитую (республику).

Полное соединеніе Литвы съ Польшею было обѣщано Ягайломъ при его короновании въ Краковѣ. Съ тѣхъ поръ польскіе вельможи и католическое духовенство постоянно хлопотали объ этомъ соединеніи. Но имъ противодѣйствовала сильная литовская аристократія, которая опасалась потерять свое господство съ распространеніемъ польскаго шляхетскаго равенства между всѣми членами дворянскаго сословія. Сюда присоединились и религіозные интересы: значительная часть литовской аристократіи приняла протестантизмъ, и потому еще сильнѣе противодѣйствовала польскокатолической партіи. Послѣ Сигизмунда I королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ сдѣлался сынъ его Сигизмундъ II Августъ (1548—1572). Мать Августа, королева Бона, родомъ итальянская принцесса, своимъ властолюбіемъ, жадностію и интригами оставила по себѣ дурную память въ Польшѣ. Она дала сыну очень изнѣженное воспитаніе. Это былъ король мягкій характеромъ, любившій праздность и забавы. По его бездѣтности вмѣстѣ съ нимъ прекращалась династія Ягеллоновъ, служившая политическою связью Литвы съ Польшею; слѣдовательно грозила опасность ихъ разъединенія. Польско-католическая партія удвоила свои старанія о формальномъ соединеніи этихъ двухъ государствъ; но встрѣтила главное препятствіе со стороны литовскаго канцлера Николая Чернаго Радивилла, усерднаго протестанта. По личнымъ достоинствамъ и по родству онъ имѣлъ большое вліяніе на короля. (Сигизмундъ Августъ тайно вступилъ въ бракъ съ прекрасною Варварою, двоюродною сестрою Радивилла, и потомъ, несмотря на интриги матери

[3]) Виленскій трибуналъ, т.-е. высшее судебное мѣсто для великаго княжества Литовскаго, засѣдалъ извѣстную часть времени въ году въ Вильнѣ, а другую часть—въ Минскѣ или Новгородкѣ; для Югозападной Руси высшимъ судебнымъ мѣстомъ сначала былъ трибуналъ Луцкій, а потомъ онъ соединенъ съ Люблинскимъ трибуналомъ, общимъ для всей Малой Польши (Трибуналъ великопольскій находился въ Петроковѣ).

Боны, на требованія сената и сейма, не хотѣлъ ни за что развестись съ нѣжнолюбимою супругой; но она вскорѣ умерла). По смерти Николая Радивилла, литовско-протестантская партія лишилась своего вождя; а Сигизмундъ Августъ подпалъ вліянію партіи польско-католической.

Вопросъ объ уніи Литвы съ Польшею былъ рѣшенъ на Люблинскомъ сеймѣ, который собрался въ январѣ 1569 года и протянулся до іюля. Представители великаго княжества Литовскаго долго и упорно противились этой уніи; между тѣмъ король грозилъ непослушнымъ лишеніемъ пожизненныхъ имѣній (староствъ); а Поляки отказались помогать Литовско-Русскому государству въ предстоящей войнѣ съ Іоанномъ Грознымъ. Большинство литовскихъ пословъ даже самовольно разъѣхалось съ сейма, думая тѣмъ помѣшать дѣлу уніи, но безъ успѣха. Король склонилъ на сторону уніи двухъ самыхъ значительныхъ вельможъ западнорусскихъ, именно кіевскаго воеводу Константина Острожскаго и волынскаго воеводу Александра Чарторыйскаго; они въ свою очередь увлекли за собою шляхту Югозападной Руси, которая вообще была менѣе враждебна уніи, нежели представители собственно литовскихъ провинцій (въ особенности протестанты). Послѣдніе, видя, что дѣло рѣшается и безъ нихъ, принуждены были снова пріѣхать на сеймъ и, наконецъ, подписали актъ соединенія. По условіямъ этого акта Польская корона и великое княжество Литовское соединились другъ съ другомъ на равныхъ правахъ; они получили общій генеральный сеймъ (въ мазовецкомъ городѣ Варшавѣ) и общій сенатъ; но каждое сохраняло свои особыя правительственныя лица (канцлера, подканцлера, маршаловъ, гетмановъ, и пр.), особое войско и законы. Большая часть Югозападной Руси (Подляхія, Волынь, Кіевщина и Брацлавское воеводство) была отдѣлена отъ Литвы и включена въ составъ земель Польской короны, а именно присоединена къ Малой или Южной Польшѣ. Такъ называемые Инфлянты (Ливонія) признаны въ общемъ владѣніи Литвы и Польши.

Со временъ Люблинской уніи началось болѣе широкое вліяніе Польши на Западную Русь. Особенно важны въ этомъ отношеніи тѣ статьи уніи, которыя разрѣшали Полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и занимать тамъ государственныя должности. Еще успѣшнѣе начало распространяться ополяченіе высшихъ классовъ собственно въ Югозападной Руси, которая была непосредственно присоединена къ Польшѣ.

Вторженіе католичества. Братства. Соединенію Западной Руси съ Польшею недоставало внутренней, болѣе прочной основы. Главнымъ препятствіемъ къ тѣсному сбли-

женію обѣихъ народностей, Польской и Русской, послужило различіе вѣроисповѣданій; католическое духовенство никакъ не могло отказаться отъ попытокъ вытѣснить греческую религію изъ русскихъ областей, что въ послѣднихъ возбуждало неудовольствіе противъ правительства и вообще мѣшало дѣлу соединенія. Въ правленіе Ягеллоновъ попытки эти были довольно слабы, а при послѣднихъ государяхъ этого дома почти прекратились. Но въ концѣ XVI вѣка, когда въ Польшѣ утвердились іезуиты, вражда между католиками и православными возгорѣлась съ новою силой.

Въ то время религіозное движеніе, возбужденное успѣхами реформаціи, охватило всю Западную Европу, и Іезуитскій орденъ былъ призванъ въ Польшу собственно для борьбы съ протестантизмомъ.

Изъ Германіи реформація въ первой половинѣ XVI вѣка проникла въ Польшу и Литву и сдѣлала здѣсь быстрые успѣхи, чему много способствовали вѣротерпимость двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ и обычай богатыхъ дворянъ ѣздить за границу для своего образованія. Во второй половинѣ XVI вѣка большинство сенаторовъ состояло изъ диссидентовъ (т.-е. изъ протестантовъ и православныхъ). Епископъ виленскій Валерьянъ Протасевичъ первый призвалъ въ Литву іезуитовъ для борьбы съ реформаціей (1569 г.); они учредили въ Вильнѣ свое общество или коллегію и при ней школу. Спустя десять лѣтъ, изъ этой школы образована Виленская академія, т.-е. высшее училище, имѣвшее право выдавать своимъ воспитанникамъ ученыя степени: баккалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ и докторовъ философіи и теологіи. Первымъ ректоромъ ея былъ знаменитый польскій іезуитъ Петръ Скарга. Между тѣмъ, іезуитскія коллегіи съ ихъ школами распространялись уже по многимъ городамъ Западной Руси; епископы и католическіе магнаты щедро надѣляли ихъ богатыми имѣніями и капиталами. Своими сочиненіями, проповѣдями, публичными диспутами и частными бесѣдами іезуиты, искусные въ діалектикѣ, скоро взяли верхъ надъ диссидентскимъ духовенствомъ. Протестанство не имѣло здѣсь прочныхъ корней въ народѣ; при томъ оно распалось на разныя враждебныя другъ другу секты (лютеранъ, кальвинистовъ, аріанъ и пр.). *Главныя усилія іезуиты, по своему обычаю, обратили на знатныя, вліятельныя фамиліи, и эти усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ.* Такъ, напримѣръ, Николай Черный Радивиллъ былъ самымъ дѣятельнымъ вождемъ протестантизма въ Литвѣ; а сынъ его Николай Сиротка является уже усерднымъ католикомъ.

Ведя борьбу съ протестантами, іезуиты въ то же время обратились противъ греческаго исповѣданія; они привлекали

въ свою школу русскую молодежь и воспитывали ее въ духѣ католическаго ученія, а духовенство русское старались унизить и мѣшали его образованію. Правительство оказывало дѣятельную помощь іезуитамъ; съ особенною ревностію помогалъ имъ преемникъ Стефана Баторія недальновидный *Сигизмундъ III* (1587—1632), изъ шведской династіи Ваза, у котораго преданность католической церкви доходила до фанатизма. Католицизмъ началъ мало-по-малу распространяться въ русскихъ областяхъ, подчиняя себѣ преимущественно высшій классъ населенія. Русскіе вельможи долгое время служили главною опорой православія; но потомки ихъ, усвоивъ нравы и обычаи польской аристократіи, довольно легко оставили религію своихъ предковъ, такъ что въ концѣ XVI вѣка уже значительная часть ихъ исповѣдывала католицизмъ. Но еще большинство западнорусской шляхты, горожане и весь низшій классъ населенія упорно держались своей старой религіи.

Значительную помощь греческой церкви въ борьбѣ съ ея врагами оказали братства; такъ назывались издавна существовавшія въ Западной Россіи общества, основанныя съ цѣлями благотворительными и религіозными. Они составлялись преимущественно горожанами, а во второй половинѣ XVI вѣка получили опредѣленное устройство, а именно: члены братства выбирали себѣ старшихъ, вносили деньги въ общую казну, собирались въ извѣстное время и пр. Въ церковномъ отношеніи восточные патріархи предоставляли имъ многія права и привилегіи (напр. право обличать отклонившихся отъ устава православія и даже право отлучать отъ церкви). Они заводили школы на свой счетъ для православныхъ дѣтей всякаго званія, госпитали для больныхъ и типографіи для печатанія книгъ на славянскомъ и греческомъ языкахъ. Самыя знаменитыя братства были: Львовское въ Галиціи, Виленское въ Литвѣ, Луцкое на Волыни и Богоявленское въ Кіевѣ.

Церковная унія. Брестскій соборъ. Недовольные медленными успѣхами католицизма въ русскихъ областяхъ, іезуиты для средняго и низшаго класса возобновили мысль о церковной уніи, т. е. о соединеніи греческой и латинской

церкви подъ верховною властью римскаго папы, при чемъ первая сохраняла свои обряды и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Попытка къ этому соединенію была произведена еще въ XV вѣкѣ (на Флорентійскомъ соборѣ 1439 г.), но не имѣла успѣха.

Между іезуитами съ особенною ревностью начали хлопотать объ уніи Петръ Скарга и Антоній Поссевинъ [1]). Они нашли себѣ сочувствіе даже въ нѣкоторыхъ православныхъ епископахъ. Послѣдніе уже давно тяготились своимъ невыгоднымъ положеніемъ въ Польскомъ государствѣ и добивались тѣхъ же правъ, которыми пользовалось высшее католическое духовенство (напримѣръ права засѣдать въ польскомъ сенатѣ на ряду съ свѣтскими магнатами).

Дѣлу уніи много содѣйствовало разстроеніе состояніе западнорусской іерархіи послѣ ея отдѣленія отъ московской. Короли раздавали высшія духовныя должности по своему произволу; въ епископы и настоятели монастырей назначались большею частію лица свѣтскія изъ дворянскихъ фамилій, не приготовленныя къ исполненію духовныхъ обязанностей и желавшія только пользоваться богатыми церковными имѣніями. Раздоры между братствами и высшимъ духовенствомъ еще болѣе увеличили неустройства Западнорусской церкви. Однимъ изъ замѣчательныхъ іерарховъ Западной Руси въ концѣ XVI вѣка былъ Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій, потомокъ знатной фамиліи и человѣкъ честолюбивый; онъ привыкъ окружать себя роскошью и жить настоящимъ магнатомъ. Въ началѣ своей епископской дѣятельности Терлецкій явился усерднымъ защитникомъ православнаго духовенства отъ свѣтскихъ властей; патріархъ Константинопольскій Іеремія, посѣтившій Югозападную Русь въ 1589 г., возвелъ его въ санъ экзарха. Тогда же Іеремія отрѣшилъ кіевскаго митрополита Онисифора (потому что онъ былъ изъ двоеженцевъ), а на его мѣсто посвятилъ Михаила Рагозу. Луцкій староста Семашко (перешедшій изъ православія въ католичество) началъ ревностно преслѣдовать Терлецкаго: подвергъ его заключенію, морилъ голо-

[1]) Антоній Поссевинъ, бывшій посредникомъ при заключеніи мира между Иваномъ Грознымъ и Баторіемъ, пытался склонить Іоанна къ соединенію церквей и имѣлъ съ нимъ продолжительное преніе о вѣрѣ. Потерпѣвъ полную неудачу въ Москвѣ, онъ обратился къ мысли о возсоединеніи Западнорусской церкви. Скарга былъ придворный проповѣдникъ Сигизмунда III и славился своимъ краснорѣчіемъ. Въ своихъ проповѣдяхъ, говоренныхъ на сеймахъ, Скарга рѣзко обличалъ неустройства Польши; а изъ его сочиненій самое извѣстное „О единствѣ церкви Божіей подъ одинмъ пастыремъ“; тутъ онъ предлагаетъ способы къ соединенію или уніи церквей.

томъ, наносилъ разныя оскорбленія. Униженный епископъ не могъ нигдѣ добиться правосудія. Тогда его привычка къ роскошной жизни и любовь къ почестямъ не устояли противъ испытаній; онъ заключилъ мировую съ Семашко; преслѣдованія прекратились, но съ этихъ поръ Кириллъ является дѣятельнымъ поборникомъ уніи. Самъ усердный защитникъ православія, князь Константинъ Острожскій въ началѣ думалъ, что покровительство папы можетъ избавить православную церковь отъ польскихъ притѣсненій и прекратить безпорядки въ іерархіи. Такъ думали и многіе другіе, пока надѣялись сохранить въ чистотѣ греческіе обряды и пока не убѣдились въ истинномъ значеніи уніи (какъ переходной ступени къ латинству).

Душою уніатской партіи въ Западной Россіи сдѣлались Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, и Ипатій Поцѣй, епископъ владиміро-волынскій; кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза также склонился на сторону уніи; а Сигизмундъ III съ радостію принялъ ее подъ свое покровительство. Терлецкій съ Поцѣемъ отправились въ Римъ, и здѣсь отъ имени всѣхъ епископовъ просили папу Климента VIII принять ихъ подъ свою верховную власть (1595 г.). Въ Римѣ торжествовали присоединеніе западнорусской церкви. Но между тѣмъ большинство русскаго духовенства, дворянство и нѣкоторые изъ вельможъ горячо возстали противъ подчиненія папѣ. Для рѣшенія этого вопроса въ слѣдующемъ году собрался соборъ въ Брестѣ.

На этотъ соборъ съѣхались западнорусскіе епископы со многими игумнами и священниками, а также многіе свѣтскіе вельможи. Соборъ тотчасъ раздѣлился на двѣ половины: православную и уніатскую. Душою православной партіи изъ свѣтскихъ вельможъ былъ престарѣлый князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій, а изъ духовныхъ — львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ. Брестъ принадлежалъ къ епархіи Поцѣя, и онъ велѣлъ запереть храмы, чтобы лишить православныхъ возможности собираться въ церкви. Они открыли свои засѣданія въ частномъ домѣ; предсѣдательство на этомъ соборѣ предоставлено было экзарху Никифору, уполномоченному константинопольскаго патріарха. Три раза Никифоръ посылалъ звать на совѣщаніе митрополита Рагозу и его соумышленниковъ, но тѣ отказались. Тогда православный соборъ присудилъ митрополита и уніатскихъ епископовъ къ лишенію сана и постановилъ протестъ противъ уніи. Уніатская партія въ это время имѣла свои особыя засѣданія въ каѳедральномъ храмѣ и съ своей стороны предавала проклятію духовенство, оставшееся вѣрнымъ православію.

Церковная унія была встрѣчена сильнымъ народнымъ неудовольствіемъ въ Вильнѣ (гдѣ была тогда резиденція западнорусскихъ митрополитовъ), въ Кіевѣ, Полоцкѣ и другихъ значительныхъ городахъ Западной Руси. Михаилъ Рагоза вскорѣ умеръ; преемникомъ его на митрополичьей каѳедрѣ былъ Ипатій Поцѣй, который ревностно подвигалъ впередъ дѣло уніи, за что едва не былъ убитъ виленскими гражданами. (Въ Вильнѣ около того времени замѣчательнымъ поборникомъ православія является краснорѣчивый проповѣдникъ Стефанъ Зизаній). Слѣдующій за Поцѣемъ митрополитъ Веніаминъ Рутскій, человѣкъ хитрый и дѣятельный, много способствовалъ распространенію уніи въ трудную для нея эпоху, когда православное населеніе повсюду встрѣчало ее враждебно, а большинство русскаго дворянства и казаки готовы были оружіемъ защищать свою старую церковь. Рутскій преобразовалъ уніатское монашество по образцу латинскихъ орденовъ и назвалъ его орденомъ Василія Великаго (Базильянскимъ).

Такимъ образомъ въ Западной Руси произошло распаденіе церкви на православную и уніатскую (рядомъ съ третьей—католической). Польское правительство помогало послѣдней и воздвигало открытое гоненіе на первую, въ надеждѣ водворить въ своихъ областяхъ единую вѣру и тѣмъ усилить, укрѣпить государство [3]).

Православная партія вступила въ дѣятельную борьбу съ католиками и уніатами, стараясь дѣйствовать ихъ же оружіемъ, т. е. проповѣдями, богословскими сочиненіями и основаніемъ школъ для воспитанія юношества въ правилахъ греческой религіи. Изъ такихъ школъ особенно прославилась впослѣдствіи Кіевская академія. Самымъ знаменитымъ ректо-

[3]) Особою ревностію къ распространенію уніи отличался Іосафатъ Кунцевичъ. Онъ назначенъ былъ уніатскимъ епископомъ въ Полоцкую епархію, и здѣсь встрѣтилъ себѣ опаснаго соперника въ лицѣ православнаго епископа Мелетія Смотрицкаго, который своими краснорѣчивыми посланіями сильно противодѣйствовалъ проповѣди Кунцевича. Послѣдній отправился въ городъ Витебскъ; тамъ съ помощью военныхъ людей производилъ разныя насилія православнымъ и отнималъ у нихъ церкви, которыя обращалъ въ уніатскія. Православные отказались посѣщать эти церкви, а ставили за городомъ палатки и въ нихъ совершали богослуженіе. Наконецъ, раздраженная витебская чернь возмутилась, умертвила Кунцевича и трупъ его бросила въ Западную Двину (1623). За это преступленіе жители понесли тяжкое наказаніе отъ польскаго правительства: многіе граждане были казнены и городъ Витебскъ лишенъ Магдебургскаго права. Тѣло Кунцевича было вынуто изъ рѣки и погребено съ большою торжественностію; его прославили святымъ мученикомъ и появились легенды о чудесахъ, совершавшихся надъ его гробомъ. Самъ бывшій врагъ его, Мелетій Смотрицкій, потомъ измѣнилъ православію и обратился въ унію; это обращеніе католики и уніаты причислили также къ чудесамъ Кунцевича.

ромъ этой академіи былъ архимандритъ Кіевопечерской Лавры Петръ Могила, возведенный потомъ въ санъ кіевскаго митрополита.

Кіевская академія возникла изъ школы, которая въ концѣ XVI вѣка была основана братствомъ Богоявленской церкви. (Въ 1614 году эта школа сгорѣла, но въ слѣдующемъ году одна богатая женщина, Анна Гугулевичевна, возобновила ее на свой счетъ). Процвѣтаніе ея начинается со времени Петра Могилы. Фамилія Могиловъ принадлежала къ молдавской аристократіи и считала между своими членами нѣсколько молдавскихъ и валахскихъ господарей. Въ молодости Петръ Могила служилъ въ польской военной службѣ. Потомъ онъ вступилъ въ Кіевопечерскую Лавру и, благодаря своимъ родственнымъ связямъ съ польскою аристократіей, прямо былъ назначенъ архимандритомъ Лавры. Отличаясь усердіемъ къ православію, Петръ Могила немедленно обратилъ вниманіе на народное просвѣщеніе, какъ на главное средство для борьбы съ уніей. Онъ на собственный счетъ отправилъ нѣсколько молодыхъ людей въ иностранныя академіи, чтобы приготовить изъ нихъ хорошихъ наставниковъ, и задумалъ устроить особое училище при своемъ монастырѣ; но, по просьбѣ Богоявленскаго братства, оставилъ этотъ планъ и принялъ въ свое завѣдываніе братскую школу. Вскорѣ Могила сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ (1633 г.), и тогда преобразовалъ эту школу въ коллегію, которая устроилась по образцу іезуитскихъ коллегій и академій въ Польшѣ и западной Европѣ. (Классы шли въ томъ же порядкѣ, какъ тамъ: инфима, грамматика, синтаксисъ, піитика, реторика, философія и богословіе). Здѣсь также дано было преобладаніе латинскому языку, на которомъ излагалась тогда большая часть наукъ; воспитанники должны были писать латинскія сочиненія и говорить между собою не иначе какъ по-латыни. (Впослѣдствіи по тому же образцу устроены духовныя училища въ Россіи). Важное значеніе Кіевской академіи въ исторіи нашего просвѣщенія видно изъ того, что къ ея воспитанникамъ принадлежали почти всѣ лучшіе духовные писатели и епископы русскіе во второй половинѣ XVII и въ большей части XVIII вѣка.

Западнорусское дворянство при появленіи церковной уніи довольно усердно заботилось о сохраненіи православія. На варшавскомъ сеймѣ и въ сенатѣ часто раздавались протесты русскихъ пословъ противъ нарушенія правъ и привилегій, утвержденныхъ прежними королями за русскимъ населеніемъ. Въ царствованіе Сигизмунда III эти протесты по большей части оставались безплодными [6]). Послѣ его смерти на из-

[6]) Вотъ что говоритъ русская шляхта въ своей жалобѣ, поданной сенату на сеймѣ 1623 года.

бирательномъ сеймѣ 1632 года русскимъ посламъ удалось выхлопотать новыя постановленія о свободѣ греческой церкви. Новый король, Владиславъ IV, утвердилъ эти сеймовыя постановленія („конституціи“). Но папа объявилъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ; по обыкновенію, они остались неисполненными. Между тѣмъ, наступившія казацкія и крестьянскія возстанія противъ пановъ побудили большую часть западнорусскаго дворянства тѣснѣе сблизиться съ польскою шляхтой; а воспитаніе въ іезуитскихъ академіяхъ и коллегіяхъ и желаніе пользоваться всѣми шляхетскими привилегіями подготовили переходъ въ католичество. Во второй половинѣ XVII вѣка большинство дворянъ Югозападной Руси является уже вполнѣ ополяченнымъ, забывшимъ языкъ и религію своихъ предковъ. Тогда они сдѣлались чуждыми простому народу, который находился у нихъ въ полномъ подчиненіи, но оставался русскимъ и православнымъ [7]).

Такимъ образомъ рушились естественныя связи между высшимъ сословіемъ (аристократіей) и низшими классами въ Западной Россіи.

Положеніе крестьянъ. Послѣ религіи, вторая причина вражды русскаго населенія къ Полякамъ заключалась въ угнетеніи низшаго класса. Въ древнѣйшую эпоху крестьянское

„Въ теченіе 28 лѣтъ мы, народъ Русскій, на каждомъ сеймѣ докладывали вамъ о великихъ неправдахъ и притѣсненіяхъ, которыя терпимъ отъ нашихъ отщепенцевъ, митрополита и епископовъ (уніатскихъ). Со слезами просили вашу вельможность ходатайствовать предъ его милостью королемъ объ освобожденіи Русскаго народа отъ упомянутаго угнетенія. Но и донынѣ не получили просимаго“. „Теперь если русскому шляхтичу старой греческой вѣры приходится хлопотать о должности, то его спрашиваютъ, уніатъ онъ или нѣтъ. Русскому греческой религіи трудно получить не только сенаторское кресло подлѣ короля (прежде на этомъ мѣстѣ мы видали многихъ такихъ, а теперь ни одного), но и какой бы то ни было земскій или городовой урядъ“. „Наши отщепенцы во многихъ городахъ отобрали у насъ церкви, а въ другихъ запечатали; духовенству нашему не дозволяютъ ни крестить, ни погребать публично. Все это надобно совершать тайкомъ, ночью, потому что захваченныхъ при томъ мѣщанъ жестоко наказываютъ, а священниковъ арестуютъ и выгоняютъ изъ города“.

[7]) Значительнѣйшія фамиліи Западной Руси, происходившія отъ древнерусскихъ боярскихъ и дворянскихъ родовъ, перемѣнивъ вѣру и языкъ, впослѣдствіи считали себя уже чистыми Поляками. Таковы фамиліи: Огинскихъ, Пацовъ, Хребтовичей, Воловичей, Ходкевичей, Тышкевичей и др. Между прочимъ сынъ знаменитаго ревнителя православія Константина Острожскаго еще при жизни отца перешелъ въ латинство.

или земледѣльческое сословіе („посполъство“) пользовалось личною свободой; но по мѣрѣ того какъ аристократія пріобрѣтала болѣе и болѣе политическихъ правъ и шляхетскіе сеймы забирали въ свои руки судьбу государства, крестьяне теряли прежнія вольности. Въ Польшѣ еще ранѣе, нежели въ Россіи, они лишились права свободнаго перехода; когда же прекратилась династія Ягайла и престолъ сдѣлался избирательнымъ, дворянство окончательно закрѣпило ихъ за собой, и къ концу XVI вѣка крестьянское сословіе (получившее общее названіе „хлоповъ“) ужъ находилось въ состояніи рабства. Изъ собственной Польши это рабское состояніе перешло и въ западнорусскія области, гдѣ оно было подтверждено юридически Литовскимъ статутомъ. Польскіе паны и ополячившіеся русскіе вельможи если не уѣзжали за границу или въ главные города королевства, то жили въ своихъ помѣстьяхъ и окружали себя чрезвычайною роскошью: каждый изъ нихъ держалъ въ своемъ замкѣ большое количество слугъ и надворной милиціи, набранныхъ отчасти изъ мелкихъ дворянъ или шляхтичей, такъ что свита знатнаго пана походила на королевскій дворъ въ меньшихъ размѣрахъ. Вся тяжесть огромныхъ панскихъ расходовъ падала на бѣдныхъ хлоповъ, которые были облагаемы множествомъ разнаго рода оброковъ и повинностей. („Крестьяне украинскіе мучились какъ въ чистилищѣ, а помѣщики между тѣмъ блаженствовали какъ въ раю“ [8]). Притомъ же *помѣщики обыкновенно не занимались сами управленіемъ своихъ имѣній, а отдавали ихъ въ аренду Евреямъ,* которые старались выжимать изъ крестьянъ какъ можно болѣе доходовъ и притѣсненіями своими доводили ихъ до того, что цѣлыя села иногда пустѣли отъ побѣговъ; одни изъ хлоповъ переселялись въ сосѣднее Московское государство, другіе приставали къ казакамъ. Притѣсненія эти особенно усилились съ появленіемъ католицизма и уніи, когда между простолюдиномъ и вельможею исчезла религіозная связь, и паны стали смотрѣть на своихъ крестьянъ какъ на еретиковъ. Евреи не замедлили воспользоваться уніей для своего обогащенія; вмѣстѣ съ имѣніями они начали брать на откупъ у помѣщиковъ даже церкви

---

8) Это замѣтилъ въ своемъ „Описаніи Украйны“ французскій инженеръ Бопланъ, служившій польскимъ королямъ Сигизмунду III и Владиславу IV.

православныхъ, и облагали пошлинами какъ богослуженіе, такъ и разныя церковныя требы.

Евреи встрѣчаются въ Кіевской Руси еще въ XI и XII вѣкахъ, впрочемъ въ небольшомъ числѣ; въ то время процвѣтали еврейскія колоніи въ Крыму. (Секта Караимовъ, т.-е. Евреевъ, не признающихъ книгу Талмудъ, заключающую многочисленныя толкованія нравственныя и преимущественно обрядовыя; послѣднія касаются всевозможныхъ мелочей и опутываютъ все существованіе Еврея). Татарскій разгромъ остановилъ развитіе еврейской колонизаціи съ юга. Но около этого времени начался сильный приливъ Евреевъ (талмудистовъ) съ запада. Гоненія, которымъ они подвергались въ Германіи, особенно во время Крестовыхъ походовъ, заставили ихъ выселяться отсюда въ другія страны. Наиболѣе терпимости для своей религіи они нашли въ земляхъ польскихъ и начали переходить сюда массами. Особое покровительство оказывалъ имъ король Казиміръ Великій, который надѣлилъ ихъ разными льготами. (Говорятъ, будто побужденіемъ Казиміра въ этомъ случаѣ послужила его привязанность къ одной еврейкѣ). Права ихъ подтвердилъ и расширилъ потомъ Сигизмундъ I. Евреи получили разрѣшеніе свободно заниматься ремеслами и торговлею, а главное — еврейскія общины (кагалы) пріобрѣли право внутренняго самоуправленія и самосуда; завѣдываніе ихъ религіозными дѣлами сосредоточилось въ рукахъ раввиновъ, которые составляютъ ихъ духовное и вмѣстѣ ученое сословіе.

Это предпріимчивое, быстро размножающееся племя мало-по-малу распространилось по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Западной Россіи; оно захватило въ свои руки значительную часть торговыхъ оборотовъ и почти всю мелочную торговлю. Размноженіе Евреевъ, притѣсненія отъ шляхты и религіозныя гоненія подорвали благосостояніе западнорусскихъ городовъ и привели въ совершенный упадокъ русское мѣщанство, т.-е. средній классъ коренного населенія. Въ качествѣ ростовщиковъ, корчмарей, арендаторовъ имѣній, откупщиковъ разныхъ сборовъ, Евреи не мало способствовали также обѣдненію и угнетенію крестьянства. На сеймахъ противъ нихъ не разъ поднимались жалобы и издавались стѣсненія для ихъ эксплуататорской дѣятельности; но польская аристократія оказывала имъ покровительство. Она постоянно нуждалась въ деньгахъ на свою роскошь и находила ихъ у Евреевъ, а послѣднимъ предоставляла выжимать доходы изъ своихъ крестьянъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ имъ покровительствовали почти всѣ польскіе короли, до Собѣскаго включительно (чему не мало способствовали королевскіе лейбъ-медики изъ Евреевъ) [9])

[9]) Между тѣмъ, не пользуясь правами настоящихъ гражданъ, живя въ отчужденіи отъ народа и въ презрѣніи у шляхты, Евреи сохраняли свой отдѣльный бытъ и свою отдѣльную рѣчь (испорченную нѣмецкую);

Къ странному гнету отъ крѣпостного состоянія присоединились еще для Русскаго народа обиды и насилія отъ буйныхъ жолнеровъ (наемныя польскія войска), которые разставлены были по областямъ и содержались на счетъ мѣстныхъ жителей.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ религіознаго и политическаго угнетенія было чрезвычайное обѣдненіе низшаго класса и упадокъ его нравственныхъ силъ, особенно въ Бѣлоруссіи. Но въ Малой Руси это угнетеніе вызвало энергическій отпоръ и кровавую месть со стороны Малороссійскаго казачества.

Малороссійскіе или Украинскіе казаки жили по обѣимъ сторонамъ Днѣпра (населяли земли, занимаемыя теперь губерніями: Кіевскою, Полтавскою и южною частью Черниговской). Польское правительство рано оцѣнило важность этого воинственнаго сословія, которое могло служить государству твердымъ оплотомъ со стороны сосѣднихъ татарскихъ ордъ. Стефанъ Баторій старался подчинить казаковъ военной дисциплинѣ и дать имъ опредѣленное устройство. Это устройство потомъ имѣло слѣдующій видъ. Поселенія казаковъ дѣлились на округи или полки, носившіе названіе по городамъ (Переяславскій, Черкасскій, Миргородскій и др.), числомъ до 20. Начальникъ или гетманъ всего казацкаго сословія утверждался въ своемъ санѣ королемъ; знаками его достоинства были: войсковое знамя, бунчукъ, булава и печать. За гетманомъ слѣдовала войсковая старшина, состоявшая изъ обознаго, судьи, писаря, эсаула, хорунжаго, полковниковъ, сотниковъ и атамановъ. Стефанъ Баторій однако успѣлъ убѣдиться, что казацкое войско трудно подчинить непосредственной королевской власти, и что оно становится опаснымъ для самой Польши: тогда онъ попытался ослабить казачество и задержать его дальнѣйшее развитіе учрежденіемъ особаго сословія „реестровыхъ" казаковъ, которыхъ число было опредѣлено сначала въ 6,000 человѣкъ. Реестровые получали отъ правительства жалованье и составляли отдѣльную дружину, устроенную по образцу венгерской пограничной стра-

они обязаны были даже соблюдать отличія въ одеждѣ. При такомъ обособленіи патріотическія стремленія не могли развиваться въ ихъ средѣ, и они невольно получали характеръ чужеяднаго растенія въ странѣ, которая сдѣлалась для нихъ новымъ отечествомъ.

жи, называвшейся „гайдуками“; а прочіе казаки должны были войти въ сословіе посполитыхъ, т.-е. крестьянъ. Но эта мѣра не принесла желанныхъ результатовъ: число казаковъ все болѣе и болѣе возрастало отъ прилива лучшихъ людей изъ сосѣдняго посполъства, которое не могло помириться со своимъ рабскимъ состояніемъ; а казацкіе гетманы, признавая верховную власть короля, часто въ важныхъ дѣлахъ обходились безъ его согласія и даже поступали вопреки его повелѣніямъ.

Отъ украинскихъ или „городовыхъ“ казаковъ, проводившихъ жизнь осѣдлую и семейную, надобно отличать тѣхъ, которые обитали далѣе къ югу въ низовьяхъ Днѣпра и носили названіе „низовыхъ“ или „Запорожскихъ“. Послѣдніе хотя и причислялись къ польскому государству, но въ сущности составляли сословіе совершенно вольное и не подчинялись никакой посторонней власти. Это была колыбель и разсадникъ настоящаго казачества.

Къ югу отъ Самарскаго устья, посреди глухихъ степей, Днѣпръ, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ, отчасти запруженъ рядами огромныхъ камней (пороговъ), которые скрываются подъ водою или чернѣютъ надъ ея поверхностью, отчасти стѣсненъ въ своемъ теченіи крутыми берегами и множествомъ каменистыхъ островковъ. Пробившись сквозь каменныя тѣснины, рѣка вступаетъ въ широкое русло съ ровными, отлогими берегами, и плавно, тихо течетъ потомъ до самаго лимана; на этомъ теченіи она усѣяна архипелагомъ низменныхъ островковъ, покрытыхъ густымъ, высокимъ камышомъ. Эти-то косматые, тѣнистые острова служили для казацкой вольницы самымъ лучшимъ убѣжищемъ. Одни только плоскодонные челны Запорожцевъ могли ходить по неглубокимъ протокамъ между островами, гдѣ они скрывали награбленную добычу. Запорожцы мало-по-малу образовали родъ военнаго братства, имѣвшаго свои оригинальные уставы и обычаи. На одномъ изъ островковъ обыкновенно располагался главный притонъ Запорожцевъ или *Сѣчь* (особенно на островѣ Хортицѣ). Она имѣла видъ укрѣпленнаго лагеря. Верховная власть находилась въ рукахъ казацкаго вѣча или *рады*. Рада избирала главнаго («кошевого») атамана, который во время похода пользовался неограниченною властью надъ войскомъ. Сѣчь раздѣлялась «на курени», которые выбирали себѣ куренныхъ атамановъ. Запорожцы жили въ шалашахъ («коливахъ»), сплетенныхъ изъ хвороста, и сходились обѣдать за общественные столы. Число Запорожскихъ казаковъ не было опредѣлено: въ Сѣчь принимался всякій пришлецъ православной вѣры; онъ оставался здѣсь столько времени, сколько хотѣлъ. Запорожцы

вели жизнь холостую, и женщины въ Сѣчь не допускались подъ страхомъ смертной казни.

Запорожье наполнялось обыкновенно людьми самаго безпокойнаго, воинственнаго характера; сюда уходили изъ сосѣднихъ польскихъ и московскихъ областей тѣ, которые не хотѣли сносить угнетеніе въ отечествѣ или отыскивали простора для своей дѣятельности. Запорожцы находились въ тѣсной связи съ Донскими и Малороссійскими казаками. Вмѣстѣ съ тѣми и другими они нерѣдко на своихъ легкихъ челнахъ („чайкахъ“) выплывали въ Черное море и грабили турецкіе берега; а въ сосѣднихъ степяхъ происходили постоянныя стычки запорожскихъ отрядовъ съ татарскими наѣздниками [10]).

Польское правительство, побуждаемое угрозами турецкаго султана, старалось силою удерживать казаковъ отъ походовъ въ Черное море и строило крѣпости около пороговъ; но такія мѣры только усиливали духъ неудовольствія въ казацкомъ сословіи. Когда же къ этимъ мѣрамъ присоединились введеніе уніи въ Западной Россіи, гоненіе на православіе и угнетеніе народа отъ пановъ, тогда открылся цѣлый рядъ казацкихъ возстаній на Украйнѣ. Изъ вождей казацкихъ (въ эпоху отъ 1593 г. до 1638) особенно прославились борьбою съ Поляками: Наливайко, Тарасъ, Павлюкъ и Остраница. Только одинъ изъ малороссійскихъ гетмановъ этой эпохи, Конашевичъ Сагайдачный, оставаясь усерднымъ приверженцемъ православія, умѣлъ пріобрѣсти уваженіе польскаго правительства и ужиться въ мирѣ съ дворянскою партіей. (Онъ умеръ въ 1622 г.). Возстанія казаковъ сопровождались страш-

---

[10]) Вотъ какимъ образомъ Бопланъ описываетъ степные походы казаковъ и ихъ встрѣчи съ Татарами: „Казаки, зная какая опасность ожидаетъ ихъ въ степяхъ, переходятъ по нимъ таборомъ или караваномъ, т. е. между двумя рядами телѣгъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же съ дротиками, пищалями и косами на длинныхъ ратовищахъ идутъ посреди табора; вокругъ его ѣдутъ лучшіе наѣздники. Сверхъ того во всѣ четыре стороны посылаютъ по одному казаку для наблюденія. Какъ скоро покажется непріятель, стражи даютъ сигналъ, и таборъ останавливается. Случалось и мнѣ,—прибавляетъ авторъ,—съ 50 или 60 казаками переходить степи. Татары нападали на нашъ таборъ, въ числѣ 500 человѣкъ, но не въ силахъ были разстроить его; да и мы также мало вредили имъ, потому что Татары только издали грозили нападеніемъ, не подъѣзжая однако на ружейный выстрѣлъ, и, пустивъ чрезъ наши головы тучу стрѣлъ, скрывались“.

ною жестокостью съ обѣихъ сторонъ, при чемъ во владѣніяхъ польскихъ пановъ преимущественно свирѣпствовали мелкія шайки хлоповъ или такъ называемыхъ **гайдамакъ**. Но мало-по-малу дворянская партія, обыкновенно при помощи наемныхъ регулярныхъ войскъ, брала верхъ надъ толпами мятежниковъ; начальники возстаній подвергались лютымъ казнямъ, и Малороссія подпадала еще болѣе тяжкому гнету, чѣмъ прежде. Послѣ неудачнаго возстанія подъ начальствомъ Гуни и Остраницы, въ 1638 г., казалось, силы казаковъ были сломлены, и Украйна затихла; но, спустя десять лѣтъ, чрезмѣрный гнетъ вызвалъ уже возстаніе всего народа (при Хмѣльницкомъ).

Итакъ, обѣ уніи, политическая и религіозная, не достигли своей цѣли, т.-е. окончательнаго отдѣленія Западной Руси отъ Восточной и слiянія съ Польшею въ одно государство, въ одну націю. Напротивъ, они породили жестокую борьбу между двумя религіями и двумя народностями. *Эта борьба пробудила въ Югозападной Руси стремленіе къ возсоединенію съ Сѣверовосточною и приготовила паденіе Польши.*

IV. ЭПОХА ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ЦАРЕЙ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

1645 - 1649—1653—1667—1672—1676—1682.

МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ. 1613—1645.

Очищеніе государства отъ непріятелей. Въ іюлѣ 1613 года совершилось въ Москвѣ царское вѣнчаніе Михаила Ѳеодоровича. Во время этого торжества, по обычаю, объявлены разныя милости; князь Пожарскій, бывшій прежде стольникомъ, получилъ санъ боярина, а Козьма Мининъ пожалованъ въ думные дворяне и награжденъ помѣстьемъ. Но правительство не могло наградить жалованьемъ ратныхъ людей или предоставить народу льготы отъ податей, потому что казна была совершенно пуста. Отъ имени царя, духовенства и всего земскаго собора посланы были въ главные города (между прочимъ, къ богатымъ купцамъ Строгановымъ) грамоты съ просьбою о присылкѣ въ Москву денегъ, хлѣба и разныхъ запасовъ на жалованье войску. Послѣднему предстояло еще много дѣла, потому что внѣшніе и внутрен-

ніе враги продолжали пользоваться разстроеннымъ состояніемъ государства. Новгородская область находилась въ рукахъ Шведовъ, Смоленскую занимали Поляки, Псковскую разоряли наѣздники Лисовскаго, на юго-востокѣ господствовалъ атаманъ Заруцкій; а внутри, на всемъ протяженіи государства, отъ южныхъ предѣловъ и до самыхъ сѣверныхъ, свирѣпствовали казацкія шайки. Казанскіе, Ногайскіе Татары и Волжскіе Черемисы также бунтовали и грабили русскихъ жителей.

Первыя усилія правительства были обращены противъ Заруцкаго, который вмѣстѣ съ Мариною Мнишекъ засѣлъ въ Астрахани и заставлялъ народъ присягать ея маленькому сыну (отъ Лжедимитрія II), объявляя себя правителемъ государства. Онъ созывалъ къ себѣ на службу казаковъ, Ногайскихъ Татаръ и просилъ помощи у Персидскаго шаха. Но еще прежде, нежели подоспѣлъ съ войскомъ князь Одоевскій, отправленный изъ Москвы, астраханскіе жители возстали противъ Заруцкаго и прогнали его съ помощью Терскихъ казаковъ. Заруцкій бѣжалъ на Яикъ (Уралъ); но здѣсь настигли его стрѣльцы, посланные Одоевскимъ, и взяли въ плѣнъ (1614 г.). Заруцкій и сынъ Марины подверглись позорной казни, а сама Марина умерла въ тюрьмѣ [1]). Къ концу того же года и сѣверная часть государства была очищена отъ казацкихъ шаекъ; успѣшнымъ преслѣдованіемъ этихъ шаекъ отличился князь Лыковъ; недалеко отъ Москвы онъ разбилъ главныя толпы казаковъ и взялъ въ плѣнъ наиболѣе свирѣпаго изъ ихъ атамановъ, Баловня.

Между тѣмъ, самый знаменитый изъ московскихъ воеводъ, князь Пожарскій, напрягалъ свои силы, чтобы уничтожить хищную дружину Лисовскаго, составленную изъ отчаянныхъ удальцовъ разныхъ націй. Необыкновенно быстрыми переходами Лисовскій долго спасался отъ преслѣдованія князя. Когда Пожарскій заболѣлъ, дѣло его продолжали другіе воеводы: но они также не могли настичь неутомимаго наѣздника, который описывалъ круги по всему государству, обозначая свой путь грабежомъ и опустошеніемъ. Наконецъ онъ перешелъ за литовскую границу, и только внезапная смерть избавила Россію отъ ея злѣйшаго непріятеля (1616 г.) [2]).

---

[1]) Впослѣдствіи въ Польшѣ нѣкто шляхтичъ Луба былъ выдаваемъ за сына Марины, будто бы спасшагося отъ смерти.

[2]) Разсказъ одного изъ голландскихъ пословъ (проѣзжавшихъ по Сѣверо-западному краю Россіи въ ноябрѣ 1615 г.) даетъ намъ нѣкоторое понятіе о бѣдственномъ состояніи, въ которомъ находились области государства, опустошенныя лисовчиками и казаками. На пути изъ Ревеля въ Новгородъ Голландцы нигдѣ не находили селеній; почти всегда должны были ночевать въ лѣсу, и только изрѣдка попадался имъ гдѣ нибудь полуразрушенный монастырь. Въ Новгородѣ посольство немного отдохнуло и продолжало путь черезъ Старую Русу; на этомъ пути оно подверга-

Столбово и Деулино. Одновременно съ очищеніемъ государства отъ казаковъ шла борьба съ двумя западными сосѣдями Россіи, Швеціею и Польшею, которыя не хотѣли возвратить захваченныя ими русскія области. Московское войско, отправленное противъ Шведовъ подъ начальствомъ князя Трубецкого, потерпѣло пораженіе отъ Делагарди подъ Бронницами. Самъ король шведскій Густавъ-Адольфъ явился на мѣсто военныхъ дѣйствій и лично осадилъ Псковъ; но Псковитяне и на этотъ разъ прославили себя мужественною обороной противъ одного изъ величайшихъ полководцевъ своего времени, чѣмъ и способствовали скорѣйшему прекращенію войны. Переговоры со Шведами производились при содѣйствіи Англіи и Голландіи, которыя хлопотали о мирѣ, имѣя въ виду свои торговые интересы. Наконецъ заключенъ былъ миръ въ селѣ Столбовѣ (недалеко отъ Ладоги, 1617 г.); Шведы возвратили Москвѣ Новгородъ, Ладогу и нѣкоторые другіе города, но обязали ее заплатить 20.000 рублей и удержали за собой все захваченное ими прибрежье Финскаго залива. Такимъ образомъ Русскіе были совершенно отрѣзаны отъ Балтійскаго моря [3]). Впрочемъ, московское правительство считало Столбовскій миръ довольно выгоднымъ потому, что получало теперь возможность обратить всѣ силы противъ врага еще болѣе опаснаго—противъ Польши.

Война съ Поляками шла съ перемѣннымъ счастіемъ; Русскіе терпѣли пораженія въ открытомъ полѣ, но мужественно отстаивали города; попытки отнять у непріятеля Смоленскъ остались безъ успѣха. Наконецъ война приняла рѣшитель-

---

лось самымъ жестокимъ лишеніямъ. Нѣсколько разъ при переѣздѣ черезъ рѣку ломался ледъ, люди и вещи падали въ воду, и путешественники, чтобы просушить платье, должны были зажигать на берегу необитаемыя хижины. Ночевали они въ опустѣлыхъ деревняхъ, и прежде нежели войти въ избу, вытаскивали изъ нея трупы жителей, убитыхъ казаками; но скоро невыносимый смрадъ выгонялъ путниковъ изъ избы и заставлялъ ихъ ночевать на морозѣ. Далѣе, Голландцы находились въ постоянномъ безпокойствѣ отъ медвѣдей, волковъ и наѣздниковъ Лисовскаго.

[3]) Густавъ-Адольфъ очень хорошо понималъ важность этого обстоятельства. Въ своей рѣчи къ шведскимъ государственнымъ чинамъ по поводу Столбовскаго мира онъ выразилъ удовольствіе, что Россія болѣе неопасный сосѣдъ для Шведовъ. „Теперь,—замѣтилъ король,—насъ отдѣляютъ отъ нея великія озера Ладожское и Пейпусъ, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости. Слава Богу, Россія отрѣзана отъ Балтійскаго моря, и есть надежда, что Русскимъ будетъ трудно перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ“.

ный оборотъ, когда королевичъ Владиславъ вмѣстѣ съ гетманомъ Ходкѣвичемъ двинулся на самую Москву, чтобы здѣсь возложить на себя московскую корону. Во время его похода города Дорогобужъ и Вязьма измѣнили Михаилу и сдались Полякамъ [1]); но подъ Калугою, гдѣ воеводою былъ князь Пожарскій, Поляки потерпѣли неудачу. На помощь къ Владиславу пришелъ малороссійскій гетманъ Сагайдачный, и они соединенными силами подступили къ Москвѣ. Въ виду такой опасности царь созвалъ соборъ изъ духовенства, бояръ „и всякихъ чиновъ людей"; *всѣ они единодушно дали ему обѣтъ крѣпко стоять и биться за православную вѣру и своего государя.* Приступы Поляковъ къ воротамъ столицы были отбиты, попытка овладѣть Троицкою Лаврой также не удалась. Тогда Владиславъ вступилъ въ переговоры, и въ селѣ Деулинѣ (подлѣ Троицы) было заключено перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ (1618 г.). По этому перемирію Смоленскъ и часть Сѣверской области остались за Польшею. Въ числѣ плѣнныхъ, которыхъ Поляки размѣняли на Струся и его товарищей, возвратился въ Россію отецъ государя митрополитъ Филаретъ.

Патріархъ Филаретъ и внутренняя дѣятельность. По смерти Гермогена патріаршій престолъ оставался незанятымъ, потому что въ Москвѣ дожидались отца государева, и когда митрополитъ возвратился изъ плѣна, ему немедленно предложили санъ патріарха. Послѣ обычныхъ отрицаній Филаретъ согласился и былъ посвященъ (1619 г.). Опытный въ дѣлахъ политическихъ, Филаретъ скоро пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе на управленіе государствомъ: онъ укрѣпилъ московское самодержавіе, ослабленное въ эпоху смутъ, и до самой смерти своей (1633 г.) оставался полнымъ руководителемъ Михаила, отличавшагося мягкостью характера и великою сыновнею преданностію. Въ государственныхъ грамотахъ писались рядомъ имена отца и сына („Государь царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Русіи и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи").

[1]) Малодушные воеводы, бѣжавшие изъ Вязьмы въ Москву, были строго наказаны: ихъ высѣкли кнутомъ, лишили недвижимаго имущества и сослали въ Сибирь.

Главная забота царя и патріарха обратилась на приведеніе въ порядокъ хозяйственной части, которая послѣ Смутнаго времени находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Собираніе податей представляло большія затрудненія, потому что очень многіе города и села были разорены, а жители ихъ разбѣжались. Изъ дальнихъ областей многіе посадскіе люди, чтобы не платить податей, переѣхали въ Москву и ближайшіе города и укрывались здѣсь у своихъ родственниковъ или друзей. Нѣкоторые тяглые люди избавляли себя отъ царскихъ налоговъ тѣмъ, что записывались за боярами, духовенствомъ или монастырями; остальные же, указывая на свое разореніе, безпрестанно просили царя о дарованіи имъ разныхъ льготъ. Кромѣ того со всѣхъ сторонъ присылались въ Москву жалобы на обиды и насилія отъ воеводъ и приказныхъ людей. Для обсужденія мѣръ противъ такой безурядицы государи неоднократно созывали земскую думу. Рѣшено было составить по областямъ точныя росписи (или „писцовыя книги“) и распредѣлить подати сообразно съ имуществомъ жителей. Съ этою цѣлью во всѣ города посылались *писцы и дозорщики*. Но они по большей части недобросовѣстно исполняли свое дѣло и ради посуловъ накладывали подати на кого легче, на кого тяжеле (хотя воеводамъ и приказнымъ людямъ подъ страхомъ жестокаго наказанія запрещалось брать посулы, а жителямъ давать ихъ). Тяглыхъ людей, уклонявшихся отъ налоговъ, велѣно было возвращать на свои мѣста. Замѣчательна также слѣдующая мѣра правительства: приказано было изъ каждаго города взять въ Москву по одному человѣку изъ духовенства, по два изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и по два изъ посадскихъ людей, которые могли бы сообщить правительству точныя свѣдѣнія о состояніи областей и о способахъ помочь разореннымъ жителямъ.

Съ воцареніемъ Михаила возобновились и прерванныя въ Смутную эпоху дружественныя сношенія съ иностранными державами. Такъ, во время Польской войны персидскій шахъ Аббасъ и англійскій король Іаковъ I помогали Михаилу деньгами. При Михаилѣ московское правительство въ первый разъ обмѣнялось посольствами съ Французскимъ дворомъ.

Смоленскъ и Азовъ. Деулинское перемиріе не прекратило враждебныхъ отношеній между Москвою и Польшею: они

скоро возобновились, потому что Поляки все еще не хотѣли признать Михаила, а Владиславъ продолжалъ носить титулъ царя и великаго князя Московскаго. Къ тому же *потеря Смоленска и другихъ русскихъ городовъ была очень чувствительна для Московскаго правительства;* оно ожидало только удобнаго случая къ новой войнѣ, а между тѣмъ постепенно приготовляло для нея средства. Видя, какъ далеко Русскіе уступаютъ западнымъ сосѣдямъ въ военномъ искусствѣ, правительство наняло въ свою службу нѣсколько тысячъ иноземныхъ солдатъ, выписало изъ-за границы большіе запасы огнестрѣльнаго оружія и поручило даже иностраннымъ офицерамъ учить русскихъ ратныхъ людей европейскому строю.

Въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ III (1632 г.). Пока собирался сеймъ, чтобы избрать ему преемника, Москва поспѣшила воспользоваться временемъ междуцарствія и двинула свои войска на западныя границы. Главнымъ воеводою былъ назначенъ бояринъ Шеинъ, прославившій себя въ Смутную эпоху защитою Смоленска и вмѣстѣ съ Филаретомъ освобожденный изъ польскаго плѣна. Война началась удачно; болѣе 20 городовъ и мѣстечекъ перешли въ руки Москвитянъ; Шеинъ осадилъ Смоленскъ. Городъ едва держался отъ голода и уже готовъ былъ сдаться, когда на помощь гарнизону пришелъ Владиславъ, избранный сеймомъ на польскій престолъ. Съ приходомъ короля обстоятельства перемѣнились: Русскіе, отбитые отъ Смоленска, заперлись въ окопахъ и въ свою очередь были осаждены Поляками. Между тѣмъ Крымцы сдѣлали набѣгъ на Московскую украину; услыхавъ о томъ, многіе украинскіе помѣщики уѣхали изъ русскаго лагеря. Въ самомъ лагерѣ происходили смуты: иностранные полковники и генералы не скрывали своего презрѣнія къ московскому войску и нерѣдко отказывали въ повиновеніи главному воеводѣ; къ тому же въ лагерѣ начались голодъ и сильная смертность. Наконецъ Шеинъ, оказавшійся неискуснымъ предводителемъ въ открытомъ полѣ, вошелъ въ переговоры, согласился оставить Полякамъ весь свой обозъ и артиллерію и отступилъ, преклонивъ знамена передъ королемъ. По возвращеніи въ столицу, несчастные московскіе воеводы были обвинены въ измѣнѣ; Шеину и нѣкоторымъ изъ его товарищей отрубили

головы, другихъ сослали въ Сибирь [5]). По слѣдамъ отступившаго войска король двинулся въ Россію, но подъ стѣнами крѣпости Бѣлой потерпѣлъ неудачу. Угрожаемый въ то же время со стороны Турціи, онъ предложилъ миръ, который и былъ заключенъ на рѣкѣ Поляновкѣ (1634 г.). Этимъ миромъ подтверждены были статьи Деулинскаго договора; кромѣ того Русскіе заплатили 20,000 рублей, а Владиславъ отказался отъ своихъ правъ на Московскій престолъ.

Въ концѣ Михаилова царствованія Россія едва не вступила въ борьбу съ Турками. Поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ служили съ одной стороны безпрерывные набѣги Крымскихъ Татаръ на московскія украины, откуда они уводили множество плѣнныхъ и продавали ихъ потомъ на азіатскихъ рынкахъ. Напрасно московское правительство старалось удержать Крымцевъ подарками („поминками"), которые почти ежегодно посылало хану и его главнымъ мурзамъ: тщетно просило оно и турецкаго султана, чтобъ онъ запретилъ Татарамъ набѣги. Съ другой стороны и султанъ также тщетно требовалъ отъ московскаго правительства, чтобы оно не допускало Донскихъ казаковъ выходить въ Черное море и грабить турецкіе берега.

Не довольствуясь одною мелкою войной, казаки взяли сильную турецкую крѣпость Азовъ и геройски отразили войска, пришедшія на выручку крѣпости. Предвидя, что непріятель возвратится еще съ большими силами и что имъ однимъ невозможно будетъ бороться долгое время, казаки отправили посольство въ Москву бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ Азовъ „подъ свою высокую руку" и прислалъ бы имъ помощь. Московское правительство понимало, что, владѣя Азовомъ, оно легче могло удержать Татаръ отъ набѣговъ; но занятіе этого города вело за собою неизбѣжную и трудную войну съ могущественнымъ турецкимъ султаномъ, для чего потребны были большія военныя силы и

[5]) Обвиненіе въ измѣнѣ по всей вѣроятности ложное; бояре ненавидѣли Шеина за его надменность и воспользовались случаемъ ему отомстить. Надменность свою онъ вполнѣ выказалъ передъ Смоленскимъ походомъ. Когда государь отпускалъ его въ походъ и давалъ ему цѣловать руку, Шеинъ съ большою гордостью высчитывалъ свои заслуги и говорилъ, что прежнею службою онъ выше всей своей братіи—бояръ, что въ то время, какъ онъ служилъ, многіе бояре „по запечью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя".

огромныя издержки. Чтобы рѣшить этотъ важный вопросъ, царь созвалъ великую земскую думу (1642 г.).

Великая земская дума состояла изъ высшаго духовенства, думныхъ людей и выборныхъ отъ разныхъ сословій государства; число выборныхъ на этотъ разъ простиралось до 192 (тутъ были: стольники, московскіе дворяне, дьяки, стрѣлецкіе головы, жильцы, дворяне и дѣти боярскіе изъ 42 провинціальныхъ городовъ, торговыя сотни и посадскіе люди). 3 января они собрались въ «Столовой избѣ», и здѣсь думный дьякъ Лихачевъ отъ имени царя предложилъ имъ на обсужденіе Азовскій вопросъ, раздѣленный на два пункта: 1) принять ли Азовъ отъ казаковъ, и 2) если принять, будетъ война съ Турками; въ такомъ случаѣ, гдѣ взять для нея запасовъ и денегъ? На этотъ вопросъ потомъ каждое сословіе отдѣльно давало письменные отвѣты. Предоставляя рѣшеніе дѣла на государеву волю, всѣ сословія изъявили готовность, по мѣрѣ своихъ средствъ, жертвовать на военныя издержки. Служилые люди охотно вызывались идти противъ «нечестивыхъ бусурманъ» и предлагали государю сдѣлать чрезвычайный сборъ денегъ съ духовенства, монастырскихъ вотчинъ, съ торговыхъ и приказныхъ людей; но въ то же время они жаловались на свою бѣдность и на разные государственные безпорядки. Такъ дворяне и дѣти боярскіе сѣверныхъ городовъ указывали на лихоимство дьяковъ и подъячихъ; по ихъ словамъ, приказные люди, разбогатѣвъ взятками, накупили себѣ много вотчинъ и построили прекрасные каменные дома («палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя»), которыхъ въ прежнее время и у знатныхъ людей не было. Дворяне и дѣти боярскіе южныхъ городовъ жаловались, что они хуже, нежели отъ турецкихъ и крымскихъ бусурманъ, разорены отъ московскихъ несправедливыхъ судовъ («отъ московской волокиты»). Торговые люди указывали на свое разореніе, причиненное многочисленными поборами въ прежнее военное время, соперничествомъ (въ торговлѣ) Нѣмцевъ и Персіанъ и всевозможными притѣсненіями. Сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ говорили, что тяглые люди «обнищали» отъ великихъ пожаровъ, отъ царской службы (въ цѣловальникахъ), отъ тяжкихъ податей и повинностей [6]).

Изъ отвѣтовъ выборныхъ людей ясно было, что государство еще находится въ разстроенномъ состояніи и имѣетъ слишкомъ мало средствъ для борьбы съ Турками; при томъ же посланные осматривать Азовъ донесли, что укрѣпленія его всѣ разбиты. Тогда царь велѣлъ казакамъ его оставить; казаки послушались и, уходя, окончательно разорили городъ.

[6]) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, изданныхъ графомъ Румянцовымъ. Часть 3.

Михаилъ Θеодоровичъ былъ женатъ два раза, и отъ второй его супруги Евдокіи Стрѣшневой онъ имѣлъ сына Алексѣя. 12 іюня 1645 г. государь скончался: одинъ приближенный бояринъ (Никита Ивановичъ Романовъ), вышедъ изъ царской спальни, возвѣстилъ о его кончинѣ, и первый присягнулъ шестнадцатилѣтнему царевичу Алексѣю; примѣру боярина послѣдовали всѣ придворные чины, потомъ присягнула Москва, за ней вся Россія.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ. 1645—1676.

Морозовъ и внутреннія смуты. Характеромъ своимъ молодой государь во многомъ напоминалъ добродушнаго отца, и первое время своего царствованія нуждался въ руководителяхъ. Воспитатель Алексѣя, бояринъ Морозовъ, пользуясь привязанностію и полною довѣренностію своего воспитанника, не замедлилъ пріобрѣсти исключительное вліяніе на управленіе государствомъ. Спустя три года послѣ своего воцаренія, Алексѣй вступилъ въ бракъ съ дочерью стольника Милославскаго; а Морозовъ вслѣдъ затѣмъ женился на ея сестрѣ [7]).

Внутреннее состояніе Московскаго государства все еще носило на себѣ слѣды Смутной эпохи, и бѣдствія, на которыя жаловались выборные люди 1642 года, продолжались; народъ страдалъ подъ тяжестью налоговъ и повинностей, все болѣе и болѣе возраставшихъ; такъ, между прочимъ, наложена была новая пошлина на соль—одинъ изъ предметовъ первой необходимости. Налоги эти вмѣстѣ съ притѣсненіями приказныхъ людей произвели сильное народное неудовольствіе, которое разрѣшилось наконецъ открытымъ мятежомъ московской черни (лѣтомъ 1648 года).

---

7) Выборъ царской невѣсты между дочерьми боярскими и дворянскими былъ всегда важнымъ вопросомъ при Московскомъ дворѣ, потому что вмѣстѣ съ невѣстою приближался къ престолу и весь ея родъ, часто весьма незначительный до того времени. Поэтому женитьба царя рѣдко обходилась безъ разныхъ происковъ и хитростей. Такъ, первая невѣста Михаила Θеодоровича, дѣвица Хлопова, будучи уже взята во дворецъ, вдругъ послѣ одного желудочнаго припадка объявлена неизлѣчимо больною, за что ее вмѣстѣ съ родными сослали въ Сибирь. Впослѣдствіи патріархъ Филаретъ изслѣдовалъ это дѣло, и тутъ обнаружились происки приближенныхъ къ царю бояръ Салтыковыхъ. То же несчастіе случилось и съ первою невѣстою Алексѣя: изъ 200 дѣвицъ выборъ его палъ на дочь дворянина Всеволожскаго; узнавъ о своемъ счастіи, дѣвушка отъ сильнаго волненія упала въ обморокъ; ее обвинили въ падучей болѣзни и вмѣстѣ съ родными отправили въ Сибирь. По другому извѣстію, Всеволожскую испортили изъ зависти жившія во дворцѣ боярыни.

Тѣ, которые терпѣли отъ лихоимства приказныхъ людей, нѣсколько разъ подавали боярамъ жалобы для передачи царю; но жалобы ихъ до царя не достигали. Выведенный изъ терпѣнія, народъ подня́лъ мятежъ, умертвилъ двухъ нелюбимыхъ чиновниковъ (окольничаго Плещеева и думнаго дьяка Чистаго), разграбилъ домъ правителя Морозова и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ. На другой день въ Москвѣ вспыхнулъ страшный пожаръ; за нимъ послѣдовало опять возмущеніе. Мятежники потребовали выдачи самого правителя, который скрылся во дворцѣ. Пришелъ наемный нѣмецкій отрядъ и расположился стражею вокругъ дворца. Тогда на площадь выѣхалъ двоюродный царскій дядя Никита Ивановичъ Романовъ, болѣе другихъ вельможъ любимый народомъ; держа въ рукахъ свою боярскую шапку, онъ уговаривалъ толпу разойтись, обѣщая отъ имени царя исполненіе народныхъ желаній. Толпа послушалась. Морозова царь поспѣшилъ спасти, отославъ его тайно на сохраненіе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Когда волненіе успокоилось и мѣста ненавистныхъ чиновниковъ заняли люди, слывшіе добрыми и угодными народу, царь однажды во время крестнаго хода обратился къ толпѣ съ рѣчью. Онъ изъявилъ сожалѣніе о притѣсненіяхъ, которыя дѣлались его именемъ, но безъ его вѣдома; обѣщалъ понизить цѣну на соль, уничтожить монополіи; а въ заключеніе со слезами на глазахъ просилъ не требовать Морозова, его воспитателя и второго отца. Умиленный народъ отвѣчалъ восклицаніями: «да здравствуетъ государь на многія лѣта! да будетъ воля Божія и государева!» Морозовъ воротился въ Москву; не занимая болѣе мѣста правителя, онъ продолжалъ еще нѣкоторое время быть совѣтникомъ Алексѣя, и, говорятъ, успѣлъ даже заслужить народное расположеніе [8]).

Законодательство, экономическія мѣры и финансовыя затрудненія. Когда затихъ мятежъ Московской черни, вызванный дурнымъ управленіемъ Морозова и притѣсненіями приказныхъ людей, государь, по совѣту съ высшимъ духовен-

---

[8]) Спустя два года послѣ московскихъ событій, вспыхнулъ мятежъ въ древнихъ вѣчевыхъ городахъ, въ Новгородѣ и Псковѣ. Новгородцы бросились на нѣмецкихъ купцовъ, ограбили ихъ и заключили въ тюрьму; однако здѣсь мятежъ скоро былъ укрощенъ твердостію митрополита Никона. Митрополитъ при этомъ случаѣ подвергся даже побоямъ и поруганію; но до тѣхъ поръ не переставалъ уговаривать мятежниковъ, пока они не смирились и не выдали главныхъ зачинщиковъ. Возмущеніе во Псковѣ продолжалось долѣе и было усмирено только при помощи военной силы. Здѣсь поводомъ къ мятежу послужило слѣдующее обстоятельство. Москва обязалась заплатить Шведамъ значительную сумму денегъ (191,000 руб.) за тѣхъ переселенцевъ, которые перешли въ Россію изъ областей, уступленныхъ Шведамъ по Столбовскому миру. Часть суммы положено было уплатить хлѣбомъ, и когда правительство велѣло отпустить Шведамъ 11,000 четвертей хлѣба изъ псковскихъ житницъ, граждане возмутились и умертвили многихъ нелюбимыхъ чиновниковъ.

ствомъ и думными людьми, приступилъ къ слѣдующей законодательной мѣрѣ. Онъ велѣлъ выписать разныя статьи изъ отцовъ церкви, законовъ греческихъ царей и изъ Литовскаго статута; потомъ собрать указы русскихъ государей и боярскіе приговоры, и, свѣривъ съ ними прежніе судебники, исправить ихъ и пополнить недостающими статьями. Новый сводъ статей названъ Соборнымъ Уложеніемъ: для утвержденія его былъ созванъ царемъ земскій соборъ изъ выборныхъ людей отъ разныхъ сословій. Выборные люди собрались въ „Отвѣтной палатѣ“ подъ предсѣдательствомъ князя Юрія Долгорукаго. Здѣсь имъ прочли Уложеніе, составленное московскими боярами и дьяками, и дали всѣмъ подписать (1649 г.) [9]).

Въ одинъ годъ съ изданіемъ Уложенія совершилась важная мѣра относительно внѣшней торговли. Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ русскіе купцы жаловались на привилегіи, данныя Англичанамъ: послѣдніе, владѣя правомъ безпошлинной торговли и огромными капиталами, захватили въ свои руки почти всѣ главные коммерческіе обороты, такъ что русскимъ купцамъ оставалась только мелочная торговля. Алексѣй Михайловичъ наконецъ внялъ этимъ жалобамъ: онъ воспользовался смутнымъ временемъ въ Англіи (гдѣ происходила тогда революція) и выдалъ указъ, по которому англійскіе купцы высылались изъ внутреннихъ областей государства: имъ позволено было приставать только въ Архангельскѣ и тамъ производить торговлю съ платою обыкновенной пошлины. Въ числѣ причинъ, побудившихъ къ такому указу, упомянуты слѣдующія злоупотребленія; тайный провозъ въ Россію табаку и другихъ запрещенныхъ товаровъ, равно вывозъ изъ Россіи заповѣдныхъ товаровъ (напр. шелку сырцу), и

[9]) Составленіе этого свода поручено было тремъ боярамъ (князьямъ: Одоевскому, Прозоровскому, Волконскому) и двумъ дьякамъ (Леонтьеву и Грибоѣдову). Подлинный списокъ Уложенія подписанъ 315 членами собора. Оно раздѣлено на 26 главъ и на 967 статей. Вотъ нѣкоторыя заглавія: о богохульныхъ церковныхъ мятежникахъ, о государской чести и какъ его государское здравіе оберегати, о службѣ всякихъ ратныхъ людей, о судѣ, о помѣстныхъ земляхъ, о вотчинахъ и т. д. Уложеніе сравнительно съ судебниками представляетъ дальнѣйшее развитіе московскаго самодержавія и государственнаго значенія греческой церкви. Самыя тяжкія наказанія назначены за оскорбленіе церкви, за оскорбленіе царскаго имени и за умыселъ противъ государя („государево слово и дѣло“).

наконецъ большое злое дѣло: „короля своего Карлуса убили до смерти“.

Этотъ указъ не остался безъ нѣкотораго вліянія на послѣдующія за тѣмъ финансовыя затрудненія. Съ удаленіемъ Англичанъ изъ внутреннихъ городовъ приливъ иностраннаго серебра въ Россію значительно уменьшился, а начавшіяся вскорѣ войны съ Польшею потребовали большихъ усилій и огромныхъ издержекъ со стороны государства [10]). Когда недостатокъ серебряной монеты сдѣлался весьма ощутителенъ, царь, по совѣту окольничаго Ртищева, приказалъ чеканить мѣдныя копѣйки, которыя должны были ходить въ равной цѣнѣ съ серебряными (1655 г.). Сначала эта мѣра удалась; мѣдная и серебряная монета ходила по равной цѣнѣ, потому что обмѣнъ одной на другую совершался безпрепятственно. Но монетнымъ дѣломъ завѣдывали люди невѣжественные и корыстолюбивые, именно тесть царя Милославскій съ своими родственниками; они начали собирать всѣ серебряныя деньги въ казну, а въ выпускѣ мѣдныхъ не соблюдали никакой умѣренности; сюда не замедлило присоединиться и большое количество поддѣльной монеты. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ безпорядковъ было весьма быстрое пониженіе въ цѣнѣ мѣдныхъ копѣекъ сравнительно съ серебряными, такъ что въ теченіи пяти лѣтъ первыя сдѣлались въ пятнадцать разъ дешевле послѣднихъ. Зло не прекращалось, несмотря на строгія наказанія фальшивыхъ монетчиковъ (имъ заливали горло растопленнымъ металломъ). Необходимые припасы и всѣ товары сдѣлались страшно дороги; отъ этой дороговизны болѣе всего терпѣли люди служилые, которые получали жалованье монетою по ея номинальной цѣнѣ; государству угрожало всеобщее разореніе. Въ народѣ поднялся сильный ропотъ, который перешелъ наконецъ въ открытый мятежъ. Московская чернь бросилась въ село Коломенское (любимое лѣтнее мѣстопребываніе Алексѣя Михайловича) и потребовала отъ царя выдачи нѣкоторыхъ ненавистныхъ бояръ (Милославскихъ, Ртищева и др.). Царь велѣлъ окружавшимъ его стольникамъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и подоспѣвшему отряду стрѣльцовъ ударить на толпы мятежниковъ; часть ихъ была избита или захвачена, остальные разсѣялись въ бѣгствѣ (1662 г.) Вслѣдъ затѣмъ вышелъ указъ, которымъ мѣдныя деньги отмѣ-

[10]) Московское государство почти не имѣло собственныхъ драгоцѣнныхъ металловъ, потому что не было людей, которые умѣли бы отыскивать и разрабатывать руды; главный матеріалъ для выпуска звонкой монеты доставляла торговля съ иностранцами. Иноземные купцы (англійскіе, голландскіе, ганзейскіе) вмѣстѣ съ товарами обязывались привозить и серебро въ разныхъ видахъ, т.-е. монетою и слитками; пошлина съ товаровъ собиралась также серебряными деньгами. Все это серебро московское правительство перечеканивало въ русскую монету съ значительною для себя выгодою; напримѣръ, голландскій ефимокъ принимался въ казну за 42 копѣйки, а перечеканенный ходилъ за 64 копѣйки.

нялись и всѣ уплаты приказано производить прежнею серебряною монетою. Но государство не скоро могло оправиться отъ сильнаго финансоваго разстройства.

Разинъ, казацкое и крестьянское движеніе. Вообще царствованіе Алексѣя Михайловича, кромѣ внѣшнихъ войнъ, обильно разными мятежами внутри государства. Правительство легко усмиряло отдѣльныя попытки нѣкоторыхъ городовъ; побѣда же надъ казацкимъ движеніемъ требовала значительныхъ усилій [11]).

Въ XVII столѣтіи казачество охватило уже всю юго-восточную полосу Россіи отъ береговъ южнаго Буга до Яика, перешло за Яикъ и проникло въ отдаленную Сибирь; центромъ его въ Московской Руси была равнина рѣки Дона. Въ царствованіе Михаила Θеодоровича Донскіе казаки окончательно признали надъ собою власть Москвы, обѣщая прекратить свои разбои и нападенія на сосѣдей; но подобныя обѣщанія исполнялись весьма рѣдко. На Дону, какъ и въ Малой Россіи, казацкое сословіе распадалось на двѣ главныя партіи: казаковъ зажиточныхъ или „домовитыхъ" и бѣдныхъ или „голутвенныхъ" (голь). Между тѣмъ какъ первые были наклонны болѣе къ сохраненію порядка и къ повиновенію московскому правительству, вторые составляли толпу людей безпокойныхъ, всегда искавшихъ случая погулять на чужой счетъ („добыть себѣ зипуновъ", какъ они выражались). Число голутвенныхъ постоянно увеличивалось отъ прилива бѣглыхъ холоней, крестьянъ и посадскихъ людей Московскаго государства. Донъ не выдавалъ назадъ подобныхъ бѣглецовъ, и, приставши къ какой нибудь станицѣ, они считались уже вольными казаками. Вся эта голутвенная вольница ожидала только достойнаго предводителя, чтобы собраться вокругъ него для разбоя и для войны съ государствомъ. Такой предводитель явился въ лицѣ простого казака Степана Разина.

Говорятъ, ненависть къ московскому правительству и жажда мести зародились въ душѣ Разина во время войны съ Польшей, когда стар-

[11]) Мятежи XVII столѣтія считаются нѣкоторыми за отголосокъ смутной эпохи; но большею частію въ нихъ можно видѣть продолженіе борьбы между старыми удѣльно-вѣчевыми обычаями и московскимъ государственнымъ порядкомъ, который все болѣе и болѣе проникалъ въ народную жизнь и водворялъ правительственную *централизацію*.

шій его братъ за нарушеніе военной дисциплины погибъ на виселицѣ по приказанію воеводы Долгорукаго. Своею дикою, неукротимою энергіей и физическою силой Стенька Разинъ рѣзко выдавался изъ толпы товарищей; ему не трудно было собрать шайку изъ нѣсколькихъ сотъ подобныхъ себѣ удальцовъ. Онъ бросился на Волгу, разбилъ караванъ судовъ, плывшій въ Астрахань съ разными припасами и товарами, и пробрался на Яикъ, гдѣ шайка его быстро увеличилась новыми охотниками (1667 г.). Отсюда казаки Каспійскимъ моремъ поплыли на югъ, разгромили берега Персіи и съ богатою добычей пришли къ устью Волги. Астраханскій воевода объявилъ атаману, что государь прощаетъ казаковъ и позволяетъ имъ спокойно воротиться назадъ, если они выдадутъ персидскихъ плѣнниковъ вмѣстѣ съ служилыми людьми и пушками, захваченными по городамъ и царскимъ судамъ. Разинъ принялъ это предложеніе и принесъ повинную; впрочемъ, далеко не выполнилъ всѣхъ условій. Когда же онъ воротился на Донъ, слава о его подвигахъ и богатствахъ, награбленныхъ казаками, со всѣхъ сторонъ привлекла къ нему голутвенныхъ людей, въ числѣ другихъ явились и многіе Запорожцы. Своимъ привѣтливымъ обращеніемъ атаманъ умѣлъ снискать чрезвычайное расположеніе толпы и скоро увидѣлъ себя во главѣ значительнаго войска.

Разглашая повсюду, что идетъ противъ нелюбимыхъ московскихъ бояръ, Разинъ лѣтомъ 1670 года опять появился на Волгѣ, взялъ Царицынъ и двинулся на Астрахань. Здѣсь стрѣльцы и чернь перешли на сторону казаковъ, такъ что этотъ важный городъ былъ взятъ почти безъ боя. Начальники и лучшіе люди большею частію перебиты, имущество ихъ и купеческія лавки разграблены, а жители астраханскіе присоединились къ войску Разина и получили казацкое устройство. Отсюда атаманъ двинулся вверхъ по Волгѣ и взялъ Саратовъ, Самару и пошелъ далѣе, распуская слухъ, будто при немъ находится царевичъ Алексѣй (незадолго умершій) и патріархъ Никонъ (лишенный сана). Приверженцы Разина разсѣялись по областямъ Московскаго государства и подстрекали простой народъ къ возстанію противъ бояръ и приказныхъ людей, обѣщая всѣмъ казацкую вольность. Мятежъ быстро охватилъ пространство между Окою и Волгою; крестьяне убивали помѣщиковъ, въ городахъ чернь свирѣпствовала противъ лучшихъ людей, возмутились и приволжскіе инородцы (Черемисы, Чуваши, Мордва, Татары). Силы Разина достигли огромныхъ размѣровъ. *Но достаточно было одной неудачи, чтобы исчезло довѣріе народа къ дѣлу ка-*

заковъ, чтобы обнаружилась для нихъ вся невозможность побѣдить окрѣпшій государственный порядокъ. Подъ Симбирскомъ Стенька потерпѣлъ пораженіе отъ князя Барятинскаго, у котораго часть войска была обучена европейскому строю: тогда Разинъ, оставивъ крестьянъ на жертву воеводамъ, бѣжалъ съ казаками на родину и пытался поднять весь Донъ. Но здѣсь главный атаманъ Донского войска Яковлевъ, съ помощью домовитыхъ казаковъ, схватилъ Разина и отослалъ его въ Москву для казни (1671 г.).

Между тѣмъ царскіе воеводы, послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ побѣдъ надъ толпами крестьянъ и инородцевъ, успѣли подавить возстаніе внутри государства. Только въ Астрахани нѣкоторое время еще свирѣпствовала казацкая шайка подъ начальствомъ атамана Васьки Уса, который, въ числѣ другихъ злодѣйствъ, подвергъ пыткѣ астраханскаго митрополита Іосифа и велѣлъ сбросить его съ колокольни. Но скоро Астрахань также сдалась московскимъ воеводамъ, и главные мятежники были казнены.

Патріархъ Никонъ и дѣла церковныя. Никонъ, въ міру Никита, былъ сынъ одного крестьянина Нижегородской области (мордовскаго происхожденія) и родился въ началѣ Смутнаго времени. Съ дѣтства онъ уже показалъ присутствіе сильной воли, необыкновенныя способности и наклонность къ монашеской жизни. Мальчикъ выучился грамотѣ, что было рѣдкостью въ крестьянскомъ быту; но гоненія, которыя онъ терпѣлъ въ своей семьѣ отъ мачихи, не остались безъ дурного вліянія на его характеръ. По просьбѣ родственниковъ Никита женился, а грамотность доставила ему мѣсто священника. Проживъ 10 лѣтъ съ женою и потерявъ всѣхъ дѣтей, Никита убѣдилъ жену вступить въ монастырь, а самъ ушелъ въ скиты на Бѣлое море и тамъ постригся. Слава о его умѣ и строгой иноческой жизни скоро достигла Москвы: набожный Алексѣй Михайловичъ перевелъ Никона архимандритомъ въ одинъ изъ московскихъ монастырей, часто призывалъ его во дворецъ для бесѣды и вообще началъ оказывать ему большое довѣріе. Скоро Никонъ былъ посвященъ митрополитомъ въ Новгородъ, гдѣ не ограничился церковнымъ управленіемъ, но пріобрѣлъ вліяніе и на дѣла гражданскія; а уваженіе къ нему царя еще болѣе усилилось

послѣ извѣстнаго новгородскаго мятежа, который былъ усмиренъ твердостью митрополита. Когда же въ Москвѣ скончался патріархъ Іосифъ, престолъ патріаршій предложили Никону; онъ отвѣчалъ отказомъ на это предложеніе. Въ Успенскомъ соборѣ царь и окружавшіе его со слезами умоляли митрополита не отказываться. Послѣдній, обратясь къ боярамъ и народу, спросилъ: „будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца и дадутъ ли ему устроить церковь?“ Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ. Тогда Никонъ согласился и былъ посвященъ (1652 г.).

Царь вполнѣ подчинился вліянію новаго патріарха, оказывалъ ему неограниченое довѣріе, а во время своихъ отлучекъ поручалъ управленіе почти всѣмъ государствомъ. Подобно отцу Михаила Феодоровича, Никонъ въ грамотахъ сталъ писаться „великимъ государемъ“. *Изъ церковныхъ его дѣлъ самое важное по своимъ послѣдствіямъ было исправленіе богослужебныхъ книгъ.*

Съ теченіемъ времени отъ невѣжественныхъ переписчиковъ въ церковныя рукописи вкралось множество ошибокъ. Когда же въ Московскомъ государствѣ появилось книгопечатаніе, то ошибки рукописей перешли и въ печатныя книги, а вмѣстѣ съ ошибками вкрались въ нихъ и разныя мнѣнія, несогласныя съ церковными уставами [12]). Въ царствованіе Михаила Феодоровича приступили къ исправленію ошибокъ и поручили это дѣло сначала Діонисію, знаменитому архиманд-

[12]) Напримѣръ: Іисусъ надобно писать Ісусъ, служить обѣдню на семи просфорахъ, а не на пяти; складывать два пальца, а не три при крестномъ знаменіи; не брить бороды и усовъ, и т. п. Впрочемъ эти, мелкія несогласія для многихъ служили не главною цѣлію, а только поводомъ выразить свое недовольство противъ начинавшагося вліянія западной или латинской цивилизаціи.

Начало книгопечатанія въ Московскомъ государствѣ относится къ царствованію Іоанна IV. Именно два мастера изъ Западной Россіи, Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ, завели въ Москвѣ первую типографію въ 1553 г. и первая книга, которую они напечатали, была „Дѣянія апостольскія“. Въ 1565 г., Федоровъ и Мстиславецъ, обвиненные въ ереси, должны были спасаться бѣгствомъ; обвинителями были преимущественно переписчики, очень недовольные подрывомъ ихъ промысла. Но книгопечатаніе уже успѣло утвердиться въ Москвѣ.

Упомянутые два мастера удалились въ Западную Россію и нѣкоторое время печатали церковныя книги въ мѣстечкѣ Заблудовѣ (теперь Гродн. губ.) у пана Ходкевича; потомъ Мстиславецъ работалъ въ Вильнѣ въ русской типографіи Мамоничей, а Федоровъ въ Острогѣ у Константина Острожскаго.

риту Троицкой Лавры, съ нѣсколькими монахами. Но за свои исправленія онъ обвиненъ въ ереси, подвергнутъ истязаніямъ вмѣстѣ съ товарищами и заточенъ. А дѣло исправленія перешло въ руки другихъ людей, которые сами держались упомянутыхъ мнѣній и вносили ихъ въ новыя печатныя изданія. Для обсужденія возникшаго отсюда вопроса, Никонъ созвалъ духовный соборъ (1654 г.). Рѣшено было исправить книги по старымъ рукописямъ, которыя съ этою цѣлью были собраны въ Москвѣ въ большомъ количествѣ. Исправленныя и вновь изданныя богослужебныя книги разсылались по церквамъ, а книги прежнихъ изданій Никонъ приказывалъ вездѣ отбирать. Противъ этой мѣры возстала часть духовенства, не любившая Никона за его строгость, и начала смущать народъ разсказами о томъ, будто бы патріархъ вводитъ разныя еретическія новости и нарушаетъ вѣру. Люди, приверженные къ буквѣ устава, къ внѣшнимъ обрядамъ, стали сильно роптать на патріарха; а жестокія наказанія, которымъ суровый Никонъ подвергалъ непослушныхъ ему священнослужителей, дѣлали ихъ мучениками въ глазахъ толпы. Съ того времени книги, напечатанныя при патріархѣ Іосифѣ, или старыя, получили священное значеніе для людей, недовольныхъ исправленіемъ (они тщательно сохраняли эти книги и думали, что только по нимъ надобно молиться, а Никона уподобляли антихристу). Такіе люди получили названіе старовѣровъ или раскольниковъ. Главными двигателями раскола были попы Лазарь и Никита Пустосвятъ, дьяконъ Ѳедоръ и въ особенности протопопъ Аввакумъ, отличавшійся большою начитанностью и смѣлымъ, энергическимъ характеромъ. Его многочисленныя сочиненія, написанныя живымъ, сильнымъ языкомъ, имѣли большой успѣхъ въ народѣ.

Вооружая противъ себя многочисленную партію въ духовенствѣ и народѣ, патріархъ скоро возбудилъ къ себѣ вражду и въ боярскомъ сословіи. Онъ слишкомъ неумѣренно пользовался вліяніемъ на царя и хотѣлъ обратить въ свое неотъемлемое право то государственное значеніе, которымъ былъ обязанъ только личному расположенію Алексѣя Михайловича: онъ стремился, повидимому, самую свѣтскую власть поставить въ зависимость отъ духовной. Но такое стрем-

леніе не могло имѣть успѣха въ Московскомъ государствѣ— при полномъ развитіи царскаго самодержавія. Раздраженные высокомѣрнымъ обращеніемъ и требованіемъ совершенной покорности, многіе бояре возненавидѣли Никона и старались ослабить расположеніе къ нему царя. Усилія бояръ увѣнчались успѣхомъ тѣмъ скорѣе, что Никонъ пренебрегалъ ихъ мелкими интригами; а главное—царь самъ началъ уже тяготиться своею зависимостью отъ неуступчиваго патріарха. Въ отношеніяхъ Алексѣя Михайловича къ Никону не замедлило обнаружиться охлажденіе; за нимъ послѣдовалъ открытый разрывъ, вслѣдствіе котораго патріархъ самовольно оставилъ свою паству.

Однажды при дворѣ угощали грузинскаго царя Теймураса, и, противъ обыкновенія, не пригласили Никона (1658 г.). Послѣдній послалъ спросить о причинѣ; бояринъ Хитрово выгналъ посланнаго изъ дворца и ударилъ его палкою. Раздраженный патріархъ сначала потребовалъ удовлетворенія письменно, но не могъ добиться никакого положительнаго отвѣта. Онъ хотѣлъ лично объясниться съ царемъ во время выхода къ обѣднѣ, но пришелъ бояринъ Ромодановскій и объявилъ, что государь не будетъ; при этомъ случаѣ патріархъ побранился съ бояриномъ, который упрекнулъ его въ гордости. Тогда Никонъ далъ полную волю своему гнѣву. Послѣ обѣдни онъ громко объявилъ народу, что больше не патріархъ Московскій, поставилъ свой посохъ къ иконѣ Владимірской Богоматери, надѣлъ простое монашеское платье и тутъ же, въ ризницѣ, написалъ къ царю письмо, въ которомъ просилъ назначить ему келію для жительства. Въ ожиданіи отвѣта онъ сѣлъ на ступени амвона. Два раза приходилъ отъ царя бояринъ Трубецкой увѣщевать патріарха, но напрасно; бояринъ пришелъ въ третій разъ и объявилъ Никону, что государь предоставляетъ на его собственную волю избрать себѣ мѣсто для жительства. Никонъ, повидимому, надѣялся, что Алексѣй Михайловичъ самъ придетъ уговаривать своего друга, и никакъ не ожидалъ подобнаго отвѣта. Въ сопровожденіи большой толпы народа онъ отправился пѣшкомъ изъ собора на Воскресенское подворье, а оттуда уѣхалъ немедленно въ свой любимый Воскресенскій монастырь, извѣстный болѣе подъ именемъ Новаго Іерусалима.

Государь однако не скоро рѣшился покончить съ своимъ бывшимъ другомъ, и нѣсколько лѣтъ еще продолжалась ихъ распря, которую бояре усердно старались поддерживать, а Никонъ имъ помогалъ своимъ упрямствомъ. Наконецъ, состоялся духовный соборъ подъ предсѣдательствомъ двухъ

восточныхъ патріарховъ (Александрійскаго и Антіохійскаго); Никонъ былъ осужденъ; его лишили сана и сослали въ заточеніе въ Бѣлозерскій Ѳерапонтовъ монастырь (1666 г.). Послѣ своего паденія онъ однако не смирился духомъ и до самой смерти оставался вѣренъ своему характеру.

Книги, исправленныя Никономъ, были одобрены на томъ же соборѣ, который низложилъ его съ патріаршаго престола. Тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстахъ священники и монахи не хотѣли принимать этихъ книгъ; а въ Соловецкомъ монастырѣ дѣло дошло до явнаго возмущенія. Противъ мятежныхъ монаховъ отправленъ былъ отрядъ стрѣльцовъ; но правительство, занятое въ то время на югѣ борьбою съ Разинымъ, не могло употребить большія силы на сѣверѣ; благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, раскольники цѣлыя восемь лѣтъ выдерживали осаду. Только въ 1676 г. воевода Мещериновъ взялъ монастырь приступомъ и перевѣшалъ главныхъ мятежниковъ.

МАЛОРОССІЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

Богданъ Хмѣльницкій и присоединеніе Малой Россіи. Въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича произошло новое и самое знаменитое возстаніе Украинскихъ казаковъ противъ польской аристократіи, которое окончилось отложеніемъ Малой Россіи отъ Польши и присоединеніемъ къ Москвѣ. Вождемъ этого возстанія явился Богданъ Хмѣльницкій, вызванный на отчаянную борьбу съ Поляками жаждою личной мести.

Зиновій Хмѣльницкій (извѣстный болѣе подъ именемъ Богдана) былъ сынъ казацкаго сотника, получилъ хорошее по тому времени образованіе и рано началъ выдвигаться изъ среды товарищей, городовыхъ казаковъ, своею храбростію и даровитостію. Онъ отличился въ битвахъ съ Татарами, Турками, Москвитянами, и занялъ мѣсто войскового писаря. Хотя Хмѣльницкій по наружности оказывалъ полную преданность Рѣчи Посполитой, однако нѣкоторые изъ пановъ, угнетавшихъ Украйну, наученные опытами прежнихъ казацкихъ мятежей, стали подозрительно смотрѣть на умнаго писаря; особенно возненавидѣлъ его чигиринскій подстароста Чаплинскій. Недалеко отъ Чигирина у Хмѣльницкаго былъ хуторъ Суботово, на который подстароста объявилъ свои притязанія. Однажды Чаплинскій съ толпою слугъ напалъ на хуторъ, пожегъ на гумнѣ хлѣбъ

и завладѣлъ женою (или невѣстою) Богдана. Хмѣльницкій принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Онъ обратился съ жалобою къ чигиринскому старостѣ (Конецпольскому) и, не получивъ отъ него никакой защиты, поѣхалъ въ Варшаву искать правосудія у польскаго сената; но судьи въ тяжбѣ шляхтича съ казакомъ по обыкновенію приняли сторону перваго. Хмѣльницкій обратился къ королю, который лично зналъ Богдана и покровительствовалъ ему. Сознавая свое безсиліе предъ сеймомъ, Владиславъ отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ (а на жалобы Хмѣльницкаго противъ утѣсненія Украйны, какъ говорятъ, замѣтилъ, что у казаковъ есть сабли). Тогда Хмѣльницкій ушелъ на Запорожье, подготовилъ тамъ возстаніе и получилъ помощь отъ Крымскаго хана. Казацкая рада выбрала Хмѣльницкаго гетманомъ и рѣшила объявить войну Полякамъ. По всей Украйнѣ началось сильное волненіе народа, который ждалъ только удобнаго случая, чтобы снова поднять оружіе противъ своихъ притѣснителей.

Первыя битвы Хмѣльницкаго съ польскими войсками (при Желтыхъ водахъ и при Корсунѣ, 1648 г.) окончились полнымъ пораженіемъ Поляковъ. Этотъ успѣхъ поднялъ всю Украйну; хлопы, составивъ множество гайдамацкихъ отрядовъ („загоновъ"), бросились грабить и разрушать господскіе замки, жечь католическія церкви и предавать мучительной смерти жидовъ-арендаторовъ. Паны принуждены были бѣгствомъ спасаться отъ ярости черни. Въ это время скончался король Владиславъ, и наступившее безкоролевье еще болѣе способствовало успѣхамъ возстанія. Когда же на престолъ былъ избранъ братъ покойнаго короля Янъ Казиміръ, онъ лично принялъ начальство надъ войскомъ; но подъ Зборовымъ (въ Галиціи) Поляки со всѣхъ сторонъ были окружены казаками и Татарами; тогда король согласился на миръ, по которому возвращались казакамъ ихъ старыя права и дарованы нѣкоторыя новыя привилегіи.

Непрочность Зборовскаго трактата скоро обнаружилась. По трактату число реестровыхъ казаковъ ограничено въ 40.000; всѣ же остальные хлопы, приставшіе къ войску, должны были воротиться въ крѣпостное состояніе и опять работать на тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ они только-что прогнали изъ своей земли. Когда гетманъ попытался строгими мѣрами привести въ исполненіе эту статью, на Украйнѣ обнаружилось противъ него сильное неудовольствіе черни, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ своей попытки. Съ другой стороны, и Поляки не исполнили нѣкоторыхъ условій

договора: такъ, напримѣръ, они не дали Кіевскому митрополиту мѣста въ сенатѣ. Хмѣльницкій опять призвалъ на помощь Крымскаго хана и началъ новую войну; на этотъ разъ она была для него неудачна. Янъ-Казиміръ собралъ поголовное шляхетское ополченіе („посполитое рушенье“); въ сраженіи подъ Берестечкомъ ханъ внезапно покинулъ казаковъ, и они потерпѣли совершенное пораженіе. При Бѣлой Церкви заключенъ былъ новый миръ, по которому число реестровыхъ казаковъ уменьшено до 20.000. Положеніе Малой Россіи опять сдѣлалось такое же, какъ было до возстанія. Казаки и въ особенности крестьяне цѣлыми толпами устремились въ сосѣднюю Московскую украйну, гдѣ пустынныя дотолѣ пространства въ скоромъ времени заселены были малороссійскими колоніями и слободами, каковы: Ахтырка, Сумы, Изюмъ, Харьковъ и др. (Слободская Украйна).

Видя невозможность одними собственными силами бороться съ Польшею Хмѣльницкій еще въ началѣ возстанія вошелъ въ переговоры съ Московскимъ дворомъ и просилъ царя принять Малороссію подъ свое покровительство. Послѣ Бѣлоцерковскаго трактата онъ съ большею настойчивостью возобновилъ свои просьбы, говоря, что къ крайнемъ случаѣ готовъ даже поддаться турецкому султану. Московское правительство сначала приняло на себя роль посредника между казаками и Польшею и потребовало подтвержденія Зборовскаго договора; но Поляки отвергли это требованіе. Кромѣ того, постояннымъ поводомъ къ неудовольствію между Москвою и Польшею служило „умаленіе“ царскаго титула со стороны польскихъ пограничныхъ начальниковъ. Для обсужденія Польскаго и Малороссійскаго вопроса, Алексѣй Михайловичъ собралъ земскую думу (1653 г.). На соборѣ рѣшено было принять предложеніе Хмѣльницкаго и объявить войну Польшѣ. Въ слѣдующемъ году торжественное московское посольство, во главѣ котораго стоялъ бояринъ Бутурлинъ, пріѣхало въ Переяславль; здѣсь собралась общая казацкая рада и по предложенію своего гетмана присягнула на подданство Московскому царю (8 января). Вслѣдъ затѣмъ московскіе чиновники отправились по украинскимъ городамъ и привели къ присягѣ всѣ малороссійскіе полки на обѣихъ

сторонахъ Днѣпра. Главныя условія присоединенія были слѣдующія: число постояннаго войска назначено въ 60.000; казаки сами выбираютъ себѣ гетмана, который имѣетъ право принимать иностранныхъ пословъ; права городовъ и шляхты остаются прежнія; въ городахъ правители должны быть изъ Малороссіянъ, они же и собираютъ доходы.

Борьба съ сосѣдями за Малороссію. Открывшаяся война съ Польшею была весьма удачна для Москвитянъ. Алексѣй Михайловичъ выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ, лично осадилъ Смоленскъ и принудилъ его къ сдачѣ. Изъ Бѣлоруссіи Москвитяне перешли въ Литву, взяли Вильну, Ковну и Гродну; въ то же время Хмѣльницкій, подкрѣпленный царскими воеводами, напалъ на Поляковъ съ юго-востока и дошелъ до Вислы. Къ довершенію своихъ бѣдствій, Польша подверглась еще нападенію съ сѣвера, со стороны воинственнаго шведскаго короля Карла X, который завладѣлъ Познанью, взялъ самую Варшаву и Краковъ. Въ такомъ критическомъ положеніи Польша была спасена заступленіемъ Австрійскаго двора и соперничествомъ, которое возникло между Русскими и Шведами. Послы императора (Фердинанда III) подали Алексѣю Михайловичу надежду, что Поляки по смерти бездѣтнаго Казиміра изберутъ Московскаго царя на свой престолъ, и тогда Польша мирнымъ образомъ соединится съ Москвою. Царь согласился на перемиріе, удержавъ за собою Малую и Бѣлую Россію (1656 г.). Теперь онъ обратилъ свое оружіе на Шведовъ, которые становились болѣе сильными и опасными сосѣдями, нежели Поляки.

Подобно Ивану IV, Алексѣй Михайловичъ думалъ, что настало время пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря. Онъ вступилъ въ Ливонію, завоевалъ нѣсколько городовъ и осадилъ Ригу; но здѣсь Русскіе потерпѣли неудачу. Война продолжалась потомъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Между тѣмъ завязались переговоры, они окончились миромъ въ Кардисѣ (1661 г.), по которому Русскіе возвратили Шведамъ всѣ завоеванные города. Къ такой уступкѣ принудили Москву смуты въ Малороссіи и возобновившаяся Польская война.

Богданъ Хмѣльницкій съ неудовольствіемъ узналъ о пре-

кращеніи войны между Москвою и Польшею; онъ скончался, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перемирія. Въ Малороссіи немедленно наступили смуты. Главнымъ поводомъ для нихъ служило гетманское достоинство, которое зависѣло отъ свободнаго выбора казаковъ и на которое всегда являлось нѣсколько претендентовъ, каждый съ своею партіей. Да и самое соединеніе Малой Россіи съ Великою было еще непрочно; между тѣмъ какъ простые казаки и чернь тянули къ единодержавной Москвѣ, старшины казацкіе и вообще люди чиновные оказывали предпочтеніе аристократической Польшѣ.

Еще при жизни Богдана, казаки выбрали ему преемникомъ молодого сына его Юрія; но вскорѣ послѣ кончины стараго гетмана, генеральный писарь Виговскій, съ помощію преданныхъ себѣ полковниковъ, захватилъ въ свои руки гетманскую булаву [13]).

Виговскій измѣнилъ Москвѣ и тайнымъ договоромъ съ Поляками (въ Гадячѣ) обязался возвратить Польшѣ Малую Россію. Противъ него возстала значительная часть казаковъ, которые соединились съ московскими воеводами; гетманъ съ помощью Крымскаго хана разбилъ своихъ противниковъ подъ Конотопомъ (1659); но потомъ, оставленный ханомъ, принужденъ былъ бѣжать въ Польшу. Послѣ него гетманы

---

[13]) Объ этомъ разсказываютъ такимъ образомъ

Подъ видомъ дружбы съ покойнымъ гетманомъ, Виговскій научилъ Юрія Хмѣльницкаго сначала отказаться отъ гетманства и принять его только послѣ усиленныхъ просьбъ; этотъ поступокъ долженъ былъ очень понравиться казакамъ. Съ своей стороны Виговскій обѣщалъ сложить съ себя должность генеральнаго писаря, если Юрія не оставятъ гетманомъ. Назначена была казацкая рада въ Чигиринѣ; сюда съѣхались полковники, каждый съ нѣсколькими казаками отъ своего полка. Виговскій щедро угощалъ казаковъ обѣдами и горѣлкой и расположилъ ихъ къ себѣ ласковымъ обращеніемъ. Рада происходила на этотъ разъ на дворѣ у Хмѣльницкаго. Когда набралось довольно народу, ворота заперли, и большая толпа осталась еще за воротами. Юрій дѣйствительно отказался отъ прежняго избранія, положилъ на столъ знаки гетманскаго достоинства, бунчукъ и булаву, и ушелъ въ домъ. Вслѣдъ затѣмъ Виговскій отказался отъ генеральнаго писарства, поставилъ на столъ чернильницу — знакъ своей должности, и также ушелъ. Казаки закричали, что опять выбираютъ Хмѣльницкаго. Юрій продолжалъ отрекаться, ссылаясь на свою молодость и неопытность; тогда нѣкоторые доброхоты генеральнаго писаря предложили, чтобы гетманомъ остался Хмѣльницкій, а пока онъ будетъ находиться въ школѣ, войскомъ пусть командуетъ Виговскій. Послѣдній просилъ сроку для размышленія. Спустя три дня, рада возобновилась и выбрала Виговскаго „временнымъ“ гетманомъ.

быстро смѣняли одинъ другого (Юрій Хмѣльницкій, Тетеря и Брюховецкій); причемъ ясно обнаружилось раздвоеніе Малой Россіи на лѣвую и правую стороны Днѣпра: въ первой брали верхъ приверженцы Москвы, вторая тянула къ Польшѣ.

Между тѣмъ, вслѣдствіе несоблюденія Поляками мирнаго договора, Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ возобновить съ ними войну. Эта *вторая Польская война* была для него неудачна; большая часть завоеваній въ Литвѣ и Бѣлоруссія перешла опять въ руки непріятелей. Утомленныя долговременною борьбою, оба государства вступили въ переговоры, и наконецъ бояринъ Ордынъ-Нащокинъ, знаменитый московскій дипломатъ, заключилъ съ Польшею перемиріе въ деревнѣ Андрусовѣ (близъ Смоленска) на 13 лѣтъ (1667 г.). По этому перемирію за Москвою остались Смоленскъ, лѣвый берегъ Днѣпра въ Малороссіи, и кромѣ того городъ Кіевъ— на два года (но онъ послѣ не былъ возвращенъ); западная часть Украйны снова отошла къ Полякамъ.

Съ окончаніемъ Польской войны, малороссійскія смуты не прекратились. Гетманъ западной стороны, смѣлый и честолюбивый Дорошенко, захватилъ въ свои руки и восточную сторону (гдѣ жители были недовольны новыми московскими налогами); онъ задумалъ изъ Малой Россіи составить особое владѣніе и отдался подъ покровительство Турецкаго султана. Впрочемъ, на лѣвомъ берегу приверженцы Москвы вскорѣ опять взяли верхъ: они выбрали своимъ гетманомъ Самойловича; а общая опасность со стороны Турціи заставила московское и польское правительства сблизиться между собою и заключить оборонительный союзъ противъ сильнаго непріятеля. Западная сторона Днѣпра, куда султанъ два раза приходилъ съ большими силами, подверглась страшному опустошенію: только побѣды польскаго полководца Яна Собѣскаго (избраннаго на престолъ въ 1674 г.) спасли Польшу отъ совершеннаго уничиженія. Борьба съ Турками и Малороссійскій вопросъ еще не были рѣшены въ то время, когда скончался Алексѣй Михайловичъ.

Въ послѣдніе годы Алексѣя Михайловича, личнымъ расположеніемъ царя и наибольшимъ вліяніемъ при дворѣ пользовался бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, отличавшійся своимъ образованіемъ и приверженностію къ европейскимъ обычаямъ, которые тогда понемногу начали проникать въ высшее русское общество; послѣ Ордына-Нащокина онъ завѣдывалъ посольскимъ приказомъ. Его значеніе еще болѣе

увеличилось съ того времени, когда царь, потерявъ первую супругу, женился на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, которая была родственницей Матвѣеву и воспитывалась въ его домѣ.

Умирая, Алексѣй Михайловичъ оставилъ послѣ себя довольно многочисленное семейство: отъ первой супруги (Милославской) у него было два сына, Өедоръ и Іоаннъ, и нѣсколько дочерей; отъ второй—маленькій царевичъ Петръ, родившійся въ маѣ 1672 года.

ӨЕДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ. 1676—1682 г.

Новый царь былъ воспитанникъ Симеона Полоцкаго, монаха, извѣстнаго своею ученостью и своими стихотворными сочиненіями или виршами. При вступленіи на престолъ Өедоръ имѣлъ только 14 лѣтъ отъ роду; онъ отличался весьма слабымъ здоровьемъ. Родственники царя Милославскіе спѣшили воспользоваться своею силою при дворѣ, чтобы погубить Матвѣева: за приверженность къ западной наукѣ онъ былъ обвиненъ въ чернокнижіи, лишенъ имѣнія, боярскаго сана и сосланъ въ Пустозерскій острогъ. Впрочемъ главное вліяніе на государственныя дѣла изъ рукъ Милославскихъ скоро перешло къ любимцу царя боярину Языкову.

Окончаніе Малороссійскаго вопроса и приговоръ о мѣстничествѣ составляютъ самыя важныя событія этого кратковременнаго царствованія.

Въ южной части Малой Россіи продолжалъ еще держаться гетманъ Дорошенко, отдавшійся подъ покровительство Турціи. Противъ него выступили московскій воевода князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ; они такъ стѣснили Дорошенка, что онъ сдалъ Чигиринъ Русскимъ и оставилъ свои притязанія на гетманское достоинство. Турецкій султанъ, однако, не хотѣлъ отказаться отъ Украйны, и войска его вмѣстѣ съ Крымскими Татарами два раза приходили подъ Чигиринъ. Въ первый разъ Турки были разбиты Ромодановскимъ и воротились безъ успѣха; въ слѣдующій походъ они овладѣли Чигириномъ, но не могли здѣсь утвердиться. Наконецъ султанъ заключилъ въ Бахчисараѣ двѣ-

надцатилѣтнее перемиріе, вслѣдствіе котораго Украйна и Запорожье навсегда утверждались за Москвою (1681 г.)[14].

Немедленно послѣ Турецкой войны при Московскомъ дворѣ поднятъ былъ вопросъ о вредномъ обычаѣ воеводъ считаться между собою мѣстами. Напрасно Московскіе цари послѣ Іоанна IV старались ограничить мѣстничество и, отправляя войска въ походъ, строго запрещали начальникамъ входить въ родовые счеты; такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ почти всѣ походы были объявлены „безъ мѣстъ". Подобныя запрещенія мало приносили пользы, потому что зло укоренилось слишкомъ глубоко.

При Московскомъ дворѣ счетъ мѣстами подавалъ поводъ къ частымъ спорамъ. Напримѣръ, когда у царя давался обѣдъ думнымъ людямъ, то они разсаживались по степени своей знатности. Но тутъ иногда кто-либо изъ бояръ не захочетъ садиться ниже другого и начнетъ о томъ бить челомъ царю. Царь прикажетъ посадить его насильно; бояринъ бранитъ своего соперника и кричитъ, что «хотя царь ему велитъ голову отсѣчь, а подъ такимъ-то сидѣть онъ не станетъ», и спустится подъ столъ (Кошихинъ). Тогда царь приказываетъ его взять и отвести въ тюрьму. Кромѣ тюрьмы за такую вину было наказаніе батогами или кнутомъ, или споривщій бояринъ по приговору царской Думы выдавался своему сопернику головою. Обрядъ выдачи головою состоялъ въ слѣдующемъ. Приставы брали подъ руки осужденнаго за неправое мѣстничество, отводили его на дворъ счастливаго соперника, въ сопровожденіи дьяка или подъячаго, и ставили тамъ у нижняго крыльца. Когда хозяинъ выходилъ на крыльцо, то дьякъ или подъячій говорилъ, что великій государь указалъ, а бояре приговорили такого-то выдать ему головою. Хозяинъ благодарилъ за цар-

[14]) Продолжительныя войны за Украйну чрезвычайно разорили и обезлюдили Югозападную Русь. Самоилъ Величко, въ началѣ XVII вѣка, т.-е. во время войны Петра I съ Карломъ XII, проходившій съ казацкимъ войскомъ Волынь и „тогобочную" Украйну (лежавшую на западной сторонѣ Днѣпра), говоритъ въ своей лѣтописи слѣдующее:

„Я видѣлъ многіе города и замки, безлюдные и пустые валы, нѣкогда трудами людскими какъ горы и холмы насыпанные, а теперь только пріютомъ дикимъ звѣрямъ служащие. Стѣны Константинова, Бердичева, Збаража, Сокола и др., которыя встрѣтились на нашемъ походѣ, одаѣ бѣдны жителями, другія пусты, развалились, заплѣсневѣли и поросли травой; только змѣи и разные гады гнѣздятся въ нихъ. Я видѣлъ пространныя поля тогобочной Украйны, широкія долины, лѣса, обширные сады, красивыя дубровы, рѣки, пруды и озера, запустѣвшія, поросшія мхомъ и тростникомъ. Не всуе Поляки въ своихъ универсалахъ называли тогобочную Украйну раемъ Польскаго свѣта; передъ войной Хмѣльницкаго она была какъ вторая земля обѣтованная, медомъ и млекомъ кипящая. Я видѣлъ тамъ по разнымъ мѣстамъ много костей человѣческихъ, иссохшихъ, обнаженныхъ и только небо покровомъ себѣ имѣющихъ".

скую милость и отпускалъ униженнаго соперника; дьяку или подъячему давалъ при этомъ подарки; а на другой день ѣздилъ къ царю бить челомъ за его милость. *Въ дѣлѣ мѣстническихъ счетовъ бояре отличались особымъ упорствомъ потому, что это не было только ихъ личное дѣло*: уступая высшее мѣсто другому лицу, бояринъ тѣмъ уже цѣлый свой родъ признавалъ ниже рода своего соперника, и слѣдовательно обрекалъ своихъ потомковъ и родственниковъ занимать низшія мѣста по службѣ сравнительно съ потомками соперника.

Өеодоръ Алексѣевичъ поручилъ выборнымъ людямъ изъ военныхъ чиновъ, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, обсудить, какія мѣры надобно принять для улучшенія военнаго дѣла въ Россіи. Выборные люди въ числѣ другихъ преобразованій указали на необходимость уничтожить мѣстничество. Государь созвалъ соборъ изъ высшаго духовенства и членовъ боярской думы, объявилъ ему мнѣніе выборныхъ людей и предложилъ вопросъ: отмѣнить ли мѣстничество или оставить его по прежнему? Соборъ единогласно приговорилъ, что мѣстничество, какъ источникъ многихъ золъ, должно быть отмѣнено. Государь велѣлъ принести тяжебныя дѣла по мѣстничеству и предать ихъ огню въ присутствіи духовенства и бояръ. Виновнымъ противъ соборнаго приговора назначено лишеніе званія и имущества.

V. ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Царь. Во главѣ государства находился царь, самодержавный и неограниченный властитель надъ своими подданными. *Московское самодержавіе имѣетъ великое историческое значеніе*: оно сообщило политическое единство раздробленнымъ дотолѣ русскимъ областямъ и связало въ одну плотную массу племена, разсѣянныя на равнинахъ Восточной Европы; оно дало Русскому народу государственное устройство, которое помогло ему выйти побѣдителемъ изъ долгой борьбы съ восточными и западными сосѣдями, поработившими Русь удѣльно-княжескую [1]).

Вотъ какимъ образомъ иностранцы, посѣщавшіе Россію (напримѣръ, Герберштейнъ и Антоній Поссевинъ) описываютъ неограни-

[1]) Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ только Русскіе сохранили свое самобытное развитіе и выработали могущественную націю.

ченную власть московскаго государя: Русскіе увѣрены, что онъ исполнитель небесной воли: «такъ угодно Богу и Государю, вѣдаетъ Богъ и Государь», говорятъ они. Царь считаетъ своею собственностію не только области, но и все, что въ нихъ находится“ [2]) Послѣ тиранніи Ивана Грознаго бояре хотѣли воспользоваться смутнымъ временемъ, чтобы ограничить въ свою пользу царскую власть; они руководили Василіемъ Шуйскимъ и предписали условія при избраніи польскаго королевича Владислава. По нѣкоторымъ извѣстіямъ (напримѣръ Котошихина), Михаилъ Θеодоровичъ былъ также выбранъ на условіяхъ и ничего не дѣлалъ безъ боярскаго совѣта; но во время управленія отца его патріарха Филарета условія эти пришли въ забвеніе (вслѣдствіе нелюбви народа къ боярской аристократіи и предпочтенія монархическаго начала). Алексѣй Михайловичъ правилъ уже неограниченно; онъ писался „царемъ и самодержцемъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси“. Въ сношеніяхъ съ иностранными государствами московское правительство усердно заботилось о томъ, чтобы въ переговорахъ и грамотахъ вполнѣ наблюдался царскій титулъ съ подробнымъ перечисленіемъ областей. Отсюда происходили частые и долгіе споры пословъ, особенно въ сношеніяхъ съ Польшею.

Московскаго царя окружалъ многочисленный дворъ, составленный изъ людей высшихъ классовъ, которыхъ чинъ и честь зависѣли отъ большей или меньшей близости къ царской особѣ. Дворъ этотъ отличался восточною пышностью и строгимъ исполненіемъ разныхъ обрядовъ и церемоній.

Особенный почетъ, воздаваемый царскому величеству, требовалъ, чтобы ко двору приходили пѣшкомъ, оставляя лошадей и экипажи въ извѣстномъ разстояніи. Правомъ свободнаго входа во дворецъ пользовались одни только придворные чины; но и для тѣхъ, смотря по значенію каждаго, существовали извѣстныя границы. Не во всякое отдѣленіе дворца могли свободно входить всѣ пріѣзжавшіе на государевъ дворъ. Бояре, окольничіе, думные и ближніе люди пользовались въ этомъ отношеніи большими преимуществами: они могли прямо входить даже въ Верхъ, т.-е. покоевые или жилые хоромы государя. Здѣсь по обыкновенію они собирались каждый день въ Передней (палатѣ) и ожидали царскаго выхода изъ внутреннихъ комнатъ. Ближніе бояре „уждавъ время“, входили даже въ

---

[2]) Замѣчательно свидѣтельство барона Герберштейна объ усердіи, съ которымъ отправлялась государева служба: „Я видѣлъ — говоритъ онъ — одного изъ знатныхъ великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдого старца, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ, какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ лилъ съ его лица. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко отвѣчалъ: „ахъ, господинъ баронъ! мы служимъ государю не по-вашему“.

Комнату, или кабинетъ царскій. Для прочихъ же чиновниковъ государственныхъ Верхъ былъ совершенно недоступенъ. Стольники, стряпчіе, дворяне, стрѣлецкіе полковники и головы, дьяки и иные служилые чины собирались обыкновенно на Постельномъ Крыльцѣ, которое было единственнымъ мѣстомъ во дворцѣ, куда они могли приходить во всякое время съ полною свободою. (Домашній бытъ русскихъ царей—Забѣлина).

Сословія. Господствующее сословіе въ государствѣ было служилое, которое образовалось изъ прежней княжеской дружины и раздѣлялось на разныя степени. Верхнюю степень составляла родовая боярская аристократія, сильная своимъ числомъ и значеніемъ. Въ составъ ея, кромѣ древнихъ боярскихъ родовъ, вошли потомки удѣльныхъ князей, вступившихъ въ службу московскихъ государей: они сохранили свой княжескій титулъ. Далѣе, значительная часть нашихъ боярскихъ фамилій вела свое происхожденіе отъ иноземныхъ выходцевъ, именно: литовскихъ, нѣмецкихъ, а также отъ татарскихъ мурзъ и царевичей. Въ XVI и XVII вв. эта аристократія представляетъ довольно замкнутое сословіе или касту почти недоступную для людей низшихъ классовъ. По своей знатности боярскіе роды раздѣлялись на нѣсколько „статей"; сообразно съ такимъ дѣленіемъ они занимали разныя должности при дворѣ, въ гражданскомъ управленіи и въ войскѣ. Бояре, незанятые войною или службою въ городахъ, постоянно жили въ Москвѣ и каждый день съѣзжались во дворецъ на поклонъ къ государю. Въ грамотахъ писались они государевыми «холопами» и называли себя уменьшительными именами [3]).

Среднюю ступень служилаго сословія составляли дворяне, а низшую—многочисленный классъ боярскихъ дѣтей. И тѣ и другіе въ свою очередь подраздѣлялись на разныя статьи.

Всѣ эти люди должны были служить всю жизнь тамъ, гдѣ укажетъ государь; главною же ихъ обязанностію по-

[3]) „Бояринъ" (въ тѣсномъ смыслѣ) означалъ высшій придворный чинъ, за нимъ слѣдовалъ „окольничій", потомъ „думный дворянинъ". Эти три статьи засѣдали въ царской думѣ. Далѣе слѣдовали чиновники, отправлявшіе службу при царской особѣ, именно: спальники, стольники, стряпчіе, жильцы и пр. Въ такія должности обыкновенно поступали дѣти знатныхъ людей, пока не переходили на высшую степень. Происхожденіе московскихъ придворныхъ чиновъ большею частію относится къ удѣльному, княжескому періоду.

прежнему оставалась военная служба. За свою службу, кромѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, они получали помѣстья и вотчины. Первыя давались въ пожизненное владѣніе, вторыя составляли полную наслѣдственную собственность; различіе это потомъ уничтожилось, и помѣстья сравнялись съ вотчинами. Между тѣмъ какъ дѣти боярскіе образовали классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, бояре и нѣкоторыя изъ дворянскихъ фамилій сосредоточили въ своихъ рукахъ обширныя владѣнія и имѣли иногда по нѣскольку тысячъ крѣпостныхъ людей.

Сословіе людей «тягловыхъ» или податныхъ (земщину) составляли посадскіе и крестьяне. Подъ именемъ посадскихъ разумѣлось вообще городское и пригородное населеніе, занимавшееся торговлею, промыслами и платившее подати въ царскую казну. Въ видахъ постояннаго исправнаго сбора государственныхъ доходовъ, посадскіе люди были прикрѣплены къ своимъ посадамъ, какъ крестьяне къ землѣ. Болѣе зажиточные изъ посадскихъ носили древнее названіе „лучшихъ людей“, остальные назывались „меньшими“; въ правительственномъ отношеніи они раздѣлены были по сотнямъ и слободамъ [1]). Кромѣ податей посадскіе люди обязаны были отправлять царскую службу въ качествѣ разнаго рода приставовъ или цѣловальниковъ.

Крестьяне, по отношенію къ землѣ, распадались на три главные разряда: во-первыхъ, тѣ, которые жили на земляхъ, принадлежащихъ государю; во-вторыхъ, поселенные въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей; въ-третьихъ, жившіе на земляхъ монастырскихъ и вообще духовенства. Первый разрядъ подраздѣляется на двѣ части, именно: дворцовые, доходы съ которыхъ исключительно шли на содержаніе двора, и крестьяне черныхъ волостей или черносошные, платившіе подати въ государственную казну.

---

[1]) Въ столицѣ существовали особые, высшіе разряды торговыхъ людей, именно: гости, гостиная сотня и суконная сотня; изъ нихъ назначались смотрители („головы“) при разныхъ казенныхъ сборахъ, напримѣръ, при таможняхъ, питейныхъ домахъ, при соболиной казнѣ и пр. Въ случаѣ убытковъ или недоборовъ они отвѣчали собственнымъ имуществомъ; поэтому служба ихъ иногда была разорительна; зато имъ предоставлялись нѣкоторыя права и привилегіи; напр. гости могли владѣть населенною землею. Эти высшіе торговые разряды наполнялись самыми богатыми людьми черныхъ сотенъ московскихъ и иногороднихъ.

Въ концѣ XVI вѣка, какъ извѣстно, крестьяне лишились права свободнаго перехода и были прикрѣплены къ землѣ. Но они не скоро могли примириться съ этимъ лишеніемъ, и въ дѣйствительности переходы еще долго продолжались. Самое прикрѣпленіе не было полное и безусловное; въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣдующими указами переходъ дозволялся (наприм. отъ мелкаго владѣльца къ мелкому). Для бѣглыхъ сначала была назначена пятилѣтняя давность, т.-е., спустя пять лѣтъ послѣ ухода крестьянина, землевладѣлецъ не имѣлъ права отыскивать его и возвращать на свою землю. Потомъ крѣпостное право получило дальнѣйшее развитіе. Михаилъ Θеодоровичъ вмѣсто пятилѣтняго назначилъ десятилѣтній срокъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ къ прежнему владѣльцу; а Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича срокъ совершенно отмѣненъ: крестьяне со всѣмъ потомствомъ должны были принадлежать къ той землѣ, за которою они записаны въ писцовыхъ книгахъ 1626 года.

Крестьяне, повидимому, лишены были только права перехода и сдѣлались крѣпкими землѣ, а сами они не составляли такой же собственности землевладѣльца, какъ его холопы или рабы. *Но помѣщики не замедлили распространить свою власть и на личность крестьянина*, которому трудно было отыскать управу на помѣщика. Во второй половинѣ XVII вѣка дворяне уже продаютъ крестьянъ и отдаютъ ихъ въ приданое безъ земли; а къ концу того же вѣка крестьяне въ своихъ отношеніяхъ къ помѣщику весьма мало отличались отъ его холопей. Впрочемъ, и сами они иногда давали на себя кабалу, т.-е. шли въ холопы, чтобъ избавиться отъ казенныхъ повинностей (такъ какъ съ холоповъ подати въ государственную казну не собирались).

Безпрерывные побѣги, при малолюдномъ населеніи, были весьма чувствительнымъ зломъ для Московскаго государства. Бѣглые крестьяне, холопы и посадскіе отчасти уходили на Донъ или въ Запорожье, отчасти укрывались въ лѣсахъ и составляли разбойничьи шайки. Въ теченіе всего XVII вѣка правительство должно было вести неутомимую борьбу съ этимъ явленіемъ; оно отправляло во всѣ стороны отряды сыщиковъ, которые отыскивали бѣглыхъ и возвращали ихъ на прежнія мѣста, ловили и вѣшали разбойниковъ.

Управленіе. Высшимъ правительственнымъ и судебнымъ учрежденіемъ была боярская дума, которая вела свое происхожденіе отъ древняго обычая князей совѣтоваться о дѣлахъ со старшею дружиною. Когда усилилась въ Московскомъ государствѣ боярская аристократія, то Дума не разъ дѣлала попытки ограничить самодержавіе и пріобрѣсти большую самостоятельность. Но это удавалось ей только или въ малолѣтство государя, или при царяхъ слабыхъ характеромъ. Въ Думѣ обсуждались мѣры, касавшіяся всего государства,

рѣшались вопросы внѣшней политики и тѣ дѣла, которыя не могли быть рѣшены низшими учрежденіями. Въ отношеніи къ царю Дума имѣла только совѣщательное значеніе, хотя на грамотахъ ея обыкновенно писалось: „царь указалъ и бояре приговорили“. Въ ней засѣдали бояре, окольничіе и думные дворяне: иногда призывались патріархъ и другіе архіереи.

Московскій подъячій въ XVII вѣкѣ Кошихинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ засѣданіе Думы.

Когда случится царю сидѣть съ боярами и думными людьми и разсуждать о своихъ или иноземныхъ дѣлахъ, то думные люди садятся поодаль отъ царя, на лавкахъ; размѣщаются они по степени своей знатности: сначала бояре, потомъ окольничіе, потомъ думные дворяне, а думные дьяки стоятъ; иногда, впрочемъ, царь приказываетъ имъ сидѣть. Когда государь объявитъ свою мысль и спрашиваетъ совѣта у думныхъ людей, тогда, кто изъ нихъ поумнѣе, говоритъ свое мнѣніе, а иные бояре, б р а д ы с в о и у с т а в я, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь многихъ жалуетъ въ бояре не по разуму ихъ, а по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не учены [5]). Когда же дѣло послѣ обсужденія бываетъ рѣшено, царь приказываетъ думнымъ дьякамъ записать приговоръ.

Кромѣ боярской Думы, въ XVI и XVII вв. московскіе цари въ самыхъ важныхъ дѣлахъ имѣли обыкновеніе созывать выборныхъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій своего государства, что называлось „земскимъ соборомъ“ или „великою земскою думою“. Это было также продолженіемъ древняго обычая князей собирать иногда на совѣтъ не одну дружину, но и лучшихъ людей города; когда же Русь объединилась, то лучшіе люди собирались уже со всей земли. Первые соборы упоминаются при Иванѣ IV; значеніе ихъ поднялось съ Смутное время, особенно въ эпоху Междуцарствія. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда отъ народа требовались большія жертвы для устроенія государства, мы видѣли частые земскіе соборы; они встрѣчаются и при Алексѣѣ Михайловичѣ, но послѣ него уже выходятъ изъ употребленія. На соборѣ мнѣнія выборныхъ людей отбирались не поголовно, а по сословіямъ (дворяне, дѣти боярскіе, гости, торговые и посадскіе люди).

---

[5]) Кошихинъ написалъ свое сочиненіе послѣ бѣгства изъ Москвы подъ вліяніемъ своего нерасположенія къ московскому боярству, что ясно выражается въ его тонѣ.

Далѣе, изъ постоянныхъ правительственныхъ учрежденій въ Московскомъ государствѣ слѣдуютъ **приказы**. Происхожденіе приказовъ относится еще ко временамъ удѣльнымъ: они развились преимущественно изъ домашняго или хозяйственнаго княжескаго управленія; когда же удѣлы были уничтожены, всѣ приказы сосредоточились въ Москвѣ и здѣсь подраздѣлились на многія отрасли, такъ что въ XVII в. число ихъ простиралось до 40 [6]. Письменная часть въ приказахъ находилась въ рукахъ дьяковъ и подьячихъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „приказныхъ людей“: они назначались изъ грамотныхъ людей разныхъ сословій, преимущественно изъ духовнаго званія.

Въ отношеніи областного управленія земли Московскаго государства главнымъ образомъ дѣлились на **уѣзды**. Величина уѣздовъ была весьма неравная; они опредѣлялись историческими условіями; обыкновенно древніе удѣлы или части удѣловъ, по мѣрѣ того какъ присоединялись къ Московскому государству, составляли особый уѣздъ. Подраздѣленіе уѣздовъ составляли: **станы**, **погосты**, **губы**; а наиболѣе распространенною единицею дѣленія служили **волости**, которыя, такъ же какъ уѣзды, по объему своему были весьма различны.

Областные правители, перешедшие въ Московское государство изъ удѣльно-вѣчевой Руси, т.-е. великокняжескіе намѣстники и волостели, въ XVI столѣтіи были замѣнены отчасти другими лицами. При Іоаннѣ IV мы встрѣчаемъ правителей, выбираемыхъ изъ служилаго сословія самими общинами, какъ-то: губныхъ старостъ, излюбленныхъ го-

---

[6]) Важнѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе. 1) приказъ большого дворца, который завѣдывалъ приходами и расходами царскаго двора, 2) приказъ большой казны—вообще государственными доходами, 3) помѣстный—дѣлами о помѣстьяхъ и вотчинахъ, 4) разрядный—служилымъ сословіемъ, 5) посольскій—сношеніями съ иностранцами, стрѣлецкій, пушкарскій, судный, разбойный и т. д. Вѣдомства приказовъ вообще не были строго опредѣлены и разграничены между собою; иногда дѣла одного рода производились въ разныхъ приказахъ и наоборотъ. Для разныхъ областей существовали особые приказы, напримѣръ: Новгородская четверть, Казанскаго дворца, Сибирскій, Малыя Россіи и др. Приказы, смотря по ихъ важности, поручались боярину или дьяку, иногда съ товарищами; иногда одинъ и тотъ же бояринъ или дьякъ завѣдывалъ нѣсколькими приказами. Для наблюденія за управленіемъ вообще и за точнымъ исполненіемъ царскихъ повелѣній Алексѣй Михайловичъ учредилъ еще „приказъ тайныхъ дѣлъ“, гдѣ засѣдалъ дьякъ съ подьячими, и куда бояре не допускались.

ловъ и пр. Въ XVII вѣкѣ выборныя власти опять уступаютъ мѣсто лицамъ, назначеннымъ отъ правительства; во главѣ областного управленія становятся воеводы. Прежде воеводы встрѣчались только въ пограничныхъ городахъ, но при Михаилѣ Θеодоровичѣ они являются почти всюду, и только въ нѣкоторыхъ областяхъ потомъ упоминаются губные старосты въ значеніи правителей [7]). Воеводы смѣнялись весьма часто, такъ что рѣдко оставались въ одномъ городѣ болѣе 3 лѣтъ. Кругъ воеводской дѣятельности не былъ строго опредѣленъ: большею частію въ рукахъ воеводъ сосредоточивалась власть военная, гражданская и судебная. Воеводство давалось какъ награда за военную службу, потому что оно представляло служилому человѣку возможность увеличить свое состояніе („покормиться"). Хотя взятки были запрещены, но, кромѣ царскаго жалованья, воевода могъ получать отъ жителей добровольныя приношенія, которыя тогда не считались взятками, въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Дѣла, подлежавшія воеводскому управленію, производились въ такъ-называемой съѣзжей или приказной избѣ. Въ Московскомъ государствѣ, кромѣ того, существовали земскія должности, на которыя посадскіе и крестьяне выбирали людей изъ своей среды. Таковы земскіе старосты, заправлявшіе раскладкою податей и городскимъ хозяйствомъ; они засѣдали въ земской избѣ. Потомъ слѣдуютъ разнаго рода головы и цѣловальники; имъ поручались сборы въ казну пошлинъ торговыхъ, питейныхъ, судныхъ и проч. Выборы въ головы и цѣловальники производились ежегодно. Эта земская служба была вообще обременительна для выборныхъ людей: за убытки и недоимки они отвѣчали собственнымъ имуществомъ. Низшіе чиновники назывались: приставы, недѣльщики, доводчики и др.

Судопроизводство и доходы. Формы судопроизводства первоначально были довольно просты и несложны. Въ XV и XVI вв. на судѣ намѣстниковъ и волостелей встрѣчаются

---

7) Вѣдомство губныхъ старостъ въ тѣсномъ смыслѣ простиралось только на дѣла губныя или уголовныя, т.-е. душегубство, разбой и воровство съ поличнымъ. Имъ предоставлена была поимка и судъ разбойниковъ и воровъ. Губные старосты вели себя не лучше другихъ чиновниковъ и притѣсняли жителей, такъ что послѣдніе иногда просили царя поручить губныя дѣла воеводамъ.

«староста и цѣловальники», выбранные отъ городскихъ и сельскихъ общинъ и извѣстные подъ общимъ именемъ «судныхъ мужей». При Иванѣ Грозномъ многія общины даже получили право собственнаго суда, т.-е. судились только своими выборными людьми; но послѣ онѣ теряютъ это право, и судъ сосредоточивается въ рукахъ областныхъ начальниковъ. Судопроизводство было по преимуществу словесное. Главными доказательствами на судѣ служили: письменные акты, свидѣтели и присяга. Въ уголовныхъ дѣлахъ употреблялся повальный обыскъ, т.-е. допросъ мѣстныхъ жителей о самомъ преступленіи или о поведеніи заподозрѣннаго человѣка. Древній обычай испытанія водою и желѣзомъ уже не встрѣчается; мѣсто его при изслѣдованіи дѣла заступилъ жестокій обычай судебной пытки[8]). По Судебникамъ царей Ивана III и Ивана IV, въ случаяхъ тяжбы, между истцомъ и отвѣтчикомъ допускали поле; но къ концу XVI вѣка поле уже выходитъ изъ употребленія.

Съ теченіемъ времени судебный процессъ болѣе и болѣе усложняется, письменное судопроизводство беретъ перевѣсъ надъ словеснымъ, число инстанцій увеличивается; а вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ медленность въ рѣшеніяхъ и издержки подсудимыхъ. Тѣ дѣла, которыя почему-либо не могли быть рѣшены простыми судьями, переносились въ высшія инстанціи, т.-е. сначала къ намѣстнику или воеводѣ главнаго города, потомъ въ одинъ изъ приказовъ, наконецъ подавался докладъ царю, который или самъ рѣшалъ дѣло, или поручалъ его боярской думѣ. По окончаніи тяжбы, тому, кто ее выигрывалъ, выдавалась правая грамота. Право суда надъ крѣпостными людьми, за исключеніемъ уголовныхъ преступленій, принадлежало самому владѣльцу. Въ пыткахъ и казняхъ того времени вполнѣ выражается грубость и жестокость нравовъ; наиболѣе употребительныя казни были: висѣлица, четвертованіе, колесованіе и сажаніе на колъ; а самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ за проступки служили плети и палки, отъ которыхъ не было изъято и боярское сословіе. Несостоятельнаго должника заимодавецъ имѣлъ пра-

[8]) Вотъ нѣкоторые способы пытки: обвиненному вбивали подъ ногти желѣзныя иглы, вѣшали надъ зажженнымъ костромъ, били по обнаженной спинѣ плетью, капали холодную воду на бритую голову и пр.

во поставить на **правежъ**, который заключался въ томъ, что несчастнаго должника ежедневно по нѣскольку часовъ били палками, пока онъ не заплатитъ долга. (Помѣщики обыкновенно ставили вмѣсто себя на правежъ крѣпостныхъ людей).

Главнымъ источникомъ казенныхъ доходовъ въ Московскомъ государствѣ были подати (тягло); онѣ налагались не на отдѣльныя лица, а на цѣлыя общины, которыя уже сами раскладывали ихъ между своими членами. Крестьянскія общины облагались податями по числу сохъ, т.-е. извѣстнаго количества земли, которою они владѣли, а посадскія— по количеству тягловыхъ дворовъ, означенныхъ въ писцовыхъ книгахъ за каждымъ посадомъ. Почти всѣ ремесла и торговыя статьи были обложены пошлиной. Кромѣ обыкновенныхъ податей, существовали постоянные сборы на нѣкоторыя потребности государства, напримѣръ **полоняничныя** деньги—для выкупа плѣнныхъ у Татаръ; по временамъ производились и чрезвычайные сборы на военныя издержки. Изъ повинностей наиболѣе значительныя были: ратная (постановка ратныхъ людей и продовольствія во время войны), ямская гоньба (для провоза пословъ и царскихъ чиновниковъ), постройка и починка крѣпостей, казенныхъ зданій, мостовъ и проч. Вообще финансовая система въ Московскомъ государствѣ представляла довольно много запутанности, и тяжесть налоговъ падала неравномѣрно на разныя сословія и на разныя мѣстности государства.

Естественныя произведенія, торговля и промышленность. Европейскіе путешественники XV, XVI и XVII вѣковъ изображаютъ Московское государство обширною равниною, которую покрываютъ огромные сосновые и березовые лѣса и во всѣхъ направленіяхъ пересѣкаютъ большія судоходныя рѣки. Почва этой страны мѣстами песчана, но вообще плодородна, и въ изобиліи производитъ растенія, свойственныя умѣренному поясу. Климатъ Московіи по ея большому протяженію не одинаковъ; области, прилегающія къ столицѣ государства, отличаются чистымъ и здоровымъ воздухомъ. *Что особенно поражало вниманіе иностранцевъ, это рѣзкая противоположность между зимней и лѣтней природою.* Зимою господствуетъ страшный холодъ и вся страна задернута

сплошной пеленою снѣга; напротивъ, лѣтомъ, послѣ разлитія водъ, лѣса, луга, нивы оживаютъ и быстро покрываются роскошною зеленью; а лѣтніе жары бываютъ такъ же сильны, какъ и зимніе морозы.

Главныя произведенія страны слѣдующія. Земледѣліе доставляетъ разнаго рода хлѣбныя растенія, какъ-то: рожь, пшеницу, овесъ, ячмень и др.; пчеловодство, весьма распространенное въ лѣсистой Московіи, доставляло значительное количество меду и воску; рѣки изобиловали рыбой, особенно Волжская система (бѣлуга, осетръ, стерлядь); въ лѣсахъ водилось множество дичи. Звѣроловный промыселъ занималъ важное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ по количеству ежегодно добываемыхъ мѣховъ (чернобурыя и другія лисицы, соболи, горностаи, бобры, бѣлки); лучшіе мѣха привозились изъ Сибири, Печерской и Пермской области. Но все это богатство естественныхъ произведеній оставалось весьма мало разработаннымъ и едва доставляло народу предметы первой необходимости. Земледѣльческая промышленность находилась на довольно низкой ступени; успѣхамъ ея препятствовали рѣдкость населенія и развитіе крѣпостного права (которое служило плохимъ поощреніемъ крестьянскому труду). Цѣны на хлѣбъ, по замѣчанію иностранцевъ, хотя были низки, но непостоянны: по безпечности сельскихъ хозяевъ, въ неурожайные годы происходилъ голодъ, и богатые люди, имѣвшіе большіе запасы, обыкновенно пользовались этимъ временемъ, чтобы продать хлѣбъ какъ можно дороже.

Средоточіемъ торговой дѣятельности въ Московскомъ государствѣ была столица, которая по самой наружности своей отличалась весьма промышленномъ характеромъ; она была наполнена рынками, гостинными дворами, рядами и лавками; здѣсь всегда можно было встрѣтить купцовъ и ремесленниковъ многихъ европейскихъ и азіатскихъ націй. Самъ царь принималъ непосредственное участіе въ торговлѣ. Изъ Москвы торговое движеніе распространялось въ разные стороны, премущественно по Волгѣ, въ Литву, къ Новгороду и къ Бѣлому морю[1]).

---

[1]) На Востокъ по Окѣ и Волгѣ шелъ путь въ Астрахань, гдѣ постоянно жили купцы персидскіе, бухарскіе и армянскіе, торговавшіе преимущественно шелковымъ товаромъ и бумажными тканями. На этомъ пути ле-

Изъ Западной Европы въ Россію привозились: металлическія издѣлія, сукна, полотна, вина, сельди, сахаръ, бумага, огнестрѣльные снаряды, золотая и серебряная монета, разныя пряности и пр. Таможенные чиновники обыкновенно отбирали самые лучшіе товары и покупали ихъ для государя (товары эти шли отчасти на потребности царскаго двора, отчасти назначались въ продажу). Изъ Россіи иностранцы вывозили сырыя произведенія; самую важную статью отпуска составляли мѣха; потомъ слѣдовали: воскъ, медъ,

---

жали важныя пристани Нижній и Казань. Отъ Нижняго до Астрахани ежегодно весною и осенью ходили караваны казенныхъ и купеческихъ судовъ. Но плаваніе ихъ было небезопасно; все нижнее теченіе Волги представляло пустынную страну, въ которой караваны часто подвергались нападенію разбойничьихъ шаекъ и дѣлались ихъ добычею, несмотря на конвойные стрѣлецкіе отряды. Отъ Волги вверхъ по Камѣ отдѣлялась главная сибирская дорога. По ней отвозили въ Сибирь хлѣбные и военные запасы для служилыхъ людей, а изъ Сибири привозили драгоцѣнные мѣха. Главными торговыми пунктами въ Западной Сибири были Верхотурье и Тобольскъ. Во второй половинѣ XVII вѣка служилые люди вмѣстѣ съ русскими промышленниками углублялись все далѣе и далѣе на востокъ; налагая дань (ясакъ) на мелкія туземныя племена и мѣстами воздвигая свои острожки, они расширили московскіе предѣлы до береговъ Восточнаго океана и нижняго теченія Амура. Тогда завязалась торговля съ Китаемъ, а Нерчинскъ сдѣлался важнымъ пунктомъ этой торговли.

На западъ отъ Москвы, въ Литву и Польшу, главная дорога шла черезъ Смоленскъ. Изъ Польши приводились лучшія лошади для царскихъ конюшенъ. Съ югозапада, изъ турецкихъ владѣній, иногда пріѣзжали въ Москву греческіе купцы съ женскими украшеніями, конскимъ приборомъ, жемчугомъ, фруктами и пр. Прямой путь въ Москву былъ для нихъ не безопасенъ отъ Запорожскихъ казаковъ; поэтому купцы объѣзжали другою дорогою, черезъ польскія владѣнія. Самые торговые города на югозападной украйнѣ были Кіевъ и Путивль. Южные кочевые народы, особенно Ногайскіе Татары, пригоняли въ Московское государство огромные конскіе табуны, которые покупались большею частію для царской конницы.

На сѣверо-западѣ пролегала дорога къ Новгороду и Пскову. Торговля Новгорода съ ганзейскими городами при Иванѣ III почти прекратилась; она возобновилась при Василіи III, но уже не въ такихъ размѣрахъ, какъ прежде. Открытіе Бѣломорскаго пути Англичанами, погромъ Ивана Грознаго, Смутное время, потеря Балтійскихъ береговъ—одно за другимъ подрывали благосостояніе Новгорода; однако въ XVII вѣкѣ Новгородъ и Псковъ все еще были въ числѣ самыхъ промышленныхъ и богатыхъ русскихъ городовъ. Сюда пріѣзжали преимущественно Шведы и Нѣмцы; отсюда шли пути за границу: къ Нарвской пристани и къ Ригѣ.

Самый важный путь, Бѣломорскій, шелъ отъ Москвы на торговые города Ярославль и Вологду, потомъ р. Сухоною на Устюгъ и далѣе Сѣверною Двиною до Архангельской пристани. Къ этой пристани со второй половины XVI вѣка каждое лѣто пріѣзжали европейскіе корабли съ товарами. Сначала исключительными привилегіями пользовались Англичане, которые завели свои факторіи во многихъ внутреннихъ городахъ Россіи; но мало-по-малу ихъ соперниками на этомъ пути явились и другіе купцы, именно голландскіе, нѣмецкіе и французскіе, а въ царствованіе Алексѣя Михайловича, какъ извѣстно, Англичане лишились права на повсемѣстную безпошлинную торговлю и ограничены однимъ Архангельскомъ.

кожи, сало, икра, ленъ, пенька и отчасти хлѣбъ. Русскіе торговые люди почти не ѣздили съ своими товарами въ Западную Европу: на такія поѣздки неблагопріятно смотрѣли какъ само московское правительство, такъ и иностранные купцы.

Что касается до внутренней торговли, то почти каждый посадъ служилъ рынкомъ для своихъ окрестностей. Большія разстоянія между городами и неудобство путей сообщенія обусловливали обычай торговцевъ ежегодно въ извѣстное время собираться въ опредѣленномъ мѣстѣ: такимъ образомъ произошли ярмарки. Онѣ соединялись обыкновенно съ храмовыми праздниками и помѣщались около церкви. Особенно замѣчательны ярмарки въ монастырскихъ имѣніяхъ; сюда купцы съѣзжались охотнѣе, потому что крестьяне монастырскихъ земель были болѣе зажиточны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и самые торги менѣе стѣснялись вмѣшательствомъ таможенныхъ чиновниковъ. Изъ такихъ ярмарокъ наиболѣе знаменитая Макарьевская, около монастыря Св. Макарія Желтоводскаго.

Иностранцы, посѣщавшіе Россію, отзываются объ ея жителяхъ какъ о народѣ весьма склонномъ къ торговой и промышленной дѣятельности.

Они удивлялись изворотливости и смѣтливости русскихъ купцовъ; но замѣтили и другую черту, которая приносила большой вредъ торговлѣ; это — недостатокъ честности. Обычай запрашивать въ нѣсколько кратъ дороже настоящей цѣны, божиться и въ то же время обманывать покупателя былъ весьма распространенъ между московскими торговцами. Подобная черта является прямымъ слѣдствіемъ необразованности и порчи народнаго характера. Далѣе, на торговлю имѣли неблагопріятное вліяніе слѣдующія обстоятельства. На всѣхъ главныхъ рынкахъ русскій купецъ встрѣчалъ подрывъ со стороны царскихъ товаровъ: напримѣръ, являясь на ярмарку въ Архангельскъ, онъ не смѣлъ торговать прежде, нежели окончится торговля царская, для которой отбирались всегда лучшіе товары. Нѣкоторыя вѣтви торговли находились исключительно въ рукахъ казны, наприм. дорогіе мѣха, продажа хлѣбнаго вина и пр. Вообще торговая дѣятельность въ Московскомъ государствѣ пользовалась весьма ограниченною свободою; товары при всякомъ движеніи подвергались подробной оцѣнкѣ и должны были оплачиваться многочисленными пошлинами. Сюда же присоединялись обиды отъ воеводъ и приказныхъ людей; таможенные головы и цѣловальники хотя назначались изъ торговыхъ сотенъ, однако притѣсняли и брали

взятки не менѣе приказныхъ [10]. Пути сообщенія — необходимое условіе для торговой дѣятельности—находились еще въ первобытномъ состояніи. Самое обычное время для путешествія была зима; тогда по дорогѣ между главными торговыми пунктами тянулись огромные обозы съ товарами (такъ, между Москвою и Ярославлемъ можно было встрѣтить обозы въ 700 и 800 саней). Лѣтомъ главнымъ средствомъ сообщенія служили рѣки; но плаваніе по нимъ было соединено съ препятствіями отъ мелководья и волоковъ, которые требовали довольно частой перегрузки, а каналы въ то время почти не были извѣстны въ Россіи. Наконецъ, торговля и вообще народное благосостояніе много страдали отъ разбоевъ.

Что касается до заводской и фабричной промышленности, то она была еще весьма мало распространена въ Московскомъ государствѣ и находилась большею частію въ рукахъ иностранцевъ. Первые желѣзоплавильные заводы устроены въ царствованіе Михаила Θеодоровича голландскимъ купцомъ Виніусомъ около Тулы. Вслѣдъ за нимъ гамбургскій купецъ Марселусъ устроилъ заводы на рр. Костромѣ, Шекснѣ и Вагѣ; а въ царствованіе Алексѣя Михайловича основаны Олонецкіе желѣзные заводы. На этихъ заводахъ отливали для правительства пушки, ядра, дѣлали ружья и другія желѣзныя вещи; главными мастерами были иностранцы; заводчики однако обязывались научать своему мастерству присылаемыхъ къ нимъ русскихъ работниковъ. Кромѣ того, въ XVII вѣкѣ встрѣчаются нѣкоторыя суконныя и полотняныя фабрики, впрочемъ назначенныя только для царскаго двора.

Искусства. Художественная дѣятельность въ Россіи попрежнему сосредоточилась главнымъ образомъ на строеніи и украшеніи храмовъ. (Храмы и ихъ украшенія, кромѣ своего религіознаго значенія, служили единственнымъ и весьма нагляднымъ проводникомъ изящнаго вкуса въ народную массу). Почти всѣ важныя постройки совершались подъ руководствомъ иностранныхъ художниковъ, которые со временъ Ивана III постоянно выписывались изъ Италіи и Германіи: напримѣръ, этими художниками построены стѣны Московскаго Кремля, соборы Успенскій и Архангельскій.

[10] Флетчеръ, англійскій посолъ при дворѣ Θедора Іоанновича, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ о Россіи, что русскій купецъ, раскладывая товары, боязливо осматривается на всѣ стороны, не идетъ ли къ нему царскій чиновникъ, чтобы взять у него что получше, и притомъ даромъ. (Впрочемъ записки Флетчера часто неосновательны и отличаются слишкомъ мрачными красками: какъ иностранецъ, онъ не понимаетъ многаго въ русской жизни).

Пошлинные сборы были слѣдующіе. мытъ, мостовщина, привальное, свальное, грузовое, амбарное, отъѣзжее и пр. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича эти мелкіе сборы частію были уничтожены, частію замѣнены другими.

Вотъ что сообщаютъ лѣтописи о построенiи Успенскаго собора— этой главной Московской святыни.

Митрополитъ Петръ, переселясь изъ Владимiра въ Москву, просилъ великаго князя Ивана Даниловича Калиту построить каменный соборный храмъ въ честь Успенiя Пресв. Богородицы. «Если послушаешь меня,—говорилъ Петръ,—то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей, и родъ твой возвеличится, градъ сей будетъ славнѣе всѣхъ градовъ русскихъ, святители будутъ обитать въ немъ, руки его взыдутъ на плеща враговъ, и кости мои будутъ положены въ немъ». Храмъ былъ заложенъ въ 1326 году, а въ слѣдующемъ году оконченъ. Св. Петръ не дожилъ до его окончанiя, онъ былъ погребенъ въ одномъ изъ придѣловъ этого храма. Около полутораста лѣтъ спустя, когда храмъ пришелъ въ ветхость и притомъ оказался тѣсенъ для возраставшаго населенiя Москвы, великiй князь Иванъ III велѣлъ разобрать и построить его вновь въ большихъ размѣрахъ, по образцу Владимiрскаго собора Богородицы, основаннаго Андреемъ Боголюбскимъ. Стѣны новаго храма уже доведены были до сводовъ, какъ вдругъ обрушились, по непрочности матерiала и неискуству строителей. Тогда великiй князь послалъ въ Италiю искать хорошаго архитектора; такой нашелся въ лицѣ Аристотеля Фiоравенти, болонскаго уроженца; каменьщики для новаго собора были вызваны изъ Пскова, а кровлю дѣлали нижегородскiе мастера и покрыли ее «нѣмецкимъ» желѣзомъ. Успенскiй соборъ построенъ Аристотелемъ въ теченiе трехъ лѣтъ; въ 1479 году онъ былъ оконченъ, и освященъ митрополитомъ Геронтiемъ. Внутреннее иконное росписанiе стѣнъ (альфреско) было довершено при слѣдующемъ великомъ князѣ Василiи Ивановичѣ. Иванъ Грозный, послѣ извѣстнаго Московскаго пожара, главы собора покрылъ мѣдными вызолоченными листами. Михаилъ Θеодоровичъ, возстановляя Москву, разоренную Поляками, между прочимъ велѣлъ вновь росписать стѣны собора по накладному листовому золоту; при этомъ со стараго письма предварительно снимались рисунки, которые потомъ воспроизводились на тѣхъ же мѣстахъ. (Иконопись и украшенiя храма поновлялись еще при Екатеринѣ II и послѣ французскаго разоренiя при Александрѣ I[1]).

Въ столицѣ уже находилось много разнаго рода мастеровъ, своихъ и иностранныхъ: Псковъ славился каменьщиками, Новгородъ рѣзчиками и живописцами; однако этого было недостаточно. Иванъ IV даже запрещалъ продавать въ Литву ливонскихъ плѣнниковъ, знающихъ какое-либо

[1]) Въ Успенскомъ соборѣ покоится прахъ московскихъ митрополитовъ и патрiарховъ. Вторая послѣ Успенiя святыня Московскаго Кремля — Архангельскiй соборъ — также первоначально былъ построенъ Иваномъ Калитою, а потомъ разобранъ и вновь сооруженъ Иваномъ III. Здѣсь находятся гробы великихъ князей и царей московскихъ.

мастерство, и велѣлъ присылать ихъ въ Москву. *Относительно архитектурнаго искусства вліяніе византійское въ XV вѣкѣ замѣнилось вліяніемъ западно-европейскимъ. Но въ живописи византійскіе образцы удержались гораздо долѣе:* памятниками ея, кромѣ иконъ, служатъ еще миніатюрные рисунки въ рукописныхъ житіяхъ святыхъ, которыя переписывались и раскрашивались монахами въ монастыряхъ.

Иконопись на Руси считалась священнымъ занятіемъ и находилась подъ непосредственнымъ надзоромъ церковныхъ властей. Подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ изображать священныя лица и событія, соотвѣтственно преданіямъ и обычаямъ церкви, тщательно передавались отъ мастеровъ ученикамъ, отъ одного поколѣнія къ другому. (Рукописные сборники такихъ свѣдѣній извѣстны подъ именемъ «подлинниковъ»). Такимъ образомъ, русская иконопись должна была ограничиться однимъ подражаніемъ, или т. наз. «переводами»; но за то она сохранила строгій византійскій стиль, т.-е. древнѣйшій стиль христіанскаго искусства. По нѣкоторымъ различіямъ во внѣшнихъ пріемахъ («пошибахъ») ее дѣлятъ на три главныя письма или школы: Новгородское, Строгановское и Московское. Иконы Новгородскаго письма сохраняются преимущественно въ старинныхъ церквахъ Новгородской области; до XVI вѣка онѣ ближе другихъ удержали византійскій стиль. Строгановская школа, получившая названіе отъ своихъ покровителей богатыхъ купцовъ Строгановыхъ, распространилась въ сѣверовосточныхъ городахъ; иконы этой школы, сравнительно съ другими, отличаются красотою отдѣлки и большею живостью красокъ. Представителемъ Московской школы является монахъ Троицкой Лавры Андрей Рублевъ, въ XV вѣкѣ. Впослѣдствіи въ Москвѣ образуется школа царскихъ иконописцевъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Оружейнаго приказа. Во второй половинѣ XVII вѣка начальнымъ лицомъ этой школы былъ извѣстный Симонъ Ушаковъ. Такъ какъ въ Москву постоянно вызывались лучшіе иконники, то здѣсь постепенно сглаживалось различіе между пошибами; притомъ московская иконопись подверглась нѣкоторому вліянію иностранныхъ мастеровъ, которыхъ выписывали изъ-за границы цари Михаилъ и Алексѣй. (Появляется т. наз. «Фряжское письмо», составляющее переходъ отъ иконописи къ живописи)[12].

---

12) Раскольники старой вѣры, вмѣстѣ съ „новыми“ или исправленными книгами, отвергли и „новыя иконы“, т.-е. писанныя не по старымъ образцамъ. Точно также при своемъ богослуженіи они не хотѣли подражать обычному церковному пѣнію, которое было заимствовано изъ Греціи (осьмигласное), но потомъ подверглось перемѣнамъ. Раскольники приняли монотонное пѣніе съ новыми звуками, считая его за старое греческое и называя „демественнымъ“.

Вообще русское искусство находилось далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Въ Москвѣ при царскомъ дворѣ постоянно жили многіе художники, вызванные изъ-за границы: литейщики, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и проч. (мало-по-малу они населили въ Москвѣ цѣлую Нѣмецкую слободу). Но русскіе люди, поступавшіе къ нимъ въ ученье, никогда почти не достигали званія настоящихъ мастеровъ и оставались на степени ремесленниковъ: иностранцы съ намѣреніемъ не открывали Русскимъ всѣхъ тайнъ своего мастерства, чтобы удержать за собою монополію искусства въ Россіи. Главная же причина, неблагопріятная развитію художественной дѣятельности, заключалась въ недостаткѣ образованности и въ бѣдности государства. Роскошь и великолѣпіе встрѣчались только въ столицѣ, особенно при царскомъ дворѣ, куда собиралось все лучшее изъ иностранныхъ и туземныхъ произведеній; между тѣмъ какъ столичные храмы и царскія палаты изобиловали золотою и серебряною утварью съ драгоцѣнными камнями, въ простыхъ сельскихъ храмахъ церковные сосуды были отчасти оловянные, отчасти сдѣланы изъ дерева.

Русскій городъ раздѣлялся обыкновенно на три части: внутри лежалъ замокъ или к р е м л ь; поселеніе около кремля называлось п о с а д о м ъ, который иногда былъ также окруженъ стѣнами или валомъ; къ посаду примыкали еще с л о б о д ы (названныя такъ по льготамъ, которыми онѣ пользовались сравнительно съ простыми селами). Слободы носили имена по занятіямъ своихъ жителей: напр., рыбная, ямская, стрѣлецкая, казацкая и проч. Городскія стѣны были деревянныя и только въ самыхъ значительныхъ городахъ каменныя съ высокими зубцами; по стѣнамъ возвышались двухъ или трехъ-ярусныя башни съ отверстіями для стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей. Кругомъ стѣнъ иногда ставились двойными или тройными рядами столбы изъ толстыхъ бревенъ (н а д о л б ы), которые должны были затруднять подступы къ городу. Кромѣ того, на южныхъ границахъ, постоянно угрожаемыхъ Татарами, окрестности городовъ и «остроговъ» были въ разныхъ направленіяхъ изрѣзаны земляными валами и плетнями со множествомъ лѣсныхъ засѣкъ и заваловъ. Въ той сторонѣ встрѣчались почти однѣ крѣпости; простыя же селенія были весьма рѣдки.

Внутренность города прежде всего занималась казенными зданіями, каковы приказная изба, воеводскій дворъ, государева житница съ хлѣбными запасами для служилыхъ людей, тюрьма и проч. Тутъ же находились «осадные дворы» сосѣднихъ помѣщиковъ, которые

во время непріятельскаго нашествія собирались въ городъ. Посады были наполнены по преимуществу домами торговцевъ и ремесленниковъ.

Домашній бытъ. Каждый дворъ огораживался заборомъ или острымъ тыномъ; домъ располагался большею частію посрединѣ двора и состоялъ изъ нѣсколькихъ жилыхъ строеній, соединенныхъ между собою сѣнями или крытыми переходами. У зажиточныхъ людей дома имѣли нижній этажъ («подклѣть»), назначенный для прислуги или для амбаровъ, а наверху дѣлалась еще надстройка («теремъ»). У боярина весь дворъ былъ застроенъ избами для его многочисленной «двории» и разныхъ хозяйственныхъ заведеній, такъ какъ богатые помѣщики того времени почти все нужное для домашняго обихода приготовляли у себя дома своими слугами. За главнымъ дворомъ находился еще дворъ, гдѣ помѣщались экипажи, домашнія птицы, скотъ, разныя житницы и пр. Садъ и баня («мыльня») составляли необходимую принадлежность всякаго порядочнаго дома.

Внѣшняя отдѣлка и внутреннее убранство частныхъ жилищъ не отличались богатствомъ или разнообразіемъ. Ворота, ставни, перила и другія наружныя части дома обыкновенно украшались узорчатою рѣзьбою и балясами или кувшинообразными колонками. Окна въ бѣдныхъ домахъ были малы и затягивались кожею или пузыремъ, а у зажиточныхъ людей въ нихъ вставлялись пластинки слюды, иногда расписанныя разными красками и фигурами. Внутри покоевъ главное мѣсто занимали образа святыхъ и Богородицы, иногда съ серебряными окладами въ створчатыхъ кіотахъ; иконы наполняли весь передній уголъ; передъ ними висѣла лампада. Для стѣнъ самымъ обыкновеннымъ украшеніемъ служили такъ называемыя лубочныя картины, которыхъ грубыя, уродливыя изображенія вполнѣ удовлетворяли неприхотливому вкусу нашихъ предковъ [13].

---

[13]) Содержаніе лубочныхъ картинъ было: или религіозное (наприм. изображеніе Страшнаго суда съ разнообразными муками въ аду и сцены, взятыя изъ Священной исторіи), или заимствованное изъ любимыхъ повѣстей и сказокъ, или сатирическое. На картинахъ послѣдняго содержанія высказывался народный юморъ въ своихъ грубыхъ, безыскусственныхъ формахъ: напримѣръ, извѣстная картина „мыши кота погребають", изображеніе различныхъ послѣдствій пьянства и пр.

Самымъ роскошнымъ и нарядным образцомъ вкуса нашихъ предковъ служилъ Коломенскій дворецъ Алексѣя Михайловича, расположенный въ 7 верстахъ отъ столицы на возвышенномъ, живописномъ берегу Москвы рѣки, посреди нѣсколькихъ садовъ. Онъ былъ деревянный на каменномъ фундаментѣ и представлялъ группу пестрыхъ зданій, разнообразной величины и формы. Тутъ были всѣ любимыя украшенія того времени: вышки, терема, чешуйчатыя, бочкообразныя кровли зеленаго цвѣта съ блестящими мѣдными гребнями вдоль всей вершины, пирамидальныя башенки и шатровые навѣсы надъ крыльцомъ съ орлами и жестяными праворами (флюгерами), рѣзныя, фигурныя ворота и двери, гульбища (т.-е. балконы) съ рѣшетками изъ точеныхъ балясъ, слюдяныя окна съ позолотой и витыми столбиками по бокамъ и т. д. Иностранцы говорятъ,

Предки наши въ торжественные дни, особенно въ большіе праздники, любили блеснуть роскошнымъ угощеніемъ, богатыми нарядами и другими дорогими вещами; *но вообще они отличались бережливостью, и потребности ихъ были весьма ограничены.* У самихъ бояръ дорогія платья, оружіе, серебряная посуда и прочіе предметы роскоши употреблялись рѣдко, хранились весьма тщательно и переходили по наслѣдству нѣсколько поколѣній.

Общею и необходимою частью русской одежды была «рубаха», которая носилась сверхъ исподняго платья и низко подпоясывалась. у богатыхъ края и грудь вышивались разноцвѣтными шелками и золотомъ, а воротъ иногда былъ унизанъ жемчугомъ. На рубаху надѣвался узкій кафтанъ до колѣнъ, подпоясанный кушакомъ: когда же выходили изъ дома, то надѣвали сверху «ферязь» — широкое, длинное платье съ рукавами почти до земли; зимою носили мѣховую шубу. Эти одежды дѣлались изъ выбойки, сукна или разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій (каковы, тафта, камка, бархатъ, обьярь и пр.); самый любимый цвѣтъ былъ красный. Отличительнымъ знакомъ князей и бояръ служила высокая «горлатная» шапка, сдѣланная изъ драгоцѣннаго мѣха съ широкимъ бархатнымъ верхомъ. Высшіе классы, по восточному обычаю, плотно закутывали голову, а волосы подстригали довольно коротко; между тѣмъ какъ борода чѣмъ была длиннѣе, тѣмъ считалась почетнѣе. Попытка великаго князя Василія Ивановича собственнымъ примѣромъ поощрить бритье бороды не имѣла успѣха, потому что противъ этого нововведенія сильно возстало духовенство. (Общій покрой боярскаго одѣянія сохраняется отчасти въ одеждѣ нашего бѣлаго духовенства).

Обыкновенную женскую одежду составлялъ «лѣтникъ», имѣвшій длинные широкіе рукава и напереди разрѣзъ, который застегивали до самаго горла. Верхняя женская одежда (опашень, тѣлогрѣя, шуба) походила на мужскую. У замужнихъ женщинъ голова была всегда покрыта «волосникомъ» или «кикою»; дѣвушки лѣтомъ носили повязки, а зимою бобровыя и собольи шапки, изъ-подъ которыхъ падали на спину волосы, заплетенные въ одну или двѣ косы съ красными лентами. Женская одежда вообще отличалась пестротою и обиліемъ мелкихъ украшеній. Дородность тѣла, по понятіямъ того времени считалась принадлежностію красоты у обоихъ половъ. По отзывамъ иностранцевъ, русскія женщины довольно стройны и красивы; но въ городахъ между ними былъ чрезвычайно распространенъ обычай бѣлиться и румяниться.

Войско. Главную основу московскаго войска составлялъ многочисленный классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, т. е. сословіе помѣщиковъ и вотчинниковъ. Они отправляли собственно конную службу и, смотря по количеству отведенной

что этотъ дворецъ походилъ на красивую игрушку. Симеонъ Полоцкій восиѣлъ его въ своихъ виршахъ. Онъ стоялъ до временъ Екатерины II, когда за ветхостію былъ разобранъ. Сохранились его рисунки и планы.

имъ земли, выводили съ собою въ поле нѣсколько вооруженныхъ слугъ. Изъ дворянъ, приписанныхъ къ Московскому уѣзду, собирался такъ-называемый „царскій полкъ“ Кромѣ того, всѣ придворные чины (стольники, стряпчіе, жильцы и пр.) были въ то же время люди военные и составляли конный отрядъ царскихъ тѣлохранителей; они являлись на смотръ въ богатомъ вооруженіи, въ блестящихъ панцыряхъ и шлемахъ, съ дорогими саблями, сидя на красивыхъ и рѣзвыхъ аргамакахъ, убранныхъ дорогою сбруею; ихъ сопровождало значительное количество вооруженныхъ слугъ. Придворнымъ чинамъ подражали простые дворяне и дѣти боярскіе, кто побогаче; тѣ же, которые были побѣднѣе, т.-е. большая часть, рѣдко имѣли исправное и полное вооруженіе.

Пѣшее войско набиралось отчасти изъ городовыхъ казаковъ и вольныхъ или „охочихъ“ людей, а главнымъ образомъ изъ „даточныхъ“, которыхъ въ случаѣ войны выставляли по человѣку съ извѣстнаго числа тяглыхъ дворовъ. Постоянно и хорошо вооруженную пѣхоту представляли только „стрѣльцы“, изъ Москвы мало-по-малу распространенные по всѣмъ главнымъ городамъ; въ столицѣ они служили какъ пѣшая царская гвардія и занимали караулы. Стрѣльцы пользовались нѣкоторыми привилегіями, получали жалованье, могли свободно заниматься торговлею и разными промыслами. Вооруженіе ихъ состояло изъ тяжелаго ружья, бердыша, сабли и копья; они дѣлились на полки и сотни. За стрѣльцами слѣдуютъ „пушкари“, казаки и прочіе военные люди, жившіе обыкновенно по городамъ въ особыхъ слободахъ. Къ московскимъ ратнымъ людямъ въ случаѣ нужды присоединялись еще Украинскіе казаки и толпы легкой татарской конницы, также отряды изъ Черемисъ, Мордвы, Калмыковъ и другихъ инородцевъ, вооруженные по большой части только стрѣлами. Во время значительныхъ походовъ, войско раздѣлялось на пять частей: большой полкъ, правая и лѣвая рука, полки передовой и сторожевой; кромѣ того, для разъѣздовъ отдѣлялся легкій конный отрядъ, извѣстный подъ именемъ „яртаула“. Московская артиллерія („нарядъ“) состояла изъ пушекъ и пищалей и была довольно многочисленна. Въ сраженіяхъ съ Татарами употреблялось подвижное укрѣпленіе изъ досокъ или такъ называемый „гуляй-городъ“.

Войны съ Поляками и Шведами доказали, что Москвитяне только въ укрѣпленіяхъ защищались съ успѣхомъ; а въ открытомъ полѣ, несмотря на свою многочисленность, они не могли стоять противъ регулярныхъ европейскихъ армій. Вообще въ военномъ искусствѣ со временъ татарскаго ига Русскіе далеко отстали отъ своихъ западныхъ сосѣдей и приблизились болѣе къ азіатскому образу веденія войны; такъ они съ шумомъ и крикомъ, въ безпорядкѣ, нападали на непріятеля и старались подавить его своею массою. *Сами иностранцы однако отдаютъ справедливость природному мужеству Русскихъ и ихъ чрезвычайному терпѣнію въ военныхъ трудахъ и лишеніяхъ.* Правительство мало-по-малу убѣдилось въ необходимости завести войска, устроенныя по образцу европейскихъ армій. Уже Борисъ Годуновъ имѣлъ отрядъ тѣлохранителей въ нѣсколько сотъ человѣкъ, набранный изъ Ливонцевъ, Поляковъ, Шотландцевъ и проч. При Михаилѣ Θеодоровичѣ для первой Польской войны нанято было въ Германіи нѣсколько полковъ въ русскую службу; но они мало принесли пользы и были потомъ распущены. Съ тѣхъ поръ Московское правительство старалось привлекать въ Россію значительное число иностранныхъ офицеровъ, давало имъ жалованье, помѣстья, и поручало обучать русскихъ ратныхъ людей „иноземному строю". При Алексѣѣ Михайловичѣ являются у насъ многіе конные и пѣшіе полки съ иностранными названіями—рейтаръ, гусаръ, драгунъ и солдатъ, подъ командою иноземныхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ. Но европейское военное искусство и дисциплина пока слабо прививались къ русскимъ ратнымъ людямъ, и войска наши по прежнему представляли пестрыя, нестройныя и плохо вооруженныя толпы ратниковъ. Даже не всѣ дворяне являлись на службу съ огнестрѣльнымъ оружіемъ („съ огненнымъ боемъ"): еще многіе изъ нихъ, по древнему обычаю, выѣзжали на войну съ лукомъ и стрѣлами (съ „лучнымъ боемъ"). Θеодоръ Алексѣевичъ оставилъ своимъ преемникамъ войско, простиравшееся до 200,000 человѣкъ [14]).

[14]) При Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлана попытка завести военный флотъ изъ судовъ, построенныхъ по иностраннымъ образцамъ. Именно на Окѣ были сооружены голландскими мастерами трехмачтовый корабль „Орелъ" и нѣсколько мелкихъ судовъ; ихъ спустили по Волгѣ въ Каспійское море

Церковь. Внѣшнее устройство Грекороссійской церкви (іерархіи) оставалось почти то же самое, какъ и въ періодъ Дружиннокняжескій. Московское государство въ церковномъ отношеніи дѣлилось на епархіи, управляемыя архіереями. Назначеніемъ патріарха и епископовъ по большей части завѣдывалъ самъ царь, выбирая ихъ изъ архимандритовъ и игуменовъ знаменитѣйшихъ монастырей. Высшее духовенство нерѣдко засѣдало въ Боярской Думѣ, пользовалось правомъ ходатайствовать за опальныхъ и подсудимыхъ и вообще имѣло значительное вліяніе на государственныя дѣла; но въ свою очередь оно было подчинено царской власти, и учрежденіемъ патріаршества почти не измѣнились ихъ взаимныя отношенія. Епископы имѣли у себя на службѣ довольно значительное число свѣтскихъ чиновниковъ, т.-е. бояръ, дѣтей боярскихъ, дьяковъ и проч.

Епархіи дѣлились на округи или „десятины“, которыми завѣдывали „десятинники“. Послѣдніе объѣзжали свои округи, собирали епископскіе доходы, производили судъ между духовными лицами и крестьянами, принадлежавшими духовенству (за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, которыя подлежали всегда свѣтскому суду). Священники назначались епископомъ или выбирались прихожанами изъ грамотныхъ людей разныхъ сословій. При Иванѣ IV бѣлое духовенство получило право выбирать изъ своей среды десятскихъ и сотскихъ священниковъ или „поповскихъ старостъ“.

Монашество съ теченіемъ времени образовало въ древней Россіи многочисленное и важное по своему значенію сословіе. Въ отдаленныхъ и глухихъ краяхъ государства оно попрежнему способствовало заселенію и обработкѣ безлюдныхъ, лѣсныхъ пространствъ: крестьяне, привлекаемые многими льготами, охотно селились на монастырскихъ земляхъ, расчищали почву и едва проходимыя дотолѣ дебри обращали въ плодоносныя нивы. Большіе монастыри были въ то же время и крѣпости, которыя особенно въ Смутное время оказали многія услуги государству. Въ удѣльно-вѣчевой Руси монахи сами выбирали себѣ игумена; въ Московскомъ же

для охраненія русской торговли отъ морскихъ разбойниковъ. Но „Орелъ“ скоро былъ сожженъ Стенькою Разинымъ, и такимъ образомъ попытка завести флотъ не имѣла успѣха.

государствѣ игумны назначались иногда епископомъ, а въ знаменитѣйшіе монастыри самимъ царемъ. Первостепенныя обители (лавры) обыкновенно были изъяты изъ епископскаго суда и подчинены прямо суду патріарха.

Весьма частыя пожертвованія благочестивыхъ людей въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ сосредоточили въ рукахъ монастырей огромныя поземельныя владѣнія. Правительство отъ этого лишалось многихъ земель, которыя были ему нужны для раздачи ратнымъ людямъ; а вслѣдствіе монастырскихъ привилегій оно теряло и значительную часть своихъ финансовыхъ доходовъ (такъ какъ монастырскія земли пользовались разными льготами относительно повинностей, нѣкоторые владѣльцы дарили поэтому свое имущество монастырю еще при своей жизни, но на извѣстныхъ условіяхъ). Съ другой стороны, владѣніе населенными землями отвлекало монастырское начальство отъ религіозныхъ интересовъ къ заботамъ чисто-хозяйственнымъ; а богатства, скопившіяся въ стѣнахъ обители, способствовали иногда порчѣ монастырскихъ нравовъ. При Иванѣ III знаменитый отшельникъ Нилъ Сорскій на духовномъ соборѣ 1503 года поднялъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли владѣть селами инокамъ, которые, отрекшись отъ міра, не должны заниматься ничѣмъ мірскимъ и должны кормиться своими трудами. Его поддерживали бѣлозерскіе пустынники; но митрополитъ, епископы и краснорѣчивый Іосифъ Санинъ на этотъ разъ отстояли привилегіи монастырей. Вопросъ возобновился потомъ при Василіи III: мнѣніе Нила Сорскаго развивали два извѣстные монаха Вассіанъ Косой и ученый Максимъ Грекъ. Рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ поступилъ Иванъ IV. При немъ на Стоглавомъ соборѣ архіереи и монастыри лишены были права покупать вотчины безъ царскаго позволенія, а на послѣдующихъ соборахъ запрещалось служилымъ людямъ отказывать свои вотчины въ монастырь на поминъ души.

Вообще образованіе русскаго духовенства въ тѣ времена было недостаточно, сравнительно съ его высокимъ призваніемъ: приходскіе священники въ областяхъ были по большой части люди малограмотные, которые заботились болѣе о насущномъ хлѣбѣ, нежели о наставленіи и поученіи своихъ прихожанъ. Противъ недостатковъ духовенства не разъ въ самой церкви поднимались голоса благомыслящихъ людей; на соборахъ обсуждались мѣры къ исправленію этихъ недостатковъ и къ лучшему образованію священнослужителей. Въ понятіяхъ простого народа между тѣмъ продолжали господствовать преданія и вѣрованія временъ языческихъ, чему доказательствомъ служитъ множество всякаго рода суевѣрій (примѣты, чары, заклинанія и пр.); во многихъ мѣстахъ еще свято сохранялись языческія празднества и жертвоприношенія [15].

[15]) До какой степени язычество было еще сильно въ народѣ (особенно тамъ, гдѣ преобладало финское населеніе), показываетъ грамота новго-

Но тамъ, гдѣ христіанство успѣло утвердиться, т.-е. въ среднихъ и высшихъ классахъ и вообще *въ коренномъ русскомъ населеніи, господствовали большая преданность Православной церкви и замѣчательная набожность.* Одинъ иностранный посолъ въ XVI вѣкѣ съ уваженіемъ отзывается о набожности Москвитянъ. «Никогда—говоритъ онъ, — не пропускаютъ они ни монастыря, ни храма, ни часовни: но тотчасъ слѣзаютъ съ лошади или съ телѣги, преклоняютъ колѣни, трижды крестятся и трижды произносятъ «Господи помилуй!» А когда встрѣчаютъ храмъ, гдѣ совершается божественная служба, то не пройдутъ мимо, не зашедши въ церковь и не отслушавши литургію».

Послѣ дѣла о Жидовской ереси Русскую церковь не разъ тревожили и другія ученія, для борьбы съ которыми созывались обыкновенно духовные соборы: такъ, въ XVI вѣкѣ замѣчательны ереси Матвѣя Башкина и Ѳеодосія Косого, которые оспаривали церковные догматы о Іисусѣ Христѣ. Низшее духовенство и простой народъ, по своей приверженности къ внѣшнимъ обрядамъ, къ буквѣ написаннаго закона, съ недовѣріемъ встрѣчали всякую попытку къ измѣненію и исправленію. Во время Никона исправленіе церковныхъ книгъ обнаружило существованіе раскольничьихъ сектъ, число которыхъ къ концу XVII вѣка быстро возрастаетъ.

Что касается инородцевъ, принадлежащихъ къ Московскому государству, то въ XVI и XVII вв. большею частію финскія племена на сѣверѣ и востокѣ Россіи еще были идолопоклонники, а татарскія области оставались вѣрны исламу. Впрочемъ, благодаря трудамъ нѣкоторыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ, христіанство продолжало мало-по-малу распространяться между этими племенами; вмѣстѣ съ русскими завоеваніями оно проникло и въ отдаленную Сибирь [16].

родскаго архіепископа Макарія къ духовенству Воцкой пятины, въ 1534 году. „Мнѣ сказывали, — пишетъ архіепископъ, — что въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане отстали отъ истинной вѣры, въ церкви не ходятъ, духовныхъ отцевъ своихъ не посѣщаютъ, а молятся деревьямъ и камнямъ; многіе ѣдятъ скоромное въ Петровъ постъ, приносятъ жертвы мерзкимъ бѣсамъ и призываютъ для совершенія молитвы отступниковъ чудскихъ арбуевъ (волхвовъ). Мертвыхъ не возятъ хоронить къ церквамъ на погосты, а кладутъ въ селахъ по курганамъ въ присутствіи тѣхъ же арбуевъ: послѣднихъ призываютъ также, когда родится дитя, чтобы дать ему имя, и когда поминаютъ покойниковъ, чтобы принести жертву скверными бѣсамъ“, и т. д. Спустя 13 лѣтъ, преемникъ Макарія архіепископъ Ѳеодосій обращается къ тому же духовенству и говоритъ о тѣхъ же самыхъ обычаяхъ. Стоглавый соборъ 1551 г. также указываетъ на разные безпорядки въ русскомъ простонародіи. Въ нѣкоторые дни (напримѣръ въ Ивановъ день) мущины и женщины предавались необузданнымъ играмъ и совершали разные языческіе обряды. По селамъ ходили ложные пророки обоего пола, босые, съ распущенными волосами, и разсказывали о разныхъ видѣніяхъ

[16]) Патріархъ Никонъ, бывшій самъ мордовскаго происхожденія, особенно заботился о крещеніи и обрусѣніи Морвы. Съ его благословенія рязанскій архіепископъ Мисаилъ ревностно принялся за обращеніе Ка-

Образованность. Многіе иностранцы, посѣтившіе Россію въ XVI и въ XVII вв., отдаютъ должную справедливость природному разсудку Русскаго народа и его способности къ умственному развитію; но, вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, уровень образованности въ Московскомъ государствѣ находился на довольно низкой степени. Съ XIII столѣтія, т.-е. со временъ татарскаго ига, началось быстрое отчужденіе Россіи отъ Европы, и Русскій народъ вступилъ въ близкія отношенія къ дикимъ азіатскимъ сосѣдямъ, которые оставили глубокій слѣдъ на государственномъ устройствѣ и на обычаяхъ нашихъ предковъ. На характерѣ Московскаго государства отразилось также вліяніе византійскихъ преданій, проводникомъ которыхъ служили іерархія, литература и законодательство; преданія эти относились къ позднѣйшимъ временамъ византійской образованности, т.-е. ко временамъ ея упадка.

Хотя со второй половины XV вѣка Московское государство и начинаетъ входить въ связь съ европейскими державами; но связь эта долгое время ограничивалась дипломатическими сношеніями и призывомъ иностранныхъ мастеровъ на службу правительства. Русскіе же люди не отпускались за границу для образованія, и европейская наука не пользовалась въ Россіи покровительствомъ высшихъ классовъ. Указывая на опасность, постоянно грозившую со стороны иноземныхъ ересей, московское духовенство недружелюбно смотрѣло и на западнорусскія школы и ученыхъ, которые были не чужды многихъ западныхъ идей. Съ цѣлью оградить русское православіе отъ иноземныхъ ересей, и подкрѣпить его связь съ Восточною церковью, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ учреждено было въ Москвѣ высшее училище подъ названіемъ „Славяно-греко-латинской академіи". Первы-

симовскихъ Татаръ и мордовскаго племени Мокшанъ. Переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, онъ проповѣдывалъ христіанство и крестилъ язычниковъ, заставляя при этомъ рубить ихъ священныя рощи и сожигать срубы на ихъ кладбищахъ. Такимъ образомъ онъ обратилъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Но въ одной мордовской деревнѣ язычники встрѣтили архіепископа съ луками и дубинами въ рукахъ; когда же онъ, надѣвъ архіерейскую мантію, началъ убѣждать ихъ къ принятію крещенія, Мордва стала стрѣлять изъ луковъ, и архіепископъ упалъ смертельно раненый стрѣлою (1655 г.). Надъ гробницею его въ рязанскомъ Архангельскомъ соборѣ до сихъ поръ хранится его окровавленная мантія.

ми учителями академіи были вызванные изъ Греціи ученые братья Лихуды (Іоанникій и Софроній); воспитанники изучали преимущественно греческій и латинскій языки, христіанскую философію и богословіе [17]).

При отсутствіи сельскихъ школъ, монахи и церковнослужители въ тѣ времена были почти единственными учителями грамотности. Боярское же и дворянское сословіе по своему умственному развитію весьма мало возвышалось надъ массою простолюдиновъ; все воспитаніе его ограничивалось обученіемъ чтенію и письму, но и до этого искусства достигали не всѣ бояре. Вся система воспитанія того времени основывалась на страхѣ и наказаніи; розга считалась необходимою принадлежностью ученія.

Печальное состояніе образованности и восточное вліяніе на русскіе нравы особенно отразились на положеніи женщинъ.

Въ княжеско-дружинной Руси женщины пользовались нѣкоторою свободою; но съ XIII в. въ высшемъ сословіи ихъ положеніе измѣняется. Онѣ были удалены изъ общества мущинъ и заключены въ терема, гдѣ проводили жизнь, обреченную праздности и скукѣ. Пряденіе, вышиваніе золотомъ, жемчугомъ или бисеромъ (особенно церковныхъ ризъ и покрововъ), въ обществѣ сѣнныхъ дѣвушекъ, и однообразныя забавы, въ родѣ качелей, наполняли время боярскихъ женъ и дочерей; изъ дома онѣ выѣзжали не иначе, какъ въ закрытыхъ колымагахъ, окруженныя толпою холоповъ. Бракъ

---

17) Уставъ этого училища былъ составленъ однако по образцу западныхъ академій и вѣроятно написанъ подъ вліяніемъ Θеодорова наставника іеромонаха Симеона Полоцкаго, который учился въ польскихъ академіяхъ и былъ у насъ представителемъ западнаго образованія. Лихуды пріѣхали въ Москву уже послѣ смерти Θеодора, и зданіе для академіи построено въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Игуменъ этого монастыря ученый Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ и другъ Симеона Полоцкаго, надѣявшійся самъ быть главою академіи, началъ вражду съ Лихудами и поднялъ съ ними богословскій споръ о времени пресуществленія въ Таинствѣ Евхаристіи. Патріархъ Іоакимъ не любилъ Медвѣдева, считая его еще болѣе Полоцкаго наклоннымъ къ латинству. Письменный споръ о пресуществленіи кончился побѣдою Лихудовъ; мнѣнія Медвѣдева признаны были Московскимъ духовнымъ соборомъ 1689 года за еретическія (латинскія), сочиненіе его осуждено на сожженіе и самъ онъ приговоренъ къ заточенію. Впослѣдствіи Лихуды по нѣкоторымъ обвиненіямъ подверглись преслѣдованію и отставлены отъ академіи. Изъ учениковъ этой академіи вышли многіе замѣчательные ученые и писатели русскіе; (напр. Магницкій, авторъ извѣстной ариѳметики, современникъ Петра Ломоносовъ, Кантеміръ, Бантышъ-Каменскій, митрополитъ Платонъ и др.). Въ XIX вѣкѣ Московская академія перемѣщена въ Троицкую Лавру.

съ обѣихъ сторонъ устраивался родителями, причемъ о согласіи молодыхъ людей не спрашивали. Женихъ обыкновенно до самаго окончанія свадьбы не могъ видѣть своей невѣсты (отчего между боярами случались иногда обманы: напримѣръ, вмѣсто той дочери, за которую сватались, выдавали другую, отличавшуюся какимъ-нибудь недостаткомъ; или когда родственница жениха пріѣзжала смотрѣть невѣсту, показывали ей вмѣсто дочери красивую служанку). Только христіанскія понятія о бракѣ смягчали иногда это рабское положеніе женщины и возвышали ее на степень подруги. Русскіе книжники XVI вѣка такими чертами изображаютъ намъ идеалъ женщины: она безропотно покоряется старшимъ (т.-е. мужу и его родителямъ), усердно занимается хозяйствомъ, облегчаетъ въ своемъ домѣ тяжелое положеніе рабовъ и совершаетъ другіе подвиги христіанскаго благочестія (посты, милостыню, молитву) [18].

Наиболѣе образованныя области Московскаго государства лежали на западѣ, т.-е. по сосѣдству съ Европою. Новгородъ, благодаря своей торговлѣ, долгое время служилъ для Москвы главнымъ проводникомъ европейской гражданственности; но въ концѣ XVI вѣка онъ приходитъ въ упадокъ. Въ XVII в. его мѣсто въ отношеніи къ Москвѣ заступаетъ Малороссія со своими школами и типографіями, со своими духовными писателями и учеными, которые образовались во время борьбы противъ уніи и католицизма (Смотрицкій, Копыстенскій, Могила, Гизель и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается въ Московской Руси вліяніе польской гражданственности и польской литературы. Постоянный приливъ европейскихъ ремесленниковъ, торговцевъ, офицеровъ и по-

[18]) Вообще направленіе этихъ идеальныхъ женщинъ аскетическое; проникнутыя глубокою вѣрою, онѣ отказываютъ себѣ въ удовольствіяхъ жизни и ведутъ постоянную борьбу со своими страстями (которыя олицетворялись обыкновенно въ образѣ діавола).

Какимъ образомъ наши предки смотрѣли на отношенія жены къ мужу и вообще на отношеніе семейства къ своему главѣ, ясное понятіе даетъ книга Домострой (составленіе ея не совсѣмъ вѣрно приписывалось священнику Благовѣщенской церкви Сильвестру — тому самому, который игралъ важную роль въ царствованіе Ивана IV). Домострой поучаетъ домовладыку, какъ ему устроить свое хозяйство, обращаться съ женой и воспитывать дѣтей. Между прочимъ онъ совѣтуетъ: если жена, сынъ или дочь не слушаютъ мужа, или отца, или мать, то наединѣ „постегать плетью, а кулакомъ или палкою не бить, чтобы не изуродовать человѣка или не разстроить его здоровье“.

словъ также не могъ остаться безъ нѣкотораго вліянія на русскій бытъ. Въ XVII вѣкѣ западные европейскіе обычаи хотя слабо, но уже замѣтно проникаютъ въ высшее московское общество. Когда Ордынъ Нащокинъ управлялъ посольскимъ приказомъ, въ Москвѣ появились первыя русскія газеты или куранты (рукописныя), впрочемъ исключительно назначенныя для двора: въ нихъ помѣщались переведенныя изъ иностранныхъ газетъ извѣстія о европейскихъ событіяхъ. Между приверженцами западныхъ обычаевъ изъ русскихъ бояръ первое мѣсто занимаетъ Матвѣевъ, подъ вліяніемъ котораго при Московскомъ дворѣ положено было начало театру.

При Алексѣѣ Михайловичѣ къ Московскому двору была вызвана труппа нѣмецкихъ музыкантовъ и танцовщиковъ. Они просили у царя дозволенія забавлять его театромъ. Царь обратился за совѣтомъ къ своему духовнику; тотъ отвѣчалъ, что можно Нѣмцамъ играть во дворцѣ, потому что византійскіе императоры допускали при своемъ дворѣ подобныя увеселенія. Въ присутствіи царскаго семейства и придворныхъ, Нѣмцы разыграли нѣсколько мистерій («Какъ Юдиѳь отсѣкла голову Олоферну», «какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана» и др.). Музыкальный оркестръ при этомъ состоялъ изъ дворовыхъ людей Матвѣева, обученныхъ Нѣмцами. Представленія очень понравились царю; онъ поручилъ Матвѣеву устроить постоянный театръ, отдать въ ученье къ Нѣмцамъ нѣсколько Русскихъ и выписать изъ Германіи новыхъ актеровъ. Лучшія русскія мистеріи въ концѣ XVII вѣка принадлежали Симеону Полоцкому и Димитрію Ростовскому [19]).

---

[19]) Театральныя представленія у насъ имѣли, какъ и на Западѣ, сначала религіозный характеръ. Въ Малороссію перешли изъ Польши „мистеріи“ или драмы, содержаніе которыхъ заимствовалось изъ Священной исторіи; онѣ разыгрывались обыкновенно при духовныхъ школахъ воспитанниками или бурсаками. Бурсаки ходили часто по домамъ богатыхъ гражданъ и пѣли подъ ихъ окнами духовные канты и вирши, за что получали деньги и съѣстные припасы; а во время святокъ носили съ собой вертепы (двухъ или трехъ-этажные ящики), въ которыхъ показывали Христа въ ясляхъ и окружавшія Его лица. Къ этимъ вертепнымъ представленіямъ начали присоединяться потомъ и разныя драматическія сценки изъ народной жизни; здѣсь главными дѣйствующими лицами являлись: бѣднякъ Цыганъ, трусливый Еврей, хвастливый Полякъ и удалой Запорожецъ. Это были куклы, двигающіяся на проволокахъ; а разговоры или „діалоги“ велъ за нихъ человѣкъ, скрытый за сценою (театръ маріонетокъ). Въ Московской Руси также встрѣчаются уличныя представленія куколъ или маріонетокъ вмѣстѣ съ учеными медвѣдями.

Замѣчателенъ въ Московскомъ государствѣ драматическій обрядъ „пещнаго дѣйствія“: передъ Рождествомъ Христовымъ въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, въ соборномъ храмѣ, во время заутрени церковнослужители, распѣвая священные гимны, представляли трехъ библейскихъ отроковъ,

Литература и народная поэзія. Книжная словесность древней Руси заключалась по преимуществу въ разнаго рода рукописныхъ сборникахъ, которые въ большомъ количествѣ дошли до насъ. Главное мѣсто занимаютъ книги религіознаго содержанія. Въ нихъ входили, во-первыхъ, поученія отцовъ церкви, распредѣленныя для чтенія на каждый день; во-вторыхъ, житія святыхъ Русской церкви и Греческой вообще. Перваго рода сборники извѣстны подъ именами З л а т о с т р у е в ъ, З л а т о у с т о в ъ, И з м а р а г д о в ъ и проч., а вторые назывались Ч е т ь и-М и н е и, П р о л о г и и П а т е р и к и: замѣчательны Великія Четьи-Минеи, собранныя митрополитомъ Макаріемъ, современникомъ Ивана Грознаго, и Патерикъ Печерскій, составленный въ Кіевѣ, въ XV в. Потомъ слѣдуютъ сборники библейскихъ сказаній, преимущественно „отреченныхъ“ (т.-е. непризнаваемыхъ церковью), которые назывались п а л е и. Сборники, извѣстные подъ именемъ П ч е л ы, составляютъ переходъ отъ духовной литературы къ свѣтской; они раздѣлены обыкновенно на главы нравственнаго содержанія (о богатствѣ и убожествѣ, о добродѣтели и злобѣ, о правдѣ и т. п.).

Для распространенія свѣдѣній по всемірной исторіи служили Х р о н о г р а ф ы, заимствованные по большей части изъ греческихъ лѣтописцевъ; здѣсь описывались событія отъ сотворенія міра и притомъ въ особенности событія византійскія. Для распространенія же историческихъ свѣдѣній о древней Россіи служили многочисленные лѣтописные сборники. Иногда изъ лѣтописей дѣлались выписки по княженіямъ и царствованіямъ («степенныя книги»), или составлялись лѣтописные своды; замѣчателенъ особенно сводъ лѣтописей, составленный по приказанію Никона. Въ XV в. московская лѣтопись получаетъ по преимуществу государственный (оффиціальный) характеръ и ведется при дворѣ великихъ князей; въ XVI в. ее начинаютъ замѣнять „раз-

вверженныхъ въ пылающую печь и спасенныхъ ангеломъ. Эта печь состояла изъ деревянной башенки и озарялась удобовоспламеняемою травою.

Къ религіознымъ обрядамъ принадлежала и величественная процессія Вербнаго воскресенія въ Москвѣ, заимствованная изъ Византіи: патріархъ, сидя на конѣ, напоминалъ Христа, вступившаго торжественно въ Іерусалимъ на ослѣ; царь держалъ за поводъ его коня; а впереди ѣхала нарядная верба, около которой стояли мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ и пѣли стихиры.

рядныя книги", куда дьяки вносили главныя придворныя событія и служебную дѣятельность бояръ. Въ томъ же вѣкѣ появляются историческія записки современниковъ; таково сочиненіе князя Курбскаго о царствованіи Іоанна Грознаго. Въ XVII в. лѣтописная дѣятельность почти прекращается, и записки выступаютъ на первый планъ; самыя замѣчательныя это: Авраамія Палицына — «Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ», и любопытное сочиненіе «о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», принадлежащее подъячему посольскаго приказа Кошихину; оно писано въ Швеціи, куда Кошихинъ убѣжалъ изъ Московскаго государства (около 1654 г.)[20].

Собственно свѣтская или легкая литература состояла изъ большого количества сказокъ и повѣстей, которыя служили любимымъ предметомъ чтенія или изустнаго разсказа и, наряду съ другими сочиненіями, входили въ составъ рукописныхъ сборниковъ. Многія изъ этихъ повѣстей очевидно иноземнаго происхожденія, частію занесенныя съ Востока (наприм. «о Синагрипѣ царѣ и Акирѣ Премудромъ», взятая

---

[20]) Памятниками письменности въ древней Россіи и вмѣстѣ важнымъ матеріаломъ для ея исторіи служатъ также многочисленныя грамоты: уставныя, договорныя, жалованныя, духовныя, правыя и др. Самое богатое собраніе такихъ грамотъ и актовъ заключается въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, которая была учреждена въ 1834 г. для печатанія русскихъ историческихъ матеріаловъ.

Драгоцѣнный источникъ для исторіи до-Петровской Россіи, для знакомства съ ея нравами и обычаями, представляютъ еще записки иностранцевъ, довольно многочисленныя въ XVI и XVII вв. Составители этихъ записокъ отчасти посѣщали Россію въ качествѣ пословъ и путешественниковъ, каковы: баронъ Герберштейнъ, Поссевинъ, Флетчеръ, Олеарій, баронъ Мейербергъ (австрійскій посолъ при Алексѣѣ Михайловичѣ); отчасти находились въ московской или польской службѣ, каковы Маржеретъ (французскій офицеръ въ гвардіи Бориса Годунова и Лже-Димитрія I), Коллинсъ (англійскій врачъ при дворѣ Алексѣя Михайловича), ученый сербъ Крижаничъ и др.

Для исторіи Югозападной Россіи изъ иностранныхъ источниковъ замѣчательно „Описаніе Украйны" Боплана, изъ русскихъ „Лѣтопись" Величка, который былъ канцеляристомъ Малороссійскаго войска (въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.). Изъ польскихъ источниковъ для Литовской Руси наиболѣе заслуживаетъ вниманія „Хроника" Стрыйковскаго (въ XVI в.).

Въ XVII вѣкѣ обнаружилась потребность въ обзорѣ цѣлой Русской исторіи; потребность эта сознается сначала въ Малороссіи. Въ Кіевѣ былъ напечатанъ сводъ лѣтописныхъ и другихъ сказаній о русской старинѣ, доведенный до временъ Өеодора Алексѣевича. Сводъ названъ „Синопсисъ" (сокращеніе); онъ приписывается архимандриту Кіево-Печерской Лавры Иннокентію Гизелю и долго (до временъ Ломоносова) былъ единственнымъ учебникомъ Русской исторіи

изъ арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь»), частію съ Запада, посредствомъ Польши (напр. «Бова Королевичъ» — изъ итальянскихъ рыцарскихъ романовъ); но онѣ обыкновенно передѣлывались на русскій ладъ. Форму повѣстей принимали также многочисленныя легенды назидательнаго содержанія (наприм. муромская легенда о князѣ Петрѣ и княгинѣ Февроніи) и сатирическіе разсказы, въ которыхъ народное остроуміе выставляло на видъ слабыя стороны своего общественнаго быта (Образецъ такихъ разсказовъ представляетъ «Шемякинъ судъ» — сатира на неправедныхъ, корыстолюбивыхъ судей) [21]).

Между тѣмъ какъ книги составляли умственную пищу грамотныхъ людей и по рѣдкости своей были доступны только зажиточному классу, художественныя потребности простого народа находили себѣ удовлетвореніе въ разнообразныхъ и многочисленныхъ пѣсняхъ, т.-е. въ произведеніямъ народной фантазіи и народнаго чувства. Между ними первое мѣсто занимаютъ «былины», т. е. пѣсни съ эпическимъ характеромъ. Героями этихъ былинъ являются богатыри; они олицетворяютъ собою княжескую дружину въ борьбѣ съ враждебными сосѣдями, преимущественно съ азіатскими племенами, которыя то выступаютъ въ видѣ несмѣтнаго войска, то представляются въ чудовищномъ образѣ Змѣя Горыныча и другихъ фантастическихъ существъ. Богатыри русскіе обыкновенно собираются около великаго князя Владиміра «Красное Солнышко», который задаетъ имъ великолѣпные пиры и посылаетъ ихъ совершать баснословные подвиги [22]). Наибольшею славою въ народѣ изъ такихъ идеальныхъ героевъ пользовались: Илья Муромецъ (богатырь-крестьянинъ), Добрыня Никитичъ (богатырь-бояринъ) и Алеша Поповичъ.

Кромѣ этого княжескаго цикла (т.-е. круга) эпическихъ пѣсенъ, получившихъ начало преимущественно въ Южной Россіи, былъ еще другой циклъ пѣсенъ, принадлежавшихъ Сѣверной или Новгородской Руси. Здѣсь вмѣсто княжескаго двора или дружины на заднемъ планѣ рисуются община и вѣче; а героями пѣсенъ являются предпріимчивые гости и повольники новгородскіе. Таковы пѣсни: «Ва-

[21]) Въ концѣ XVII вѣка появляются и слабые начатки самостоятельной русской повѣсти романическаго содержанія. Любопытный образчикъ ея представляетъ повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ („Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ" — Сочиненіе Пыпина).

[22]) На княжемъ пиру богатырь ѣстъ и пьетъ сообразно съ своей непомѣрною силой. Ему наливаютъ

„Чару зелена вина въ полтора ведра
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра".

А богатырь

„Принимаетъ чару единой рукой:
Выпиваетъ ее единымъ духомъ".

силій Буслаевъ» и «Садко богатый гость». И тотъ и другой циклъ по происхожденію своему относится къ удѣльно-вѣчевой Руси; но пѣсни эти сохранились въ устахъ народа до позднѣйшихъ временъ.

Въ XVI и XVII вв составляется въ Московской Руси циклъ собственно царскій: такъ, слагаются пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, о его завоеваніяхъ, пирахъ и боярахъ, о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и т. д. Между тѣмъ въ Малой Россіи образуется обширный историческій эпосъ изъ казацкихъ пѣсенъ или «думъ»; содержаніемъ ихъ служатъ подвиги казацкихъ героевъ, преимущественно любимыхъ гетмановъ. Эти думы слагали и пѣли народные малороссійскіе поэты («кобзари» или бандуристы). Въ то же время являются разбойничьи пѣсни, напримѣръ, о Стенькѣ Разинѣ и другихъ знаменитыхъ атаманахъ.

Къ разряду эпическихъ произведеній можно отнести и такъ-называемые «стихи» религіознаго содержанія, каковы «о Голубиной книгѣ», «О страшномъ судѣ» и пр. Эти стихи пѣли странники-богомольцы (такъ-наз. «калики перехожіе»). Въ нихъ особенно ярко отразилось смѣшеніе языческихъ вѣрованій съ христіанскими [23]).

Что же касается до русскихъ лирическихъ пѣсенъ, то въ нихъ вполнѣ высказывается внутренній міръ народа, т.-е. сторона сердца или чувства, которое у славянскихъ племенъ по большей части преобладаетъ надъ другими силами души. На этихъ пѣсняхъ лежитъ общій отпечатокъ задушевности, а господствующій въ нихъ тонъ— заунывный, который есть отголосокъ однообразной, суровой природы и многихъ страданій, перенесенныхъ Русскимъ народомъ въ теченіе его долгой исторической жизни. Пѣсни малороссійскія отличаются въ особенности меланхолическимъ настроеніемъ и нѣжнымъ, сосредоточеннымъ чувствомъ, тогда какъ великорусскія пѣсни иногда переходятъ къ необузданному веселью и вообще отражаютъ болѣе широкую натуру, способную и къ кипучей дѣятельности, и къ беззаботному разгулу [24]).

---

[23]) Напримѣръ, вотъ какимъ образомъ Голубиная книга разсказываетъ о происхожденіи міра:

„У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
Звѣзды свѣтлыя отъ ризъ Божіихъ,
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ“ и т д.

[24]) Страданія этой разгульной натуры отъ стараго народнаго порока. пьянства, съ большою силой высказались въ пѣснѣ о Горѣ-Злосчастьѣ Добрый молодецъ ушелъ изъ дому безъ благословенія родителей. Является Горе Злосчастье, олицетворенное въ видѣ какого-то злого демона, искушаетъ молодца, заставляетъ его пропить все имѣніе и потомъ скитаться по свѣту, не переставая его всюду преслѣдовать. Молодецъ рѣшился броситься въ рѣку—Горе его не допустило; захотѣлъ воротиться на родину—оно ему загородило путь. Это неотвязное преслѣдованіе, по обычаю народныхъ пѣсенъ, изображается поэтическими оборотами:

„Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

РУСЬ — ИМПЕРІЯ.

1. ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ИЛИ ЭПОХА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

1682—1689—1700—1703—1709—1711—1721—1725.

Стрѣлецкій бунтъ. Послѣ смерти бездѣтнаго Ѳеодора Алексѣевича ближайшее право на престолъ имѣлъ слѣдующій за нимъ братъ Іоаннъ: но онъ былъ извѣстенъ своею слабостію тѣлесною и душевною: поэтому патріархъ Іоакимъ и бояре, мимо старшаго брата, провозгласили царемъ десятилѣтняго Петра. Тогда главное значеніе при дворѣ получила мать Петра Наталья Кирилловна, и воспитатель ея бояринъ Матвѣевъ былъ немедленно возвращенъ изъ ссылки. Противъ царицы Натальи и ея родственниковъ Нарышкиныхъ вооружилась партія Милославскихъ: душой этой партіи сдѣлалась умная, честолюбивая Софья, одна изъ дочерей Алексѣя Михайловича отъ перваго брака. Такъ какъ при дворѣ ея отца, подъ вліяніемъ западныхъ обычаевъ, царевны не строго соблюдали древнія правила затворничества, то Софья чтеніемъ и бесѣдою съ людьми образованными успѣла развить свой умъ и познакомиться съ дѣлами государственными. Въ царствованіе брата Ѳеодора она уже принимала нѣ-

Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ.
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А горе подъ руку подъ правую", и т. д.

Измученный преслѣдованіями злого Горя, молодецъ спасается наконецъ въ монастырь — по понятіямъ благочестивыхъ людей вѣрное убѣжище отъ мірскихъ золъ, — куда демонъ-Горе за нимъ не посмѣлъ слѣдовать.

которое участіе въ политикѣ, а послѣ провозглашенія царемъ Петра рѣшилась оспаривать власть у своей мачихи. Для исполненія своихъ замысловъ Софья и ея родственники обратились къ стрѣлецкому войску. Между московскими стрѣльцами, около того времени, обнаружилось волненіе по слѣдующему поводу: войско жаловалось правительству на притѣсненія своихъ полковниковъ; а правительство ограничилось нѣсколькими нерѣшительными мѣрами; тогда стрѣльцы начали собираться въ круги по казацкому обычаю и самовольно расправляться со своими начальниками. Софья воспользовалась этимъ волненіемъ; посредствомъ преданныхъ ей людей она склонила стрѣльцовъ на свою сторону; внушила имъ, что царевичъ Іоаннъ незаконно отстраненъ отъ престола, и возбудила наконецъ открытый кровавый бунтъ противъ Нарышкиныхъ.

Утромъ 15 мая 1682 года сообщники царевны прискакали въ Стрѣлецкую слободу съ извѣстіемъ, что Нарышкины задушили царевича Іоанна. При звукахъ набатныхъ колоколовъ собрались стрѣлецкіе полки, числомъ около 15.000 человѣкъ, и немедленно бросились въ Кремль. Подступивъ къ дворцу, они громко требовали выдачи Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича. Наталья Кирилловна вывела на Красное крыльцо обоихъ братьевъ, Іоанна и Петра. Стрѣльцы, видя, что ихъ обманули, остановились и начали слушать увѣщанія боярина Матвѣева, нѣкогда своего любимаго начальника. Мятежъ уже готовъ былъ утихнуть; но приверженцы Софьи употребили всѣ усилія воспламенить его снова. Имъ помогъ своею неосторожностью начальникъ Стрѣлецкаго приказа князь Михаилъ Долгорукій, который, послѣ кроткой рѣчи Матвѣева, вдругъ закричалъ на стрѣльцовъ и съ угрозами велѣлъ имъ разойтись. Мятежники разсвирѣпѣли, взбѣжали на крыльцо и, схвативъ Долгорукаго, бросили его внизъ на копья своихъ товарищей; той же участи подвергся и несчастный Матвѣевъ. Одни изъ стрѣльцовъ ворвались въ самый дворецъ и убили нѣсколько вельможъ, имена которыхъ находились въ спискѣ, составленномъ Милославскими; другія толпы бунтовщиковъ разсѣялись по Москвѣ, отыскивая повсюду людей, обреченныхъ на смерть. Убійства возобновились на другой и на третій день. Въ числѣ многихъ знатныхъ людей въ это время погибли: Языковъ, бывшій любимецъ царя Ѳеодора, и родной братъ царицы Иванъ Нарышкинъ.

Прекративъ наконецъ свои убійства, стрѣльцы по внушенію Софьи объявили государями обоихъ царевичей вмѣстѣ; Дума боярская и выборные отъ разныхъ сословій согласились на это

двоевластіе. Вслѣдъ затѣмъ стрѣльцы настояли, чтобы правленіе, за молодостью братьевъ, было вручено царевнѣ Софьѣ.

Правленіе царевны Софьи. Первымъ дѣломъ правительницы была борьба съ раскольничьимъ движеніемъ. Число раскольниковъ быстро умножалось, несмотря на преслѣдованія, которымъ подвергались приверженцы „старой вѣры“ въ царствованіе Алексѣя и Θеодора (главные представители раскола—Аввакумъ, Лазарь и дьяконъ Θеодоръ—были сожжены въ Пустозерскѣ въ 1681 г.). Учители раскола и основатели разныхъ сектъ или толковъ укрывались по отдаленнымъ областямъ государства и тамъ собирали вокругъ себя послѣдователей; особенно много раскольничьихъ скитовъ появилось въ глухихъ лѣсахъ пустыннаго Архангельскаго края. Въ самой столицѣ раскольники были довольно многочисленны; къ нимъ тайно принадлежала часть стрѣльцовъ.

Послѣ Майскаго переворота, стрѣлецкое войско стало смотрѣть на себя, какъ на главную опору правительства; раскольники ободрились и начали дѣйствовать тѣмъ смѣлѣе, что новый начальникъ стрѣльцовъ, князь Хованскій, былъ послѣдователь ихъ ученія. Болѣе другихъ отличался своимъ фанатизмомъ растриженный священникъ Никита, прозванный «Пустосвятомъ». Однажды онъ съ большою толпой явился въ Кремль и вызывалъ патріарха на Лобное мѣсто для торжественнаго пренія о вѣрѣ. Патріархъ принялъ вызовъ; но преніе, по желанію Софьи, произошло не на площади, а во дворцѣ, въ Грановитой палатѣ, гдѣ присутствовали правительница, оба царя, вельможи и выборные московскіе люди (въ іюлѣ 1682 г.). Преніе было шумное и продолжалось до вечера; выходя изъ палаты, раскольники провозгласили побѣду. Когда такимъ образомъ соблазнъ въ народѣ достигъ опасныхъ размѣровъ, правительница рѣшилась прибѣгнуть къ строгости; спустя нѣсколько дней послѣ пренія, предводители раскольниковъ были схвачены: Никитѣ отрубили голову, а другихъ заточили. Ученики ихъ разсѣялись въ разныя стороны, но ревностно продолжали дѣло своихъ учителей.

Между тѣмъ стрѣлецкое войско не переставало волноваться; а Хованскій, потворствуя своеволію подчиненныхъ, сдѣлался ихъ любимцемъ и началъ питать честолюбивые замыслы. Пребываніе въ столицѣ и ея окрестностяхъ становилось небезопасно для правительницы; она вмѣстѣ съ Дворомъ удалилась въ крѣпкій Троицкій монастырь, куда стала созывать служилыхъ людей для защиты царскаго семейства. Хованскій, отправившись по приглашенію ея къ Троицѣ, былъ схваченъ на дорогѣ и безъ суда казненъ вмѣстѣ съ сыномъ. Стрѣльцы сначала подняли бунтъ, но, устрашенные войскомъ, собраннымъ около Троицкаго монастыря, они скоро сми-

рились и упросили патріарха ходатайствовать за нихъ передъ царевною. Она потребовала, чтобы выборные отъ стрѣльцовъ принесли ей повинную; разсказываютъ, будто около 3,000 человѣкъ отправились въ монастырь съ петлями на шеѣ, неся въ рукахъ плахи и топоры. Имъ объявлено было прощеніе; а Стрѣлецкій приказъ Софья поручила думному дьяку Шакловитому, вполнѣ ей преданному.

Въ это время любимцемъ царевны и первымъ ея совѣтникомъ является князь Василій Голицынъ, вельможа умный, получившій отчасти европейское образованіе. Изъ внѣшнихъ дѣлъ Софьи и Голицына самымъ важнымъ былъ союзъ противъ Турціи, предложенный польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ. Царевна приняла предложеніе короля только подъ условіемъ вѣчнаго мира съ Польшею, который долженъ былъ подтвердить статьи Андрусовскаго договора и упрочить за Москвою Кіевъ. Поляки согласились на это тяжкое для нихъ условіе, и въ Москвѣ былъ заключенъ вѣчный миръ (1686 г.). Вслѣдъ затѣмъ Россія, въ союзѣ съ Польшею, Австріею и Венеціею, открыла войну противъ Турціи. По условію, Русскіе должны были напасть на Крымскаго хана, чтобы отвлечь его отъ соединенія съ Турками. 100.000 Московскаго войска, подъ начальствомъ Голицына, и 50.000 Малороссійскихъ казаковъ, съ гетманомъ Самойловичемъ, выступили противъ Крымцевъ (1687 г.) Но походъ по открытымъ степямъ былъ чрезвычайно труденъ для большого войска. Татары зажгли степи, и лошади начали падать отъ безкормицы, люди терпѣли отъ дыма и зноя: оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Голицынъ безъ битвы воротился назадъ. Первымъ слѣдствіемъ неудачи было сверженіе Самойловича; казацкіе старшины не любили гетмана за гордость и корыстолюбіе, обвинили его въ измѣнѣ и потребовали, чтобъ онъ былъ смѣненъ. Софья исполнила ихъ требованіе; Самойловича сослали въ Сибирь, и на его мѣсто былъ избранъ Иванъ Мазепа [1]).

---

[1]) Это былъ человѣкъ хитрый, довольно образованный и отличавшійся страстью къ женщинамъ. Есть извѣстіе (въ мемуарахъ польскаго шляхтича Паска), что въ молодости Мазепа служилъ при дворѣ польскаго короля Яна-Казимира; что одинъ панъ, оскорбленный имъ, схватилъ Мазепу, привязалъ его нагого на спину коня и пустилъ въ поле. Послѣ того Мазепа скрылся, а, спустя нѣсколько лѣтъ, появился на Украйнѣ въ войскѣ гетмана Дорошенка. Онъ потомъ измѣнилъ Дорошенку и передался гетману Самойловичу. У послѣдняго Мазепа училъ дѣтей и съ

Весною 1689 года Голицынъ съ Мазепою предпринялъ второй походъ на Крымъ; на этотъ разъ Русскіе дошли до Перекопа, но опять воротились назадъ безъ успѣха. Правительница, однако, щедро наградила своего любимца и другихъ воеводъ, принимавшихъ участіе въ Крымскихъ походахъ. Въ томъ же году русскій уполномоченный Головкинъ заключилъ съ Китаемъ Нерчинскій договоръ; по этому договору плодоносные берега Амура, завоеванные горстью казацкихъ удальцовъ, снова отошли къ Китайцамъ, и крѣпость Албазинъ, которую казаки прославили своею геройскою защитою, была разорена.

Воспитаніе Петра и паденіе Софьи. Младшій сынъ Алексѣя Михайловича росъ подъ надзоромъ своей матери и получилъ воспитаніе, совершенно непохожее на то, которое прежде давалось Московскимъ царевичамъ. (Вполнѣ подчиненные строгимъ правиламъ церемоніала, господствовавшаго при Московскомъ дворѣ, они до извѣстныхъ лѣтъ отрочества почти не покидали внутреннихъ покоевъ дворца и оставались недоступными для глазъ народа; учителями ихъ были преимущественно лица духовныя). Рано лишившись отца, Петръ въ царствованіе брата и правленіе сестры находился въ нѣкоторомъ удаленіи отъ придворной жизни и пользовался гораздо большею свободой, нежели его предшественники. Съ дѣтства онъ обнаружилъ необыкновенно дѣятельную, пылкую натуру, геніальныя способности и чрезвычайную любознательность. Дьякъ Зотовъ, приставленный къ Петру для обученія грамотѣ, будучи не далекъ по уму и познаніямъ, не могъ удовлетворить любознательности своего ученика. Царевичъ самъ нашелъ себѣ учителей между обитателями Нѣмецкой слободы, т. е. между иностранцами, состоявшими въ русской службѣ. Изъ этихъ иностранцевъ наиболѣе извѣстны: голландецъ Тиммерманъ, учившій Петра ариѳметикѣ, геометріи и артиллеріи, и генералъ Гордонъ, родомъ Шотландецъ, главный наставникъ Петра въ военномъ дѣлѣ. Нѣсколько позднѣе самымъ близкимъ человѣкомъ

помощью его получилъ важную должность войсковаго писаря, но измѣнилъ Самойловичу и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ его паденія. Избранію Мазепы гетманомъ способствовалъ кн. Голицынъ.

и другомъ молодого царя сдѣлался ловкій, веселый Францъ Лефортъ, родомъ Женевецъ, который въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича пріѣхалъ въ Россію, чтобы искать счастья въ царской службѣ. Разсказы иностранцевъ, знакомившіе Петра съ подробностями европейской образованности, еще сильнѣе возбуждали въ немъ жажду знанія и дѣятельности.

Дѣтскія забавы Петра отличались военнымъ характеромъ; онъ окружилъ себя сверстниками изъ дѣтей придворныхъ служителей и, проводя большую часть времени въ царскихъ подмосковныхъ селахъ, игралъ съ ними въ солдаты. Съ помощью иностранныхъ офицеровъ онъ образовалъ изъ товарищей своихъ игръ потѣшныя роты, сформированныя по образцу регулярнаго солдатскаго войска; число охотниковъ, поступавшихъ въ эти роты, постоянно увеличивалось, и изъ нихъ составились потомъ два первыхъ гвардейскихъ полка, Преображенскій и Семеновскій (названные такъ по двумъ подмосковнымъ селамъ). Иностранные корабельные мастера помогли царевичу завести также потѣшный флотъ изъ судовъ, построенныхъ по европейскимъ образцамъ.

Самъ Петръ такимъ образомъ разсказываетъ (въ предисловіи къ морскому регламенту) о началѣ потѣшнаго флота:

Однажды, въ 1688 году, ему вмѣстѣ съ Тиммерманомъ случилось быть въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ. Осматривая амбары, въ которыхъ лежали старыя вещи покойнаго Никиты Ивановича Романова, царевичъ увидалъ незнакомое для него иностранное судно и обратился съ разспросами къ Тиммерману. Послѣдній объяснилъ, что это англійскій ботъ, который можетъ ходить на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра.

Удивленный Петръ спросилъ, нѣтъ ли человѣка, который могъ бы починить ботъ и показалъ бы его ходъ на водѣ. Тиммерманъ указалъ на голландскаго мастера Бранта, который при Алексѣѣ Михайловичѣ участвовалъ въ постройкѣ судовъ для Каспійскаго моря. Брантъ удовлетворилъ желанію юноши, спустилъ ботъ на Яузу и научилъ Петра лавировать. Петръ скоро такъ пристрастился къ новой забавѣ, что не удовлетворился однимъ ботомъ, а въ слѣдующемъ году, при помощи того же Бранта, выстроилъ уже цѣлую флотилію судовъ на Переяславскомъ озерѣ.

Софья мало заботилась о военныхъ потѣхахъ и разгульномъ образѣ жизни своего брата. Но по мѣрѣ того, какъ молодой царь приходилъ въ возрастъ, борьба между нимъ

и властолюбивою правительницею становились неизбѣжною. Руководимая совѣтами Шакловитаго и ученаго игумена Заиконоспасскаго монастыря Сильвестра Медвѣдева, Софья хотѣла снова поднять на свою защиту стрѣлецкое войско; но стрѣльцы на этотъ разъ не показали охоты поддерживать правительницу, и большинство ихъ явно склонялось на сторону царя. Тогда Шакловитый рѣшился посягнуть на самую жизнь Петра и его матери. Два стрѣльца ночью явились въ Преображенское къ царю и извѣстили его объ опасности. Внезапно разбуженный, Петръ тотчасъ сѣлъ на коня и ускакалъ въ Троицкую Лавру, подъ защиту ея укрѣпленiей; за нимъ послѣдовали царица Наталія, ея родственники и приверженцы. По призыву царя сюда скоро начали стекаться и военные люди; изъ Москвы пришелъ стрѣлецкій Сухаревъ полкъ и увлекъ за собою другихъ стрѣльцовъ; явились и служилые иноземцы. Почти всѣми оставленная, правительница тщетно прибѣгала къ посредничеству патріарха и другихъ близкихъ особъ. Шакловитый и Сильвестръ Медвѣдевъ были казнены, князь Голицынъ съ сыномъ отправленъ въ ссылку, а Софья заключена въ Новодѣвичій монастырь (1689 г.). Семнадцатилѣтній Петръ сдѣлался теперь единодержавнымъ государемъ. Братъ его Иванъ продолжалъ именоваться царемъ на всѣхъ грамотахъ и при торжественныхъ случаяхъ являлся народу въ царскомъ облаченіи, но не принималъ дѣйствительнаго участія въ управленіи. (Онъ умеръ въ 1696 году).

Азовскіе походы и путешествіе за границу. Первое время своего правленія Петръ преимущественно занимался устройствомъ регулярнаго войска. Онъ давалъ примѣрныя сраженія солдатскихъ полковъ со стрѣльцами (причемъ первые обыкновенно оставались побѣдителями) [2]), продолжалъ строить суда на Переяславскомъ озерѣ и два раза ѣздилъ

---

[2]) Замѣчательны особенно больше маневры, извѣстные подъ именемъ „Кожуховскаго похода" (1694 г.). Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, на берегу Москвы рѣки, за деревнею Кожухово, сооружено было земляное укрѣпленіе, обнесенное валомъ и рвомъ. Полки стрѣлецкіе должны были защищать это укрѣпленіе подъ начальствомъ боярина Бутурлина; а полки потѣшные и солдатскіе осаждали его подъ начальствомъ боярина Ромодановскаго. Послѣ нѣсколькихъ дней осады укрѣпленіе было взято приступомъ.

въ Архангельскъ, чтобы познакомиться съ моремъ. Отъ своихъ трудовъ царь нерѣдко отдыхалъ за веселыми пирами и попойками въ обществѣ приближенныхъ лицъ, преимущественно иностранныхъ офицеровъ; на эту дружбу съ иностранцами неодобрительно смотрѣли духовенство и старые московскіе бояре.

Скоро вниманіе государя обратилось на югъ, къ морямъ Азовскому и Черному, гдѣ война съ Турками, начатая при Софьѣ, еще не была окончена. Главнымъ пунктомъ для своего нападенія царь избралъ Азовскую крѣпость, которая служила ключомъ къ сосѣднему морю. Петръ задумалъ утвердиться на Азовскомъ морѣ, чтобы завести тамъ флотъ и морскую торговлю съ Южной Европой. Посадивъ войско на суда, онъ переправилъ его Окою, Волгою и Дономъ къ Азову; въ то же время другая армія подъ начальствомъ Шереметева вмѣстѣ съ Малороссійскими казаками направилась къ низовьямъ Днѣпра. Осада Азова, въ которой участвовалъ самъ Петръ, на первый разъ была неудачна (1695 г.), отчасти по неимѣнію искусныхъ инженеровъ, отчасти потому, что азовскій гарнизонъ свободно получалъ подкрѣпленія съ моря. Царь отступилъ; но въ ту же зиму построилъ до 30 военныхъ судовъ на рѣкѣ Воронежѣ. На слѣдующую весну онъ снова выступилъ въ походъ, назначивъ адмираломъ флота любимца своего Лефорта, а главнымъ начальникомъ сухопутнаго войска боярина Шеина. На этотъ разъ крѣпость, окруженная съ сухого пути и съ моря, сдалась послѣ двухмѣсячной осады. Побѣдителямъ былъ устроенъ тріумфальный входъ въ столицу, причемъ царь шелъ впереди морского отряда въ мундирѣ простого капитана. Чтобы утвердиться на берегахъ Азовскаго моря, Петръ немедленно приступилъ къ сооруженію большого флота на счетъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ своего государства. Землевладѣльцы для этого соединялись въ опредѣленныя товарищества или „кумпанства“. Постройка судовъ производилась на Воронежской верфи, окрестности которой изобиловали въ тѣ времена густыми первобытными лѣсами.

Для обученія морскому дѣлу царь отправилъ до 50 молодыхъ людей изъ своихъ стольниковъ и спальниковъ въ

Венецію, Англію и Голландію. Вслѣдъ затѣмъ онъ самъ рѣшилъ ѣхать за границу, чтобы видѣть европейскую цивилизацію и научиться искусству строить корабли. Съ этою цѣлью снаряжено было торжественное посольство, во главѣ котораго поставлены генералы Лефортъ и Головинъ; а въ числѣ дворянъ, составлявшихъ посольскую свиту, отправился самъ царь подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Управленіе государствомъ на время отсутствія онъ поручилъ тремъ вельможамъ: своему дядѣ Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Голицыну и князю Прозоровскому (1697 г.). Въ Ригѣ шведскій комендантъ недружелюбно принялъ пословъ и не дозволилъ Петру осмотрѣть городскія укрѣпленія; зато въ сѣверной Германіи посольство повсюду встрѣчало ласковый пріемъ [3]). Въ Голландіи Петръ остановился, и нѣсколько мѣсяцевъ съ топоромъ въ рукѣ работалъ на корабельныхъ верфяхъ, сначала въ городѣ Сардамѣ. Отсюда онъ переѣхалъ въ Англію, чтобы усовершенствовать себя въ искусствѣ мореплаванія. Изъ Англіи Петръ отправился въ Вѣну, ко двору императора Леопольда, откуда уже хотѣлъ ѣхать въ Венецію, когда пришла вѣсть о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, и царь поспѣшилъ въ Москву.

Еще до отъѣзда Петра за границу былъ открытъ заговоръ на его жизнь, составленный стрѣлецкимъ полковникомъ Циклеромъ, окольничимъ Соковнинымъ и другими приверженцами старины; заговорщики подверглись казни. Во время же отсутствія Петра четыре стрѣлецкіе полка, стоявшіе на литовской границѣ, будучи недовольны разлукою со своими семьями и тяжелою службою, возмутились и пошли къ столицѣ, изъявляя намѣреніе перебить бояръ и Нѣмцевъ. Говорятъ, царевна Софья изъ своего монастырскаго уединенія

---

[3]) Въ городѣ Коппенбургѣ (недалеко отъ Ганновера) Петръ посѣтилъ курфирстину ганноверскую Софью-Шарлоту и дочь ея Софью, курфирстину бранденбургскую. Вотъ какъ потомъ отозвались о немъ обѣ курфирстины въ своихъ письмахъ: „Царь очень высокаго роста, строенъ и весьма красивъ; онъ одаренъ замѣчательною живостью ума, отвѣты его быстры и мѣтки. Но при блестящихъ природныхъ дарованіяхъ ему недостаетъ хорошихъ манеръ; еслибы онъ получилъ лучшее воспитаніе, то былъ бы человѣкомъ совершеннымъ“. „Москвитяне, танцуя съ нами, приняли корсетныя пружины за наши кости“, и царь замѣтилъ: „у этихъ нѣмокъ чертовски жесткія кости“.

звала стрѣльцовъ въ Москву, распуская слухъ, будто бы Петръ умеръ за границею. Бояринъ Шеинъ и генералъ Гордонъ съ регулярными полками встрѣтили мятежниковъ около Воскресенскаго монастыря и разсѣяли ихъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Послѣ обычнаго розыска (пытокъ) главные зачинщики были повѣшены, а остальные мятежники разсажены по тюрьмамъ. Такимъ образомъ, прежде нежели царь успѣлъ пріѣхать въ Москву, мятежъ былъ усмиренъ.

Первымъ дѣломъ Петра по возвращеніи изъ путешествія (въ августѣ 1698 года) было запрещеніе носить бороду, служившую наружнымъ отличіемъ Русскихъ отъ западныхъ европейцевъ. Бояре и вообще придворныя лица прежде всего должны были пожертвовать этимъ почетнымъ украшеніемъ; оно оставлено только духовенству и крестьянамъ; а люди другихъ сословій за право носить бороду должны были платить пошлину. Въ то же время служилымъ людямъ и горожанамъ приказано перемѣнить свою старинную долгополую одежду на короткое европейское платье. *Съ началомъ XVIII столѣтія царь велѣлъ праздновать начало новаго года не 1 сентября, какъ прежде, а 1 января, какъ у другихъ европейцевъ.* Эти быстрыя перемѣны не обошлись безъ сильнаго ропота со стороны народа. Между тѣмъ, недовольный розыскомъ Шеина, Петръ приказалъ снова допрашивать стрѣльцовъ подъ страшными пытками. Убѣдившись въ участіи Софіи, онъ, наконецъ, прекратилъ розыскъ. Послѣдовали многочисленныя казни; всѣ стрѣльцы, замѣшанные въ бунтѣ, казнены, за исключеніемъ несовершеннолѣтнихъ [1]). Стрѣлецкое войско потомъ мало-по-малу было уничтожено.

Великая Сѣверная война и начало Петербурга. Весною 1699 года Петръ со своимъ воронежскимъ флотомъ ходилъ

---

[1]) Когда на московскихъ площадяхъ начали приготовлять множество висѣлицъ, патріархъ Адріанъ, какъ разсказываютъ, явился къ Петру съ иконою Богоматери и умолялъ его о пощадѣ осужденныхъ. Царь съ гнѣвомъ отвѣтилъ ему: „Зачѣмъ подвигнулъ ты святую икону? Удались и поставь ее на свое мѣсто. Знай, что я чту Бога и Пресвятую Богородицу не менѣе тебя; но знай также и то, что долгъ мой охранять народъ и наказывать злодѣяніе". Трупы казненныхъ стрѣльцовъ оставались неубранными цѣлые пять мѣсяцевъ, къ ужасу народа. Красная площадь была покрыта обезглавленными, а стѣны Бѣлаго и Земляного города унизаны повѣшенными. На Дѣвичьемъ полѣ нѣкоторые стрѣльцы висѣли противъ самыхъ оконъ царевны Софьи, съ челобитными грамотами въ рукахъ.

въ Азовское море; но въ слѣдующемъ году онъ заключилъ миръ съ Турками и отложилъ дальнѣйшія предпріятія на югѣ. Въ то время главное его вниманіе и энергія устремились на борьбу со Шведами: онъ задумалъ воротить принадлежавшіе нѣкогда Россіи берега Балтійскаго моря, отъ котораго она была отрѣзана Столбовскимъ договоромъ. *Берега эти были теперь необходимы для Россіи, чтобы моремъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Западной Европой*; Балтійское море представляло къ тому гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ Азовское, отдѣленное отъ образованныхъ странъ владѣніями невѣжественныхъ Турокъ. Обстоятельства благопріятствовали стремленію Петра: короли датскій и польскій заключили съ нимъ наступательный союзъ противъ Швеціи. О заключеніи союза преимущественно хлопоталъ ливонецъ Паткуль, который принадлежалъ къ партіи дворянъ, недовольныхъ шведскимъ правительствомъ за отобраніе у нихъ въ казну многихъ земель (за „редукцію"). По его плану польскій король Августъ рѣшился отнять у Шведовъ Ливонію между тѣмъ какъ Русскіе должны были захватить Ингрію и Карелію, а Датчане — герцогство Голштинское.

Начало войны, открывшейся весною 1700 года, было несчастливо для союзниковъ. Молодой шведскій король, Карлъ XII, побѣдивъ Датчанъ и принудивъ ихъ къ миру, поспѣшилъ въ Лифляндію, а оттуда пошелъ противъ Русскихъ, которые осаждали Нарву. Русская армія заключала отъ 35 до 40,000 человѣкъ, большею частію новобранцевъ, и состояла подъ начальствомъ иностраннаго генерала, герцога де-Кроа; Карлъ имѣлъ войско втрое меньше числомъ, но опытное и отлично устроенное. Быстрымъ, неожиданымъ нападеніемъ Шведы разбили Русскихъ подъ Нарвою и захватили артиллерію (19 ноября). Храбрый полководецъ, Карлъ однако не былъ дальновиднымъ политикомъ и не воспользовался своею побѣдою: онъ оставилъ Русскихъ въ покоѣ и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Польшѣ, увлекаясь своимъ торжествомъ надъ лѣнивымъ, изнѣженнымъ Августомъ. (Петръ искусно старался задержать тамъ Карла, помогая Августу войскомъ и деньгами). Этимъ временемъ Русскій царь воспользовался какъ нельзя лучше. Послѣ Нарв-

скаго пораженія онъ принялъ энергическія мѣры: начеканилъ мѣдной монеты, перелилъ старые церковные колокола въ пушки и, устроивъ новую армію, предпринялъ завоеваніе сосѣднихъ шведскихъ провинцій, которыя защищались незначительными силами. Фельдмаршалъ Шереметевъ разбилъ въ двухъ битвахъ шведскаго генерала Шлиппенбаха и занялъ восточную часть Лифляндіи; причемъ Русскіе, по старому обычаю, сильно опустошили непріятельскія земли. Между тѣмъ самъ царь завоевалъ Ингрію, взялъ шведскія крѣпости на рѣкѣ Невѣ, именно Нотебургъ (переименованный Петромъ въ Шлиссельбургъ) и Ніеншанцъ, и такимъ образомъ пробился къ давно желанному морскому берегу. На берегу Свири, въ Лодейномъ Полѣ, онъ устроилъ верфи для новаго балтійскаго флота; а на одномъ изъ островов въ устьѣ Невы (на Люстъ-Эйландѣ) немедленно заложилъ городъ Петербургъ — свою будущую столицу (въ маѣ 1703 г.).

Петръ самъ распоряжался работами по устройству гавани и крѣпостцы (Петропавловской). Онъ здѣсь жилъ въ маленькомъ деревянномъ домикѣ (который сохраняется теперь подъ каменнымъ навѣсомъ). Первые обитатели, поселенные въ новомъ городѣ, были жители разрушенной шведской крѣпости Ніеншанца. Изъ Калуги, Можайска и Вереи переселены сюда русскіе купцы. Уже въ ноябрѣ того же 1703 года къ устью Невы прибылъ первый иностранный (голландскій) корабль съ грузомъ вина и соли. Обрадованный царь выѣхалъ къ нему навстрѣчу, самъ исполнялъ обязанности лоцмана при введеніи корабля въ гавань, освободилъ грузъ отъ пошлины и щедро одарилъ хозяина корабля и всѣхъ матросовъ. Съ такимъ же радушіемъ встрѣчалъ онъ послѣдующіе иностранные корабли и охотно позволялъ угощать себя виномъ и кофе. Чтобы защищать съ моря свой балтійскій флотъ и будущую столицу, Петръ построилъ крѣпость Кроншлотъ на отмели подлѣ острова Котлина, запирающаго входъ въ устье Невы. На этомъ низменномъ островѣ и вокругъ него возникли впослѣдствіи укрѣпленія Кронштадта.

Первая морская побѣда Петра надъ Шведами одержана одновременно съ заложеніемъ Петербурга. Шведская эскадра, еще незнавшая о взятіи крѣпости Ніеншанца, приблизилась къ устью Невы и выслала два фрегата впередъ, которые бросили якорь у самаго устья. У Петра еще не было готовыхъ кораблей на Невѣ; онъ посадилъ своихъ гвардейцевъ на лодки, ночью незамѣтно подплылъ съ ними къ шведскимъ кораблямъ, а на разсвѣтѣ напалъ на непріятелей и послѣ мужественной обороны взялъ оба фрегата. Царь

былъ чрезвычайно доволенъ этимъ первымъ успѣхомъ на Балтійскомъ морѣ, и собственноручными письмами извѣстилъ о немъ своихъ сподвижниковъ, поздравляя ихъ съ «сею никогда бывшею викторіею» [5]).

Весною 1704 года Петръ двинулъ часть русскихъ войскъ въ Литву на помощь своему союзнику. Но эта помощь не спасла польскаго короля: преслѣдуемый Карломъ въ самой Саксоніи, своемъ наслѣдственномъ курфиршествѣ, Августъ отказался наконецъ отъ польской короны въ пользу познанскаго воеводы Станислава Лещинскаго и выдалъ Шведамъ несчастнаго Паткуля, который былъ ими колесованъ, какъ измѣнникъ (1706 г.). Теперь у Карла оставался только одинъ непріятель — Московскій царь. Петръ тщетно предлагалъ миръ, требуя хотя одной гавани на Балтійскомъ морѣ; Шведскій король не согласился ни на какія уступки и хотѣлъ въ Москвѣ предписать миръ своему противнику.

Астрахань и Донъ. Одновременно съ этой трудной Шведской войною, царь, за свои нововведенія и крутыя мѣры, долженъ былъ выдерживать почти постоянную борьбу съ народнымъ неудовольствіемъ; а въ отдаленныхъ областяхъ не разъ происходило открытое возмущеніе. Такъ въ Астрахани сынъ одного изъ казненныхъ стрѣльцовъ поднялъ народъ слухами о намѣреніи царя перемѣнить вѣру, раздѣлить государство и выдать всѣхъ русскихъ дѣвицъ за Нѣмцевъ (для избѣжанія такого несчастія Астраханцы въ одинъ день повѣнчали у себя сто паръ); но астраханскихъ мятежниковъ довольно легко усмирилъ фельдмаршалъ Шереметевъ (1706 г.). Гораздо опаснѣе было возмущеніе Донскихъ казаковъ.

Петръ отправилъ отрядъ войска, чтобы отыскивать и возвращать назадъ тяглыхъ людей, которые, спасаясь отъ рекрутскихъ наборовъ и новыхъ налоговъ, въ большомъ числѣ бѣжали на Донъ. Шайка голутвенныхъ казаковъ собралась подъ начальствомъ одного изъ старшинъ, Булавина, и нечаяннымъ нападеніемъ истребила

---

[5]) Сподвижники отвѣчали Петру въ томъ же смыслѣ. Между прочимъ бояринъ Стрѣшневъ писалъ: „А за такую, государь, побѣду храбрымъ приводцамъ прежде какія милости бывали, и того въ Разрядѣ не сыскано для того, что не было взятья кораблей на морѣ никогда. И еще въ сундукахъ станемъ искать, а чаю, сыскать нечего. Примѣровъ такихъ нѣтъ“.

Въ слѣдующемъ 1704 г. Русскіе взяли приступомъ и Нарву, подъ которою прежде потерпѣли извѣстное пораженіе. Разгоряченные храбрымъ сопротивленіемъ, солдаты предались грабежу и убійствамъ въ завоеванномъ городѣ. Царь и его генералы съ трудомъ остановили ихъ. Вошедъ послѣ того въ домъ бургомистра, Петръ бросилъ на столъ свою окровавленную шпагу и сказалъ: „Не бойтесь, это не шведская, а русская кровь, пролитая для вашей защиты“.

русскій отрядъ. Мятежъ быстро разлился по Дону, и Булавинъ завладѣлъ главнымъ городомъ казаковъ Черкаскомъ, 1708 г. Но подоспѣвшія царскія войска нанесли мятежникамъ нѣсколько пораженій. Тогда домовитые казаки отложились отъ Булавина, и онъ въ отчаяніи застрѣлился. Начальникъ царскихъ войскъ князь Василій Долгорукій разорилъ до основанія непокорныя станицы и перевѣшалъ множество бунтовщиковъ. (По рѣкамъ пущены были плоты съ повѣшенными на нихъ казаками, что навело большой страхъ на весь Донъ). Одинъ изъ товарищей Булавина, Некрасовъ, ушелъ съ своею шайкою на Кубань и поддался Крымскому хану; потомъ съ частію своихъ казаковъ онъ перешелъ въ турецкую область Добруджу на нижнемъ Дунаѣ. (Здѣсь потомки этихъ казаковъ извѣстны подъ именемъ Некрасовцевъ).

Мазепа, Полтава и Прутъ. Лѣтомъ 1708 года Карлъ съ главнымъ войскомъ въ Могилевѣ перешелъ Днѣпръ и направился въ Украйну; Русскіе затрудняли ему путь, истребляя непріятельскіе отряды и предавая пламени города и села, чтобы лишить Шведовъ продовольствія. На помощь Карлу изъ Лифляндіи спѣшилъ генералъ Левенгауптъ съ обозомъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ. Петръ лично напалъ на Левенгаупта, разбилъ его при деревнѣ Лѣсной (близъ Пропойска на Сожѣ), и захватилъ въ свои руки весь непріятельскій обозъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ вѣсть объ измѣнѣ Малороссійскаго гетмана. Честолюбивый старикъ уже давно тяготился московскимъ подданствомъ, но искусно скрывалъ свои планы и показывалъ себя вѣрнымъ слугою Петра. Опасаясь за свое гетманство и раздѣляя вѣру въ непобѣдимость Карла XII, Мазепа уступилъ польскимъ внушеніямъ и завелъ переговоры съ Станиславомъ Лещинскимъ. Личный врагъ Мазепы генеральный судья Кочубей и полковникъ Искра донесли царю объ измѣнѣ гетмана; но царь былъ слишкомъ увѣренъ въ его преданности, и доносчики, выданные Мазепѣ, подверглись казни [6]).

[6]) Посредницею въ тайныхъ сношеніяхъ Мазепы съ Лещинскимъ была княгиня Дольская, кума гетмана. Долго гетманъ ограничивался въ переписке съ нею неопредѣленными выраженіями и выжидалъ, что покажутъ обстоятельства. Дольская искусно затронула его слабую струну: подъ видомъ дружбы она извѣстила его, что однажды была на пиру вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ и еще другимъ русскимъ генераломъ, и будто бы тутъ оба они сообщили ей, что Меньшиковъ роетъ яму подъ Мазепою и хочетъ, свергнувъ его, самъ сдѣлаться гетманомъ на Украйнѣ. Мазепа встревожился и сталъ доступнѣе польскимъ внушеніямъ. Его тайныя сношенія съ врагами Россіи не укрылись отъ нѣ-

Когда Карлъ вступилъ въ Украйну, гетманъ присталъ къ нему съ отрядомъ казаковъ; но поднять всю Малороссію ему не удалось, и большинство войска осталось вѣрно царю. Генералъ Меньшиковъ взялъ приступомъ и разорилъ гетманскую столицу Батуринъ, послѣ чего въ гетманы былъ выбранъ полковникъ Скоропадскій, а Мазепа преданъ церковному проклятію.

Карлъ, обманутый надеждою на казацкую помощь, имѣлъ при себѣ не болѣе 30.000 человѣкъ, утомленныхъ битвами и тяжелыми лишеніями; русскія же области, въ которыя они вступили, заранѣе были опустошены царскими генералами. Шведы расположились между Пселомъ и Ворсклою, и осадили Полтаву. На помощь осажденнымъ явился самъ Петръ, и здѣсь 27 іюня 1709 года произошла знаменитая битва. Шведы были разбиты на голову.

Передъ битвою царь отдалъ приказъ къ войску, гдѣ указывалъ на то, что пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества. «А о Петрѣ — говорилось въ приказѣ — вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи». Сраженіе начали Шведы. Передъ разсвѣтомъ они стремительно бросились на русскую конницу и заставили ее отступить; но тутъ нѣсколько шведскихъ полковъ были отрѣзаны отъ главнаго войска и разбиты. Между тѣмъ русская пѣхота была выведена изъ окоповъ и построилась въ боевую линію. Въ 9 часовъ утра завязалось генеральное сраженіе. Оно длилось два часа. Петръ являлся всюду, гдѣ грозила наибольшая опасность; шляпа его и сѣдло были прострѣлены. Карла, тяжело раненаго въ ногу, возили въ коляскѣ между рядами войска; вдругъ пушечное ядро ударило въ коляску, и король упалъ на

которыхъ казацкихъ старшинъ и между прочимъ отъ генеральнаго войскового судьи Кочубея. У послѣдняго была дочь Матрена, крестница гетмана. Овдовѣвъ, Мазепа вздумалъ жениться во второй разъ и, несмотря на преклонныя лѣта, онъ сдѣлалъ предложеніе своей крестницѣ. Родители отказали на основаніи церковнаго запрещенія; но дочь ихъ, слѣдуя сердечной склонности или честолюбивому желанію сдѣлаться гетманшею, убѣжала изъ отцовскаго дома къ гетману. Хотя Мазепа и возвратилъ ее къ родителямъ, но послѣдніе считали себя опозоренными и съ тѣхъ поръ сдѣлались заклятыми врагами гетмана. Кочубей вмѣстѣ съ бывшимъ полтавскимъ полковникомъ Искрою донесъ царю о томъ, что Мазепа замышляетъ измѣну. И прежде бывали подобные доносы, но оказывались ложными. Уже болѣе двадцати лѣтъ гетманъ вѣрно служилъ русскому государю; поэтому Петръ отнесся недовѣрчиво къ доносчикамъ и велѣлъ Головкину и Шафирову разспросить ихъ подъ пыткою. Престарѣлый Кочубей не выдержалъ мученій и объявилъ, что донесъ на гетмана по злобѣ; а Искра признался, что послѣдовалъ внушеніямъ Кочубея. Послѣ того они оба отправлены къ Мазепѣ, который стоялъ лагеремъ недалеко отъ Бѣлой Церкви, и здѣсь были всенародно казнены.

землю. Находившіеся вблизи солдаты подумали, что онъ убитъ, и пришли въ замѣшательство. Карлъ велѣлъ посадить себя на скрещенныя пики; но тщетно пытался онъ ободрить солдатъ. Въ то же время шведская пѣхота была сломлена, и фельдмаршалъ Реншильдъ, принявшій главное начальство вмѣсто раненаго короля, взятъ въ плѣнъ. Тогда все шведское войско обратилось въ бѣгство.

Отслушавъ молебенъ на мѣстѣ битвы, царь, окруженный своими сподвижниками, сѣлъ обѣдать и посадилъ за тотъ же столъ плѣнныхъ шведскихъ генераловъ. При громѣ пушекъ онъ провозгласилъ тостъ за здоровье учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. «Кто же эти учителя?»—спросилъ Реншильдъ. «Вы, господа Шведы», отвѣчалъ царь. «Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей», замѣтилъ фельдмаршалъ.

Король съ Мазепою и нѣсколькими сотнями своихъ солдатъ успѣлъ переправиться за Днѣпръ и бѣжалъ въ Турцію; а остатки шведскаго войска, настигнутые Меньшиковымъ, сдались на капитуляцію. Полтавская побѣда имѣетъ важное значеніе въ исторіи сѣверной и восточной Европы; она нанесла сильный ударъ могуществу Швеціи и подняла Россію во мнѣніи европейскихъ державъ. Датскій король и Августъ (снова занявшій польскій престолъ) возобновили союзъ съ Россіей. На берегахъ Балтійскаго моря города одинъ за другимъ стали переходить въ руки Петра; между прочимъ взяты: Рига, Ревель и Выборгъ. Но вскорѣ царь опять былъ отвлеченъ на югъ, потому что Карлъ XII и Французскій дворъ успѣли вооружить противъ него турецкаго султана. Послѣдній велѣлъ заключить въ Семибашенный замокъ русскаго посланника Толстого и объявилъ войну Россіи.

Получивъ обѣщаніе помощи отъ господарей Молдавіи и Валахіи и надѣясь возбудить востаніе между турецкими Славянами, Петръ съ сорока-тысячнымъ войскомъ неосторожно углубился въ степи и перешелъ границу. На помощь къ нему явился только одинъ молдавскій господарь Кантемиръ. Услыхавъ о приближеніи огромныхъ турецкихъ силъ, царь поспѣшилъ отступить; но на берегахъ Прута былъ окруженъ двухсотъ-тысячной арміей великаго визиря (въ іюлѣ 1711 г.). Тогда Петръ вошелъ въ переговоры, и, сверхъ ожиданія, великій визирь охотно согласился на миръ. По этому миру Туркамъ сдѣланы значительныя уступки, и

такъ какъ имъ возвратили Азовъ, то Русскіе снова были отрѣзаны отъ Чернаго моря [7]).

Ништадскій миръ. Между тѣмъ Сѣверная война продолжалась непрерывно, хотя походы большими массами войскъ уже кончились. Союзники вытѣснили Шведовъ съ южныхъ балтійскихъ береговъ, а на морѣ русскій флотъ одерживалъ верхъ надъ шведскимъ. (Самая значительная морская побѣда одержана была Петромъ при мысѣ Гангудѣ въ 1715 г.). Но царь скоро разссорился съ своими союзниками, которые начали подозрѣвать его въ намѣреніи завладѣть Мекленбургскимъ герцогствомъ (онъ выдалъ одну изъ своихъ племянницъ за герцога Мекленбургскаго и держалъ тамъ свои войска). Тогда Карлъ XII завязалъ переговоры съ царемъ, соглашаясь на многія уступки; уполномоченные обѣихъ сторонъ съѣхались на Аландскихъ островахъ, и главную роль при этихъ переговорахъ игралъ довѣренный министръ Карла, голштинскій баронъ Герцъ, который хотѣлъ помирить Петра съ Карломъ и съ помощію Русскихъ вознаградить Швецію въ другихъ мѣстахъ за потерю Балтійскихъ провинцій. Но внезапная смерть короля при осадѣ одной норвежской крѣпости прекратила эти переговоры (1718 г.). Шведская аристократія казнила ненавистнаго ей Герца и возобновила войну съ Россіей [8]). Высадки русскихъ войскъ на берега Швеціи, подъ начальствомъ адмирала Апраксина, и страшныя опустошенія, произведенныя ими, заставили наконецъ Шведовъ согласиться на миръ, который и былъ заключенъ въ Ништадѣ (20 авгусла 1721 года). Швеція уступила Россіи Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, часть Кареліи и

---

[7]) Разсказываютъ, будто Петръ, находясь въ критическомъ положеніи на берегу Прута, написалъ въ сенатъ письмо, въ которомъ приказывалъ, въ случаѣ своего плѣна, не исполнять его повелѣній, пока онъ самъ не явится въ Россію; а въ случаѣ погибели выбрать изъ своей среды достойнѣйшаго ему въ преемники. Это письмо недостовѣрно законнымъ наслѣдникомъ въ то время былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ.

[8]) Около этого времени (1717 г.) Петръ совершилъ путешествіе во Францію гдѣ онъ хотѣлъ заключить союзъ съ герцогомъ Орлеанскимъ, который управлялъ государствомъ въ малолѣтство Людовика XV. Въ Парижѣ Петръ обратилъ на себя вниманія Французовъ простотою въ одеждѣ и образѣ жизни и чрезвычайною любознательностью, съ которою относился къ произведеніямъ промышленности, искусствъ и т. п. Разсказываютъ, что, увидавъ статую Ришелье, онъ воскликнулъ: „Великій человѣкъ, я отдалъ бы тебѣ одну половину моего царства, съ тѣмъ, чтобы ты научилъ меня управлять другою“.

часть Финляндіи [9]). Россія купила дорогою цѣной великія пріобрѣтенія, утвержденныя Ништадскимъ миромъ: частые рекрутскіе наборы и большіе налоги сильно истощили государство; поэтому народъ былъ чрезвычайно обрадованъ прекращеніемъ тяжкой войны. Петръ праздновалъ этотъ миръ великолѣпными пирами и маскарадами; во время торжества онъ принялъ новый, болѣе громкій титулъ императора Всероссійскаго.

Петръ былъ на пути въ Выборгъ, когда курьеръ привезъ ему извѣстіе о заключеніи мира. Онъ тотчасъ поспѣшилъ назадъ въ Петербургъ на небольшомъ суднѣ, безпрестанно стрѣляя изъ пушекъ. Встрѣченный на берегу толпами народа, царь прежде всего зашелъ въ Троицкій соборъ и велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ. Между тѣмъ на сосѣдней площади приготовили бочки съ виномъ и пивомъ и устроили возвышенное мѣсто. Царь взошелъ на него и сказалъ окружающему народу: «Здравствуйте, православные, и благодарите Бога, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый вѣчный миръ!» Онъ взялъ ковшъ съ виномъ и выпилъ за здоровье народа, который отвѣчалъ громкими кликами: «да здравствуетъ Государь!» 22 октября въ Троицкомъ соборѣ послѣ обѣдни былъ торжественно прочтенъ мирный договоръ со Швеціей, и Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ проповѣдь, въ которой описалъ знаменитыя дѣла царя. Затѣмъ къ Петру подходятъ сенаторы, и канцлеръ графъ Головкинъ отъ имени всѣхъ чиновъ государства проситъ принять титулъ «Отца отечества», «Великаго» и «Всероссійскаго императора». Петръ отвѣчаетъ, что «должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи Греческой».

Въ слѣдующемъ году императоръ предпринялъ свой послѣдній походъ, объявивъ войну Персіи за обиды и грабежи, причиненные въ Шемахѣ русскимъ купцамъ. Онъ спустился Окою и Волгою въ Каспійское море, взялъ Тарки, Дербентъ, и воротился, оставивъ тамъ русскіе гарнизоны. Договоромъ 1723 года Петръ обѣщалъ шаху Тохмасу помощь противъ персидскихъ мятежниковъ, а шахъ уступилъ Россіи нѣсколько прикаспійскихъ областей (Гилянь, Мазандеранъ и Астрабатъ).

---

[9]) Присоединяя къ Россіи Лифляндію, Эстляндію и островъ Эзель, Петръ подтвердилъ ихъ прежнее устройство и привилегіи дворянства и городовъ: первому оставлены его сеймы или ландтаги и владѣніе населенною землею, вторымъ—ихъ магистраты, гильдіи, цехи и пр.

Сословныя и административныя реформы. Между реформами Петра весьма важное мѣсто занимаютъ мѣры, относившіяся къ преобразованію сословій. Запрещеніе мѣстничества уже довольно сильно поколебало зданіе московской родовой аристократіи. Петръ нанесъ послѣдній ударъ боярской знати, открывъ дорогу къ высшимъ должностямъ людямъ самаго незначительнаго происхожденія и бѣднымъ иностраннымъ выходцамъ. Такимъ образомъ, *служба и милость государя окончательно были поставлены выше знатнаго происхожденія.* Своею „табелью о рангахъ" (1722 г.) Петръ раздѣлилъ все служащее сословіе, по образцу нѣмецкаго, на степени или „классы", числомъ 14; каждому классу соотвѣтствовалъ извѣстный чинъ военный и гражданскій. Въ то же время съ учрежденіемъ нѣкоторыхъ орденовъ (Андрея Первозваннаго и св. Екатерины) введены знаки отличія за усердную или продолжительную службу. Этими мѣрами положено было начало чиновной іерархіи (бюрократіи) въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ до сихъ поръ въ Россіи. Чиновные классы наполнялись преимущественно людьми изъ помѣщичьяго или прежняго служилаго сословія, которое получило теперь общее названіе дворянства или шляхетства; человѣкъ всякаго другого сословія, достигшій перваго офицерскаго чина въ арміи или VIII класса въ гражданской службѣ, пріобрѣталъ тѣмъ достоинство потомственнаго дворянина. Петръ сравнялъ помѣстья съ вотчинами, но зато подтвердилъ обязанность всѣхъ дворянъ служить до самой смерти; за уклоненіе отъ службы онъ приказалъ отбирать вотчины. Воевода каждой провинціи долженъ былъ собирать дворянскихъ сыновей отъ 10 до 13 лѣтъ и записывать ихъ въ военную службу, а неспособныхъ къ ней опредѣлять въ гражданскую. Преобразуя древнюю родовую знать въ чиновную, Петръ въ то же время попытался прекратить постоянное раздробленіе вотчинъ, которое много вредило исправному выполненію государственныхъ повинностей. Онъ издалъ указъ о майоратѣ (1714 г.): по этому указу все недвижимое имущество должно было переходить къ старшему сыну или къ тому, котораго изберетъ отецъ, и родовыя земли не могли быть проданы въ чужія руки.

Посадскіе люди раздѣлены были Петромъ на три разряда:

первые два подъ названіемъ „гильдій“ состояли изъ купцовъ и разныхъ мастеровыхъ, а къ третьему отнесена бѣднѣйшая часть городскихъ жителей. Въ сельскомъ населеніи образовались еще два особые разряда: **половники** или немногіе крестьяне, удержавшіе право перехода и пользовавшіеся землею за извѣстную часть жатвы, и **однодворцы** или обѣднѣвшіе служилые люди, которые наравнѣ съ крестьянами должны были платить поголовную подать, но сохраняли право владѣть крѣпостными людьми.

Замѣна прежней поземельной подати подушнымъ (или поголовнымъ) окладомъ повела за собою первую ревизію податнаго сословія (1719 г. Всѣхъ податныхъ насчитано около 6.000.000). Въ этой ревизіи помѣщичьи крестьяне были смѣшаны съ кабальными холопами: тѣ и другіе обложены одинаковыми податями и рекрутской повинностью, за исправность которыхъ передъ правительствомъ отвѣчали землевладѣльцы. Послѣдняя мѣра окончательно закрѣпила крестьянъ за помѣщиками [10]).

Административныя мѣры Петра направлены были на введеніе болѣе простыхъ и однообразныхъ формъ управленія. Такъ вмѣсто прежняго областного дѣленія, сложившагося въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и довольно запутаннаго, онъ раздѣлилъ Россію на 12 **губерній**, которыя въ свою очередь подраздѣлялись на **провинціи**; во главѣ первыхъ были поставлены губернаторы или генералъ-губернаторы, вторыя поручались воеводамъ. Подчиненные имъ мѣстные начальники носили иностранныя названія ландрихтеровъ, комендантовъ, ландратовъ, коммиссаровъ и пр. Областное управленіе сосредоточено въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. Въ 1711 году, на мѣсто прежней Боярской думы, учрежденъ былъ **сенатъ**, какъ высшее въ государствѣ мѣсто правительственное, судебное и финансовое. Сначала онъ былъ учрежденъ только на время частыхъ отсутствій государя изъ столицы и составленъ изъ 9 сановниковъ; но потомъ (въ 1718 г.) сдѣланъ постояннымъ, и число членовъ

[10]) Одинъ изъ указовъ Петра (1721 г.) замѣчателенъ слѣдующими словами, которыя обнаруживаютъ попытку облегчить положеніе крестьянскаго сословія: „Продажу людей пресѣчь, а если нельзя уже совсѣмъ, то продавать семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не дѣлается“.

его постепенно увеличивалось. Здѣсь дѣла рѣшались не иначе, какъ единогласнымъ приговоромъ всѣхъ членовъ и при утвержденіи этого приговора генералъ-прокуроромъ сената. Далѣе московскіе приказы Петръ преобразовалъ въ коллегіи, устроенныя по датскимъ и шведскимъ образцамъ и подчиненныя сенату: въ нихъ дѣла рѣшались членами по большинству голосовъ [11]).

Учрежденіе «надворныхъ судовъ» въ важнѣйшихъ городахъ указываетъ на попытку отдѣлить судебную часть отъ вѣдомства областныхъ правителей. Точно также Петръ сдѣлалъ попытку освободить торговыхъ и промышленныхъ людей отъ вѣдомства воеводъ учрежденіемъ «бурмистровъ», которые выбирались горожанами изъ своей среды, и все торговое сословіе подчинено вѣдомству «Бурмистерской палаты» въ Москвѣ (1699 г.); потомъ въ главныхъ городахъ учреждены были «магистраты», также изъ выборныхъ людей. Коллегіальная система рѣшать дѣла посредствомъ большинства голосовъ не принесла ожидаемыхъ результатовъ; президенты коллегій и другихъ присутственныхъ мѣстъ, пользуясь своими привиллегіями и разными формальностями, обыкновенно подчиняли себѣ товарищей и рѣшали дѣла по своему усмотрѣнію. Въ судопроизводствѣ словесный (обвинительный) процессъ замѣненъ окончательно письменнымъ (слѣдственнымъ) порядкомъ. Въ городахъ и уѣздахъ Петръ положилъ начало полицейскому управленію, которое должно было заботиться объ общественномъ порядкѣ и безопасности. Впрочемъ особыхъ полицейскихъ учрежденій пока не было основано; обязанности ихъ возлагались на губернаторовъ, воеводъ, земскихъ коммиссаровъ, комендантовъ и др., только для столицы учрежденъ генералъ-полицмейстеръ (генералъ Девьеръ).

Хозяйство, войско, училища, семейный бытъ. Посреди важныхъ государственныхъ заботъ и безпрерывныхъ военныхъ предпріятій Петръ находилъ время обращать вниманіе на мельчайшія подробности народнаго хозяйства. Такъ онъ

[11]) Коллегіи были слѣдующія: иностранныхъ дѣлъ, военная, адмиралтейская, вотчинная, юстицъ, мануфактуръ, бергъ, коммерцъ, камеръ и штатсъ коллегіи (послѣднія двѣ финансовыя). При открытіи коллегій нужны были люди, знающіе, какъ вести дѣло. Поэтому Петръ приказываетъ приглашать на службу въ Россію иностранныхъ юристовъ; а такъ какъ они не знали рускаго языка и нуждались въ переводчикахъ, то онъ поручаетъ набирать въ Австріи шсновъ изъ Чеховъ и Моравовъ, которые могли бы скоро научиться по-русски. Чтобы приготовить собственныхъ чиновниковъ для производства дѣлъ въ коллегіяхъ, въ 1716 г. отправлено было въ Кенигсбергъ для обученія сорокъ молодыхъ подьячихъ. Кромѣ того, шведскимъ плѣннымъ, успѣвшимъ освоиться съ русскимъ языкомъ, также предложено было вступить въ службу при коллегіяхъ.

далъ право повсюду искать руду и разрабатывать ее съ уплатою извѣстнаго процента землевладѣльцу; приказалъ снимать хлѣбъ косами вмѣсто серповъ; посылалъ за границу многихъ русскихъ людей учиться разнымъ ремесламъ и пр. *Мануфактурная промышленность, дотолѣ едва существовавшая въ Россіи, была создана дѣятельностію Петра; при немъ основано болѣе 200 фабрикъ и заводовъ.* Такимъ образомъ почти все нужное для государства стало производиться въ Россіи, изъ русскихъ матеріаловъ и русскими руками. Для облегченія торговаго движенія внутри государства, онъ обратилъ вниманіе на пути сообщенія; произведено было нѣсколько сухопутныхъ дорогъ; а устройствомъ каналовъ Ладожскаго и Вышневолоцкаго Петербургъ (съ 1713 года столица государства) соединенъ съ Волжскимъ водянымъ путемъ, по которому доставляли хлѣбъ изъ низовыхъ областей [12]).

Главнымъ предметомъ попеченій для Петра служили армія и флотъ, на которыхъ было основано значеніе государства въ ряду другихъ державъ. Съ устройствомъ регулярнаго войска введена болѣе точная и постоянная система рекрутскихъ наборовъ: всѣ податныя сословія должны были выставлять по одному рекруту съ извѣстнаго числа ревизскихъ душъ; только торговые люди могли откупаться деньгами отъ рекрутской повинности. Дворянство доставляло для арміи офицеровъ; молодые же дворяне обыкновенно начинали свою службу рядовыми въ гвардіи, куда выбирались лучшіе солдаты изъ армейскихъ полковъ. Внѣшнее устройство сухопутнаго войска было основано на нѣмецкихъ образцахъ, и военные люди одѣты въ нѣмецкій мундиръ: а флотъ снаряженъ преимущественно по образцу голландскому. (Онъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ). Большая часть регулярнаго войска (которое простиралось до 200.000) была размѣщена по губерніямъ, въ домахъ городскихъ и сельскихъ обывателей.

---

12) Основаніе столицы въ болотистой и пустынной мѣстности, отдаленной отъ средины государства, стоило огромныхъ усилій и пожертвованій. Для постройки города ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ, изъ дальнихъ областей вызывались десятки тысячъ рабочихъ, часть которыхъ погибала въ Петербургѣ отъ трудовъ и болѣзней; царь иногда останавливалъ каменныя работы во всемъ государствѣ, приказывая выслать всѣхъ каменьщиковъ на берега Невы; нѣсколько разъ вода затопляла городъ, и надобно было поднимать почву насыпями.

Заботы Петра о народномъ образованіи направлены были на духовное и дворянское сословіе. Для перваго заведены были училища въ каждой епархіи. (Въ то время усилилось вліяніе малороссійскихъ школъ, въ особенности Кіевской академіи, на образованіе русскаго духовенства). Для дворянъ и чиновниковъ велѣно открыть элементарныя школы въ провинціяхъ, куда учителями посылались воспитанники московскихъ математическихъ школъ, и дворянинъ не имѣлъ права жениться до тѣхъ поръ, пока не выучился грамотѣ. Кромѣ того, основано было нѣсколько спеціальныхъ училищъ, каковы: морское, инженерное и школа для подъячихъ. Въ то же время начались переводы учебныхъ книгъ по артиллеріи, фортификаціи, исторіи и др. Для изученія морской службы царь отправлялъ многихъ молодыхъ людей за границу. *Въ самой азбукѣ сдѣланы были преобразованія*; вмѣсто прежнихъ, неудобныхъ для скорописи церковнославянскихъ буквъ, введены сокращенныя, приближающіяся къ латинскимъ. По мысли знаменитаго германскаго ученаго Лейбница, государь задумалъ учредить академію наукъ и пригласилъ для нея ученыхъ Нѣмцевъ съ тѣмъ, чтобы они приготовляли русскихъ учителей. (Академія была открыта уже послѣ Петра его преемницею).

Петръ не оставилъ безъ вниманія и самый семейный бытъ народа. Такъ *онъ вооружился противъ затворничества женщинъ и старался о развитіи общественной жизни.* Съ этою цѣлью въ столицѣ заведены ассамблеи, которыя состояли въ томъ, что вельможи и другіе зажиточные люди должны были зимой, въ назначенные дни, принимать у себя гостей обоего пола, званыхъ и незваныхъ [13]). Чтобы женихъ и не-

[13]) Беркгольцъ, камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, живя нѣсколько лѣтъ въ Россіи, велъ дневникъ (съ 1720 по 1725 г.), который знакомитъ насъ съ обычаями того времени. Описывая ассамблеи, онъ въ заключеніе говоритъ: „Но вотъ что мнѣ не нравится въ этихъ ассамблеяхъ: во-первыхъ, въ танцовальной комнатѣ, гдѣ присутствуютъ дамы, мужчины курятъ табакъ, играютъ въ шашки, отчего бываютъ непріятный запахъ и неумѣстная стукотня; во-вторыхъ, дамы всегда сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ, такъ что съ ними нельзя разговаривать; когда не танцуютъ, всѣ сидятъ какъ нѣмыя и только смотрятъ другъ на друга“. Ясно, что отчужденіе женщинъ отъ мужескаго общества и грубость послѣдняго не могли уничтожиться такъ скоро. Кромѣ того, Петръ по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ устраивалъ маскарады и процессіи, въ которыхъ шуты играли главную роль. Придворныя торжества и спуски новыхъ кораблей праздновались обыкновенно веселыми попойками, на

вѣста имѣли время познакомиться другъ съ другомъ. Петръ опредѣлилъ между обрученіемъ и свадьбою шестинедѣльный срокъ, въ продолженіе котораго бракъ могъ разстроиться.

Духовенство и расколъ. Относительно духовной іерархіи *важною мѣрою Петра была отмѣна патріаршества*, которое иногда приходило въ столкновеніе съ царскою властію. Когда умеръ патріархъ Адріанъ (1700 г.), приверженецъ старины и противникъ нововведеній, царь не назначилъ ему преемника: а дѣла, подлежавшія вѣдомству патріарха, поручилъ рязанскому митрополиту Стефану Яворскому, назвавъ его „блюстителемъ патріаршаго престола“. Потомъ для управленія церковными дѣлами учреждена была коллегія изъ высшихъ духовныхъ лицъ, подъ именемъ Святѣйшаго Синода (1721 г.). Первымъ президентомъ Синода былъ тотъ же Стефанъ Яворскій, одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ и духовныхъ писателей своего времени [14]. Псковскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, по порученію Петра, написалъ духовный уставъ или „регламентъ“ для Синода. Этимъ уставомъ предписывалось каждому епископу имѣть при себѣ школу для приготовленія священниковъ, а безграмотныхъ сыновей церковнослужителей велѣно брать въ солдаты; поступленіе въ монашество и прежняя свобода монаховъ въ образѣ жизни значительно стѣснены. Надзоръ за управленіемъ монастырскихъ крестьянъ и доходовъ Петръ поручилъ особому Монастырскому приказу, состоявшему изъ свѣтскихъ лицъ. Ограничивъ число монаховъ, онъ велѣлъ опредѣлить въ монастыри на житье старыхъ отставныхъ

которыхъ никто не имѣлъ права отказываться отъ безпрерывныхъ тостовъ. Царь учредилъ даже особое общество или „всепьянѣйшую коллегію“ изъ 12 кардиналовъ съ княземъ-папою во главѣ; они должны были на царскихъ праздникахъ пить больше всѣхъ. Этому учрежденію Беркгольцъ придаетъ значеніе сатиры.

[14]) Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: „О знаменіяхъ пришествія антихристова“, написанное въ опроверженіе раскольничьихъ проповѣдей книгописца Талицкаго, который въ реформахъ Петра видѣлъ признакъ пришествія антихриста. (Талицкій былъ казненъ) Потомъ „Камень вѣры“. Это сочиненіе направлено противъ протестантскихъ мнѣній, которыя распространялъ въ Москвѣ лекарь Тверитиновъ съ товарищами. „Камень вѣры“ былъ напечатанъ уже по смерти Петра. Петръ впослѣдствіи охладѣлъ къ Яворскому, замѣтивъ въ немъ болѣе наклонности къ старинѣ, чѣмъ къ преобразованіямъ, и обратилъ свое довѣріе на Ѳеофана Прокоповича.

солдатъ и часть монастырскихъ доходовъ обращать на богадѣльни. Большая часть семейныхъ дѣлъ, подлежавшихъ прежде церковному суду, законами Петра отнесена къ суду свѣтскому. Вообще Петръ обращалъ дѣятельное вниманіе на церковныя дѣла. Онъ подтвердилъ указъ Алексѣя Михайловича, чтобы всѣ православные посѣщали богослуженіе въ праздничные дни; за неисполненіе этого указа назначался штрафъ. *Иностранцамъ предоставлена почти полная свобода въ отправленіи богослуженія*; строгія же мѣры противъ раскольниковъ продолжались.

Гоненія, открытыя на раскольниковъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, не только не ослабляли раскола, а напротивъ, возбуждали въ немъ энергію и фанатизмъ. Гонимые уходили въ сѣверные лѣса, въ Донскія и Волжскія степи, или спасались за шведскую и польскую границы и составляли тамъ свои общины. Со времени Петровскихъ реформъ, расколъ началъ размножаться еще болѣе и получилъ не одинъ церковный, но отчасти и политическій характеръ. Многія нововведенія Петра и усердное подражаніе иноземнымъ обычаямъ были непонятны простымъ людямъ, казались имъ нарушеніемъ народности и православія (табакъ, бритье бороды, отмѣна патріаршества, ревизія и т. п.); а крутыя мѣры, которыми сопровождалась реформа, тяжкіе налоги и принудительныя работы еще болѣе возбуждали духъ недовольства. Люди болѣе смѣлые и упорные уходили въ лѣса или за границу и приставали къ расколу.

Въ концѣ XVII вѣка въ средѣ самаго раскола произошло раздвоеніе. Раскольничьи попы, поставленные до Московскаго Собора 1676 года, съ теченіемъ времени всѣ умерли; мѣста ихъ заступили новые, переходившіе изъ православія. Но такъ какъ они были поставлены епископами-никоніанцами (т.-е. принявшими исправленныя книги), то многіе старообрядцы не признавали ихъ за истинныхъ священниковъ, другіе, напротивъ, признавали. Первая часть раскольниковъ стала называться безпоповщиной, а вторая поповщиной; каждая изъ нихъ подраздѣлилась еще на нѣсколько сектъ или согласій.

Поповщина распространилась въ лѣсахъ костромскихъ и нижегородскихъ (Керженскихъ), на Дону и Кубани, въ Черниговской области, въ Сибирѣ и на Вѣткѣ (Могилевск. губерніи, тогда за польской границей). Безпоповщина утвердилась особенно въ древнихъ новгородскихъ областяхъ, именно въ лѣсахъ олонецкихъ и сѣвернаго Поморья. Сюда укрылись многіе расколоучители послѣ

взятія Соловецкаго монастыря; здѣсь образовались знаменитые въ исторіи раскола Выгорѣцкіе скиты.

Дѣятельный, энергичный характеръ Поморцевъ, привыкшихъ къ борьбѣ съ суровою природою своего края, способствовалъ здѣсь сильному развитію раскола. Глухіе, непроходимые лѣса, бурныя озера, дикія скалы, овраги и болота представляли убѣжища, мало доступныя правительственному надзору. Сюда спасались приверженцы старины и бѣглые крѣпостные люди. Они выжигали лѣсныя дебри, расчищали почву, сѣяли хлѣбъ, строили скиты и вообще вели труженическую жизнь. При первомъ появленіи военной команды, посылаемой разорять скиты и ловить скитниковъ, они готовы были оставить убѣжище и перейти въ другое мѣсто, а иногда, увлекаемые религіознымъ фанатизмомъ, они запирались въ своихъ монастыряхъ и сожигались. Тѣ скитники или «старцы», которые отличались даромъ слова, набожностію и начитанностію Св. Писанія, становились наставниками и пріобрѣтали большое вліяніе на раскольничьи общины. Изъ нихъ особенно замѣчательны Даніилъ Викуловъ, братья Андрей и Семенъ Денисовы (потомки князей Мышецкихъ). Они основали и устроили на р. Выгѣ общежительные скиты или «Выговскую пустынь» (1695 г.), которая впослѣдствіи сдѣлалась центромъ безпоповщины. Братья Денисовы оставили нѣсколько сочиненій, весьма уважаемыхъ раскольниками. Особенно распространены между старообрядцами два сочиненія Семена Денисова: «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ» и «Вертоградъ духовный или виноградъ россійскій»: въ первомъ разсказывается о возмутившихся Соловецкихъ раскольникахъ, а во второмъ описаны дѣянія первыхъ расколоучителей, каковы епископъ коломенскій Павелъ, протопопъ Аввакумъ и др.

Петръ I хотя призналъ гражданское существованіе раскола, но при разныхъ стѣснительныхъ условіяхъ. Онъ велѣлъ переписать раскольниковъ и обложить ихъ двойными податями, не допускать къ общественнымъ должностямъ, носить имъ особое платье (наприм. зипунъ со стоячимъ клееным козырькомъ или воротникомъ), за бороду платить особую пошлину и пр. Въ послѣдніе годы Петрова царствованія (послѣ дѣла царевича Алексѣя) строгости противъ раскола усилились.

Петръ пытался дѣйствовать на раскольниковъ не одними карательными мѣрами, но и путемъ убѣжденія. По его волѣ, синодъ отправилъ въ Олонецкую и Поморскую области монаха Неофита, чтобы состязаться о вѣрѣ съ расколомъ безпоповщины. Неофитъ предложилъ болѣе сотни вопросовъ. На эти вопросы выговцы отвѣчали цѣлою книгою, которая была написана преимущественно Андреемъ Денисовымъ и названа «Поморскіе отвѣты» (1723). Еще

прежде (въ 1719 г.) раскольники поповщинской секты, обитавшіе въ Керженскихъ скитахъ, представили нижегородскому епископу Питириму на его вопросы подобную же книгу, извѣстную подъ именемъ «Керженскихъ отвѣтовъ». Почти всѣ наиболѣе знаменитые архіереи Петровскаго времени писали сочиненія противъ раскола. (Самое замѣчательное изъ нихъ принадлежитъ кроткому и правдивому св. Димитрію, митрополиту Ростовскому; въ своемъ «Розыскѣ о раскольничьей Брынской вѣрѣ» онъ сообщаетъ извѣстія о многихъ раскольничьихъ сектахъ или «толкахъ»). Но сочиненія эти мало оказывали дѣйствія. Вообще борьба съ расколомъ путемъ проповѣди и убѣжденія не могла быть успѣшна при отсутствіи народныхъ школъ и при той степени образованія, на которой стояли ближайшіе къ народу наставники, т.-е. сельское духовенство. Священники сельскіе по прежнему были люди малограмотные; а скудныя средства заставляли ихъ заниматься болѣе обработкою своего участка земли нежели просвѣщеніемъ своей паствы[15]).

Характеръ и значеніе Петровской реформы. Многочисленныя препятствія и огорченія, чинимыя Петру приверженцами старины, побуждали его нерѣдко употреблять крутыя мѣры, чтобы приводить въ исполненіе свои преобразованія. Ослушникамъ царскихъ указовъ назначались: лишеніе жизни, имущества, ссылка на каторжную работу, нещадные батоги и т. п. Чтобы слѣдить за точнымъ исполненіемъ указовъ, учреждена была должность ф и с к а л о в ъ. При коллегіяхъ, губернскихъ канцеляріяхъ и въ каждомъ провинціальномъ городѣ учреждено по одному или по два фискала; въ ихъ пользу шла половина штрафныхъ денегъ. Реформы вызывали частыя изъявленія неудовольствія (особенно много было подметныхъ писемъ). Для „розысковъ“ по этимъ дѣламъ Петръ назначилъ „Преображенскій приказъ“ въ Москвѣ (около 1702 г.). Начальникомъ Преображенскаго приказа былъ суровый Ромодановскій, любимецъ государя, получавшій отъ него титулъ к н я з я - к е с а р я. Кто хотѣлъ донести о замыслахъ противъ государя (а доносъ въ такомъ случаѣ былъ обязателенъ) произносилъ: „слово и дѣло!“

---

15) Современникъ Петра, торговый человѣкъ Посошковъ, въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ говоритъ: „У насъ, въ Россіи, сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ не отличаются: мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу, и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остаются въ сторонѣ. Отъ такого ихъ земледѣлія многіе христіане умираютъ безъ покаянія и причащенія“.

Его и тѣхъ, которыхъ онъ оговаривалъ, немедленно брали для розыска въ Преображенскій приказъ или Тайную канцелярію.

Преобразованія Петра были направлены на усвоеніе европейскихъ обычаевъ и учрежденій. Иноземные обычаи и учрежденія, переносимыя на русскую почву, не всегда впрочемъ сообразовались съ естественными условіями государства и съ характеромъ народа. Многіе благіе по своей цѣли указы, не опираясь на извѣстный уровень образованности или на привычки народа, скоро теряли свою силу и подвергались злоупотребленіямъ [16].

Тѣмъ не менѣе *беспримѣрная въ исторіи дѣятельность Петра сообщила Русскому государству (а слѣдовательно и Русской національности) новую жизнь и новыя силы*, и ни одинъ государь новаго міра не имѣетъ большихъ правъ на наименованіе *Великаго*.

Самыя видныя стороны этой дѣятельности заключались въ слѣдующемъ: своими административными и сословными реформами Петръ улучшилъ государственный механизмъ и подвинулъ впередъ государственную централизацію. Онъ облегчилъ для Россіи дальнѣйшее сближеніе съ Западной Европой и непосредственное заимствованіе европейской науки. Онъ создалъ многія отрасли промышленности и усилилъ торговую дѣятельность. Быстрымъ развитіемъ регулярной арміи, основаніемъ флота и пріобрѣтеніемъ Балтійскихъ береговъ, онъ успѣлъ поднять Россію на высокую степень могущества и положилъ начало ея вліянію на систему общей европейской политики.

Одинъ современникъ говоритъ въ своихъ запискахъ о Петрѣ: «Сей

---

[16]) Посошковъ съ свойственною ему рѣзкостью такими словами жалуется на отсутствіе правосудія и на притѣсненія простому народу. „У насъ вѣра святая, благочестивая, а судебная расправа никуда не годится и указы императорскіе ни во что обращаются; всякій дѣлаетъ по своему обычаю; крестьяне оставляютъ свои дома и бѣгутъ отъ неправды. Пока у насъ, въ Россіи, не устроится настоящее правосудіе, мы никогда не будемъ богаты и доброй славы себѣ не наживемъ“. Безграмотность крестьянъ, по словамъ Посошкова, служила для нихъ источникомъ бѣдъ; многіе люди пріѣзжали въ деревни, объявляли крестьянамъ ложные указы и подвергали ихъ незаконнымъ поборамъ. О трудностяхъ, съ которыми долженъ былъ бороться Преобразователь. Посошковъ говоритъ: „Великій нашъ монархъ на гору самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; какъ же дѣло его споро будетъ?“

монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ» [17]).

Сотрудники Петра. Петръ отличался особеннымъ умѣньемъ находить для своихъ плановъ способныхъ исполнителей. Первое мѣсто между государственными людьми, его окружавшими, принадлежитъ князю Меньшикову, который по смерти Лефорта (умершаго въ 1699 г.) сдѣлался самымъ приближеннымъ лицомъ къ государю. (*Достигши зрѣлыхъ лѣтъ, Петръ продолжалъ отличать иностранцевъ и привлекать ихъ въ свою службу; но не возводилъ ихъ на первыя мѣста въ государствѣ.* Преданіе о томъ, что Меньшиковъ въ юности продавалъ пирожки, не подтверждается). Мень-

---

17) Вторая половина XVII вѣка была именно тѣмъ моментомъ въ исторіи, когда на континентѣ Европы происходило сильное стремленіе къ развитію государственной централизаціи и регулярныхъ армій. Главнымъ представителемъ этого стремленія явился Людовикъ XIV во Франціи.

О томъ, какъ самъ Петръ смотрѣлъ на результаты своей дѣятельности для Россіи и вообще на европейскую цивилизацію, можно судить отчасти по слѣдующему извѣстію Вебера, который былъ въ Петербургѣ при Петрѣ въ качествѣ брауншвейскаго резидента и издалъ потомъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Преобразованная Россія“ (Das veränderte Russland).

Въ 1714 году однажды царь праздновалъ спускъ вновь построеннаго корабля. На палубѣ этого корабля онъ сидѣлъ окруженный своими министрами, генералами и нѣкоторыми „старыми русскими людьми“ (т.-е. старыми боярами, которые не совсѣмъ охотно слѣдовали за его нововведеніями). Обратясь къ послѣднимъ, царь сказалъ: „Кто изъ васъ, братцы, 30 лѣтъ назадъ, подумалъ бы, что вы теперь здѣсь на Балтійскомъ морѣ работаете вмѣстѣ со мною, въ нѣмецкомъ платьѣ, и воздвигаете себѣ городъ въ земляхъ, завоеванныхъ нашими трудами и нашею храбростію? Что вы увидите столькихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ изъ Русскаго народа, столь хорошо обученныхъ сыновей, воротившихся на родину изъ чужихъ земель, столь многихъ иностранныхъ мастеровъ и ремесленниковъ въ нашей странѣ? И что вы доживете до такого почтенія къ вамъ отъ иностранныхъ потентатовъ? Историки указываютъ на Грецію, какъ на древнюю колыбель всѣхъ наукъ, откуда по волѣ Провидѣнія, онѣ изгнаны и перешли въ Италію, а потомъ распространились и по всѣмъ европейскимъ странамъ; но небреженіе нашихъ предковъ воспрепятствовало имъ проникнуть далѣе Польши; тогда какъ Поляки, равно и Нѣмцы, находились прежде въ такомъ же густомъ мракѣ, въ какомъ мы доселѣ, по непрерывными трудами своихъ правителей они отверзли себѣ очи и присвоили себѣ искусства, науки и обычаи древней Греціи“. Далѣе царь говорилъ, что теперь очередь дойдетъ до Россіи, если они (т.-е. присутствующіе) будутъ помогать ему въ его предпріятіяхъ и оказывать безусловное повиновеніе. (Мысль о кругообразномъ движеніи наукъ сообщена Петру Лейбницомъ).

шиковъ не получилъ почти никакого образованія и съ большими талантами соединялъ большое честолюбіе и корыстолюбіе. Не разъ уличенный въ лихоимствѣ, Меньшиковъ только милостію государя спасался отъ заслуженнаго наказанія. Далѣе замѣчательны: умный, образованный фельдмаршалъ Шереметевъ, храбрый и великодушный князь Михаилъ Голицынъ и графъ Брюсъ, извѣстный своею ученостію. (Брюсъ въ народныхъ преданіяхъ прослылъ какимъ-то чернокнижникомъ и астрологомъ: его именемъ называется календарь, который только подъ его надзоромъ былъ изданъ). Послѣднія три лица по своему честному характеру выдавались изъ среды современныхъ государственныхъ дѣятелей, которые, при талантахъ и неоспоримыхъ заслугахъ, къ сожалѣнію, не всегда отличались нравственными достоинствами [18]).

Извѣстность самаго прямого вельможи пріобрѣлъ сенаторъ князь Яковъ Долгорукій, который иногда открыто не соглашался съ царемъ, нелюбившимъ противорѣчій. По тайнымъ порученіямъ и розыскамъ правою рукою Петра былъ изворотливый графъ Толстой [19]). Учредивъ въ 1722 году

[18]) Главнымъ порокомъ въ этомъ полуобразованномъ обществѣ была привычка обогащаться на счетъ казны, брать взятки и, смотря по личнымъ разсчетамъ, скрывать правду отъ царя. Иногда Петръ, разгнѣванный частыми обманами, сурово каралъ сановниковъ, уличенныхъ въ лихоимствѣ и грабительствѣ (напримѣръ, онъ казнилъ оберъ-фискала Нестерова и велѣлъ повѣсить сибирскаго губернатора кн. Гагарина). Своихъ приближенныхъ онъ по большей части наказывалъ штрафомъ или дубинкою изъ собственныхъ рукъ.

[19]) Татищевъ въ предисловіи къ своей „Россійской исторіи“ разсказываетъ о кн. Яковѣ Өедоровичѣ Долгорукомъ слѣдующее:

Въ 1717 году Петръ на одномъ пиру разговаривалъ съ вельможами о дѣлахъ своего отца и о патріархѣ Никонѣ. Тогда графъ Мусинъ-Пушкинъ началъ унижать Алексѣя Михайловича въ сравненіяхъ съ Петромъ. Государь этимъ огорчился и, вставъ отъ стола, сказалъ: „Ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемѣрною мнѣ похвальбою болѣе меня бранишь, нежели я терпѣть могу“. Потомъ подошелъ къ князю Долгорукову и, ставъ у него за стуломъ, говорилъ: „Ты меня больше всѣхъ бранишь, и такъ тяжко спорами досаждаешь, что я часто едва могу терпѣть; но какъ разсужу, то и вижу, что ты меня и государство истинно любишь и правду говоришь: для того я тебя искренно благодарю: нынѣ же тебя спрошу, и вѣрю, что о дѣлахъ отца моего и моихъ нелицемѣрно скажешь“. „Изволь, Государь, сѣсть, а я подумаю“, отвѣчалъ Долгорукій. Потомъ, подумалъ немного и разглаживая по привычкѣ свои длинные усы, онъ началъ такъ: „Главныя дѣла государей три. Первое внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе. Въ семъ отецъ твой болѣе, нежели ты сдѣлалъ .. Другое — военныя дѣла. Отецъ твой много чрезъ оныя хвалы удостоился и пользу великую государству принесъ; тебѣ устроеніемъ

при сенатѣ важную должность генералъ-прокурора. Петръ поручилъ ее весьма способному генералу Ягужинскому. (Какъ сановникъ, надзирающій за всѣми частями управленія, онъ названъ былъ „окомъ“ государя). На дипломатическомъ поприщѣ прославились: баронъ Шафировъ, возвышенный изъ подъячихъ Посольскаго приказа, и баронъ Остерманъ, сынъ одного нѣмецкаго пастора, знаменитый своимъ тонкимъ, проницательнымъ умомъ (онъ вмѣстѣ съ Брюсомъ заключилъ Ништадскій миръ). Въ царствованіе Петра началъ свою службу другой даровитый иностранецъ, также какъ и Остерманъ игравшій впослѣдствіи весьма важную роль,—это Минихъ. Будучи отличнымъ инженеромъ, онъ заслужилъ благосклонность государя своими работами по Ладожскому каналу; такъ что царь, посѣщаемый уже болѣзнями, замѣтилъ однажды послѣ осмотра этихъ работъ: „труды моего Миниха сдѣлали меня здоровымъ“.

Прежде московское духовенство, по скудости своего образованія, не могло доставить Петру искусныхъ помощниковъ въ дѣлѣ реформъ: поэтому *онъ возвышалъ преимущественно кіевскихъ ученыхъ, и они стали во главѣ церковной іерархіи.* Таковы: Стефанъ Яворскій, Димитрій Ростовскій и Феодосій Яновскій—архимандритъ Александроневской

регулярныхъ войскъ путь показалъ, да по немъ несмысленные всѣ его учрежденія разорили; что ты почитай все вновь дѣлалъ и въ лучшее состояніе привелъ... Третье -въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранцами ты далеко большую пользу государству и себѣ честь пріобрѣлъ, нежели отецъ твой, и сіе все самъ надѣюсь за право примешь“. Петръ, выслушавъ все терпѣливо, поцѣловалъ Долгорукаго, и сказалъ: „Благій рабе вѣрный, въ малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю.“

Толстой участвовалъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ въ пользу царевны Софьи: впослѣдствіи сумѣлъ избѣжать наказанія, и, чтобы угодить царю, отправился въ числѣ молодыхъ людей, посланныхъ учиться за границу, когда ему было 40 лѣтъ (Точно также Шереметевъ поѣхалъ учиться, имѣя уже 45 лѣтъ). Потомъ Толстой возвысился покровительствомъ своего родственника генералъ-адмирала Апраксина и подарками вліятельнымъ лицамъ. Канцлеръ (т. е. завѣдывавшій иностранными сношеніями) Головкинъ, извѣстный своею скупостью, за деньги доставилъ ему важный постъ русскаго посланника въ Константинополѣ. Возвратясь изъ Турціи, Толстой далъ Меньшикову 20,000 рублей, и при помощи его сдѣлался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ царю. Впрочемъ, Петръ не забывалъ его участія въ стрѣлецкомъ бунтѣ и не совсѣмъ вѣрилъ въ его искреннюю преданность. Разсказываютъ, что не разъ во время веселыхъ попоекъ, царь сдергивалъ съ Толстого огромный парикъ (бывшій тогда въ модѣ), и, потрепавъ его по головѣ, приговаривалъ: „голова! голова! какъ бы не такъ умна ты была, давно бы я отрубить тебя велѣлъ“.

лавры; особенно усерднымъ защитникомъ реформы явился даровитый Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Въ 1706 году царь былъ въ Кіевѣ, въ Софійскомъ соборѣ. По окончаніи богослуженія, молодой монахъ произнесъ слово. Онъ искусно коснулся политическихъ событій, говорилъ краснорѣчиво, но безъ схоластической напыщенности проповѣдниковъ того времени. Петръ спросилъ имя оратора; это былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ молодости онъ учился въ Кіевской академіи, докончилъ свое образованіе въ іезуитскомъ коллегіумѣ въ Римѣ, и теперь былъ однимъ изъ преподавателей Кіевской академіи. Послѣ Полтавской побѣды Прокоповичъ встрѣтилъ Петра въ Кіевѣ поздравительною рѣчью. Петръ полюбилъ умнаго монаха; спустя нѣсколько лѣтъ, вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ архіеремъ. Въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, написанныхъ по поводу важнѣйшихъ распоряженій государя, Прокоповичъ на основаніи разума и св. Писанія доказывалъ святость царской воли, а приверженцевъ старины изобличалъ въ невѣжествѣ. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ обнаруживалъ нѣкоторое свободомысліе и не любилъ стѣсняться въ своемъ образѣ жизни; поэтому не разъ подвергался обвиненіямъ въ ереси со стороны завистниковъ и людей, не расположенныхъ къ реформѣ [20]).

Дѣла семейныя. Личность преобразователя. Что касается до семейныхъ дѣлъ, въ этомъ отношеніи Петръ не всегда былъ счастливъ. Первая его супруга Евдокія Ѳеодоровна, изъ рода Лопухиныхъ, приверженная къ старымъ обычаямъ, была заключена въ суздальскій Покровскій монастырь (1699 г.). Петръ вступилъ во второй бракъ съ простою ливонскою плѣнницею Мартою. Она происходила изъ бѣднаго семейства Скавронскихъ и въ дѣтствѣ своемъ вступила въ домъ лютеранскаго пастора Глюка въ городкѣ Маріенбургѣ. При взятіи этого городка, Глюкъ со всѣмъ семействомъ своимъ и съ Мартою отдался въ плѣнъ фельдмаршалу Шереметеву. Петръ случайно увидалъ молодую плѣнницу, отличавшуюся красотой и живымъ характеромъ. Онъ полюбилъ ее, и вступилъ съ нею въ бракъ; она приняла пра-

---

[20]) Между русскими іерархами временъ Петра замѣчательны еще св. Митрофанъ, епископъ Воронежскій, и Іовъ, митрополитъ Новгородскій. Послѣдній на счетъ архіерейскихъ доходовъ заводилъ въ Новгородѣ училища, больницы и сиротскіе пріюты. „Когда, послѣ Нарвскаго сраженія, Петръ Великій повелѣлъ Новгородцамъ, безъ различія возраста, пола и званія, дѣлать окопы вокругъ города, и произошелъ отъ сего ропотъ, осьмидесятилѣтній архипастырь первый вышелъ въ простомъ платьѣ, съ лопатою, началъ копать землю, и тѣмъ водворилъ спокойствіе“. (Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. Д. Бантышъ-Каменскаго).

вославіе и названа Екатериной Алексѣевной. Сынъ Петра отъ перваго брака, Алексѣй Петровичъ, долженъ былъ послѣ отца наслѣдовать русскій престолъ; но царевичъ этотъ имѣлъ весьма печальную судьбу.

Петръ, постоянно отвлекаемый походами и путешествіями, сначала не обратилъ надлежащаго вниманія на воспитаніе своего наслѣдника; Алексѣй до десятилѣтняго возраста оставался на рукахъ матери и росъ, окруженный людьми, которые враждебно смотрѣли на Петровскія нововведенія. Царь, наконецъ, замѣтилъ въ своемъ сынѣ сочувствіе къ старинѣ и отвращеніе къ безпокойной военной дѣятельности. Отецъ сильно огорчился, опасаясь за участь своихъ преобразованій послѣ своей смерти; онъ прибѣгалъ къ строгимъ мѣрамъ, даже къ побоямъ, чтобы измѣнить характеръ Алексѣя; грозилъ лишить его наслѣдства; но подобныя мѣры только ожесточили сердце юноши. (Ихъ взаимному нерасположенію не мало способствовали приближенные царя, особенно Меньшиковъ). По желанію Петра, царевичъ вступилъ въ бракъ съ Софьею Шарлоттою, принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою; этотъ бракъ былъ не счастливъ, и Софья вскорѣ умерла, оставивъ маленькаго сына Петра Алексѣевича. Тогда государь потребовалъ отъ Алексѣя, чтобы онъ постригся въ монахи, если не хочетъ совершенно измѣнить свой характеръ и поведеніе. Царевичъ изъявилъ согласіе на постриженіе; но вслѣдъ затѣмъ, пользуясь пребываніемъ Петра за границей, бѣжалъ изъ Россіи. Онъ нашелъ покровительство и убѣжище у германскаго императора Карла VI, который отправилъ его въ одинъ уединенный тирольскій замокъ, откуда перевелъ потомъ въ Неаполь. Однако тайный совѣтникъ Толстой и капитанъ гвардіи Румянцевъ, по порученію Петра, скоро открыли убѣжище царевича.

Отецъ хотѣлъ во что бы то ни стало получить непокорнаго сына въ свои руки, грозилъ даже войною императору, но хитрый Толстой уладилъ это дѣло довольно легко. Онъ уговорилъ царевича воротиться въ отечество, обѣщая ему полное прощеніе. Когда Алексѣй пріѣхалъ въ Россію, его заключили подъ стражу и подвергли розыску; въ то же время арестованы лица, помогавшія бѣгству царевича и находившіяся въ тайныхъ сношеніяхъ съ его матерью (которая не хотѣла помириться съ монастырскимъ заключеніемъ и продолжала называть себя царицею). Прибѣгли къ пыткамъ, чтобы вполнѣ раскрыть замыслы царевича и его партіи, питавшей надежду на возвращеніе стараго порядка. За пытками послѣдовали казни свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло (ростовскій архіепископъ Досифей, генералъ Глѣбовъ, Кикинъ и друг.). Судъ, составленный изъ высшихъ сановниковъ государства, приговорилъ къ смертной казни и Алексѣя Петровича; но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе: несчастный царевичъ умеръ въ темницѣ (1718 г.).

Въ 1721 году Петръ издалъ указъ о томъ, что русскій государь можетъ назначать наслѣдника престола по своему выбору, а также и отрѣшать его отъ наслѣдства; но самъ онъ сошелъ въ могилу, не успѣвъ назначить себѣ преемника. Тяжелые труды и безпокойства разстроили крѣпкое здоровье императора. Семейныя огорченія также способствовали этому разстройству. Въ 1724 г. Петръ совершилъ въ Москвѣ торжественное коронованіе своей любимой супруги Екатерины, и для этого созвалъ депутатовъ отъ дворянства и городовъ со всей Россіи. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ глубокую осень императоръ увидалъ однажды ботъ, наполненный солдатами и ставшій на мель; пренебрегая опасностью, онъ самъ помогалъ спасать солдатъ и жестоко простудился. Едва оправившись отъ болѣзни, неутомимый труженикъ принялся за обычную дѣятельность; но въ началѣ 1725 г. снова простудился на обрядѣ водоосвященія и слегъ постель. А 28 января онъ уже скончался. „До чего мы дожили, Россіяне?— говорилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, произнося рѣчь на погребеніи императора въ Петропавловскомъ соборѣ.—Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!“ При этихъ словахъ ораторъ залился слезами, и соборъ наполнился рыданіями народа.

Петръ былъ очень высокъ ростомъ, красивъ и строенъ, а силу имѣлъ необыкновенную. Огненный взоръ, порывистыя движенія и быстрая походка обнаруживали его пылкую, энергическую натуру. Онъ самъ сознавалъ свою горячность и вспыльчивость, и говаривалъ: «Я преобразовалъ свое государство, а не могу преобразовать самого себя». Въ своемъ образѣ жизни Петръ подавалъ примѣръ бережливости, простоты въ обхожденіи и чрезвычайной дѣятельности. Онъ не любилъ безполезной роскоши. Обычный его костюмъ составляли: зеленый суконный кафтанъ, сабля или палашъ на широкомъ поясѣ и темный короткій парикъ безъ пудры. Вставалъ онъ очень рано и тотчасъ принимался за работу: слушалъ дѣла, диктовалъ новые указы, обучалъ войска, посѣщалъ присутственныя мѣста, а также разныя мастерскія и особенно корабельныя верфи, гдѣ нерѣдко собственными руками помогалъ рабочимъ. «Видишь братецъ,—сказалъ однажды Петръ молодому флотскому офицеру,— я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобы показать вамъ примѣръ и хотя подъ старость видѣть достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти новыя свѣдѣнія и пополнить скудное образованіе, полученное имъ въ юности. Дочь его Елиза-

вета Петровна впослѣдствіи разсказывала, что однажды отецъ, заставъ ее съ сестрой за уроками, сказалъ со вздохомъ: „Ахъ, если бы я въ молодости былъ выученъ какъ должно!“ Съ особою любовью онъ собиралъ свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи и географіи Россіи.

Петръ не оставался долго въ столицѣ: его часто отвлекали военные походы и поѣздки по государству. Поѣздки эти онъ совершалъ безъ всякой пышности, по большей части въ простыхъ саняхъ или въ кибиткѣ, въ сопровожденіи только своего денщика и нѣсколькихъ приближенныхъ молодыхъ людей, которые служили ему вмѣсто канцеляріи и исполняли разнообразныя порученія. Изъ такихъ молодыхъ людей выходили потомъ видные государственные дѣятели [21]).

II. ПЕРВЫЕ ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

(ЭПОХА ВРЕМЕНЩИКОВЪ).

1727—1730—1740—1741—1760.

ЕКАТЕРИНА I И ПЕТРЪ II. 1725—1730.

Оставшееся послѣ Петра Великаго семейство составляли слѣдующія лица: супруга его Екатерина, двѣ дочери, Анна (невѣста Голштинскаго герцога) и Елизавета, и малолѣтній внукъ Петръ Алексѣевичъ. Дворъ раздѣлился на двѣ партіи: вельможи, принадлежащіе къ старымъ боярскимъ фамиліямъ, хотѣли возвести на престолъ царевича Петра; но русскіе люди, возвысившіеся личными заслугами и опасавшіеся не-

[21]) Вотъ еще нѣкоторыя изъ наиболѣе замѣчательныхъ преобразованій и начинаній Петра Великаго.

Отмѣненъ правежъ; вмѣсто того предписано должниковъ отсылать на работы. Для умноженія казенныхъ доходовъ введена гербовая бумага. (Сумма государственныхъ доходовъ въ концѣ этого царствованія простиралась до 10.000.000 рублей). Дома въ городахъ и селахъ, для безопасности отъ пожаровъ, предписано строить по плану, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Запрещено хоронить покойниковъ ранѣе трехъ дней и погребать внутри города. Въ столицахъ заведены аптеки и въ нихъ опредѣлены цѣны на медикаменты. Усилено винодѣліе и шелководство въ южной Россіи. Начались конскіе заводы и разведеніе табаку. Введено улучшенное овцеводство и скотоводство (холмогорскій скотъ). Начали издаваться печатныя вѣдомости о современныхъ событіяхъ для всеобщаго свѣдѣнія (съ 1703 г.). Заведенъ въ Москвѣ первый публичный театръ. Построеніемъ дворцовъ по иностраннымъ образцамъ, выпиской картинъ и статуй началось пересажденіе изящныхъ искусствъ изъ Западной Европы въ Россію. (Въ это время явился замѣчательный русскій живописецъ Никитинъ).

ремѣнъ въ политикѣ, взяли сторону Екатерины. Въ пользу ея особенно усердно дѣйствовали Меньшиковъ, графъ Толстой и Θеофанъ Прокоповичъ. Вопросъ о преемникѣ былъ рѣшенъ при помощи гвардіи: Меньшиковъ успѣлъ склонить ее на свою сторону, и провозгласилъ императрицею Екатерину. Этимъ вмѣшательствомъ гвардіи рѣшались и послѣдующіе вопросы о престолонаслѣдіи.

Меньшиковъ и Долгорукіе. Екатерина по смерти супруга жила только два года и преемникомъ своимъ назначила Петра Алексѣевича. Главное мѣсто въ исторіи этихъ двухъ царствованій занимаетъ борьба лицъ, старавшихся присвоить себѣ вліяніе на государственныя дѣла. Сначала самымъ большимъ значеніемъ при дворѣ пользовался князь Меньшиковъ; императрица даже объявила его дочь невѣстою наслѣдника престола. Гордость и дурной характеръ князя вооружили противъ него многихъ вельможъ; но попытка ихъ свергнуть временьщика при жизни Екатерины окончилась неудачею, и нѣкоторые изъ его враговъ (графъ Девьеръ, Толстой, Писаревъ и пр.) поплатились потомъ ссылкою въ Сибирь и другія мѣста [1]).

Со вступленіемъ на престолъ двѣнадцатилѣтняго Петра II (1727 г.), Меньшиковъ окончательно забралъ въ свои руки управленіе государствомъ. Но гордый, неуступчивый правитель скоро возстановилъ противъ себя молодого императора. Тогда князья Долгорукіе интригами своими успѣли наконецъ низвергнуть Меньшикова и овладѣть довѣріемъ государя.

Главными виновниками этого дѣла были Князь Иванъ Долгорукій, любимецъ Петра II, товарищъ его дѣтскихъ игръ, и хитрый Остерманъ, назначенный воспитателемъ молодого государя. Противъ гордаго временщика была вооружена и любимая сестра Петра II

[1]) Замѣчательна судьба одного изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ Петра Великаго, Θеодосія Яновскаго, бывшаго при вступленіи на престолъ Екатерины новгородскимъ архіепископомъ и первенствующимъ членомъ Синода. Его погубили гордость и неуступчивость. За оскорбительныя слова противъ императрицы, онъ подвергся розыску Тайной канцеляріи, сосланъ въ монастырь св. Николая, на устьѣ Сѣверной Двины, и посаженъ въ тѣсное заключеніе подъ именемъ „чернеца Θедоса“. Его должность занялъ болѣе гибкій и дальновидный Θеофанъ Прокоповичъ.

Царствованіе Екатерины I было обезпокоено появленіемъ на востокѣ двухъ самозванцевъ, которые выдавали себя за царевича Алексѣя Петровича. Оба они потомъ казнены въ Петербургѣ.

Наталья Алексѣевна; Меньшиковъ осмѣливался отбирать у нея назадъ деньги, подаренныя ей братомъ. Всемогущій министръ (и генералиссимусъ) опасно заболѣлъ; Долгорукіе воспользовались его отсутствіемъ и такъ настроили императора, что Меньшиковъ послѣ выздоровленія былъ арестованъ и отправленъ съ семействомъ на житье въ его собственный городъ Ораніенбургъ (Рязанск. губ.). Онъ торжественно, въ великолѣпныхъ экипажахъ, выѣхалъ изъ Петербурга при огромномъ стеченіи народа, сопровождаемый длиннымъ рядомъ повозокъ, нагруженныхъ его богатствами. Но въ Твери у него отобрали почти все имущество и посадили въ простую телѣгу. И въ изгнаніи онъ еще казался опасенъ своимъ врагамъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его перевели на сѣверъ Сибири въ Березовъ, гдѣ онъ умеръ въ 1729 г.

Дворъ переѣхалъ въ Москву, и здѣсь императоръ отдался праздному образу жизни, посвященному разнымъ забавамъ, преимущественно охотѣ; а между тѣмъ государственныя дѣла пришли въ разстройство. Долгорукіе устроили обрученіе императора съ сестрою его любимца, князя Ивана; но вскорѣ Петръ II скончался отъ оспы (въ началѣ 1730 года).

Изъ правительственныхъ распоряженій въ эти два царствованія замѣчательны: во-первыхъ, учрежденіе Верховнаго тайнаго совѣта, который Екатерина составила изъ главныхъ сановниковъ государства, послѣ чего Сенатъ потерялъ свое первенствующее значеніе; во-вторыхъ, большое число чиновниковъ и канцелярій найдено было обременительнымъ для народа; поэтому многія канцеляріи въ губерніяхъ и надворные суды въ царствованіе Екатерины уничтожены; городовые магистраты подчинены воеводамъ. *Почти вся административная и судебная власть сосредоточилась въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, чѣмъ была ослаблена коллегіальная система Петра I.*

Относительно Малороссіи правительство на время отступило отъ политики покойнаго императора, который по смерти гетмана Скоропадскаго (1722 г.) не позволилъ избрать ему преемника и поручилъ управленіе дѣлами Малороссійской коллегіи. Въ царствованіе Петра II гетманомъ избрали миргородскаго полковника Даніила Апостола; власть его однако была сильно ограничена присутствіемъ императорскихъ чиновниковъ.

Что касается внѣшней политики, то оба царствованія отличались мирнымъ характеромъ. Впрочемъ этотъ миръ едва не былъ нару-

ченъ Екатериною, которая хотѣла защищать права своего зятя, голштинскаго герцога, въ его спорѣ съ датскимъ королемъ; но смерть императрицы остановила приготовленія къ войнѣ. Кромѣ того, русскій дворъ занимался вопросомъ Курляндскимъ. Домъ Кетлера прекращался, и Курляндцы хотѣли избрать своимъ герцогомъ графа Морица Саксонскаго; но Россія помѣшала ихъ намѣренію. Она также не позволила Полякамъ присоединить это вассальное герцогство къ польскому королевству. Далѣе замѣчателенъ договоръ съ Китаемъ. Для устраненія пограничныхъ споровъ Екатерина отправила къ богдыхану посломъ графа Рагузинскаго; послѣ долгихъ переговоровъ и непріятностей отъ китайскихъ чиновниковъ, ему удалось заключить трактатъ уже въ царствованіе Петра II (1728 г.). По этому трактату постоянная торговля съ обѣихъ сторонъ открыта въ пограничной слободѣ Кяхтѣ; Русскіе могли каждые три года отправлять караванъ въ Пекинъ, и получили право держать тамъ нѣсколько духовныхъ лицъ и молодыхъ людей для изученія китайскаго языка.

АННА ІОАННОВНА. 1730—1740.

Замыслы Верховнаго совѣта. Со смертію Петра II прекратилось мужеское потомство въ домѣ Романовыхъ. Этимъ обстоятельствомъ хотѣли воспользоваться члены Верховнаго тайнаго совѣта, чтобы ограничить императорское самодержавіе. Ближайшими наслѣдниками престола были: дочь Петра I Елизавета и малолѣтній внукъ его, сынъ Анны Петровны, герцогини Голштинской. Но „верховники“ помимо ихъ обратились къ племянницѣ Петра I Аннѣ Іоанновнѣ, вдовствующей герцогинѣ Курляндской (дочь царя Іоанна Алексѣевича), и предложили ей корону на условіяхъ, въ силу которыхъ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны быть рѣшаемы не иначе, какъ съ согласія Верховнаго совѣта. Они дѣйствовали въ интересахъ личнаго возвышенія, явно стремились къ олигархіи, и потому замыслы ихъ скоро окончились полною неудачею.

По кончинѣ Петра II, члены Верховнаго тайнаго совѣта собрались, чтобы обсудить вопросъ о наслѣдникѣ престола. Всѣхъ членовъ было восемь: канцлеръ Головкинъ, два князя Голицына и четверо Долгорукихъ; осьмой членъ Совѣта, вице-канцлеръ Остерманъ, уклонился отъ совѣщаній сначала подъ предлогомъ, что онъ иностранецъ, а потомъ притворился больнымъ. Послѣ многихъ споровъ выборъ Совѣта остановился на Курляндской герцогинѣ.

Тогда наиболѣе рѣшительный изъ членовъ Дмитрій Голицынъ замѣтилъ, что надобно также о себѣ подумать, т.-е. ограничить самодержавіе и наплывъ иностранцевъ. Товарищи согласились съ его мнѣніемъ. Они сообщили сенаторамъ и генералитету о выборѣ Анны Іоанновны и о намѣреніи предложить ей корону на условіяхъ. Никто не возражалъ. Составлены были условія, и отъ имени всего государства отправлены депутаты въ Митаву. Анна Іоанновна подписала условія.

Между тѣмъ, духовенство и большинство дворянъ съ неудовольствіемъ встрѣтили вѣсть объ условіяхъ и о намѣреніи Верховнаго совѣта захватить власть въ свои руки. Дворяне начали собираться въ кружки, мнѣнія раздѣлились, явилось нѣсколько проектовъ о томъ, какимъ образомъ устроить правленіе. Когда Анна прибыла въ Москву, дворянская партія вошла съ ней въ тайныя сношенія, не смотря на то, что верховники старались никого къ ней не допускать. Главами этой партіи были князья Черкасскій и Трубецкой, а руководителями Ѳеофанъ Прокоповичъ и Остерманъ. Въ одно утро многочисленная депутація отъ дворянъ явилась во дворецъ и подала императрицѣ просьбу о дозволеніи обсудить различные проекты новаго образа правленія. Императрица дала свое согласіе. Но въ этотъ же день депутація попросила новую аудіенцію и подала просьбу о возстановленіи прежняго самодержавія. Верховники, застигнутые врасплохъ и видя готовность гвардіи поддержать депутацію, не рѣшились оказать никакого сопротивленія. Анна Іоанновна велѣла подать себѣ условія, составленныя Совѣтомъ, и разорвала ихъ. Потомъ она короновалась самодержавною императрицею.

Биронъ. Въ царствованіе Анны *старые русскіе вельможи должны были уступить свое мѣсто нѣмецкой партіи*, представителями которой являются Биронъ, Минихъ, Остерманъ и Левенвольдъ. Вообще при преемникахъ Петра I отправленія государственной жизни совершаются съ помощію и подъ руководствомъ многочисленныхъ дѣятелей, воспитанныхъ въ трудовой школѣ великаго преобразователя. Эти дѣятели, возвысившіеся своими заслугами и талантами, не дали заглохнуть его реформамъ, и поддерживали новые пути, на которые вступила государственная жизнь. Мало по-малу они сходятъ со сцены, и вокругъ престола появляются другія лица, которыя возвышеніемъ своимъ по большей части обязаны придворнымъ интригамъ или наружнымъ качествамъ. *Образецъ такихъ любимцевъ случая представляетъ ничтожный курляндецъ Биронъ.*

Красивый, ловкій и честолюбивый курляндецъ, получивъ

мѣсто при дворѣ своей герцогини, скоро началъ пользоваться ея неограниченнымъ довѣріемъ. Вслѣдъ за Анною онъ пріѣхалъ въ Россію и, спустя нѣсколько времени, сталъ во главѣ управленія. Управленіе его отличалось жестокимъ характеромъ, и время его считается одною изъ бѣдственныхъ эпохъ въ Русской исторіи. Особенно замѣчательна жестокость, съ которою по распоряженію Бирона собирались недоимки государственныхъ податей за прежніе годы: по областямъ разосланы были военныя команды, у крестьянъ отбирали скотъ и все имущество, помѣщиковъ и старость сажали въ тюрьму. Слѣдствіемъ такихъ мѣръ былъ всеобщій ропотъ, противъ котораго Биронъ употреблялъ систему доносовъ; шпіоны его разсѣялись по всему государству; безпрерывно раздавалось грозное „слово и дѣло“, за которымъ слѣдовали пытки, казни и ссылки. Правитель умѣлъ окружить императрицу людьми ему преданными, такъ что жалобы народа не могли достигать до ея слуха, и она была увѣрена въ благоденствіи своихъ подданныхъ. Партія старыхъ русскихъ вельможъ, нерасположенная къ иностранцамъ, подверглась преслѣдованію; особенно пострадала фамилія князей Долгорукихъ (двое изъ нихъ были казнены, въ томъ числѣ и князь Иванъ, любимецъ Петра II); нѣсколько архіереевъ лишены своего сана; тверской архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, который написалъ сочиненіе о „лютеранской и кальвинской ереси“, подвергся пыткамъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Священники, позабывшіе отслужить молебенъ въ царскіе дни, были разстригаемы, биты кнутомъ и ссылаемы въ Сибирь. Особенно замѣчательна судьба кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, человѣка даровитаго, но гордаго и малонравственнаго: въ бытность свою губернаторомъ въ Астрахани и Казани онъ запятналъ себя грабительствомъ и жестокостью. Теперь онъ попытался вступить въ борьбу съ нѣмецкою партіей и поплатился за то головою [2]).

---

[2]) Нѣмецкая партія была особенно сильна тѣмъ, что русскіе вельможи нисколько не отличались единодушіемъ. Многіе знатные люди въ эту эпоху не стыдились унижаться передъ гордымъ временщикомъ и рабolѣпно заискивать его расположеніе. Самыя забавы того времени, напримѣръ, обиліе шутовъ въ домахъ знатныхъ людей, еще болѣе усиливаютъ мрачный характеръ эпохи. Замѣчательны маскарадъ и свадьба

Дѣла внутреннія и внѣшнія. Изъ правительственныхъ распоряженій Анны замѣчательны слѣдующія. Во-первыхъ, Верховный тайный совѣтъ уничтоженъ, и на мѣсто его учрежденъ „Кабинетъ“, члены котораго назывались кабинетъ-министрами. Затѣмъ отмѣненъ былъ непріятный дворянству указъ Петра о майоратѣ. Онъ не соотвѣтствовалъ русскимъ обычаямъ и понятіямъ о наслѣдствѣ (которые всѣмъ дѣтямъ предоставляютъ равныя части); а потому послужилъ источникомъ зависти, разныхъ хитростей и породилъ многіе судебные процессы. Напримѣръ, родители, принужденные передать землю одному сыну, другому отдавая деньги, скотъ, хлѣбъ, земледѣльческія орудія; отъ такого раздѣла сельское хозяйство приходило въ разстройство. Далѣе, облегчена обязанность дворянской или шляхетской службы. Прежде дворяне служили въ войскѣ неопредѣленное время; только раны, болѣзнь или глубокая старость давали имъ право на отставку; Анна положила для нихъ срокомъ службы 25 лѣтъ.

Стоя во главѣ Русской арміи, Минихъ ввелъ въ ней рабское подражаніе нѣмецкимъ образцамъ, чѣмъ нарушилъ ея самостоятельное развитіе и болѣе соотвѣтственные народному характеру уставы, данные ей Петромъ Великимъ. По предложенію Миниха, учрежденъ въ Петербургѣ кадетскій корпусъ для воспитанія нѣсколькихъ сотъ дворянскихъ дѣтей, и русскіе офицеры уравнены въ жалованьѣ съ иностранцами, состоявшими въ русской службѣ. Видя усиливающееся значеніе гвардіи, Анна умножила ея число. Къ двумъ полкамъ

одного придворнаго шута, устроенные зимою 1740 года для развлеченія скучающей императрицы. На этотъ маскарадъ съ разныхъ концовъ Россіи вызваны были инородцы въ своихъ національныхъ костюмахъ; а для новобрачныхъ выстроенъ ледяной домъ со всѣми принадлежностями, сдѣланными также изо льда. Поздравительные стихи для нихъ поручено было сочинять секретарю Академіи наукъ и придворному поэту Третьяковскому, который извѣстенъ въ русской литературѣ какъ неутомимый труженикъ науки, но бездарный, жалкій стихотворецъ. Его роль придворнаго поэта не отличалась отъ роли шута. Какъ безцеремонно знатные люди обходились въ то время съ незнатными писателями и учеными, показываютъ отчасти жестокіе побои, которые публично нанесъ Третьяковскому во время приготовленій къ маскараду кабинетъ-министръ Волынскій, распорядитель этого комическаго праздника. Третьяковскій пришелъ къ Бирону съ жалобою. Но тутъ его встрѣтилъ Волынскій и избилъ въ самомъ домѣ герцога. Это очень оскорбило Бирона, который былъ уже вооруженъ противъ Волынскаго Остерманомъ. (Незадолго до того Волынскій подалъ императрицѣ записку, въ которой порицалъ поведеніе вельможъ, особенно Остермана). Биронъ на колѣняхъ упросилъ императрицу предать суду Волынскаго. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми близкими людьми онъ былъ обвиненъ въ замыслахъ противъ правительства и казненъ.

(Преображенскому и Семеновскому) она прибавила еще два: вскорѣ послѣ вступленія на престолъ она велѣла набрать Измайловскій полкъ изъ украинскихъ однодворцевъ, а офицеровъ назначила къ нему преимущественно изъ лифляндскихъ и эстонскихъ Нѣмцевъ; потомъ учрежденъ Конный гвардейскій полкъ. Вообще внѣшнимъ порядкомъ и безостановочнымъ теченіемъ дѣлъ правленіе Анны превосходитъ царствованія предыдущее и послѣдующее.

Анна Іоанновна возвратила Персіи провинціи, завоеванныя Петромъ, которыя мало приносили намъ пользы, а между тѣмъ стоили большихъ издержекъ. По смерти Августа II (1733 г.) русское правительство вмѣшалось въ дѣло о наслѣдствѣ Польскаго престола, и поддерживало саксонскаго курфирста Августа III противъ его соперника, короля Станислава Лещинскаго, которому помогали Французы. Русское войско, подъ начальствомъ Ласси, осадило Данцигъ, гдѣ заперся Лещинскій; Минихъ, смѣнивъ Ласси, взялъ городъ; король спасся бѣгствомъ, и Августъ III утвержденъ на польскомъ престолѣ.

Въ союзѣ съ Австріей, Россія открыла войну противъ Турціи. Въ этой войнѣ отличились тѣ же иностранцы Ласси и Минихъ: первый взялъ Азовъ и проникъ въ восточную часть Крыма, а второй взялъ Перекопъ, Очаковъ и одержалъ блистательную побѣду надъ Турками при Ставучанахъ (въ Молдавіи). Но Австрійцы слабо поддерживали своихъ союзниковъ; потерпѣвъ нѣсколько пораженій, они вступили въ переговоры съ Портою при посредничествѣ французскаго посла въ Константинополѣ. Биронъ также принялъ посредничество Французовъ; миръ былъ заключенъ въ Бѣлградѣ (1739 г.). Россія не пріобрѣла почти никакихъ выгодъ и ограничилась славою своихъ побѣдъ, которыя обошлись весьма дорого, потому что походы по южнымъ степямъ были очень трудны и сопровождались большою потерею людей: притомъ Минихъ не обнаруживалъ заботливости о сбереженіи солдатъ.

Анна Іоанновна желала упрочить русскій престолъ за потомствомъ своего отца. Она выдала племянницу свою, мекленбургскую принцессу Анну Леопольдовну, за Антона Ульриха, принца Брауншвейгскаго, и, когда отъ этого брака родился сынъ Іоаннъ, назначила его наслѣдникомъ престола (въ сентябрѣ 1740 г.). Императрица въ то время страдала тяжкою болѣзнію и очевидно приближалась къ смерти. Биронъ, уже выбранный (при помощи русскихъ штыковъ) герцогомъ курляндскимъ, началъ хлопотать о регентствѣ. По

его желанію, кабинетъ-министры и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ подали императрицѣ просьбу о томъ, чтобы она назначила Бирона правителемъ государства до совершеннолѣтія наслѣдника. Послѣ нѣкотораго колебанія, умирающая Анна Іоанновна согласилась на эту просьбу.

ІОАННЪ VI. 1740—1741.

Сверженіе Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. Регентство Бирона продолжалось только три недѣли. Соперникъ его, честолюбивый, энергичный фельдмаршалъ Минихъ предложилъ матери императора свои услуги для сверженія регента и получилъ согласіе. Однажды ночью онъ отправился къ Лѣтнему дворцу въ сопровожденіи 80 гренадеръ и арестовалъ герцога; Анна Леопольдовна была объявлена правительницею, а Бирона сослали въ Пелымъ. Но Минихъ обманулся въ надеждѣ играть главную роль въ имперіи. Правительница не довѣряла Миниху, опасаясь его честолюбивыхъ замысловъ: фельдмаршалъ вышелъ въ отставку. Такимъ же недовѣріемъ она отдалила отъ себя и другую свою опору —графа Остермана.

Безпечностью Анны Леопольдовны и неудовольствіемъ народа на правителей-нѣмцевъ воспользовалась Елизавета Петровна. Приверженцы Елизаветы постарались расположить въ ея пользу нижніе гвардейскіе чины; особенною ловкостію отличился при этомъ докторъ ея Лестокъ. Онъ уговорилъ Елизавету дѣйствовать рѣшительно. Однажды ночью (въ ноябрѣ 1741 г.) она явилась въ казармы Преображенскаго полка и обратилась съ рѣчью къ солдатамъ; 300 человѣкъ послѣдовали за нею. Семейство правительницы было немедленно арестовано, а Елизавета провозглашена императрицею. Маленькаго Іоанна Антоновича заключили потомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость; а мать его съ мужемъ и другими дѣтьми отправлена на житье въ Холмогоры. Минихъ, Остерманъ, Головкинъ и нѣкоторые другіе вельможи, устранявшіе отъ престола Елизавету, преданы суду и приговорены къ смерти; но императрица замѣнила смертную казнь ссылкою: Остерманъ отправленъ въ Березовъ, а Минихъ въ Пелымъ (на мѣсто Бирона, котораго перевели въ Ярославль).

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА. 1741—1761.

Дворъ Елизаветы. Лица, помогавшія Елизаветѣ взойти на престолъ, были щедро награждены: 300 гренадеръ, которые послѣдовали за нею ко дворцу правительницы, составили особый отрядъ гвардіи подъ названіемъ „лейбъ-компаніи“; всѣ они получили дворянское достоинство и вот-

чины. *Съ воцареніемъ Елизаветы пало господство нѣмецкой партіи въ государствѣ, и престолъ окружили исключительно русскіе вельможи* [3]). Елизавета отличалась набожностью и дѣлала частые поѣздки на богомолье, но любила также придворные праздники и увеселенія; управленіе же государствомъ предоставляла довѣреннымъ лицамъ. Изъ приближенныхъ особъ самую видную роль въ это царствованіе играли слѣдующіе вельможи:

Во первыхъ, братья Разумовскіе, родомъ изъ простыхъ малороссійскихъ казаковъ. Старшій изъ нихъ, Алексѣй Григорьевичъ, въ молодости былъ придворнымъ пѣвчимъ; обративъ на себя милостивое вниманіе Елизаветы, онъ скоро возвысился въ званіе фельдмаршала и графа; это былъ человѣкъ простой и добродушный, неотличавшійся ни способностями, ни честолюбіемъ. Вмѣстѣ съ Алексѣемъ Разумовскимъ возвысился и младшій его братъ Кириллъ, получившій образованіе за границею. Для него позволено было казакамъ снова выбрать себѣ гетмана (по смерти Апостола мѣсто гетмана оставалось незанятымъ), и малороссійская рада выбрала молодого Кирилла Разумовскаго, который такъ же, какъ и братъ, не обладалъ дѣятельнымъ характеромъ. Гораздо болѣе воспользовалась своимъ значеніемъ фамилія Шуваловыхъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ во вторую половину царствованія заступилъ при дворѣ мѣсто Алексѣя Разумовскаго. Ловкій царедворецъ, отличавшійся мягкимъ обращеніемъ съ низшими (что составляло еще рѣдкость въ то время), онъ былъ хорошо образованъ, оказалъ значительныя услуги государству своими заботами о народномъ просвѣщеніи и заслужилъ славу русскаго мецената. Онъ покровительствовалъ знаменитому Ломоносову; его же стараніями былъ основанъ и первый русскій университетъ. Родственникъ его Петръ Ивановичъ Шуваловъ, человѣкъ весьма даровитый, къ сожалѣнію, былъ подверженъ лихоимству. За-

[3]) Радость о паденіи нѣмецко-лютеранской партіи съ особою силою отразилась въ рѣчахъ духовныхъ ораторовъ, произносимыхъ въ торжественные дни. Въ теченіе первыхъ лѣтъ царствованія Елизаветы, эти рѣчи преимущественно прославляли ее за освобожденіе Россіи отъ правителей иностранцевъ (Бирона, Миниха, Остермана и др.), угнетавшихъ Русскій народъ и особенно православное духовенство. Таковы въ особенности рѣчи Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго и Димитрія Сѣченова.

лѣе замѣчателенъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, который въ качествѣ канцлера завѣдывалъ внѣшними дѣлами. Бестужевъ возвысился, благодаря дружбѣ Лестока; но вскорѣ сдѣлался его врагомъ и вооружилъ противъ него императрицу, такъ что Лестокъ подвергся ссылкѣ [1]).

Внутреннее управленіе. Первымъ важнымъ распоряженіемъ Елизаветы въ дѣлахъ внутренняго управленія было уничтоженіе Кабинета и возвращеніе Сенату того значенія, которое ему дано Петромъ Великимъ. Относительно рекрутской повинности Россія, по плану Петра Ивановича Шувалова, раздѣлена на пять частей или полосъ; наборъ рекрутъ, сдѣлавшійся теперь ежегоднымъ, производился не вдругъ со всего государства, а съ каждой полосы, поочереди (по 1 человѣку со 100). Далѣе, учреждены два заемные банка, одинъ для дворянства, другой для купечества (заемъ производился подъ залогъ движимаго и недвижимаго имущества по 6%). По предложенію того же Петра Ивановича Шувалова, уничтожены стѣснительныя для торговли внутреннія таможни и мелочные сборы (1754 г.); взамѣнъ того пошлины на иностранные товары, наложенные тарифомъ Петра I, значительно увеличины. Въ уголовномъ судопроизводствѣ отмѣнена смертная казнь. (Говорятъ, Елизавета въ ночь своего вступленія на престолъ дала обѣтъ никого не казнить). Но вообще судопроизводство и администрація во время Елизаветы находились въ довольно разстроенномъ состояніи. Дороги, деревни и даже города были небезопасны отъ разбойниковъ. Расколъ, не смотря на строгія мѣры, постоянно размножался; а притѣсненія отъ военныхъ командъ вызывали иногда случаи добровольнаго самосожженія. Фанатическіе раскольники, затворившись въ ка-

---

[1]) При Петербургскомъ дворѣ тогда сильно интриговалъ французскій посолъ маркизъ Шетарди, который прежде усердно хлопоталъ о возведеніи на престолъ Елизаветы, а теперь вмѣшивался въ отношенія Россіи къ Швеціи. Бестужевъ перехватывалъ тайныя депеши иностранныхъ пословъ, писанныя цифрами; заставлялъ ихъ переводить и показывалъ императрицѣ. Такимъ образомъ ему удалось перехватить переписку Шетарди, въ которой находились невыгодные отзывы о Елизаветѣ и говорилось о подкупѣ Лестока въ пользу Франціи. Послѣ этого Шетарди былъ подъ конвоемъ высланъ за границу, а Лестокъ удаленъ изъ Петербурга.

комъ-либо домѣ или въ скитѣ, сожигались вдругъ по нѣскольку десятковъ и даже сотенъ людей.

Относительно высшихъ классовъ общества въ царствованіе Елизаветы произошла важная перемѣна: *нѣмецкое вліяніе, преобладавшее со временъ Петра I, замѣнилось вліяніемъ французской, болѣе утонченной, цивилизаціи*. При дворѣ и въ домахъ знатныхъ людей входятъ въ употребленіе французскіе нравы и французскій языкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ начинается господство парижскихъ модъ.

Внѣшняя политика. Въ царствованіе Елизаветы Россія вела двѣ войны. Первая война была со Швеціей, которая хотѣла возвратить завоеванную Петромъ Великимъ часть Финляндіи; но русскіе войска подъ начальствомъ Ласси одержали верхъ надъ Шведами, и, по миру, заключенному въ Або (1743 г.), Россія пріобрѣла новую часть Финляндіи, до р. Кюменя [5]).

Во вторую половину этого царствованія Русскіе приняли дѣятельное участіе въ Семилѣтней войнѣ (когда австрійская императрица Марія Терезія въ союзѣ съ Франціей вооружилась противъ прусскаго короля Фридриха II).

Каждая изъ воюющихъ державъ старалась склонить Елизавету на свою сторону; каждая прибѣгала къ интригамъ и подкупамъ вліятельныхъ лицъ при Петербургскомъ дворѣ; наконецъ партія Французско-Австрійскаго союза одержала верхъ при помощи Шуваловыхъ и личнаго нерасположенія Елизаветы къ Фридриху. Въ 1856 г. восьмидесяти-тысячная русская армія двинулась въ восточную Пруссію, подъ начальствомъ фельдмаршала Апраксина. Русскіе взяли Мемель и разбили прусскаго генерала Левальда (при Гроссъ-Эгерисъ-дорфѣ); но вслѣдъ затѣмъ Апраксинъ отступилъ, вслѣдствіе разстройства своей арміи и недостатка продовольствія. Говорили (но несправедливо), будто онъ отступилъ по совѣту канцлера Бестужева, который

---

[5]) Во время этой войны въ дѣйствующей арміи обнаружилась сильная нелюбовь русскихъ солдатъ къ офицерамъ иноземцамъ. Одинъ изъ этихъ иноземцевъ русской службы, Манштейнъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее. Когда армія стояла около Выборга, въ русскій лагерь пріѣхали два Шведа съ письмами къ главнокомандующему. Солдаты Преображенской и Семеновской гвардіи вдругъ объявили, что иноземцы вошли въ сношенія съ непріятелемъ и хотятъ измѣнить. Тотчасъ собралось нѣсколько сотъ бунтовщиковъ, которые рѣшили истребить всѣхъ иноземцевъ. Въ эту критическую минуту генералъ Кейтъ бросается въ толпу, схватываетъ одного изъ предводителей и приказываетъ священнику приготовить его къ смерти. Пораженная ужасомъ, толпа разсѣялась, и зачинщики были строго наказаны.

во время опасной болѣзни императрицы расчитывалъ на скорую перемѣну политики. Преданный суду, Апраксинъ вскорѣ умеръ, а Бестужевъ былъ сосланъ въ деревню. Въ слѣдующіе годы Русскіе совершили нѣсколько походовъ въ Пруссію; особенно замѣчателенъ походъ подъ начальствомъ графа Салтыкова, который, соединившись съ Австрійцами, разбилъ на голову прусскаго короля въ битвѣ при Кунерсдорфѣ. Только смерть Елизаветы (въ декабрѣ 1761 г.) вывела Фридриха изъ критическаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ борьбою съ тремя великими державами [6]).

Устранивъ потомство царя Іоанна Алексѣевича, Елизавета постаралась упрочить русскій престолъ за потомками Петра I. Она вызвала въ Россію племянника своего, герцога голштинскаго Петра Ульриха (сынъ Анны Петровны), и объявила его своимъ наслѣдникомъ (1742 г.); а потомъ сочетала его бракомъ съ принцессою ангальтъ-цербтскою Софьею Августою, получившею въ православіи имя Екатерины Алексѣевны.

Екатерина родилась въ прусской Помераніи, въ городѣ Штетинѣ, въ 1729 году. Отецъ ея, генералъ прусской службы, былъ губернаторомъ Штетина; а впослѣдствіи, когда умеръ его двоюродный братъ, владѣтельный князь Цербтскій, онъ сдѣлался его преемникомъ и переѣхалъ въ свое небольшое княжество. (Цербстъ или правильнѣе Сербскъ находился около р. Эльбы, въ то время на границѣ Пруссіи съ Саксоніей). Мать ея была изъ Голштинской фамиліи, и слѣдовательно Екатерина приходилась дальней родственницей своему будущему супругу Петру Өеодоровичу. О бракѣ ея болѣе всѣхъ хлопоталъ Фридрихъ II, который надѣялся черезъ нее вступить въ тѣсный союзъ съ Россіей. 14-ти лѣтъ она пріѣхала съ своею матерью въ Россію, въ слѣдующемъ году приняла православіе, и тогда совершилось ея бракосочетаніе съ наслѣдникомъ престола (1745).

III. РУССКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ XVIII ВѢКА.

Нѣкоторыя черты дворянскихъ нравовъ. Любовь къ роскоши, получившая начало вмѣстѣ съ подражаніемъ западнымъ обычаямъ, сдѣлала значительный шагъ впередъ въ царствованіе Анны и Елизаветы: высшее русское общество

[6]) Семилѣтняя война стоила Русскимъ до 30,000,000 руб. и до 300,000 человѣкъ (все народонаселеніе Россіи было съ небольшимъ 10,000,000 муж. пола). Эта война послужила впрочемъ хорошею школою для нашей арміи: въ ней развились таланты нашихъ будущихъ полководцевъ, каковы Румянцевъ и Суворовъ.

старалось окружить себя наружнымъ блескомъ европейской цивилизаціи и усердно поклонялось западнымъ модамъ. Быстро распространялась привычка жить сверхъ своего состоянія—привычка, отличающая всегда полуобразованное общество. Женщина, освобожденная Петромъ изъ своего терема, въ особенности увлекалась этою роскошью и дорогими нарядами. (Почувствовавъ силу своей красоты, не стѣсняемая болѣе внѣшними препятствіями и не находя нравственной опоры въ средѣ, ее окружающей, она скоро поддалась внушеніямъ своихъ страстей; поэтому между женщинами высшихъ классовъ въ то время распространилась нѣкоторая легкость нравовъ)[1]. Между тѣмъ въ большинствѣ русскаго общества господствовали почти тѣ же патріархальные нравы, тѣ же вѣрованія и привычки, которые характеризують Русь до-Петровскую. Воспитаніе юношества, составляющее главную заботу образованныхъ народовъ, мало подвинулось впередъ послѣ Петра Великаго. Между знатными людьми тогда начался обычай учить дѣтей преимущественно иностраннымъ языкамъ и ввѣрять ихъ иностраннымъ выходцамъ, которые рѣдко владѣли научными свѣдѣніями или нравственными достоинствами. *Образованіе людей небогатыхъ попрежнему ограничивалось церковнославянскою грамотою.* Ученіе ихъ обыкновенно начиналось съ азбуки, продолжалось часословомъ и кончалось псалтирью.

Манштейнъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что Биронъ очень любилъ наружный блескъ и пышность. Анна Іоанновна поэтому старалась сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ въ Европѣ и не жалѣла расходовъ на его украшеніе. Придворныя дамы и кавалеры поступали согласно съ ея желаніемъ. Но въ началѣ пышность костюмовъ рѣдко соединялась съ изяществомъ и вкусомъ. Часто можно было встрѣтить человѣка весьма богато одѣтаго, но съ безобразнымъ парикомъ на головѣ или въ неуклюжей коляскѣ, запряженной очень плохими конями. То же самое надобно сказать о домахъ русскихъ вельможъ: тамъ съ одной стороны блистали золото и серебро, съ другой бросалась въ глаза неопрятность.

---

[1]) Но рядомъ съ такими нравами встрѣчаются и отрадные примѣры. Образцомъ супружеской добродѣтели является княгиня Наталья Долгорукая, дочь Шереметева знаменитаго фельдмаршала Петровскихъ временъ; она сдѣлалась женою князя Ивана Долгорукова, любимца Петра II, раздѣляла съ нимъ жестокія страданія ссылки, и послѣ его казни кончила свои дни въ монастырѣ. Она оставила записки о своей жизни.

Между тѣмъ, вслѣдствіе распространившейся роскоши, огромныя суммы уходили за границу; какой-нибудь иностранецъ, открывшій въ Петербургѣ торговлю модными товарами, взятыми въ долгъ, въ два или три года успѣвалъ составить себѣ значительное состояніе [2]).

Что касается до быта провинціальныхъ дворянъ въ то время, съ этимъ бытомъ довольно близко знакомятъ насъ „Записки майора Данилова". Первоначально Даниловъ учился грамотѣ у сельскаго пономоря, который мучилъ дѣтей продолжительнымъ сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ и весьма часто употреблялъ розги, попрежнему считавшіяся необходимою принадлежностью ученія. Впослѣдствіи Даниловъ поступилъ въ артиллерійскую московскую школу (учрежденную для дворянъ недорослей): тутъ учителемъ былъ штыкъ-юнкеръ, который рѣдкій день приходилъ въ школу не пьяный, и учениковъ своихъ безъ пощады сѣкъ розгами. Въ дѣтствѣ авторъ „Записокъ" нѣкоторое время гостилъ у своего родственника, данковскаго воеводы. Когда настали святки, воевода послалъ его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ по уѣзду „славить Христа", въ сопровожденіи слугъ съ нѣсколькими пустыми санями; каждый день сани возвращались къ воеводѣ, наполненныя хлѣбомъ и живыми курами: воеводскіе слуги при этомъ случаѣ собирали птицъ даже и съ тѣхъ дворовъ, въ которыхъ мальчики не славили. Далѣе записки упоминаютъ о разбойникахъ, грабившихъ помѣщичьи дома, какъ о явленіи въ то время самомъ обыкновенномъ (въ разбояхъ принимали иногда участіе и сами помѣщики); разсказываютъ о крестьянахъ, возмущавшихся противъ помѣщиковъ и усмиряемыхъ городскими военными командами [3]).

Другой дворянинъ, оставившій свои записки, Болотовъ, также сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о провинціальномъ

[2]) Во времена Елизаветы развитію роскоши между дамами высшаго слоя способствовалъ также примѣръ императрицы: она любила одѣваться пышно, и по нѣскольку разъ въ день мѣняла свой костюмъ. Послѣ кончины государыни къ ея гардеробѣ, говорятъ, нашли болѣе 15,000 платьевъ и соотвѣтствующее количество другихъ принадлежностей туалета. При ней развитіе вкуса сдѣлало замѣтные успѣхи. Такъ Петербургъ въ ея царствованіе украсился великолѣпными зданіями, сооруженными по планамъ итальянскаго архитектора графа Растрелли; между ними первое мѣсто занимаетъ Зимній дворецъ, построенный въ концѣ Елизаветинскаго царствованія.

[3]) До какой степени взятки были обычаемъ чиновниковъ, показываетъ слѣдующій случай. Зять Данилова послѣ смерти своего брата сдѣлался наслѣдникомъ богатаго имѣнія, но другіе родственники вступили съ нимъ въ споръ, и только за деревню въ 50 душъ крестьянъ секретарь вотчинной коллегіи рѣшилъ дѣло въ пользу зятя. Послѣдній, получивъ имѣніе, перестала уже прилежно заниматься службою; а такъ какъ дворянинъ тогда не могъ выйти въ отставку по своему желанію, то онъ бралъ изъ полка годовые отпуски, за которые платилъ полковому секретарю подарками, каждый разъ душъ двѣнадцать крестьянъ съ женами и дѣтьми. Полковой же писарь былъ совѣстливѣе своего секретаря: „онъ бралъ только по одному человѣку за пачпортъ".

бытѣ того времени. Напримѣръ, въ деревню къ его матери пріѣзжали гостить знакомые мелкопомѣстные дворяне. Увеселенія ихъ были почти тѣ же самыя, какъ и въ XVII столѣтіи. „По утрамъ — говоритъ Болотовъ — у насъ обыкновеано бывали праздничные завтраки; тамъ обѣды, за ними почиваніе, тамъ закуски и заѣдки, послѣ того чай, а тамъ ужины. Проснувшись, принимались опять за ѣду, и прочее тому подобное“. Между тѣмъ многочисленные судебные процессы, дошедшіе до насъ, показываютъ, что взаимныя отношенія сосѣднихъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ рѣдко имѣли мирный характеръ; чему много способствовало отсутствіе опредѣленныхъ границъ (размежеванія) для помѣстьевъ. Нападеніе на сосѣдей, драки и насильственный захватъ земли были обычными явленіями того времени.

Но уже самое существованіе упомянутыхъ записокъ и другихъ сочиненій, критически относившихся къ современному обществу, показываетъ, какъ мало-по-малу увеличивалось число образованныхъ людей, проникавшихся новыми, европейскими понятіями. Тотъ же Болотовъ служитъ примѣромъ, какъ на Руси стало распространяться знакомство съ европейскою литературою. На покупку книгъ онъ употреблялъ послѣднія свои деньги, и не разставался съ ними даже во время своихъ военныхъ походовъ.

Низшіе классы. Послѣ Петровской реформы усилилось наружное разъединеніе между высшими и низшими классами народа; первые все болѣе и болѣе усвоивали иностранные обычаи, а вторые остались вѣрны обычаямъ и понятіямъ древней Руси. Господство крѣпостного права и отсутствіе народныхъ школъ полагали неодолимое препятствіе къ умственному просвѣщенію и матеріальному благосостоянію сельскаго населенія.

Крѣпостное право продолжало развиваться юридически (т.-е законодательнымъ путемъ) и послѣ Петра I. Такъ, крестьянамъ запрещено было пріобрѣтать недвижимое имущество въ городахъ и уѣздахъ, вступать въ подряды и откупа; помѣщикамъ дозволено продавать крѣпостныхъ людей кому бы то ни было для отдачи въ рекруты, а также ссылать ихъ въ Сибирь. Правительство, заботившееся о томъ, чтобы никто не избѣгалъ государственныхъ податей и повинностей, обращало въ крѣпостное состояніе людей, не принадлежащихъ къ какому-либо опредѣленному состоянію (напр. церковнослужители, оставшіеся за штатомъ, мастеровые, оказавшіеся безъ мастерства, и другіе „гулящіе люди“): ихъ записывали за помѣщиками, на земляхъ которыхъ они жили. Такое раз-

витіе крѣпостного права соотвѣтствовало духу того времени и эпохѣ временщиковъ, преслѣдовавшихъ свои личныя цѣли. Притомъ же крѣпостныя отношенія отчасти продолжали существовать и въ Западной Европѣ.

Областное управленіе представляло еще нестройное смѣшеніе старыхъ московскихъ порядковъ съ учрежденіями Петра I. Особенно силенъ былъ недостатокъ въ мѣрахъ общественной безопасности. Притѣсненіе помѣщиковъ, неправосудіе воеводъ и чиновниковъ продолжали служить источникомъ внутреннихъ волненій и бѣдствій. Крестьяне мстили возмущеніями противъ помѣщичьей власти, безпрерывными побѣгами и разбойничьими шайками. Для усмиренія деревень часто наряжаются экзекуціи, т.-е. военныя команды, которыя бьютъ и грабятъ крестьянъ. Съ разбоями бороться было гораздо труднѣе. Помимо слабости земской полиціи и безпечности воеводъ, имъ способствовали малонаселенность государства, трудность сообщеній, обширные лѣса и степи. Разбоями попрежнему славилась Волга, пустынные берега которой изобиловали удобными притонами; здѣсь собирались шайки подъ начальствомъ наиболѣе прославившихся атамановъ („понизовая вольница“). Онѣ были иногда очень многочисленны, имѣли на своихъ лодкахъ пушки, разбивали караваны судовъ и даже вступали въ открытый бой съ военными отрядами. Казачество, отжившее свой старый бытъ, нерѣдко подавало руку этому бѣдствію Русской земли. Волжское казачество поддерживало разбои на юго-востокѣ; а Запорожцы съ бѣглыми крестьянами (гайдамаками) совершали разбойничьи наѣзды въ сосѣднихъ съ ними русскихъ и польскихъ провинціяхъ [1]).

[1]) Въ какомъ беззащитномъ положеніи часто находились сельскіе жители относительно разбойничьихъ шаекъ, даетъ понятіе слѣдующій разсказъ въ запискахъ княгини Натальи Долгорукой.

Послѣ воцаренія Анны Ивановны семейство Долгорукихъ получило приказъ удалиться на житье въ свои дальнія деревни. Долгорукіе отправились большимъ обозомъ въ сопровожденіи значительной дворни. „Однажды» —пишетъ Наталья Борисовна— «пріѣхали мы ночевать въ одну маленькую деревню, которая на самомъ берегу рѣки, а рѣка прешировая; только мы расположились, палатки поставили, идутъ къ намъ множество мужиковъ, вся деревня, валяются въ ноги, плачутъ, просятъ: «спасите насъ! сегодня къ намъ подкинули письмо; разбойники хотятъ къ намъ пріѣхать, насъ всѣхъ побить до смерти, а деревню сжечь; помогите вы намъ! У васъ есть ружья: избавьте насъ отъ напрасной смерти; намъ

Литература и наука. Со времени преобразований Петра Великаго началось въ Россіи непосредственно вліяніе западной литературы. Это вліяніе выразилось сначала рабскимъ подражаніемъ европейскимъ образцамъ и породило у насъ свѣтскую литературу. Представители подражательной литературы были вмѣстѣ и горячіе поборники Петровской реформы. Таковъ, во-первыхъ, князь Антіохъ Кантемиръ (сынъ молдавскаго господаря, который вступилъ въ русское подданство при Петрѣ); онъ служилъ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и Парижѣ и пріобрѣлъ себѣ извѣстность сатирами. Въ этихъ сатирахъ, написанныхъ тяжелыми стихами по латинскимъ и французскимъ образцамъ, Кантемиръ осмѣивалъ по преимуществу недостатки современнаго высшаго общества, какъ-то: лѣнь, мелочное тщеславіе и пр. [5]).

Со временъ Елизаветы (вмѣстѣ съ распространеніемъ французскаго языка въ высшихъ слояхъ общества) начинается подражаніе произведеніямъ французской, по преимуществу лжеклассической, литературѣ. Во главѣ этой школы стоялъ Сумароковъ съ своими трагедіями и комедіями, которыя написаны реторическимъ, напыщеннымъ слогомъ. (Но современники, еще не имѣвшіе на русскомъ языкѣ болѣе изящныхъ драматическихъ произведеній, были очень довольны сочиненіями Сумарокова и назвали его „россійскимъ Расиномъ“). Онъ же былъ и первымъ директоромъ постояннаго публичнаго театра, основаннаго въ 1756 г.

обороняться нечѣмъ; у насъ, кромѣ топоровъ, ничего нѣтъ; здѣсь воровское мѣсто: на этой недѣлѣ здѣсь въ сосѣдствѣ деревню совсѣмъ разорили, мужики разбѣжались, а деревню сожгли». Путешественники не спали всю ночь, лили пули, заряжали ружья, и готовились къ отпору. Разбойники вѣроятно узнали о нихъ и въ эту ночь не явились.

[5]) Для примѣра укажемъ сатиру: „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“. Нѣкто Аретофилъ (т.-е. любящій добродѣтель) встрѣчаетъ печальнаго дворянина и спрашиваетъ, почему онъ

Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль своихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова? и т. д.

Оказывается, что дворянинъ въ горѣ отъ зависти: люди, вышедшіе изъ низкаго званія, получаютъ чины и деревни; а онъ, будучи потомкомъ знатныхъ и славныхъ предковъ, остается въ тѣни. Аретофилъ доказываетъ ему, что дѣйствительно предки его были славны своими заслугами; но что самъ онъ мастеръ только по части картъ, иностранныхъ винъ и модныхъ нарядовъ.

Публичныя представленія въ Москвѣ начались при Петрѣ I: съ переселеніемъ двора въ Петербургъ они прекратились. Въ царствованіе Анны и Елизаветы при дворѣ находились обыкновенно иностранныя труппы актеровъ; а русскія пьесы игрались иногда воспитанниками кадетскаго корпуса. По примѣру ихъ, Өедоръ Волковъ, сынъ костромского купца, человѣкъ чрезвычайно даровитый, устроилъ театральныя представленія въ Ярославлѣ. Узнавъ о его успѣхѣ, Елизавета вызвала въ столицу Волкова съ товарищами (изъ которыхъ особенно знаменитъ актеръ Дмитревскій), и они-то составили первую русскую труппу столичныхъ императорскихъ театровъ.

Къ той же эпохѣ относится дѣятельность Ломоносова. Родиной его были берега Бѣлаго моря, край суровыхъ, энергическихъ Поморцевъ. Сынъ холмогорскаго рыбака, Ломоносовъ убѣжалъ въ Москву, чтобы удовлетворить мучившей его жажды знанія. Онъ учился въ Московской Духовной академіи, а образованіе свое докончилъ въ Германіи (у знаменитаго философа Вольфа), и пріобрѣлъ потомъ славу великаго писателя и ученаго. Литературная дѣятельность Ломоносова была очень разнообразна; онъ писалъ о русской исторіи, грамматикѣ, стихосложеніи и пр., хотя главнымъ его призваніемъ были естественныя науки (физика и химія). *Особенно важную услугу оказалъ онъ русскому литературному языку, стараясь освободить его отъ иностранныхъ примѣсей и тяжелыхъ церковно-славянскихъ оборотовъ.* Въ своихъ похвальныхъ одахъ, прославлявшихъ разныя событія современныхъ царствованій, Ломоносовъ подражалъ нѣмецкимъ и латинскимъ поэтамъ; оды его высокопарны и растянуты, но онѣ отличаются чистотой и гармоніей языка, дотолѣ неизвѣстною въ русской книжной словесности. Ломоносовъ принималъ живое участіе въ учрежденіи перваго русскаго университета, основаннаго въ 1755 году.

Мысль Петра I соединить съ Академіей наукъ учебное значеніе, т.-е. приготовленіе русскихъ учителей, не исполнилась. Петербургская Академія сдѣлалась пріютомъ для нѣмецкихъ ученыхъ; они по большей части не знали русскаго языка и находились въ разладѣ съ тѣми изъ русскихъ людей, которые мало-по-малу начали вступать въ среду Академіи (особенно враждовалъ съ нѣмецкой партіей Ломоносовъ). Недостатокъ высшаго преподаванія долженъ былъ восполнить университетъ, основателемъ котораго явился любимецъ Елизаветы, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Этотъ университетъ

учреждался именно въ Москвѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: Москва занимала срединное положеніе въ государствѣ и представляла дешевизну содержанія; въ ней жило много дворянъ и разночинцевъ, такъ что студенты легко могли найти родственниковъ и знакомыхъ; многіе помѣщики воспитывали здѣсь своихъ дѣтей и платили большія деньги домашнимъ учителямъ изъ иностранцевъ (бывшихъ прежде парикмахерами, лакеями и т. п.). Университетъ имѣлъ три факультета: юридическій, медицинскій и философскій, и 10 профессоровъ. Для приготовленія студентовъ при университетѣ были основаны двѣ гимназіи, съ сословнымъ различіемъ: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Въ университетѣ же соединялись люди всѣхъ свободныхъ состояній (крѣпостные же не допускались). Первымъ кураторомъ (попечителемъ) новаго заведенія былъ основатель его Шуваловъ.

Въ слѣдующемъ 1756 г. при университетѣ начала издаваться газета „Московскія Вѣдомости“, по образцу „Петербургскихъ Вѣдомостей“, издававшихся при Академіи наукъ. Въ 1757 г. стараніями того же Шувалова открыта въ Петербургѣ Академія художествъ для образованія русскихъ архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ.

Между тѣмъ какъ писатели высшихъ классовъ общества подражали иностраннымъ образцамъ, въ низшихъ слояхъ народа совершалось довольно значительное движеніе тайной, раскольничьей литературы. Сочиненія расколоучителей были направлены противъ нововведеній или прославляли людей, пострадавшихъ за старую вѣру. Они распространялись преимущественно въ рукописяхъ и возбуждали живой интересъ въ приверженцахъ старины [6]).

IV. ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО ЕДИНСТВА И ПОЛИТИЧЕСКАГО МОГУЩЕСТВА.

1762—1772—1774—1775—1785—1794—1796—1799—1801—1802—1809—1812—1815—1825—1831—1839—1855.

ПЕТРЪ III. 1761—1762.

Правительственныя мѣры Петра III. Это былъ государь добродушный, но, къ сожалѣнію, недальновидный. Несмотря на весьма короткое время своего царствованія, онъ успѣлъ

---

[6]) Впрочемъ нѣкоторыя книги старообрядцевъ въ XVIII вѣкѣ были напечатаны въ западнорусской типографіи, находившейся при Супрасльскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ (въ то время въ в. кн. Литовскомъ, въ Гродненскомъ повѣтѣ; теперь Бѣлосток. уѣзда Гродн. губерніи). Этотъ монастырь основанъ въ концѣ XV вѣка знатною литовскою фамиліей Ходкевичъ, тогда еще православной; а въ XVII вѣкѣ онъ обращенъ былъ въ Базиліанскій (т.-е. уніатскій).

однако сдѣлать нѣсколько важныхъ и благодѣтельныхъ распоряженій. Во-первыхъ, *замѣчателенъ манифестъ объ уничтоженіи обязательной службы для дворянства:* теперь оно имѣло право служить только по своей охотѣ. Далѣе, существованіе Тайной канцеляріи и связанная съ нею система доносовъ и пытокъ оказывали вредное вліяніе на народную нравственность и служили источникомъ злоупотребленій. Истинные преступники иногда произносили „слово и дѣло", чтобы выиграть время и избѣжать заслуженнаго наказанія; другіе говорили его по злобѣ и клеветали на людей невинныхъ; множество лицъ, запутанныхъ въ розыски, отрывались отъ своихъ семействъ, отъ общественной и частной дѣятельности. Петръ III уничтожилъ Тайную розыскную канцелярію и запретилъ произносить ненавистное „слово и дѣло". Запрещено было также преслѣдовать раскольниковъ; а тѣмъ изъ нихъ, которые бѣжали за пограничныя мѣста, позволено возвратиться; имъ отводили въ Сибири земли для поселенія. Объявлено было прощеніе крестьянамъ, оказавшимъ неповиновеніе помѣщичьей власти, если они принесутъ раскаяніе. Многіе вельможи, сосланные въ предыдущее царствованіе, были возвращены изъ Сибири, въ томъ числѣ и знаменитый Минихъ.

Относительно внѣшней политики первымъ дѣломъ Петра III былъ союзъ съ Фридрихомъ, къ которому онъ питалъ безпредѣльное уваженіе: часть русскихъ войскъ, сражавшихся противъ Пруссаковъ, присоединена была къ арміи прусскаго короля; остальные отозваны въ отечество. Въ то-же время Петръ задумалъ другую войну: онъ началъ готовиться къ походу въ Данію, чтобы покончить споры голштинскихъ герцоговъ съ датскими королями. Внезапный государственный переворотъ помѣшалъ этому предпріятію. Приверженность Петра къ иностранцамъ, поклоненіе Фридриху II, предпочтеніе, которое государь оказывалъ своему голштинскому отряду передъ русскими солдатами, и заведенная имъ строгая военная дисциплина—все это произвело неудовольствіе между гвардейскими полками. Неудовольствіемъ гвардіи и излишнею самоувѣренностію своего супруга искусно воспользовалась умная Екатерина и Петръ III уступилъ ей престолъ.

Главными помощниками Екатерины въ этомъ дѣлѣ были братья Орловы и княгиня Дашкова; они приготовили въ ея пользу многочисленную партію между гвардейцами. Въ пользу Екатерины дѣйствовалъ и первый духовный сановникъ Димитрій Сѣченовъ, архіепископъ Новгородскій, опиравшійся на духовенство, которое было недовольно намѣреніемъ Петра III отобрать церковныя имущества. Однажды утромъ (28 іюня 1762 г.), когда императоръ находился въ своемъ любимомъ замкѣ Ораніенбаумѣ, Екатерина изъ Петергофа пріѣхала въ Петербургъ; гвардія ей немедленно присягнула; а примѣру гвардіи послѣдовала и вся столица. Извѣщенный о событіи, Петръ началъ составлять разные планы защиты, но не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Въ его свитѣ находился фельдмаршалъ Минихъ, который, несмотря на преклонныя лѣта и долгое заточеніе, оставался вѣренъ своему дѣятельному, честолюбивому характеру; фельдмаршалъ указалъ Петру на Кронштадтскую крѣпость. Государь однако медлилъ разстаться съ своимъ голштинскимъ отрядомъ. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что Екатерина во главѣ 15000 регулярнаго войска выступила на петергофскую дорогу; тогда только императоръ со всею свитою сѣлъ на яхты и велѣлъ грести въ Кронштадтъ. Но было уже поздно: кронштадтскій гарнизонъ между тѣмъ перешелъ на сторону императрицы. Напрасно неутомимый Минихъ старался ободрить государя и указывалъ ему на разныя средстви для борьбы. Петръ упалъ духомъ, воротился въ Ораніенбаумъ и подписалъ актъ отреченія. Спустя нѣсколько дней, онъ скончался.

ЕКАТЕРИНА II. 1762—1796.

Характеръ императрицы и главныхъ дѣятелей ея царствованія. Одаренная отъ природы блестящими, разнообразными способностями, Екатерина, кромѣ того, успѣла развить свой умъ литературными занятіями, особенно чтеніемъ лучшихъ французскихъ писателей своего вѣка. А прилежнымъ изученіемъ русскаго языка, исторіи и обычаевъ Русскаго народа она приготовила себя къ великому дѣлу, которое ее ожидало, т.-е. къ управленію Россіей. Проницательностію, искусствомъ пользоваться обстоятельствами и умѣньемъ находить людей для выполненія своихъ плановъ она заслужила всеобщее удивленіе. Съ рѣдкими дарованіями императрица соединяла также стремленіе къ славѣ и внѣшнему блеску. Первые годы ея царствованія не обошлись безъ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны людей, привыкшихъ къ частымъ перемѣнамъ правителей и желавшихъ на новомъ государствен-

номъ перевороте основать свое личное возвышеніе; но Екатерина успѣвала всегда предупреждать опасность [1]).

Главные государственные дѣятели этого царствованія, подобно сотрудникамъ Петра I, были люди незначительные по происхожденію, но по большей части талантливые и усердные исполнители высшихъ распоряженій. Изъ нихъ замѣчательны: во-первыхъ, братья Орловы, Григорій и Алексѣй, болѣе всѣхъ помогавшіе вступленію на престолъ Екатерины и извѣстные своимъ смѣлымъ, рѣшительнымъ характеромъ. Во-вторыхъ, братья Панины, Никита и Петръ; особенно заслуживаетъ вниманія старшій. Никита Ивановичъ Панинъ, вельможа умный и образованный, котораго совѣты уважались императрицею. Онъ завѣдывалъ дипломатическими сношеніями, и пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность проектомъ вооруженнаго нейтралитета, который имѣлъ цѣлью защищать морскую торговлю нейтральныхъ державъ и былъ направленъ преимущественно противъ англійскихъ крейсеровъ (1780 г. во время Сѣвероамериканской войны). Послѣ Панина на дипломатическомъ поприщѣ особенно отличался графъ Безбородко. Потомъ заслуживаетъ вниманія князь Вяземскій, около 30 лѣтъ занимавшій важный постъ генералъ-прокурора въ сенатѣ. Придворное значеніе Григорія Григорьевича Орлова впослѣдствіи перешло къ Григорію Александровичу Потемкину.

Онъ былъ сынъ небогатаго смоленскаго дворянина; учился въ новооткрытой московской гимназіи, потомъ перешелъ въ университетъ, но не кончилъ курса (по лѣности былъ исключенъ) и поступилъ въ конную гвардію. Здѣсь Потемкинъ скоро былъ замѣченъ императрицею, и тогда началось его быстрое возвышеніе. При блестящихъ способностяхъ, онъ былъ очень честолюбивъ, пріобрѣлъ огромное вліяніе на государственныя дѣла и умѣлъ удержать за собой это вліяніе почти до самой смерти (1791 г.); находясь на верху могущества, онъ любилъ создавать обширные, трудно исполнимые планы. Главныя заслуги его составляютъ: *заселеніе Новороссійскаго края*, котораго онъ былъ генералъ-губернаторомъ; искусныя мѣры при завладѣніи Крымомъ; *основаніе Черномор-*

---

[1]) Замѣчательна попытка подпоручика Мировича. Занимая однажды караулъ въ Шлиссельбургской крѣпости, онъ вздумалъ освободить изъ нея Іоанна Антоновича и провозгласить его императоромъ. Но Іоаннъ Антоновичъ былъ убитъ, а мятежный подпоручикъ сложилъ свою голову на плахѣ (1764 г.).

скаго флота; а также улучшенія, которыя онъ ввелъ въ армію въ качествѣ президента военной коллегіи (напр., онъ сдѣлалъ болѣе удобными вооруженіе и обмундировку, велѣлъ обрѣзать косы и запретилъ пудру, трехъ-угольныя шляпы замѣнилъ легкими касками и пр.). Въ концѣ царствованія самымъ приближеннымъ лицомъ къ императрицѣ сдѣлался Платонъ Александровичъ Зубовъ, обнаружившій большую надменность и наклонность къ придворнымъ интригамъ.

На военномъ поприщѣ особенно прославились два полководца, Румянцевъ и Суворовъ, которые своими побѣдами сообщили царствованію Екатерины много внѣшняго блеска. Въ дѣтствѣ своемъ Суворовъ, по слабости здоровья, предназначался отцомъ въ гражданскую службу, но, замѣтивъ сильное влеченіе сына къ военной дѣятельности, отецъ перемѣнилъ намѣреніе и записалъ его солдатомъ въ гвардію. Не имѣя при дворѣ могущественныхъ покровителей, Суворовъ довольно долго прослужилъ въ нижнихъ чинахъ; зато онъ имѣлъ время ознакомиться съ военною службой во всѣхъ ея подробностяхъ и изучить характеръ русскаго солдата, чѣмъ впослѣдствіи умѣлъ превосходно пользоваться. Семилѣтняя война дала ему случай впервые обнаружить и развить свои военные таланты [2]).

Законодательная коммиссія и учрежденія о губерніяхъ. Еще Петръ I сдѣлалъ попытку составить новый сводъ законовъ, такъ какъ Уложеніе его отца не удовлетворяло но-

---

[2]) Отецъ Суворова сначала не одобрялъ наклонностей сына и нерѣдко выражалъ неудовольствіе на его неловкость, застѣнчивость и привычку прятаться въ свою комнату. Разсказываютъ, что однажды его посѣтилъ сосѣдъ по имѣнію, старый артиллерійскій генералъ Ганнибалъ. (Этотъ Ганнибалъ былъ родомъ негръ, въ дѣтствѣ привезенъ Петромъ Великимъ изъ Голландіи и помѣщенъ въ русскую военную службу; Ганнибаломъ Петръ назвалъ его какъ африканца въ память знаменитаго героя древности). Въ разговорѣ съ нимъ хозяинъ не скрылъ своего неудовольствія на сына. Гость отправился наверхъ въ комнату молодого Александра посмотрѣть, чѣмъ онъ занимается. Тутъ, когда онъ увидалъ книги, карты и планы, въ которые погруженъ былъ мальчикъ, Ганнибалъ пришелъ въ удивленіе и посовѣтовалъ отцу предоставить свободу влеченіямъ сына. Впослѣдствіи, достигши значительныхъ чиновъ, Суворовъ мало-по-малу началъ играть роль чудака: велъ оригинальный образъ жизни, позволялъ себѣ въ обращеніи съ другими много странностей, говорилъ русскими загадками и прибаутками, и подъ видомъ шутки часто высказывалъ жесткую правду. Этою ролью чудака, какъ думаютъ, онъ хотѣлъ съ одной стороны обратить на себя вниманіе Екатерины, а съ другой – отклонить дѣйствіе зависти и придворныхъ интригъ.

вымъ потребностямъ государства; преемники Петра возобновили его попытку и назначали для этой цѣли коммиссіи; но дѣло не подвигалось впередъ. А между тѣмъ затруднительное состояніе финансовъ, судопроизводства и областного управленія вызвало крайнюю необходимость улучшить законодательство. Екатерина, будучи еще великою княгинею, слѣдила за дѣломъ внутренняго управленія и явно видѣла его недостатки [3]). Поэтому съ самаго начала его царствованія она принялась за проектъ новаго государственнаго устройства. Чтобы обсудить его во всѣхъ подробностяхъ, она созвала земскую думу подъ названіемъ: „Коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія“ Эта коммиссія была составлена изъ депутатовъ отъ разныхъ сословій и правительственныхъ мѣстъ [4]). Для руководства ея императрица написала краснорѣчивый „Наказъ“, въ которомъ она изложила просвѣщенныя идеи (заимствованныя изъ сочиненій Беккарія и Монтескье) о государствѣ, законахъ, обязанностяхъ гражданина, о системѣ наказаній и пр. 30 іюня 1767 г. съ большою торжественностію совершилось открытіе коммиссіи въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ. Въ первыхъ же ея засѣданіяхъ начались пренія о важныхъ государственныхъ

---

[3]) Вотъ что сама императрица писала (Н. И. Панину) о состояніи, въ которомъ она нашла Россію при вступленіи своемъ на престолъ: „Сухопутная армія, бывшая въ Пруссіи, не получала жалованья за двѣ трети года. Финансы были въ такомъ разстройствѣ, что во время Семилѣтней войны, когда Елизавета Петровна хотѣла занять въ Голландіи 2.000.000 рублей, на заемъ не явилось охотниковъ; слѣдовательно Россія не имѣла кредита. Внутри имперіи заводскіе и монастырскіе крестьяне были въ явномъ непослушаніи властямъ, и къ нимъ начали присоединяться помѣщичьи. Сенатъ слушалъ не краткое содержаніе дѣлъ, поступавшихъ на апелляцію, а самыя дѣла со всѣми обстоятельствами, и потому чтеніе о выгонѣ города Масальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль засѣданія сената. Въ губерніяхъ такъ худо исполняли сенатскія предписанія, что первый и второй указы обыкновенно оставлялись безъ вниманія, и вошло въ пословицу говорить: „ждутъ третьяго указа“. Чиновники воеводскихъ канцелярій не получали жалованья, и имъ позволено было кормиться отъ просителей, хотя взятки строго воспрещены, и т. д.

[4]) Именно, по одному депутату: отъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій, отъ каждаго города, отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ однодворцевъ каждой провинціи, также отъ пахатныхъ солдатъ и другихъ служилыхъ людей, отъ государственныхъ крестьянъ, инородцевъ (не кочующихъ) и казацкихъ войскъ. Депутаты должны были имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду; имъ назначено жалованье и даны нѣкоторыя привилегіи; они избирались баллотировкою по большинству голосовъ; избиратели снабжали ихъ письменными наставленіями. Число депутатовъ было 565.

преобразованіяхъ; поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права (чего желала и сама императрица); но противъ этого вопроса возстало большинство дворянскихъ депутатовъ. Между тѣмъ депутаты поднесли императрицѣ титулъ „великой", „мудрой" и „матери отечества"; она согласилась принять только послѣднее названіе. Засѣданія раздѣлялись на общее собраніе и на отдѣльныя коммиссіи по разнымъ государственнымъ учрежденіямъ. Но уже въ слѣдующемъ году, по поводу начавшейся войны съ Турками, общее собраніе прекратилось и часть депутатовъ распущена. Отдѣльныя коммиссіи еще пять лѣтъ продолжали работать надъ проектами, подъ руководствомъ генералъ-прокурора сената князя Вяземскаго. Вопросъ о новомъ уложеніи остался нерѣшеннымъ. Впрочемъ *дѣло этой коммиссіи не было безъ важныхъ послѣдствій. Она сообщила правительству многія свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи государства, и имѣла большое вліяніе на послѣдующую правительственную дѣятельность Екатерины II, преимущественно на ея областныя учрежденія.*

Своимъ „Учрежденіемъ о губерніяхъ" (1775 г.) Екатерина докончила дѣло Петра I относительно централизаціи областного управленія. Россія была раздѣлена на 50 губерній; размѣры ихъ опредѣлялись количествомъ населенія (въ каждой отъ 300 до 400 тысячъ душъ). Губерніи раздѣлялись на уѣзды и управлялись гражданскимъ губернаторомъ; иногда нѣсколько губерній ввѣрялось генералъ-губернатору или намѣстнику, который былъ облеченъ большою властію и надзиралъ за всѣми отраслями управленія. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ о губерніяхъ устроилась система административныхъ и судебныхъ мѣстъ (до послѣднихъ временъ господствовавшая въ Россіи [5]). Это раздѣленіе вводилось въ теченіе 20

5) Въ уѣздахъ заведены: уѣздные суды для дворянъ, городовые магистраты для купцовъ и мѣщанъ, нижнія расправы для однородцевъ и государственныхъ крестьянъ, казначейство для сбора и храненія доходовъ и нижніе земскіе суды для полиціи. Изъ уѣздныхъ учрежденій дѣла могли переходить въ высшія инстанціи, т.-е. въ губернскія учрежденія: верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и верхнюю расправу. Кромѣ того, въ губернскихъ городахъ установлены: уголовная палата — для уголовнаго судопроизводства, гражданская — для гражданскаго, казенная — для государственныхъ доходовъ, губернское прав-

лѣть: вмѣстѣ съ нимъ приступлено было ко всеобщему обмежеванію земель. При новомъ дѣленіи старыхъ городовъ не доставало для управленія уѣздовъ; поэтому въ царствованіе Екатерины до 200 селъ обращены въ города. (Впрочемъ многіе изъ нихъ отличались бѣдностію и впослѣдствіи остались за штатомъ).

Въ январѣ 1776 г. открыта была первая преобразованная губернія въ Твери намѣстникомъ ея Сиверсомъ (родомъ эстляндецъ), который принималъ дѣятельное участіе въ составленіи самаго учрежденія о губерніяхъ. (Потомъ онъ открылъ губернію въ Новгородѣ). Это открытіе состояло въ слѣдующемъ: намѣстникъ собиралъ губернское дворянство; отправлялось торжественное богослуженіе, читали манифестъ о новой губерніи, произносились хвалебныя рѣчи, а затѣмъ слѣдовали выборы въ нѣкоторыя должности. Выборы сопровождались разными празднествами; намѣстникъ устраивалъ обѣды, балы, маскарады (подобныя увеселенія распространились въ подражаніе придворнымъ обычаямъ). Дворянство испрашивало позволеніе поставить памятникъ въ честь императрицы, и отправляло къ ней депутацію благодарить за ея попеченія. Все это свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ, которые сдѣлала Россія относительно внѣшнихъ формъ европейской цивилизаціи со времени Петра I. Такимъ успѣхамъ способствовало отчасти и пріобрѣтеніе Балтійскихъ провинцій, потому что отсюда начался постоянный приливъ Нѣмцевъ въ чиновные классы, военный и гражданскій. (Нѣмецкій чиновничій элементъ не мало способствовалъ обработкѣ бюрократическихъ формъ нашей администраціи). Правительство Екатерины II вообще много заботилось о наружномъ видѣ городовъ, т.-е. о проведеніи прямыхъ, широкихъ улицъ и размноженіи каменныхъ зданій: кромѣ внѣшней красоты, тутъ имѣлось въ виду сбереженіе лѣса и предохраненіе отъ большихъ пожаровъ, которыми Россія страдала весьма часто [6].

Сословныя и экономическія мѣры. Въ связи съ учрежденіемъ о губерніяхъ были изданы новыя положенія о со-

леніе—съ исполнительною и полицейскою властью. Потомъ слѣдуютъ: совѣстные суды, дворянская опека, сиротскіе суды и приказы общественнаго призрѣнія. (См. Полное Собраніе Законовъ: указъ отъ 7 ноября 1775 г.).

[6]) Изъ монументальныхъ построекъ Екатерининскаго времени замѣчательно зданіе сената въ Московскомъ Кремлѣ съ его изящною круглою залой; оно сооружено по планамъ архитектора Казакова. (Другой отличный архитекторъ того времени былъ Баженовъ). Въ Петербургѣ Екатерина заложила Исаакіевскій соборъ (день праздника преп. Исаакія былъ днемъ рожденія Петра I; соборъ окончен при Александрѣ II). На площади противъ этого собора она воздвигла памятникъ Петру Великому, изображающій императора на конѣ; подножіемъ ему служитъ гранитная скала (открытъ въ 1782 году).

словіяхъ. Здѣсь точно такъ же Екатерина продолжала реформу, начатую Петромъ I. Она болѣе точнымъ образомъ опредѣлила значеніе, права и обязанности разныхъ сословій. Въ 1785 г. издано городовое положеніе, закончившее устройство такъ называемаго „городского общества“. Это общество составлялось изъ обывателей, принадлежащихъ къ податнымъ состояніямъ, т.-е. къ купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ. Купцы раздѣлены на три гильдіи по величинѣ объявленныхъ ими капиталовъ; объявившіе менѣе 500 руб. капитала названы „мѣщанами“; а ремесленники по разнымъ занятіямъ раздѣлены на разные „цехи“, по образцу западно-европейскихъ. Всѣ податные обыватели собирались вмѣстѣ и составляли „общую городскую думу“, для избиранія изъ среды своей городского головы и шести членовъ на три года въ такъ называемую „шестигласную думу“. Шестигласная дума подъ предсѣдательствомъ головы должна была постоянно заниматься текущими дѣлами города, его доходами, расходами, общественными постройками; а главное, она заботилась объ исполненіи казенныхъ повинностей, за исправность которыхъ отвѣчаетъ все общество вмѣстѣ.

Въ томъ же году дарована жалованная грамота дворянству, которою опредѣлились права и привилегіи дворянскаго сословія, считавшагося главною опорою престола. Подтверждалась свобода дворянъ отъ государственной службы, отъ прямыхъ податей и тѣлесныхъ наказаній. Помѣщики каждой губерніи составили особое дворянское общество; они получили право собираться черезъ каждые три года въ губернскій городъ, чтобы совѣщаться о дѣлахъ своего сословія и выбирать людей изъ своей среды въ нѣкоторыя общественныя должности (губернскій и уѣздные предводители дворянства и засѣдатели судебныхъ палатъ, уѣздные судьи, начальники земской полиціи или исправники и др.). Дворянство получило исключительное право владѣть крѣпостными людьми. (Петръ I дозволилъ нѣкоторымъ купцамъ имѣть своихъ крестьянъ для фабрикъ и заводовъ). *Крѣпостное право при Екатеринѣ II достигло высшей степени своего развитія въ области законодательной.*

При вступленіи ея на престолъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне находились въ полномъ возстаніи противъ помѣщиковъ; воен-

ныя команды усмирили ихъ большею частію безъ кровопролитія. (Но въ Вяземскомъ уѣздѣ крестьяне князей Долгорукихъ оказали такое сопротивленіе, что надобно было прибѣгнуть къ пушкамъ). Просвѣщенная императрица понимала вредное вліяніе крѣпостного права на народную нравственность и на развитіе образованія. Въ первые годы своего царствованія она обнаружила намѣреніе приступить къ ограниченію помѣщичьей власти; но не встрѣтила сочувствія въ придворной аристократіи и въ массѣ дворянъ. Потомъ императрица, занятая преимущественно вопросами внѣшней политики, оставила мысль о реформѣ крестьянскаго сословія. Изданы были даже новыя постановленія, которыя усиливали помѣщичью власть; напримѣръ, вслѣдствіе частыхъ жалобъ на жестокое обращеніе помѣщиковъ, крѣпостнымъ людямъ запрещено подавать жалобы на своихъ господъ (указомъ 1767 г. 22 августа), подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылки въ Нерчинскъ въ вѣчную каторжную работу. Между тѣмъ число крѣпостныхъ значительно увеличилось вслѣдствіе продолжавшейся раздачи государственныхъ крестьянъ въ награду за службу.

Екатерина привела въ исполненіе важную мѣру, которую имѣлъ въ виду Петръ I, именно отобраніе церковныхъ имуществъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ она назначила коммиссію для точной описи всѣхъ церковныхъ земель и доходовъ. Указомъ 1764 г. всѣ крестьяне великороссійскаго духовенства (числомъ болѣе 900,000) переданы въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи; вмѣсто прежнихъ оброковъ и работъ они обложены сборомъ въ полтора рубля съ души. Для монастырей и архіерейскихъ церквей составлены новые штаты, и положено отпускать имъ изъ Коллегіи Экономіи опредѣленное жалованье; кромѣ того, имъ оставлены нѣкоторыя населенныя угодья. (Отобранныя вотчины впослѣдствіи изъ Коллегіи Экономіи перешли въ частное владѣніе и въ другія вѣдомства). Эта мѣра очень естественно не обошлась безъ неудовольствія со стороны многихъ членовъ духовенства: изъ нихъ особенно извѣстенъ митрополитъ ростовскій Арсеній Мацѣевичъ; онъ былъ лишенъ своего сана и заточенъ.

Въ отношеніи къ государственнымъ финансамъ царствованіе Екатерины замѣчательно введеніемъ ассигнацій или бумажныхъ денегъ. Неудобства отъ огромнаго количества мѣдной монеты, находившейся въ обращеніи, навели правительство на мысль о заведеніи ассигнаціоннаго банка,

по образцу западно-европейскихъ. Такой банкъ и былъ учрежденъ въ 1768 г. въ Москвѣ и Петербургѣ съ капиталомъ въ милліонъ рублей звонкою монетой; на столько же рублей было выпущено ассигнацій, т.-е. кредитныхъ билетовъ на полученіе звонкой монеты. Онѣ принимались во всѣ платежи казенные и частные, и встрѣтили общее довѣріе. Вслѣдствіе этого довѣрія и удобнаго обращенія въ народѣ, ассигнаціи скоро пріобрѣли значеніе бумажныхъ денегъ. Разныя государственныя нужды и особенно частыя войны подали поводъ постепенно увеличить количество ассигнацій до 150 милліоновъ рублей; отъ такого чрезмѣрнаго выпуска курсъ бумажныхъ денегъ естественно началъ понижаться, а товары подниматься въ цѣнѣ. Вмѣсто учрежденныхъ Елизаветою дворянскаго и коммерческаго банковъ, Екатерина основала государственный заемный банкъ для ссуды дворянамъ и городскимъ обывателямъ по 5 процентовъ (1786 г.). Въ это царствованіе обращено также большое вниманіе на государственные доходы отъ питейныхъ сборовъ. Дотолѣ существовала въ Россіи смѣшанная система: отчасти продажею вина завѣдывали выборные изъ торговыхъ людей „кабацкіе головы“ (а съ Петра I „бургомистры“), отчасти она отдавалась на откупъ частнымъ людямъ. Екатерина II утвердила преимущественно откупную систему (1765 г.).

Южныя области. При постоянномъ усиленіи централизаціи въ Русской имперіи, Малороссія и Запорожье не могли долѣе сохранять свое отдѣльное устройство. Еще при жизни Кирилла Разумовскаго гетманское достоинство было окончательно отмѣнено (1764 г.), и генералъ-губернаторомъ Малороссіи назначенъ знаменитый впослѣдствіи Румянцевъ-Задунайскій. Малороссія потомъ наравнѣ съ другими областями имперіи раздѣлена на губерніи; а крестьяне объявлены крѣпостными людьми тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ засталъ ихъ указъ 1783 г.; сюда также распространилось отобраніе церковныхъ имуществъ.

Запорожская Сѣчь отжила свой вѣкъ: когда началось заселеніе южныхъ степей и учреждена Новороссійская губернія, Запорожье очутилось посреди русскихъ областей, и главное назначеніе его — служить пограничнымъ оплотомъ со стороны Крымскихъ Татаръ — уже не могло имѣть мѣста

при перемѣнѣ границъ. А между тѣмъ безпокойные Запорожцы не хотѣли оставить старыхъ привычекъ, и съ шайками гайдамаковъ иногда нападали на сосѣдніе села и города. По приказанію императрицы Сѣчь была занята русскимъ отрядомъ, а Запорожское войско перестало существовать (1775). Часть его ушла въ Турцію и приняла Турецкое подданство; а часть оставшихся Запорожцевъ перешла на Кубань, и составила войско Черноморскихъ казаковъ, которому въ концѣ Екатерининскаго царствованія былъ отданъ островъ Фанагорія съ землями между Кубанью и Азовскимъ моремъ. Еще прежде Волжское казачье войско, за покровительство разбоямъ и участіе въ Пугачовскомъ бунтѣ, было переселено на Терекъ. Здѣсь казаки продолжали по прежнему служить Русской землѣ, защищая ея предѣлы отъ набѣговъ хищныхъ кавказскихъ горцевъ.

Заселеніе южныхъ степей началось въ царствованіе Елизаветы Петровны; нѣсколько тысячъ славянскихъ семействъ, преимущественно Сербовъ, изъ турецкихъ и австрійскихъ владѣній перешли въ русское подданство, и поселились на границахъ Украйны (около верховьевъ Ингула), въ странѣ, которая получила названіе Новой Сербіи. Правительство Екатерины II, заботясь о заселеніи плодородныхъ, но пустынныхъ пространствъ на югѣ и востокѣ имперіи, приглашало въ Россію иностранныхъ колонистовъ, съ обѣщаніемъ разныхъ льготъ и пособій на первое хозяйственное обзаведеніе. Это приглашеніе имѣло успѣхъ и привлекло нѣсколько десятковъ тысячъ колонистовъ изъ Германіи; особенно много поселилось ихъ на Волгѣ, въ Самарской провинціи [6]). Въ то же время правительство старалось возвратить въ Россію раскольниковъ, въ большомъ числѣ уходившихъ за границу; возвратившимся объявлено полное прощеніе; кромѣ того, раскольники освобождены отъ двойного подушнаго оклада, отъ обязанности носить особое платье и брить бороду. А старообрядцамъ, т.-е. приверженцамъ старопечатныхъ книгъ, въ Новороссіи, по просьбѣ Потемкина, разрѣшено имѣть свои храмы и священниковъ, поставленныхъ

[6]) Между тѣмъ какъ елизаветинскіе колонисты-Славяне давно слились съ Русскою народностію, екатерининскіе колонисты-Нѣмцы упорно сохраняютъ свою обособленность.

православными епископами (1785 г.); они составили такъ называемую единовѣрческую церковь.

Училища и литературное движеніе. Относительно мѣръ для народнаго образованія царствованіе Екатерины замѣчательно попытками основать стройную и постоянную систему общественныхъ школъ. Съ этою цѣлью она назначила „Коммиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ“ (1782 г.). По плану коммиссіи предположено было завести въ уѣздныхъ городахъ малыя народныя училища, а въ губернскихъ главныя; предположено открыть еще нѣсколько университетовъ. Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе только отчасти: главныя народныя училища учреждены въ немногихъ городахъ, и ни одинъ университетъ не былъ открытъ. Особенныя заслуги дѣлу народнаго воспитанія оказалъ генералъ Бецкій, по мысли котораго были основаны воспитательные дома въ Москвѣ и Петербургѣ; его же стараніями положено начало закрытымъ учебнымъ заведеніямъ для женскаго пола, каково, напримѣръ, при петербургскомъ Смольномъ монастырѣ для дворянскихъ дѣвицъ (устроенное по образцу Сенъ-Сирскаго женскаго института во Франціи, въ которомъ воспитаніе имѣло монастырскій характеръ). Основаніемъ кадетскихъ корпусовъ, Инженернаго и Артиллерійскаго, увеличилось число военно-учебныхъ заведеній.

Вліяніе французскихъ обычаевъ и французской литературы на высшіе классы общества въ царствованіе Екатерины II сдѣлало быстрые успѣхи; вліяніе это замѣтно отразилось на смягченіи нравовъ, которому не мало способствовалъ просвѣщенный взглядъ самой императрицы. Казни Петра и Анны Іоанновны и сѣченіе кнутомъ временъ Елизаветы начинаютъ переходить въ область преданій; пытки хотя употреблялись при судебныхъ допросахъ, но производились уже далеко не въ такихъ размѣрахъ и не съ такою жестокостію, какъ прежде [7]. Подражательная литература получила сильное

[7]) Порошинъ, одинъ изъ учителей наслѣдника престола Павла Петровича, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что однажды за обѣдомъ у его высочества зашла рѣчь о дѣлѣ извѣстнаго кабинетъ-министра Волынскаго. Никита Ивановичъ Панинъ (главный воспитатель наслѣдника) замѣтилъ, что онъ недавно читалъ это дѣло и что его чуть не разбилъ параличъ: такое сильное впечатлѣніе произвели на Панина мученія, которыя претерпѣлъ Волынскій! Въ другой разъ за обѣдомъ тотъ же

развитіе и процвѣтала преимущественно подъ покровительствомъ двора; поэты, по примѣру Ломоносова, продолжали сочинять похвальныя оды. Представителемъ ихъ въ вѣкъ Екатерины является знаменитый Державинъ: сынъ одного отставного полковника, онъ учился въ Казанской гимназіи, потомъ началъ свою службу рядовымъ гвардіи и былъ впослѣдствіи статсъ-секретаремъ императрицы. Въ своихъ тяжелыхъ, но звучныхъ и выразительныхъ стихахъ Державинъ преимущественно воспѣвалъ Екатерину (подъ именемъ Фелицы) и нѣкоторыя громкія событія ея царствованія. Представителемъ другого направленія въ литературѣ того времени—направленія сатирическаго—былъ Фонъ-Визинъ; въ своихъ комедіяхъ (особенно въ Бригадирѣ и Недорослѣ) онъ нападалъ на два недостатка современнаго общества: съ одной стороны, на неразумное, чисто внѣшнее подражаніе новымъ, французскимъ обычаямъ при полномъ отсутствіи нравственнаго воспитанія, съ другой—на грубые нравы и дворянскіе предразсудки, унаслѣдованные отъ русской старины. То же сатирическое направленіе отразилось и въ русской журнальной литературѣ.

Начало русской журналистикѣ положено было въ послѣдніе годы Елизаветинскаго царствованія, и первый сатирическій журналъ («Трудолюбивая Пчела») принадлежитъ извѣстному Сумарокову. Особеннымъ развитіемъ журналистики отличается первая половина Екатерининскаго царствованія (именно между годами 1769 и 1775); въ то время явилась цѣлая семья журналовъ («Всякая всячина», «Трутень», «Адская Почта», «Живописецъ» и др.). Главною задачею своею они ставили указаніе современному обществу на его слабыя стороны. Нападенію журнальной сатиры подвергались преимущественно два рода людей: съ одной стороны чиновники, торгующіе правосудіемъ или закоснѣлые взяточники, а съ другой—люди, старавшіеся блистать поверхностнымъ образованіемъ или моднымъ европейскимъ костюмомъ («петиметры») [8]. Сама им-

---

графъ Панинъ, сравнивая прежнія времена съ Екатерининскими, привелъ слѣдующій примѣръ: „Одинъ генералъ, бывъ одно время у гетмана (Разумовскаго), разсуждалъ, какіе недотыки нынѣ люди стали, нельзя выбранить, а бывало де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь".

[8]) Къ разряду сатирическихъ изданій можно отнести и „Письмовникъ" Курганова, составленный изъ оригинальныхъ и переводныхъ анекдотовъ, остроумныхъ изреченій, наставленій и т. п. Этотъ письмовникъ явился дальнѣйшимъ развитіемъ прежнихъ сборниковъ, въ родѣ „Пчелы", и слѣ-

ператрица принимала живое участіе въ литературной и научной дѣятельности: она писала нравоучительныя сказки для дѣтей, драматическія пьесы для своего придворнаго театра (въ Эрмитажѣ) и записки о Русской исторіи; а для научнаго знакомства съ естественными произведеніями и жителями своего государства она отправляла ученыя экспедиціи въ отдаленныя области Имперіи (путешествія Палласа, Лепехина, Гильденштедта и др.). Когда знаменитая княгиня Дашкова, назначенная директоромъ Академіи Наукъ (1782 г.), начала издавать при Академіи ежемѣсячный журналъ («Собесѣдникъ любителей русскаго слова»), въ немъ приняли участіе императрица съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ и самые извѣстные писатели того времени (Державинъ, Богдановичъ, Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Капнистъ); впрочемъ этотъ журналъ, подобно другимъ, скоро окончился.

Однимъ изъ самыхъ благородныхъ дѣятелей на поприщѣ русскаго образованія и словесности во второй половинѣ XVIII вѣка былъ Николай Ивановичъ Новиковъ, который посвятилъ себя образованію среднихъ классовъ народа. Сначала издатель нѣсколькихъ сатирическихъ журналовъ, Новиковъ въ 1781 году вмѣстѣ съ профессоромъ Московскаго университета Шварцомъ основалъ «Дружеское ученое Общество»; оно имѣло своею цѣлью переводы и печатаніе книгъ для народа, продажу ихъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ и даже даровую раздачу, а также помощь бѣднѣйшимъ молодымъ людямъ, желавшимъ учиться. Многія богатыя и знатныя лица дѣлали пожертвованія въ пользу этого общества, и вліяніе его на молодое поколѣніе было самое благотворное. (Подъ руководствомъ Дружескаго Общества докончилъ свое образованіе и Карамзинъ, впослѣдствіи знаменитый исторіографъ). Но въ концѣ Екатерининскаго царствованія литературная дѣятельность и частныя общества подверглись значительнымъ стѣсненіямъ, чему много способствовали безпокойства, произведенныя событіями Французской революціи. Одновременно съ невѣріемъ и матеріальнымъ направленіемъ французскихъ философовъ XVIII вѣка распространилось въ Европѣ противоположное имъ мистическое ученіе Сенъ-Мартена и другихъ мечтателей; въ связи съ этимъ ученіемъ размножились таинственныя масонскія братства, основанныя подъ видомъ благотворительныхъ цѣлей. Они появились въ Россіи, даже вошли у насъ въ моду; но около эпохи Французской революціи навлекли на себя подозрѣніе въ разныхъ политическихъ замыслахъ. Новиковъ, бывшій однимъ изъ послѣдователей религіознаго мистическаго направленія мартинистовъ и масоновъ, не избѣжалъ подобнаго подозрѣнія; онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость (1792 г.), откуда его освободилъ потомъ преемникъ Екатерины.

лался въ концѣ XVIII вѣка любимою народною книгой. Авторъ его Кургановъ былъ сынъ унтеръ-офицера, и около 50 лѣтъ служилъ преподавателемъ при Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Между произведеніями духовнаго краснорѣчія въ эту эпоху особенно замѣчательны проповѣди и другія нравствено-религіозныя сочиненія трехъ знаменитыхъ іерарховъ Русской церкви: Георгія Конисскаго, епископа Бѣлорусскаго, св. Тихона, епископа Воронежскаго, и Платона архіепископа, потомъ митрополита Московскаго [9]).

Россія въ царствованіе Екатерины широко раздвинула свои предѣлы возвращеніемъ русскихъ областей на западъ и завоеваніемъ турецко-татарскихъ на югъ.

Первая турецкая война. Одновременно съ войною противъ Барской конфедераціи въ Польшѣ, Екатерина должна была вести борьбу съ Турціей (1768—1774). Побуждаемый французскимъ дворомъ и польскими конфедератами, султанъ воспользовался тѣмъ, что одна шайка малорусскихъ гайдамакъ сожгла пограничное татарское селеніе Балту: подъ этимъ ничтожнымъ предлогомъ онъ объявилъ Россіи войну, приказавъ заключить въ Семибашенный замокъ русскаго посла (Обрескова). Императрица не могла отправить большого войска противъ Турокъ; но Румянцевъ, назначенный главнокомандующимъ, умѣлъ и съ малыми силами одолѣть многочисленныхъ непріятелей. (На его просьбу о подкрѣпленіи Екатерина отвѣчала: Римляне не хотѣли знать о числѣ враговъ, а только спрашивали, гдѣ они). Самою главною эпохою этой войны былъ 1770 годъ, когда Румянцевъ одер-

---

[9]) Образцомъ безыскусственнаго, но сильнаго краснорѣчія Тихона могутъ служить его проповѣди, сказанныя по слѣдующему поводу. Въ Воронежѣ изстари былъ обычай ежегодно передъ заговѣньемъ Петрова поста отправлять народное празднество въ память Ярила (языческаго бога весны). Празднество это сопровождалось непристойными игрищами, кулачнымъ боемъ и отзывалось вообще языческимъ характеромъ. Въ 1765 году въ первый день Петрова поста, Тихонъ явился на самой площади посреди безчинствующей толпы и силою своего слова прекратилъ игрища. Въ ближайшій воскресный день онъ назначилъ торжественное богослуженіе въ соборномъ храмѣ и тутъ произнесъ къ народу увѣщаніе, растрогавшее слушателей до глубины души. Упомянутое празднество съ тѣхъ поръ не возобновлялось.

Платонъ изъ Троицкой лавры, гдѣ онъ былъ тогда архимандритомъ, вызванъ въ Петербургъ, назначенъ законоучителемъ наслѣдника престола Павла Петровича и тутъ часто говорилъ проповѣди въ придворной церкви. Послѣ одной такой проповѣди императрица, растроганная до слезъ, сказала: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобы мы плакали — мы плачемъ“. Особенно поразилъ онъ своихъ слушателей похвальнымъ словомъ Петру Великому, сказаннымъ по случаю побѣды русскаго флота надъ турецкимъ въ 1770 г.

жалъ надъ Турками двѣ блестящія побѣды: первую на берегахъ Ларги, гдѣ была разсѣяна стотысячная армія Крымскаго хана; вторую на берегахъ Кагула, гдѣ потерпѣло пораженіе войско великаго визиря, простиравшееся до 150.000 человѣкъ (у Румянцева было только 17.000). Въ томъ же году русская эскадра, обогнувъ берега Западной Европы, явилась въ Архипелагѣ, одержала побѣду надъ турецкимъ флотомъ и сожгла его въ Чесменской гавани; въ этомъ дѣлѣ отличились особенно Спиридовъ и Грейгъ, а главнымъ начальникомъ эскадры былъ графъ Алексѣй Орловъ. Въ слѣдующемъ году князь Василій Долгорукій произвелъ удачное вторженіе въ Крымъ. Военныя дѣйствія продолжались еще три года и окончились миромъ, который былъ заключенъ въ русскомъ лагерѣ при Кучукъ-Кайнарджи (недалеко отъ Силистріи). По этому миру Россія пріобрѣла часть Азовскихъ и Черноморскихъ береговъ (Азовъ, Керчь, Кинбурнъ); русскимъ купеческимъ кораблямъ открыто свободное плаваніе въ Средиземное море; Крымскіе, Буджакскіе и Кубанскіе Татары объявлены независимыми отъ Турціи; султанъ долженъ былъ уплатить 4.500.000 руб. за военныя издержки и пр. (1774 г.).

Пугачовъ. Между тѣмъ какъ русскія войска одерживали блистательныя побѣды за предѣлами государства, внутри оно страдало отъ физическихъ бѣдствій и сильнаго народнаго волненія. Изъ Молдавіи проникла въ Россію чума, которая особенно свирѣпствовала въ Москвѣ (1771 г.). [10]).

Спустя два года послѣ этого бѣдствія, государство силь-

---

[10]) Когда главнокомандующій столицею графъ Салтыковъ покинулъ зачумленный городъ, суевѣрная чернь возмутилась и умертвила архіепископа Амвросія за то, что онъ хотѣлъ снять съ Варварскихъ воротъ Боголюбскую икону Богоматери (сюда собирались толпы народа, отчего зараза распространялась еще болѣе). Московское возмущеніе было остановлено энергическими усиліями генерала Еропкина и окончательно усмирено присланнымъ изъ Петербурга княземъ Григоріемъ Орловымъ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, мятежъ противъ архіепископа былъ возбужденъ раскольниками оедосѣевцами (одна изъ безпоповщинскихъ сектъ, которые въ то время подъ видомъ карантина и погребенія зачумленныхъ основали у воротъ Москвы свой особый пріютъ—„Преображенское кладбище". Эта раскольничья община, устроенная на подобіе монастыря, укрѣпилась преимущественно трудами своего попечителя, хитраго, лукаваго купца Ильи Ковылина. (Къ тому же времени относится и начало поповщинскаго «Рогожскаго кладбища» въ Москвѣ).

но было потрясено мятежомъ, извѣстнымъ подъ именемъ пугачовщины. Еще прежде между казаками были попытки взволновать народъ слухами о томъ, что Петръ III живъ и скоро потребуетъ обратно свой престолъ; но самозванцы, принимавшіе его имя, при самомъ началѣ своихъ дѣйствій попадали въ руки правительства Зато при первой удачной попыткѣ мятежъ разлился съ необыкновенною быстротою и силою. Бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачовъ объявилъ себя императоромъ Петромъ III и сталъ во главѣ Яицкаго казацкаго войска.

Яицкіе казаки—отрасль Волжскихъ и Донскихъ—сдѣлались извѣстны въ исторіи съ начала XVII вѣка; они имѣли старинное общинное устройство; рыболовство составляло всегда главное ихъ богатство: средоточіемъ былъ Яицкій Городокъ. Петръ I подчинилъ ихъ вѣдомству военной коллегіи и опредѣлилъ ихъ службу. При Аннѣ Іоанновнѣ положено начало Оренбургской военной линіи, т.-е. ряду мелкихъ крѣпостей по Уралу и его притокамъ. Эти крѣпости съ одной стороны отрѣзали Башкирію отъ азіатскихъ степей и утвердили ее за Россіей, а съ другой положили преграду набѣгамъ Киргизовъ; гарнизоны ихъ составлены изъ казаковъ и старыхъ солдатъ. Съ тѣхъ поръ Яицкое войско, недовольное стѣсненіями своихъ прежнихъ вольностей, роптало и неоднократно возмущалось. Особенно замѣчателенъ мятежъ 1771 года. Калмыки, кочевавшіе въ степяхъ Саратовскихъ и Астраханскихъ, раздраженные притѣсненіями русскихъ чиновниковъ, вдругъ въ числѣ 30.000 кибитокъ двинулись за Яикъ и потянулись къ китайскимъ предѣламъ. Яицкому войску велѣно было идти за ними въ погоню; но оно не послушалось, возмутилось и убило генерала Траубенберга. Присланный изъ Москвы генералъ Фрейманъ силою оружія усмирилъ мятежъ. Зачинщики наказаны кнутомъ, многіе сосланы въ Сибирь или отданы въ солдаты, прежнее казацкое управленіе уничтожено и замѣнено Яицкимъ комендантомъ. Войско не успокоилось: „То ли еще будетъ!—говорили прощенные мятежники.—Такъ ли мы тряхнемъ Москвою“. Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ (постоялымъ дворамъ) и отдаленнымъ хуторамъ. Не доставало только предводителя.

Убѣжавъ съ Дона, Пугачовъ долго скитался, вошелъ въ сношенія съ раскольниками, побывалъ въ ихъ знаменитомъ притонѣ на Вѣткѣ и въ Иргизскихъ скитахъ. Въ 1772 году онъ появился на Яикѣ и подговаривалъ казаковъ бѣжать на Кубань въ области турецкаго султана. Войсковое начальство схватило его и отослало въ Казань. Но изъ Казани ему удалось бѣжать при помощи богатыхъ раскольниковъ. Онъ опять укрылся на яицкихъ хуторахъ и, соглясясь съ нѣсколькими казаками, принялъ имя Петра III. Около него

собрались нѣсколько сотъ человѣкъ и подняли знамя возстанія. Казацкій отрядъ, высланный противъ мятежниковъ, перешелъ на ихъ сторону. Илецкій Городокъ былъ первою крѣпостью, сдавшеюся имъ безъ боя. Атаманъ ея хотѣлъ защищаться, но казаки приняли Пугачова съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью, а вѣрнаго атамана онъ велѣлъ повѣсить.

Пограничныя крѣпости вслѣдствіе измѣны гарнизоновъ стали переходить въ руки бунтовщиковъ, а начальники обыкновенно гибли на висѣлицѣ; но Оренбургъ и Яицкій Городокъ мужественно выдержали осаду. По всему Поволжскому краю распространилось возстаніе крестьянъ, которымъ Пугачовъ обѣщалъ вольность. Въ связи съ казацкимъ и крестьянскимъ возстаніемъ происходило движеніе раскольниковъ, особенно многочисленныхъ между казаками. Пугачовъ обѣщалъ пожаловать ихъ „крестомъ и бородою". Крестьяне съ уральскихъ заводовъ и бѣглые каторжники немедленно пристали къ самозванцу; взбунтовались также и различные инородцы восточной Россіи, т.-е. Башкиры, Калмыки, Мордва и пр. Такимъ образомъ возобновились времена Стеньки Разина. Въ самой Москвѣ чернь глухо волновалась и, повидимому, съ нетерпѣніемъ ждала Пугачова. Первыя дѣйствія войскъ, отправленныхъ противъ бунтовщиковъ, были неудачны. Дѣла правительства начали поправляться, когда главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ Бибиковъ; но отъ чрезвычайныхъ трудовъ онъ скоро умеръ, и мѣсто его заступилъ графъ Петръ Панинъ. Между тѣмъ самозванецъ сжегъ Казань, взялъ Пензу и Саратовъ. Только съ большими усиліями удалось усмирить этотъ огромный мятежъ. Неоднократно разбитый полковникомъ Михельсономъ, Пугачовъ наконецъ былъ окруженъ императорскими войсками, выданъ своими сообщниками въ руки правительства и привезенъ въ Москву, гдѣ получилъ достойную казнь (1775).

Крымъ и новыя войны. Крымское ханство, признанное по Кучукъ-Кайнарджійскому миру независимымъ отъ Турціи, не могло долго сохранять ни свою самостоятельность, ни внутреннее спокойствіе между двумя противуположными вліяніями Россіи и Турціи. Когда у Татаръ начались междо-

усобія и сверженіе хановъ, Русскіе вмѣшались во внутреннія дѣла полуострова и возвели на престолъ Шагинъ-Гирея. Убѣжденный агентами Екатерины, Шагинъ-Гирей вскорѣ отрекся отъ престола и былъ отправленъ на житье въ Калугу; а крымскіе мурзы присягнули на русское подданство. Турецкій султанъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился признать присоединеніе Крыма къ Россіи (1783 г.). *Такимъ образомъ это гнѣздо разбойниковъ, въ продолженіе трехъ вѣковъ грабившихъ Русскую землю, наконецъ сдѣлалось для нея безвреднымъ, и Россія достигла на югѣ своихъ естественныхъ границъ.* Управленіе вновь пріобрѣтенною провинціей поручено генералъ-губернатору Новороссійской области князю Потемкину, который дѣятельно занимался устройствомъ южнаго пустыннаго края и основалъ нѣсколько новыхъ городовъ (Херсонъ, Екатеринославль, Николаевъ, Севастополь) [11]).

Слабость, обнаруженная Турціей, подала поводъ къ появленію при русскомъ дворѣ такъ-называемаго Греческаго проекта, цѣлью котораго было изгнаніе Турокъ изъ Европы и возстановленіе Греческой имперіи. Этотъ проектъ особенно поддерживалъ Потемкинъ. Общіе замыслы противъ Турціи сблизили Екатерину съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, и они заключили тѣсный союзъ. Тогда турецкій дворъ, побуждаемый англійскимъ и прусскимъ, снова объявилъ войну Екатеринѣ (1787 г.). Главное начальство надъ русскими войсками во второй Турецкой войнѣ принялъ Потемкинъ; но его личные подвиги ограничились за-

[11]) По желанію Потемкина, императрица (въ 1787 г.), въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, совершила путешествіе въ Тавриду; въ Каневѣ ее встрѣтилъ польскій король, потомъ къ ея свитѣ присоединился австрійскій императоръ Іосифъ II. Обстановка этого путешествія, устроенная могущественнымъ любимцемъ, отличалась театральнымъ характеромъ. Такъ, напримѣръ, когда раззолоченныя яхты со свитою императрицы плыли по Днѣпру, то на берегахъ, дотолѣ пустынныхъ и безлюдныхъ, виднѣлись цвѣтущія селенія, толпы народа въ праздничномъ нарядѣ, маневрирующія войска и пр. Все это было устроено наскоро, и народъ собранъ изъ дальнихъ мѣстъ. Между прочимъ, изъ Москвы и другихъ городовъ Потемкинъ велѣлъ привезти массы товаровъ въ Херсонъ, чтобы открыть тамъ великолѣпный базаръ. На обратномъ пути онъ устроилъ подъ Полтавой маневры, изображавшіе знаменитую Полтавскую побѣду Петра I. Путешествіе это описано въ мемуарахъ австрійскаго князя де-Линь и французскаго посланника графа Сегюра, находившихся въ свитѣ Екатерины.

воеванiемъ Очакова, послѣ трудной и дорого стоившей осады (зимою 1788 г.). Слава же этой войны принадлежитъ преимущественно Суворову, который совершилъ цѣлый рядъ громкихъ подвиговъ; изъ нихъ особенно замѣчательны: побѣды при Фокшанахъ и Рымникѣ и взятiе сильной крѣпости Измаила. Но союзники наши Австрiйцы дѣйствовали неудачно; вмѣсто того, чтобы сосредоточить свою 200-тысячную армiю и повести наступательную войну, Iосифъ принялъ систему войны оборонительной и разставилъ войска отдѣльными частями вдоль границы въ видѣ кордона.

Въ то же время Россiя должна была вести борьбу на сѣверѣ-западѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ III, который хотѣлъ воспользоваться Турецкою войной, чтобы отнять у русскихъ Финляндiю. Борьба со Шведами происходила преимущественно на морѣ и притомъ съ перемѣннымъ счастiемъ. (Русскiе сражались подъ начальствомъ адмираловъ: Грейга, Чичагова и Круза). Она окончена миромъ въ Верельской долинѣ (1790): оба государства остались при прежнихъ границахъ. А въ слѣдующемъ году, уже по смерти Потемкина, въ Яссахъ былъ подписанъ миръ съ Турками, по которому Россiя прiобрѣла пространство между Бугомъ и Днѣстромъ и утвердила свое владычество на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. (Кончина Iосифа II и дипломатическое вмѣшательство Англiи и Пруссiи, опасавшихся усиленiя Россiи, побудили оставить дальнѣйшiе виды на Турцiю).

Въ послѣднiй годъ Екатерининскаго царствованiя произошла война съ персидскимъ шахомъ, который напалъ на кавказскiя владѣнiя, находившiяся подъ покровительствомъ Россiи. Отправленный противъ Персiянъ, графъ Валерьянъ Зубовъ взялъ Дербентъ; но успѣхи его были остановлены смертiю императрицы; преемникъ ея прекратилъ Персидскую войну.

ВОЗВРАЩЕНIЕ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ ОБЛАСТЕЙ.

Диссидентскiй вопросъ и Барская конфедерацiя. Когда умеръ Августъ III въ Польшѣ (1763 г.), вопросъ объ избранiи новаго короля по обыкновенiю раздѣлилъ дворянство на партiи. Екатерина II пожелала возвести на польскiй престолъ Станислава Понятовскаго, который обратилъ на себя

ся вниманіе въ то время, когда находился при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ. Русскія войска двинулись въ Польшу; Фридрихъ II Прусскій также принялъ сторону Понятовскаго, и партія послѣдняго одержала верхъ.

Вслѣдъ за избраніемъ Понятовскаго началось дѣло о польскихъ диссидентахъ. Несмотря на потерю восточной Малороссіи въ XVII вѣкѣ, польское духовенство продолжало всѣми мѣрами обращеніе православнаго населенія въ Западной Россіи въ унію и католичество. Когда Кіевъ отошелъ къ Московскому государству, Западная Русь лишилась своего церковнаго средоточія; дѣло уніи съ тѣхъ поръ пошло успѣшнѣе, и *въ XVIII вѣкѣ изъ западнорусскихъ епархій только одна Бѣлорусская еще сохраняла православную іерархію.*

Средства обращать православныхъ въ унію Поляки употребляли тѣ же, какъ прежде, а именно: православныхъ священниковъ оскорбляли всѣми способами и принуждали переходить въ унію; въ случаѣ ихъ упорства помѣщики силою передавали ихъ церкви и приходы уніатскимъ священникамъ; не дозволяли православнымъ строить новые храмы и поправлять старые, приходившіе въ разрушеніе; православный народъ и особенно его духовенство намѣренно держали въ невѣжествѣ, бѣдности и угнетеніи, препятствовали заведенію школъ и т. п. А около половины XVIII вѣка польское духовенство ввело въ обычай снаряжать въ югозападную Русь миссіонеровъ, которые съ помощію военныхъ отрядовъ силою отбирали православныя церкви въ унію.

Самая уніатская церковь находилась въ большомъ униженіи. Когда православіе было достаточно ослаблено въ Западной Руси, Поляки не замедлили предпринять обращеніе уніатовъ въ латинство. Уніатское духовенство подвергалось явному пренебреженію и должно было съ завистью смотрѣть на богатства и привилегіи католическаго духовенства. Въ богослуженіи уніатскомъ постепенно измѣнялись обряды, чтобы приблизить ихъ къ католическимъ (въ церквахъ являлись открытые алтари, органы, колокольчики и пр.); уніатскіе священники начали стричь волосы и брить бороды, носить одежду католическихъ ксендзовъ и т. п.

Со временъ Петра I въ Польшѣ утвердилось политическое вліяніе Россіи, и православное населеніе начало обращаться къ русскому правительству съ жалобами на религіозныя преслѣдованія. Но представленія русскихъ пословъ и резидентовъ въ Варшавѣ въ пользу православныхъ оставались почти безъ послѣдствій. Польское правительство, по своему

безсилію, не могло оградить ихъ отъ обидъ и насилій. Въ царствованіе Станислава Понятовскаго вліяніе Россіи усилилось; русскій уполномоченный распоряжался въ Варшавѣ именемъ императрицы, и русскія войска почти не выходили изъ предѣловъ Польши. Тогда вопросъ о диссидентахъ принялъ болѣе рѣшительный оборотъ.

Усерднымъ дѣятелемъ въ этомъ вопросѣ выступилъ бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій, бывшій прежде кіевскимъ архимандритомъ и ректоромъ Кіевской академіи. Въ 1763 году онъ подалъ императрицѣ жалобу на жестокія притѣсненія, которымъ подвергались православные отъ католиковъ въ Западной Россіи [12]). Русскій дворъ вмѣстѣ съ прусскимъ потребовалъ отъ польскаго правительства, чтобы права диссидентовъ (православныхъ и протестантовъ) были уравнены съ католиками. Но Поляки не хотѣли слышать ни о какихъ уступкахъ въ этомъ отношеніи. Когда на сеймѣ 1766 года одинъ депутатъ началъ говорить въ пользу диссидентовъ, то поднялся шумъ, и оратора едва не изрубили въ куски его товарищи. Тогда Екатерина приказала своему уполномоченному въ Варшавѣ Репнину составить диссидентскую конфедерацію. Въ слѣдующемъ году дѣйствительно образовались двѣ конфедераціи, православная въ Слуцкѣ и протестантская въ Торнѣ. Однако сеймъ продолжалъ упорствовать. Самымъ ревностнымъ вождемъ католической партіи въ это время былъ краковскій епископъ Солтыкъ. Репнинъ употребилъ энергическія мѣры: онъ велѣлъ арестовать Солтыка и нѣкоторыхъ другихъ представителей католической партіи (Залусскаго и Ржевускаго) и подъ

---

[12]) Когда совершалось въ Москвѣ коронованіе Екатерины, Конисскій присутствовалъ на этомъ торжествѣ и сказалъ рѣчь, въ которой краснорѣчиво изложилъ бѣдственное положеніе православія въ Западной Россіи сравнительно съ Восточною. „Здѣсь,—говоритъ онъ, — свѣтильникъ вѣры, отъ дней Владимировыхъ зажженный, блистаетъ доселѣ; у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ; у насъ храмы Божіи множайшие отняты, прочіе опустошени и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласи издаютъ". Однако и при такихъ страданіяхъ Бѣлорусскій народъ раздѣляетъ съ Великорусскимъ радость событія (т.-е. восшествія на престолъ Екатерины) и утѣшается сквозь слезы. „А для чего такъ—спрашиваетъ себя ораторъ". И тотчасъ отвѣчаетъ: „Надежда избавленія веселитъ насъ". („Историческое извѣстіе объ уніи". Соч. Бантышъ-Каменскаго. Москва, 1795 г.).

конвоемъ отправилъ ихъ въ Россію. Сеймъ послѣ того сдѣлался уступчивѣе и подписалъ трактатъ съ Россіей, по которому православнымъ возвращалась полная свобода вѣроисповѣданія. Тѣмъ же трактатомъ Россія поручилась охранять въ Польшѣ существующій политическій порядокъ.

Состояніе Польши въ то время было весьма печальное. Польскіе сеймы, имѣвшіе въ своихъ рукахъ законодательную власть, обыкновенно кончались безъ всякаго результата, потому что каждый членъ имѣлъ право «сорвать сеймъ», т.-е. остановить сеймовое рѣшеніе; это право называлось liberum veto. Сеймы срывалъ всегда какой-нибудь шляхтичъ, который былъ подкупленъ или польскимъ магнатомъ, или иностраннымъ дворомъ. Королевская власть такъ упала, что король самъ не могъ принять никакихъ мѣръ для внѣшней защиты государства или для преобразованія его отжившаго политическаго устройства. Между тѣмъ какъ шляхетское сословіе пользовалось всѣми правами и привилегіями, низшіе классы находились въ угнетеніи и невѣжествѣ и оставались чужды политическимъ интересамъ страны. Администрація представляла анархію; магнаты самоуправствовали, заводили распри другъ съ другомъ, а государственные сановники не стыдились за деньги быть орудіемъ иностранныхъ дворовъ и продавать отечество. При такихъ обстоятельствахъ нѣкогда могущественная Польша ослабѣла до крайности и давно уже находилась въ зависимости отъ сосѣдей, которые имѣли виды на ея области.

Но *вліяніе Екатерины на польскія дѣла возбудило опасеніе въ другихъ державахъ.* Нѣкоторые польскіе дворяне (Красинскій, одинъ изъ Потоцкихъ и семейство Пулавскихъ), въ надеждѣ на французскую помощь, завязали конфедерацію въ подольскомъ городѣ Барѣ, съ цѣлью отнять права у диссидентовъ и низложить съ престола Понятовскаго (1768 г.). Репнинъ открылъ военныя дѣйствія; плохо вооруженные отряды конфедератовъ, состоявшіе подъ начальствомъ нѣсколькихъ вождей, почти независимыхъ другъ отъ друга, не могли устоять противъ регулярныхъ русскихъ войскъ; послѣднія впрочемъ были малочисленны, потому что въ то же время началась война съ Турціей.

Герцогъ Шуазель, первый министръ Людовика XV, прислалъ на помощь конфедератамъ французскихъ офицеровъ, и между ними Дюмурье (прославившагося впослѣдствіи во время Французской революціи). Дюмурье въ своихъ запискахъ очень дурно отзывается о конфедератахъ; буйные

шляхтичи не соблюдали никакой дисциплины, пьянствовали и грабили, не разбирая своихъ и непріятелей; вожди ихъ окружали себя роскошью, не были согласны между собою и нерѣдко заводили другъ съ другомъ ссоры [13]).

Спустя четыре года Барская конфедерація была уничтожена. Въ то время между дворами Русскимъ, Прусскимъ и Австрійскимъ состоялось соглашеніе, слѣдствіемъ котораго былъ первый раздѣлъ Польши. Россія получила сѣверную и восточную часть Бѣлоруссіи (1773 г.). Объ этомъ раздѣлѣ болѣе всѣхъ хлопоталъ Фридрихъ II Прусскій [14]).

Конституція 3 мая и паденіе Польши. Въ слѣдующую затѣмъ эпоху между польскими аристократами составилась

[13]) На заднѣпровской Украйнѣ, въ польскихъ владѣніяхъ, старинная религіозная и національная вражда православнаго русскаго населенія съ польскимъ дворянствомъ разгорѣлась въ это время съ особою силою. Запорожцы и гайдамаки снова выступили ожесточенными мстителями за угнетеніе низшихъ классовъ. Главнымъ предводителемъ ихъ явился Максимъ Желѣзнякъ, запорожецъ и бывшій послушникъ чигиринскаго Матренинскаго монастыря. (Игуменъ этого монастыря Мельхиседекъ Яворскій, подобно Георгію Конисскому, былъ ревностнымъ поборникомъ православія противъ уніи и католичества). Желѣзнякъ собралъ многочисленную толпу изъ Запорожцевъ и гайдамакъ и открылъ губительный походъ по Кіевскому воеводству, разоряя мѣстечки, села и помѣщичьи замки, истребляя шляхту и жидовъ (1768). Самымъ ужаснымъ дѣломъ этого возстанія была такъ называемая Уманьская рѣзня. Городъ Умань принадлежалъ графу Потоцкому, который содержалъ здѣсь отрядъ казаковъ для защиты своихъ владѣній. Но эти казаки, руководимые своимъ сотникомъ Гонтою, перешли на сторону Желѣзняка, вмѣстѣ съ нимъ взяли городъ и вырѣзали почти всѣхъ жителей. Мятежники провозгласили Желѣзняка украинскимъ гетманомъ; силы его увеличивались новыми толпами. Польское правительство, отвлекаемое конфедераціей, могло выставить противъ него только слабый отрядъ. На помощь Полякамъ Екатерина велѣла идти генералу Кречетникову. Мятежъ былъ усмиренъ, и казаки подверглись страшнымъ казнямъ. Но запорожцы и послѣ того почти каждое лѣто совершали разбойничьи набѣги на уманьщину. Эти времена извѣстны въ народѣ подъ именемъ „коліивщины“ и „паліевщины“. (Послѣднее слово происходитъ отъ имени Палѣя, одного изъ Малороссійскихъ полковниковъ, извѣстнаго своею непримиримою враждой къ Полякамъ во времена Петра I).

[14]) Въ томъ же 1773 году появилась знаменитая папская булла, упразднявшая Іезуитскій орденъ. По волѣ Екатерины, эта булла не была объявлена въ присоединенныхъ бѣлорусскихъ провинціяхъ, и орденъ продолжалъ тамъ существовать (до 1820 г.). Вообще *Екатерина стремилась освободить по возможности католическія области своей Имперіи отъ непосредственнаго вліянія Римской куріи*; съ этою цѣлью она хотѣла сосредоточить ихъ церковное управленіе въ рукахъ особаго іерарха, и назначила епископомъ католическихъ церквей въ Россіи умнаго, просвѣщеннаго Сестренцевича, котораго потомъ возвела въ санъ митрополита.

партія людей, пытавшихся произвести важныя перемѣны въ государственномъ устройствѣ; перемѣны эти имѣли цѣлью поддержать государство, очевидно клонившееся къ паденію. Во главѣ преобразовательной партіи стояли Игнатій Потоцкій, Коллонтай и другіе патріоты. Несмотря на противодѣйствіе консерваторовъ, патріотамъ дѣйствительно удалось провозгласить новую конституцію (3 мая 1791 г.): престолъ по смерти Станислава Понятовскаго вмѣсто избирательнаго становился теперь наслѣдственнымъ въ Саксонскомъ домѣ; король получилъ исполнительную власть, отмѣнялось liberum veto и проч. Вмѣсто съ тѣмъ обнаружилось значительное движеніе противъ Россіи, которая въ то время занята была войною съ Турками и Шведами. Но эта война скоро кончилась. Уже въ слѣдующемъ году въ Тарговицѣ составилась конфедерація изъ приверженцевъ прежняго государственнаго устройства; главы этой конфедераціи (Феликсъ Потоцкій, великій коронный гетманъ Браницкій и польный коронный гетманъ Ржевускій) обратились съ просьбою о помощи къ Екатеринѣ, и русскія войска немедленно вступили въ Польшу. Польское правительство не могло выставить значительныхъ силъ для сопротивленія, а надежда на прусскую помощь была обманута. Польская армія, предводимая племянникомъ короля Іосифомъ Понятовскимъ и генераломъ Костюшко, пыталась сопротивляться, но, послѣ битвы подъ Дубенкой, принуждена была къ отступленію. Наконецъ самъ король Станиславъ-Августъ, по требованію Екатерины, присталъ къ Тарговицкой конфедераціи, и Майская конституція была отмѣнена. Послѣ того императрица вошла въ соглашеніе съ прусскимъ королемъ, и произошелъ второй раздѣлъ Польши; Россія получила на свою долю области Волынскую и Минскую.

Русскимъ уполномоченнымъ въ Польшу назначенъ былъ въ то время Сиверсъ (бывшій новгородскій губернаторъ). Ему дано трудное порученіе склонить сеймъ къ формальной уступкѣ областей, которыя въ дѣйствительности уже отошли отъ Польши по второму раздѣлу. Чрезвычайный сеймъ собранъ на этотъ разъ въ Гроднѣ (1793). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ уступилъ требованіямъ Сиверса и утвердилъ договоръ объ уступкѣ земель, присоединенныхъ къ Россіи, но рѣшительно отказался вступить въ такой же договоръ съ Пруссіей (къ которой отходили коренныя польскія

земли). Напрасно прусскій посолъ грозилъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Сиверсъ принужденъ былъ оказать ему дѣятельное содѣйствіе: четырехъ наиболѣе упорныхъ депутатовъ онъ велѣлъ взять подъ арестъ и высылать изъ Гродно. Тогда сеймъ вздумалъ отмолчаться отъ уступки земель, и послѣдовало знаменитое нѣмое засѣданіе. На всѣ запросы о договорѣ съ Пруссіей депутаты отвѣчали глубокимъ молчаніемъ. Имъ было объявлено, что они не выйдутъ изъ залы, пока не дадутъ прямого отвѣта. Депутаты продолжали сидѣть молча до глубокой ночи. Пробило три часа утра. Наконецъ сеймъ уступилъ; но къ уступкѣ своей присоединилъ протестъ противъ сдѣланнаго ему насилія.

Французская революція, находившаяся тогда въ сильномъ разгарѣ, отвлекла вниманіе западныхъ державъ отъ Восточной Европы. Вскорѣ прекратилось и самое существованіе Польскаго государства.

Патріотическія тайныя общества, силившіяся спасти погибавшую Польшу, успѣли приготовить возстаніе. Оно ускорилось, когда русскій уполномоченный въ Варшавѣ, мягкій, образованный Сиверсъ, былъ отозванъ, и его замѣнилъ генералъ Игельстромъ, не отличавшійся предусмотрительностью. Возстаніе началось въ Краковѣ (въ мартѣ 1794 г.), и отсюда быстро распространилось на сѣверъ; главнокомандующимъ и диктаторомъ былъ избранъ генералъ Тадеушъ Костюшко (принимавшій участіе въ Сѣверо-Американской войнѣ и тамъ развившій свои военные таланты). Русскій отрядъ, расположенный въ Варшавѣ, застигнутъ врасплохъ и потерялъ до 2000 человѣкъ. Но скоро подоспѣли русскія и прусскія войска, и польскіе предводители одинъ за другимъ начали терпѣть пораженія. Самъ Костюшко проигралъ битву при Мацѣовицахъ и попался въ плѣнъ.

Костюшко, желая предупредить соединеніе двухъ русскихъ корпусовъ, Суворова и Ферзена, шедшихъ на Варшаву, двинулся навстрѣчу послѣднему съ 8000 человѣкъ; но обманутый ложными извѣстіями, увидѣлъ предъ собою гораздо сильнѣйшаго противника. Тогда онъ поспѣшно отступилъ къ мѣстечку Мацѣовицы (на правомъ берегу Вислы, къ югу отъ Варшавы), окопался въ этой болотистой, лѣсистой мѣстности, и велѣлъ генералу Понинскому какъ можно скорѣе придти на помощь. Ферзенъ, не теряя времени, послѣдовалъ за Поляками и (30 сентября 1794 г.) съ разныхъ сторонъ напалъ на ихъ лагерь. Послѣ продолжительнаго и упорнаго боя силы Поляковъ истощились, а между тѣмъ Понинскій не приходилъ. Костюшко сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе вырвать побѣду изъ

рукъ Ферзена во главѣ своей отборной кавалеріи; но она была разбита и обратилась въ бѣгство. Слѣдуя за бѣглецами, Костюшко попалъ въ болото, гдѣ конь его завязъ, и тутъ онъ былъ взятъ казаками въ плѣнъ, сильно израненный. Онъ не былъ узнанъ, и только крикъ одного изъ его спутниковъ: «Стойте! это Костюшко!» — остановилъ направленные на него удары. Нѣсколько казаковъ тотчасъ сложили свои копья въ видѣ носилокъ и отнесли раненаго въ русскій лагерь. Побѣда была рѣшительная; едва полторы тысячи Поляковъ успѣли спастись черезъ лѣса въ Варшаву. (Разсказъ о томъ, будто польскій герой послѣ пораженія бросилъ саблю и воскликнулъ: «finis Poloniae!» не достовѣренъ).

Вслѣдъ затѣмъ Суворовъ, соединившись съ Ферзеномъ, послѣ жестокаго штурма овладѣлъ Прагою, предмѣстьемъ Варшавы, и здѣсь положилъ конецъ войнѣ. Предводители польскаго возстанія удалились за границу; король Станиславъ-Августъ отказался отъ престола (и послѣднее время своей жизни провелъ въ Петербургѣ); Польша окончательно была раздѣлена между Россіей, Пруссіей и Австріей. На долю первой достались Литва и вассальное Курляндское герцогство (1795 г. Послѣднимъ курляндскимъ герцогомъ былъ Петръ Биронъ, сынъ извѣстнаго Эрнста Бирона, которому Екатерина возвратила герцогство. Петръ Биронъ отказался отъ своихъ правъ въ пользу Россіи и получилъ денежное вознагражденіе).

ПАВЕЛЪ I. 1796—1801.

Новыя постановленія. До кончины Екатерины II-й Павелъ Петровичъ жилъ съ своею супругой Маріею Ѳеодоровною (виртембергскою принцессой) по большей части въ Гатчинѣ, въ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ. По восшествіи на престолъ онъ обнаружилъ неутомимую дѣятельность. Изъ правительственныхъ распоряженій Павла I замѣчателенъ, во-первыхъ, указъ объ императорской фамиліи, которымъ опредѣлены взаимныя отношенія ея членовъ и порядокъ престолонаслѣдія; тогда же отдѣлена была часть государственныхъ крестьянъ на содержаніе членовъ царской фамиліи, подъ именемъ крестьянъ „удѣльныхъ“ (преимущественно прежнія „дворцовыя“ имѣнія, соединенныя при Екатеринѣ II съ прочими казенными). Когда началось новое царствованіе, крестьяне, обманутые ложными слухами о свободѣ,

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отказались повиноваться своимъ помѣщикамъ и были усмирены военными отрядами. Однако вскорѣ послѣ того изданъ манифестъ, который запрещалъ принуждать крестьянъ къ работѣ по праздникамъ и въ теченіе недѣли помѣщики могли пользоваться только трехдневною крестьянскою работой (1797 г.), а въ слѣдующемъ году запрещено продавать въ Малороссіи крестьянъ безъ земли. Этими мѣрами въ русскомъ законодательствѣ положено было начало ограниченію помѣщичьей власти. Вообще устройствомъ сельскаго управленія императоръ Павелъ дополнилъ губернскія учрежденія Екатерины II [15]). Далѣе, вслѣдствіе новыхъ политическихъ теорій, волновавшихъ тогда западную Европу, послѣдовало запрещеніе отправлять молодыхъ людей для образованія за границу, а взамѣнъ того позволено нѣмецкому дворянству Балтійскаго края открыть свой университетъ въ Деритѣ (1799 г.). Въ то же время частныя типографіи были закрыты, и новыми постановленіями о ц е н з у р ѣ усиленъ надзоръ за книгопечатаніемъ: дозволялось издавать только тѣ книги, въ которыхъ не было ничего противнаго грекороссійской церкви и русскому государственному устройству. Присоединеніе старообрядцевъ къ единовѣрію, начатое при Екатеринѣ II, при Павлѣ продолжалось, и право имѣть свои церкви распространено для нихъ на всѣ епархіи. Успѣху этой мѣры способствовалъ особенно умный и просвѣщенный митрополитъ московскій Платонъ.

---

[15]) Государственные и удѣльные крестьяне раздѣлены на в о л о с т и не болѣе 3000 душъ въ каждой. Для сбора податей, хозяйственныхъ распоряженій и для суда маловажныхъ проступковъ учреждено вездѣ в о л о с т н о е п р а в л е н і е; оно состояло изъ членовъ, выбранныхъ „міромъ“, а именно, волостного головы, старосты главнаго селенія и волостного писаря. Въ каждомъ селеніи староста и десятскіе составляли мѣстную полицію.

Въ нѣкоторыхъ установленіяхъ Екатерины II императоръ Павелъ произвелъ значительныя перемѣны. Замѣчательна, между прочимъ, перемѣна въ западно-русскихъ провинціяхъ, возвращенныхъ отъ Польши. Екатерина ввела въ нихъ свое учрежденіе о губерніяхъ 1775 года. А Павелъ I возстановилъ тамъ нѣкоторыя установленія польскаго періода; напримѣръ, трибуналъ (высшее судебное мѣсто), суды гродскіе и подкоморскіе; во всемъ Западномъ краѣ снова былъ введенъ въ дѣйствіе Литовскій статутъ; многіе польскіе дворяне возвращены изъ ссылки и получили обратно конфискованныя имѣнія. (Костюшко получилъ свободу и поселился потомъ въ Швейцаріи). Указомъ 1796 года возстановлено и старое обособленное отъ Россіи устройство Балтійскихъ или Остзейскихъ провинцій, въ которыхъ Екатерина также ввела свои губернскія учрежденія.

Итальянскій походъ Суворова. Относительно внѣшнихъ дѣлъ императоръ Павелъ сначала изъявилъ намѣреніе держаться миролюбивой политики и желалъ доставить спокойствіе Россіи, истощенной частыми войнами и расточительностію предыдущей эпохи. Онъ обратилъ большое вниманіе на финансы, которые послѣ Екатерины остались въ разстроенномъ состояніи (чтобъ исправить курсъ бумажныхъ денегъ, онъ велѣлъ въ своемъ присутствіи сжечь на нѣсколько милліоновъ рус. ассигнацій).

Павелъ прекратилъ начатыя Екатериною приготовленія къ борьбѣ съ Французскою революціею; но, спустя два года, постоянное распространеніе французскихъ завоеваній побудило императора заключить наступательный союзъ съ Англіею и Австріею противъ Франціи. Предводителемъ войска, отправленнаго въ Италію на помощь Австрійцамъ, избранъ былъ Суворовъ, который въ началѣ этого царствованія попалъ въ немилость. Императоръ, весьма любившій военную службу, неутомимо занимался устройствомъ арміи, ввелъ въ ней строгую дисциплину, прусскую форму съ напудренными буклями и башмаками, и пр. Такія нововведенія не нравились старому фельдмаршалу, привыкшему распоряжаться въ своихъ полкахъ совершенно самостоятельно, и онъ получилъ отставку [16]). Суворовъ жилъ въ своей деревнѣ (Новгород. губ., Боровицкаго уѣзда) и продолжалъ вести себя очень оригинально: онъ пѣлъ на клиросѣ во время церковной службы, звонилъ въ колокола, игралъ съ деревенскими мальчиками, но между тѣмъ зорко слѣдилъ за политическими событіями въ Европѣ. Вдругъ, по желанію австрійскаго императора Франца, Павелъ I назначилъ Суворова главнокомандующимъ надъ соединенною русско-австрійскою арміей и старикъ съ радостію принялъ начальство. Итальянскій походъ покрылъ громкою славою русскаго полководца (1779 г.), но плоды его блестящихъ побѣдъ въ Италіи (на берегахъ Адды, Требіи и при Нови) были уничтожены неблагоразумными мѣрами и завистью австрійскаго придворно-военнаго

[16]) Въ это время по военной части довѣріемъ императора пользовался Аракчеевъ, который служилъ въ гатчинскомъ войскѣ Павла Петровича (когда онъ былъ великимъ княземъ) и обратилъ на себя вниманіе необыкновенною точностію и ревностію по службѣ.

совѣта (Гофкригсратъ). Совершивъ беспримѣрный переходъ по Альпійскимъ горамъ въ Швейцаріи, Суворовъ отступилъ въ Баварію.

Послѣ побѣды при Нови Суворовъ получилъ приказаніе изъ Верхней Италіи двинуться въ Швейцарію, на смѣну австрійскихъ войскъ эрцгерцога Карла и на соединеніе съ русскимъ корпусомъ генерала Римскаго-Корсакова. Суворовъ черезъ вершины Сенъ-Готарда вступаетъ въ Швейцарію, разсѣявъ на пути Французовъ; онъ идетъ по ущельямъ, надъ пропастями (между прочимъ по знаменитому Чортову мосту) и спускается въ Муттенскую долину. Но тутъ онъ узнаетъ, что Корсаковъ, преждевременно оставленный эрцгерцогомъ Карломъ, потерпѣлъ при Цюрихѣ пораженіе отъ французскаго генерала Массены и отступилъ на сѣверъ. Массена съ 60.000 войска хочетъ запереть въ Муттенской долинѣ и принудить къ сдачѣ Суворова, у котораго было не болѣе 20.000. Въ такомъ отчаянномъ положеніи главнокомандующій собираетъ военный совѣтъ: рѣшено повернуть на Гларисъ и пробиться сквозь французскія войска. Тщетно Массена пытался загородить дорогу, — онъ былъ неоднократно разбитъ. Послѣ неимовѣрныхъ трудностей Русскіе наконецъ вышли изъ горъ и вздохнули свободно.

Во время этихъ походовъ наше войско подъ начальствомъ любимаго вождя развернуло вполнѣ свое неодолимое мужество, и умѣло побѣждать самую природу, совершенно для себя непривычную. Выросшіе въ климатѣ холодномъ и умѣренномъ, Русскіе неутомимо сражались подъ знойнымъ итальянскимъ небомъ въ долинѣ р. По; привыкшіе только къ ровнымъ широкимъ полямъ своей родины, они въ ненастную погоду, голодные, оборванные, почти босые, бодро взбирались на снѣжныя, окутанныя туманомъ, альпійскія вершины, штыками очищая себѣ дорогу отъ Французовъ [17]).

---

[17]) Вотъ, напримѣръ, описаніе перехода черезъ Сенъ-Готардъ (изъ „Исторіи войны Россіи съ Франціей въ 1799 году"—Милютина):

„Со стороны Италіи позиція на С.-Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюковъ, извилисто поднималась отъ Айроло по крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные потоки, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины и снова взбиралась на гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури или въ зимнія вьюги: нерѣдко одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины горы. Здѣсь, на высотѣ 6,800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился страннопріимный домъ — Госписъ (Hospice), въ которомъ жили нѣсколько капуциновъ; эти благочестивые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникамъ, подавали помощь погибавшимъ, приносили полузамерзшихъ въ обитель, и, отогрѣвая ихъ, многимъ несчастнымъ спасали жизнь. Таковъ былъ путь, по которому Суворовъ велъ свою малочисленную армію". — „Обходное движеніе князя Багратіона заставило республиканцевъ начать отступленіе. Однако они держались еще шагъ за шагомъ, останавливаясь на выгодныхъ позиціяхъ и наконецъ поднялись на самую вершину горы. Здѣсь предстояло русскимъ

Въ то же время экспедиція соединеннаго англо-русскаго отряда въ Голландію окончилась неудачею. Тогда Павелъ I, недовольный союзниками, отозвалъ свои войска обратно въ Россію. Онъ даже вошелъ въ сношенія съ первымъ консуломъ Французской республики, Бонапартомъ, и думалъ объявить войну Англіи, но скончался посреди приготовленій къ этой войнѣ.

АЛЕКСАНДРЪ I. 1801—1825.

Павелъ I оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей: Александра, Константина, Николая и Михаила. Старшій изъ нихъ вступилъ на престолъ; онъ былъ любимый внукъ Екатерины II и заботами ея получилъ весьма тщательное воспитаніе. Въ царствованіе императора Александра Россія снова расширила свои предѣлы, пріобрѣла значительное вліяніе на политическія дѣла Европы и достигла высшей

войскамъ одолѣть самое упорное сопротивленіе непріятеля и самыя ужасныя преграды мѣстности. Французы заняли сильную позицію впереди Госписа. Какъ ни была недоступна эта позиція съ фронта, однако же Русскіе отважно пошли на приступъ: Французы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ: укрываясь за утесами и каменьями, республиканцы цѣлили какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ сильною потерею, но войска русскія ничего не считали невозможнымъ: одушевленные присутствіемъ Суворова и великаго князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, уже облитыя кровью. И снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго. Однакожъ упрямый Суворовъ оставался непреклоннымъ и рѣшился во что бы то ни стало выбить непріятеля изъ сильной позиціи. Время было дорого; день уже склонялся къ вечеру; а князь Багратіонъ все еще взбирался на крутыя ребра С.-Готарда. Солдаты наши, непривычные къ горамъ, съ неимовѣрными усиліями карабкались со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Даже и привычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на эти недосягаемыя выси. Войска были утомлены до крайности, гора казалась имъ безконечною; вершина какъ будто все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду. Было уже 4 часа пополудни, какъ Суворовъ въ третій разъ повелъ атаку на С.-Готардъ. Въ то же время и князь Багратіонъ появился наконецъ на снѣжной вершинѣ противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, не ждавшіе никакъ нападенія съ той стороны, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпиталь. Русскіе заняли С.-Готардъ. Утомленныя до изнеможенія, войска стягивались мало-по-малу на вершину горы. Между тѣмъ самъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ Госпису. Здѣсь, у входа въ обитель, встрѣтили его капуцины. Настоятель, 70-тилѣтній старикъ, бѣлый какъ лунь, пригласилъ полководца войти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный завтракъ. „Нѣтъ святой отецъ, — сказалъ Суворовъ, — какъ ни голодны мы но прежде всего должны помолиться Богу; отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ и за трапезу“.

степени своего внѣшняго блеска. Почти вся первая половина этого царствованія наполнена безпрерывными войнами.

Войны. Въ 1808 году открылась война со Шведами (вслѣдствіе отказа Швеціи примкнуть къ союзу сѣверныхъ державъ противъ Англіи). Театромъ этой войны была Финляндія; русскія войска, предводимыя графомъ Буксгевденомъ, вытѣснили оттуда слабые шведскіе отряды и заставили сдаться неприступную крѣпость Свеаборгъ; а зимою слѣдующаго года они, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, перешли по льду Ботническаго залива (черезъ проливъ Кваркенъ) и напали на самую Швецію. Тогда король шведскій Густавъ IV отказался отъ престола, и преемникъ его Карлъ XIII заключилъ въ Фридригсгамѣ миръ, по которому Россія пріобрѣла Финляндію до рѣки Торнео вмѣстѣ съ Аландскими островами. На сеймѣ, созванномъ въ Борго (въ мартѣ 1809 г.), Александръ I, *отнюдь не понуждаемый къ тому обстоятельству, а единственно по собственному соизволенію*, оставилъ Финляндіи старинное шведское устройство и даровалъ ей особое управленіе съ титуломъ „великаго княжества“. (Къ сему княжеству была присоединена и Выборгская губернія, т. е. часть Финляндіи, завоеванная при Петрѣ I и Елизаветѣ Петровнѣ и успѣвшая было значительно обрусѣть; тогда граница княжества придвинулась къ самому Петербургу).

Между тѣмъ на югѣ цѣлыя шесть лѣтъ (1806 — 1812) происходила война съ Турціей, такъ какъ Порта, возбужденная Наполеономъ I, нарушила нѣкоторыя статьи мирнаго договора. Военныя дѣйствія шли съ перемѣннымъ успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока начальство надъ арміей не принялъ графъ Каменскій; онъ оттѣснилъ Турокъ до самыхъ Балканъ; но смерть остановила его подвиги. Преемникъ Каменскаго, Кутузовъ, заманилъ великаго визиря на лѣвый берегъ Дуная и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Тогда султанъ согласился на миръ, который и былъ заключенъ въ Бухарестѣ: Турція уступила намъ Бессарабскую область, и границею сдѣлалась рѣка Прутъ. Въ тоже время удачно шла борьба съ Персами въ Закавказскомъ краѣ за обладаніе Грузіей. (Здѣсь отличились русскіе генералы: Цицiановъ, Гудовичъ и Котляревскій).

Всѣ эти войны ничтожны въ сравненіи съ тою громадною борьбою, которую Россія должна была выдержать противъ величайшаго завоевателя новыхъ временъ Наполеона I. Первостепенныя державы спѣшили составлять коалиціи, чтобы общими силами остановить быстрое распространеніе французскаго владычества въ Европѣ. Сначала русскіе выступили противъ Наполеона въ союзѣ съ Австрійцами, которымъ Александръ I послалъ на помощь войско подъ начальствомъ Кутузова; этотъ походъ окончился пораженіемъ русско-австрійской арміи при Аустерлицѣ въ Моравіи (1805 г.). Австрія заключила миръ, а Россія продолжала войну въ слѣдующемъ году уже въ союзѣ съ Пруссіей. Вторая война была такъ же неудачна, какъ первая. Разсѣявъ прусскую армію при Іенѣ, Наполеонъ напалъ на русскія войска, состоящія подъ начальствомъ генерала Беннигсена, и послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ битвъ нанесъ имъ сильное пораженіе подъ Фридландомъ. Тогда императоръ Александръ заключилъ съ Наполеономъ миръ въ Тильзитѣ (1807 г.): принадлежавшая Пруссіи Бѣлостокская область присоединена къ Россіи, и оба императора обѣщали помогать другъ другу въ будущихъ войнахъ. Россія обязалась, кромѣ того, запереть свои гавани англійскимъ кораблямъ, т. е. принять участіе въ „континентальной системѣ“, посредствомъ которой Наполеонъ хотѣлъ подорвать англійскую торговлю. Въ слѣдующей затѣмъ войнѣ Наполеона съ Австріей (1809 г.) Россія, на основаніи Тильзитскаго договора, выставила вспомогательный корпусъ на границахъ Галиціи; впрочемъ Русскіе уклонились отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Австрійцевъ. По окончаніи войны Россія получила часть восточной Галиціи.

Нашествіе Наполеона и русскій патріотизмъ. [18]) Союзъ съ Французскимъ императоромъ не могъ быть проченъ. Самовластіе, съ которымъ завоеватель распоряжался въ Европѣ, скоро сдѣлалось невыносимо. Поводомъ къ разрыву послужили слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, Наполеонъ, повидимому, хотѣлъ возстановить Польское королевство (онъ уже учредилъ Варшавское герцогство изъ польскихъ земель, отнятыхъ у Пруссіи); во вторыхъ, онъ отнялъ владѣніе у герцога Ольденбургскаго, родственника императору Александру, и не обратилъ вниманія на протестъ Русскаго двора. Кромѣ того, Россія весьма тяготилась континентальной системою, потому что вывозъ ея сырыхъ произведеній уменьшился, ассигнаціи сильно упали въ цѣнѣ и товары вздорожали; опа-

---

[18]) „Исторія Отечественной войны 1812 г.“. Соч. ген.-м. М. Богдановича. „Мемуары графа Толя“.

саясь окончательно подорвать свои финансы, русское правительство отступило отъ строгаго соблюденія континентальной системы и, чтобъ уменьшить вывозъ звонкой монеты, наложило высокую пошлину на нѣкоторые предметы роскоши, получаемые изъ Франціи. Наполеонъ приготовилъ огромныя силы для войны съ Россіей; онъ призвалъ вспомогательныя войска нѣмецкія, польскія, итальянскія, испанскія и собралъ армію въ 600.000 человѣкъ. Въ іюнѣ 1812 года Французы перешли пограничную рѣку Нѣманъ и вступилъ въ предѣлы Русской имперіи [19]).

Александръ сосредоточилъ на западныхъ предѣлахъ до 200.000 войска; оно было раздѣлено на двѣ главныя арміи: первою командовалъ военный министръ Барклай - де - Толли (родомъ изъ Лифляндіи), второю храбрый генералъ Багратіонъ (грузинскаго происхожденія). По плану Барклая, Русскіе стали отступать въ глубь страны. Подъ Смоленскомъ обѣ арміи соединились, но продолжали отступленіе, потому что Барклай не надѣялся побѣдить въ рѣшительной битвѣ перваго полководца своего времени, стоявшаго во главѣ болѣе многочисленной и еще свѣжей арміи. Войска наши роптали на осторожность своего вождя и оказывали ему, какъ нѣмцу, явное недовѣріе. Въ такихъ обстоятельствахъ императоръ Александръ внялъ народному голосу и выбралъ главнокомандующаго изъ русскихъ генераловъ, именно престарѣлаго князя Кутузова, который пользовался славою искуснаго полководца и ловкаго дипломата [20]). Кутузовъ расположилъ армію при селѣ Бородинѣ (Можайскаго уѣзда), и здѣсь 26 августа далъ генеральное сраженіе.

Центромъ и правымъ крыломъ русской арміи начальствовалъ

---

[19]) 22 іюня въ Вильковишкахъ Наполеонъ издалъ пышную прокламацію къ своей арміи: «Солдаты, говорилъ онъ,—вторая польская война началась. Первая окончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ... Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей. Неужели она полагаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины аустерлицкіе?. Вторая польская война будетъ столь же славна для Франціи, сколько и первая: но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ пятидесятилѣтнее кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы».

[20]) Суворовъ о своемъ любимцѣ Кутузовѣ отзывался такъ: «уменъ, очень уменъ: его и Рибасъ не обманетъ». (Рибасъ былъ адмиралъ, извѣстный своимъ хитрымъ, изворотливымъ умомъ).

Барклай-де-Толли, а лѣвымъ крыломъ князь Багратіонъ. Наполеонъ, по своему обыкновенію, устремилъ главныя силы на то, чтобы прорвать нашъ центръ и сломить лѣвое крыло. Лучшіе французскіе маршалы, каковы Ней, Даву и Мюратъ, съ большими массами пѣхоты и кавалеріи обрушились на войска Багратіона. Послѣдній долго и непоколебимо выдерживалъ натискъ многочисленныхъ непріятелей, пока смертельная рана не принудила его покинуть поле битвы; полки его пришли въ замѣшательство и подались назадъ. Тутъ Наполеонъ не подкрѣпилъ вовремя своихъ маршаловъ оставшеюся у него въ запасѣ гвардіею и пропустилъ удобную минуту; на мѣсто Багратіона Кутузовъ прислалъ генерала Дохтурова; Русскіе успѣли оправиться и отразили всѣ дальнѣйшія нападенія. Между тѣмъ въ нашемъ центрѣ были геройски отбиты стремительныя атаки Французовъ, предводимыхъ вице-королемъ итальянскимъ Евгеніемъ Богарне (пасынокъ Наполеона). Послѣ десятичасового рукопашнаго боя непріятельскія атаки прекратились, и остальное время дня прошло въ безпрерывной, жестокой канонадѣ.

Потерявъ многихъ генераловъ (въ томъ числѣ Багратіона и храбраго графа Кутайсова) и почти половину войска, Кутузовъ не рѣшился возобновить сраженіе на другой день и отступилъ за Можайскъ; Наполеонъ провозгласилъ побѣду. Русскіе готовились къ новой битвѣ подъ Москвою: а московская чернь волновалась, одушевляемая патріотическими воззваніями генералъ-губернатора графа Растопчина [21]. Но главнокомандующій рѣшилъ пожертвовать столицею для спасенія арміи.

Когда русскія войска располагались на юго-западной сторонѣ города и готовились къ битвѣ, Барклай-де-Толли первый обратилъ вниманіе главнокомандующаго на невыгоды позиціи, пересѣченной оврагами и имѣвшей позади себя рѣку Москву: въ случаѣ неудачи армія могла быть совершенно уничтожена превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ. Кутузовъ созвалъ военный совѣтъ въ подмосковной деревнѣ Филя; въ крестьянской избѣ собрались высшіе генералы (Барклай, Бениигсенъ, Дохтуровъ, Коновницынъ, Раевскій, Ермоловъ и другіе). Главнокомандующій предложилъ вопросъ: давать ли сраженіе или уступить Москву безъ боя? Мнѣнія раздѣлились: Бен-

---

[21]) Въ своихъ печатныхъ объявленіяхъ (афишахъ) Растопчинъ приглашалъ московскихъ жителей къ поголовному ополченію противъ врага, стараясь при этомъ выражаться простонароднымъ языкомъ. Напримѣръ, въ объявленіи отъ 30 августа сказано: „Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ городскихъ и деревенскихъ, я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу! Хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки: французъ не тяжеле снопа ржаного" и проч.

нигсенъ (проигравшій Фридландскую битву) горячо оспаривалъ Барклая, который былъ за отступленіе. Выслушавъ обѣ стороны, главнокомандующій приказалъ отступить, потому что съ уничтоженіемъ арміи не только Москва, но и вся Россія была бы во власти непріятеля. Войска пошли черезъ Москву на Рязанскую дорогу (2 сентября). Храбрый генералъ Милорадовичъ начальствовалъ аріергардомъ и прикрывалъ отступленіе арміи. Надобно было дать ей время выбраться изъ города, который находился въ страшномъ смятеніи и былъ загроможденъ обозами съ имуществомъ удалявшихся жителей. Милорадовичъ предложилъ начальнику французскаго авангарда, знаменитому Мюрату, заключить на нѣсколько часовъ перемиріе, чтобы очистить Французамъ Москву; въ противномъ случаѣ обѣщалъ драться до послѣдняго человѣка и оставить непріятелю только однѣ развалины. Мюратъ согласился [22]).

Наполеонъ остановился на Поклонной горѣ, и отсюда долго смотрѣлъ на разстилавшуюся у его ногъ древнюю столицу, потомъ приказалъ войскамъ двинуться въ городъ. У Дорогомиловскаго моста онъ сошелъ съ коня и началъ ходить взадъ и впередъ, въ ожиданіи торжественной депутаціи изъ Москвы. Услыхавъ, что Москва оставлена жителями, онъ не хотѣлъ вѣрить и требовалъ депутацію. Къ нему привели нѣсколько иностранцевъ, которые подтвердили извѣстіе, что жители покинули городъ, за исключеніемъ Французовъ и Нѣмцевъ, занимающихся торговлею, и небольшого числа Русскихъ изъ низшихъ сословій. Въ тотъ же день въ Москвѣ начались огромные пожары, которые продолжались трое сутокъ; городъ подожгли сами Русскіе (говорятъ графъ Растопчинъ заранѣе сдѣлалъ для того всѣ нужныя распоряженія). Такимъ образомъ Французы вмѣсто богатой добычи, обильнаго продовольствія и спокойныхъ зимнихъ квартиръ, на которыя они надѣялись, нашли въ столицѣ разрушеніе и голодъ. Спустя нѣсколько дней по выходѣ изъ Москвы, Кутузовъ вдругъ оставилъ Рязанскую дорогу и, обманувъ преслѣдующаго непріятеля искуснымъ фланговымъ движеніемъ, перешелъ на старую Калужскую дорогу. Этимъ маневромъ были прикрыты: Калуга съ большими запасами съѣстныхъ припасовъ, Тула съ ея оружейнымъ заводомъ и сообщеніе съ южными хлѣбородными областями имперіи [23]).

---

[22]) Въ то время изъ Кремля выступилъ московскій гарнизонъ и пошелъ черезъ городъ съ музыкою, что при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ было очень не кстати и возбудило ропотъ между солдатами и жителями. Пылкій Милорадовичъ обратился съ упрекомъ къ генералу (нѣмцу), который командовалъ гарнизономъ. „Если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно,—отвѣчалъ простодушный генералъ,—то выходитъ съ музыкою, такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго“. — Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что-либо о сдачѣ Москвы?—вскричалъ Милорадовичъ. Прикажите замолчать вашей музыкѣ“.

[23]) Посланный Кутузовымъ полковникъ Мишо привезъ государю донесеніе объ оставленіи Москвы. Александръ I былъ очень тронутъ разска-

Въ это критическое время Русскій народъ вполнѣ обнаружилъ свой высокій патріотическій духъ. Онъ мужественно перенесъ всѣ бѣдствія, связанныя съ непріятельскимъ нашествіемъ, и готовъ былъ всѣмъ пожертвовать для спасенія отечества. Дворянство разныхъ губерній вооружило на свой счетъ до 300.000 ратниковъ; всѣ сословія вмѣстѣ пожертвовали 100.000.000 рублей на военныя издержки; въ то же время началась партизанская и народная война; поднялось и все войско Донскихъ казаковъ по призыву своего атамана Платова. Непріятельскіе отряды истреблялись одинъ за другимъ; недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, болѣзни и мародерство разстроили французскую армію, между тѣмъ какъ Русскіе постоянно получали подкрѣпленія. Наконецъ, когда французскій авангардъ потерпѣлъ пораженіе при Тарутинѣ, непріятель оставилъ Москву и, уходя, взорвалъ часть Кремля (11 октября). Началось знаменитое отступленіе „великой арміи", сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ битвъ (при Малоярославцѣ, Вязьмѣ, Духовщинѣ, Красномъ). Французы, принужденные возвращаться по разоренной Смоленской дорогѣ, тысячами гибли отъ морозовъ и голода, и трупами своими устилали дорогу. На берегахъ Березины русскіе генералы думали окружить Наполеона. Кутузовъ съ главными силами былъ у него въ тылу; съ сѣвера шелъ корпусъ Витгенштейна прикрывавшій дотолѣ дорогу на Петербургъ (и разбившій Французовъ при Полоцкѣ); съ юга подоспѣла Дунайская армія (окончившая Турецкую войну) подъ начальствомъ адмирала Чичагова, который долженъ былъ загородить Французамъ дорогу во время переправы черезъ Березину. По ошибочному движенію Чичагова, Наполеонъ успѣлъ совершить переправу, но съ большими потерями, и одни жалкіе остатки великой арміи достигли русской границы.

Съ изгнаніемъ Французовъ война не прекратилась; императоръ Александръ рѣшился продолжать ее до тѣхъ поръ, пока французское владычество въ средней Европѣ не будетъ

зами полковника о бѣдствіяхъ столицы и арміи. „Скажите всѣмъ,—замѣтилъ онъ—что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ и буду самъ ими предводительствовать. Когда будутъ истощены всѣ усилія, я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь скитаться въ пустыняхъ Сибири, нежели подписать постыдныя условія".

уничтожено. Пруссія первая изъ германскихъ державъ отстала отъ союза съ Наполеономъ, и войска ея соединились съ русскими; но могущество Французскаго императора было сокрушено только тогда, когда къ союзникамъ пристала Австрія, и Наполеонъ проигралъ трехдневную великую битву при Лейпцигѣ. Союзники вступили во Францію, низложили Наполеона и возстановили на французскомъ престолѣ династію Бурбоновъ (1814 г.). Затѣмъ открылся Вѣнскій конгрессъ, на которомъ Русскій императоръ занималъ первенствующее мѣсто среди европейскихъ государей. (Главнымъ дѣломъ этого конгресса было уничтоженіе перемѣнъ, произведенныхъ въ Европѣ французскимъ оружіемъ, и возстановленіе государствъ по большей части въ ихъ прежнемъ видѣ). Россія, въ вознагражденіе за помощь противъ Французовъ, получила большую часть Варшавскаго герцогства, которое Наполеонъ образовалъ изъ польскихъ земель, принадлежавшихъ Пруссіи и Австріи; нѣкоторыя земли были возвращены этимъ державамъ, а остальныя, подъ именемъ Царства Польскаго, составили особое владѣніе подъ верховною властію русскаго императора (1815 г.).

Въ томъ же году Александръ I, король прусскій и императоръ австрійскій заключили Священный союзъ, цѣлью котораго было охраненіе христіанской религіи, взаимнаго мира и существующаго политическаго порядка въ Европѣ.

Министерства и Государственный Совѣтъ. Сперанскій. Первая половина этого царствованія одновременно съ внѣшними войнами ознаменовалась важными внутренними учрежденіями. Изъ начинаній Петра Великаго реформу областного управленія исполнила Екатерина II, а устройство общегосударственныхъ (центральныхъ) учрежденій докончилъ Александръ I. *Самое важное изъ этихъ учрежденій были министерства, основанныя на мѣсто Петровскихъ коллегій*; между ними раздѣлены разныя отрасли государственнаго управленія, и каждое подчинено особому министру. Число министровъ простиралось сначала до восьми (1802 г.) [24]). Около

[24]) А именно: министерство военное (генералъ Вязмитиновъ), морское (адмиралъ Мордвиновъ) иностранныхъ дѣлъ (канцлеръ графъ Воронцовъ), внутреннихъ дѣлъ (графъ Кочубей), юстиціи (Державинъ), финансовъ (графъ Васильевъ), коммерціи (графъ Румянцевъ) и народнаго просвѣщенія (графъ Завадовскій).

того же времени учрежденъ Государственный Совѣтъ для обсужденія правительственныхъ мѣръ. Окончательное устройство министерствъ и Государственнаго Совѣта принадлежитъ дѣятельности Сперанскаго [25]).

Съ восшествіемъ на престолъ Александра I послѣдовали большія перемѣны въ лицахъ и установленіяхъ. Первое время самымъ вліятельнымъ лицомъ былъ Трощинскій, начальникъ канцеляріи вновь учрежденнаго Государственнаго Совѣта (по происхожденію простой малороссъ). Для составленія докладовъ государю, для сочиненія манифестовъ и указовъ Трощинскому понадобилось бойкое, искусное перо, и онъ приблизилъ къ себѣ Сперанскаго, который уже имѣлъ блестящую репутацію между чиновниками. Трощинскій, хотя умный и дѣловой человѣкъ, но привязанный къ старымъ порядкамъ, не согласовался съ преобразовательнымъ характеромъ новаго царствованія, и скоро былъ замѣненъ другими людьми, болѣе близкими къ молодому государю по лѣтамъ и убѣжденіямъ. Изъ нихъ первое мѣсто занималъ графъ Кочубей (также родомъ малороссъ, племянникъ и питомецъ Екатерининскаго дипломата графа Безбородка); онъ пользовался дружбою Александра, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ. Потомъ слѣдуютъ три друга Александровской юности: Новосильцевъ, князь Адамъ Чарторыйскій и графъ Строгановъ; они образовали между собою тѣсный союзъ, который современники называли «тріумвиратомъ». Воспитанные подъ вліяніемъ англійскихъ государственныхъ идей, они стремились примѣнить эти идеи къ устройству Россіи; учрежденіе министерствъ было плодомъ ихъ стремленій. Кочубей, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, перезвалъ Сперанскаго въ свое вѣдомство, и

---

[25]) Жизнь графа Сперанскаго". Соч. барона Корфа.

Сперанскій былъ сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи. Онъ учился въ мѣстной семинаріи и уже здѣсь обнаружилъ свою необыкновенную даровитость. По распоряженію начальства, его отправили въ Петербургъ въ главную или Александровскую семинарію, куда собирали лучшихъ воспитанниковъ изъ провинцій, чтобы образовывать учителей для губернскихъ семинарій. Сперанскій пріобрѣлъ расположеніе петербургскаго митрополита Гавріила, и по окончаніи курса оставленъ профессоромъ при той же Александровской семинаріи. Читая лекціи математики и философіи, продолжая усердно работать надъ собственнымъ образованіемъ, необыкновенно дѣятельный профессоръ занялъ въ то же время должность домашняго секретаря у одного изъ Екатерининскихъ вельможъ, князя Алексѣя Куракина, и скоро сдѣлался его любимцемъ. Когда вступилъ на престолъ Павелъ I, Куракинъ назначенъ былъ генералъ-прокуроромъ Сената; онъ немедленно перевелъ своего домашняго секретаря въ канцелярію генералъ-прокурора. Такимъ образомъ Сперанскій оставилъ духовно-учительское поприще и перешелъ въ гражданскую службу. При Павлѣ I генералъ прокуроры, какъ другіе высшіе сановники быстро смѣняли другъ-друга; но Сперанскій своими отличными способностями, искусствомъ докладывать дѣла и выполнять порученія удерживался при всѣхъ перемѣнахъ; онъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ и постоянно возвышался по службѣ.

послѣдній въ качествѣ директора департамента сдѣлался правою рукою министра. За болѣзнію Кочубея, Сперанскій (съ 1806 г.) часто докладывалъ бумаги государю; тутъ-то онъ сблизился съ Александромъ I и скоро сталъ его любимцемъ. Между тѣмъ, тріумвиратъ мало-по-малу распался, а Кочубей вышелъ въ отставку, и Сперанскій одинъ безъ соперниковъ, нося званіе статсъ-секретаря, началъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ императора. Какъ предшественники его были почитатели англійскихъ учрежденій, такъ Сперанскій отдавалъ предпочтеніе французскимъ; онъ увлекался внѣшнею простотой и стройностію государственнаго механизма во Франціи при Наполеонѣ I.

По порученію императора, Сперанскій составилъ общій планъ для цѣлой системы государственныхъ учрежденій. Планъ отличался внѣшнею стройностію и гармоніей своихъ частей. Предположено было вводить его постепенно. Начали съ преобразованія Государственнаго Совѣта, который получилъ теперь опредѣленное и гораздо большее значеніе, нежели при своемъ основаніи. Составленный изъ первыхъ сановниковъ имперіи, по назначенію государя, онъ пріобрѣлъ преимущественно законодательный характеръ; всѣ новые законы и чрезвычайныя мѣры должны обсуждаться въ Государственномъ Совѣтѣ и потомъ поступать на утвержденіе верховной власти; здѣсь также разсматриваютъ отчеты всѣхъ министровъ. Государственный Совѣтъ раздѣленъ на четыре департамента (военный, законовъ, экономіи, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ). 1 января 1810 г. императоръ торжественно открылъ засѣданія преобразованнаго Совѣта. Сперанскій назначенъ „государственнымъ секретаремъ“, т.-е. начальникомъ канцеляріи при Государственномъ Совѣтѣ, и въ его рукахъ сосредоточилось все дѣлопроизводство этого учрежденія. Въ томъ же году послѣдовало преобразованіе министровъ, вѣдомство и составъ которыхъ были разграничены и распредѣлены болѣе точнымъ образомъ, чѣмъ прежде (при этомъ Министерство коммерціи упразднено и вновь учреждены министерства: полиціи и путей сообщенія). Какъ Государственный Совѣтъ поставленъ во главѣ законодательства, а министерства во главѣ администраціи, такъ Сенатъ, по плану Сперанскаго, долженъ былъ образовать высшее судебное сословіе въ государствѣ, состоящее изъ членовъ, отчасти назначенныхъ правительствомъ, отчасти выбранныхъ

дворянствомъ. Преобразованіе Сената хотя и было утверждено, но не приведено въ исполненіе, по случаю наступившей войны съ Наполеономъ и паденія Сперанскаго. Точно также не осуществились и остальныя части его плана, напримѣръ, преобразованіе областного устройства.

Государственный секретарь имѣлъ много враговъ: придворные завидовали его возвышенію и вліянію; чиновники роптали на него за указъ объ экзаменахъ [26]), народъ — за умноженіе налоговъ. Когда государь и самъ охладѣлъ къ своему любимцу, противники государственнаго секретаря наконецъ взяли верхъ. Въ мартѣ 1812 г., въ виду предстоящей войны съ Наполеономъ, Сперанскій внезапно былъ удаленъ изъ столицы и отправленъ въ Нижній-Новгородъ. Впослѣдствіи онъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири (1819 г.).

Сибирь раздѣлялась на три губерніи, которыя всѣ вмѣстѣ на-

[26]) Чтобы привлечь слушателей во вновь открытые университеты, постановлено: при производствѣ въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника требовать свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса или соотвѣтствующаго экзамена. Многихъ молодыхъ людей эта мѣра заставила учиться, но для старыхъ чиновниковъ она была слишкомъ трудна (впослѣдствіи ее постепенно отмѣнили).

Изъ другихъ сторонъ обширной дѣятельности Сперанскаго замѣчательны его финансовыя мѣры. Положеніе русскихъ финансовъ было очень затруднительно, особенно со временъ Континентальной системы. По порученію государя, Сперанскій составилъ планъ финансовой системы на новыхъ началахъ. Манифестомъ (2 февраля 1810 г.) ассигнаціи были признаны государственнымъ долгомъ, новые выпуски ихъ положено прекратить, а взамѣнъ того усилить налоги, и на будущее время передъ каждымъ годомъ обнародывать роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. Учреждена особая касса для погашенія государственныхъ долговъ. Наступившая за тѣмъ война съ Наполеономъ потребовала напряженія всѣхъ матеріальныхъ силъ государства, и потому финансовыя преобразованія по большей части не были приведены въ исполненіе. Сперанскому справедливо поставляютъ въ упрекъ то, что онъ не мало помогъ шведскимъ выходцамъ Спренгпортену и Армфельту, которые склонили государя образовать особое отъ Россіи в. княжество Финляндское и присоединить къ нему Выборгскую губернію.

Самымъ краснорѣчивымъ противникомъ нововведеній Сперанскаго и защитникомъ старыхъ формъ явился историкъ Карамзинъ въ своей запискѣ „О старой и новой Россіи“, гдѣ онъ говоритъ, что начатыя реформы не согласны съ характеромъ русской государственной жизни. Карамзину покровительствовала сестра императора, Екатерина Павловна, супруга принца Ольденбургскаго, который занималъ должность генералъ-губернатора тверского, новгородскаго и ярославскаго. Въ 1811 г., въ бытность государя въ Твери, Карамзинъ былъ представленъ ему великою княгинею, и подалъ свою записку. Государю она не понравилась. Впослѣдствіи Александръ полюбилъ Карамзина и приблизилъ его къ себѣ въ качествѣ исторіографа.

ходились подъ вѣдомствомъ одного генералъ-губернатора. Состояніе этого неизмѣримаго, богатаго дарами природы края въ тѣ времена было печальное. Мѣстное управленіе, удаленное отъ надзора центральнаго правительства, издавна отличалось самовластіемъ въ своихъ дѣйствіяхъ: лихоимство и злоупотребленія чиновниковъ здѣсь развились въ большей степени, нежели въ другихъ частяхъ имперіи. Въ короткое двухлѣтнее пребываніе въ Сибири, Сперанскій съ обычною энергіей старался объ исправленіи мѣстныхъ злоупотребленій, и составилъ нѣсколько проектовъ для улучшенія администраціи. (Между прочимъ, по его мысли, Сибирь раздѣлена на два генералъ-губернаторства: Восточное и Западное). Послѣ того онъ былъ возвращенъ въ Петербургъ и занялъ мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, но уже не пользовался здѣсь прежнимъ вліяніемъ.

Училище, крестьяне и политика послѣднихъ лѣтъ. Для народнаго образованія приняты были слѣдующія мѣры: главныя народныя училища, переименованныя въ „гимназіи", открыты почти во всѣхъ губернскихъ городахъ; умножено число малыхъ или „уѣздныхъ" училищъ, а для первоначальнаго образованія заведены „приходскія" школы (1803 г.) Въ Москвѣ и Петербургѣ основаны „педагогическіе институты" для приготовленія учителей; открыты новые университеты: въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ. Въ духовномъ вѣдомствѣ система школъ получила также болѣе правильное устройство: вновь учрежденная „комиссія духовныхъ училищъ" издала уставъ академій, семинарій и низшихъ духовныхъ школъ (1814 г.); для содержанія этихъ школъ и церковныхъ причтовъ возобновили право церквей (данное Петромъ I) на исключительную продажу восковыхъ свѣчъ [27]).

Въ исторіи русскихъ крестьянъ царствованіе Александра I замѣчательно нѣкоторыми законодательными попытками огра-

---

[27]) Кромѣ того императоръ Александръ возстановилъ Россійскую Академію (основанную Екатериной II и пришедшею въ упадокъ при Павлѣ I), усилилъ средства Академіи Наукъ и Академіи Художествъ, основалъ Царскосельскій лицей и пр. Далѣе, отмѣнено запрещеніе (изданное при Павлѣ I) ввозить въ Россію иностранныя книги и открывать частныя типографіи, выданъ новый цензурный уставъ и пр.

Примѣръ Государя возбудилъ соревнованіе во многихъ его подданныхъ и вызвалъ значительныя пожертвованія въ пользу науки и народнаго образованія. Такъ Демидовъ пожертвовалъ капиталъ для основанія и содержанія лицея въ Ярославлѣ; графъ Безбородко (братъ знаменитаго дипломата) основалъ лицей въ Нѣжинѣ; дворянство Слободско-Украинской (Харьковской) губерніи предложило 400,000 рублей для учрежденія университета въ Харьковѣ (побуждаемое къ тому особенно Каразинымъ).

Въ началѣ царствованія Александра I совершено русскими моряками

ничить крѣпостное право, изданъ указъ о сословіи **свободныхъ хлѣбопашцевъ**, дозволившій помѣщикамъ отпускать на волю цѣлыя деревни (1803 г.); у помѣщиковъ, уличенныхъ въ жестокомъ обращеніи, приказано отбирать крестьянъ и отдавать ихъ въ опеку; прекращена раздача населенныхъ земель частнымъ лицамъ въ награду за службу. *Крестьяне Балтійскихъ губерній получили личную свободу безъ надѣла землею.* Относительно судопроизводства важно окончательное запрещеніе пытокъ и всякихъ пристрастныхъ допросовъ [28]).

Вмѣстѣ съ Отечественною войною окончилось преобразовательное направленіе, которымъ отличалась первая половина этого царствованія. Въ самомъ характерѣ государя произошла замѣтная перемѣна; опытность въ отношеніи лицъ сдѣлали его менѣе довѣрчивымъ, чѣмъ прежде. Со времени Вѣнскаго конгресса Александръ I обращалъ особое вниманіе на внѣшнюю политику, на поддержаніе началъ Священнаго союза и усмиреніе революціонныхъ движеній въ Европѣ. Отсюда постоянное участіе императора въ послѣдующихъ европейскихъ конгрессахъ (Троппаускій, Лайбахскій, Веронскій). Въ эту вторую половину царствованія значительнымъ вліяніемъ на внутреннюю политику пользовался графъ Аракчеевъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ основаніи военныхъ поселеній въ имѣніяхъ государственныхъ крестьянъ (Новгородской и нѣкоторыхъ южныхъ губерній); такія поселенія заведены по образцу военной Австрійской границы для уменьшенія расходовъ на регулярную армію, и должны были соединить земледѣліе съ военною службою. На практикѣ это учрежденіе не оправдало своихъ цѣлей. Изъ государственныхъ людей того времени вниманія заслуживаетъ еще адмиралъ Мордвиновъ, который въ Государственномъ Совѣтѣ постоянно возвышалъ свой голосъ противъ нѣкоторыхъ злоупотребленій (наприм., противъ системы винныхъ откуповъ).

первое кругосвѣтное плаваніе. Именно отъ Россійско-Американской компаніи, при содѣйствіи правительства, отправлено было къ берегамъ Сѣверной Америки два корабля подъ командою капитанъ-лейтенанта Крузенштерна (1801 г.) Эта экспедиція окончилась благополучно и воротилась черезъ три года. Потомъ совершено еще нѣсколько кругосвѣтныхъ плаваній подъ командою Коцебу и Головнина.

[28]) Уничтоженіе крѣпостного права было любимою мыслію Александра Павловича въ первые годы его царствованія. Но большинство сановниковъ говорило, что крестьяне еще недостаточно приготовлены къ уничтоженію крѣпостной зависимости, и что быстрый переходъ къ свободѣ опасенъ для спокойствія и цѣлости имперіи.

Въ 1801 г. Александръ I отмѣнилъ „Тайную экспедицію“, учрежденную при Екатеринѣ II для розысковъ по политическимъ преступникамъ, и дѣла этого рода приказано производить общимъ судебнымъ порядкомъ.

НИКОЛАЙ I. 1825—1855.

14 декабря. Александръ Павловичъ скончался во время своей поѣздки на югъ имперіи, въ г. Таганрогѣ, 19 ноября 1825 г. Онъ не оставилъ дѣтей, и Россія при извѣстіи о его кончинѣ немедленно присягнула Константину Павловичу, который находился въ Варшавѣ. Константинъ еще при жизни Александра I отрекся отъ своего права на престолъ въ пользу младшаго брата Николая Павловича. Хотя отреченіе это и хранилось въ тайнѣ, однако великій князь снова подтвердилъ его, и письмомъ пригласилъ брата занять престолъ. 14 декабря обнародованъ былъ манифестъ о вошествіи на престолъ Николая I. Первымъ дѣломъ молодого императора было усмиреніе военнаго мятежа.

Столкновеніе съ Французами, войны за границею и вслѣдствіе того болѣе близкое знакомство съ политическими идеями и учрежденіями Западной Европы не остались безъ вліянія на умы многихъ офицеровъ русской арміи. Во вторую половину царствованія Александра между молодыми офицерами образовалось нѣсколько тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью преобразовать государственное устройство Россіи („сѣверное общество“, „южное“, „соединенные Славяне“ и др.). Государь зналъ о существованіи этихъ обществъ, но не употреблялъ строгихъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока не получилъ ясныхъ свѣдѣній о составленіи заговора. Незадолго передъ кончиною своею онъ велѣлъ арестовать главныхъ начальниковъ заговора въ арміи, расположенной на югѣ Россіи.

Тогда заговорщики, находившіеся въ Петербургѣ, поспѣшили привести въ исполненіе свои замыслы, и для того хотѣли воспользоваться короткимъ междуцарствіемъ, которое произошло вслѣдствіе отреченія Константина. Они прибѣгли къ обману и распространили между нижними военными чинами слухъ, будто Константинъ нисколько не думалъ отказываться отъ престола. Поэтому 14 декабря, когда войска должны были присягнуть Николаю Павловичу, часть гвардіи отказалась дать присягу и съ оружіемъ въ рукахъ собралась на Сенатской площади (около памятника Петру I), но, не имѣя общаго предводителя, остановилась здѣсь въ нерѣшимости. Императоръ между тѣмъ собралъ вокругъ Зимняго дворца остальные гвардейскіе полки. Въ этотъ день онъ обнаружилъ замѣчательное присутствіе духа. Послѣ того, какъ увѣщанія о покорности оказались безполезными и генералъ-губернаторъ Петербурга, Милорадовичъ, былъ убитъ, государь приказалъ сдѣлать нападеніе; атака кавалеріи была неудачна, но когда артилерія начала картечью поражать мятежниковъ, они разсѣялись въ бѣгствѣ. Назначенная императоромъ,

„верховная слѣдственная коммиссія“ вполнѣ раскрыла составъ и замыслы тайныхъ обществъ; наиболѣе виновные наказаны ссылкою въ сибирскіе рудники; пятеро главныхъ заговорщиковъ подверглись смертной казни; солдаты, принимавшіе участіе въ мятежѣ, посланы на Кавказъ, чтобы въ битвахъ съ горцами заслужить себѣ прощеніе.

Внутренняя политика этого царствованія *отличается охранительнымъ характеромъ.* Сохраняя государственныя учрежденія, наслѣдованныя отъ предшественниковъ, правительство императора Николая продолжало развивать нѣкоторыя отдѣльныя части этихъ учрежденій. Между ними первое мѣсто принадлежитъ изданію Свода Законовъ.

Со временъ Петра Великаго до Николая I почти безпрерывно существовали коммиссіи для усовершенствованія русскаго законодательства и приведенія его въ стройную систему; но дѣятельность этихъ коммиссій, также какъ и знаменитая попытка Екатерины II, оставалась почти безъ результатовъ относительно своей главной задачи (т.-е. составленія Свода). А между тѣмъ накопившаяся въ теченіе времени огромная масса указовъ, не собранныхъ вмѣстѣ и часто противорѣчащихъ другъ другу, сильно затрудняла дѣлопроизводство и покровительствовала злоупотребленіямъ чиновниковъ. Императоръ Николай, спустя полтора мѣсяца послѣ вступленія своего на престолъ, приказалъ изъ послѣдней, десятой, коммиссіи учредить при собственной канцеляріи особое отдѣленіе для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ и поручилъ это дѣло Сперанскому. Послѣ четырехлѣтней работы было издано, въ 45 томахъ, Полное Собраніе Законовъ, въ которое вошли, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, почти всѣ указы до кончины Александра I (числомъ болѣе 30.000 актовъ). Изъ Полнаго Собранія потомъ извлечены постановленія, сохранившія свою силу, которыя составили „Сводъ Законовъ Россійской Имперіи“ (1833 г.) [1].

[1]) Означенное особое отдѣленіе составило „Второе отдѣленіе“ Его Императорскаго Величества канцеляріи. Вслѣдъ затѣмъ учреждено „Третье отдѣленіе“, которое замѣнило собою министерство полиціи, упраздненное въ концѣ царствованія Александра I. Управленіе Третьимъ отдѣленіемъ ввѣрено шефу корпуса жандармовъ. Въ это царствованіе основано въ Петербургѣ высшее Училище Правовѣдѣнія, долгое время состоявшее на попеченіи принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго (сына Екатерины Павловны). Онъ вѣдалъ сверхъ того воспитательныя „Учрежденія императрицы Маріи“ или такъ наз. Четвертое отдѣленіе“.

Далѣе заслуживаютъ вниманія новыя постановленія о сословіяхъ. По учрежденіямъ Екатерины II дворянство каждой губерніи собиралось въ губернскій городъ и составляло „дворянское собраніе“ для выбора должностныхъ лицъ; каждый мѣстный дворянинъ имѣлъ здѣсь право голоса. Это право съ теченіемъ времени сдѣлалось источникомъ многихъ злоупотребленій; богатые помѣщики набирали себѣ кліентовъ изъ мелкопомѣстныхъ и по своей волѣ распоряжались ихъ голосами. Манифестомъ 1831 г. право голоса на дворянскихъ выборахъ ограничено извѣстною степенью имущества (100 душъ крестьянъ или 3.000 десятинъ земли); исключеніе сдѣлано только для большихъ чиновъ. Вслѣдствіе постояннаго прилива чиновниковъ, дворянское сословіе чрезмѣрно размножалось; поэтому право пріобрѣтать потомственное дворянство ограничено было штабъ-офицерскимъ чиномъ въ военной службѣ и V классомъ въ гражданской (1854 г.) [1]. Въ 1827 году *изданъ благодѣтельный указъ о пенсіяхъ за государственную службу*.

Для управленія государственными крестьянами, казенными землями, лѣсами и кочевыми инородцами вновь учреждено министерство государственныхъ имуществъ (1837 г.); причемъ государственные крестьяне каждой губерніи раздѣлены на округи, округи на волости (заключающія до 6000 душъ), а волости на „сельскія общества“. Что касается крѣпостного сословія, то императоръ Николай вскорѣ послѣ вступленія на престолъ издалъ манифестъ (26 мая 1826 г.), которымъ опровергались ложные слухи о перемѣнѣ въ правахъ сельскаго населенія и возвѣщалось неуклонное исполненіе установленнаго порядка. Изъ дальнѣйшихъ указовъ о крѣпостныхъ замѣчательны слѣдующіе: запрещено продавать крѣпостныхъ людей отдѣльно отъ семействъ; позволено помѣщикамъ отдавать земли въ пользованіе своимъ крестьянамъ за условныя повинности, и такіе крестьяне названы „обязанными“ (1842 г.); крѣпостнымъ позволено пріобрѣтать недвижимую собственность съ согласія ихъ помѣщиковъ.

[1]) Происходившіе не изъ дворянъ оберъ-офицеры и гражданскіе чиновники съ IX до V класса составили сословіе личныхъ дворянъ, которые не могли владѣть крѣпостными людьми; а низшіе гражданскіе чиновники (съ XIV класса до IX) пользуются правами почетныхъ гражданъ.

Внѣшняя политика. Между событіями внѣшней политики первое по времени мѣсто занимаетъ война съ Персіей за границы (1826—1828 г.); въ ней прославился своими побѣдами генералъ Паскевичъ, назначенный главнокомандующимъ нашею закавказскою арміей. (Особенно замѣчательны его побѣда при Елисаветполѣ и взятіе Эривани). Фетъ-Али-шахъ по миру, заключенному въ Туркманчаѣ, уступилъ Россіи ханства Эриванское и Нахичиванское и заплатилъ 20.000.000 рублей серебромъ контрибуціи.

Еще не окончилась Персидская война, какъ началась борьба съ Турціей вслѣдствіе покровительства, которое русскій государь оказывалъ Грекамъ, возставшимъ противъ турецкаго владычества. Въ октябрѣ 1827 года Русскіе принимали участіе въ знаменитомъ Наваринскомъ сраженіи, гдѣ турецко-египетскій флотъ былъ уничтоженъ соединенными эскадрами: англійскою, французскою и русскою. Весною 1828 г. русская армія, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, вступила въ княжества Молдавію и Валахію, перешла за Дунай и овладѣла Варною; а въ слѣдующемъ году новый главнокомандующій графъ Дибичъ разбилъ великаго визиря, перешелъ Балканы и занялъ Адріанополь. Между тѣмъ въ Азіи Паскевичъ взялъ крѣпости Карсъ, Ахалцыхъ и занялъ Эрзерумъ, столицу турецкой Арменіи. Тогда султанъ Махмудъ II заключилъ съ Россіей миръ въ Адріанополѣ (1829 г.): онъ уступилъ Россіи восточный берегъ Чернаго моря, призналъ Молдавію, Валахію и Сербію подъ нашимъ покровительствомъ, открылъ русскимъ судамъ свободное плаваніе по Дунаю и Дарданеламъ и призналъ независимость Греческаго королевства.

Въ отношеніяхъ къ европейскимъ державамъ императоръ Николай съ обычною своею твердостію сохранялъ начала Священнаго союза. Поэтому въ 1849 году, когда Франція, Германія и Италія были потрясены революціоннымъ движеніемъ, русскія войска ходили на помощь Австріи противъ возставшихъ Венгровъ, и возстаніе вскорѣ было усмирено.

Польское возстаніе. Учредительною Хартіею 1815 года императоръ Александръ даровалъ царству Польскому особое политическое устройство съ національнымъ сеймомъ и соб-

ственнымъ войскомъ. Благодаря этому устройству и внутреннему спокойствію, матеріальное благосостояніе Польши начало было развиваться; земледѣліе, торговля, промышленность и литература въ теченіе 15 лѣтъ достигли значительной степени процвѣтанія. Но между тѣмъ въ народѣ, въ арміи, между студентами, образовались тайныя общества, которыя волновали умы надеждою на возвращеніе самобытности.

Поляки скоро забыли великодушіе императора Александра I, который предалъ забвенію помощь, оказанную ими Наполеону въ войнахъ съ Россіей, и по собственному расположенію даровалъ Царству Польскому политическое устройство, для того времени весьма либеральное. Но это самое устройство и особенно существованіе особой польской арміи возбуждали въ Полякахъ мечты о тѣхъ временахъ, когда они составляли могущественное государство. Главнымъ стремленіемъ польскихъ патріотовъ было пріобрѣсти еще большую отдѣльность отъ Россіи и расширить предѣлы Царства присоединеніемъ къ нему западнорусскихъ провинцій, возвращенныхъ при Екатеринѣ II. Подобное стремленіе поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что коренное русское населеніе этихъ провинцій принадлежало къ низшимъ сословіямъ и большею частію находилось въ крѣпостномъ состояніи; а землевладѣніе и образованіе сосредоточивались по преимуществу въ рукахъ католическихъ пановъ и шляхты. Система воспитанія, устроенная въ началѣ XIX в., имѣла также вліяніе на послѣдующія событія. Стараніями князя Адама Чарторыйскаго, куратора Виленскаго учебнаго округа, число школъ въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ значительно умножилось; причемъ наставниками назначались преимущественно Поляки, и воспитаніе юношества велось въ польско-католическомъ духѣ. (Виленскій учебный округъ обнималъ почти всю Западную Россію, а Виленская академія была возведена Александромъ I на степень университета въ 1803г .) Въ юго-западномъ краѣ на этомъ поприщѣ дѣйствовалъ графъ Ѳадей Чацкій, визитаторъ училищъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній (главнымъ предметомъ его попеченій была основанная имъ Кременецкая гимназія, обращенная потомъ въ лицей).

Между тѣмъ какъ тайныя общества приготовляли Поляковъ къ вооруженному возстанію, на Варшавскомъ сеймѣ, собиравшемся чрезъ каждые два года, обнаружилась открытая оппозиція правительству. Революціонныя движенія, происходившія въ западной Европѣ (именно въ Испаніи и Италіи), усилили волненіе умовъ въ Польшѣ. Наконецъ Іюльская революція въ Парижѣ оживила надежды на помощь Французовъ и ускорила движеніе. Люди болѣе умѣренные и благоразумные хотя и сомнѣвались въ успѣхѣ, однако не имѣли мужества противиться увлеченію революціонной партіи (состоявшей преимущественно изъ военной и учащейся молодежи); они молча уступили ей поле дѣйствія.

Ночью 17 ноября 1831 года толпа заговорщиковъ (состоявшая большею частію изъ воспитанниковъ военной школы) бросилась въ Бельведерскій дворецъ, гдѣ жилъ намѣстникъ Царства Польскаго, великій князь Константинъ Павловичъ. Великій князь успѣлъ во время спастись; видя, что польскія войска приняли сторону мятежниковъ, онъ удалился изъ Варшавы [3]). Возстаніе быстро распространилось по всему Царству и проникло въ Литву. Главнокомандующимъ польскихъ войскъ и диктаторомъ вначалѣ былъ объявленъ генералъ Хлопицкій, нѣкогда сражавшійся подъ знаменами Костюшки. Императоръ двинулъ въ польшу 100.000 войска. Предводитель этой арміи, графъ Дибичъ, выигралъ кровопролитное сраженіе при Гроховѣ, подъ Варшавою; но такъ какъ онъ не сдѣлалъ тотчасъ рѣшительнаго нападенія на столицу, то польская армія успѣла оправиться и пополнить свою убыль. Генералъ Скжинецкій (смѣнившій тяжело раненаго Хлопицкаго) задумалъ неожиданнымъ ударомъ уничтожить русскій гвардейскій корпусъ, который занималъ отдѣльную позицію, между Наревомъ и Бугомъ, и состоялъ подъ командой великаго князя Михаила Павловича. Фельдмаршалъ Дибичъ съ главными силами поспѣшилъ на помощь гвардіи и выигралъ у Поляковъ вторую упорную битву при Остроленкѣ; вслѣдъ затѣмъ онъ умеръ отъ холеры, которая свирѣпствовала тогда въ Россіи со страшною силою (жертвою ея сдѣлался и великій князь Константинъ Павловичъ). Мѣсто Дибича заступилъ графъ Паскевичъ [4]).

---

[3]) Въ первыя минуты возстаніе было незначительно, и большая часть польскихъ войскъ еще оставалась вѣрна правительству: но польскіе офицеры, приближенные къ великому князю, увѣряли, что смятеніе на улицахъ произошло „отъ ошибочнаго мнѣнія народа и войска, будто Русскіе напали на Поляковъ и умерщвляли ихъ, и дабы укротить ихъ лучше всего невмѣшательствомъ Русскихъ доказать имъ неосновательность этой клеветы“. Русскіе въ эту ночь дѣйствительно были удержаны отъ энергическихъ дѣйствій; а на слѣдующій день возстаніе уже приняло обширные размѣры. Великій князь собралъ русскіе полки въ одномъ ближнемъ селеніи. Сюда явилась къ нему для переговоровъ польская депутація (князья Чарторыйскій и Любецкій, графъ Островскій и Лелевель). Послѣ разныхъ объясненій, депутаты потребовали уступки прежде бывшихъ польскихъ провинцій. Великій князь, какъ бы изумленный такимъ страннымъ требованіемъ, нѣсколько времени не отвѣчалъ ни слова, а потомъ холодно сказалъ: „Я не уполномоченъ братомъ моимъ договариваться объ этомъ предметѣ“. („Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ“. Ф. Смита).

[4]) Замѣчательные эпизоды этой войны составляютъ предпріятія на Волынь и Литву.

Между тѣмъ въ самомъ польскомъ лагерѣ не было единодушія: тамъ боролись двѣ партіи: аристократическая (во главѣ которой стоялъ Адамъ Чарторыйскій) и демократическая (однимъ изъ вождей послѣдней былъ профессоръ Виленскаго университета историкъ Лелевель). Скжинецкій и его преемники (Дембинскій, Малаховскій и др.) не были способны остановить движеніе русскихъ войскъ на Варшаву, и 25 августа 1831 г. Паскевичъ взялъ приступомъ Волю — предмѣстье столицы; а на другой день, послѣ отчаяннаго сопротивленія, сдалась и самая Варшава. Мятежъ былъ усмиренъ, и главные предводители спаслись бѣгствомъ за границу. Въ февралѣ 1832 года Учредительная Хартія отмѣнена, а Царство Польское вошло въ составъ Имперіи наравнѣ съ другими ея областями. Варшавскій и Виленскій университеты были закрыты (также и Кременецкій лицей). Для западныхъ областей, спустя года два, основанъ русскій университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ.

Возсоединеніе уніатовъ. Послѣ усмиренія польскаго мятежа *самою важною мѣрою въ западной Россіи была отмѣна Уніи.*

Тайныя общества и постоянныя сношенія съ варшавскими революціонерами заранѣе подготовили умы польско-католическаго дворянства въ нашихъ западныхъ губерніяхъ: шляхетская молодежь ожидала только появленія польскихъ войскъ, чтобы выступить открыто, и обѣщала поднять всю страну. Съ этою цѣлью на Волынь и Подолію былъ отправленъ изъ Царства Польскаго отрядъ генерала Дверницкаго. Но надежды на сельное возстаніе въ этихъ провинціяхъ были совершенно обмануты. Русскіе крестьяне нисколько не пристали къ мятежу и даже показывали противъ него враждебное настроеніе. Вооружились только небольшіе отряды, набранные панами изъ своей двории и изъ мелкой шляхты. Притомъ Дверницкій встрѣтилъ на Волыни искуснаго противника въ лицѣ генерала Ридигера. Польскій генералъ вскорѣ принужденъ былъ броситься къ австрійской границѣ и перейти въ Галицію, гдѣ отрядъ его былъ обезоруженъ Австрійцами.

Гораздо значительнѣе было движеніе въ Литвѣ, особенно въ сѣверной ея части, т. е. Жмуди или Самогитіи. Здѣсь польскіе помѣщики успѣшно вербовали въ свои банды единовѣрныхъ съ ними литовскихъ крестьянъ; помѣщикамъ помогали и католическіе ксендзы, злоупотреблявшіе своимъ вліяніемъ на мѣстное сельское населеніе. Повстанскія банды начали свирѣпствовать противъ всего русскаго; а въ случаѣ пораженія въ открытой битвѣ, онѣ находили убѣжище въ своихъ обширныхъ непроходимыхъ лѣсахъ. Изъ Царства на помощь литовскому мятежу былъ отправленъ корпусъ регулярныхъ польскихъ войскъ подъ начальствомъ Гелгуда. Онъ подступилъ къ самой столицѣ Литвы, Вильнѣ, но былъ отбитъ. Экспедиція Гелгуда окончилась также неудачно, какъ и предпріятіе Дверницкаго.

Еще при Екатеринѣ II, когда западныя области были возвращены Россіи, въ уніатской церкви началось движеніе въ пользу возсоединенія съ церковью Восточною, и многіе уніаты обратились тогда въ православіе. Въ концѣ XVIII столѣтія это движеніе пріостановилось. Завѣдываніе дѣлами уніатской церкви было поручено Римскокатолической коллегіи, учрежденной въ Петербургѣ для католиковъ Русской имперіи. Около 2.000.000 жителей оставались еще уніатами. Поляки усилили свои старанія, чтобъ обращать уніатовъ въ католиковъ. Въ самой уніатской церкви происходили раздоры: бѣлое духовенство, т.-е. священники, постоянно жаловались на обиды отъ уніатскихъ монаховъ, принадлежавшихъ къ Базиліанскому ордену; базильяне захватили себѣ лучшія церковныя имѣнія и вообще были усердные союзники католицизма.

Въ царствованіе Николая Павловича было обращено особое вниманіе на церковныя дѣла въ Западномъ краѣ. Лучшіе люди изъ уніатскаго духовенства начали дѣйствовать въ пользу возсоединенія своей церкви съ православною. Изъ нихъ главнымъ дѣятелемъ на этомъ пути явился Іосифъ Симашко (впослѣдствіи Литовскій митрополитъ); имъ содѣйствовалъ управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (послѣ графъ) Блудовъ. Въ 1828 г. для завѣдыванія дѣлами уніатской церкви императоръ учредилъ особую Греко-Уніатскую коллегію, подъ предсѣдательствомъ греко-уніатскаго митрополита. Большая часть базиліанскихъ монастырей была закрыта, и основана особая семинарія (въ Жировицахъ, недалеко отъ Слонима) для образованія уніатскаго духовенства. Въ то же время начато было въ уніатской церкви очищеніе греческихъ обрядовъ отъ католическихъ примѣсей и постепенное приготовленіе къ возсоединенію. Польское возстаніе 1831 года ускорило это дѣло. Католическая партія однако не переставала мѣшать ему: пользуясь крѣпостнымъ правомъ, помѣщики старались отвлекать своихъ крестьянъ отъ возвращенія къ православію. Тогда рѣшено было покончить съ уніей торжественнымъ актомъ.

Въ 1839 году собрались въ Полоцкѣ греко-уніатскіе епископы съ большимъ числомъ своего духовенства и составили соборный приговоръ, въ которомъ изложили состояніе своей церкви и просили Государя о соединеніи ея съ православною церковью; на эту просьбу послѣдовало высочайшее утвержденіе. (За уніей оставалась пока Холмская епархія въ Царствѣ Польскомъ; а внѣ предѣловъ Россіи русская уніатская церковь существуетъ въ Галиціи и Венгріи [5]).

[5]) Далѣе, относительно западныхъ губерній замѣчательна слѣдующая мѣра. Чтобы оградить сельское населеніе, русское и по большей части православное, отъ угнетенія польско-католическимъ дворянствомъ, изданы инвентарныя положенія; они приводили въ извѣстность повинности

Крымская война. Кавказъ. Въ 1853 г. снова произошелъ разрывъ между Россіей и Турціей; поводомъ къ этому разрыву послужило то обстоятельство, что Русскій дворъ вступился за права христіанъ греческаго исповѣданія въ Палестинѣ. Когда Порта отвѣтила отказомъ на требованія императора Николая, русская армія подъ начальствомъ князя Горчакова, лѣтомъ 1853 года, перешла границу и заняла княжества Молдавію и Валахію, а осенью того же года русскій черноморскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Нахимова истребилъ турецкую эскадру при Синопѣ. Но Англія и французскій императоръ Наполеонъ III, опасаясь за самое существованіе Турціи, послали ей на помощь свои войска и флоты, подъ предлогомъ поддержать политическое равновѣсіе Европы; къ нимъ присоединилась и Сардинія. Австрія, хотя и спасенная русскою помощію во время Венгерскаго возстанія, также приняла противъ насъ угрожающее положеніе [6]). Тогда загорѣлась борьба Россіи съ четырьмя соединенными державами. Союзники, пользуясь своимъ громаднымъ флотомъ, появились почти на всѣхъ русскихъ водахъ: въ Черномъ морѣ, Балтійскомъ, Бѣломъ и у береговъ Камчатки. Главныя же военныя дѣйствія сосредоточились на нашихъ южныхъ границахъ. Въ сентябрѣ 1854 года русская армія очистила княжества и перешла обратно Прутъ (а эти княжества были заняты австрійскими войсками). Въ то же время сильный англо-французскій флотъ высадилъ войско союзниковъ въ Крыму, у Евпаторіи. Главнокомандующій Крымскою арміей князь Меньшиковъ на берегахъ Аль-

---

крестьянъ и право владѣльцевъ на крѣпостную работу. Инвентари введены сначала въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ (въ 1847 году трудами генералъ-губернатора Бибикова), въ губерніяхъ же бѣлорусскихъ и литовскихъ введеніе ихъ замедлилось до новаго царствованія. Инвентарныя правила не были исполняемы добросовѣстно польскими помѣщиками въ Юго-Западномъ краѣ и отношенія къ нимъ крестьянъ оставались почти прежнія. Въ связи съ этими отношеніями произошло движеніе послѣднихъ во время Крымской войны въ Кіевской губерніи, гдѣ еще жили воспоминанія о старомъ казачествѣ; въ 1855 году (по поводу манифеста о ратникахъ) крестьяне цѣлыми селеніями изъявили желаніе записаться въ казаки.

[6]) Начиная войну, императоръ Николай разсчитывалъ на содѣйствіе Австріи; но главный министръ ея князь Шварценбергъ замѣтилъ тогда: „Мы удивимъ міръ своею неблагодарностью“. Русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ то время былъ графъ Нессельроде (родомъ нѣмецъ), находившійся подъ вліяніемъ австрійской политики князя Меттерниха.

мы далъ сраженіе, но принужденъ былъ отступить. Непріятели съ моря и суши осадили Севастополь, въ гавани котораго заперся нашъ Черноморскій флотъ: часть этого флота потоплена при входѣ въ бухту, чтобы преградить доступъ непріятельскимъ кораблямъ. Въ продолженіе 11 мѣсяцевъ длилась подъ Севастополемъ упорная и чрезвычайно кровопролитная борьба. (При защитѣ его изъ русскихъ моряковъ отличились адмиралы Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ, всѣ трое павшіе геройскою смертію, а инженерныя работы велись подъ руководствомъ Тотлебена). Попытки нашихъ генераловъ штурмовать англо-французскій лагерь на Инкерманскихъ высотахъ и при Черной рѣчкѣ окончились неудачею. Русская армія, бывшая всегда предметомъ особыхъ попеченій императора Николая, сражалась съ обычнымъ своимъ мужествомъ и самоотверженіемъ; но союзники имѣли на своей сторонѣ превосходство оружія и путей сообщенія; между тѣмъ какъ они легко получали подкрѣпленія и продовольствіе при помощи своего флота, сообщеніе центральной Россіи съ Крымомъ производилось обширными степями по простымъ дорогамъ. (Россія имѣла тогда одну только желѣзную дорогу—между Москвою и Петербургомъ). Во время Севастопольской осады 18 февраля 1855 года скончался императоръ Николай I, и на престолъ вступилъ его сынъ и преемникъ Александръ II. Война продолжалась съ тою же энергіей.

27 августа, послѣ страшнаго трехдневнаго бомбандированія и рѣшительнаго приступа, Французы овладѣли Малаховымъ курганомъ, т. е. главнымъ севастопольскимъ укрѣпленіемъ; тогда русскій главнокомандующій князь Горчаковъ (смѣнившій князя Меньшикова) оставилъ разрушенный городъ и перевелъ гарнизонъ на Сѣверную сторону Севастопольской бухты. Между тѣмъ въ Малой Азіи, на южныхъ предѣлахъ Закавказья, Русскіе имѣли почти постоянный успѣхъ въ битвахъ съ Турками; завоеваніе крѣпости Карса генераломъ Муравьевымъ ускорило ходъ переговоровъ о мирѣ. Наконецъ война прекратилась Парижскимъ миромъ 1856 года (18 марта). Съ обѣихъ сторонъ завоеванія были возвращены; устья Дуная впрочемъ отошли къ Турціи; Черное море объявлено нейтральнымъ и открыто для торговыхъ судовъ всѣхъ націй: а мы обязались не возстановлять тамъ своего военнаго флота.

Финансы государства находились въ затруднительномъ положеніи еще со временъ Континентальной системы. Войны 1828—1831 гг. разстроили ихъ еще болѣе. Но въ слѣдующій затѣмъ мирный періодъ, продолжавшійся 16 лѣтъ, благодаря разсчетливости, которою отличалось управленіе финансами министра графа Канкрина, и благодаря покровительству русской промышленности, дѣла поправились; цѣнность ассигнацій возвысилась, звонкая монета явилась въ изобиліи [7]). Въ Крымскую войну борьба съ двумя самыми могущественными державами потребовала огромныхъ усилій и пожертвованій. Но по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ эта война была благодѣтельна для Россіи, потому что способствовала уясненію общественныхъ недостатковъ. Вмѣстѣ съ новымъ царствованіемъ начались преобразованія, настала новая эпоха Русской исторіи.

Кромѣ упомянутыхъ войнъ, царствованіе Николая I ознаменовано безпрерывными военными дѣйствіями противъ Кавказскихъ горцевъ.

Въ концѣ царствованія Павла I грузинскій царь Георгій XII, умирая, завѣщалъ свое царство Русскому императору и Грузія была присоединена къ Россіи. Тогда Кавказскій хребетъ очутился между русскими владѣніями, и открылась продолжительная борьба съ кавказскими горцами. Сначала Русскіе ограничивались оборонительными дѣйствіями отъ набѣговъ разбойничьихъ племенъ; съ назначеніемъ генерала Ермолова главнокомандующимъ (1816 г.) наше владычество мало-по-малу стало проникать въ горы. Но успѣхи Русскихъ были остановлены появленіемъ новой мусульманской секты—мюридизма, который въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія съ необыкновенною быстротой распространился въ Кавказскихъ горахъ, и мелкія, разъединенныя дотолѣ племена соединились общимъ религіознымъ фанатизмомъ; изъ предводителей мюридовъ самымъ сильнымъ и опаснымъ для насъ явился Шамиль, принявшій высшій духовный титулъ имама. Вытѣсненные изъ мно-

[7]) Указомъ 1839 года установлена была цѣнность упавшихъ ассигнацій, именно $3^1/_2$ ассигнаціонныхъ рубля приравнены къ 1 серебряному. Вскорѣ потомъ прежнія ассигнаціи изъяты изъ обращенія и замѣнены новыми деньгами (нынѣшними государственными кредитными билетами). Относительно таможенныхъ пошлинъ Канкринъ держался покровительственной системы: *изданный при немъ тарифъ возвысилъ таможенныя пошлины на заграничные товары, что имѣло весьма благое вліяніе на нашу фабричную промышленность*. Къ сожалѣнію, онъ и управляющій путями сообщенія графъ Клейнмихель противились своевременному построенію въ Россіи сѣти желѣзныхъ дорогъ, недостатокъ которыхъ былъ одною изъ причинъ нашихъ военныхъ неудачъ въ Крымскую кампанію.

гихъ пунктовъ. Русскіе должны были значительно увеличить свои силы и начать трудную, упорную борьбу съ грознымъ имамомъ. Тщетно время отъ времени войска совершали экспедиціи въ разныя горныя области, жгли и разоряли черкесскіе аулы; предпріятія эти были отрывочны и покореніе племенъ медленно подвигалось впередъ. Распространеніе прочныхъ завоеваній началось только съ проложеніемъ широкихъ лѣсныхъ просѣкъ и открытіемъ болѣе правильныхъ и постоянныхъ наступательныхъ дѣйствій [8]). Между тѣмъ, вліяніе мюридизма значительно ослабѣло, и горныя племена начали уже тяготиться деспотизмомъ своего имама.

V. ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ОБРАЗОВАННОСТЬ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

Высшіе классы. Петровскія реформы ускорили сближеніе Россіи съ Западною Европой; но въ этомъ сближеніи, по естественному ходу исторіи, долгое время участвовали одни высшіе классы; оно состояло преимущественно въ заимствованіи внѣшнихъ формъ европейской цивилизаціи. Со второй половины XVIII столѣтія дѣти знатныхъ дворянъ окружались иностранными гувернерами, преимущественно Французами. Въ верхнихъ слояхъ общества преобладали французскій языкъ и французская литература. Женщины въ особенности подвергались изнѣженному воспитанію и отчужденію отъ національныхъ преданій. „Ни въ одной европейской странѣ,—замѣчаетъ иностранный путешественникъ (баронъ Гакстгаузенъ) — между высшимъ классомъ нѣтъ такой изнѣженности и роскоши, какъ въ Россіи". Главная причина этого явленія заключалась въ существованіи крѣпостного права, которое давало возможность безъ личнаго труда пользоваться постоянными доходами и окружать себя раболѣпною прислугой. Стремленіе къ изящнымъ европейскимъ формамъ цивилизаціи тѣмъ не менѣе содѣйствовало дальнѣйшему развитію вкуса и смягченію нравовъ.

---

[8]) Изъ преемниковъ Ермолова наиболѣе замѣчателенъ умный высокообразованный князь Воронцовъ, къ сожалѣнію, слишкомъ пристрастный къ инородцамъ. А изъ генераловъ, отличавшихся въ борьбѣ съ горцами, выдвигаются: Вельяминовъ, Пассекъ, Слѣпцовъ, Клугенау, князь Долгоруковъ-Аргутинскій, Граббе и др. Вообще Кавказъ долго служилъ боевою школой, гдѣ образовались многіе наши военные таланты.

(А въ эпохи трудныя для отечества, какъ въ 1812 г., всѣ классы народа равно проявляли высокій патріотическій духъ).

Дворянство внѣ чиновнаго класса (бюрократіи) не получило большого политическаго и родового значенія. Съ одной стороны, провинціальныя дворянскія собранія и выборы обыкновенно находились подъ вліяніемъ администраціи; съ другой—реформы Петра I открыли доступъ въ дворянское сословіе всѣмъ классамъ посредствомъ чина. Съ тѣхъ поръ постоянный приливъ чиновниковъ былъ такъ великъ, что старые боярскіе роды почти затерялись въ массѣ новыхъ дворянъ, каковы: потомки приказнаго люда, дѣти бѣлаго духовенства, иностранцы и пр. Это былъ, однако, приливъ наиболѣе энергическихъ силъ изъ другихъ классовъ, а право собранія и выборовъ поддерживало въ дворянствѣ политическую опытность. Утвержденію родовой и поземельной аристократіи препятствовалъ также обычай наслѣдства, т.-е. безпрерывное дробленіе дворянскихъ имуществъ между дѣтьми, переходъ земель въ чужія руки отъ фамилій обѣднѣвшихъ. Хотя служба со времени Петра III была не обязательна для дворянъ, но они попрежнему составляли классъ по преимуществу служебный; богатымъ дворянамъ служба представляла главный путь для достиженія почетнаго, значительнаго положенія въ обществѣ, а бѣднымъ она давала средства существованія. Притомъ, чтобы пользоваться всѣми правами своего состоянія (напримѣръ, для участія въ выборахъ), дворянинъ долженъ былъ имѣть хотя первый чинъ. *Военная служба вообще представляла хорошую практическую школу для молодежи.* Она пріучала ее къ дисциплинѣ, то-есть къ порядку и повиновенію; армія сближала людей разныхъ слоевъ общества, съ разныхъ концевъ Русской земли, и была главнымъ хранилищемъ патріотическихъ преданій.

Служба сосредоточила массу дворянъ въ городахъ и арміи; а въ деревняхъ проживали большею частію мелкіе помѣщики, уже оставившіе службу. Богатые помѣщики съ своею многочисленною дворней проживали въ столицахъ; но послѣ 1812 г. значительная часть ихъ разсѣялась по губернскимъ городамъ и способствовала здѣсь оживленію общежитія и торговли предметами роскоши. Удаленіе наиболѣе обра-

зованныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ изъ своихъ помѣстій и предразсудки, порожденные крѣпостнымъ правомъ, мѣшали сближенію ихъ съ земледѣльческимъ сословіемъ, а слѣдовательно и ихъ культурному вліянію на крестьянъ и на успѣхи земледѣлія.

Крестьянское сословіе, на которомъ основывается значеніе Россіи какъ государства по преимуществу земледѣльческаго, оставалось вѣрно своимъ старымъ обычаямъ, понятіямъ и преданіямъ; въ его быту сохранилась та же простота и бѣдность. Нравы и увеселенія его отличались прежнею грубостью и однообразіемъ (водка, кулачные бои, хороводы и пр.). Грамотность весьма медленно распространялась между крестьянами: въ сказкахъ и пѣсняхъ простолюдинъ попрежнему находилъ главное удовлетвореніе для своей художественной потребности. Русское населеніе сѣверной полосы обнаруживаетъ болѣе дѣятельный и промышленный характеръ, нежели въ другихъ частяхъ Имперіи: здѣсь крѣпостное право было развито наименѣе, и въ основѣ народнаго характера сохранился предпріимчивый духъ древнихъ новгородскихъ и суздальскихъ поселенцевъ. Самое зажиточное населеніе встрѣчается по Волгѣ (наприм. въ Ярославской губ.). Напротивъ самое бѣдное—въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, гдѣ, при неблагодарной почвѣ, крѣпостное право издавна было развито наиболѣе, гдѣ помѣщичій и чиновничій классъ былъ по преимуществу польско-католическій.

Развитію народнаго благосостоянія въ западныхъ губерніяхъ препятствовало и то обстоятельство, что коренному русскому населенію мало доступна была торговая и промышленная дѣятельность, которая сосредоточилась тамъ въ рукахъ Евреевъ. Послѣ крѣпостного права и недостатка сельскихъ школъ вредное вліяніе на благосостояніе и нравственность народную оказывала весьма распространенная привычка къ вину.

Въ огромномъ численномъ преобладаніи Великорусской народности надъ всѣми другими заключается главное условіе нашего крѣпкаго національнаго единства. Посредствомъ колонизаціи, непрерывно подвигающейся на сѣверъ и востокъ (за Уральскій хребетъ), Великорусское племя постепенно претворяло и продолжаетъ претворять въ Славянъ массу

туземныхъ финскихъ народцевъ. Отсутствіе самобытности и низкая ступень гражданственности препятствовали этимъ народцамъ противустоять вліянію господствующаго племени, болѣе энергическаго и даровитаго; но усвоивая себѣ русскую народность, они вносили собственные элементы въ наружность, языкъ, нравы и міровоззрѣніе Великоруссовъ. Отсюда произошло большое разнообразіе мѣстныхъ говоровъ, обычаевъ и вѣрованій. Кромѣ того, разнообразіе наружныхъ и духовныхъ качествъ населенія обусловливалось, конечно, различіями географическихъ и историческихъ обстоятельствъ.

Городское населеніе относительно своего быта представляетъ два направленія. Оно раздѣлялось на жителей податныхъ и неподатныхъ. Такъ называемое „городское общество", по учрежденіямъ Екатерины II и согласно съ развитіемъ нашего государственнаго строя въ XVIII в., составилось исключительно изъ податныхъ классовъ, т. е. купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ; въ его рукахъ сосредоточено городское хозяйство, а классы неподатные (дворяне, чиновники, разночинцы, духовенство) устранены отъ обязанности нести общественныя службы. Право избирать въ городскія должности (голова, члены распорядительной думы и пр.) не было ограничено извѣстною степенью достатка, а предоставлено толпѣ бѣдныхъ мѣщанъ, которые обыкновенно подчиняются личнымъ вліяніямъ богатыхъ гражданъ. Выборное городское управленіе, вполнѣ зависимое отъ властей административныхъ и подчинённое канцелярскимъ формамъ, по характеру своему не отличалось отъ управленія казеннаго.

Въ самомъ образѣ жизни городского населенія господствовало то же раздвоеніе: между тѣмъ какъ купцы и мѣщане держались болѣе старыхъ обычаевъ и по своему умственному развитію мало отличались отъ массы простолюдиновъ, многочисленный классъ мелкихъ чиновниковъ старался подражать въ образѣ жизни высшему обществу, часто заимствуя у него стремленія къ наружному лоску и привычку жить сверхъ своего состоянія. Наиболѣе дѣятельные и честолюбивые люди податнаго состоянія стремились обыкновенно выйти изъ него (посредствомъ среднихъ и высшихъ школъ, казенной службы и пр.) и примкнуть къ привилегированному

классу, что съ одной стороны отвлекало лучшія силы отъ торговли и промышленности, а съ другой — чрезмѣрно умножало количество чиновниковъ.

Подобное раздвоеніе значительно мѣшало городскому хозяйству придти въ цвѣтущее состояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшало и развитію такъ-называемаго „средняго состоянія" въ государствѣ. Города по большей части отличались бѣдностію матеріальныхъ средствъ и высшихъ умственныхъ интересовъ. Только нѣкоторые изъ нихъ, благодаря счастливымъ условіямъ и промышленному характеру, достигли богатства и значенія. Первое мѣсто занимаютъ двѣ столицы. Послѣ Отечественной войны, когда фабричная промышленность получила въ Россіи значительное развитіе, Москва сдѣлалась главнымъ центромъ этой промышленности и внутренней русской торговли; между тѣмъ Петербургъ оставался главнымъ пунктомъ торговли внѣшней. (Въ 1846 г. городское управленіе Петербурга было преобразовано, и къ участію въ немъ допущены неподатные обыватели).

Далѣе успѣхи торговли и промышленности затруднялись медленностію, дороговизной путей сообщенія, а также недостаткомъ твердаго кредита. Главное же зло, которымъ страдала общественная жизнь, и которое подрывало народное благосостояніе, былъ недостатокъ добросовѣстности, или, другими словами, малое развитіе чувства законности — наслѣдіе старыхъ временъ, поддерживаемое поверхностнымъ просвѣщеніемъ и другими историческими обстоятельствами (напримѣръ, издавна развившимся обычаемъ „канцелярской тайны"). Это зло проникло всюду: въ торговлю, промыслы, суды, школы и въ самую литературу. Могущественное средство противъ подобнаго зла, печатная гласность, допущена въ позднѣйшее время; она должна способствовать болѣе правильному развитію общественнаго мнѣнія.

Наука и литература. Европейская наука послѣ реформы Петра Великаго мало-по-малу начала прививаться къ русской жизни; но университетъ и академія не скоро могли пріобрѣсти прочное вліяніе на общество, которое нуждалось еще въ первоначальномъ образованіи. Притомъ же большинство академиковъ и профессоровъ долгое время состояло изъ иностранцевъ и оставалось почти чуждо русской жизни. Только

со второй четверти XIX столѣтія начинается замѣтное вліяніе университета на молодое поколѣніе, когда стройно организованная система среднихъ учебныхъ заведеній приготовила достаточное количество слушателей, а посылка молодыхъ людей въ заграничные университеты доставила многихъ отличныхъ профессоровъ. (Министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ — почитатель классическаго образованія [1]). Но сознательная потребность въ научномъ образованіи еще мало проникала въ глубь общества, и въ характерѣ школьнаго воспитанія отражался главный общественный недостатокъ распространеніемъ познаній по преимуществу поверхностныхъ. Образованіе женщинъ еще не пользовался серьезнымъ вниманіемъ общества, и число женскихъ школъ въ провинціяхъ было очень незначительно. Въ столицахъ же процвѣтали женскія воспитательныя заведенія императрицы Маріи Θеодоровны.

Русская литература во время Александра I окончательно усвоила себѣ форму западно-европейской журналистики, и званіе писателя пріобрѣтаетъ почетъ помимо его чина и состоянія. Нѣсколько талантливыхъ писателей своими трудами способствуютъ обработкѣ литературнаго слога и развитію вкуса между читателями. Въ этомъ отношеніи особенно важны заслуги Карамзина, который въ своихъ повѣстяхъ и „Письмахъ русскаго путешественника" явился послѣдователемъ и распространителемъ современнаго ему сантиментальнаго, мечтательнаго направленія западно-европейской литературы. Поэты его эпохи продолжали отчасти развивать реторическое направленіе старой школы и возвышенный тонъ Державинской поэзіи; наиболѣе даровитые изъ нихъ были: Озеровъ (его трагедіи: „Эдипъ въ Аѳинахъ", „Дмитрій Донской" и др.), Гнѣдичъ (переводъ „Иліады" Гомера) и Дмитріевъ, извѣстный своими сатирами; стихъ его отличается такою же легкостью, какою прославилась проза его друга Карамзина. Но литературный интересъ пока ограничивался небольшими кружками образованныхъ людей; журналы („Сынъ

[1]) Нѣкоторые изъ профессоровъ особенно благотворно дѣйствовали на своихъ слушателей изящнымъ изложеніемъ науки и возвышеннымъ благородствомъ своего характера; таковые: Грановскій — въ Москвѣ и Мейеръ въ Казани.

Отечества", „Русскій Вѣстникъ", „Вѣстникъ Европы" и др.) слабо распространялись въ массѣ читающей публики, и вліяніе ихъ на цѣлое общество было весьма незначительно; впрочемъ и самое содержаніе ихъ еще мало представляло современнаго общественнаго интереса. Зато переводные французскіе романы и нѣкоторыя русскія подражанія этимъ романамъ находили огромный кругъ читателей.

Во второй четверти XIX столѣтія наша литература получаетъ болѣе самостоятельный характеръ и начинаетъ сближаться съ русскою жизнію. Сатирическое направленіе достигаетъ замѣчательной степени развитія въ комедіи Грибоѣдова (который былъ русскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ и убитъ тамъ возмутившеюся чернью въ 1829 году), въ неподражаемыхъ басняхъ Крылова и особенно въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя. Эти три писателя преслѣдуютъ темныя стороны русскаго общества, особенно привычку скрывать недостатки и выставлять свою дѣятельность въ лучшемъ, ложномъ свѣтѣ. Грибоѣдовъ въ своей комедіи „Горе отъ ума" изобразилъ пустоту интересовъ и мелочность современнаго московскаго „свѣта". Крыловъ подъ формою короткихъ и чрезвычайно остроумныхъ басенъ мѣтко оттѣнялъ разнообразныя стороны русскаго быта. Онъ подражалъ французскому баснописцу Лафонтену; но внесъ въ свои басни столько оригинальнаго русскаго духа, что остался поэтомъ самобытнымъ [2]). Гоголь въ главныхъ своихъ произведеніяхъ (юмористическая поэма „Мертвыя Души" и комедія „Ревизоръ") воспроизвелъ яркія черты изъ міра русскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ. Юморъ Гоголя поражаетъ читателя неистощимою веселостію; но въ глубинѣ его скрывается скорбное чувство. Гоголь нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей („натуральная школа"), которые усвоили нашей періодической литературѣ преимущественно форму повѣсти, и подъ этой формой изображали разныя стороны русскаго быта въ

---

[2]) Сатирическій смѣхъ Крылова по большей части вызывался какимъ-либо типичнымъ частнымъ случаемъ или общественнымъ явленіемъ. Такъ, знаменитая басня „Квартетъ" написана по поводу четырехъ членовъ одного учрежденія, о которыхъ возникъ вопросъ, въ какомъ порядкѣ ихъ разсадить. Для характеристики общественной недобросовѣстности замѣчательна басня „Кукушка"; а противъ плохихъ писателей, угощавшихъ публику своими длинными, скучными произведеніями, написана „Демьянова уха".

границахъ, опредѣленныхъ цензурными постановленіями. Нѣкоторые изъ нихъ (наприм. Тургеневъ), съ особенною любовью посвящая свой талантъ изображенію крестьянскаго быта, мало-по-малу вызвали вниманіе къ нему и сочувствіе образованнаго класса.

Но между тѣмъ какъ просвѣщенные литературные дѣятели старались о распространеніи научныхъ свѣдѣній и здравыхъ понятій въ обществѣ, значительная часть писателей и журналистовъ не возвышалась надъ уровнемъ полуобразованной массы читателей; она продолжала развивать реторическое и сантиментальное направленіе предыдущей эпохи и вносила въ литературу элементы недобросовѣстности. Напримѣръ, внѣшнее могущество Россіи (плодъ ея крѣпкаго внутренняго единства) подавало поводъ свысока отзываться о западно-европейской цивилизаціи и провозглашать ее отжившею; такимъ образомъ, вмѣсто стремленія къ народному самопознанію и къ исправленію своихъ недостатковъ, подобные писатели поощряли въ обществѣ излишнее самодовольство, ведущее къ застою. Безконечнымъ содержаніемъ для романовъ служило однообразное, эгоистическое чувство любви, и женщина изображалась крайне одностороние, то-есть, по преимуществу, какъ предметъ этого эгоистическаго чувства. Изъ романовъ съ историческимъ содержаніемъ въ эту эпоху выдѣляются произведенія Загоскина («Аскельдова Могила», «Юрій Милославскій») и Лажечникова («Басурманъ» и «Послѣдній Новикъ»). Литературная критика долгое время отличалась своимъ ничтожествомъ и мелочнымъ направленіемъ; только въ сороковыхъ годахъ она пріобрѣла нѣкоторую силу и оригинальность подъ перомъ даровитаго Бѣлинскаго (къ сожалѣнію, не получившаго основательнаго образованія), который умѣлъ приводить въ тѣсную связь вопросы чисто-литературные съ вопросами общественными и пробуждать къ нимъ живой интересъ.

Поэзія, основанная на западныхъ образцахъ, и обработка изящнаго стиха нашли себѣ самыхъ полныхъ представителей въ лицѣ Батюшкова, Жуковскаго, послѣдователя германской романтической школы, и Пушкина. Но послѣдній (1799—1837 г.) своимъ удивительнымъ поэтическимъ чутьемъ понялъ, какія богатства заключаются въ народной словесности, которая въ первобытной наивной формѣ раскрываетъ духъ народа, его помыслы, его радости и страданія; онъ пытался найти источники вдохновенія въ народномъ эпосѣ, т.-е. въ пѣсняхъ, сказкахъ и преданіяхъ [3]). Онъ пы-

[3]) Впослѣдствіи русская наука (слѣдуя за движеніемъ германской науки) начала тщательно собирать и изучать эти народныя умственныя бо-

талея также брать содержаніемъ своей поэзіи настоящее и прошлое русской жизни. Въ его „Евгеніи Онѣгинѣ“ отразились нѣкоторыя идеализованныя черты современнаго дворянскаго быта; а чтеніе „Исторіи“ Карамзина вдохновило его написать величественную историческую трагедію „Борисъ Годуновъ“[4]).

Разладъ литературы съ роднымъ бытомъ особенно мѣшалъ развитію національной русской драмы. Наше драматическое искусство представляло бѣдность замѣчательныхъ оригинальныхъ произведеній, при большомъ количествѣ переводовъ и передѣлокъ, въ особенности съ французскаго. Поэтому театръ, имѣющій своею высшею задачей улучшеніе нравовъ, еще не могъ пріобрѣсти значительнаго вліянія на русское общество [5]).

Изъ произведеній нашихъ духовныхъ ораторовъ XIX в. первое мѣсто занимаютъ труды Филарета, митрополита Московскаго, и Иннокентія, архіепископа Херсонскаго.

Исторіографія въ XVIII и XIX вв. Начало критической разработки Русской исторіи положено было въ XVIII в. нѣмецкими учеными, членами Петербургской Академіи Наукъ, именно: Байеромъ, Миллеромъ и Шлецеромъ, которые трудились надъ источниками первоначальной Русской

гатства. Замѣчательныя собранія русскихъ былинъ, пѣсенъ и сказаній: Кирши Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова, Аѳанасьева и Шеина.

[4]) Пушкинъ, подобно Грибоѣдову, рано погибъ для отечественной литературы. Онъ былъ убитъ на дуэли однимъ иностранцемъ. Точно такъ же окончилъ свою жизнь молодой поэтъ Лермонтовъ, сильный талантъ котораго много обѣщалъ въ будущемъ. Изъ другихъ поэтовъ, принадлежавшихъ тому же времени, наиболѣе выдаются: Дельвигъ, Языковъ, Баратынскій и Кольцовъ (послѣдній былъ сынъ воронежскаго мѣщанина, поэтъ-прасолъ). Изъ писателей Малороссовъ, кромѣ Гоголя, заслуживаютъ особенно вниманія его современники: Квитка (писавшій подъ псевдонимомъ Основьяненко) и поэтъ Шевченко. Между русскими художниками первой половины XIX вѣка пріобрѣли наибольшую извѣстность: живописецъ Брюловъ, воспитанникъ и профессоръ Петербургской Академіи Художествъ (его картина „Послѣдній день Помпеи“), живописецъ Ивановъ („Явленіе Христа народу“), а также композиторы: Глинка (его опера „Жизнь за Царя“) и Бортнянскій. Къ тому же времени относится небольшая картина Федотова „Сватовство майора“, положившая начало реальному направленію въ русской живописи.

[5]) Лучшимъ представителемъ нашей сцены въ первой половинѣ XIX вѣка явился артистъ Московскаго Императорскаго театра Щепкинъ, который отъ декламаторскаго направленія предыдущей эпохи перешелъ къ большей простотѣ и естественности въ сценическомъ искусствѣ. Изъ сценическихъ артистовъ еще замѣчательны были два трагика: Каратыгинъ въ Петербургѣ и Мочаловъ въ Москвѣ.

исторіи (причемъ басню о призваніи Варяговъ-Руси облекали въ научную систему). Миллеръ, кромѣ того, оказалъ большую услугу наукѣ, какъ издатель многочисленныхъ историческихъ матеріаловъ. Въ томъ же вѣкѣ нѣкоторые изъ русскихъ писателей пытались составить полную исторію. Во-первыхъ, заслуживаетъ вниманія „Ядро Россійской Исторіи“, написанное Манкіевымъ при Петрѣ Великомъ; оно имѣетъ видъ историческаго учебника. Еще болѣе замѣчателенъ трудъ Татищева, который подъ именемъ „Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ“ представилъ подробный сводъ лѣтописныхъ извѣстій, доведенный до Михаила Θеодоровича [6]). Потомъ слѣдуетъ Русская исторія князя Щербатова, написанная въ царствованіе Екатерины II (15 томовъ); не ограничиваясь однимъ сводомъ извѣстій, авторъ старался объяснять событія и обращалъ вниманіе на внутреннее состояніе общества.

Въ царствованіе Александра I написана была Карамзинымъ знаменитая „Исторія Государства Россійскаго“ (12 томовъ; доведена почти до эпохи Романовыхъ). Огромная начитанность, блестящій литературный талантъ и горячая любовь къ предмету сообщили исторіи Карамзина весьма важное значеніе; она составила эпоху въ нашей исторической литературѣ. Впервые появившійся на русскомъ языкѣ изящный, живописный разсказъ событій возбудилъ въ обществѣ живой интересъ къ отечественной исторіи, и книга имѣла необыкновенный успѣхъ. Ее упрекали въ слабости исторической критики и въ томъ, что событія по большей части имѣютъ одну внѣшнюю, хронологическую связь между собою; но эти недостатки связаны вообще съ характеромъ исторической науки въ то время. (Примѣчанія къ его книгѣ до сихъ поръ драгоцѣнны многочисленными выписками изъ историческихъ матеріаловъ). Послѣ Карамзина заслуживаютъ вниманія: „Повѣствованіе о Россіи“ Ар-

[6]) Татищевъ былъ изъ числа молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ I учиться за границу; потомъ онъ управлялъ горными заводами и былъ астраханскимъ губернаторомъ. На занятія Русскою исторіею навело его составленіе полной Русской географіи, предпринятое ученымъ графомъ Брюсомъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ нѣкоторое время. Татищеву историческая наука обязана открытіемъ „Русской Правды“ и „Судебника Ивана IV“.

цыбашева—сухой сводъ лѣтописныхъ и другихъ извѣстій, доведенныхъ до 1698 года, и „Исторія Русскаго народа" Полевого, прекратившаяся на царствованіи Іоанна Грознаго. Съ 1851 года стала издаваться „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" Соловьева, отличающаяся подробнымъ сводомъ источниковъ и стремленіемъ раскрыть внутреннюю связь событій. (Изложеніе XVII и XVIII вѣковъ богато извлеченіями изъ неизданныхъ государственныхъ актовъ). Все сочиненіе заключаетъ 29 томовъ. Онъ остановился на царствованіи Екатерины II († 1879).

Между попытками иностранцевъ написать полную Русскую исторію самая замѣчательная—это «Исторія Русскаго Государства» нѣмецкаго ученаго Германа (доведенная почти до конца XVIII в.). Кромѣ того, по общерусской исторіи предприняты сочиненія: Бестужева-Рюмина («Русская исторія»), Иловайскаго («Исторія Россіи»). По отдѣльнымъ частямъ Русской исторіи заслуживаютъ вниманія труды: Бантышъ-Каменскаго («Исторія Малой Россіи» и «Словарь достопамятныхъ людей Русской земли»), Погодина («Замѣчанія и лекціи по Русской Исторіи»), Забѣлина («Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ»), Костомарова («Богданъ Хмѣльницкій»), Буслаева («Историческіе очерки русской народной словесности и искусства»), Пекарскаго («Наука и литература при Петрѣ Великомъ»), Бѣляева («Исторія русскихъ крестьянъ»), Бестужева-Рюмина («О составѣ русскихъ лѣтописей») и др. Время Петра Великаго—эта столь важная эпоха Русской исторіи—служила предметомъ труда для многихъ иностранныхъ и русскихъ писателей. При Екатеринѣ II одинъ купецъ Голиковъ собралъ большую массу матеріаловъ для біографіи Петра; но его матеріалы лишены всякой критики. Въ наше время вышло нѣсколько томовъ «Исторіи царствованія Петра Великаго» соч. Устрялова. Для исторіи края, извѣстнаго подъ именемъ Литвы, важенъ трудъ Нарбута (Dzieje narodu Litewskiego. Wilno 1834—1841). Для исторіи западно-русскихъ провинцій интересны также сочиненія графа Д. Толстого—«Католицизмъ въ Россіи» и профессора Кояловича объ эпохѣ уніи, а для исторіи прибалтійскихъ провинцій—сочиненія Рихтера и Рутенберга.

Изъ духовныхъ лицъ замѣчательны своими трудами по Русской исторіи: въ концѣ прошлаго столѣтія архіепископъ бѣлорусскій Георгій Конисскій (которому, впрочемъ, едва ли справедливо приписывается «Исторія Руссовъ») и митрополитъ московскій Платонъ («Церковная Россійская исторія»), а въ настоящемъ столѣтіи митрополитъ кіевскій Евгеній («Словарь русскихъ писателей»), черниговскій архіепископъ Филаретъ («Исторія Русской Церкви»); московскій митрополитъ Макарій («Исторія Русской Церкви») и ректоръ Московско-Троицкой Академіи Горскій («Описаніе славянскихъ

рукописей Синодальной библіотеки», исполненное вмѣстѣ съ Новоструевымъ).

Изъ военныхъ историковъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія труды: Милютина объ итальянскомъ походѣ Суворова, Смита о Польскомъ возстаніи, Богдановича объ Отечественной войнѣ (его же Исторія царствованія Александра I и Крымской войны), Масловскаго о Семилѣтней войнѣ. А по отдѣлу дипломатіи: С. Татищева о внѣшней политикѣ Николая I и Мартенса — трактаты Россіи съ сосѣдними державами.

По исторіи Русскаго права и государственныхъ учрежденій замѣчательны сочиненія: Неволина («Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ»), Калачова («Изслѣдованіе о Русской Правдѣ»), Чичерина («Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ»), Дмитріева («Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ»), Павлова («Номоканоны»), Ключевскаго («Боярская дума»), Лихачева («Разрядные дьяки XVI вѣка»), Лаппо-Данилевскаго (о прямыхъ налогахъ въ Моск. Госуд.).

Относительно біографическихъ очерковъ, послѣ словаря Бантышъ-Каменскаго, заслуживаютъ вниманія труды: Посельта — о Францѣ Лефортѣ, Блума — о Сиверсѣ, Попова — о Татищевѣ, барона Корфа — о Сперанскомъ, Смита — о Суворовѣ, Погодина — о Карамзинѣ, Барсукова — о Погодинѣ и др. Для справокъ о княжескихъ и дворянскихъ фамиліяхъ Россіи лучшая книга — это «Родословный Сборникъ» князя П. Долгорукова.

По исторіи отдѣльныхъ областей труды: митр. Евгенія, Неволина, Костомарова, Бѣляева и Никитскаго — о Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, Корсакова — о Ростовскомъ княжествѣ, Борзаковскаго — о Тверскомъ, Иловайскаго — о Рязанскомъ, Антоновича, Леонтовича и Любавскаго — о Литовскомъ, Голубовскаго — о Сѣверскомъ и Смоленскомъ, Зубрицкаго и Филевича — о Галицкомъ.

Между сборниками историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ главное мѣсто занимаютъ: «Вивліоѳика», изданная извѣстнымъ Н. И. Новиковымъ; «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», изданное графомъ Румянцевымъ (сынъ фельдмаршала); потомъ изданія «Археологической Коммиссіи» въ Петербургѣ (лѣтописи и акты), «Общества исторіи и древностей» при Московскомъ университетѣ, «Общества древностей» въ Одессѣ, «Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ» въ Кіевѣ, такой же Коммиссіи въ Вильнѣ, Императорскаго Археологическаго Общества», Императорскаго Географическаго Общества» въ Петербургѣ и «Археологическаго Общества» въ Москвѣ. Изъ иностранныхъ сборниковъ довольно много матеріаловъ по Русской исторіи собрано въ «Магазинѣ новой исторіи и географіи» Бюшинга (нѣмецкій ученый прошлаго столѣтія).

Что касается до исторіи и этнографіи русскихъ инородцевъ, преимущественно Финновъ, на этомъ поприщѣ замѣчательны труды Леврота, Кастрена, Шегрена и Кеппена. Такъ докторъ Леврот собралъ цѣлый эпосъ изъ финскихъ миѳическихъ пѣсенъ и издалъ его подъ именемъ «Калевала» (въ Гельсингфорсѣ, 1835 г.). По

отдѣлу племенъ татарскихъ, монгольскихъ и вообще восточныхъ важны труды оріенталистовъ — Френа, Дорна, Іакинѳа Бичурина, Савельева, Березина, Вельяминова-Зернова, Григорьева, Хвольсона, барона Розена, Гаркави, Радлова, Смирнова, Веселовскаго и др. Для кавказскихъ племенъ—труды Усляра, В. Миллера и пр.

По Русской археологіи замѣчательны: «Древности Россійскаго государства» (великолѣпный атласъ, изданный по Высочайшему повелѣнію), «Памятники древн. Рус. зодчества», изданные Рихтеромъ, «Христіанскія древности»—Прохоровымъ; далѣе, труды графа Уварова (сынъ упомянутаго выше министра), Снегирева, Забѣлина, Мартынова, Саваитова, Филимонова и др. Палеографическій отдѣлъ археологіи (памятники письменности) отмѣченъ работами особенно Строева и академика Срезневскаго, а нумизматическій—Лакьера и академика Куника. По исторіи Русской словесности, кромѣ Буслаева, важны труды академика Грота, Пыпина, а также московскихъ профессоровъ Шевырева, Тихонравова и петербургскаго—О. Миллера. По русскому языку замѣчателенъ обширный трудъ Даля—«Толковый Словарь великорусскаго языка». Кромѣ того, заслуживаютъ уваженія труды, касающіеся Россіи, академиковъ-естествоиспытателей Бера, Миддендорфа, Гельмерсена, а также астрономовъ и математиковъ—Струве, Остроградскаго и др. По изученію славянскихъ народовъ важны труды Бодянскаго, Григоровича, Гильфердинга, Ламанскаго, Безсонова, Макушева, А. Попова; по византійско-славянскимъ отношеніямъ профессоровъ Васильевскаго и Успенскаго.

Матеріалами для Русской исторіи XVIII и первой половины XIX столѣтія служатъ: во-первыхъ, „Полное собраніе законовъ", во-вторыхъ, многочисленные мемуары Русскихъ и иностранцевъ. (Послѣдніе, впрочемъ часто пристрастны и заключаютъ въ себѣ много лжи). Изъ иностранныхъ замѣчательны мемуары генерала Гордона, Беркгольца и Манштейна; изъ русскихъ—майора Данилова и Болотова, которые важны для быта русскихъ дворянъ въ XVIII столѣтіи; для исторіи высшаго класса и русской администраціи любопытны записки князя Шаховского, Порошина, Державина, княгини Дашковой, Храповицкаго (статсъ-секретарь Екатерины II) и сенатора Лопухина; а для военной исторіи—записки графа Толя. Самые же богатые запасы историческихъ матеріаловъ (акты дипломатическіе и административные, судебныя дѣла и пр.) хранятся въ государственныхъ архивахъ [7]).

---

[7]) Для исторіи XVIII и XIX вв. значительное количество изданныхъ матеріаловъ заключаетъ въ себѣ „Сборникъ Русскаго Историческаго

VI. АЛЕКСАНДРЪ II ОСВОБОДИТЕЛЬ. 1855—1881.

1856—1859—1861—1863—1873—1877.

Освобожденіе крестьянъ. 18 марта 1856 года Парижскій миръ окончилъ трехлѣтнюю тяжелую войну по Восточному вопросу, и только послѣ этого умиротворенія новому Государю угодно было исполнить обрядъ своего коронованія (26 августа въ Москвѣ). Торжество вѣнчанія сопровождалось цѣлымъ рядомъ монаршихъ милостей (между прочимъ возвращеніемъ изъ Сибири декабристовъ 1825 года и польскихъ мятежниковъ 1831 года).

Вслѣдъ затѣмъ императоръ Александръ II *приступилъ къ величайшей своей реформѣ, къ отмѣнѣ крѣпостного права*, которое утвердилось цѣлыми вѣками, порождало множество злоупотребленій помѣщичьей власти, вредно вліяло на нравы и задерживало экономическое развитіе Россіи. Сознаніе, что это право отжило свое время и нуждается въ реформѣ, выражалось и въ нѣкоторыхъ мѣрахъ предыдущихъ царствованій (особенно указы Павла I о трехдневной работѣ въ недѣлю, Александра I о свободныхъ хлѣбопашцахъ и Николая I о крестьянахъ „обязанныхъ" и инвентарныхъ правилахъ). Но рѣшеніе о неотложной его отмѣнѣ вполнѣ принадлежитъ Александру II. [1]).

Общества" въ Петербургѣ, „Русскій Архивъ" Бартенева и „Русская Старина" Семевскаго.

Въ числѣ вопросовъ, которые по преимуществу служили предметомъ разногласія въ русской исторической литературѣ, важное мѣсто занимаетъ вопросъ о достовѣрности лѣтописныхъ источниковъ для первоначальной Русской исторіи; достовѣрность эту болѣе всѣхъ отвергала такъ называемая скептическая школа ученыхъ (представитель ея былъ московскій профессоръ Каченовскій). Замѣчательный также предметъ разногласія представляла реформа Петра Великаго; особенно критически отнеслась къ этой реформѣ школа славянофиловъ (Хомяковъ, К. Аксаковъ, Кирѣевскій и др.).

[1]) Въ слѣдующемъ 1857 году Императоръ соизволилъ учредить подъ своимъ предсѣдательствомъ Комитетъ о крѣпостномъ состояніи (въ которомъ засѣдали министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, юстиціи графъ Панинъ и генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, начальникъ военно-учебныхъ заведеній). Въ томъ же году послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ отъ 20 ноября на имя генералъ-губернатора губерній Виленской, Ковенской и Гродненской. Такъ какъ въ этихъ трехъ губерніяхъ существовали дворянскіе комитеты для разсмотрѣнія инвентарныхъ правилъ, то рескриптъ разрѣшилъ дворянамъ приступить къ составленію проектовъ объ улучшеніи крестьянскаго быта и повелѣвалъ учредить для того, кромѣ губернскихъ комитетовъ, общую дворянскую коммиссію въ городѣ Вильнѣ. Основаніемъ этихъ проектовъ должно было

Въ 1861 г. 19 февраля (день восшествія на престолъ) подписанъ Высочайшій манифестъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Вмѣстѣ съ манифестомъ изданы были „Положенія“ о новомъ устройствѣ крестьянскаго сословія и надѣленіи крестьянъ землею. Бывшіе крѣпостные крестьяне (вмѣстѣ съ дворовыми считавшіе болѣе 22.000.000 душъ) поступили въ число свободныхъ сельскихъ обывателей, но пока остались во временно-обязанномъ отношеніи къ помѣщикамъ, т. е. до выкупа своего полевого надѣла обязаны были платить оброкъ и отправлять нѣкоторыя повинности въ пользу помѣщика. Выкупъ производился по обоюдному согласію съ помѣщикомъ, при помощи ссуды отъ правительства. Смотря по мѣстности, опредѣлены были наименьшіе размѣры крестьянскаго земельнаго надѣла. Подробности этого надѣла и размѣръ повинностей предоставлялось опредѣлить уставными грамотами, которыя заключались между крестьянами и помѣщиками. Для разсмотрѣнія обоюдныхъ недоразумѣній и споровъ и для наблюденія за исполненіемъ Положеній были временно учреждены для каждаго уѣзда такъ называемые мировые посредники, а для всякой губерніи — „губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе“. Крестьянское сословіе, вышедшее изъ крѣпостной зависимости, получило для своего внутренняго управленія общинное устройство: каждое сельское общество, или міръ, рѣшаетъ свои дѣла на сельскомъ сходѣ; исполнителемъ этихъ приговоровъ является выборный староста. Нѣ-

---

служить слѣдующее положеніе: помѣщики сохраняютъ право собственности на всю землю; но помѣщичьи крестьяне пріобрѣтаютъ посредствомъ выкупа свою усадебную осѣдлость и такое количество пахатной земли, какое нужно для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ повинностей. Немедленно дворянство другихъ губерній, начиная съ Петербургской, Нижегородской, Московской и др., просило и получило Всемилостивѣйшее разрѣшеніе открыть въ каждой губерніи комитеты объ улучшеніи крестьянскаго быта на тѣхъ же основаніяхъ. Выработанные губернскими комитетами проекты поступали въ упомянутый главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу; а для составленія изъ нихъ систематическаго свода и обработки проектовъ общаго положенія учреждена при этомъ комитетѣ Редакціонная Коммиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Ростовцева въ 1859 г. Для участія въ этихъ работахъ были на нѣкоторое время вызваны изъ 45 губерній представители отъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Составленныя въ Редакціонной Коммиссіи положенія поступили на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Всѣ эти работы производились при непосредственномъ участіи самого Государя.

сколько сельскихъ обществъ составляютъ волость, съ волостнымъ правленіемъ, старшиною и волостнымъ судомъ во главѣ.

Манифестъ Царя-Освободителя былъ торжественно объявленъ въ обѣихъ столицахъ 5 марта того же 1861 г., при общемъ народномъ восторгѣ. Онъ оканчивался словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго". Тѣ же Положенія (т.-е. то же крестьянское устройство) были потомъ распространены и на другую половину сельскаго сословія, т.-е. на крестьянъ государственныхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ [2]).

Гласный судъ, земство, финансы, пути сообщенія. Уже въ началѣ своего царствованія Государь Императоръ въ одномъ манифестѣ возвѣстилъ свое желаніе, чтобы „правда и милость царствовали въ судахъ". Послѣ отмѣны крѣпостного права ближайшею его заботою была судебная реформа, которая долженствовала „водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ". Въ 1862 году (29 сентября) онъ утвердилъ общія начала этой реформы: гласный и устный судъ для процессовъ уголовныхъ и гражданскихъ, а также участіе мѣстныхъ обывателей въ дѣлахъ уголовныхъ положены въ основаніе новаго суда. Обработка подробныхъ Положеній была возложена на особую коммиссію при Государственной Канцеляріи. Потомъ новые Судебные Уставы были разсмотрѣны Государственнымъ Совѣтомъ, и въ 1864 году (24 ноября) утверждены Высочайшею властью. Разборъ менѣе важныхъ преступленій и имущественныхъ исковъ предоставленъ мировымъ судьямъ, для чего каждый уѣздъ раздѣленъ на

---

[2]) Объявленіе бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ Положеній въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, немногихъ, мѣстностяхъ не обошлось безъ волненій, возбужденныхъ людьми злонамѣренными, которые смущали крестьянъ толками о какой-то другой—„чистой волѣ". Но только въ двухъ мѣстностяхъ (въ Казанской и Пензенской губ.) подобнымъ злоумышленникамъ удалось довести крестьянъ до открытаго неповиновенія, для усмиренія котораго пришлось прибѣгнуть къ оружію. Немало затрудненій встрѣтило потомъ составленіе уставныхъ грамотъ, которыя производились по обоюдному согласію крестьянъ съ помѣщиками; тутъ большую услугу оказала просвѣщенная дѣятельность мировыхъ посредниковъ.

мировые участки. Въ назначенные сроки собираются съѣзды мировыхъ судей, куда могутъ обращаться недовольные рѣшеніемъ одного судьи. Дѣла и преступленія болѣе важныя подлежатъ разбору окружныхъ судовъ. Въ уголовномъ отдѣленіи этихъ судовъ участвуютъ присяжные засѣдатели, назначаемые изъ мѣстныхъ обывателей. Они рѣшаютъ вопросъ о томъ, виновенъ или невиновенъ подсудимый, и, въ случаѣ признанія его виновнымъ, судьи опредѣляютъ ему наказаніе. Высшую затѣмъ инстанцію для дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ составляютъ судебныя палаты. Засѣданія во всѣхъ этихъ судебныхъ учрежденіяхъ суть гласныя или публичныя, т.-е. допускается присутствіе постороннихъ лицъ. Для устной защиты подсудимыхъ и тяжущихся передъ судомъ устроенъ институтъ присяжныхъ повѣренныхъ (адвокатовъ); а устное обвиненіе возложено на прокуроровъ и ихъ товарищей. Правительствующій Сенатъ преобразованъ въ верховный кассаціонный судъ, которому предоставлено право въ нѣкоторыхъ случаяхъ отмѣнять (кассировать) рѣшенія помянутыхъ судебныхъ инстанцій. Россія раздѣлена на судебные округи. Въ 1866 году новые суды торжественно открыты въ округахъ Петербургскомъ и Московскомъ, а затѣмъ постепенно вводились въ другихъ губерніяхъ (пока за исключеніемъ Западныхъ и Балтійскихъ, о которыхъ изданы особыя Положенія въ 1880 г.).

Одновременно съ Судебными Уставами совершалось введеніе въ тѣхъ же губерніяхъ новыхъ земскихъ учрежденій, въ силу Высочайшаго указа Правительствующему Сенату отъ 1 января 1864 года. Для вѣданія дѣлами хозяйственными, земскими повинностями, путями сообщенія, народнымъ образованіемъ и продовольствіемъ, благотворительными заведеніями и т. д., учреждены земскія собранія, уѣздныя и губернскія, состоящія изъ такъ наз. гласныхъ, избираемыхъ на три года землевладѣльцами, городскими и сельскими обществами. Гласные должны быть не моложе 25 лѣтъ и владѣть извѣстныхъ размѣровъ недвижимою собственностью. Уѣздныя и губернскія земскія собранія съѣзжаются ежегодно по одному разу на извѣстный срокъ; а текущими дѣлами по земству занимаются земскія упра-

вы, уѣздныя и губернскія, члены которыхъ выбираются земскими собраніями изъ своей среды.

Въ связи съ земскими учрежденіями находится и преобразованіе городского управленія. Уже въ 1863 году въ Москвѣ и Одессѣ городскія думы были устроены по образцу Петербургской; а потомъ указомъ 1870 года (16-го іюня) въ большей части губерній введено новое Городовое Положеніе. Это Положеніе, какъ и земскія учрежденія, основано на началахъ хозяйственнаго самоуправленія и на устраненіи сословныхъ различій при выборѣ въ число гласныхъ или членовъ городской Думы. Выборы въ гласные происходятъ черезъ каждые четыре года. Городская Дума, т.-е. общее собраніе гласныхъ, занимается вопросами, относящимися къ разнымъ отраслямъ городского благоустройства, а для завѣдыванія текущими хозяйственными дѣлами она назначаетъ городскую управу, подъ предсѣдательствомъ городского головы.

Относительно управленія финансами замѣчательны слѣдующія постановленія: во-первыхъ, правила о составленіи и исполненіи государственной росписи; во-вторыхъ, единство кассы. Въ прежнее время хотя государственная роспись, т.-е. смѣта доходовъ и расходовъ (бюджетъ), составлялась впередъ на каждый годъ, но точное ея исполненіе ни одно вѣдомство не считало для себя обязательнымъ, и каждое министерство имѣло право испрашивать у Верховной власти дополнительныя суммы для своихъ расходовъ, не соображаясь съ общими средствами государства. Новыя правила, учрежденныя въ 1862 году, предписывали строго держаться смѣты; а всякій чрезвычайный (сверхсмѣтный) расходъ теперь предварительно поступалъ на разсмотрѣніе министерства финансовъ и кромѣ того государственнаго контролера, затѣмъ въ Государственный Совѣтъ, а потомъ уже восходилъ на Высочайшее утвержденіе. Въ прежнее время почти каждое вѣдомство имѣло въ своемъ распоряженіи особые доходы и капиталы, которые расходовало по своему усмотрѣнію. По новому порядку доходы и капиталы всѣхъ вѣдомствъ, а также остатки отъ расходовъ должны поступать въ Государственное Казначейство, и такимъ образомъ установлено единство кассы. Далѣе приняты были

нѣкоторыя мѣры для сокращенія чрезмѣрнаго количества кредитныхъ билетовъ (т.-е. бумажныхъ денегъ), выпущенныхъ на государственныя нужды во время Крымской войны; отъ этихъ выпусковъ цѣнность ихъ значительно понизилась. Между прочимъ, заключены были разные займы, внутренніе и внѣшніе. Важною финансовою мѣрою была отмѣна винныхъ откуповъ. Вмѣсто нихъ введена акцизная система питейныхъ сборовъ (съ 1863 года), т.-е. установленъ акцизъ или непосредственная пошлина со спирта, вина и другихъ крѣпкихъ напитковъ, и для наблюденія за правильностью этой торговли учреждено особое акцизное управленіе. (Сборы съ торговли крѣпкими напитками издавна составляютъ важнѣйшую статью въ русскомъ бюджетѣ). Въ столицахъ и многихъ другихъ городахъ разрѣшено устройство частныхъ кредитныхъ учрежденій, т.-е. акціонерныхъ банковъ, которые выдаютъ ссуды подъ залогъ имущества за извѣстные проценты.

Крымская война ясно показала недостатокъ усовершенствованныхъ путей сообщенія; а потому немедлено по окончаніи военныхъ дѣйствій правительство Русское озаботилось постройкою цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Уже въ январѣ 1857 года изданъ Высочайшій указъ, разрѣшившій обществу иностранныхъ и русскихъ капиталистовъ устройство желѣзнодорожныхъ линій на протяженіи 4.000 верстъ. Общество это наименовано „Главнымъ Обществомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ За нимъ начали учреждаться и другія акціонерныя общества съ тою же цѣлью, такъ что желѣзнодорожная сѣть стала быстро развиваться въ Европейской Россіи [3]). Точно также, вслѣдъ за окончаніемъ Крымской вой-

[3]) Къ концу этой эпохи Россія имѣла желѣзныхъ дорогъ уже болѣе чѣмъ на 20.000 верстъ протяженія. Строились онѣ обыкновенно акціонерными обществами, но правительство гарантировало имъ извѣстные доходъ. Эта быстро возникшая желѣзнодорожная сѣть составляетъ заслугу бывшаго министра финансовъ Рейтерна; къ сожалѣнію, вмѣсто поощренія русскихъ желѣзныхъ заводовъ, рельсы и вагоны выписывались изъ-за границы. Вообще при этомъ министрѣ водворились внѣшніе займы, весьма обременительные для нашихъ финансовъ, и низкія таможенныя пошлины, особенно на привозное желѣзо и машины, которыя препятствовали развитію отечественнаго производства. *Отсюда явилась настоятельная нужда въ болѣе покровительственной системѣ тарифа, безъ которой это развитіе чрезвычайно затруднительно вслѣдствіе подавляющей иноземной конкурренціи.* Весьма тяжело отозвался на рус-

ны, подъ Высочайшимъ покровительствомъ возникла особая акціонерная компанія, подъ названіемъ „Русскаго Общества пароходства и торговли“, для пароходныхъ торговыхъ сообщеній на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Въ то же время начали размножаться акціонерныя компаніи для постоянныхъ пароходныхъ сообщеній по главнымъ русскимъ рѣкамъ и озерамъ.

Печать, школа и другія реформы. Строгіе цензурные уставы предыдущей эпохи не допускали печатнаго обсужденія текущихъ политическихъ вопросовъ. Съ новымъ царствованіемъ русской литературѣ предоставленъ гораздо большій просторъ: повременныя изданія стали быстро размножаться; появились и ежедневныя газеты. Допущенная къ обсужденію разныхъ сторонъ нашей государственной жизни, русская печать оказала большія услуги предварительною теоретическою разработкою тѣхъ мѣръ, которыя касались важнѣйшихъ правительственныхъ реформъ, особенно при отмѣнѣ крѣпостного права и введеніи гласнаго суда. Въ 1862 году цензурное вѣдомство изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія перенесено въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а указомъ 1865 года (6 апрѣля) ограничено дѣйствіе предварительной цензуры. Нѣкоторыя изданія совсѣмъ отъ нея освобождены, при чемъ установлены для нихъ извѣстныя взысканія въ случаяхъ нарушенія правилъ о печати. (Рядомъ съ цензурными облегченіями отмѣнены и прежнія стѣсненія въ сношеніяхъ и поѣздкахъ частныхъ лицъ въ Западную Европу). Подобныя мѣры способствовали сильному развитію отечественной литературы, дали возможность цѣлому ряду даровитыхъ писателей проявить свои таланты въ полномъ блескѣ, и помогли возникновенію русской публицистики, которая въ свою очередь много помогала обсужденію важныхъ государственныхъ вопросовъ [4]).

ской промышленности и безпошлинный привозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію черезъ Финляндію, надѣленную исключительнымъ привилегированнымъ положеніемъ, въ ущербъ кореннымъ русскимъ областямъ.

[4]) Въ эту эпоху на поприщѣ изящной словесности (беллетристики) особенно выдвинулись слѣдующіе писатели, большею частію начавшіе свою дѣятельность еще въ предыдущее царствованіе: С. Аксаковъ („Семейная Хроника“). Тургеневъ („Записки Охотника“, „Дворянское Гнѣздо“, „Отцы и Дѣти“). Гончаровъ („Обломовъ“, „Обрывъ“). Достоевскій („Записки изъ Мертваго дома“). драматургъ Островскій („Свои люди — сочтемся“, „Гроза“, „Бѣдность не порокъ“). Писемскій (романъ „Тысяча

Къ сожалѣнію, одновременно съ развитіемъ этой литературы, въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати явилось вредное направленіе отрицательное (или такъ-наз. „нигилистическое“), совершенно противоположное сантиментальному направленію прежней эпохи. Въ такомъ злоупотребленіи болѣе свободнымъ печатнымъ словомъ естественно выразился недостатокъ основательнаго образованія. Легкомысленные писатели, подражая нѣкоторымъ западнымъ мечтателямъ (и даже не изучая ихъ серьезно), принялись въ особенности развивать такъ-называемыя соціальныя идеи, направленныя противъ семейныхъ узъ и собственности— этихъ первыхъ основъ человѣческой гражданственности.

Душъ“, драма „Горькая Судьбина“), Мельниковъ („Въ Лѣсахъ“ и „На Горахъ“—художественные очерки изъ міра русскихъ раскольниковъ), графъ А. Толстой (историческій романъ „Князь Серебряный“, драма „Смерть Ивана Грознаго“), графъ Л. Толстой (историческій романъ „Война и миръ“), сатирикъ Салтыковъ („Губернскіе очерки“, подъ псевдонимомъ Щедрина), поэты Майковъ, Полонскій и отчасти Некрасовъ Драматургъ Островскій и сатирикъ Салтыковъ явились представителями реальнаго или обличительнаго направленія въ литературѣ. А графъ Л. Толстой впослѣдствіи, вмѣсто художественнаго творчества, обратился къ неудачному философствованію и пропагандѣ противунаціональнаго направленія.

Изъ писателей-публицистовъ (т.-е. обсуждающихъ текущіе политическіе и общественные вопросы) въ первую половину этого періода самое видное мѣсто занялъ М. Катковъ, издававшій съ 1856 года въ Москвѣ литературно-политическій журналъ „Русскій Вѣстникъ“ и, кромѣ того, получившій въ свое вѣдѣніе (прежде университетскую) ежедневную газету „Московскія Вѣдомости“, въ товариществѣ съ профессоромъ Московскаго университета Леонтьевымъ. (Особенно отличились они ревностною защитой классической школы). На поприщѣ публицистики заслуживаютъ еще вниманія И. Аксаковъ и Ю. Самаринъ (представители московскихъ славянофиловъ), а также Н. Данилевскій, философъ-натуралистъ (противникъ теоріи Дарвина). Изъ петербургскихъ ежедневныхъ газетъ во вторую половину того же періода выдвинулись своимъ распространеніемъ, но не достоинствами: „Голосъ“ (издававшійся Краевскимъ) и „Новое Время“ (издаваемое Суворинымъ). Литературные нравы названныхъ сейчасъ газетъ (и вообще нашей ежедневной печати) нерѣдко страдали грубостію и неуваженіемъ къ личности. Нѣкоторые органы столичной печати проявили, сверхъ того, легкомысленное противунаціональное направленіе, несогласное съ отечественнымъ строемъ и русскими интересами. (Напр., въ Петербургѣ журналъ „Вѣстникъ Европы“, издаваемый Стасюлевичемъ, а въ Москвѣ „Русскія Вѣдомости“, редактируемыя Соболевскимъ и Посниковымъ, „Русская Мысль“, редакт. Лавровымъ и Гольцевымъ. „Голосъ“ былъ закрытъ. Нѣкоторымъ его продолженіемъ явилась газета Нотовича „Новости“).

На поприщѣ изящныхъ искусствъ выдвинулись живописцы: Айвазовскій (преимущественно своими морскими видами), Ге („Тайная Вечеря“), Верещагинъ (Туркестанскія сцены), Крамской (портретистъ), Шишкинъ (пейзажистъ), Перовъ (жанристъ), Рѣпинъ, Васнецовъ и пр. Изъ уроженцевъ Западнаго края замѣчательны еще живописецъ Семирадскій и скульпторъ Антокольскій. Изъ композиторовъ и артистовъ музыки—Сѣровъ (его опера „Рогнѣда“) и два брата Рубинштейны (основавшіе му-

безъ которыхъ человѣчество возвратилось бы къ дикому состоянію. Между прочимъ, подъ видомъ эманципаціи женщинъ, взамѣнъ чувства долга, проповѣдывалось поклоненіе грубой чувственности. Подобные писатели — радикалы въ сущности развивали тѣ же черты нравственной распущенности, которыя были порождены долгимъ господствомъ крѣпостного права и весьма поверхностнымъ образованіемъ [1]. *Въ связи съ этимъ отрицательнымъ направленіемъ развилось и крайне реальное или собственно „пошлое“ направленіе: романы, повѣсти, драмы и комедіи стали наполнять неосмысленнымъ изображеніемъ пошлыхъ людей и пошлой дѣйствительности, поощряя такимъ образомъ грубые вкусы и нравы.*

Улучшеніе и размноженіе училищъ составило одну изъ главныхъ заботъ новаго царствованія. Въ 1864 году Высочайше утверждено Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. Число ихъ стало возрастать при помощи земскихъ учрежденій. Для приготовленія народныхъ учителей открыты Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія „учительскія семинаріи“. Въ томъ же 1864 г. утвержденъ новый уставъ

зыкальныя консерваторіи въ Петербургѣ и Москвѣ), а также Чайковскій (его оперы „Евгеній Онѣгинъ“, „Черевички“ и др.). Изъ сценическихъ артистовъ—Мартыновъ и Самойловъ (въ Петербургѣ), Садовскій, Шумскій и Самаринъ (въ Москвѣ).

Изъ монументальныхъ построекъ этого царствованія, кромѣ окончанія Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, доведенъ также до окончанія величественный храмъ Спасителя въ Москвѣ. Онъ былъ заложенъ въ память Отечественной войны 1812 года Александромъ I на Воробьевыхъ горахъ, по проэкту архитектора Видберга; но при Николаѣ I перенесенъ внутрь города, съ измѣненіемъ плана, въ византійскомъ стилѣ, и строился подъ руководствомъ архитектора Тона. Въ концѣ царствованія Александра II построено въ Москвѣ зданіе Національнаго Историческаго музея по рисункамъ художника Шервуда (поборникъ возрожденія русскаго стиля). Самый роскошный музей—это въ Петербургѣ при Императорскомъ Эрмитажѣ.

На поприщѣ медицины въ этотъ періодъ наибольшую извѣстность пріобрѣли Пироговъ, Боткинъ и Захарьинъ, на поприщѣ химіи Менделѣевъ, на поприщѣ естествознанія москов. профессора Щуровскій и Богдановъ.

[1]) Представителемъ такого грубаго поклоненія чувственности и нигилизма явился въ особенности Чернышевскій въ своемъ романѣ „Что дѣлать“. Послѣдній напечатанъ въ журналѣ „Современникъ“. Этотъ журналъ когда-то основанъ поэтомъ Пушкинымъ, а потомъ сдѣлался органомъ легкомысленнаго, отрицательнаго направленія, почему подвергся закрытію. Впрочемъ нашлись другіе органы, которые продолжали его направленіе. А нѣкоторые яростные соціалисты и нигилисты удалились за границу и оттуда съ помощью разныхъ изданій и агентовъ пытались распространять свои лжеученія. Образцомъ для этихъ отверженцевъ отечества послужилъ русскій эмигрантъ Герценъ, посвятившій свое богатство и свое дарованіе на служеніе безсмысленному соціализму.

гимназій съ раздѣленіемъ ихъ на „классическія" и „реальныя". А въ предыдущемъ 1863 году Высочайше утвержденъ новый университетскій уставъ, которымъ главная власть въ дѣлахъ университета предоставлена „совѣту" (т.-е. собранію профессоровъ) съ выборнымъ ректоромъ во главѣ. Основаны новые русскіе университеты въ Одессѣ (на мѣсто прежняго Ришельевскаго лицея) и въ Варшавѣ (на мѣсто прежней главной школы) [6]). Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Толстой, надѣясь поднять на уровень европейскій общее образованіе, которое получается въ гимназіяхъ, предпринялъ положить въ основу его изученіе классическихъ языковъ, т.-е. усилить занятія греческимъ и латинскимъ языками. Въ этомъ смыслѣ составленный имъ проектъ получилъ Высочайшее утвержденіе въ іюнѣ 1871 года и немедленно сталъ приводиться въ исполненіе.

Замѣчательное развитіе въ эту эпоху получило женское образованіе, дотолѣ ограниченное большею частію закрытыми заведеніями (правительственными институтами и частными пансіонами). Изданы новыя Положенія о женскихъ открытыхъ школахъ (т.-е. для приходящихъ учениць); почти во всѣхъ городахъ заведены эти школы, а въ губерніяхъ учреждены женскія гимназіи и прогимназіи. Главный починъ и покровительство въ этомъ дѣлѣ принадлежали императрицѣ Маріи Александровнѣ. Въ столицахъ сдѣланы нѣкоторыя попытки открыть женщинамъ доступъ и къ высшему образованію (соотвѣтственно мужскимъ университетамъ и академіямъ), въ особенности къ занятіямъ медициной и хирургіей. Кромѣ того женщинамъ открытъ доступъ къ нѣкоторымъ служебнымъ занятіямъ (напримѣръ, въ почтовыхъ и земскихъ учрежденіяхъ).

Изъ другихъ мѣръ и преобразованій этого царствованія наиболѣе важны слѣдующія:

Вслѣдствіе возрастающаго развитія европейскихъ армій, основаннаго на общей воинской повинности (по образцу

[6]) Сверхъ того лицей Безбородка въ Нѣжинѣ преобразованъ въ Филологическій институтъ, лицей Демидовскій въ Ярославлѣ въ Юридическій факультетъ; въ Петербургѣ также устроенъ (собственно возобновленъ) высшій Педагогическій институтъ для приготовленія преподавателей среднеучебныхъ заведеній; въ Москвѣ основана Земледѣльческая академія, рѣшено открыть университетъ въ Западной Сибири.

Пруссіи, разгромившей въ 1870—71 гг. Вторую Французскую имперію), Россія тоже должна была принять соотвѣтственныя мѣры 1 января 1874 года изданы Высочайшій манифестъ о всесословной воинской повинности и самый уставъ ея. Молодые люди всѣхъ сословій, достигшіе извѣстнаго возраста, обязаны поступать на извѣстный срокъ въ армію, но не всѣ поголовно, а именно тѣ, кому достанется жребій: остальные зачисляются въ государственное ополченіе, которое собирается въ случаяхъ особой нужды. При томъ въ отбываніи воинской повинности сдѣлано сокращеніе сроковъ, смотря по степени образованія. Главнымъ дѣятелемъ преобразованій въ арміи явился военный министръ (послѣ графъ) Милютинъ [7]). Тѣлесныя наказанія, столь распространенныя въ прежнее время, отмѣнены, за немногими исключеніями (въ 1863 г.). Относительно православнаго духовенства назначено особое присутствіе по вопросу объ улучшеніи его быта (1863), и затѣмъ отмѣнена сложившаяся въ прежнее время его потомственная отдѣльность отъ другихъ сословій, т.-е. дѣти священно-и церковно-служителей изъяты изъ духовнаго званія (1869). По вопросу о раскольникахъ, сдѣланы для нихъ нѣкоторыя облегченія; между прочимъ браки ихъ признаны законными (1874). Вопросъ о подушной подати (которая въ связи съ круговою порукой служила главнымъ отличіемъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій отъ классовъ привилегированныхъ) занималъ правительство съ самой отмѣны крѣпостного права. Наконецъ въ мартѣ 1879 года послѣдовалъ Высочайшій указъ министру финансовъ изыскать другіе источники государственныхъ доходовъ для отмѣны подушной подати. Вообще, благодаря успѣхамъ русской гражданственности и благодушной гуманности императора Александра Николаевича, *самое Русское самодержавіе, не утративъ своей силы и значенія, приняло въ его время характеръ абсолютизма мягкаго, вполнѣ просвѣщеннаго и европейскаго* (начало этому постепенному смягченію было положено Екатериной II).

---

[7]) Всеобщая воинская повинность побудила къ выселенію многихъ нѣмецкихъ колонистовъ южной Россіи, особенно менонитовъ. А въ западныхъ губерніяхъ она встрѣтила не малое затрудненіе со стороны Евреевъ, всѣми средствами уклоняющихся отъ этой повинности.

Польская смута и западная окраина. Со времени усмиренія мятежа 1830 года управленіе Привислянскаго края или такъ-называемаго Царства Польскаго состояло какъ бы на военномъ положеніи, т.-е. сосредоточивалось въ рукахъ военныхъ начальниковъ и охранялось военно-полицейскими мѣрами. Намѣстникъ края, князь Паскевичъ былъ облеченъ почти диктаторскою властью. Смягченіе такого положенія явилось въ числѣ первыхъ заботъ императора Александра II. Онъ даровалъ прощеніе (амнистію) Полякамъ, замѣшаннымъ въ прежнихъ политическихъ преступленіяхъ; возвратилъ сосланныхъ изъ Сибири и дозволилъ возвратиться на родину эмигрантамъ (т.-е. бѣжавшимъ за границу); повелѣлъ сложить со счетовъ казенныя недоимки и взысканія въ краѣ; отмѣнилъ полицейскій характеръ администраціи и вообще предпринялъ рядъ разныхъ либеральныхъ мѣръ. Въ то же время по смерти строгаго фельдмаршала Паскевича преемникомъ его назначенъ добродушный князь Горчаковъ (бывшій главнокомандующій въ Крыму). Но вмѣстѣ съ либеральными мѣрами правительства воспрянули между Поляками завѣтныя мечты о возстановленіи старой Рѣчи Посполитой и даже о возвращеніи имъ западнорусскихъ областей *).

Вскорѣ движеніе приняло открытый характеръ: въ Варшавѣ начались народныя сборища, торжественное пѣніе революціонныхъ гимновъ въ костелахъ и разныя уличныя процессіи, въ которыхъ принимали участіе толпы женщинъ и молодежи, съ духовенствомъ

*) Мечты эти главнымъ образомъ поддерживались польскою эмиграціей преимущественно изъ Парижа (гдѣ она сосредоточивалась вокругъ князя Адама Чарторижскаго, умершаго въ 1861 г.). Эта эмиграція посредствомъ заграничныхъ органовъ печати и своихъ агентовъ, разсѣянныхъ въ краѣ, усердно старалась воспрепятствовать примиренію Поляковъ съ Россіею и преслѣдовала тѣхъ изъ нихъ, которые обнаруживали наклонность къ этому примиренію, объявляя ихъ измѣнниками „ойчизны". Важный толчокъ революціонному движенію польскихъ умовъ дали событія въ Италіи, которая съ помощію Наполеона III изгнала Австрійцевъ изъ Ломбардіи и начала дѣло своего объединенія. Поляки, вступая на путь революціи, также возлагали свои надежды на помощь Наполеона. Средоточіемъ движенія въ самомъ Царствѣ Польскомъ сдѣлалось Варшавское Земледѣльческое Общество, учрежденное съ разрѣшенія правительства (1857 года) для улучшенія сельскаго хозяйства. Это Общество, съ своимъ предсѣдателемъ графомъ Замойскимъ во главѣ, не ограничиваясь народнымъ хозяйствомъ, старалось захватить въ свои руки народное образованіе, которое съ помощію дешевыхъ газетъ и книгъ, назначенныхъ для простого народа, пыталось направить къ цѣлямъ революціоннымъ. Ревностнымъ пособникомъ этихъ цѣлей явилась значительная часть ксендзовъ или католическихъ священниковъ.

во главѣ. При бездѣйствіи властей и полиціи (состоявшей большею частію изъ Поляковъ), подобныя демонстраціи принимали все болѣе и болѣе враждебный правительству характеръ и повели къ нѣкоторымъ столкновеніямъ съ войскомъ, при чемъ пало нѣсколько жертвъ. Тайный революціонный комитетъ послѣ того наложилъ всеобщій трауръ на женщинъ, и агенты его преслѣдовали тѣхъ, которыя рѣшались появляться на улицѣ не въ траурномъ платьѣ. По примѣру Варшавы, демонстраціи и разные безпорядки быстро распространились по другимъ городамъ Царства и также въ смежныхъ съ нимъ западныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ классъ чиновниковъ и помѣщиковъ съ ихъ многочисленною дворнею состоялъ изъ людей давно ополяченныхъ, гдѣ также католическіе ксендзы и находящіеся подъ ихъ вліяніемъ женщины явились усердными сторонниками движенія.

Между тѣмъ Государь Императоръ, несмотря на это враждебное движеніе, продолжалъ свои либеральныя мѣры въ отношеніи Царства Польскаго: учредилъ для него въ Варшавѣ Государственный Совѣтъ съ участіемъ духовныхъ сановниковъ и знатнѣйшихъ обывателей, даровалъ выборное городское управленіе и, наконецъ, поставилъ во главѣ всего гражданскаго управленія природнаго поляка, маркиза Велепольскаго. Послѣдній хотя также стремился къ возстановленію польской самобытности, но не путемъ революціи, а путемъ правительственныхъ реформъ; онъ принадлежалъ къ тѣмъ патріотамъ, которые желали имѣть особыя учрежденія, но сохранить соединеніе съ Россіей только подъ одною царствующею династіей, на подобіе соединенія Венгріи и Австріи. Велепольскій началъ борьбу съ крайней, т. е. революціонной, партіей и между прочимъ закрылъ Земледѣльческое Общество. Преемники умершаго Горчакова тщетно пытались утишить волненіе, и правительство вынуждено было объявить край на военномъ положеніи. Государь Императоръ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Царство собственнаго брата, великаго князя Константина Николаевича. Но революціонная партія уже и самого Велепольскаго объявила измѣнникомъ. Послѣдовалъ рядъ покушеній на его жизнь, а также на жизнь генерала Лидерса, исправлявшаго должность намѣстника до прибытія Великаго князя, и наконецъ на жизнь самого Великаго князя.

Открытый вооруженный мятежъ вспыхнулъ въ январѣ 1863 года по поводу начавшагося рекрутскаго набора. Революціонная партія рѣшила начать возстаніе внезапною рѣзнею въ родѣ Варѳоломеевской ночи. Въ ночь съ 10-го на 11-е января въ различныхъ городахъ и селеніяхъ Царства было сдѣлано нападеніе на спящихъ русскихъ солдатъ. Но только немногія разсѣянныя команды удалось мятежникамъ захватить врасплохъ. Затѣмъ шайки ихъ, укрываясь въ лѣ-

сахъ, пытались повсюду распространить возстаніе и употребляли всѣ мѣры устрашенія, чтобы дѣйствіемъ террора увлечь населеніе къ мятежу. Тайный революціонный комитетъ назначалъ казни и разсылалъ повсюду убійцъ. Благодаря содѣйствію духовенства и шляхты, такія же шайки появились въ лѣсахъ Литвы, Бѣлоруссіи и Волыни. Но въ послѣднихъ возстаніе встрѣтило отпоръ со стороны крестьянскаго населенія; будучи православнымъ и угнетаемое ополяченными и окатоличенными помѣщиками, оно оказывало дѣятельное содѣйствіе правительству въ подавленіи мятежа. Въ самомъ Царствѣ польскіе крестьяне, хотя лично освобожденные отъ крѣпостной зависимости во время Наполеона, но безъ земли, терпѣли отъ помѣщиковъ постоянныя притѣсненія, и теперь, несмотря на льстивыя обѣщанія, не поддавались ни обольщенію, ни террору и не приняли значительнаго участія въ мятежѣ. Наибольшій успѣхъ онъ имѣлъ въ юго-западномъ углу Царства, гдѣ шайки получали подкрѣпленіе людьми и оружіемъ отъ Поляковъ Австрійской Галиціи. Но нигдѣ онѣ не выдерживали встрѣчи съ русскими отрядами, и послѣдніе должны были постоянно разыскивать и преслѣдовать ихъ по лѣсамъ. Съ назначеніемъ намѣстникомъ въ Варшаву графа Берга, а въ Вильну генералъ губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края М. Н. Муравьева (брата Муравьева-Карскаго), борьба съ мятежомъ получила болѣе рѣшительный и энергическій характеръ. Особенно отличился своими энергичными мѣрами и суровою расправой съ бунтовщиками генералъ (вскорѣ графъ) Муравьевъ, такъ что мятежъ быстро пришелъ къ концу. Въ это время три великія державы, побуждаемыя польскими агентами, Франція, Австрія и Англія, вздумали произвести дипломатическое вмѣшательство и прислали Русскому правительству угрожающія ноты съ требованіемъ разныхъ уступокъ въ пользу Поляковъ. Такія дерзкія притязанія руководить нашими внутренними дѣлами вызвали сильное негодованіе въ Русскомъ народѣ. Отъ всѣхъ сословій повергнуты къ стопамъ Монарха заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ и готовности всѣмъ жертвовать для борьбы съ внѣшними врагами. Опираясь на такое единодушіе общественнаго мнѣнія, государственный канцлеръ князь Горчаковъ въ своихъ отвѣтныхъ нотахъ энергически

отвергъ права западныхъ державъ на какое-либо вмѣшательство въ русско-польскую распрю. Тогда державы эти отступились отъ своихъ требованій. Между тѣмъ какъ Австрія поощряла мятежъ, иначе держала себя Пруссія. Она заключила съ Россіей конвенцію, направленную противъ мятежниковъ. (И впослѣдствіи во время войны съ Франціей, пожала обильные плоды своей дальновидной политики). Къ началу 1864 года польскій мятежъ былъ усмиренъ. Въ томъ же году 19 февраля изданъ Высочайшій манифестъ о надѣленіи польскихъ крестьянъ землею.

При этомъ имъ даровано участіе въ мѣстномъ или гминномъ управленіи посредствомъ выборныхъ ими войтовъ (старшинъ) и другихъ гминныхъ должностныхъ лицъ. (Гмина есть община, составленная изъ нѣсколькихъ селеній). Этотъ мятежъ вынудилъ правительство отмѣнить отдѣльныя правительственныя учрежденія Царства Польскаго или Привислянскаго края. Указами 1866 года финансовое, почтовое и губернское управленіе этого края преобразовано на началахъ общихъ съ другими частями Россійской имперіи, при чемъ онъ раздѣленъ на 10 губерній (вмѣсто прежнихъ пяти). Нѣкоторыя соотвѣтственныя мѣры были приняты и въ западныхъ русскихъ губерніяхъ, чтобы на будущее время предохранить русское крестьянское населеніе отъ вліянія польско-католической шляхты. Между прочимъ, для усиленія русскаго элемента въ помѣщичьемъ классѣ, повелѣно (указомъ 10 декабря 1865 года) конфискованныя и секвестрованныя за участіе въ мятежѣ имѣнія западныхъ губерній продавать лицамъ русскаго происхожденія. Вслѣдствіе особаго положенія этихъ губерній, въ которыхъ городское населеніе состоитъ большею частію изъ Евреевъ и ополяченныхъ обывателей, на нихъ пока не были распространены реформы судебная и земская. Подъ предлогомъ уменьшить массу скопившагося тамъ еврейства (указомъ 16 іюля 1865 года) дозволено Евреямъ-ремесленникамъ переселяться изъ западныхъ губерній въ другія области Имперіи, въ которыхъ они дотолѣ не имѣли права жительства. (Послѣ того масса еврейскаго пролетаріата начала быстро распространяться въ средней и восточной части Россіи). Наконецъ, въ государственныхъ видахъ необходимо было отмѣнить остатокъ церковной уніи, существовавшей въ юго-восточной части Привислянскаго края и составлявшей особую Холмскую епархію. Возсоединеніе съ православною церковью началось въ Сѣдлецкой губерніи въ январѣ 1875 года, а за нею потомъ возсоединены и другія части Холмской епархіи.

Весьма важныя мѣры въ это царствованіе были приняты по отношенію къ великому княжеству Финляндскому. Въ 1863 году былъ созванъ сеймъ изъ представителей всѣхъ

сословій княжества (хотя онъ не созывался съ самаго присоединенія Финляндіи). Съ этого времени Финляндія начала пользоваться почти полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ, съ дѣлопроизводствомъ и преподаваніемъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ. Она получила даже свою особую монету. А въ 1879 г., въ довершеніе ея привилегій, повелѣно приступить къ образованію особаго туземнаго войска. Изъ всѣхъ западныхъ окраинъ Имперіи реформы наименѣе коснулись трехъ балтійскихъ или остзейскихъ губерній (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской); онѣ остались при своихъ мѣстныхъ привилегіяхъ, которыя въ прежнее время были дарованы господствующему тамъ нѣмецкому элементу, составляющему классъ помѣщиковъ и горожанъ.

Покореніе Кавказа. Восточныя окраины. Во время восточной или Крымской войны кавказскіе горцы, съ Шамилемъ во главѣ, подстрекаемые Турками и Англичанами, продолжали свои враждебныя дѣйствія противъ Русскихъ, и хотя не совершили ничего замѣчательнаго, однако заставили насъ держать на Кавказѣ большую армію и тѣмъ развлекали наши силы. По окончаніи Крымской войны Государь рѣшилъ во что бы то ни стало покончить эту продолжительную борьбу съ хищными непокорными племенами — борьбу, стоившую намъ постоянно много денегъ и людей (особенно падавшихъ жертвами непривычнаго климата). Начальникомъ Кавказскаго корпуса и исправляющимъ должность намѣстника назначенъ былъ князь Барятинскій, уже прежде отличавшійся своими подвигами въ битвахъ съ горцами и хорошо съ ними знакомый. Кавказская армія усилена новыми полками, и борьба не замедлила принять рѣшительный оборотъ.

Широкія просѣки, прорубленныя русскими солдатами сквозь густые лѣса подъ огнемъ непріятелей, открыли доступъ въ тѣ глухія трущобы, въ которыхъ дотолѣ укрывались горцы. Князь Барятинскій сперва устремилъ главныя усилія на восточную часть Кавказа, гдѣ наиболѣе господствовала секта мюридовъ. Общее наступательное движеніе, совершавшееся по зрѣло обдуманному плану, скоро привело Шамиля въ стѣсненное положеніе. Горныя племена отпадали отъ него одно за другимъ и изъявляли покорность. Взята была и главная его резиденція, чеченскій аулъ Ведень; послѣ чего и весь воинственный Чеченскій народъ покорился русскому владычеству.

Шамиль бросился въ Дагестанъ, т.-е. крайнюю восточную область, прибрежную Каспійскому морю. Русскія войска преслѣдовали его неутомимо, и наконецъ осадили въ аулѣ Гунибъ, который расположенъ на неприступной горѣ. Шамиль укрылся сюда со своимъ семействомъ и нѣсколькими стами отчаянныхъ мюридовъ, усилилъ разными укрѣпленіями неприступность этого мѣста и рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности. Князь Барятинскій лично руководилъ осадными дѣйствіями. Несмотря на цѣлый дождь камней, сбрасываемыхъ съ вершины, русскіе штурмовыя колонны успѣли въ ночное время съ разныхъ сторонъ взобраться на гору и густою цѣпью окружили самый аулъ, въ которомъ Шамиль и остатокъ мюридовъ засѣли въ каменныхъ сакляхъ и продолжали отстрѣливаться. Наконецъ, на предложеніе главнокомандующаго прекратить безполезную оборону и не подвергать аулъ всѣмъ ужасамъ штурма, имамъ вышелъ и сдался безъ всякихъ условій, подвергая свою судьбу на милосердіе Государя (въ августѣ 1859 года). Онъ былъ отправленъ въ Петербургъ. Государь принялъ его благодушно и назначилъ для жительства ему съ семействомъ городъ Калугу.

Когда покорилась восточная часть Кавказа, всѣ усилія Русскихъ немедленно устремились на западную часть, которая потребовала четырехлѣтней непрерывной и неослабной кампаніи. Борьба въ этой части была трудна потому въ особенности, что мы не могли блокировать ее со стороны Чернаго моря, на которомъ, вслѣдствіе Парижскаго трактата, могли держать только небольшую флотилію мелкихъ судовъ для полицейской береговой службы. Этимъ пользовались тѣ державы, которыя желали вредить Россіи, особенно Турція и Англія. Турецкіе агенты сновали въ горахъ, возбуждая горцевъ къ отчаянной войнѣ; а турецкіе пароходы постоянно подвозили горцамъ порохъ, оружіе, даже пушки и кромѣ того разныхъ искателей приключеній, становившихся въ ряды защитниковъ дикой независимости. Особенно много являлось туда Поляковъ; а во время польскаго мятежа была даже попытка сформировать на Кавказѣ цѣлые регулярные отряды изъ Поляковъ на англійскія деньги (но безуспѣшно). Чтобы упрочить свои завоеванія, Русское правительство предприняло систему постепеннаго заселенія казачьими станицами прибрежій Чернаго моря; для чего закубанскихъ Черкесовъ отодвигало внутрь страны. Наиболѣе виднымъ дѣятелемъ при покореніи западнаго Кавказа явился генералъ Евдокимовъ (пожалованный титуломъ графа). Меж-

ду тѣмъ фельдмаршала князя Барятинскаго смѣнилъ новый намѣстникъ, младшій братъ Государя, великій князь Михаилъ Николаевичъ (въ 1863 г.), и наступательныя военныя дѣйствія пошли еще быстрѣе, такъ что весною 1864 г. послѣдніе остатки непокорныхъ Черкесовъ покорились русскому оружію. *Такъ кончилась Кавказская война, длившаяся 65 лѣтъ и поглотившая огромныя средства.* Это покореніе сопровождалось большимъ выселеніемъ горскихъ племенъ. Болѣе 200,000 Черкесовъ, не хотѣвшихъ подчиниться Россіи, на турецкихъ корабляхъ переправились въ Турцію и тамъ получили земли отчасти въ Малой Азіи, а большею частію поселены были на Балканскомъ полуостровѣ посреди христіанскихъ жителей. (Въ то же время выселилась въ Турцію и часть Крымскихъ Татаръ).

Другія обширныя завоеванія около того же времени совершены Россіей въ Средней Азіи или Туркестанѣ; а именно завоеваны часть ханства Коканскаго и часть Бухарскаго. Тогда наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи оказались столь обширны и требовали столькихъ заботъ по управленію и оборонѣ, что изъ нихъ (въ 1867 г.) образовано особое генералъ-губернаторство Туркестанское, съ главнымъ городомъ Ташкентомъ *).

*) При императорѣ Николаѣ I было окончено подчиненіе большей части Киргизскихъ ордъ, кочующихъ въ сѣверной части Туркестана. Это подчиненіе повело къ войнѣ съ Коканскимъ ханствомъ, въ которой Коканцы понесли нѣсколько пораженій. Между прочимъ генералъ Перовскій отнялъ у нихъ на Сыръ-Дарьѣ крѣпость Акъ-Мечеть, которая переименована была въ Перовскъ (1853 г.). Но граница наша въ этихъ степныхъ краяхъ оставалась открытою на большомъ протяженіи; она подвергалась нападеніямъ хищныхъ кочевниковъ Туркменъ и враждебнымъ дѣйствіямъ трехъ мусульманскихъ ханствъ: Коканскаго (лежащаго на правой или нагорной сторонѣ Сыръ-Дарьи), Бухарскаго (между Сыръ и Аму-Дарьями) и Хивинскаго (на лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи). Поэтому предположено было выставить линію укрѣпленій, которыя съ одной стороны велись отъ Оренбургскаго генералъ-губернатора, а съ другой отъ Западно-Сибирскаго. (Между прочимъ первымъ выстроенъ Джулекъ на Сыръ-Дарьѣ повыше Перовска, а вторымъ—укрѣпленіе Вѣрное за рѣкою Или, у подошвы хребта Тіанъ-Шанскаго). Оставалось занять еще нѣкоторый промежутокъ, чтобы соединить Сибирскую линію съ Оренбургскою. Съ этою цѣлью въ 1864 году отправлены два отряда: изъ Западной Сибири подъ начальствомъ Черняева, изъ Оренбургскаго края подъ начальствомъ Веревкина. Первый взялъ одну коканскую крѣпость (Аулиету), а второй овладѣлъ коканскимъ городомъ Туркестаномъ. Такимъ образомъ граница русская сомкнулась. Однако враждебныя дѣйствія хана Коканскаго заставили русскихъ продолжать свое наступательное движеніе вверхъ по Сыръ-Дарьѣ. Уже въ слѣдующемъ 1865 г. генералъ

За Коканомъ и Бухарою наступила очередь Хивы. Хивинцы, отдѣленные отъ нашихъ границъ непроходимыми песчаными пустынями, считали себя недоступными для русскаго оружія. (Въ этомъ мнѣніи утверждали ихъ гибель русскаго отряда, отправленнаго на Хиву Петромъ Великимъ подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, а потомъ неудачный походъ на Хиву изъ Оренбурга генерала Перовскаго въ 1840 г.; избѣгая лѣтняго зноя, отрядъ Перовскаго отправился въ зимнее время; но по причинѣ глубокихъ снѣговъ долженъ былъ вернуться съ дороги). Ханъ позволялъ себѣ захватывать и обращать въ рабство русскихъ купцовъ, бунтовалъ противъ насъ Киргизовъ, покровительствовалъ набѣгамъ Туркменъ и пр. Не получая никакого удовлетворенія на свои требованія, Русское правительство рѣшило наконецъ смирить это полудикое, полуразбойничье, рабовладѣльческое государство. Раннею весною 1873 года съ разныхъ сторонъ отправились на Хиву три русскія колонны: съ восточнаго берега Каспійскаго моря пошелъ отрядъ Кавказской арміи, изъ Оренбурга уральскіе казаки подъ начальствомъ генерала Веревкина, изъ Ташкента выступилъ туркестанскій генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ, который принялъ главное начальство. Походъ по песчанымъ, безводнымъ степямъ, при скоро наступившемъ зноѣ представлялъ неимовѣрныя трудности. Русскіе однако преодолѣли всѣ препятствія, разсѣяли скопища Туркменъ, пытавшіяся загородить имъ путь, достигли до Хивы и взяли это гнѣздо хищниковъ (29 мая). Ханъ лишился части своихъ владѣній и получилъ миръ на условіяхъ, которыя поставили его въ зависимость отъ Россіи. Однимъ изъ условій этого мира было освобожденіе великаго количества рабовъ (большею частію захваченныхъ изъ сосѣдней Персіи) и отмѣна рабства на будущее время. Смуты и мятежи въ Кокандскомъ ханствѣ, направленные противъ русскаго владычества въ Средней Азіи, вынудили потомъ Русское правительство и все это ханство включить въ свои владѣнія (1876 года). Вообще Россія явилась силою умиротворяющею въ этихъ странахъ, когда-то богатыхъ и цвѣтущихъ, но уже давно стонущихъ подъ гнетомъ мусульманскаго фанатизма, торговли рабами, всякаго рода хищничества и постоянныхъ междоусобій мѣстныхъ владѣтелей. Съ водвореніемъ русскаго владычества въ Туркестанѣ наши торговыя сношенія съ Среднею Азіею оживились и получили болѣе безопасности; благосостояніе мѣстныхъ жителей начало замѣтно возрастать;

Черняевъ съ 2,000 человѣкъ взялъ приступомъ большой укрѣпленный городъ Ташкентъ, вмѣщавшій до 100.000 жителей. Тогда противъ Русскихъ выступилъ эмиръ Бухарскій, подстрекаемый турецкими и англійскими агентами; война съ нимъ была также побѣдоносна. Главныя его силы разбиты генераломъ Романовскимъ (при Иджарѣ); Русскіе взяли нѣсколько бухарскихъ крѣпостей (Ходжентъ, Ура-Тюбе, Джизакъ), и, наконецъ, овладѣли древнимъ славнымъ городомъ Самаркандомъ. Эмиръ долженъ былъ смириться.

благодаря постоянному спокойствію, подъ защитою русскаго оружія сюда стала проникать и русская колонизація [8]).

Самые крайніе наши предѣлы на Востокѣ также получили иной видъ въ это царствованіе. Обширный Пріамурскій край (уступленный Китаю по Нерчинскому договору 1689 г.) былъ возвращенъ подъ владычество Россіи по Айгунскому трактату съ Китаемъ, заключенному въ 1858 году генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Муравьевымъ (награжденнымъ титуломъ графа и получившимъ названіе Муравьева-Амурскаго). Въ этотъ Амурскій край направлено было переселеніе казаковъ и многихъ крестьянъ Европейской Россіи и построено нѣсколько городовъ (Благовѣщенскъ на среднемъ Амурѣ и Николаевскъ на его устьѣ). Потомъ новымъ трактатомъ предѣлы русскіе распространены по прибрежью Японскаго моря почти до Кореи. Расширяя свои предѣлы на восточныхъ берегахъ Азіи, Русское правительство рѣшило сократить ихъ со стороны слишкомъ отдаленныхъ отъ насъ сѣверозападныхъ береговъ Америки. По договору 1867 года, наши владѣнія на этихъ берегахъ были уступлены за денежное вознагражденіе Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Въ то же время открыты дружественныя сношенія Россіи съ Японіей, въ которой микадо (императоръ) предпринялъ большія преобразованія по европейскимъ образцамъ. Японія уступила намъ свою часть большого острова Сахалина, въ обмѣнъ на архипелагъ Курильскихъ острововъ.

Восточный вопросъ и освободительная война съ Турками. Царствованіе Александра II отличалось вообще мирнымъ направленіемъ. Онъ сдѣлалъ своею великою задачей обновленіе и развитіе Россіи путемъ внутреннихъ преобразованій; его правительство избѣгало всякихъ внѣшнихъ столкновеній въ Европѣ, чтобъ обезпечить своему народу про-

[8]) Продолжавшіеся послѣ того набѣги и грабежи Теке, самаго воинственнаго изъ туркменскихъ племенъ, заставили Русское правительство снарядить новую экспедицію для наказанія этихъ разбойниковъ. Походъ въ Ахалъ-Текинскій оазисъ 1879 года не достигъ цѣли по малочисленности отряда. На слѣдующій годъ снаряжена новая экспедиція подъ начальствомъ генерала Скобелева. Онъ взялъ главное укрѣпленіе Текинцевъ Геокъ-Тепе и разорилъ это гнѣздо хищниковъ (12 января 1881 года).

должительный миръ. Но событія, направляемыя рукою Промысла, снова вызвали на историческое поприще великій Восточный вопросъ. Нестерпимый турецкій гнетъ вновь произвелъ движеніе между Балканскими Славянами. Первые подняли оружіе Сербы, населяющіе Герцеговину и Боснію — двѣ турецкія области, сопредѣльныя съ Австрійскою имперіей (1875 г.). Волненіе незамедлило распространиться и на другія славянскія провинціи. Русское правительство пыталось умиротворить Балканскихъ Славянъ путемъ дипломатическимъ. Оно приглашало великія европейскія державы сообща настоять передъ Оттоманскою Портою на необходимыхъ преобразованіяхъ въ управленіи ея христіанскими провинціями. Но его усилія встрѣчали равнодушіе Европы къ участи Славянъ и даже явное недоброжелательство со стороны нѣкоторыхъ державъ. Въ особенности Англія и Австро-Венгрія явились усердными покровительницами турецкаго ига надъ христіанскими народами (первая ради своихъ меркантильныхъ интересовъ; а вторая изъ опасенія поколебать господство Нѣмцевъ и Мадьяръ надъ австрійскими Славянами). Волненіе Балканскихъ Славянъ все разгаралось и увлекло князей Сербіи и Черногоріи въ открытую войну съ Турціей. Начатки движенія въ Болгаріи Турки успѣли потушить звѣрскимъ избіеніемъ многихъ тысячъ жителей, не разбирая ни пола, ни возраста.

Страданія единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ вызвали между тѣмъ сильное движеніе въ сердцахъ великодушнаго Русскаго народа. Участіе его не замедлило выразиться многочисленными денежными пожертвованіями для помощи страждущимъ и нѣсколькими тысячами добровольцевъ, которые вступили въ ряды сербскаго войска (главною частью его начальствовалъ отличившійся въ Туркестанѣ генералъ Черняевъ). Но борьба была слишкомъ неравная, тѣмъ болѣе, что Англія усердно помогала Туркамъ деньгами и оружіемъ. Наконецъ, силы Сербовъ, защищавшихъ свою границу, были сломлены; турецкія полчища уже готовились внести опустошеніе въ сердце Сербскаго княжества. Но Государь Императоръ остановилъ это нашествіе, пославъ Портѣ ultimatum съ требованіемъ заключить немедленно перемиріе (въ октябрѣ 1876 г.). Чтобы поддержать свои требо-

ванія, онъ приказалъ мобилизовать часть русской арміи и придвинуть ее къ южнымъ границамъ. 10 ноября, на царскомъ выходѣ въ Московскомъ Кремлѣ, Государь изволилъ объявить дворянству и другимъ сословіямъ о предстоящей европейской конференціи и вмѣстѣ о своемъ непреклонномъ намѣреніи добиться отъ Порты необходимой гарантіи для ея христіанскихъ народовъ. „Я знаю,—сказалъ онъ,—что вся Россія вмѣстѣ со Мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и происхожденію; но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего, и Я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь". Въ декабрѣ открылась въ Константинополѣ конференція изъ представителей шести великихъ державъ и седьмой Турціи, подъ предсѣдательствомъ русскаго посла (нынѣ графа) Игнатьева. Требованія реформъ отъ Порты Константинопольская конференція довела до minimum'а. Хотя державы — и въ томъ числѣ Англія — скрѣпили своею подписью эти требованія, однако Порта (подстрекаемая Англіей) отвергла ихъ. Несмотря на всю мягкость и уступчивость Русскаго правительства, война сдѣлалась неизбѣжною. Руководимая Англіей и съ ея помощью, Порта воспользовалась временемъ конференціи и протоколовъ, чтобы приготовить большія арміи, снабдить ихъ усовершенствованнымъ (скорострѣльнымъ) оружіемъ и огромными запасами боевыхъ снарядовъ.

Въ концѣ апрѣля 1877 года русская армія, составленная изъ четырехъ дѣйствующихъ корпусовъ и трехъ резервныхъ, предводимая великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, вступила въ подчиненное Турціи княжество Румынское и направилась къ Дунаю. При арміи находились самъ Государь Императоръ съ Государемъ Наслѣдникомъ и другіе члены Августѣйшей фамиліи. Въ то же время нашъ Кавказскій корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ великаго князя-намѣстника Михаила Николаевича, вступилъ въ Турецкую Арменію, взялъ штурмомъ крѣпость Ардаганъ (генералъ Гейманъ) и осадилъ Карсъ.

Чрезвычайно сильный разливъ Дуная въ ту весну и необходимость возведеніемъ береговыхъ батарей обезопасить нашу переправу отъ турецкой броненосной флотиліи замед-

лили на цѣлый мѣсяцъ движеніе на Балканскій полуостровъ. Около половины іюня армія наша въ двухъ пунктахъ (подъ Браиловымъ и Систовымъ) удачно совершила переходъ черезъ Дунай подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ и овладѣла частью праваго берега, между прочимъ, взявъ штурмомъ крѣпость Никополь (генералъ Криднеръ). Вслѣдъ за переправою, не давая врагу времени опомниться, русскій авангардъ подъ начальствомъ генерала Гурко двигается въ самое сердце Болгаріи, занимаетъ городъ Тырновъ и затѣмъ Шипкинскій или главный Балканскій проходъ. Но въ то время, когда Русскіе уже дѣйствовали за Балканами, изъ крѣпости Виддина выступилъ значительный турецкій корпусъ, предводимый Османъ-пашою, бросился въ городокъ Плевну и здѣсь окопался, угрожая такимъ образомъ нашему правому флангу. (Съ этой стороны дѣйствія наши значительно были стѣсняемы враждебнымъ нейтралитетомъ Австро-Венгріи и вмѣшательствомъ иноземной дипломатіи). Въ то же время другой большой корпусъ подъ начальствомъ Сулейманъ-паши сосредоточился на южномъ склонѣ Балканъ, и сдѣлалъ рядъ отчаянныхъ штурмовъ, чтобы отбить назадъ Шипкинскій проходъ, занятый сперва небольшимъ русскимъ отрядомъ. Главная же турецкая армія (Мегмедъ-Али), заключенная въ четыреугольникѣ своихъ сильнѣйшихъ крѣпостей (Рущукъ, Силистрія, Варна и Шумла), угрожала нашему лѣвому крылу. Русскіе принуждены пріостановить дальнѣйшія движенія, пока не были сломлены эти преграды. Наибольшія наши усилія обратились на Плевну противъ даровитаго и энергичнаго Османа-паши.

Вокругъ Плевны Турки, наученные европейскими инженерами, въ нѣсколько дней создали неприступную позицію, покрытую цѣлою сѣтью полевыхъ укрѣпленій, т. е. ложементовъ (ровики съ валомъ для прикрытія стрѣлковъ), люнетовъ (укрѣпленіе, огражденное спереди и боковъ) и редутовъ (укрѣпленіе, замкнутое со всѣхъ сторонъ высокимъ валомъ и рвомъ и вооруженное пушками). Тщетно Русскіе съ обычнымъ своимъ мужествомъ сдѣлали нѣсколько кровопролитныхъ штурмовъ: благодаря усовершенствованнымъ ружьямъ и чрезвычайному обилію патроновъ, Турки изъ своихъ окоповъ поражали ихъ необыкновенно частымъ и губительнымъ огнемъ. Пришлось ограничиться блокадою Плевны. Царь-Освободитель, лично раздѣлявшій труды и лишенія своей арміи, призвалъ изъ Имперіи новыя войска и въ томъ числѣ гвардейскіе полки. Небольшая румынская армія

также присоединилась къ Русскимъ подъ Плевною, предводимая своимъ княземъ Карломъ Гогенцоллерномъ, который и былъ назначенъ командующимъ Плевнинскою осадною арміей, но, впрочемъ, номинально. Настоящее руководство военными дѣйствіями здѣсь было поручено генералу Тотлебену (извѣстному по оборонѣ Севастополя), и онъ повелъ правильную осаду Плевны, обложивъ ее со всѣхъ сторонъ и подвергнувъ сильному артиллерійскому огню. Между тѣмъ войска нашего лѣваго фланга (такъ-назыв. «Рущукскій отрядъ»), предводимыя Государемъ Наслѣдникомъ, блистательно выдержали цѣлый рядъ битвъ съ турецкими силами четыреугольника и отразили всѣ ихъ попытки прорваться сквозь нашу оборонительную линію и подать руку помощи Осману пашѣ. А генералъ Радецкій съ своимъ корпусомъ мужественно оборонялъ Шипкинскій перевалъ отъ арміи Сулеймана-паши, который послѣ своихъ отбитыхъ штурмовъ сдѣлалъ втащить артиллерію на сосѣднія вершины и оттуда осыпалъ Русскихъ губительными разрывными снарядами (бомбами и гранатами). Отдѣльный русскій корпусъ (генерала Циммермана), занимая Добруджу и низовья Дуная, препятствовалъ движенію Турокъ со стороны моря и отвлекалъ на себя часть силъ четыреугольника. Торпеды или минные снаряды, опущенные русскими моряками въ нижнемъ Дунаѣ, окончательно отрѣзали сообщеніе броненосной Дунайской флотиліи Турокъ съ ихъ флотомъ на Черномъ морѣ. Два монитора изъ этой флотиліи были взорваны на воздухъ (одинъ—русскою береговою батареей, а другой – русскими миноносными лодками), что навело страхъ на прочихъ, такъ что все остальное время они держались подъ охраною турецкихъ батарей Рущука и Силистріи.

Вообще главное наше затрудненіе въ послѣдней Турецкой войнѣ состояло въ отсутствіи русскаго броненоснаго флота на Черномъ морѣ. Хотя Россія въ 1871 г. и воротила себѣ право имѣть военный флотъ на этомъ морѣ, но еще не успѣла здѣсь приготовить такую силу, которая могла бы успѣшно бороться съ многочисленными панцырными кораблями непріятеля, которые были вооружены при помощи Англіи и даже снабжены отчасти англійскими моряками. (Въ сущности Англія, прикрываясь мнимымъ нейтралитетомъ, вела съ нами усердную войну подъ турецкимъ знаменемъ и въ изобиліи снабжала Турокъ боевыми снарядами и скорострѣльнымъ оружіемъ). Русскія силы на Черномъ морѣ въ этой войнѣ ограничивались нѣсколькими крейсерами (деревянными пароходами), которые, имѣя при себѣ миноносныя лодки, производили отважные поиски у непріятельскихъ береговъ и дѣлали нападенія на турецкія суда. (Тутъ отличился Барановъ, командиръ парохода Весты). Тѣмъ не менѣе Турки сохранили свое преобладаніе на морѣ и подъ конвоемъ броненосцевъ безпрепятственно перевозили по немъ массы войскъ изъ Азіи въ Европу и обратно, смотря по мѣрѣ надобности, тогда какъ Русскіе должны были вести совершенно отдѣльныя дѣйствія на двухъ театрахъ войны, Европейскомъ и Азіатскомъ. Двѣ наши дѣйствующія арміи не имѣли прямого сообщенія между собою, и кромѣ того необходимость обо-

ронять черноморскіе берега отъ внезапныхъ нападеній съ моря все время заставляла держать значительные отряды во многихъ пунктахъ. Благодаря этой возможности постоянно получать подкрѣпленіе моремъ, турецкій главнокомандующій въ Малой Азіи, Мухтаръ-паша, остановилъ движеніе Русскихъ къ Эрзеруму (обороною Зивинскихъ высотъ). Мы даже принуждены были на время снять осаду Карса и отступить къ своимъ предѣламъ. Когда ожидаемыя подкрѣпленія прибыли, Кавказская армія снова двинулась впередъ; помощникъ Великаго князя-главнокомандующаго, генералъ (потомъ графъ) Лорисъ-Меликовъ, разбилъ Мухтара при Авліарѣ (въ началѣ октября 1877 г.) и возобновилъ осаду Карса.

Наступило уже суровое время года, когда на обоихъ театрахъ войны послѣдовали рѣшительныя событія. 6 ноября пала въ Арменіи первоклассная турецкая крѣпость Карсъ, которую русскіе взяли геройскимъ ночнымъ штурмомъ (генералъ Лазаревъ). Послѣ того они двинулись далѣе и обложили Эрзерумъ, главный городъ Турецкой Арменіи. Въ Болгаріи генералъ Гурко съ гвардейскими полками взялъ рядъ турецкихъ укрѣпленій къ юго-западу отъ Плевны (Горный Дубнякъ, Телишъ и пр.), и тѣмъ совершенно отрѣзалъ Туркамъ всякое сообщеніе съ Османъ-пашою. Послѣдній продержался еще болѣе мѣсяца, пока не истощились у него съѣстные припасы. 28 ноября онъ сдѣлалъ отчаянную попытку пробиться сквозь русскія линіи, но былъ отброшенъ назадъ и сдался въ плѣнъ со всею своею арміей. Между тѣмъ Гурко со своимъ корпусомъ уже вступилъ въ Балканы чрезъ Этропольскій проходъ. Тутъ Русскимъ пришлось бороться съ чрезвычайными трудностями зимняго похода по обледенѣлымъ снѣжнымъ вершинамъ и крутизнамъ, сражаясь безпрерывно съ непріятелемъ (который занималъ всѣ удобопроходимые пункты, и чтобы сбить его съ позиціи, нужно было дѣлать обходы почти непроходимыми мѣстами). Совершивъ этотъ Суворовскій переходъ чрезъ Балканы, Русскіе были встрѣчены главною арміей Сулейманъ-паши, которую разбили и разсѣяли. Въ то же время генералъ Скобелевъ изъ-подъ Плевны (послѣ ея паденія) явился на помощь генералу Радецкому; они разбили турецкое войско, стоявшее передъ Шипкой, и забрали его въ плѣнъ. Сопротивленіе Турокъ было сломлено. Русскіе заняли Адріанополь и подступили къ самому Константинополю.

Султанъ Абдулъ-Гамидъ обратился къ Русскому государю съ мольбою о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Султана поддержала въ этомъ случаѣ англо-австрійская дипломатія. Портѣ даровано было перемиріе; а за нимъ послѣдовалъ предварительный миръ (19 февраля 1878 года), заключенный подъ Константинополемъ, въ городкѣ Санъ-Стефано Великимъ княземъ главнокомандующимъ и нашимъ дипломатомъ Игнатьевымъ. Россія по этому миру отодвинула далѣе на югъ свою границу въ Арменіи, гдѣ, кромѣ Карса, пріобрѣла важный портъ Батумъ; кромѣ того возвратила себѣ полосу Бессарабіи, отторгнутую Парижскимъ трактатомъ; а Румынію вознаградила Добруджей или полосой земли на Нижнемъ Дунаѣ. Главная же цѣль войны — освобожденіе Балканскихъ христіанъ отъ жестокаго мусульманскаго ига (такъ-наз. „Святое дѣло") — была достигнута учрежденіемъ новаго княжества Болгарскаго, а также признаніемъ независимости и расширеніемъ предѣловъ Сербіи и Черногоріи (которыя въ концѣ Русско-Турецкой войны опять взялись за оружіе). *Но зависть Англіи къ русскому вліянію на востокѣ и опасенія Австріи за свое владычество надъ западными Славянами возбудили въ Европѣ сильное дипломатическое движеніе противъ Санъ-Стефанскаго договора.* Вѣрный своей умѣренной, миролюбивой политикѣ, Государь Императоръ согласился подвергнуть пересмотру нѣкоторыя статьи этого договора на общеевропейскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ. Конгрессъ собрался въ іюнѣ 1878 г. подъ предсѣдательствомъ прусскаго канцлера князя Бисмарка изъ уполномоченныхъ всѣхъ великихъ державъ. Представителями Россіи тутъ были государственный канцлеръ князь Горчаковъ и нашъ посолъ при Британскомъ дворѣ графъ Шуваловъ. На Берлинскомъ конгрессѣ глава англійскаго министерства (лордъ Биконсфильдъ) и глава австрійскаго (графъ Андраши), при поддержкѣ Бисмарка (игравшаго двусмысленную роль и подъ видомъ дружбы склонявшаго Россію къ уступкамъ), добились того, что пріобрѣтенія Сербіи и Черногоріи сокращены; а Болгарія была раздѣлена на двѣ части, Дунайскую и Забалканскую: первая составила особое вассальное княжество, а вторая автономную провинцію Оттоманской имперіи. (А между тѣмъ неучаствовавшая въ войнѣ Австрія, *при помощи того же князя*

Бисмарка, получила отъ конгресса разрѣшеніе занять своими войсками двѣ турецко-славянскія провинціи, Боснію и Герцеговину). *Послѣдняя Русско-Турецкая война замѣчательна еще по чрезвычайно живому участію къ ней всего Русскаго общества.* Это участіе особенно выразилось добровольнымъ устройствомъ госпиталей, санитарныхъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ для раненыхъ и больныхъ воиновъ и всякаго рода пожертвованіями какъ вещами, такъ и личнымъ трудомъ (медики, сестры милосердія и проч.). Главнымъ средоточіемъ такихъ пожертвованій и благотворительной дѣятельности сдѣлалось Общество Краснаго Креста,—состоявшее подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны (скончавшейся въ 1880 г.).

Мученическая кончина Царя-Освободителя. Вслѣдъ за Турецкой войной отечество наше подверглось неожиданному бѣдствію: произошелъ рядъ дерзкихъ покушеній на жизнь государственныхъ сановниковъ со стороны шайки политическихъ изувѣровъ.

Принесенныя съ Запада соціальныя идеи, какъ сказано выше, нашли себѣ подходящую почву въ умахъ легкомысленныхъ, полуобразованныхъ людей. Нѣкоторыя тупоумныя, безпокойныя головы усвоили себѣ эти идеи въ самомъ грубомъ, извращенномъ видѣ, и, скрытно направляемыя внутренними и внѣшними врагами русскаго національнаго развитія, упорно пытались разными преступными средствами (подпольными изданіями, вступленіемъ въ число рабочихъ и т. п.) распространить свое лжеученіе въ народной средѣ и поколебать его преданность законной власти. Но всѣ эти попытки соціалистовъ и нигилистовъ обыкновенно разбивались о здравый смыслъ и добрыя качества Русскаго народа. Когда же Россія предприняла освободительную войну на Балканскомъ полуостровѣ, помянутая подпольная агитація усилила свою дѣятельность, будучи подстрекаема врагами Славянства, которые старались помѣшать дѣлу его освобожденія и внѣшнимъ успѣхамъ Россіи путемъ внутреннихъ замѣшательствъ. Озлобленные своими неудачами въ народной средѣ, заговорщики усилили зловредную агитацію въ средѣ учащейся молодежи и кромѣ того задумали рядомъ гнусныхъ убійствъ навести ужасъ на Русское общество и вызвать такимъ образомъ анархію. (Примѣромъ для нихъ послужили происшедшія весною 1878 года покушенія нѣмецкихъ соціалистовъ въ Берлинѣ на жизнь германскаго императора Вильгельма). Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ этихъ дерзкихъ попытокъ сопровождались успѣхомъ. Анархистамъ удалось также кое-гдѣ вызвать уличныя сборища съ помощью легкомысленной части молодежи (въ Одессѣ, Харьковѣ, Петербургѣ).

Послѣдовали неудачныя покушенія на священную особу Царя-Освободителя [9]).

Рядъ злодѣйскихъ покушеній на священную особу Царя-Освободителя со стороны шайки измѣнниковъ и изувѣровъ, руководимыхъ врагами Россіи, завершился страшнымъ дѣяніемъ 1 марта 1881 г. Въ этотъ день Александръ II, при проѣздѣ по набережной Екатерининскаго канала въ Петербургѣ, былъ смертельно пораженъ разрывнымъ снарядомъ, брошеннымъ къ его ногамъ руками гнусныхъ убійцъ-заговорщиковъ. Такая мученическая кончина Государя кроткаго, облагодѣтельствовавшаго своими реформами горячо любимую имъ Россію и пользовавшагося безграничною преданностію своего народа, повергла въ неизмѣримую скорбь всѣхъ Русскихъ людей и вызвала безпредѣльное негодованіе противъ подпольной шайки цареубійцъ и анархистовъ. (Нѣкоторые изъ нихъ немедленно попали въ руки правосудія и, подвергнутые гласному суду, понесли казнь; но главные вожаки шайки обыкновенно пребываютъ за границей).

VII. АЛЕКСАНДРЪ III МИРОТВОРЕЦЪ. 1881—1894.

2 марта 1881 г. въ обѣихъ столицахъ и по всей Россіи, куда успѣла достигнуть ужасная вѣсть о кончинѣ Царя-Мученика, совершилась присяга на вѣрное подданство сыну и преемнику его Государю Императору Александру III и Государю Наслѣднику Николаю Александровичу. При семъ, по особому указу Государя Императора, впервые наравнѣ

[9]) Эти адскія дѣянія враговъ Россіи вызвали учрежденіе Верховной Распорядительной Комиссіи, въ рукахъ которой сосредоточены были высшая полицейская власть и вѣдѣніе дѣлами политическаго свойства. Во главѣ Комиссіи поставленъ одинъ изъ главныхъ героевъ Русско-Турецкой войны, графъ Лорисъ-Меликовъ. Впрочемъ, уже въ августѣ того же 1880 года Комиссія была упразднена. Вмѣстѣ съ тѣмъ *упразднено и Третье отдѣленіе канцеляріи Его Величества*, какъ особое учрежденіе, вѣдавшее политическіе проступки. Оно составило департаментъ государственной полиціи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Лорисъ-Меликовъ продолжалъ свою умиротворительную дѣятельность по отношенію къ безпокойной молодежи, подстрекаемой зловредными агитаторами и сбитой съ толку лжелиберальною частью печати. Многіе молодые люди, высланные въ дальнія губерніи, были прощены. Нѣкоторое время казалось, что это умиротвореніе достигло цѣли. Но то было заблужденіе: враги притаились, чтобы, усыпивъ бдительность, вѣрнѣе поразить драгоцѣнную жертву.

съ другими сословіями призвано къ присягѣ крестьянское сословіе, освобожденное Александромъ II отъ крѣпостной зависимости.

Политика внутренняя. Первою заботою молодого Государя было успокоеніе умовъ, взволнованныхъ предыдущими событіями и слухами о готовившихся перемѣнахъ въ правительственной области. Высочайшимъ манифестомъ (21 апрѣля 1881 г.), возвѣстившимъ незыблемость Русскаго государственнаго строя, положенъ былъ предѣлъ дальнѣйшему распространенію подобныхъ слуховъ. Священное короноваліе Императора Александра Александровича и его супруги Маріи Ѳеодоровны исполнилось по издревле установленному обряду въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 15 мая 1883 года, въ присутствіи высшихъ чиновъ имперіи и пословъ отъ иностранныхъ державъ. Торжество это сопровождалось обычными народными празднествами на загородномъ Ходынскомъ полѣ. При семъ, когда Государю Императору представлены были собравшіеся изъ разныхъ губерній волостные старшины, то, въ виду злонамѣренныхъ толковъ, распускаемыхъ между крестьянами (о какой-то новой волѣ и новыхъ надѣлахъ землею), Его Императорское Величество поручилъ старшинамъ передать крестьянству, чтобы оно оставалось спокойно, и что никакой другой воли не будетъ.

Вторая важнѣйшая забота Государя Императора Александра III обратилась на финансовое и экономическое преуспѣяніе Россіи. Предшествующая финансовая система сопровождалась внѣшними займами и пониженіемъ таможенныхъ пошлинъ (подъ вліяніемъ политико-экономической теоріи свободной торговли или такъ наз. „фритредерства“): она очень неблагопріятно отозвалась на нашемъ денежномъ хозяйствѣ и на внутреннемъ развитіи фабрично-заводской промышленности. А послѣдняя Турецкая война, стоившая Россіи громадныхъ издержекъ, въ значительной степени увеличила государственный долгъ. Поэтому новое царствованіе съ особымъ усердіемъ обратилось къ началамъ *національной экономической политики*, т.-е. къ покровительству русской промышленности помощію возвышенія таможенныхъ пошлинъ на иностранные товары и другихъ ея поощреній. Рядомъ съ тѣмъ введена бо́льшая степень бережливости и отчетности

въ государственныхъ расходахъ. Сокращены также, вредные для успѣховъ русской промышленности и государственной обороны, дорогіе заказы за границей разныхъ предметовъ, какъ-то: огнестрѣльныхъ орудій, броненосныхъ кораблей и пр.; каковые предметы стали болѣе изготовляться на собственныхъ русскихъ заводахъ. Всѣ эти мѣры замѣтно улучшили экономическое и финансовое состояніе имперіи. (На важномъ посту министра финансовъ слѣдовали одинъ за другимъ Бунге, Вышнеградскій и Витте). Между прочимъ обращено вниманіе на упорядоченіе желѣзно-дорожнаго хозяйства также въ видахъ покровительства промышленности русской, а не иностранному ввозу (для облегченія котораго наши желѣзно-дорожныя общества понижали свои тарифы, т.-е. плату за провозъ иностранныхъ товаровъ, чѣмъ ослабляли вліяніе таможенныхъ пошлинъ). Начался постепенный выкупъ желѣзнодорожныхъ линій въ казну отъ частныхъ акціонерныхъ обществъ. Государственные займы, произведенные за 5%, большей частію обращены (конвертированы) въ 4-хъ процентные (за то сроки ихъ продолжены); чѣмъ уменьшено ихъ бремя на ежегодномъ государственномъ бюджетѣ.

Дворянское или землевладѣльческое сословіе, послѣ отмѣны крѣпостного права принужденное обрабатывать свои земли и вести сельское хозяйство наемнымъ трудомъ, вошло въ значительные долги, и часть его земель успѣла перейти въ руки другихъ сословій, преимущественно купеческаго. Желая помочь дворянству сохранить свои родовыя имущества, правительство основало для него особый банкъ (1885 г.), въ которомъ дворяне могли бы пользоваться кредитомъ на болѣе льготныхъ условіяхъ, нежели въ банкахъ акціонерныхъ или у частныхъ кредиторовъ. Еще прежде того (1882) устроенъ правительствомъ особый крестьянскій банкъ, съ помощью котораго крестьяне могли бы пріобрѣтать земельную собственность. Наконецъ, для пользы сельскаго хозяйства, учреждено (1893) новое министерство земледѣлія, соединенное съ существовавшимъ министерствомъ государственныхъ имуществъ [1].

[1]) Вслѣдствіе возвышенія нашихъ пошлинъ на произведенія германскихъ заводовъ и фабрикъ прусское правительство стало сильно повышать свои пошлины на русскій хлѣбъ. Отсюда въ 1893 году возникла таможенная война между Германіей и Россіей. Она окончилась въ началѣ 1894 года

Опытъ показалъ, что нѣкоторыя реформы предыдущей эпохи нуждаются въ поправкахъ и улучшеніяхъ, въ томъ числѣ и гласный судъ присяжныхъ. Послѣдній хотя значительно превосходилъ прежній дореформенный негласный судъ, однако не вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Собираемые изъ всѣхъ слоевъ населенія, присяжные засѣдатели, не сознавая своей важной обязанности охранять общество отъ убійцъ, воровъ и мошенниковъ, часто присвоивали себѣ право миловать и прощать преступниковъ (и такою безнаказанностью, разумѣется, ихъ только поощряли). Поэтому уставъ присяжнаго суда подвергся нѣкоторымъ поправкамъ. Недостатки судовъ мирового и волостного и вообще недостатки сельской организаціи (отразившіеся усиленіемъ пьянства) побудили правительство учредить новую должность „земскихъ начальниковъ“, которые имѣютъ своею задачею болѣе упорядочить судъ и администрацію среди крестьянскаго населенія. Эти начальники учреждены (въ 1889 г.) по плану, выработанному министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Толстымъ († въ томъ же году), извѣстнымъ болѣе своею прежнею дѣятельностію въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, водворившаго классическую систему въ русскихъ гимназіяхъ. Вслѣдъ затѣмъ предпринятъ также пересмотръ выборныхъ земскихъ учрежденій ради большаго согласованія и болѣе тѣсной связи ихъ съ общимъ государственнымъ строемъ (они болѣе чѣмъ прежде подчинены контролю губернаторской власти). Поправки коснулись и Учебнаго вѣдомства. Такъ, русскіе университеты получили новый уставъ (1884 г.), введенный министромъ народнаго просвѣщенія (нынѣ графомъ) Деляновымъ. А для образованія низшихъ слоевъ населенія въ духѣ Православной вѣры и Русской народности стали размножаться такъ наз. „церковно-приходскія школы“, усердіемъ св. Синода и его оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева. Для приготовленія офицеровъ, вмѣсто военныхъ гимназій, возстановлены кадетскіе корпуса.

торговымъ договоромъ, заключеннымъ на десять лѣтъ. По этому договору министръ финансовъ Витте, *ради облегченія нашего хлѣбнаго вывоза*, провелъ значительныя уступки Нѣмцамъ, понизивъ пошлины на ихъ желѣзныя машины и каменный уголь (эти двѣ отрасли составляютъ основу европейской промышленности и матеріальной культуры). Подобный же торговый договоръ былъ заключенъ и съ Австріей.

Національное направленіе русской политики въ царствованіе Государя Императора Александра Александровича выразилось и въ нѣкоторыхъ важныхъ мѣрахъ по отношенію къ западнымъ окрайнамъ государства. Такъ, въ Прибалтійскомъ краѣ началось введеніе въ школахъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣстахъ общегосударственнаго, т.-е. русскаго языка, дотолѣ бывшаго тамъ въ пренебреженіи и уступавшаго свое мѣсто языку нѣмецкому; а въ 1889 г. тамъ введены русскіе судебные уставы. Городу Дерпту возвращено его древне-русское названіе Юрьева, и университетъ его также постепенно преобразовывается изъ нѣмецкаго въ русскій. Положено начало большему объединенію съ Россійской имперіей великаго княжества Финляндскаго, которое съ помощію своихъ привилегій явно стремилось къ совершенной отъ нея обособленности. Обращено правительственное вниманіе и на вопросъ о чертѣ еврейской осѣдлости; такъ какъ, злоупотребляя разрѣшеніемъ Евреямъ ремесленникамъ переселяться изъ западныхъ губерній, масса еврейскаго пролетаріата устремилась въ тѣ области Имперіи, которыя доселѣ были отъ нея свободны. По сему вопросу назначена особая комиссія и приняты разныя мѣры. Обращено также вниманіе на усиленное вторженіе нѣмецкихъ колонистовъ изъ Германіи и опасную для государства скупку ими земель въ Югозападномъ краѣ.

Политика внѣшняя. То же русское національное направленіе рѣшительно возобладало и во внѣшней политикѣ. Несмотря на всѣ старанія нашей западной сосѣдки Пруссіи опутать Россію своими дипломатическими сѣтями, Русское правительство, наученное опытомъ послѣдней Турецкой войны и Берлинскаго конгресса, освободило себя отъ всѣхъ обязательствъ, сопряженныхъ съ прежними союзническими отношеніями (благодаря которымъ въ особенности Пруссія объединила Германію и стала въ ея главѣ). Возвративъ такимъ образомъ полную свободу дѣйствія во внѣшнихъ отношеніяхъ, Россія ищетъ болѣе надежныхъ и болѣе естественныхъ союзниковъ (отсюда начинается ея сближеніе съ Франціей). Свое миролюбіе она особенно ясно показала тогда, когда князь созданнаго нами Болгарскаго княжества, Александръ Батенбергъ, принужденъ былъ покинуть свой пре-

столъ, а на его мѣсто шайка болгарскихъ вожаковъ призвала другого нѣмца, принца Фердинанда Кобурга. Не желая возбуждать политическія усложненія и заботясь главнымъ образомъ объ интересахъ собственнаго народа, Русское правительство прервало сношенія съ неблагодарной Болгаріей (которая такимъ образомъ сдѣлалась жертвою самозванныхъ правителей и всякихъ иноземныхъ интригъ).

Тѣмъ не менѣе этотъ Болгарскій вопросъ, тѣсно связанный вообще съ великимъ Восточнымъ вопросомъ, послужилъ поводомъ къ созданію такъ наз. Среднеевропейской „Лиги мира" или Тройственнаго союза, составленнаго изъ Германіи, Австріи и Италіи. Эта Лига, устроенная германскимъ канцлеромъ княземъ Бисмаркомъ, направлена противъ Россіи и Франціи, взаимное сближеніе которыхъ поставило новосозданную Германскую имперію въ довольно невыгодное положеніе [2]). Усиленныя вооруженія, производимыя Пруссіей, заставили другія европейскія державы, въ томъ числѣ и Россію, также увеличивать свои арміи и развивать свои боевыя средства; на этомъ поприщѣ дѣятельнымъ помощникомъ Государя Императора явился военный министръ генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій. Императоръ Александръ III въ то же время приступилъ къ прочному возобновленію русскаго Черноморскаго флота, для котораго на верфяхъ Николаева и Севастополя сооружено нѣсколько большихъ броненосныхъ кораблей. Кромѣ того построена цѣлая флотилія миноносокъ, т.-е. мелкихъ военныхъ судовъ, снабженныхъ взрывными снарядами или минами.

Между тѣмъ водвореніе русскаго владычества въ Средней Азіи продолжало укрѣпляться и распространяться. Въ 1884 году Туркмены Мервскаго оазиса добровольно отдались въ русское подданство. Завистливая Англія, сильно опасаясь за свои богатыя Остъиндскія владѣнія, съ великимъ неудовольствіемъ видитъ постепенное приближеніе русскихъ предѣловъ къ Остъ-Индіи, и потому всѣми средствами старается его остановить. Между прочимъ она побудила сосѣдняго Аф-

[2]) Особенно замѣчательны: посѣщеніе французской военной эскадрой Кронштадта въ 1891 году и отвѣтное посѣщеніе русской эскадрой Тулона въ 1893 году, сопровождавшееся восторженнымъ пріемомъ, который ясно обнаружилъ взаимныя симпатіи двухъ великихъ націй и ихъ обоюдное стремленіе къ прочному союзу.

ганскаго эмира къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Русскихъ, вслѣдствіе чего въ мартѣ 1885 года на берегахъ рѣки Кушки произошло столкновеніе Афганъ съ русскимъ пограничнымъ отрядомъ (генерала Комарова). Афганы были разбиты на голову. Послѣ того предѣлы наши съ этой стороны расширились еще болѣе. Построенная Россіей желѣзная дорога, отъ Каспійскаго моря до Самарканда, закрѣпила за нами Среднеазіатскія владѣнія и усилила торговое движеніе. А въ началѣ 90-хъ годовъ приступлено къ постройкѣ великой Сибирской дороги (отъ Челябинска до Владивостока, всего болѣе 7000 верстъ). Главный надзоръ за симъ важнымъ дѣломъ Государь ввѣрилъ своему Наслѣднику Николаю Александровичу.

Итакъ, *это царствованіе, при своемъ мирномъ, охранительномъ характерѣ, отличалось по преимуществу національно-русскимъ направленіемъ внутренней и внѣшней политики*. Но оно было кратковременно, и продолжалось всего 13 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. 20 октября 1894 года Александръ III скончался къ великой скорби Русскаго народа. За неуклонное поддержаніе имъ общаго европейскаго мира, онъ получилъ прозваніе *Миротворца*. На престолъ вступилъ его старшій сынъ **Николай II**.

Въ заключеніе бросимъ общій взглядъ на судьбы Русской національности въ теченіе тысячелѣтней ея исторіи.

Въ IX вѣкѣ въ Восточной Европѣ, на великомъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, взорамъ исторіи открывается издавна существовавшее Русское княжество, средоточіемъ котораго былъ Кіевъ. Русскіе князья подчиняютъ себѣ почти всѣ племена восточныхъ Славянъ съ частію сосѣднихъ Финновъ, занимаютъ главные города своими дружинами и полагаютъ основаніе великому Русскому государству. При этомъ замѣтны нѣкоторые признаки феодализма.

Дѣятельныя сношенія съ Византіей ведутъ къ принятію христіанства по греческому обряду, а это событіе влечетъ за собою непосредственное вліяніе византійской цивилизаціи. Въ XI вѣкѣ, при размноженіи Игорева потомства и правахъ каждаго князя на волости, развивается удѣльная система,

исчезаютъ начатки феодализма. Раздробленіе на удѣлы усиливаетъ славянскую колонизацію на финскомъ Востокѣ и способствуетъ распространенію христіанства и гражданской жизни по всѣмъ концамъ Руси. При неосѣдлости дружинъ, въ большихъ городахъ проявляется вѣчевое или земское начало, которое помогаетъ развитію мѣстныхъ интересовъ или областной особности.

Раздробленная дружинно-княжеская Русь не можетъ остановить приливъ степныхъ варваровъ съ Востока и образованіе враждебныхъ государствъ на Западѣ (Литвы и Ливоніи). Она распадается на двѣ главныя части: Сѣверовосточную или зависѣвшую отъ Татаръ и Югозападную или Литовскую. Между тѣмъ на Сѣверѣ усиливается Новгородская община, и вѣчевое устройство достигаетъ здѣсь самаго большаго развитія.

Съ XIV вѣка Русская исторія получаетъ новое направленіе. Какъ прежде Россія дробилась, и возникала повсюду областная самостоятельность, такъ теперь народная жизнь, вслѣдствіе внѣшняго давленія съ Востока и Запада, начинаетъ собираться около одного центра. Москва возрастаетъ въ союзѣ съ Православною церковью. Ей покровительствуетъ вначалѣ и сама Золотая Орда. Удѣльно-вѣчевой порядокъ постепенно, послѣ долгой борьбы, уступаетъ свое мѣсто единодержавному. Въ Московской Руси вѣчевое или земское начало проявляется въ видѣ совѣщательной земской думы. Національное единство и самодержавіе сообщаютъ Русскому государству политическое могущество и помогаютъ одолѣть восточныхъ и западныхъ сосѣдей. Смутная эпоха, повидимому, грозила распаденіемъ Московскаго государства; однако исходъ этой эпохи показалъ, что религіозное и государственное единство пустило глубокіе корни въ народѣ. Послѣдующія попытки казачества еще болѣе подтвердили крѣпость государства.

Между тѣмъ какъ Русская національность въ теченіе вѣковъ страдала подъ варварскимъ игомъ и боролась за свою самобытность, въ дѣлѣ культуры она далеко отстала отъ Западной Европы и приняла много грубыхъ восточныхъ элементовъ. Правительство Московскихъ царей дѣлаетъ попытки войти въ постоянныя сношенія съ Западомъ; но вѣковой на-

стой національной отдѣльности и враждебные сосѣди представляютъ внутреннія и внѣшнія преграды. Въ Западной Россіи, подвластной Полякамъ, народъ въ это время борется за свою религію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за свою національность.

Петръ Великій завоеваніемъ Балтійскихъ береговъ уничтожилъ внѣшнюю преграду къ сближенію съ европейскою цивилизаціей, а своими преобразованіями онъ перенесъ въ Россію начала этой цивилизаціи. Личныя свойства Петра и способъ его преобразованій сложились подъ вліяніемъ старыхъ московскихъ нравовъ и смутныхъ обстоятельствъ его дѣтства; поэтому его реформа носитъ характеръ крутого переворота. Потребность въ преобразованіяхъ и энергія Петра подвинули дѣло такъ далеко впередъ, что послѣ него возвратъ къ старинѣ былъ невозможенъ. Въ высшихъ слояхъ распространяется усердное подражаніе европейскимъ обычаямъ, а партія старины заявляетъ себя довольно слабо; въ нѣкоторыхъ среднихъ и низшихъ слояхъ Петровская реформа встрѣчаетъ духъ отрицанія со стороны уже существовавшаго церковнаго раскола.

Екатерина II и Александръ I продолжаютъ развитіе государственной централизаціи съ европейскими формами. Слабость сосѣднихъ государствъ (Швеціи, Польши и Турціи) способствуетъ внѣшнему росту Россіи и достиженію наиболѣе естественныхъ границъ на Югѣ и на Западѣ. Возвращеніемъ западнорусскихъ областей довершается наше національное единство. Въ первой половинѣ XIX вѣка политическое могущество Русской имперіи достигаетъ высшихъ предѣловъ.

Между тѣмъ вмѣстѣ съ европейскими обычаями началось въ Россіи постепенное смягченіе нравовъ и усвоеніе европейской науки. Наука вызываетъ въ обществѣ стремленіе къ самопознанію, къ уясненію и просвѣщенному развитію основныхъ началъ своей національности. Реформы Александра II затронули почти всѣ стороны русской жизни и пробудили въ ней новыя силы; но ихъ слѣдствія еще не выяснились для исторіи.

Родословіе дома Романовыхъ.

МИХАИЛЪ ӨЕОДОРОВИЧЪ РОМАНОВЪ.
Евдокія Стрѣшнева.

Алексѣй Михайловичъ.
Марья Милосл. — Наталья Кирил. Нарышк.

Отъ Марьи Милосл.: Өеодоръ. Іоаннъ V.

Отъ Іоанна V: Екатерина, герцогиня Мелкенб. — Анна

Отъ Екатерины: Анна Леопольдовна, герцогиня Брауншв.

Іоаннъ VI.

Отъ Натальи Кирил. Нарышк.: Петръ Великій.
Евдокія Лопух. — Екатерина I

Отъ Евдокіи Лопух.: Алексѣй. Софья Шарлотта, принцесса Вольфенб.

Петръ II.

Отъ Екатерины I: Анна, герцогиня Голш. — Елизавета

Петръ III.
Екатерина II.

Павелъ I.
Марія Өеодор. принцесса Виртемб.

Александръ I. Константинъ. Николай I. Михаилъ.
Александра Өеодоровна принц. Прусская.

Александръ II. Марія Александровна принц. Гессенъ-Дармшт. Константинъ. Генералъ-адмиралъ. Николай. Михаилъ. Генералъ-фельдмаршалы.

Александръ III. Марія Өеодоровна, принц. Датская. Владиміръ. Алексѣй. Сергій. Павелъ.

НИКОЛАЙ II. Александра Өеодоровна, принц. Гессенская. Георгій. Михаилъ.

Образцы вопросовъ, а также устныхъ и письменныхъ задачъ при повтореніи Русской исторіи.

1. Спорное начало Руси. Сколько времени прошло отъ перваго появленія ея у византійскихъ лѣтописцевъ до настоящаго года?

2. Очертить дѣятельность и значеніе Владиміра Великаго и Ярослава I, въ связи съ значеніемъ православія для Россіи.

3. Откуда произошла удѣльная система и какія были важнѣйшія ея слѣдствія?

4. Очертить географическое положеніе главныхъ земель, на которыя распадалась дружинно-княжеская Русь, съ указаніемъ важнѣйшихъ ея городовъ.

5. Перечислить извѣстнѣйшихъ великихъ князей Кіевскихъ и Владимірскихъ съ хронологическими данными (приведенными передъ началомъ главъ).

6. То же сдѣлать по отношенію къ великимъ князьямъ Литовскимъ.

7. Когда и почему начался упадокъ Кіева и возвышеніе надъ нимъ Владиміра Залѣсскаго?

8. Чѣмъ отличалось Новгородское устройство отъ другихъ Русскихъ областей? Какіе были главные пути Русской колонизаціи?

9. Какъ основалась Лавра Кіевопечерская? Сравнить черты дѣятельности св. Ѳеодосія Печерскаго и Сергія Радонежскаго.

10. Какое различіе между битвою Калкскою и Куликовскою по ихъ характеру и слѣдствіямъ? Указать знаменитыя битвы послѣдующихъ временъ.

11. Какія замѣчательныя произведенія зодчества и словесности дошли до насъ отъ дружинно-княжеской Руси?

12. Сравненіе дѣятельности Александра Невскаго и Даніила Романовича, въ связи съ различнымъ положеніемъ Руси Сѣверовосточной и Югозападной.

13. Перечислить Московскихъ князей-собирателей, съ указаніемъ важнѣйшихъ хронологическихъ данныхъ и благопріятныхъ для Москвы обстоятельствъ.

14. Указать заслуги Ивана III и Василія III, послѣдствія Татарскаго ига и значеніе Россіи какъ Европейскаго оплота со стороны Азіи.

15. Сравнить время и дѣятельность Ивана Грознаго и Алексѣя Михайловича.

16. Указать главныя событія и выдающихся дѣятелей Смутнаго времени.

17. Гдѣ и какъ началась Церковная унія, что она породила и когда окончилась?

18. На какія вѣтви раздѣлялось казачество и какія важнѣйшія его дѣянія?

19. Начало церковнаго раскола въ Московскомъ государствѣ и его дальнѣйшія судьбы.

20. Какія были важнѣйшіе торговые пути въ Удѣльной Руси и въ Московскомъ государствѣ?

21. Указать положеніе женщинъ въ древней Россіи, въ связи съ народными правами и обычаями.

22. Сравнить черты власти древне-княжеской съ московско-царскою, а въ сферѣ церковной сравнить время митрополитовъ съ періодомъ патріарховъ.

23. Замѣчательнѣйшіе памятники словесные и вещественные, дошедшіе отъ Московской Руси.

24. Указать выдающіяся событія и явленія въ эпоху преемниковъ Петра I до Екатерины II.

25. Какія перемѣны совершили Петръ I, Екатерина II, Александръ I и Александръ II въ объемѣ Русскаго государства.

26. Когда и какъ Западная Русь возсоединилась съ Восточною?

27. Какія главныя черты ихъ различія по отношенію къ народности?

28. Когда началось и какъ окончилось крѣпостное состояніе въ Россіи?

29. Сравнить реформы Петра I и Александра II и указать различіе въ характерѣ ихъ самодержавія.

30. Перечислить государей дома Романовыхъ и обозначить хронологію ихъ царствованій.

31. Привести важнѣйшія хронологическія данныя съ Екатерины II до Александра III включительно.

32. Польскія движенія и Восточный вопросъ при Николаѣ I и Александрѣ II.

33. Сравнить важнѣйшія правительственныя учрежденія Московской Руси съ учрежденіями Новой Россіи.

34. Какіе извѣстнѣйшіе государственные люди, іерархи и полководцы въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ?

35. Важнѣйшіе писатели и художники за то же время.

36. Главные источники Русск. исторіи въ древней Россіи и въ Новой?

37. Указать историческіе моменты, когда русскій патріотизмъ, преданность православію и престолу проявили себя наиболѣе.

СОДЕРЖАНІЕ.

Русь удѣльно-вѣчевая или дружинно-княжеская.

Русь Московская и Литовская.

Стр.

Русь — Имперія.

РОССІЯ

ВЪ XIII ВѢКѢ.

ВАРЯЖСКОЕ
Готландъ
КОРСЬ
ЖМУДЬ
ЧУДЬ
ВОДЬ
ИЖОРА
ОЗ. ЛАДОЖСКОЕ
Псковъ
Рига
Полоцкъ
Смоленскъ
Минскъ
ТЕВТОН СКІЙ
ПРУССЫ
ОРДЕНЪ
ЛИТВА
ПОЛЬША
Краковъ
Владиміръ
Кіевъ
Переяславль Русскій
Черниговъ
Новгородъ Сѣверскій
Путивль
Курскъ
Брянскъ
Тверь
ЧЕРНИГОВО СѢВЕРСКАЯ
Галичь
ВЕНГРЫ
ТОРКИ ПЕЧЕНѢГИ

ЮГРА
ПЕРМЬ
ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ
Хлыновъ
Котельничъ
Кострома
Нижнiй Новгородъ
Владимiръ
Муромъ
Рязань
Вел. Болгары
БОЛГАРЫ
ЗОЛОТАЯ ОРДА
Сарай
ХВАЛЫНСКОЕ

РОССІЯ
ПРИ ВОЦАРЕНІИ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ФИНЛЯНДІЯ
Або
Выборгъ
КАРЕЛІЯ
З. ФИНСКІЙ
Ревель
Нарва
ИНГРІЯ
ЭСТЛЯНДІЯ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
Новгородъ
ЛИФЛЯНДІЯ
Псковъ
Рига
Митава
КУРЛЯНДІЯ
Кенигсбергъ
ПРУССІЯ
Вильна
ЛИТВА
БѢЛАЯ РУСЬ
Полоцкъ
Витебскъ
Смоленскъ
Варшава
ПОЛЬША
ПОДЛЯХІЯ
ПОЛѢСЬЕ
Краковъ
ВОЛЫНЬ
Черниговъ
ЧЕРВОННАЯ РУСЬ
Львовъ
Кіевъ
МАЛАЯ РУСЬ
СЛОБОДСКАЯ УКРАЙНА
ПОДОЛІЯ
ВЕНГРІЯ
МОЛДАВІЯ
ЗАПОРОЖЬЕ
БУДЖАКСКІЕ И КРЫМСКІЕ ТАТАРЫ
МОСКВА
МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Архангельскъ
ОСТЯКИ
ВОГУЛЫ
ВОТСКО...
Шенкурскъ
Сольвычегодскъ
Устюгъ Великій
Тотьма
Чердынь
Соликамскъ
Верхотурье
ЗЫРЯНЕ
ПЕРМЯКИ
Вятка
ВОТЯКИ
Чусовая
Пермь
Кострома
ЧЕРЕМИСЫ
Н.Новгородъ
Макарьевъ
Свіяжскъ
Казань
Уфа
Бѣлая
БАШКИРЫ
Муромъ
Арзамасъ
ЧЕВАШИ
Касимовъ
Переяславль Рязанскій
МОРДВА
Симбирскъ
Шацкъ
Самара
Пенза
Тамбовъ
Яикъ
Илекъ
Бол. Иргизъ
Саратовъ
Медвѣдица
Камышинъ
КАЛМЫКИ
ЯИЦКІЕ КАЗАКИ
ДОНСКІЕ КАЗАКИ
Царицынъ
Черный Яръ
Яицкій городокъ
Раздоры
Астраханъ
М. КАСПІЙСКОЕ
НОГАИ

Самъ – Георгій

Михайловъ Толстой [illegible] Масловскій

[illegible]

Пушкинъ и Баратынскій

[illegible]

